Краснодарский университет МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Материалы
Международной конференции курсантов,
слушателей и студентов
(17 ноября 2025 г.)

Краснодар
2026

УДК 34
ББК 67
А437

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
Н. Ш. Козаев, доктор юридических наук, профессор (председатель);
Д. В. Бабанина, кандидат юридических наук (заместитель председателя);
Р. Х. Беркелиева (ответственный секретарь),
А. О. Малофей, кандидат технических наук, доцент;
А. Д. Котенев, доктор экономических наук, доцент;
С. Т. Хапчаев, кандидат юридических наук, доцент;
Л. Г. Лифанова, кандидат юридических наук, доцент;
О. В. Еремченко, Е. А. Батагова

Актуальные проблемы юридической науки [Электронный ресурс] : материалы Междунар. конф. курсантов, слушателей и студентов, 17 нояб. 2025 г. / редкол.: Н. Ш. Козаев, Д. В. Бабанина, Р. Х. Беркелиева и др. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-9266-2323-6

Содержатся материалы Международной конференции курсантов, слушателей и студентов «Актуальные проблемы юридической науки», состоявшейся в Ставропольском филиале Краснодарского университета МВД России 17 ноября 2025 г.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-9266-2323-6

© Краснодарский университет
МВД России, 2026

Содержание

Агасиева Л.Д., Атрошкина С.А. Отдельные вопросы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве ……. 9
Андрущенко А.В. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних…… 13
Арефьева К.Е. Сравнительно-правовой опыт декларирования основных прав налогоплательщика в законодательстве России и Германии …… 16
Анишкевич И.О. Некоторые особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет ……. 20
Батьканов Е.М. Динамика правового регулирования международных отношений в Европе (1715–1914)…… 24
Баянова Д.В. Правовое обеспечение ответственности за семейное насилие и его значение для укрепления национальной безопасности Российской Федерации ……. 28
Бецева Д.С. Особенности фиксации хода и результатов следственного действия, проводимого в дистанционном формате …… 32
Бибик М.Г. Особенности изъятия и копирования электронных носителей информации при проведении следственных действий ……. 35
Бишенова М.А. Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей …… 38
Букулова В.В. Сочетание теории и практики в процессе обучения курсантов физической подготовке в образовательных организациях МВД России ……. 43
Бураков Е.М. Проблемы выявления и пресечения преступных сообществ, организующих нелегальную трудовую миграцию…… 47
Бурблис Е.В. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям …….. 54
Бурым В.А. Процессуальные и криминалистические аспекты использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации …….. 57
Васильева Ю.А. Жестокость к животным как объект уголовно-правовой охраны: юридический и моральный аспекты ……. 62
Вильховский А.А. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей ……. 67
Ворона Е.И. Следы транспортных средств, их криминалистическое значение …… 72
Ганиева А.Р. Анализ миграционных процессов в Российской Федерации ……..…. 75
Гнедаш Д.С. Проблема медицинского освидетельствования водителей на состояние алкогольного опьянения …… 79
Горбачева Д.П. Взаимосвязь физического воспитания и профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел …… 82

Горобец Е.Д. Некоторые тактические особенности допроса потерпевшего при расследовании хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий …….. 88
Горшкова П.Е. Направления российской переселенческой политики в Туркестане (конец XIX – начало XX в.) как предмет историко-правового анализа и педагогической практики …… 91
Гриб И.А. Проблемные вопросы международного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью …….. 98
Грицанчук П.В. Правовая основа противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов участковыми уполномоченными полиции …… 106
Дадашев Т.Д. Расследование преступлений в сфере неправомерного доступа к компьютерной информации ……. 112
Дашко В.С. Формы и проблемы взаимодействия участкового уполномоченного полиции с органами дознания и следствия на первоначальном этапе расследования уголовных дел …… 116
Двоеглазова Д.С. Особенности осуществления производства по рассмотрению обращений граждан участковым уполномоченным полиции …… 121
Дубровин А.С. Противодействие терроризму: от теории к практике ….. 126
Егорова А.Д. Особенности применения знаний в сфере судебной медицины при работе с потерпевшими, свидетелями и подозреваемыми в делах о преступлении против личности …….. 131
Ефимова М.С. Вредоносная информация как фактор формирования девиантного поведения несовершеннолетних ……. 137
Ефимова М.С., Седых Т.В. Применение искусственного интеллекта для повышения эффективности следственной деятельности ……. 139
Жилин И.К. Правовое положение лица, задерживаемого в порядке статьи 91 УПК РФ: проблема неопределенности статуса …….. 142
Жукова Ю.С. Противодействие совершению преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий ……. 145
Загоруйко В.А. Конфиденциальность и свобода слова в условиях цифровизации: этические и правовые аспекты …… 148
Залялова Я.В. Тактические аспекты назначения и проведения технико-криминалистической экспертизы копий документов на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере экономической деятельности …… 152
Игнатьева А.П. Реализация норм уголовно-процессуального законодательства сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций при избрании меры пресечения ……. 156
Исайкина А.Е. Гражданско-правовое измерение реорганизации юридических лиц: актуальная проблематика корпоративной процедуры …… 160

Казакова А.Е. Административная ответственность
за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия … 168
Казанова Л.А. Роль и полномочия прокурора в судебном
разбирательстве уголовных дел ……. 172
Казибеков Л.Н. Проблемы определения прокурорского надзора
за оперативно-розыскной деятельностью и пути их преодоления ……. 176
Касаев И.С. Роль полиции в профилактике преступлений
экстремистской и террористической направленности в условиях
современной миграционной ситуации в России …….. 182
Качмазов Р.О. Услуги имущественного характера и иное имущество
как предметы взяточничества ……. 188
Койчуев А.Х. Роль потерпевшего в контексте принципов уголовного
судопроизводства …… 196
Колесников В.А. Вербовка и вовлечение несовершеннолетних
в совершение преступлений с использованием онлайн-игр
и популярных мессенджеров ……. 199
Корнеева К.В. Особенности обеспечения охраны общественного
порядка участковым уполномоченным полиции в условиях
курортного региона ……. 203
Корниенко Т.А. Идентификация политического экстремизма
с помощью политологической экспертизы ……... 207
Корнилина Е.Н. Формирование целеполагания: ориентация
на профессиональную мотивацию …… 211
Короленко А.А. Внедрение цифровых технологий в сферу
ритуальных услуг как фактор, влияющий на уровень преступности … 218
Котова С.И. Организационная структура, роль и задачи единой
государственной системы предупреждения и ликвидации
чрезвычайных ситуаций ……. 222
Кудрявцев А.Д., Шевчук Д.В. Вопросы постановки
на профилактический учет лиц, отбывших наказание……. 225
Куприянов В.О. Генезис залога в российском гражданском праве:
идеи, проблематика и перспективы развития ……. 229
Куркина Е.А. Обеспечение прав наследников на оспаривание записи
об отцовстве (материнстве) после смерти предполагаемого родителя … 237
Ларин А.А. Дробление бизнеса: налогово-правовой аспект ……. 241
Лилюк С.Н. Деятельность участковых уполномоченных полиции
по профилактике преступлений террористической направленности … 245
Литвинова М.Д. Территориальный принцип уголовного права
Российской Федерации …… 249
Малиновский Д.С. Преступления в сфере спорта …….. 253
Маринич С.С. Криминологический анализ женской преступности
в Республике Беларусь …… 258
Маслов В.А. Налоговый мониторинг как эффективная форма
налогового контроля ……. 261
Михалевская Т.А. Участие народного элемента при производстве
следственных действий …….. 265

Мишенькина М.В. Опыт зарубежных стран в обучении сотрудников правоохранительных органов в области профессиональной безопасности …… 268
Моисеева М.А. Агрессия и жестокость несовершеннолетнего преступника: психолого-правовой аспект (с позиции статьи 245 УК РФ) … 273
Мороз Е.С. Обеспечение общественного порядка на массовых мероприятиях в условиях «управляемой толпы» …… 278
Мороз Е.С., Алиева А.У. Особенности проведения осмотра места происшествия при обнаружении огнестрельного оружия и его основных частей ……. 280
Мусаева З.Т. Упрощенная форма ликвидации юридических лиц ……. 286
Мусихин А.Д. Этико-правовые проблемы применения оружия сотрудниками МВД России в экстремальных ситуациях …… 289
Назаренко И.Р. Физическая активность – реальный инструмент для поддержания психического здоровья …….. 294
Найденова А.А. Доказательственное значение заключений эксперта, полученных с использованием искусственного интеллекта: правовые и этические аспекты …… 301
Наумова А.С. Проблемы использования электронных цифровых данных в доказывании в уголовном судопроизводстве …….. 304
Нечетова К.А. Физическая подготовка как основа профессиональной деятельности сотрудников полиции ……. 308
Нечунаев А.В. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в образовании: анализ зарубежной и отечественной практики …….. 313
Новацкая Е.С. Деятельность участковых уполномоченных полиции по проведению индивидуальной профилактической работы ……. 321
Нороян Е. Технологии шифрования как вызов для института доказывания: поиск баланса между интересами следствия и правом на неприкосновенность частной жизни …… 326
Носырева Е.И. Формирование экологической правовой культуры школьников в процессе изучения обществознания ……. 329
Овчарова В.А. Задержание и личный обыск подозреваемого: принудительный аспект реализации ……. 336
Орлова А.Н. Перспективы применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел ……. 339
Павлов Я.Г. Использование специальных знаний в деятельности участкового уполномоченного полиции ……. 344
Павлова М.В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел печати на клавиатуре слепым десятипальцевым методом письма …… 346
Платохонова Т.П. Использование основ топографической подготовки при изучении местности сотрудниками органов внутренних дел …… 351
Постольникова А.Д. Особенности организации курсантами самостоятельных занятий по физической подготовке ……. 355

Репишевская В.А. Криминологические и психологические особенности преступного поведения ……. 359
Рожков М.В. Институт общественного контроля в Российской Федерации……. 363
Рузанова С.И. Влияние цифровой экономики на гражданско-правовые отношения …… 366
Салапин М.А. Уголовно-процессуальные аспекты интеграции искусственного интеллекта в мониторинг соблюдения прав человека при предварительном расследовании …… 376
Самусенко А.А. Правовое регулирование российской кооперации в 1920-х годах: возрождение традиций в новых исторических условиях …… 382
Степанищева С.Е. Обеспечение защиты прав детей в условиях войны …… 388
Стешина Е.А. К вопросу о запрета медицинских и иных опытов с привлечением осужденных …….. 392
Стороженко А.Н. Роль и место налоговых проверок в системе налогового контроля …….. 396
Тинков В.Д. Формирование знаний по уголовной политике Российского государства в школьном курсе обществознания: историко-правовой анализ и педагогическая практика …….. 400
Ткаченко С.Ю. Тактика производства отдельных следственных действий по возобновленному уголовному делу о нераскрытом преступлении прошлых лет …… 406
Торсакова В.Н. Повышение профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации посредством приобщения к здоровому образу жизни, занятиям физической подготовкой и спортом ……. 412
Туц М.В. Роль и место Министерства внутренних дел Российской Федерации в единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций ……. 415
Тхишева Ж.С. Криминологическая характеристика личности корыстно-насильственного преступника …….. 418
Умалатов И.У. О некоторых аспектах выявления и раскрытия преступлений, совершенных с использованием технологий анонимности ……. 422
Ухоренко С.А. Производство психофизиологических исследований и их значение в расследовании преступлений …… 425
Харченко Ю.С. Институт адвокатского расследования и его место в структуре уголовного судопроизводства …… 431
Цаллагова А.Э. Цифровая трансформация современной преступности: изменение подходов к выявлению и расследованию преступлений …… 436
Чернова О.А. Значение субъективной стороны при квалификации преступлений …… 439
Чернушевич К.С. Дипфейк как потенциальная угроза общественным отношениям…….. 443

Четуков Ш.М. Цифровизация гражданско-правовых отношений …… 446
Чичигин И.М. Правовые и журналистские вызовы после введения запрета рекламы на площадках, признанных нежелательными ……. 449
Шабанов Р.М. Проблемы противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и пути их решения …… 452
Шадрина Е.А. Проблема выбора модели организации территориального управления муниципального образования в контексте реформирования местного самоуправления (на примере Республики Хакасия) …….. 456
Шамаев Д.А. Основные направления совершенствования деятельности оперативных подразделений по борьбе с кражами с банковского счета …… 459
Шарыпкина С.Д. Отдельные аспекты расследования преступлений прошлых лет ……. 463
Шахабутдинова Р.В. Экипировка сотрудника полиции в зоне проведения специальной военной операции ……. 466
Шишкина В.О. Гражданско-правовая ответственность платформ агрегаторов (маркетплейсов) перед потребителями: актуальные проблемы правоприменения ……... 469
Шкиренко К.Я. Использование специальных знаний при производстве допроса и предъявлении для опознания …… 473
Шмелева А.А. Проблемы административно-правового противодействия коррупции в органах государственной власти …….. 478
Шпота Е.А. Основные направления использования технологии дипфейков в преступной деятельности …… 481
Штукина В. Е. Нарушения прав женщин: статистика, факты, реалии… 488
Шуваева П.Д. Налоговые льготы и их применение в условиях цифровой экономики …….. 490
Щербакова К.А. Новый вектор развития института местного самоуправления в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ …… 494
Янович Н.С. Теоретико-прикладные основы архитектуры системы цифрового двойника, предназначенной для использования в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь …… 497

Агасиева Лейла Джамалутдиновна,
Атрошкина Софья Андреевна,
студентки 4 курса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Гонтарь Сергей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Отдельные вопросы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве

В настоящее время информационная эра активно прогрессирует, современные IT-технологии повсеместно внедряются во все сферы деятельности человека, в том числе в сферу правосудия.

Несмотря на заманчивость технических достижений, в научно-практических кругах возникают многочисленные дискуссии и обоснованные опасения по вопросам нравственности использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, а именно в обеспечении баланса между технологическими инновациями и защитой прав граждан.

Отечественный практический опыт в указанной сфере в настоящее время уступает опыту некоторых передовых зарубежных стран, однако очевидно, что курс на проведение цифровизации правосудия в России взят и намерен реализоваться в кратчайшие сроки, в том числе преследуя цель усовершенствования системы уголовного судопроизводства и обеспечения правопорядка.

Следует отметить, что цифровизация судопроизводства в Ставропольском крае характеризуется высокими уровнем и скоростью адаптации к современным реалиям.

Так, например, с 29.05.2023 г. Ставропольский край был переведен в режим промышленной эксплуатации суперсервиса «Правосудие онлайн». Достойно был реализован и пилотный проект по внедрению электронного определения территориальной подсудности жалоб посредством единого портала, с июля 2023 года для жителей края появилась возможность подачи документов в суды всех уровней через МФЦ, а все рассмотренные мировыми судьями края дела с мая 2023 года хранятся в электронном виде.

Статистика по России показывает, что 35% российских судов используют искусственный интеллект в работе, особенно активно – суды Москвы и Московской области [1].

Важную теоретико-практическую роль в прогрессе цифровизации также играют и ежегодно проводящиеся на территории нашего края конференции, в частности с участием действующих судей, прокуроров, следователей и адвокатов, в том числе проводимые на базе Северо-Кавказского федерального университета

(юридический институт), Ставропольского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Анализ процессуально-правовых реалий свидетельствует о том, что извечной проблемой отправления правосудия является высокий уровень нагрузки судебной системы.

В период от стадии возбуждения уголовного дела до постановления приговора по результатам его рассмотрения служители Фемиды сталкиваются с необходимым неизбежным изучением огромного количества информации: нормативно-правовой базы, судебной практики, процессуальных документов по делу… Колоссальной переработке еще в 2019 году было подвержено 62% российских судей [2].

Высокоуровневая нагрузка, возрастающая с каждым годом, о чем свидетельствует увеличение количества рассмотренных дел, не сопровождающаяся расширением судейского состава, негативно сказывается на качестве правосудия: в приговорах допускаются ошибки, являющиеся основанием для последующего обжалования в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Кроме того, указанные оплошности характеризуются наибольшей степенью опасности, поскольку подрывают доверие к правосудию.

Перегруженные правоприменители чаще склонны в большей мере основываться на своей интуиции при постановлении приговора, что нарушает принципы отправления правосудия, непосредственно угрожая полномерной реализации конституционного права каждого на судебную защиту.

Очевидно, что для наиболее полной и качественной реализации принципа правового государства, где система правосудия является важным обеспечивающим элементом, целесообразным является именно разумное и проверенное временем применение современных цифровых технологий.

По нашему мнению, существующие проблемы частично может помочь решить искусственный интеллект, что подтверждается практикой из арсенала правоприменения передовых с точки зрения судопроизводства стран: Сингапура, Китая, Японии, США и др.

Процесс принятия решения с применением «сильного» ИИ выглядит следующим образом: ИИ имеет доступ к материалам дела, к нормативно-правовым актам и правоприменительной практике. Проанализировав имеющуюся информацию, пропустив ее через цифровое критическое мышление, система предлагает решения или решение, в зависимости от запроса по конкретному делу.

Такая система более трех лет с целью снижения уровня коррупции и необоснованности решений применяется в Китае, где судья, не согласный с результатом работы ИИ, обязан письменно мотивировать свое умозаключение, внеся его в систему, что одновременно позволяет ей самообучаться [3].

В рамках решения указанной проблемы Минцифры России уже разрабатывает в рамках суперсервиса «Правосудие онлайн» функцию по автоматизированному составлению проектов казуальных судебных решений при помощи все того же «слабого» ИИ на основе обработки всероссийской судебной практики, что позволит нивелировать оплошности посредством делегирования аналитической функции машине и сберечь физические ресурсы человека.

Эффективность указанной процедуры доказана на практике. Так, в 2020 году в Китае прошел конкурс, на котором высококвалифицированные правоведы соревновались с ИИ в анализе документов по одной из самых сложных категорий дел в судебной практике. В результате специалисты справились в пять раз хуже по качеству работы и в 30 – по количеству потраченного времени [3].

Использование идентичной китайской технологии применения «сильного» искусственного интеллекта в России полагаем нецелесообразным по следующим причинам.

Согласно положениям ст. 17 УПК РФ судья при вынесении приговора руководствуется не только законом, но и внутренним убеждением [4], которое является важнейшей и неотъемлемой частью справедливого правосудия и включает в себя такие элементы, как нравственность, честь, достоинство, чувства, эмоции, знания. Обучение ИИ решению этических задач посредством формального описания этики видится невозможным, по крайней мере в условиях текущих реалий.

Кроме того, в настоящее время в обществе не сложилось большего доверия к судье-«роботу», чем к судье-человеку, в вязи с чем повсеместное, неосмысленное внедрение ИИ в таком виде угрожает подрывом общественного доверия к правосудию и не соответствует интересам общества и государства.

Также существует опасение, что судьи, стремясь упростить себе работу и снизить риски, не будут идти вразрез с умозаключением ИИ, тем самым сведя свою роль лишь к визированию, что является недопустимым.

Таким образом, принимая во внимание возможности современного искусственного интеллекта, в целях снижения нагрузки судебного состава посредством делегирования простых, однотипных, рутинных, подвластных электронно-вычислительным системам задач полагаем допустимым и безопасным внедрение специализированного, созданного для суда «слабого» искусственного интеллекта в процесс отправления правосудия по уголовным делам.

В частности, для генерирования фактуры постановлений, автозаполнения процессуальных документов, исходя из содержания ранее проанализированных документов, в том числе автозаполнения даты и места, исправления ошибок и стилистических неточностей, преобразования отсканированных процессуальных документов в текст, допускающий копирование, а также транскрибирование устной речи из аудиозаписей судебных заседаний в текстовый протокол, в результате чего в значительной степени оптимизируется работа суда, а в итоге повысится качество уголовного судопроизводства, постанавливаемых приговоров.

Дополнительно обращаем внимание на то, что предложенный автоматизированный способ аудиопротоколирования позволит сделать его независимым от случайных несохранений, нарушающих права участников дела [5].

Подводя итог, считаем, что цифровизация правосудия эффективна в обработке больших массивов данных и должна и будет в ближайшее время, а именно до 2030 года, применяться при производстве по уголовным делам. Она также позволяет оптимизировать и расширить возможности судебной системы, делая ее еще более открытой и прозрачной, удобной для населения, что станет следствием эффективности расследования.

Сделать судопроизводство технологичным возможно в том числе и через реформу законодательства, основу которой составят электронное уголовное дело и электронный документооборот [6].

Говорить о захвате российского правосудия «роботами» необоснованно, поскольку «сильный» ИИ на сегодняшний день в указанной сфере еще не используется, а профессионального судью искусственный интеллект не заменит никогда. Ибо правосудие – это дело «человеческое, слишком человеческое» [7].

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).
2. Глушков, М. Р. О некоторых реальных возможностях применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 3. – С. 44.
3. Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/story/223787/ (дата обращения: 28.10.2025).
4. Цветков, Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. –№ 4. – С. 91–107.
5. Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62% российских судей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052 (дата обращения: 28.10.2025).
6. 35% российских судов используют искусственный интеллект в работе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/news/258775/ (дата обращения: 28.10.2025).
7. Судьи в Китае теперь обязаны консультироваться с ИИ при вынесении приговоров – новый виток внедрения технологий в нашу жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/Ytj6ApxRJGXfcUAt (дата обращения: 28.10.2025).

Андрущенко Амир Валентинович,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Черников Сергей Владимирович,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Согласно статье 87 Уголовного кодекса Российской Федерации несовершеннолетними признаются лица, которым на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет [1, с. 41]. Для таких лиц предусмотрены специфические процессуальные нормы, которые учитывают их возрастные особенности и направлены на защиту их прав и законных интересов. Особенность начала расследования заключается в обязательной проверке факта наличия состава преступления именно в действиях несовершеннолетнего подозреваемого. Если указанный факт подтвержден, то проводится предварительное расследование, которое осуществляется органами внутренних дел или следователями Следственного комитета РФ.

Предмет доказывания по делам несовершеннолетних является специальным. Так, согласно ст. 421 УПК РФ для установления предмета доказывания подлежит установлению точный возраст несовершеннолетнего, уровень его психического развития, условия жизни и воспитания, влияние старших по возрасту лиц. Данные обстоятельства устанавливаются путем допроса родителей несовершеннолетнего, его учителей, воспитателей и других лиц. Эти факты играют значительную роль для предварительного следствия и суда для дальнейших процессуальных действий, ведь окружающая обстановка и круг общения влияют на психическое развитие ребенка, и тем самым несовершеннолетний, сам того не осознавая, идет на противозаконные поступки. К примеру, дети из неблагополучных семей на фоне отсутствия должного воспитания, агрессии, домашнего насилия со стороны родителей проявляют девиантное поведение по отношению к окружающим, тем самым это порождает риски совершения с их стороны преступлений и правонарушений.

Также обязательно рассмотрение вопроса о выделении уголовного дела, соучастником которого является несовершеннолетний, то есть если несовершеннолетний участвовал в совершении преступления вместе со взрослыми, то в соответствии со ст. 422 УПК РФ орган предварительного расследования вправе выделить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство. Это сделано для того, чтобы защитить несовершеннолетнего от отрицательного воздействия взрослых соучастников, так как в силу своих возрастных осо-

бенностей подростки легко поддаются уговорам, угрозам, обману и внушению, тем самым беря на себя чужую вину [2, с. 231-232]. Еще одной особенностью согласно ст. 196 УПК РФ является обязательность проведения экспертизы по установлению возраста подозреваемого в случае, если документы, подтверждающие его возраст, утеряны или вызывают сомнения [3, с. 251].

Вместе с тем стоит отметить, что создается особый процесс расследования, учитывающий морально-психологическое состояние и возрастные особенности несовершеннолетнего. Если говорить о судебном заседании с участие несовершеннолетнего, то оно отличается рядом процессуальных особенностей: перед началом рассмотрения дела судом проводятся подготовительные мероприятия; участие защитника обязательно на каждом заседании суда, поскольку несовершеннолетний может не осознавать последствий своих поступков и нуждается в квалифицированной юридической помощи; привлекаются педагоги или психологи, которые оценивают личностные характеристики подсудимого, характер воспитания и возможные негативные влияния окружающих подростка [2, с. 233]. Суд также вправе провести закрытое судебное заседание, если сочтёт нужным защитить личные данные и предотвратить огласку информации, способствующей нарушению прав несовершеннолетнего. Для оценки доказательств и назначения наказания суд уделяет особое внимание обстоятельствам, влияющим на поведение несовершеннолетнего, к которым относятся психическое здоровье и физическое развитие подростка, семейные обстоятельства и взаимоотношения в семье, уровень воспитания и окружения, возможно, алкогольная и наркотическая зависимости. Также учитывается степень общественной опасности преступного деяния и личность самого несовершеннолетнего.

Наказания могут варьироваться от условного осуждения до лишения свободы. Значительную роль играют реабилитационные программы, помощь социальных служб и образовательные учреждения для поддержки осужденных подростков. В соответствии с УПК РФ возможно освобождение несовершеннолетнего осужденного от наказания с применением: а) принудительных мер воспитательного воздействия; б) помещениея его в специализированное учреждение для несовершеннолетних; в) условного осуждения; г) назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы.

Несмотря на значительные достижения российского законодательства в области защиты прав несовершеннолетних, существуют и проблемы, препятствующие эффективному применению норм уголовного процессуального права. К таковым можно отнести недостаточный профессионализм сотрудников правоохранительных органов в работе с детьми и подростками; сложности организации комплексного подхода к профилактике преступлений среди молодежи; низкий уровень взаимодействия учреждений образования, здравоохранения и социального обслуживания в процессе реализации воспитательной и коррекционной работы.

Для преодоления указанных трудностей предлагается усилить контроль над соблюдением требований закона; повышать профессионализм кадров; развивать механизмы межведомственного сотрудничества и создать единую систему профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что особенности производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних отражают стрем-

ление современного правового государства защищать интересы молодых граждан, содействовать их развитию и предотвращению повторного нарушения закона. Повышение эффективности профилактики и воспитание правовой культуры несовершеннолетних необходимы для успешной интеграции бывших правонарушителей в общество и сокращения числа преступлений среди подростков.

Литература

1. Машков, С. С., Денисович, В. В. Понятие и уголовно-правовой статус несовершеннолетних лиц в российском уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2. – С. 41

2. Кузьмин, И. П., Павлова, А. А. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства Российской Федерации в отношении несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11(215). – С. 231–234.

3. Османова, Л. А. Уголовный процесс в отношении несовершеннолетних // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 250–252.

Арефьева Кира Евгеньевна,
студентка 3 курса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Боташева Лейла Эмербековна,
доцент кафедры административного и финансового права юридического института
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Сравнительно-правовой опыт декларирования основных прав налогоплательщика в законодательстве России и Германии

Права человека признаются и гарантируются большинством современных государств, однако существует проблема отсутствия четкого понимания механизма реализации таких гарантий. Единое определение термина «гарантии» отсутствует как в законодательстве, так и в правовой доктрине. По своей сути гарантии прав и свобод человека представляют собой некую совокупность средств, необходимых для обеспечения реализации и защиты этих прав и свобод. О.В. Купцова и С.В. Тренькаева определяют гарантии как «условия и средства (способы, приемы, методы, меры, процедуры), направленные на обеспечение реализации, охраны и защиты субъективных прав и свобод» [1].

Статьей 57 Конституции РФ установлена обязанность уплаты налогов и сборов в размерах и сроках, строго установленных законом. Отсюда вытекает первая гарантия прав налогоплательщиков: соблюдение законодателем порядка введения в действие актов налогового законодательства, которые в свою очередь должны соответствовать уже существующим НПА [2]. Государство не может требовать от граждан соблюдения законов, которые не были опубликованы и тем самым доведены до сведения граждан.

Кроме того, в Налоговом кодексе Российской Федерации в статье 21 приведен перечень основных гарантий налогоплательщиков, исходящих из их прав [3], среди них:

− обжалование актов налогового органа;
− обжалование нормативных актов;
− предоставление информации по месту учета в налоговом органе;
− предоставление льгот от государства [3].

В Основном законе ФРГ конституционной основой гарантии прав налогоплательщиков выступают: ст. 2 – право на развитие личности, право на личную неприкосновенность и запрет на вмешательство; ст. 14 – гарантия собственности; ст. 20 – принцип правового, социального и федеративного государства [4]. Данные принципы также сформулированы и в российском законодательстве, однако в Германии они играют первоочередную роль. Именно на их основе Федеральный конституционный суд Германии разработал принцип: «Налоговое право, ориен-

тированное на основные права» [5], который провозглашает права человека как основу налогообложения.

Кодифицированным актом налогового законодательства в области основных начал налогообложения в ФРГ является Налоговый кодекс (Общая налоговая инструкция) [6]. Права и их гарантии распределены по всему документу, вот некоторые из них:

– право на информацию;

– право на правовую защиту и справедливую процедуру (право быть выслушанным, презумпция добросовестности);

– право на налоговую тайну;

– право на отсрочку или выплату суммы налога по частям.

Сравним основные гарантии прав налогоплательщиков, предусмотренные налоговым законодательством России и Германии.

Презумпция добросовестности в российском законодательстве предусмотрена ст. 3 НК РФ и означает правило толкования всех неустранимых сомнений в пользу налогоплательщика. Данная норма гарантирует защиту лица от произвола и необоснованных обвинений, а также стимулирует законодателя для разрешения правовых коллизий и пробелов в законодательстве.

В Германии данный принцип имеет иное название – требование определенности – и подразумевает именно четкое формулирование правовых норм. Парламент обязан использовать настолько точные формулировки в изложении правил, чтобы гражданин не только видел последствия своих неправомерных действий, но и мог самостоятельно, без участия государственных органов, рассчитать налоговое бремя [3]. В противном случае норма будет считаться несоответствующей Конституции.

Отдельного внимания требуют гарантии прав при осуществлении налогового контроля.

В России согласно ст. 21 и гл. 14 НК РФ за налогоплательщиком закрепляются: право присутствовать при налоговой проверке, предоставлять пояснения, ознакомиться с решением и оспаривать заключение. При этом некоторыми учеными оспаривается гарантия неприкосновенности жилища в рамках данного вопроса. Так как законодательно в ст. 89 НК РФ не закреплено разделение жилого и нежилого помещения налогоплательщика, а содержится лишь информация о «территории налогоплательщика», доступ на которую осуществляется с разрешения руководителя или заместителя налогового органа. Только из смысла иных правовых норм вытекает возможность лица не разрешить доступ в свое жилое помещение, если отсутствует судебное решение.

В законодательстве Германии данная проблема решается иначе. Если для доступа в коммерческое (нежилое) помещение органам необходимо разрешение вышестоящего должностного лица, в котором определены строгие временные рамки начала и окончания проверки, то доступ в жилое помещение осуществляется только на основании судебного решения, что следует из ст. 13 Основного закона ФРГ [4].

Законодатели предусматривают и способы защиты прав налогоплательщиков. В соответствии со статьей 22 НК РФ лицу гарантируется административная и судебная защита [3]. Административный порядок подразумевает обжалование ак-

тов налоговых органов, действий или бездействий должностных лиц вышестоящему должностному лицу или вышестоящим органам. При необходимости дальнейшей защиты прав граждан данный порядок выступает обязательной досудебной стадией. Судебный порядок осуществляется компетентным судебным органом по заявлению лица, чьи права были нарушены. Полномочия судов включают в себя признание акта несоответствующим Конституции, недействительным в связи с противоречием федеральному законодательству, а также пресечение неправомерных действий органа и привлечение к ответственности за нарушение налогового законодательства [7].

Однако в указанной гарантии есть значительные недостатки, которые выражаются в том, что на практике нарушается принцип равных прав и обязанностей налогоплательщиков в налоговом органе и суде, а также бремя доказывания фактически возлагается на самого налогоплательщика. Крупные компании всегда имеют преимущество, что связано с наличием значительного штата юристов, способных быстро и качественно разрешить спор, однако маленькие организации и ИП вынуждены обращаться к дорогостоящим специалистам [7]. Законодательно закреплено право на получение бесплатной консультации, однако на практике она предоставляется по узкому кругу вопросов и не закрывает всех потребностей налогоплательщиков.

В ФРГ существует система финансовых судов, которые рассматривают только налоговые или иные финансовые вопросы. Защита в таких судах также подразумевает досудебный порядок, который направлен на попытку быстрого урегулирования возникших споров [8]. Разница заключается именно в узкой специализации судей и отсутствии необходимости сбора доказательной базы налогоплательщиком.

Отдельно нужно уделить внимание налоговой тайне. Согласно ст. 102 НК РФ налоговая тайна – любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов, за исключением сведений, сокрытие которых не допускается законом [3]. Российский законодатель указывает на запрет разглашения указанной информации лицами, получившими ее в ходе выполнения своих должностных обязанностей по разрешению спора или консультированию. Кроме того, отдельно предусмотрены адвокатская, нотариальная и иные профессиональные тайны, которые также обязывают лиц, получивших доступ к информации, не разглашать ее, однако предусмотрены ситуации, когда эта обязанность может быть нарушена.

В ст. 103 Налогового кодекса ФРГ предусмотрено право на отказ от дачи свидетельских показаний налоговым консультантом, адвокатом, аудитором, нотариусом и их помощниками. Это право распространяется на все сведения, ставшие им известными в ходе профессиональной деятельности, без исключения. Эта гарантия позволяет налогоплательщику быть полностью откровенным с должностным лицом и не опасаться раскрытия информации [8].

Считаем необходимым отметить позитивный опыт Германии в вопросах свидетельского иммунитета налоговых консультантов и иных незаинтересованных лиц, а также жесткую процедуру доступа в жилое помещение налогопла-

тельщика, что способствует укреплению прав человека и повышению доверия к государству в целом.

Таким образом, проблема закрепления механизма гарантий прав налогоплательщика остается актуальной и требует как законодательной, так и доктринальной работы. Позитивный опыт зарубежных государств в данном вопросе может значительно повысить уровень доверия граждан к государству и его органам. Кроме того, пересмотр системы защиты прав позволит снизить нагрузку на судебную систему.

Литература

1. Тархаев, А. Г. Гарантии прав налогоплательщика и государства / А.Г. Тархаев, К. Н. Пугачев // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов: Межвузовский студенческий научный журнал, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2025. – С. 830-838.
2. Андреева, М. В. Официальное опубликование – конституционная гарантия прав налогоплательщика / М. В. Андреева // Налоговед. – 2004. – № 4. – С. 4–10.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
4. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/GG.pdf
5. Меллингхофф, Рудольф. Конституционно-правовые аспекты налогового права в Германии // СКО. – 2006. – № 3(56).
6. Fiscal Code (Abgabenordnung) für die Bundesrepublik Deutschland URL: // https://www.gesetze-im-internet.de/ao_1977/.
7. Кравченко, Н. А. Юридические гарантии защиты прав налогоплательщиков в Российской Федерации / Н. А. Кравченко // Экономика, управление, право и общество: Материалы VI межрегиональной научно-практической сетевой интернет-конференции, Симферополь, 15 октября 2021 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 153-156.
8. Salchegger S. Taxpayers rights and tax collection/submitted by Sarah Salchegger
9. Конституция Российской Федерации. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

Анишкевич Игорь Олегович,
курсант 4 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Научный руководитель:
Мартынов Артем Олегович,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Некоторые особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет

Прогрессирующее развитие информационно-телекоммуникационных технологий определяет непрерывное увеличение объемов оперативно значимых сведений, циркулирующих в глобальной сети Интернет. Многочисленные информационные ресурсы аккумулируют данные о субъектах, событиях и фактических обстоятельствах, представляющих существенный интерес для решения функциональных задач оперативно-разыскной деятельности. Комплексное изучение специфики проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в указанной среде существенно расширяет инструментарий сотрудников оперативных подразделений в сфере противодействия современным формам преступности.

Необходимость осуществления оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в сетевом пространстве обусловлена существенным ростом количества преступных посягательств, реализуемых с использованием сетевых технологий. По итогам 2024 года киберпреступления занимают более четверти в общей структуре преступности. И эта цифра постоянно растет. Одна из основных причин – развитие высоких технологий [1].

Современная киберпреступность характеризуется прогрессирующим усложнением форм проявления и выраженной транснациональной составляющей. Согласно отчетам Интерпола, до 80% онлайн-преступлений совершается под руководством организованных преступных групп, действующих в нескольких государствах [2]. Подобные структурные объединения активно используют методологию конспирации и совершенствуют технологию сокрытия следов криминальной деятельности. В этих условиях борьба с преступностью в сети Интернет невозможна без применения оперативно-разыскных сил, средств и методов.

Специфика сформировавшейся в киберпространстве социальной среды оказывает влияние на характер проводимых ОРМ. Сетевая среда разнородна, в ней формируются зоны общения личностей с отклоняющимся поведением. В Сети увеличивается количество ресурсов экстремистской направленности, создается международный рынок нелегального контента, осуществляется торговля оружием и наркотиками.

В сетевом пространстве возникают новые виды криминальных сообществ. Участники последних часто обладают высоким уровнем технической подготовленности и осведомлены о формах и методах оперативной работы. Наиболее за-

метную специфику имеют хакерские группы, которые образуют особую криминогенную среду со сложной организацией и специфическими механизмами взаимодействия.

Криминальные формирования в киберпространстве часто организуются по сетевому принципу как временная группа или организация для решения конкретной противоправной задачи. Такие группы обладают высокой адаптивностью и устойчивостью к внешним воздействиям благодаря гибкому управлению, отсутствию четкой структуры и способности к быстрым изменениям личного состава.

Одним из перспективных направлений оперативного поиска в сетевом информационном пространстве является оперативно-разыскной интернет-мониторинг – комплексная система ОРМ, обеспечивающая наблюдение за криминальными процессами в сетевой социальной среде.

Основными направлениями мониторинга являются:

– автоматизированный поиск сетевых ресурсов с запрещенной информацией;

– изучение ресурсов, связанных с деятельностью преступных сообществ;

– наблюдение за закрытыми местами сетевого общения криминальной направленности.

Поиск информации может осуществляться с использованием общедоступных поисковых систем или специальных алгоритмов «глубокого» анализа ресурсов. Важным методом является контент-анализ сетевых информационных ресурсов, позволяющий выявить сведения о криминальных событиях и признаки запрещенной информации.

Сеть Интернет может использоваться сотрудниками подразделений, осуществляющих ОРД, как инструмент при проведении ОРМ, не требуя при этом каких-либо дополнительных средств и специальной материальной базы.

В частности, при наличии мобильного устройства с доступом к сети Интернет оперативный сотрудник имеет возможность провести оперативный опрос посредством технологий IP-телефонии, а также в процессе коммуникации через мессенджеры и социальные сети. Значительное количество пользователей глобальной сети размещают на различных интернет-ресурсах большое количество персональной информации, включая геолокационную привязку. Грамотный подход при изучении данных сведений может послужить серьезным подспорьем для получения информации об образе жизни, связях, местоположении лиц, представляющих оперативный интерес. Подобные действия тесно граничат с ОРМ «наведение справок» и «наблюдение».

Поддерживая тематическое общение по вопросам противоправной деятельности путем внедрения в среду участников специализированных форумов, в коммуникационные группы социальных сетей, сегменты теневого Интернета, оперативный сотрудник приобретает возможность аккумулировать информацию о подготавливаемых и реализуемых преступных деяниях, осуществляя таким образом ОРМ «оперативное внедрение».

В виртуальном пространстве процедура отождествления личности базируется на анализе данных о личности фигуранта с информацией о субъекте, чья сетевая активность является объектом оперативного интереса. Специфическими формами отождествления являются опознание по фотографиям на страницах со-

циальных сетей, по автобиографическим данным, по используемым псевдонимам, IP-адресам и т.п.

Рост торговых операций в сети Интернет определяет применение проверочной закупки для выявления противоправных деяний в сфере электронной коммерции и распространения объектов, запрещенных к гражданскому обороту. Правоприменительная практика оперативных подразделений фиксирует эффективное применение указанного ОРМ при пресечении каналов нелегального сбыта наркотических средств через глобальную сеть.

Полагаем, что приведенные разновидности существующих ОРМ не исчерпывают всех потенциальных возможностей ОРД в сети Интернет. В настоящее время остро встает вопрос о необходимости расширения правовой регламентации проведения ОРМ в сети Интернет, что позволит решить ряд проблем при противодействии преступности. Аналогичные законодательные инициативы активно имплементируются во многих государствах.

В частности, перечень ОРМ, закрепленный в Федеральном законе от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», был дополнен новым мероприятием – «получение компьютерной информации». Согласно нормативно-правовым положениям ФРГ «О повышении эффективности и практико-ориентированности осуществления уголовного судопроизводства» от 17.08.2017 перечень негласных следственных действий расширен за счет введения обыска в онлайн-формате, предусматривающего возможность негласного доступа к персональному компьютеру и аналогичным технологическим устройствам объекта разработки с целью изучения содержимого хранящейся информации, а также регламентирована возможность осуществления контроля телекоммуникаций посредством подобного доступа. Подобные мероприятия обсуждаются или уже закреплены законодательно и проводятся на практике и в других европейских странах (Австрия, Франция, Швейцария) [3, с. 39].

Таким образом, в сетевом пространстве с учетом его социальной направленности может реализовываться практически весь спектр предусмотренных законодательством ОРМ. Однако при планировании и осуществлении данных мероприятий необходимо учитывать специфические особенности сетевого информационного пространства и сформировавшейся в нем криминогенной среды. Особые условия реализации ОРМ в глобальной сети формируются под воздействием уникальных характеристик виртуального пространства, специфики сетевой криминальной инфраструктуры и отличительных особенностей киберпреступлений. Глубокое понимание указанных факторов обеспечивает повышение эффективности ОРД в условиях прогрессирующей цифровизации современных социальных отношений.

Литература

1. Орлов, Г. Интерпол: в сети действует организованная преступность. – URL: http://infox.ru/hitech/internet/2012/05/10/Interpol_v_seti_d.phtml (дата обращения: 31.08.2025).

2. Шаров, В. И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. – 2018. – № 2(64). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknye-meropriyatiya-v-seti-internet (дата обращения: 04.09.2025).

3. Харевич, Д. Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 ноября 2017 года: в 2 т. / Ин-т нац. Безопасности Респ. Беларусь; редкол.: А.Л. Лычагин (гл. ред.) и др. – Минск, 2018. – Т.2. – С. 38–42.

Батьканов Егор Максимович,
студент магистратуры 1 курса
института истории, социальных коммуникаций и права
Алтайского государственного педагогического университета

Научный руководитель:
Жданова Нина Сергеевна,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент,

Динамика правового регулирования международных отношений в Европе (1715–1914)

Формирование глобального правопорядка неразрывно связано с европейским вектором в международных отношениях. Россия, будучи органичной частью европейской цивилизации, всегда придавала данному направлению особое стратегическое значение. Историко-правовые предпосылки формирования современной системы международного права складывались с 1715 по 1914 год, что соответствует периоду от завершения войны за испанское наследство до начала Первой мировой войны. Данный временной интервал характеризуется становлением и последующим развитием классической парадигмы европейского международного права. Комплексное исследование правового измерения европейских международных связей необходимо для выявления основополагающих тенденций и важнейших этапов эволюции правового регулирования международных отношений в Европе.

Современные российские исследователи активно изучают вопросы формирования и эволюции классического европейского международного права. Так, А.Н. Салеев рассматривает принцип баланса сил [1, с. 443–500], В.Л. Толстых – Венскую систему и коллективной безопасности [2, с. 334–347], А.Х. Абашидзе изучает проблемы кодификации международного права [3, с. 212-230], а А.Я. Капустин обращается к вопросам кризиса международного права на рубеже XIX-XX вв. [4, с. 383-411].

Система изучения международных отношений в общеобразовательной школе строится на основе рассмотрения историко-правовых аспектов с акцентом не только на хронологическое изучение, а прежде всего тематическое осмысление проявившихся тенденций. Данные аспекты могут рассматриваться на уроках истории при изучении тем, связанных с внешней политикой России и европейских держав в XVIII – начале XX века, таких как «Российская империя в системе международных отношений XVIII века», «Наполеоновские войны и Венский конгресс», «Внешняя политика России во второй половине XIX века», «Кризис «классического» международного права и путь к Первой мировой войне».

Глубокий историко-правовой анализ теории международных отношений позволяет увидеть развитие международного права на основе переплетения права войны и мира. Военные правоотношения включали обширную область регулиро-

вания вопросов военного дела. Право мира включает обширную область правового регулирования различных международных правоотношений – от личных династических до институциональных. В рамках европейских отношений 1715-1914 гг. особую роль играли новые институты, способствующие еще большему развитию общего поля международного взаимодействия. Отметим, что именно европейские отношения, с включением России, исторически создавали основу для развития международного сообщества.

Первый этап (1715-1789 гг.) характеризовался преобладанием концепции баланса сил. По мнению А.Н. Салеева, Утрехтский мирный договор 1713 года официально установил этот принцип как основополагающий для европейского правопорядка [1, с. 67]. Правовое регулирование в этот период было в основном казуальным, то есть направленным на разрешение конкретных споров, возникавших между монархическими династиями в первую очередь, по вопросам престолонаследия (война за испанское наследство, война за польское наследство) и территориального размежевания. Доминирующим оставался династический принцип легитимизма, который подразумевал, что государство воспринималось как личная собственность правящей династии.

Второй этап (1789–1815 гг.) отмечен глубокими революционными сдвигами в сфере международного права. Великая французская революция стала катализатором внедрения принципа национального суверенитета в международные отношения. Венский конгресс 1814–1815 годов, по мнению В.Л. Толстых, заложил фундамент первой в истории Европы формализованной системы коллективной безопасности [2, с. 96]. Учреждение Священного союза и системы регулярных конгрессов можно рассматривать как прообраз будущих международных организаций. Венская система также ввела новаторские правовые институты, такие как закрепление постоянного нейтралитета Швейцарии.

Третий этап (1815-1914 гг.) отличается значительным развитием международного права, особенно в сфере кодификации. Как указывает А.Х. Абашидзе, именно в этот период международно-правовые нормы активно оформлялись в виде кодексов и конвенций [3, с. 58]. Принятие Женевской конвенции и Гаагских конвенций стало фундаментом для формирования международного гуманитарного права. Параллельно с этим развивались международные институты, в частности, такие специализированные международные административные союзы, как Всемирный телеграфный союз (1865) и Всемирный почтовый союз (1874), которые заложили основы международного регулирования в технических и коммуникационных сферах. Тем не менее А.Я. Капустин подчеркивает, что к началу XX века система международного права оказалась в кризисном состоянии из-за усиления противоречий между европейскими державами [4, с. 75].

Практика международных отношений в общеобразовательной школе строится на методике рассмотрения историко-правовых аспектов международной тематики. Особую роль играет обращение к практике договорных правоотношений как прямому выражению права мира. Интеграция опыта международно-правовой практики в образовательный процесс может быть основана на различных методических подходах. Основной целью педагогического модуля является формирование у обучающихся системного понимания генезиса современного международного права.

Эффективным методическим приемом представляется проведение ролевой игры «Венский конгресс», в ходе которой обучающиеся, представляя различные державы (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия, Франция), на основе анализа первоисточников вырабатывают решения по ключевым вопросам международного урегулирования. Например, по формированию Германского союза, новому территориальному переделу, провозглашению принципа легитимизма и установлению нейтрального статуса Швейцарии. Данный подход обеспечивает практическое осмысление механизмов дипломатических компромиссов и роли правовых норм в обеспечении стабильности международной системы.

Важное значение имеет работа с историко-правовыми кейсами, например, разбор юридических аспектов разделов Речи Посполитой требует рассмотрения действий ведущих держав сквозь призму правовых норм XVIII века, касающихся династических прав и договоров. Это, в свою очередь, подталкивает к обсуждению роли силы и права в международных отношениях. Другой пример – анализ того, насколько морская блокада Германии во время Первой мировой войны соответствовала международному праву, в частности, Парижской декларации 1856 года. Подобный анализ демонстрирует развитие права вооруженных конфликтов и его противоречие с практическими военными потребностями.

Сравнительный метод позволяет школьникам визуализировать динамику развития международного права через заполнение таблицы, колонки в которой имеют следующие названия: «Хронологический период», «Ключевой договор», «Основной правовой принцип», «Политический контекст». К примеру, для периода 1715-1789 годов в таблицу включаются Утрехтский мир, принципы баланса сил и династического легитимизма. Данный период характеризуется эпохой просвещенного абсолютизма, и заполнение таблицы позволяет упорядочить информацию, а также проследить взаимосвязь между политическими событиями и правовыми изменениями.

Организация проблемных дискуссий на темы, связанные с оценкой эффективности Венской системы и причин кризиса международного права в начале XX века, способствует развитию критического мышления обучающихся. В ходе дискуссии необходима аргументация разных позиций: была ли Венская система успешным механизмом предотвращения крупных войн или лишь консервацией устаревших порядков? Что в большей степени привело к кризису 1914 года – несовершенство правовых норм или непримиримость политических и имперских амбиций великих держав?

Таким образом, в развитии правового регулирования международных отношений в Европе с 1715 по 1914 год можно выделить три фундаментальных этапа. Установлено, что траектория эволюции европейских международно-правовых отношений характеризовалась переходом от доминирования династического принципа к формированию системы коллективной безопасности и последующей прогрессивной кодификации международно-правовых норм. Несмотря на значительное совершенствование правовых инструментов, к началу XX столетия политические противоречия продемонстрировали большую силу воздействия, нежели правовые механизмы урегулирования. Применение ролевых игр, работа с кейсами и таблицами позволит достигнуть основной цели – формирования у обучающихся системного понимания генезиса современного международного права.

Литература

1. Абашидзе, А. Х., Федоров, М. В. Международное право: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2022. – 543 с.

2. Капустин, А. Я. Международное право: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2023. – 621 с.

3. Салеев, А. Н. Становление и развитие системы международных отношений в Новое время. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – 335 с.

4. Толстых, В. Л. История международного права: учебное пособие. – Москва: Статут, 2020. – 487 с.

Баянова Дарья Витальевна,
студентка 3 курса юридического факультета
Северо-Кавказского филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Ругина Ольга Анатольевна,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала Российского государственного
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

Правовое обеспечение ответственности за семейное насилие и его значение для укрепления национальной безопасности Российской Федерации

Важнейшим структурным элементом общества, в рамках которого происходит первичная социализация человека, выступает институт семьи, в связи с чем сохранение стабильности и благополучия последней представляет собой одно из приоритетных направлений современной российской государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Так, Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 крепкая семья названа в числе традиционных ценностей, защита которых позволяет своевременно реагировать на вновь возникающие угрозы национальным интересам Российской Федерации, эффективно противодействуя деструктивному идеологическому воздействию на граждан нашей страны [1].

Однако в последнее время институт семьи переживает кризисный период: по данным ВЦИОМ в 2024 году 8 из 10 заключенных браков распались, а Россия вышла на третье место в мире по количеству разводов. При этом в качестве причины разводов 31% опрошенных назвал разрушительное поведение одного из супругов, включая проявления жестокости и насилия к членам семьи [2].

Несмотря на неблагоприятную статистику, а также череду резонансных случаев (в частности, история Маргариты Грачевой, которой муж отрубил кисти обеих рук; убийства Ирины Черска, Регины Гагиевой, Анастасии Ещенко; дело сестер Хачатурян), в сфере правовой регламентации ответственности за семейно-бытовое насилие имеется много нерешенных проблем.

Определенным регрессом в нормативно-правовом регулировании данного вопроса, на наш взгляд, стала произошедшая в феврале 2017 года декриминализация, когда домашние побои, совершенные впервые, из уголовного преступления были переведены в разряд административного правонарушения. Хотя изначально эта инициатива имела цель устранить абсурдную ситуацию, когда побои в отношении посторонних лиц влекли административную ответственность, а в отношении близких – уголовную, однако фактически данное законодательное решение развязало руки домашним тиранам и привело к росту числа бытовых убийств, так как уголовное преследование за повторные побои родственников допускалось лишь в порядке частного обвинения.

О недостаточном внимании со стороны законодательных и правоохранительных органов к проблеме внутрисемейного насилия, по нашему мнению, также свидетельствует то обстоятельство, что российскому праву не известны ни легальная дефиниция такого насилия, ни такая мера его профилактики, как охранные ордера.

Сказанное актуализирует потребность в принятии по образцу ряда зарубежных государств (Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан и др.) специального нормативного акта, посвященного противодействию семейно-бытовому насилию в России.

Нужно отметить, что первый законопроект о профилактике семейно-бытового насилия был внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ ещё в сентябре 2016 года [3]. Необходимость его принятия в пояснительной записке объяснялась неразвитостью в России защитных механизмов для жертв внутрисемейного насилия, в частности, отсутствием охранных ордеров, которые бы гарантировали пострадавшим безопасность и запрещали агрессору приближаться к своей жертве. Инициаторами также предлагалось перевести домашнее насилие в разряд дел публичного или частно-публичного обвинения. К сожалению, законопроект был снят с рассмотрения без предварительного обсуждения, поскольку не давал четкого определения семейно-бытовых отношений, а также предельно широко трактовал понятие насилия, включая в него физическое, психологическое, сексуальное и экономическое, что создавало опасность необоснованного лишения лица, подозреваемого в семейном насилии, его законных прав либо изъятия детей из семьи.

Последняя попытка принятия столь необходимого законопроекта, посвященного рассматриваемой проблеме, была предпринята 29 ноября 2019 года, когда соответствующая законодательная инициатива была опубликована на официальном сайте Совета Федерации для общественного обсуждения [4]. В нем семейно-бытовое насилие определялось уже как умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления. Во многом из-за правовой неопределенности этой дефиниции опубликованный законопроект справедливо был подвергнут резкой критике как «позволяющий на расплывчатых и неопределенных основаниях вмешиваться в частную жизнь граждан» [5].

Вместе с тем полагаем, что в целях обеспечения надлежащей защиты института семьи со стороны государства недопустимо рассматривать проявления домашнего насилия лишь как личное дело супругов. Общественная значимость и опасность таких деяний требует, наряду с имеющейся административной и уголовной ответственностью, принятия отдельного нормативно-правового акта, определяющего внутрисемейное насилие и предусматривающего комплексную систему профилактических мер таких конфликтов.

В этой связи предлагаем понимать под семейно-бытовым насилием противоправное, общественно опасное, умышленное деяние одного лица в отношении другого, с которым он состоит в единокровных, родственных или семейных отношениях, причиняющее ему физический вред или создающее реальную угрозу его причинения.

Для эффективного противодействия актам бытового насилия также считаем возможным, особенно в свете правовой позиции Верховного Суда РФ [6], распространить сферу действия нового закона не только на лиц, состоящих в официальном браке, но и на сожителей, ведь многие пары сейчас не узаконивают фактически существующие семейные отношения.

При этом профилактика семейно-бытового насилия должна быть нацелена прежде всего на поддержку и сохранение семьи, следовательно, фокус с выдачи защитных ордеров должен быть перенесен на системное осуществление субъектами профилактического воздействия мер не только правового, но и социального, медицинского, психологического и просветительского характера в целях выявления и минимизации причин и условий домашнего насилия. Защитный ордер, ограничивающий контакты агрессора с потерпевшим в течение определенного времени, должен применяться как крайнее средство, если использование других не привело к необходимому результату. Представляется, что соблюдение агрессором выданного судом предписания должно быть обеспечено серьезными санкциями.

Кроме того, видится необходимым, чтобы инициировать профилактические меры по отношению к агрессору мог не только сам потерпевший, но и иные лица, которым стало известно о фактах семейного насилия.

Наконец, во избежание возможных злоупотреблений при реализации профилактических мероприятий, в частности, со стороны различных частных организаций, стремящихся к собственному обогащению либо пытающихся внедрить в массовое сознание чуждые российскому обществу установки, целесообразно наделить соответствующими полномочиями, помимо компетентных государственных органов, лишь авторитетные общественные объединения, пропагандистская деятельность которых будет направлена не на разрушение семьи, а на ее поддержку посредством консультирования населения по проблемам в сфере семейно-бытовых отношений, например, о ненасильственных методах решения домашних конфликтов. Также в средствах массовой информации следует увеличить количество социальной рекламы о недопустимости семейно-бытового насилия с разъяснением его социальных и правовых последствий, что будет способствовать трансформации отношения людей к домашнему насилию в духе нетерпимости к его проявлениям.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

2. ВЦИОМ: восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распадались. – Текст: электронный // ТАСС [сайт]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/22702277 (дата обращения: 10.11.2025).

3. О профилактике семейно-бытового насилия: проект Федерального закона № 1183390-6 (внесен депутатом ГД ФС РФ С.Ш. Мурзабаевой, членом СФ ФС РФ А.В. Беляковым) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.11.2025).

4. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: проект Федерального закона [Электронный ресурс]. – URL: http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

5. Правовой анализ проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.familypolicy.ru/rep/rf-19-051-01.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2 (абз. 3 п. 27).

Бецева Дарья Сергеевна,
слушатель 6 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Лифанова Лилия Геннадьевна,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Особенности фиксации хода и результатов следственного действия, проводимого в дистанционном формате

Совершенствование технических возможностей информационно-коммуникативных технологий обусловило внесение в отечественное уголовно-процессуальное законодательство нормы, предусматривающей производство отдельных следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи [1].

Дистанционный порядок проведения допроса, очной ставки, опознания позволяет существенно сократить сроки расследования, снизить материальные и иные затраты. При этом доказательственную информацию получает непосредственно лицо, в чьем производстве находится уголовное дело.

Возможность личного общения следователя с участником уголовного судопроизводства, находящимся на значительном удалении от места предварительного расследования, способствует формированию правильного представления о психологических и иных характеристиках личности допрашиваемого субъекта.

Применение рассматриваемых информационных технологий при реализации норм уголовно-процессуального законодательства повышает эффективность обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

В данной статье проведен анализ особенностей фиксации хода и результатов следственного действия, проводимого в дистанционном формате.

Основными формами фиксации доказательственной информации являются: вербальная (протоколирование), графическая (схемы, планы), наглядно-образная (фотографирование, видеозапись) и предметная (объекты в натуральном виде) [2, с. 173].

Во время проведения дистанционных следственных действий посредством системы видеоконференций используется сразу несколько способов фиксирования хода и итогов проводимых допроса, очной ставки или предъявления для опознания. Например, ход удаленного допроса фиксируется в специальном протоколе, к которому дополнительно прилагается видеозапись происходящего и снимок экрана используемого оборудования.

Статья 166 УПК РФ устанавливает, что основным способом документирования следственных действий является составление протокола, в котором обязательно должна содержаться подробная информация обо всех используемых тех-

нических средствах, включая их название, назначение, условия эксплуатации и прочие характеристики. Применительно к следственным действиям, проводимым в дистанционном формате, ими являются видеокамера, аппаратура для организации видеоконференций и специальное устройство с установленным сервисом СВКС-М информационной системы органов внутренних дел (ИСОД) МВД России. Только при соблюдении этих требований зафиксированные таким образом материалы, полученные с помощью видеосъемки и видеосвязи, будут признаны допустимыми доказательствами наряду с самим протоколом. В противном случае сам протокол также рискует оказаться ненадлежащим доказательством.

В ч. 3 ст. 166 УПК РФ перечислены сведения, которые должны найти отражение в протоколе следственного действия. Использование системы ВКС дополняет данный перечень следующей информацией.

Местом проведения следственного действия, как правило, считается место производства расследования по уголовному делу. Однако применение дистанционного формата обязывает следователя указывать оба места проведения следственного мероприятия, а также даты и времени в обеих точках связи. Различные часовые пояса не исключают несовпадения не только времени проводимого процессуального действия, но и его даты. При этом следует учитывать, что производство следственных действий недопустимо в ночное время суток.

Также в протоколе должны быть отражены данные о следователе (дознавателе), явившемся инициатором проведения следственного действия, и о должностном лице – исполнителе поручения.

Тактически правильным будет отражение в протоколе мотивировки принятия решения о проведении допроса, очной ставки, опознания в дистанционном формате.

Видеофиксация проводимого следственного действия должна быть непрерывной на всем его протяжении. Если по какой-либо причине запись приостанавливалась, то данный факт должен быть отражен в протоколе, причем не только с указанием времени остановки и возобновления видеосъемки, но и ее причины. Также целесообразно после возобновления видеозаписи получить подтверждение от участвующих лиц, что в перерыве никакие действия не совершались, на допрашиваемое лицо не оказывалось физическое или психологическое воздействие.

В ситуации отказа от подписания протокола следственного действия участвующим лицом данный факт должен быть не просто зафиксирован в протоколе, но и удостоверен следователем (дознавателем) – инициатором следственного действия и следователем (дознавателем) – исполнителем поручения.

В настоящее время отечественный законодатель расширил возможности использования электронных документов в ходе досудебного производства (ст. 474.2 УПК РФ). Ходатайства, жалобы, заявления граждан, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, рассматриваются в обычном порядке и имеют равную юридическую силу с документами, представленными в обычной письменной форме. В этой связи представляется допустимым составленный протокол следственного действия подписывать электронной подписью (если таковая имеется у участников следственного действия). Это исключило бы необходимость пересылки подписки, составленной в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 189.1

УПК РФ, и сканирования протокола. Однако в настоящее время законодатель такую возможность прямо не регламентирует.

Сказанное позволяет сформировать алгоритм действий должностных лиц, проводящих следственное действие с использованием систем видео-конференц-связи, направленных на удостоверение факта правильности фиксации информации, полученной при его производстве.

1. После составления протокола следователь, его изготовивший, внимательно читает документ, проверяя корректность составления и наличие всех необходимых данных (место, время составления, сведения о должностных лицах, проводивших следственное действие, и т.д.).

2. С использованием системы электронного документооборота ИСОД МВД России данный протокол направляется следователю (дознавателю) – исполнителю. Формально не запрещено для этой цели использовать городской факс или электронную почту.

3. Должностное лицо – исполнитель поручения распечатывает поступивший протокол, знакомится с его содержанием и предлагает ознакомиться гражданину (гражданам) – участнику следственного действия. При наличии замечаний или дополнений они подлежат безусловной фиксации. После этого участник уголовного судопроизводства заполняет бланк подписки в соответствии с требованиями, предусмотренными ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ.

4. После подписания протокола всеми участниками следственного действия, находящимися в месте исполнения поручения, он сканируется и направляется следователю (дознавателю) – инициатору следственного действия.

5. Поступивший протокол должен быть распечатан и приобщен к материалам уголовного дела.

6. В течение 24 часов в адрес следователя (дознавателя) – инициатора следственного действия направляются оригиналы составленного протокола, подписки, ордера адвоката и копии документов, представленных гражданином.

7. К материалам дела приобщаются видеозаписи, полученные из двух точек связи.

Рассмотрев особенности оформления результатов следственных действий, проводимых с использованием системы видео-конференц-связи, приходим к выводу, что данный процесс представляет определенные трудности, однако только неукоснительное соблюдение нормативных требований, касающихся основных и дополнительных форм фиксации хода допроса, очной ставки и опознания, позволит в последующем признать полученные при их производстве сведения допустимыми доказательствами.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

2. Плахота, К. С. Использование электронных средств связи в уголовном судопроизводстве: дис. …канд.юрид.наук. – Москва, 2023. – 269 с.

Бибик Максимилиан Григорьевич,
студент 4 курса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Гонтарь Сергей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук

Особенности изъятия и копирования электронных носителей информации при проведении следственных действий

Современные цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни общества, что неизбежно отражается и на уголовном судопроизводстве. Существенно возрастает количество преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также доля электронных носителей как источников доказательств. Электронные носители служат источниками информации при расследовании как экономических и высокотехнологичных преступлений, так и общеуголовных.

При этом изъятие и копирование электронных носителей информации представляет собой сложную процессуальную операцию, требующую не только соблюдения уголовно-процессуальных норм, но и специальных знаний в области информационной безопасности. Нередко изъятие электронных носителей может приводить к фактической остановке деятельности организаций. В связи с этим анализ особенностей изъятия и копирования электронных носителей приобретает особую важность.

На данную проблему неоднократно обращал внимание и Президент РФ В.В. Путин. В августе 2017 года на совещании по инвестиционным программам развития Дальнего Востока он указал на необходимость в принципе запретить правоохранительным органам изымать серверы и жесткие диски при проведении следственных мероприятий на предприятиях. «Если для следствия нужно, – отметил глава государства, – достаточно снять копии, заверить их и пользоваться ими в ходе следствия» [1].

Так, 27.12.2018 г. Федеральным законом № 533-ФЗ в УПК РФ была введена статья 164.1. «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», которая должна была решить данную проблему [2]. Статья вводит запрет на изъятие электронных носителей информации, однако он распространяется исключительно на случаи изъятия в ходе производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ. Таким образом, действие данной статьи не распространяется на многие другие общеуголовные преступления.

Кроме того, по нашему мнению, законодателем упущен важнейший аспект, в результате чего правоохранительные органы вправе изымать электронные носители информации в отсутствие возбужденного уголовного дела. Согласно ст. 176 и 177 УПК РФ осмотр места происшествия возможно осуществить до момента возбуждения уголовного дела, в рамках проверки сведений о преступлении по правилам ст. 144–145 УПК РФ. В процессе такого осмотра могут изыматься любые предметы или документы, которые, по мнению следователя или дознавателя, способны иметь значение для будущего уголовного преследования. При этом закон не содержит специальных ограничений относительно объема или характера изымаемых материалов. Более того, как следует из положений ст. 144 УПК РФ, по указанным объектам может быть назначена ревизия либо даже судебная экспертиза. В результате хозяйствующий субъект, у которого изъят электронный носитель информации, оказывается на длительное время лишен возможности полноценно вести хозяйственную деятельность.

Особо проблемной данная ситуация становится в связи с тем, что для проведения осмотра места происшествия правоохранительным органам требуется лишь формальное основание – получение сообщения о преступлении (заявление, явка с повинной, рапорт и др.), которого вполне достаточно для начала проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Немаловажен и особый подход к электронным носителям информации. В соответствии со ст. 182, 183 и 164 УПК РФ электронные носители могут быть изъяты в ходе обыска, выемки или иных следственных действий, направленных на получение доказательств. Однако, в отличие от традиционных материальных объектов, электронная информация требует особого подхода, так как она легко изменяется, повреждается или скрывается. УПК предписывает фиксировать процесс изъятия, описывать технические характеристики устройств и обеспечивать условия сохранности данных [3].

Отдельно стоит рассмотреть аспект копирования информации с электронных носителей. В научной среде высказываются предложения о необходимости выделения электронного копирования данных в самостоятельное следственное действие. Так, В.А. Семенцов отмечает: «… в практике расследования возникает необходимость электронного копирования информации, и этот новый познавательный прием соответствует требованиям закона, морали и социальным закономерностям общественного развития. Необходимо только включить электронное копирование в систему процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств» [4].

При проведении таких следственных действий, как обыск или выемка, электронные доказательства обычно извлекаются при участии специалиста. Если владелец носителя или законный обладатель информации заявляет соответствующее ходатайство, копирование электронных данных может быть осуществлено на иные носители.

В.Б. Вехов указывает, что копирование не должно производиться в тех случаях, когда оно может затруднить расследование либо привести к утрате или изменению электронных доказательств [5].

Так же остро обстоит вопрос с привлечением эксперта при копировании информации с электронного носителя. Ряд исследователей высказывает мнение о допустимости отказа от обязательного участия специалиста при изъятии элек-

тронных носителей информации. Однако, по нашему мнению, для осуществления принципа неизменности первоначальных данных копирование должно проводиться экспертом. Это обусловлено тем, что любое включение устройства или взаимодействие с его системой может вызвать автоматическое изменение файловой структуры (логов, времен доступа и т.п.). Поэтому следствию важно:

– избегать самостоятельного включения и активации устройств;

– применять специальные форензические инструменты (write blockers), предотвращающие запись данных при копировании.

Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает срок изъятия электронных носителей информации, а в некоторых случаях изъятие электронных носителей информации у юридических лиц на продолжительный или неопределенный срок приводит к существенным негативным последствиям: деятельность организации может быть вынужденно приостановлена или вовсе прекратиться.

Таким образом, изъятие и копирование электронных носителей информации представляет собой сложный процесс, требующий соблюдения как правовых, так и технических норм. Для обеспечения допустимости цифровых доказательств в суде необходимо строго соблюдать процедуру, предусмотренную УПК РФ, а также применять специальные криминалистические инструменты и методики.

Для решения рассмотренных проблем представляется целесообразным:

– закрепить в статье 164.1 УПК РФ обязательное участие эксперта при копировании информации с электронного носителя;

– развивать межведомственное сотрудничество с экспертными организациями и специалистами в области информационных технологий;

– распространить запрет, введенный статьей 164.1 УПК РФ, на все стадии уголовного судопроизводства.

Комплексный подход позволит повысить эффективность расследования преступлений, связанных с цифровыми технологиями, и обеспечить соблюдение принципов допустимости и достоверности доказательств в уголовном процессе.

Литература

1. Путин: нужно запретить следствию изымать серверы и жесткие диски предприятий // ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/4459762 (дата обращения: 02.11.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 02.11.2025).

3. Петрова, О. А. Особенности изъятия и копирования электронных носителей информации при проведении следственных действий // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 147–150.

4. Семенцов, В. А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 256 с.

5. Вехов, В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4. – С. 46–50.

Бишенова Марям Асланбековна,
курсант 3 курса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Таран Александра Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей

Проблема допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей сохраняет остроту в следственной и судебной практике. Увеличивающееся число преступлений против детей и случаев, когда несовершеннолетние становятся очевидцами, требует от правоприменителя специализированных познаний. Противоречие между необходимостью получения полных показаний и уязвимостью детской психики порождает комплекс процессуальных и этических разногласий.

Императив строгого следования международным стандартам защиты прав ребенка, внедренным в национальное законодательство, актуализирует тему. Современный стандарт предполагает учет психофизиологических особенностей развития, трансформируя допрос из ординарного действия в сложную процедуру. Игнорирование этой специфики ведет не только к утрате доказательств, но и к психологической травме несовершеннолетнего, последствия которой порой превосходят вред от первоначального правонарушения.

Допрос несовершеннолетнего представляет собой, как верно замечает Н.В. Осодоева, действие, отягощенное специфическими проблемами, требующими особого регулирования. Источник этих проблем коренится в фундаментальных различиях детской и взрослой психики: в сферах восприятия, мнемических процессов и коммуникации [1]. Пластичная, развивающаяся психика ребенка крайне уязвима к нагнетающему воздействию процедуры допроса. От следователя требуется не только юридическая компетентность, но и понимание основ возрастной психологии для установления рабочего контакта. Целью выступает не формальное соблюдение процедуры, а добывание объективной информации в условиях неустойчевости детского восприятия. Речевые и невербальные паттерны поведения следователя оказывают решающее воздействие на ход процессуального действия. Следовательно, допрос несовершеннолетнего диктует необходимость скрупулезной подготовки и высочайшего уровня профессиональной рефлексии.

А.Н. Матамаров обоснованно акцентирует первостепенное значение подготовительного этапа, подразумевающего сбор исчерпывающих данных о личности ребенка, условиях его развития и социальном окружении [2]. Целесообразно привлечение информации от родителей, педагогов, психологов, способных дать характеристику эмоционального статуса и коммуникативных компетенций. Также важен выбор места и времени допроса, с предпочтением знакомой или нейтральной обстановки специально оборудованного помещения. Временной регламент должен взаимодействовать с индивидуальным ритмом ребенка, минимизируя

фактор утомления. Обязательным условием является заблаговременное обеспечение участия законного представителя и специалиста-психолога, с четким определением их функционала. Без такой вводной работы последующие тактические усилия теряют эффективность.

Установление психологического контакта составляет сердцевину успешного допроса. Эта задача актуализируется с первых минут взаимодействия, предваряя процессуальные формальности. Следователю надлежит демонстрировать доброжелательность и эмпатийную включенность, избегая при этом как фальши, так и панибратства. Коммуникация выстраивается с опорой на ясную, возрастно-адекватную лексику, с исключением юридических абстракций. Канал контакта может открываться через обсуждение нейтральных, релевантных для ребенка тем – увлечений, школьной жизни. Невербальные компоненты – открытая поза, поддерживающий кивок – вносят существенный вклад в формирование атмосферы безопасности. Нивелирование страха и недоверия к официальному лицу создает предварительное условие для свободного изложения информации.

Институт участия педагога или психолога выступает ключевой процессуальной гарантией. Законодатель обязывает их присутствие при допросе лиц до 16 лет либо отстающих в развитии. Функционал этих специалистов многогранен: содействие в установлении контакта, адаптация вопросов, мониторинг психофизиологического состояния допрашиваемого. Педагог или психолог правомочен задавать вопросы и фиксировать замечания относительно протокола. Их заключение может оказаться определяющим при оценке влияния обстановки допроса на достоверность показаний. Следователь должен включать этих участников в процесс как полноправных субъектов, а не как формальный атрибут.

Фигура законного представителя призвана обеспечить психологическую поддержку и защиту интересов ребенка. Его процессуальные права включают знакомство с материалами дела, участие в допросе, заявление ходатайств. Однако на практике возникает несоответствие: представитель, находясь в состоянии стресса, может сам оказывать давление на ребенка, транслируя собственные ожидания. В такой ситуации следователю требуется тактично, но решительно разграничить роли, не допуская вмешательства в непосредственную коммуникацию. В исключительных случаях деструктивного поведения представителя закон допускает его отстранение. Таким образом, взаимодействие с законным представителем требует от следователя детальной подготовки.

А.В. Мордюк указывает на критическую значимость применения психологических приемов, адаптированных к возрастным особенностям и свободных от манипулятивного заряда. К законным тактическим приемам относится метод косвенного допроса, смещающий фокус с ключевых обстоятельств на смежные. Эвристический потенциал имеет метод актуализации ассоциативных связей, апеллирующий к сенсорным впечатлениям ребенка [3]. Для младшего возраста незаменимо использование наглядности – схем, рисунков, игрушек, опосредующих воспроизведение обстановки события. Каждый прием должен работать на активизацию памяти и речи, не смешивая содержание воспоминаний.

Тактика вопроса требует особого искусства. Вопросы несовершеннолетнему должны быть краткими, прозрачными, лишенными двусмысленности. Категорический запрет налагается на наводящие вопросы, эксплуатирующие детскую вну-

шаемость. Синтаксические конструкции усложнять не следует, равно как и предлагать дихотомический выбор («высокий/низкий»), предпочтительнее открытая формулировка («опиши его рост»). Логика вопросов обязана воспроизводить ход событий, способствуя построению связного описания. Обнаруженные противоречия не стоит акцентировать немедленно; продуктивнее вернуться к ним позднее, в иной формулировке. Терпение в выспрашивании оказывается залогом успеха.

Р.Р. Галяутдинов резонно акцентирует необходимость гибкой, адаптивной тактики поведения. Следователь должен быть готов к импровизационному изменению плана, ориентируясь на эмоциональный фон, признаки утомления, готовность ребенка к диалогу. Манифестация сильного стресса, ступор или плач требуют немедленного перерыва или прекращения допроса [4]. Тактика включает контроль невербальных сигналов: следователь демонстрирует открытость даже при получении неправдоподобных, на его взгляд, показаний. Раздражение или недоверие способны мгновенно деструктурировать установленный контакт. Следовательно, тактика есть не алгоритм, а живая, интерактивная работа, взывающая к эмпатии и психологической способности следователя справляться с изменениями, стрессом, непредвиденными ситуациями и кризисами.

Фиксация хода и результатов требует передачи не только семантики показаний, но и их языковых особенностей, включая речевые особенности ребенка. Протоколировать ответы целесообразно дословно, а не ретранслировать их канцелярским языком. В протоколе отражаются хронометраж, перерывы, факт использования аудио- или видеозаписи, состав участников. Видеофиксация, получающая сегодня распространение, позволяет документировать невербальные компоненты, обеспечивая тем самым защиту интересов ребенка и объективность доказательства.

К.Ю. Маевская констатирует ряд устойчивых проблем организации. Дефицит психолого-тактической подготовки следователей, для которых работа с детьми остается экстраординарной, ведет к формальному соблюдению процедуры при отсутствии подлинного контакта. Другая проблема – отсутствие в следственных подразделениях специально оборудованных помещений, лишенных давящей официальности. Стандартный кабинет с металлической мебелью и государственной символикой может сам по себе индуцировать страх [5]. Преодоление этих дефицитов предполагает системные изменения в подготовке кадров и материально-техническом обеспечении.

Возрастное разделение диктует дифференциацию тактики. Для дошкольников и младших школьников актуальны игровые методы и наглядность, а форма допроса сближается с беседой. Высокая внушаемость этой группы требует ювелирной точности в формулировках. Подросткам свойственны стремление к самоутверждению и негативизм, что требует от следователя уважительного тона и признания их значимости как источника информации.

Этический кодекс следователя при допросе несовершеннолетнего простирается дальше процессуальных предписаний. Профессиональная этика запрещает давление, обман, манипуляцию, эксплуатацию беспомощного состояния. Следователь несет моральную ответственность за психическое состояние ребенка, и его действия не должны усугублять исходную травму столкновения с правосудием. Эмпатия и готовность помочь могут оказать терапевтический эффект. Этический

императив – минимизация издержек взаимодействия несовершеннолетнего с карательным аппаратом.

Технологические новации открывают перспективы оптимизации процедуры. Помимо видеозаписи, это оборудование комнат скрытого наблюдения, позволяющее исключить прямое присутствие следователя. Ведение допроса тогда осуществляется опосредованно, а контакт обеспечивает педагог. Перспективно программное обеспечение для графического моделирования событий, помогающее ребенку реконструировать картину происшествия. Адекватное применение технологий способно снизить психологическую нагрузку, не жертвуя доказательственной ценностью.

Допрос потерпевших по сексуальным преступлениям сопряжен с максимальными сложностями. Комплекс вины, стыда, давление окружения часто приводят к сокрытию или противоречиям в показаниях. Здесь роль психолога становится доминирующей, а тактика требует особой бережности.

В.К. Земцова подчеркивает комплексный характер этой деятельности, успех которой рождается синергией усилий следователя, психолога и законного представителя. Следователь выступает дирижером, координируя вклад каждого участника для достижения общей цели – получения достоверных показаний при безусловном приоритете интересов ребенка [6].

Таким образом, проведенный анализ обнажает высокоспециализированную природу допроса несовершеннолетнего, успех которого зиждется на триаде: процессуальная корректность, учет психолого-возрастного фактора и этическая чуткость. Игнорирование любой из этих опор ведет к искажению процедуры, получению негодных доказательств и ретравматизации ребенка. Следователь, работающий с детьми, – это синтез юриста и психолога, способного создать безопасный коммуникативный коридор. Перспективы видятся в интеграции специальных знаний, технологических решений и межведомственного сотрудничества. Лишь такой целостный подход согласует интересы правосудия с высшим принципом – благополучием несовершеннолетнего.

Литература

1. Осодоева, Н. В. Некоторые вопросы, возникающие при производстве допроса несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) в уголовном судопроизводстве / Н.В. Осодоева // Мировой судья. – 2021. – № 9. – С. 31-36.

2. Матамаров, А.Н. Особенности подготовки к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей / А.Н. Матамаров // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 8 (212). – С. 141-143.

3. Мордюк, А. В. О значении и видах психологических приемов допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших / А. В. Мордюк, М. М. Сидоркина // Молодой ученый. – 2020. – № 20(310). – С. 294-296.

4. Галяутдинов, Р. Р. К вопросу о тактике поведения допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля / Р. Р. Галяутдинов, Д. И. Бикташев // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 25. – С. 19–25.

5. Маевская, К. Ю. Проблемные аспекты организации и проведения допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего / К. Ю. Маевская // Наука и

образование: отечественный и международный опыт. 9-я конференция. – 2024. – С. 10-14.

6. Земцова, В. К. Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля / В. К. Земцова // Политехнический юридический форум PolyLex (125 лет СПбПУ Петра Великого). X Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности». Сборник тезисов конференции. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 35-36.

Букулова Валерия Валерьевна,
курсант 3 курса
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Камнев Роман Викторович,
начальник кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Сочетание теории и практики в процессе обучения курсантов физической подготовке в образовательных организациях МВД России

Физическая подготовка в ведомственных вузах Министерства внутренних дел Российской Федерации является неотъемлемой частью профессионального становления будущего сотрудника органов внутренних дел. Ее цель – не только развитие физических качеств (силы, быстроты, выносливости, ловкости), но и формирование устойчивых прикладных навыков, психологической устойчивости и готовности к действиям в экстремальных условиях служебной деятельности [1, с. 45]. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос оптимального сочетания теоретической и практической составляющих в учебном процессе.

Так, без знаний и теории, и практики сотрудник не сможет нормально осуществлять свои функции по обеспечению законности и правопорядка. Хорошо данный пример иллюстрирует статья 20 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». В ней говорится о праве на применение физической силы сотрудниками полиции. В законе указано, что физическая сила, в том числе боевые приемы борьбы, применяется, если несиловые способы не обеспечивают выполнения действий гражданами. Если сотрудник не будет знать правовую теорию, но сможет хорошо выполнять приемы задержания, то нарушатся фундаментальные принципы деятельности полиции. Эта позиция работает и в обратном направлении: только знание теории без практики не сможет обеспечить законность.

Таким образом, сочетание теории и практики в рамках физической подготовки является базисом, реализуемым профессорско-педагогическим составом ведомственных вузов системы МВД России.

Теоретическая подготовка курсантов в области физической культуры закладывает научно-методический фундамент для эффективной тренировочной деятельности. Она включает в себя изучение основ теории и методики физического воспитания; анатомо-физиологических особенностей организма при мышечной деятельности; основ спортивной тренировки, принципов построения тренировочного процесса; основ здорового образа жизни и методик самоконтроля за состоянием организма; психологических основ подготовки к соревновательной и профессиональной деятельности.

Без усвоения этих знаний практические занятия могут превратиться в механическое выполнение упражнений, не способствующее осознанному совершенствованию и переносу навыков в профессиональный контекст.

Практическая сторона обучения традиционно является доминирующей и представлена учебно-тренировочными занятиями по общей физической подготовке (далее – ОФП) и профессионально-прикладной физической подготовке (далее – ППФП). ППФП имеет ключевое значение, так как именно она направлена на формирование специфических для сотрудника ОВД умений: преодоления полосы препятствий, техники рукопашного боя, применения боевых приемов борьбы, скоростного передвижения в экипировке, навыков владения табельным оружием в условиях физического напряжения [2, с. 22].

Эффективность практического компонента обеспечивается применением определенных методических принципов и подходов.

1. Принцип систематичности и последовательности. Тренировочный процесс строится как непрерывная система регулярных занятий, где объем и интенсивность нагрузки постепенно возрастают, а сложность упражнений увеличивается от простого к сложному.

2. Принцип доступности и индивидуализации. Нагрузка должна соответствовать уровню физической подготовленности каждого курсанта. Необходимы регулярный контроль и корректировка программ для сильных, средних и слабоподготовленных обучающихся.

3. Метод круговой тренировки. Широко применяется для комплексного развития физических качеств и силовой выносливости. Курсанты поочередно выполняют серии упражнений на различных «станциях», что позволяет за ограниченное время обеспечить высокую плотность занятия и нагрузку на все группы мышц.

4. Игровой и соревновательный методы. Использование спортивных и подвижных игр (футбол, баскетбол) способствует развитию ловкости, быстроты реакции, тактического мышления и коллективного взаимодействия. Соревновательный элемент (сдача нормативов, учебные схватки) мобилизует курсантов, моделирует элементы служебного противостояния.

5. Метод моделирования профессиональной деятельности. Наиболее важный методический прием. Он заключается в создании на занятиях условий, максимально приближенных к реальным ситуациям: задержание правонарушителя в ограниченном пространстве, преследование в темное время суток, действия в составе тактической группы.

Таким образом, качество практической подготовки определяет уровень сформированности прикладных двигательных навыков и психофизической надежности будущего сотрудника ОВД, обеспечивая его готовность к эффективным действиям по защите правопорядка.

Курсанты часто реализуют полученные знания на практике, они спасают жизни людей и защищают их от противоправных деяний.

Например, курсанты 3 курса факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции Волгоградской академии МВД России Данил Овчинников, Давид Кукишвили, Илья Дорофеев и Хетаг Фриев проезжали мимо магазина, когда услышали крики. Резко остановив автомобиль, курсанты устремились к источнику шума. Через мгновение перед ними развернулась сцена ограбления: из магазина выбегала группа молодых людей с украденными продуктами, за которыми гнались продавцы. Без промедления оце-

нив ситуацию, будущие оперативники бросились в погоню и перехватили преступников у машины. Двоих удалось задержать сразу, но остальные попытались бежать через дворы. Благодаря решительным действиям и применению навыков приемов задержания курсанты обезвредили всех нарушителей и удерживали их до приезда наряда полиции [3].

Так, в конце декабря 2018 года в Сеть попали кадры камер наблюдения Московского метрополитена, на них полицейский бежит за женщиной. Позже стало известно, что это курсант университета МВД Евгений Волков, в одиночку задержавший злоумышленницу, которая ножом ранила пассажира [4].

Эффективное сочетание теории и практики требует применения интегрированных методов обучения, при которых теоретические знания непосредственно подкрепляются практическими действиями и наоборот.

1. Предварительное теоретическое обоснование. Перед изучением нового практического раздела (например, техники броска в рукопашном бою) необходимо провести лекцию, в которой раскрывается биомеханика движения, его тактическое значение в различных ситуациях задержания, возможные ошибки и меры безопасности.

2. Анализ и разбор практических занятий. После выполнения комплекса упражнений или учебной схватки обязательным элементом должен стать совместный с курсантами разбор их действий. Здесь теоретические знания применяются для анализа ошибок, оценки эффективности техники и разработки путей ее совершенствования.

3. Решение тактических задач. Моделирование реальных ситуаций оперативно-служебной деятельности (например, задержание вооруженного преступника, преследование нарушителя) требует от курсанта не только физических действий, но и их тактического осмысления, основанного на знании правовых норм и тактики применения силы.

4. Использование методик самоконтроля. Курсанты должны на практике применять полученные теоретические знания по самоконтролю: ведение дневника тренировок, оценка частоты сердечных сокращений, определение уровня утомления. Это формирует ответственное отношение к собственному физическому состоянию.

5. Самостоятельная разработка тренировочных программ. На завершающих этапах обучения курсантам можно поручить самостоятельное составление плана тренировки на основе изученных принципов периодизации, дозирования нагрузки и учета индивидуальных особенностей.

Таким образом, процесс физической подготовки курсантов ведомственных вузов МВД России будет максимально эффективным только при условии неразрывной связи теории и практики. Теория придает практическим действиям осознанный, целенаправленный характер, а практика является критерием истинности усвоенных теоретических знаний и единственной средой для формирования профессионально важных умений и навыков. Внедрение интегрированных методов обучения, при которых каждое практическое действие подкрепляется теоретическим обоснованием и анализом, позволит готовить высококвалифицированных специалистов, готовых к выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях.

Литература

1. Карпов, А. В., Сидоров, А. С. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: проблемы и пути совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 4. – С. 44–48.
2. Воронов, И. А. Профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России: учебное пособие. – Москва: Издательство «Щит-М», 2019. – 168 с.
3. Курсанты Волгоградской академии МВД России задержали граждан, похитивших продукты из магазина [Электронный ресурс] URL: https://xn--80ad.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/64219757 (Дата обращения: 10.11.2025).
4. «Помню, было много крови». Как 18-летний курсант задержал преступницу в метро // ТАСС [Электронный ресурс]. -– URL: https://tass.ru/obschestvo/7431931 (Дата обращения: 10.11.2025).
5. Дмитриев, О. Н. Интеграция теоретических и практических знаний в физическом воспитании курсантов военных вузов // Вестник спортивной науки. – 2020. – № 5. – С. 34–38.
6. Лубышева, Л. И. Современные подходы к модернизации процесса физического воспитания в вузе // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 3. – С. 15–18.
7. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 01.07.2017 г. № 450 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 09.11.2025).
8. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 09.11.2025).

Бураков Евгений Михайлович,
студент 2 курса
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)

Научный руководитель:
Каменский Андрей Юрьевич,
доцент кафедры теории, истории государства и права,
социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат экономических наук

Проблемы выявления и пресечения преступных сообществ, организующих нелегальную трудовую миграцию

Современные миграционные потоки демонстрируют устойчивую тенденцию вовлечения значительной части мигрантов в неформальный рынок труда, что сопровождается развитием так называемых серых схем трудоустройства. Эти схемы часто организуются преступными сообществами, действующими транзитно и локально, что ставит перед правоохранительными и миграционными институтами задачу распознавания, пресечения и предупреждения подобных структур. Научная проблема, которой посвящена данная работа, состоит в том, чтобы разработать методологически обоснованные подходы к выявлению и противодействию преступным организациям (сообществам), эксплуатирующим мигрантов через нелегальное трудоустройство.

В научной литературе отмечается, что связь между миграцией и преступностью не является однозначной: часть исследователей подчеркивает криминогенные риски нелегальной миграции, другие – ее обусловленность структурными недостатками миграционной политики и рынка труда.

Утверждается, что специальные серые схемы трудоустройства мигрантов функционируют как скрытые узлы криминальных сетей, формирующих «темные цепи» трудовой миграции, и их обнаружение требует сочетания криминологических, сетевых и инструментальных методов анализа.

Под серыми схемами трудоустройства в контексте миграции принято понимать такие механизмы привлечения и удержания мигрантов в трудовых отношениях, которые формально могут казаться законными, но фактически обходят миграционные, трудовые и налоговые нормы, а также зачастую сопряжены с эксплуатацией и элементами принуждения. Эти схемы занимают промежуточное положение между полностью легальной занятостью и черным рынком труда.

Ключевые признаки серых схем:

– использование фиктивных или полулистовых договоров (это фиктивный документ, выполняющий декоративную функцию, формально подтверждая трудоустройство, но не обеспечивающий юридических гарантий и не являющийся полноценным юридическим актом), «коммерческих агентств», субподрядов, через которые труд мигрантов формально не числится у основного работодателя;

– задержки, переработки без оплаты, невыплата социальных гарантий, что создает зависимость мигранта от «услуг» посредников;

– структурная интеграция в криминальные сети, поставляющие мигрантов, контролирующие маршруты, транспорт, жилье, «разрешения на работу».

Научные исследования подчеркивают, что такие схемы становятся элементом криминальной экономики миграции.

Серые схемы трудоустройства не возникают изолированно. Они подпитываются сочетанием факторов миграционной политики, экономического спроса, правовой слабости и коррупционных условий. В работах Корсакова выделяется, что узкая легальная ниша миграции создает теневую прослойку, куда выталкиваются мигранты, не соответствующие формальным условиям [1].

Кроме того, криминологи указывают, что системы контроля и регулирования часто не успевают адаптироваться к изменчивым схемам миграционных потоков, что создает «окна возможностей» для нелегальных практик.

Наконец, спрос работодателей на дешевую, гибкую рабочую силу создает стимулирующую среду: многие сектора (строительство, аграрный сектор, бытовые услуги) не способны выдерживать полную легализацию всех работников, поэтому обращаются к посредникам, готовым обеспечить «серую» рабочую силу.

В научной литературе можно выделить три основных линии анализа:

1) криминологический подход, исследующий миграцию через призму преступности, субкультур, девиации [2, 3].

2) социально-экономический подход, рассматривающий миграцию как элемент экономики и теневой занятости [4].

3) сетевые и организационные подходы, изучающие структуру криминальных цепей, их связи и скрытую архитектуру (в том числе модели скрытых связей в криминалистике). Например, методики анализа двудольных сетей (bipartite networks) позволяют выявлять скрытые связи между организациями и объектами в преступных данных [5].

Каждый из подходов дает полезные реперные точки, но ни один сам по себе не обеспечивает достаточной полноты для раннего обнаружения серых схем трудоустройства мигрантов.

В работе предложены три методологических компонента:

1) криминологическая типология и профилирование: создание «портрета схемы», включающего признаки схемы, субъектов, каналы взаимодействий;

2) сетевая аналитика и алгоритмы обнаружения связей: применение методов анализа скрытых связей, графовых алгоритмов и машинного обучения для выявления групп и посредников;

3) инструментарий ситуационно-оперативного анализа: использование мобильной разведки, цифрового мониторинга, интеграции открытых и закрытых источников (OSINT, базы миграционных проверок, данные трудовых инспекций).

Эта тройственная рамка позволяет переходить от абстрактных гипотез к конкретным инструментам работы правоохранительных органов.

На базе эмпирических наблюдений и анализа литературы была сформирована следующая «концептуальная модель» серой схемы трудоустройства:

1-й узел – привлечение: агентство, консалтинг или посредник, предлагающий труд мигрантам, часто через рекламу работы без опыта;

2-й узел – транспортно-логистический: организация перевозок, фиктивное оформление въезда, маршруты транзита;

3-й узел – трудовое размещение: предприятия-исполнители, субподрядчики, объекты, куда размещаются мигранты;

4-й узел – контроль над мигрантом: финансовые/административные меры, долговые обязательства, лишение документов, контролируемое проживание;

5-й узел – маскировки и отмывки: компании-прикрытия, офшоры, схемы возврата средств, фасадная легализация операций [6].

Каждый узел связан с другими посредством цепочек материальных и информационных потоков. Любая схема может варьироваться: ее структура, «вес» каждого узла и степень централизованности переменны.

Исходя из модели, предлагается следующий алгоритм распознавания схем:

– сбор предварительных сигналов: жалобы мигрантов, обращения трудовых инспекций, проверки в секторах с повышенным риском;

– создание первичных баз данных субъектов: сбор записей о посредниках, организациях, работодателях, маршрутах перемещений;

– построение графа взаимодействий: связывание посредников с работодателями и мигрантами, фиксация транзакций (денежных, логистических);

– применение алгоритмов обнаружения сообществ и скрытых связей: кластеризация, анализ бипартитных или многослойных графов (например, модель, опирающаяся на концепцию hidden ties);

– выявление «узлов риска» и ключевых посредников: определение центроидов сети, «брокеров» и гравитационных центров;

– оперативное внедрение и проверочные действия: подставные мигранты, прослушивание, контрольные закупки;

– пресечение и сопровождение уголовных процессов: изъятие документов, аресты ключевых лиц, блокировка финансовых потоков.

Этот алгоритм предполагает обратную связь: информация из шагов пресечения возвращается в базу данных, уточняет модель и «стройку сети» [7].

Следует учесть, что метод зависит от качества исходных данных: значительная часть таких схем скрыта, мигранты боятся заявлять, посредники используют многоступенчатые маскировочные методы. Также успех зависит от межведомственного взаимодействия (миграционных, трудовых, налоговых и правоохранительных служб).

Современные исследования показывают, что серые схемы трудоустройства мигрантов нередко используют законодательно допустимые формы предпринимательской деятельности, придавая им тень криминального содержания.

Типичным примером выступают кадровые агентства, частные охранные предприятия, субподрядные строительные организации и ИП-посредники, которые формально имеют право на трудоустройство и предоставление персонала, но фактически выступают маскирующими звеньями преступных сетей. Такие субъекты создают «двойную структуру»: внешнюю легальность и внутреннюю нелегальность [8].

Внешний контур – это регистрация, отчетность, договорные отношения; внутренний – реальная эксплуатация мигрантов, передача заработной платы наличными, манипулирование разрешениями на работу. Как показывают крими-

нологические исследования, именно двойственность правового статуса посредников затрудняет их уголовно-правовую квалификацию [9].

Кроме того, подобные структуры активно применяют субконтрактацию и многоступенчатые цепочки, где каждый последующий исполнитель юридически отделен от предыдущего, вследствие чего достигается «расщепление ответственности»: найти прямого работодателя становится почти невозможно, а доказательная база распадается на отдельные «блоки», формально не связанные между собой.

Экономическая устойчивость таких схем обеспечивается двумя ключевыми потоками:

1) постоянным притоком дешевой рабочей силы, обеспечивающим гибкость издержек;

2) наличием «обналичных» или криптографических каналов перевода средств, позволяющих быстро распределять доход внутри сети [10].

Финансовая «жизнеспособность» схемы объясняется тем, что каждый элемент цепочки получает экономическую выгоду; работодатель снижает издержки, посредник получает комиссию, а мигрант, несмотря на отсутствие гарантий, получает доход выше, чем на родине. Возникает устойчивая криминально-экономическая экосистема, поддерживаемая взаимной зависимостью сторон [11].

Однако именно в этой взаимозависимости кроется уязвимость. Для ее разрушения достаточно вывести из цепочки ключевого посредника или ликвидировать источник финансирования [12].

Научные работы последних лет показывают, что применение финансово-аналитических инструментов (трассировка платежей, выявление «денежных воронок», анализ движения криптовалютных кошельков) дает высокий процент раскрытия преступных сетей [13].

Несмотря на наличие в законодательстве статей, направленных на борьбу с незаконной миграцией (в частности, ст. 322.1 и ст. 322.2 УК РФ), практика их применения остается ограниченной.

Сложность заключается в доказательстве устойчивости преступного сообщества и корыстного мотива. Юридическая неопределенность границ серых схем создает пространство, где посредники могут ссылаться на гражданско-правовой характер отношений, избегая уголовной ответственности.

Также проблемы вызывает разобщенность ведомств: миграционные службы фиксируют нарушения регистрации, трудовые инспекции – несоблюдение трудового законодательства, налоговые органы – уклонение от уплаты налогов, однако синхронной аналитической картины зачастую нет, а отсутствие единого аналитического центра, объединяющего эти данные, препятствует своевременному выявлению сетей [14].

Существенной проблемой является и низкий уровень правовой грамотности самих мигрантов, которые часто не способны отличить легальное трудоустройство от «серого». Это обстоятельство способствует устойчивости схем, так как потерпевшие не рассматривают себя как участники преступных процессов.

Организаторы таких схем представляют собой смешанный тип преступных сообществ, включающий как «классические» криминальные элементы, так и экономически образованных агентов.

Их структура, по наблюдениям криминологов, напоминает сетевую корпорацию, где каждый участник выполняет ограниченные функции вербовки, транспортировки, оформления, контроля либо перевода средств [15].

Анализ организационно-правовых и экономических механизмов показывает, что «серые» схемы представляют собой устойчивую многоуровневую систему, включающую экономические, правовые и криминальные элементы. Для эффективного пресечения необходимо не только совершенствовать уголовно-правовые нормы, но и развивать аналитические инструменты взаимодействия ведомств и финансового мониторинга.

На основе эмпирических данных можно представить сценарий: группа посредников вербует мигрантов, оформляет их через подставных работодателей, размещает на стройках с оплатой «в конверте». Контроль осуществляется через долговое обязательство, конфискацию паспортов, посредническое сопровождение. При вмешательстве правоохранителей посредники меняют маршруты, применяют дробление цепочек, офшорные транзакции [16].

Другой сценарий – трансграничная схема, где мигрантов переправляют через третьи страны, используя фиктивные визы, а затем подключают к серым трудовым схемам. Европейские отчеты подтверждают, что криминальные группировки адаптировали маршруты и методы (например, меньше использование поддельных ходатайств об убежище) [17].

Эти сценарии демонстрируют гибкость и изменчивость схем, что требует гибкости в их выявлении. В связи с вышеизложенным можно дать следующие рекомендации к правоохранительной практике.

1. Формировать межведомственные аналитические центры, обеспечивающие обмен данными между миграционными службами, инспекциями труда, налоговиками и правоохранительными органами.

2. Внедрять методы сетевой аналитики в оперативные подразделения и обучение аналитиков работе с графовыми алгоритмами.

3. Стимулировать мигрантов к сотрудничеству через гарантии конфиденциальности и защиту свидетелей.

4. Применять стратегию «ключевых ударов»: пресекать посредников-узлы, а не мелких исполнителей.

5. Разрабатывать правовые меры, запрещающие использование посреднических схем без лицензии, и санкционировать системы учета посредников.

6. Усилить международное сотрудничество: обмен информацией о маршрутах, финансовых потоках и схемах с соседними странами [18].

Таким образом, серые схемы трудоустройства мигрантов представляют собой структуру скрытых криминальных сообществ, действующих в сложной арене миграции, экономики и регулирования. Выявление таких схем требует комбинированного подхода – криминологического, сетевого и оперативного – и внедрения алгоритмов анализа скрытых связей.

Серые схемы — не просто «паразит» на теневом рынке, они интегрированы в криминальную миграционную инфраструктуру. Успешное противодействие должно ориентироваться на обнаружение ключевых посредников (узлов сети), а не только на пресечение отдельных эпизодов. Методика, основанная на графовом анализе и обратной связи от операций, способна адаптироваться к изменяющимся

схемам, а практическая реализация требует институционального взаимодействия, правовых нововведений и международной координации.

Литература

1. Корсаков, К. В. Эффективные формы и средства предупреждения криминальной активности трудящихся мигрантов в России // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-formy-i-sredstva-preduprezhdeniya-kriminalnoy-aktivnosti-trudyaschihsya-migrantov-v-rossii (дата обращения: 04.10.2025).
2. Аксенова, О. В. Незаконная миграция: криминологический подход // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 1 (65). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-migratsiya-kriminologicheskiy-podhod (дата обращения: 04.10.2025).
3. Герасимов, А. А. Криминальный аспект трудовой миграции в Российской Федерации // Российский следователь. – 2020. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnyy-aspekt-trudovoy-migratsii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 04.10.2025).
4. Петрова, Н. Ю. Трудовые мигранты: конкуренция или дополнение национальной рабочей силе // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 4(47). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-konkurentsiya-ili-dopolnenie-natsionalnoy-rabochey-sile (дата обращения: 04.10.2025).
5. Волкова, И. Н. Миграционные процессы и их роль в современном государстве // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-i-ih-rol-v-sovremennom-gosudarstve (дата обращения: 04.10.2025).
6. Абдуллаев, А. С. Незаконная трудовая миграция как объект криминологического изучения: дис. …канд. юрид. наук. – 2019. – URL: https://www.dissercat.com/content/nelegalnaya-trudovaya-migratsiya-kak-obekt-kriminologicheskogo-izucheniya (дата обращения: 05.10.2025).
7. Вестник Российского криминологического общества. – URL: https://journals.rcsi.science/0132-1625/issue/view/8262/ru_RU (дата обращения: 05.10.2025).
8. Сидорова, Е. П. О некоторых проблемах нарушения миграционного законодательства, незаконная миграция и торговля людьми в России // Юридическая наука и практика. – 2021. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-narusheniya-migratsionnogo-zakonodatelstva-nezakonnaya-migratsiya-i-torgovlya-lyudmi-v-rossii (дата обращения: 05.10.2025).
9. Кулешов, А. В. Противодействие преступности, связанной с организацией незаконной миграции, в период осуществления специальной военной операции // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-prestupnosti-svyazannoy-s-organizatsiey-nezakonnoy-migratsii-v-period-osuschestvleniya-spetsialnoy-voennoy (дата обращения: 05.10.2025).
10. Никонов, В. А. Социологические аспекты девиантного экономического поведения в России: причины и следствия [Электронный ресурс] // Экономика и

социология. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-aspekty-deviantnogo-ekonomicheskogo-povedeniya-v-rossii-prichiny-i-sledstviya (дата обращения: 05.10.2025).

11. Колобов, Р. Ю. Влияние концепций промышленного симбиоза на формирование нормативно-правовой базы экономической деятельности: российский и зарубежный опыт // Russian Journal of Economics and Law. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 257–272. – DOI: 10.21202/2782–2923.2025.2.257–272. – URL: https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2633 (дата обращения: 06.10.2025).

12. Михайлова, С. В. Теоретические основы и причины преступности мигрантов // Российский следователь. – 2018. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-i-prichiny-prestupnosti-migrantov (дата обращения: 06.10.2025).

13. Корсаков К. В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kontseptsiya-upravleniya-protsessami-v-sfere-vneshney-trudovoy-migratsii-v-sisteme-obespecheniya-kriminologicheskoy (дата обращения: 06.10.2025).

14. Министерство внутренних дел Свердловской области. Документы о регулировании миграционных процессов. – URL: https://midural.ru/normative_documents/100615/100629/page3/document187668/ (дата обращения: 06.10.2025).

15. Бучаков, М. П. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – № 3(38). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-inostrannyh-migrantov-v-rossii-fakty-i-domysly (дата обращения: 06.10.2025).

16. Долгова, Т. И. Стратегии совладания с жизненными трудностями трудовых мигрантов из стран СНГ в Москве // Социальная психология и общество. – 2022. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sovladaniya-s-zhiznennymi-trudnostyami-trudovyh-migrantov-iz-stran-sng-v-moskve (дата обращения: 06.10.2025).

17. Смирнова, А. С. Трудовая миграция: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – № 3(64). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-aktualnye-problemy-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 06.10.2025).

18. Киселев, Д. В. К вопросу о причинах совершения преступлений трудовыми мигрантами в РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2(46). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prichinah-soversheniya-prestupleniy-trudovymi-migrantami-v-rf (дата обращения: 06.10.2025).

Бурблис Егор Владиславович,
курсант
Академии МВД Республики Беларусь

Научный руководитель:
Соболевский Евгений Николаевич,
преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям

В современном мире, когда цифровое и реальное пространство стали неразделимы, перед нами как обществом встает новая сложнейшая дилемма: как использовать мощь технологий для обеспечения безопасности, не посягая на фундаментальные права и свободы, которые составляют основу всему. Мы находимся на пересечении дорог, где каждый наш шаг в сторону требует взвешенного и этичного подхода. Угрозы нашему спокойствию и безопасности становятся все более сложными и незаметными. Они не признают границ, используют самые современные технологии и прячутся в цифровом пространстве, оставаясь невидимыми до самого последнего момента.

Традиционно борьба с этими угрозами напоминала тушение пожара – реагирование уже после того, как пламя вспыхнуло. Но сегодня этого недостаточно. Чтобы быть на шаг впереди, нужны новые подходы, которые позволяют не просто реагировать, а предвидеть и предотвращать. Собственно, такой инструмент сегодня уже практически есть у каждого в телефоне, это искусственный интеллект. Просто представьте себе систему, которая способна буквально просеивать безграничную информационную паутину, она анализирует миллионы сообщений, фотографий и видео, чтобы выявить стандартные схемы злоумышленников: шаблоны, язык и символы, которые используют те, кто сеет ненависть и готовится принести насилие в мир. Это позволяет находить не просто отдельные слова, а целые сети влияния и вербовки. Или собирать пазл из практически хаотичных для обычных людей данных.

Когда расследование уже идет, искусственный интеллект может за часы проанализировать горы цифровых улик – то, что человеку не под силу сделать за месяцы. Он находит связи, распознает лица, выстраивает цепочки событий, освобождая экспертов для самой важной, аналитической работы. Искусственный помощник может помочь предупредить об угрозе до ее реализации. Анализируя данные, ИИ может оценивать риски и выявлять аномалии, будь то подозрительные финансовые потоки или поведение в Сети, указывающее на всевозможные несостыковки, которые могут помочь дать шанс на раннее вмешательство, что позволяет предотвратить преступление еще на стадии замысла, когда человек еще не перешел черту и его действия не причинили вред для ни в чем не повинных граждан, а не бороться с его последствиями.

Мощь современных технологий достаточно многогранна и пока контролируема, один и тот же инструмент, способный служить защите, при попадании в руки темной стороны, стороны зла, становится идеальным оружием для борьбы с правоохранительными органами и превращается в угрозу. Наша ключевая задача – не только эффективное, но и ответственное использование этих возможностей. Злоумышленники, такие как экстремисты и террористы, уже применяют искусственный интеллект для генерации убедительных фальшивых новостей, пропаганды и «дипфейков», манипулируя общественным сознанием и разжигая конфликты. ИИ автоматизирует поиск и вербовку уязвимых людей, анализируя их активность в соцсетях, а также оптимизирует внутреннюю коммуникацию преступных групп с помощью зашифрованных чат-ботов и алгоритмов, скрывающих их деятельность. Кроме того, генеративные модели позволяют создавать вредоносное программное обеспечение, проводить целевые кибератаки на важные объекты инфраструктуры и выявлять уязвимости в системах безопасности. Алгоритмы машинного обучения способны обрабатывать открытые данные: расписания, карты и сведения о системах защиты – для повышения точности и координации атак, делая их менее уязвимыми для противодействия.

Учитывая этот широкий спектр угроз, правоохранительные органы должны опережать преступников, и здесь незаменимым помощником мог бы стать собственный продвинутый ИИ-инструмент. Хотя искусственный интеллект уже используется, его потенциал раскрыт не полностью. К примеру, системы распознавания лиц с видеокамер все еще требуют значительного улучшения. Для ориентира можно использовать успехи наших дальних друзей, живущих на Востоке, их системы и алгоритмы действительно заслуживают высокой оценки и становятся для нас примером для подражания. Если бы нам предоставили разработки для усовершенствования данного вопроса, то преступность в целом снизилась бы на порядок.

Важно понимать, что результаты работы ИИ не бывают идеальными с первого раза и требуют тщательной проверки и анализа. Эта мысль отражена в выражении: «Нельзя получить бриллиант, перерабатывая песок на детской площадке». Качество прогнозов ИИ напрямую зависит от качества и объективности обучающих данных. Необъективная информация приведет к предвзятым результатам, а встроенные в данные социокультурные стереотипы могут заставить алгоритм необоснованно «подозревать» определенные группы людей, усугубляя дискриминацию. Слишком чувствительные системы порождают множество ложных срабатываний, перегружая операторов и отвлекая ресурсы от реальных угроз. Еще одна проблема – это то, что сложные нейросети не всегда позволяют понять логику принятия решений. Есть свой собственный алгоритм, по которому программа способна сама развивать свои ответы на базе изначально загруженной информации и той, что получает в момент ответов и анализа заданных ей вопросов, что создает трудности в судебных процессах, где требуется доказательная база. Утечка данных из судебной системы может подорвать сами основы правосудия: скомпрометировать участников процессов, дискредитировать судебные решения и разрушить общественное доверие к судебной системе. Кроме того, это создает прямую угрозу безопасности людей, раскрывая конфиденциальную информацию, и открывает возможности для шантажа и манипулирования судебными исходами.

Таким образом, вызов современности заключается не в том, чтобы слепо наращивать технологическую мощь, а в том, чтобы научиться встраивать ее в правовое и этическое поле. Будущее безопасности – не за грубой силой алгоритмов, а за их разумным и чутким применением, где ИИ служит щитом для общества, а не его смирительной рубашкой. Симбиоз человеческого опыта и скорости ИИ направлен на упреждающее выявление угроз – как в финансовых потоках, так и в онлайн-поведении. Развивая такие технологии, одновременно укрепляя правовые рамки и борясь с предвзятостью алгоритмов, мы можем создать систему, которая защищает жизни, не принося в жертву фундаментальные права. Только этот сбалансированный путь, на котором инновации идут рука об руку с ценностями свободы, приведет к подлинной и устойчивой безопасности.

Бурым Валентина Андреевна,
студент 4 курса
филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе

Научный руководитель:
Закаляпин Денис Владимирович,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе,
кандидат юридических наук, доцент

Процессуальные и криминалистические аспекты использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Актуальный этап развития уголовного судопроизводства характеризуется активным внедрением цифровых технологий и быстрым ростом объёма электронных данных, которые могут иметь доказательственное значение. Использование цифровых доказательств стало необходимой частью расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, связанных с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, экономическими преступлениями и иными деяниями, совершаемыми с применением информационных технологий.

Одновременно возрастают риски подделки, модификации и утраты цифровых данных, что требует совершенствования процессуальных и криминалистических механизмов их сбора и оценки. Дополнительный импульс этим изменениям придает внедрение технологий искусственного интеллекта, способных анализировать огромные массивы данных, выявлять скрытые связи и автоматизировать экспертные процедуры.

«Цифровизация общественных отношений, системы публичного управления, а также межгосударственного взаимодействия является вызовом современности для законодательных структур и реальностью нынешнего дня. Цифровые технологии широко внедряются не только в социально-экономических отношениях, но и также применимы в организации государственного и муниципального управления, что обусловлено их большей эффективностью по сравнению с замещаемыми технологиями организации и реализации условий уже сложившихся правоотношений» [1].

Правовой режим цифровых доказательств формируется на стыке уголовно-процессуального и информационного законодательства.

В соответствии со статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых субъекты расследования и рассмотрения уголовных дел в порядке, установленном законодательством, определяют наличие или отсутствие обстоятельств, которые подлежат доказыванию [2].

Статьи 474.1 и 474.2 УПК РФ, введенные относительно недавно, впервые закрепили процессуальные нормы, регулирующие использование электронных документов в судебном и досудебном производстве. Они допускают представле-

ние доказательств в электронном виде при условии обеспечения их подлинности и целостности, а также при наличии технической возможности.

В контексте электронных доказательств ключевое значение имеет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который определяет правовые режимы хранения, обработки и защиты данных [3].

Особое внимание уделяется разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», где уточняется порядок использования данных, полученных в сфере компьютерной информации, и указывается на необходимость соблюдения требований к их достоверности и проверяемости [4].

Появившиеся и активно увеличившиеся в правоприменительной практике новые источники доказательственной информации, которые имеют электронный (цифровой) вид, а также внесенные в последние годы изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) сформулировали вопрос о необходимости и целесообразности пересмотра действующих норм, регулирующих институт доказывания в уголовном процессе [5].

Сложившаяся ситуация обуславливает отсутствие единообразия в правоприменительной практике следователей при применении положений статей 81, 81.1, 82, 164 и 164.1 УПК РФ. Разнообразие научных подходов представителей уголовно-процессуальной и криминалистической теории к рассматриваемой проблематике также затрудняет выработку единых признаков, позволяющих однозначно установить, относится ли обнаруженный и изъятый объект к электронным носителям доказательственной информации.

Егор Дмитриевич Васильков в своих научных трудах, рассматривая вопрос об электронных носителях информации, высказал предложение о включении в статью 5 УПК РФ термина следующего содержания: «Электронный носитель информации – это материальное устройство, конструкция которого непосредственно предназначена для получения, хранения, обработки, передачи или копирования информации в таком виде, в котором данную информацию можно было бы использовать в вычислительных машинах, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) и информационных системах» [6].

В рамках диссертационного исследования Анна Александровна Балашова формулирует авторское определение понятия «электронный носитель информации», которое она предлагает рассматривать как самостоятельную дефиницию в системе уголовно-процессуальных категорий, а именно как «техническое средство, конструктивно предназначенное для хранения информации в электронно-цифровой форме, доступной для обработки с использованием средств вычислительной техники» [7].

Виктор Николаевич Григорьев (доктор юридических наук) и Олег Александрович Максимов (кандидат юридических наук) определили электронный носитель информации как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела ин-

формацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств» [8].

Цифровые доказательства обладают рядом особенностей, отличающих их от традиционных носителей информации. Они подвержены модификации, зависят от технических условий хранения, а их подлинность может быть установлена только с помощью специальных средств.

При проведении следственных мероприятий (ст. 182–184 УПК РФ) следователь обязан обеспечить не только физическое изъятие носителя, но и сохранение и фиксацию данных, состояния операционной системы и файловых структур. Использование ИИ на этом этапе возможно для автоматического поиска нужных файлов, анализа цифровых следов, распределения данных.

Обеспечение «цепочки хранения» является ключевым требованием процессуальной допустимости цифровых доказательств. Нарушение этой цепочки может привести к признанию доказательств недопустимыми. Применение ИИ позволяет автоматизировать протоколирование всех действий с цифровыми объектами и контролировать неизменность данных [9].

Однако следователь или специалист обязаны проверить результаты деятельности искусственного интеллекта для дальнейшей работы с этими данными.

Согласно ст. 84 и 86 УПК РФ результаты исследований и экспертиз цифровых данных приобщаются к делу как доказательства. Электронные документы предъявляются суду в оригинале или в виде заверенных копий. Если в ходе расследования использовались ИИ-системы (например, автоматическое распознавание лиц или анализ речи), их результаты должны подтверждаться заключением специалиста или эксперта, обладающего квалификацией в области форензики.

Криминалистика как наука разрабатывает методы обнаружения, фиксации и исследования следов преступлений. В цифровой век эти задачи решаются с использованием компьютерно-технических и сетевых экспертиз [10].

Искусственный интеллект в криминалистике используется для:

– распознавания лиц и номеров на видеозаписях (видеобиометрия);
– анализа голосов и речи (аудиоидентификация);
– выявления фальсификаций в фото- и видеоматериалах;
– анализа больших массивов переписок и логов;
– автоматической систематизации доказательственных данных [11].

Тем не менее ИИ в уголовном процессе не может выступать самодостаточным субъектом доказывания. Итоги его работы должны рассматриваться как вспомогательный инструмент, требующий экспертной проверки. Только после подтверждения специалистом такие результаты могут быть признаны допустимыми доказательствами.

Внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство сопряжено с рядом проблем.

1. Правовая неопределенность статуса ИИ-систем. УПК РФ не содержит норм, определяющих правовой режим автоматизированных заключений.

2. Угроза нарушения тайны частной жизни и персональных данных.

3. Непрозрачность алгоритмов («эффект черного ящика»), что противоречит принципу проверки достоверности доказательств (ст. 17 УПК РФ).

4. Нехватка подготовленных специалистов, способных интерпретировать результаты ИИ-анализа в криминалистическом контексте.

Вариантами усовершенствования законодательства и практики являются:

1) принятие специального федерального закона «О цифровых доказательствах и использовании искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве»;

2) создание реестра надежных ИИ-систем, допускаемых для судебно-экспертного использования;

3) введение правового элемента «автоматизированного заключения», результаты которого могут использоваться при условии экспертного подтверждения;

4) разработка методических рекомендаций Следственного комитета и МВД РФ по обращению с цифровыми доказательствами и использованию ИИ;

5) подготовка специалистов в области цифровой криминалистики и судебного анализа данных.

Использование цифровых доказательств стало объективной необходимостью современного уголовного процесса. Законодательство Российской Федерации уже создало основу для их допустимости, однако развитие технологий искусственного интеллекта требует дальнейшего совершенствования процессуального регулирования.

ИИ способен значительно повысить эффективность расследования, но его применение должно сопровождаться строгим соблюдением правовых основ, обеспечивающих проверяемость, воспроизводимость и прозрачность результатов. Только сочетание юридической определенности, научной обоснованности и технической подлинности позволит внедрить ИИ в систему доказательственного права, не нарушая принципов справедливого судебного разбирательства. Также стоит отметить, что применение ИИ как вспомогательного средства – это право субъектов досудебного расследования (следователя, дознавателя или прокурора), которое может помочь в конкретной ситуации.

Литература

1. Степаненко, Е. Н. Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости и достоверности // Российский юридический журнал. – 2023. № 4 .– С. 43–48.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-

телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

5. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

6. Васильков, Е. Д. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // StudNet. 2021. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ elektronnye-nositeli-informatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-2 (дата обращения: 29.10.2025).

7. Григорьев, В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник УЮИ. – 2019. – № 2(84). – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-elektronnyh-nositelei-informatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 29.10.2025).

8. Смешкова, Л. В. Электронный носитель информации: сложности терминологии / Л. В. Смешкова // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 144-146.

9. Дерягин, И. В. Правовое регулирование цифровых технологий // Юридическая наука. – 2023. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 29.10.2025).

10. Сомовой, М. В. Искусственный интеллект и криминалистика: новые вызовы и возможности // Вестник МВД России. – 2025. – С. 1337–1340.

11. Гущин, А. А. Цифровая криминалистика и доказательства нового типа. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 313 с.

Васильева Юлиана Анатольевна,
студентка 2 курса ННГУ им. Лобачевского

Научный руководитель:
Бондарь Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса ННГУ им. Лобачевского,
доцент, кандидат юридических наук

Жестокость к животным как объект уголовно-правовой охраны: юридический и моральный аспекты

Кто жесток с животными, тот
не может быть добрым человеком.
Артур Шопенгауэр

Основываясь на цитате великого философа Артура Шопенгауэра, можно сказать, что отношение человека к животным показывает его истинную натуру, раскрывает личность, отражает его душу. Подсвечивает то, что он пытается скрыть, подавить в себе. Не зря говорят, что отношение человека к животным является зеркалом его души.

В жизни человека животные играют важную и неотъемлемую роль. С ранних лет дети начинают взаимодействовать с животными со своими домашними питомцами или дворовыми, брошенными на произвол судьбы животными. Отсюда берется начало проявления первых чувств человека к тем, кто его любит и предан ему, в случае с домашними животными, а также к тем, кто намного слабее его. Животные учат доброте, бескорыстной привязанности, состраданию и терпению. Важно подмечать, какое отношение ребенок начинает проявлять к ним: ласково и бережно взаимодействует с ними или проявляет даже мимолетную жестокость. Все начинается именно с незаметных действий, которые очень часто остаются без внимания или «заедаются», однако, если никак их не пресекать, они могут перерастать в лютую жестокость, связанную с нанесением страданий и увечий животным. Задача родителей – подать пример должного обращения с животными, воспитать в детях милосердие и человечность.

Современное общество зачастую утрачивает понимание гуманности в отношениях с животными, что проявляется в росте актов жестокости по отношению к ним. Значимость этой проблемы выходит за рамки индивидуального насилия над животными и выступает индикатором глубинных социальных и моральных деформаций – безразличия, эмоциональной отчужденности и недостатка эмпатии.

Жестокость к животным представляет собой не просто физическое насилие, а в целом нарушение этических норм, которое способствует формированию у агрессора устойчивых негативных паттернов поведения, таких как неуправляемая агрессия, враждебность и озлобленность. В дальнейшем эти состояния могут трансформироваться в агрессию по отношению к другим людям, особенно к тем, кто больше всего уязвим.

Поэтому систематическое игнорирование жестокого обращения с животными является не только проблемой защиты их прав, но и предвестником дестабилизации общества и может привести к росту уровня насилия в обществе.

Это подтверждается словами врача-психиатра Виктора Ханыкова, который говорит в своей статье «О проблеме жестокости к животным», что «если человеку нравится причинять боль любому живому существу, если жизнь и страдания любого живого существа для него – предмет торжества и радости, он готов к мучению и убийству человека. А коли не делает он этого, то исключительно из страха наказания. И как только появится возможность безнаказанно проявить жестокость к себе подобному, таковая проявится» [1]. А о том, что жестокость, по сути, не имеет границ и перерастает из небольших преступлений в виде жестокого обращения с животными в преступления против личности, жизни и здоровья человека, заявил Роберт К. Ресслер, профайлер в области серийных убийц: «Убийцы зачастую начинали с того, что в детстве мучили и убивали животных» [2].

Например, если мы ознакомимся с биографиями самых известных серийных убийц, то выясним, что Андрей Чикатило издевался над кошками и собаками перед тем, как совершил 43 доказанных убийства. Анатолий Сливко перед тем, как убивать людей, разводил кроликов, которых после убивал и разделывал, получая удовольствие. Людоед Михаил Малышев сначала убивал и съедал домашних животных, а позднее прославился как «пермский каннибал».

Поэтому необходимо своевременно применять меры пресечения жестокого обращения с животными как на правовом уровне, путем привлечения живодеров к уголовной ответственности, а также по возможности ужесточения мер этой ответственности, так и на общественном уровне, путем реакции окружающих на такие деяния в виде осуждения, публичного порицания, моральной критики. Безусловно, нельзя переходить границу и умалять честь и достоинство обидчика, однако общественная реакция должна быть для него максимально доступной и понятной, нацеленной в том числе на воспитание гуманного поведения и нравственного мировоззрения.

Несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье, все равно с каждым годом число преступлений, связанных с проявленной жестокостью к животным, растет. Поэтому тех мер, которые приняты на сегодняшний день, явно недостаточно, чтобы сократить статистку данного вида преступности.

Например, случай с девушкой-подростком из села Платоновка Тамбовской области, которая снимала на видео, как вырезала стеклом сердце щенка, а затем прибила его на гвозди к деревяшке [3]. Данное видео завирусилось в сети Интернет, однако никакого наказания за содеянное не последовало. Дело в том, что девушка разрезала уже мертвого щенка. Но разве это не является жестокостью? Положить утопленного щенка (которого ранее вместе со всем пометом убили в ведре с водой) на деревянную балку как на операционный стол и вырезать его внутренние органы, снимая это на камеру, и выкладывать видео в Интернет – считается нормальным? Разве этот поступок воспринимается как незначительный и ничуть не тревожит окружающих? На видео подросток совершает надругательство над

телом щенка, жестоко изворачивая в нем острый край осколка стекла, смеется, будто это забавный процесс, она позволяет пускать себе язвительные шутки в адрес животного, настаивая на том, что «забрала бы его сердце себе домой». Девушку не привлекли даже к ответственности согласно Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ, а ведь данное видео было размещено в Интернете и его увидело свыше двадцати тысяч человек, среди которых могли оказаться не только дети, но и высокочувствительные и слабонервные люди, беременные женщины.

Данный пример показывает, что такие деяния часто остаются безнаказанными, что является «зеленым светом» для правонарушителей. Этот случай – не просто физическое насилие над животным, потому что щенок уже не чувствовал эту боль, ведь был уже мертв, убит от рук других людей. Причем убит тоже довольно изощренным, хотя и достаточно распространенным методом – утоплением. Этот случай – показатель неуравновешенного психического состояния человека, «звоночек», о котором стоит задуматься близким родственникам и окружающим: а на что способен этот человек?

Ненароком проскальзывает мысль о том, что у девушки уже развиваются патологии, которые таились в глубине души и сегодня дали о себе знать. Что, вероятно, она страдает эмоциональной дисфункцией или патологической агрессией, сталкивается с насилием в семье, не понимает социальных норм и не знает истинных, глубоких чувств человека, таких как доброта и сострадание к животным, не знает, что такое желание помочь слабому, оказать поддержку. Все это приводит к нарушению развития личности и тянет человека на дно, мешая познать счастье в жизни, человеческое отношение и доброту. Сейчас в ее мире царит холодная пустота без капли света, где растет только отчуждение. И если не принимать никаких мер, то это обернется катастрофой.

Это не просто нарушение, это полное моральное и эмоциональное разрушение, смертельная западня, в которой гибнет сама суть человеческого. Ошибочно полагать, что живодеры – это что-то далекое, что-то слишком явное, то, что нас никогда не коснется. Стоит оглядеться по сторонам, и можно понять, что они слишком близко, затаились в нашем городе, на нашей улице, в нашем подъезде, а может быть, в нашей комнате или кровати? Страшно осознавать, что близкий человек может свершать такие злодеяния без малейшего колебания, но еще страшнее закрывать на это глаза и растить рядом будущего преступника или серийного убийцу.

А сколько случаев преступлений, когда человек, будучи неприметным живодером, издевался, калечил и убивал людей! Стоит обратиться к статистике:

В июне 2025 года в Сосновоборске живодер, ранее издевавшийся над собакой, убил юношу-курьера [4].

В августе 2025 года в Волгограде живодер, ехавший на велосипеде, совершил жестокое убийство, нанеся несколько ножевых ранений пожилой женщине, гулявшей с собакой [5].

Это был такой же человек, всего лишь «выпускающий пар» на бедных животных, который не привлекался к ответственности или понес недостаточно соразмерное наказание за свои деяния.

Подробно пишет об этой проблеме в своей статье А.С. Джавадова: «На сегодняшний день действует статья 245 УК РФ – жесткое обращение с животными.

В соответствии с данной статьей предусматривается штраф в размере 80000, либо обязательные работы, либо исправительные работы, либо ограничение свободы на срок до трех лет – за жесткое обращение с животным, повлекшее его гибель либо увечье. Однако в ряде субъектов Российской Федерации имеются законы, устанавливающие административную ответственность за совершение жестоких действий в отношении животных. Полагаем, что проблема низкой эффективности борьбы с живодерами кроется не столько в отсутствии законодательных инструментов, сколько в нежелании правоохранительных органов в полном объеме и должным образом расследовать случаи жестокого обращения с животными и изобличать лиц, совершивших такие преступления» [6].

Также она упоминает о мерах борьбы с живодерами со стороны добровольческих организаций: «Они [организации] формируют у населения нашей страны гуманное отношение к животным, повышают информированность о правилах содержания, обращения с животными и об ответственности за жестокое к ним обращение» [6].

Однако, на мой взгляд, это мизерные меры, которые принимаются обществом и государством для борьбы с такой страшной проблемой, набирающей обороты. На практике ст. 245 УК РФ и принятый не так давно Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ слабо защищают животных и граждан. Отсутствует достаточный механизм контроля и реализации этих норм, недостаточно развит общественный и государственный надзор. В России еще не создана полноценная система профилактики и просвещения населения, направленная на формирование сознательного и гуманного отношения к животным. Многие случаи жестокого обращения остаются вне пристального внимания правоохранительных органов либо не получают должного расследования. Очень часто проекты, которые создаются для решения и предупреждения жестокого обращения с животными, не получают финансовой поддержки на реализацию данных мероприятий, а заявки на получение гранта сохраняют неизменный статус – «проект не получил поддержку».

Поэтому я считаю, что должны приниматься более сильные меры по борьбе с данным видом преступности.

Во-первых, ужесточение мер наказания по ст. 245 УК РФ, которое будет направлено на вынесение справедливых и достаточных в своей мере приговоров, соизмеримых с преступлением. Следует обращать внимание на опыт других стран, решающих проблемы жестокости к животным. Например, в США данное преступление квалифицируется как особо тяжкое и предусматривает более суровую ответственность;

Во-вторых, усилить контроль и надзор в правоохранительных органах, создать специализированное подразделение по правам животных, которое действительно бы привлекало к ответственности живодеров или назначало им принудительные меры медицинского характера. Усилить линию обвинения и сбор доказательной базы, подтверждающей незаконность действий лица. Помимо этого, внедрить чипирование всех домашних питомцев, что поможет выявить тех, кто выбросил своего питомца на улицу, подвергнув его опасности. Это приведет к более эффективному расследованию подобных дел и защите прав животных, а также приблизит наше общество к более высокому уровню цивилизации.

В-третьих, оказать хотя бы минимальную материальную поддержку волонтерским и благотворительным организациям, добровольческим центрам. С каждым годом они набирают все больше неравнодушных людей, которые готовы помочь, но нуждаются в огласке и возможности продвижения своих проектов. Необходимо содействовать работе приютов и реабилитационных центров для животных, популяризировать их деятельность.

В-четвертых, образовательные программы по этике и гуманному обращению с животными в социальных сетях, школах и вузах. Современный человек должен понимать, что быть милосердным и добрым по отношению к животным – это модно! Людям, оказывающим поддержку и материальную помощь животным, очутившимся в беде, полагаются похвала и уважение окружающих.

Это не исчерпывающий перечень мер, которые постепенно должны вводиться в нашем обществе и приниматься на законодательном уровне. Развитие нашего государства не может стоять на месте, а решение одной из значимых проблем, связанных с преступностью, значительно повысит уровень сознания населения, укрепит общественный порядок, сформирует культуру законопослушного поведения и создаст условия для стабильного социально-экономического роста.

Когда мы забываем о том, что животные способны испытывать эмоции, боль и страх, мы рискуем переступить грань, за которой теряется человечность. Безответственное и жестокое отношение к животным – это сигнал тревоги, что мораль и нравственные принципы нуждаются в переосмыслении. Мы обязаны помнить: забота о слабых – это высший показатель зрелости и развитости общества. Потому что от того, как мы обращаемся с самыми беззащитными, зависит не только судьба животных, но и душа самого человека.

Литература

1. Врач-психиатр Виктор Ханыков. О проблеме жестокости к животным // https://vk.com/wall-184034775_1209 (дата обращения: 07.10.2025).
2. Ресслер, Роберт. Кто сражается с чудовищами. Как я двадцать лет выслеживал серийных убийц для ФБР. – Москва: Эксмо, 2022. – 338 с.
3. Студентка ветинститута выложила в Сеть видео, где вытащила сердце у щенка // Вести-Тамбов. – URL: https://vestitambov.ru/new/studentka-vetinstituta-vylozhila-v-set-video-gde-vytashhila-serdce-u-shhenka/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 07.10.2025).
4. «Тогда пытался удавить собаку, а теперь…»: подозреваемому в удушении 19-летнего парня сошло с рук насилие над питомицей старушки-соседки // Комсомольская правда. – URL: https://www.krsk.kp.ru/daily/27713/5101873/?ysclid=mim3zue8ou173565173 (дата обращения: 07.10.2025).
5. Поссорились из-за собаки без поводка: в Волгограде маньяк на велосипеде жестоко убил прохожую и побрился налысо, скрываясь от следствия // Комсомольская правда. – URL: https://www.volgograd.kp.ru/daily/27735/5125784/?ysclid=mim42akpwu986532964 (дата обращения: 07.10.2025).
6. Джавадова, А. С. Актуальные проблемы и пути решения жестокого обращения с животными // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2023. – № 4. – С. 31–33.

Вильховский Александр Александрович,
студент 4 курса специальности «Юриспруденция»
Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи

Научный руководитель:
Хобби Юлия Сергеевна,
доцент кафедры государственного управления и права
Мариупольского государственного университет им. А.И. Куинджи,
кандидат юридических наук, доцент

Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Преступления, сопряженные с незаконным оборотом наркотических средств (НОН), совершенные при помощи информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС), охватывают действия, квалифицируемые статьями 228–233 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ключевым признаком этих преступлений является эксплуатация ИТС, включая интернет-пространство, в качестве инструмента для их реализации.

Анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 228–233 УК РФ, показывает, что использование сети Интернет может являться способом совершения преступления (например, сбыт наркотических средств через интернет-магазин – п. «б» ч. 1 ст. 228.1 УК РФ) или квалифицирующим признаком, отягчающим ответственность (например, склонение к потреблению наркотических средств с использованием сети Интернет – п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ) [1].

Квалифицирующие признаки, связанные с использованием ИТС, прямо предусмотрены в некоторых статьях УК РФ (например, ст. 230 УК РФ). В других случаях использование ИТС может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее наказание, согласно п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку свидетельствует о повышенной общественной опасности деяния.

Разграничение составов преступлений, связанных с НОН, совершенных с использованием ИТС, от смежных составов преступлений (например, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ), имеет важное практическое значение для правильной квалификации деяния и назначения справедливого наказания [2]. В случаях, когда денежные средства, полученные от сбыта наркотиков через Интернет, легализуются, содеянное образует совокупность преступлений, требующую квалификации по обеим статьям УК РФ.

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с НОН через Интернет, включает в себя типичные способы совершения преступлений, типичные следы, остающиеся при совершении данных преступлений, личность преступника, личность потребителя наркотиков и особенности способов сокрытия преступлений [3].

Типичные способы совершения данных преступлений:

1) создание и администрирование специализированных интернет-магазинов, предназначенных для сбыта наркотиков;

2) использование мессенджеров (Telegram, WhatsApp и др.) и социальных сетей для распространения наркотиков;

3) организация «закладок» и бесконтактной передачи наркотиков.

4) использование криптовалют (Bitcoin, Ethereum и др.) для оплаты наркотиков.

Типичные следы, остающиеся при совершении данных преступлений, включают:

– IP-адреса, логины, пароли, электронные адреса, используемые преступниками;

– информацию о транзакциях в криптовалютных системах (адреса кошельков, суммы переводов);

– сведения об используемых программных и аппаратных средствах (операционные системы, браузеры, приложения);

– цифровые следы переписки в мессенджерах и социальных сетях (тексты сообщений, фотографии, видеофайлы).

Личность преступника, как правило, характеризуется возрастом от 18 до 35 лет, наличием среднего или высшего образования. Что касается социального положения, то это, как правило, неработающие лица или лица, имеющие нестабильный доход. Мотивацией для них является получение прибыли. При этом имеют специальные знания и навыки в области информационных технологий.

Личность потребителя наркотиков, приобретающего их через Интернет, характеризуется возрастом от 16 до 40 лет. Мотивация приобретения наркотиков – удовлетворение личной потребности. Социальное положение таких людей может быть различным. Психологический портрет: лица, склонные к зависимостям, легко внушаемые, испытывающие проблемы с социальной адаптацией.

Особенности способов сокрытия преступлений включают:

1) использование анонимных интернет-сервисов (VPN);

2) шифрование трафика и переписки;

3) уничтожение или сокрытие цифровых следов.

Особенности возбуждения уголовного дела по факту НОН, совершаемого с использованием ИТС, связаны с необходимостью оперативного получения информации, подтверждающей факт преступной деятельности. Важным является установление IP-адресов, с которых осуществлялся сбыт наркотиков, а также информации о криптовалютных транзакциях.

Особенности проведения первоначальных следственных действий заключаются в следующем:

1) осмотр места происшествия (в случае задержания преступника) с целью обнаружения компьютерной техники, электронных носителей информации;

2) выемка компьютерной техники, электронных носителей информации для последующего проведения экспертиз;

3) назначение компьютерно-технических экспертиз для извлечения информации, имеющей значение для дела (история посещений сайтов, переписка в мессенджерах, данные о криптовалютных транзакциях);

4) допрос свидетелей и потерпевших (покупателей наркотиков) с целью установления обстоятельств сбыта наркотиков.

В связи со сложностью работы с цифровыми доказательствами, важную роль при проведении следственных действий играет специалист в области информационных технологий, который может оказать помощь в обнаружении и изъятии информации, необходимой для расследования [4].

Особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий заключаются в необходимости использования специальных технических средств для снятия информации с технических каналов связи, контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, а также проведения проверочной закупки. Эффективным может быть оперативное внедрение сотрудников правоохранительных органов в преступную среду [5].

Важным аспектом является взаимодействие следователя с подразделениями по борьбе с киберпреступностью, которые обладают необходимыми знаниями и опытом для расследования преступлений, совершаемых с использованием ИТС.

Международное сотрудничество при расследовании данных преступлений сводится к направлению международных запросов о правовой помощи в иностранные государства, на территории которых находятся серверы, используемые преступниками, или проживают лица, причастные к совершению преступлений. Важным является взаимодействие с международными организациями, такими как Интерпол [6].

При расследовании преступлений, связанных с НОН, совершенных с использованием ИТС, возникают следующие трудности:

– проблемы установления личности преступника, использующего анонимные средства связи и находящегося в удаленном местонахождении [7];

– проблемы получения доказательств, поскольку необходимые данные могут храниться на серверах, находящихся на территории иностранных государств, доступ к которым ограничен;

– проблемы квалификации преступлений, связанные с определением размера наркотических средств, распространяемых через Интернет, а также с разграничением покушения на преступление от оконченного преступления.

Пути решения выявленных проблем заключаются в:

1. совершенствовании законодательства в сфере регулирования интернет-деятельности [8];

2. развитии международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью [9];

3. повышении квалификации следователей и экспертов в области информационных технологий [10];

4. использовании современных технических средств при расследовании [11].

В качестве предлагаемого варианта решения стоит разработать специализированные программные обеспечения для мониторинга сети Интернет и выявления фактов сбыта наркотических средств, автоматически собирающие информацию, позволяющую установить преступника и задокументировать его деятельность. Это повысит эффективность раскрытия и расследования данных преступлений, сэкономит время и ресурсы правоохранительных органов.

В заключение следует отметить, что преступления, связанные с НОН, совершенные с использованием ИТС, представляют серьезную угрозу для общества, требующую комплексного подхода к их расследованию. Для повышения эффективности противодействия данным преступлениям необходимо совершенствовать законодательство, развивать международное сотрудничество, повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов и использовать современные технические средства.

Предложения по совершенствованию методов расследования данных преступлений включают:

– разработку и внедрение специализированных методик расследования данных преступлений, учитывающих особенности использования ИТС и анонимных средств связи;

– создание специализированных подразделений в структуре правоохранительных органов, занимающихся расследованием киберпреступлений, связанных с НОН;

– организацию регулярных курсов повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов, занимающихся расследованием данных преступлений.

Перспективы дальнейших исследований по данной теме связаны с изучением новых форм и способов совершения преступлений, связанных с НОН, с использованием ИТС, а также с разработкой новых методов противодействия данным преступлениям.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. –№ 25. – Ст. 2954.

2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. – 2006. – № 137.

3. Введенская, О. Ю. Криминалистическая характеристика незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / О. Ю. Введенская // Вестник Краснадарского университета МВД России. – 2022. – № 1(34). – С. 85-90.

4. Веденин, Д. А. Возможности компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет / Д. А. Веденин // Молодой ученый. – 2022. – № 48(443). – С. 211-214.

5. Белоус, В. И. Оперативно-розыскное обеспечение выявления и пресечения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых с использованием сети Интернет / В. И. Белоус, Д. В. Шулдайс // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 82-89.

6. Божьев, В. П. Уголовный процесс: учебник для вузов / В. П. Божьев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. – 592 с.

7. Анохин, Ю. В. Актуальные проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Ю. В. Анохин, А. В. Куликов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1(48). – С. 141-145.

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

9. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (ETS № 185) (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 32. – Ст. 5096.

10. Иванов, А. Н. Методика расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / А. Н. Иванов // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6. – С. 87-90.

11. Смушкин, А. Б. Использование специальных технических средств при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершенных с использованием сети Интернет: методические рекомендации / А. Б. Смушкин, А. В. Майоров. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 56 с.

Ворона Елизавета Ивановна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Аскаров Сергей Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Следы транспортных средств, их криминалистическое значение

Во время совершения многих преступлений возможно использование автомобиля, который выступает либо орудием для причинения телесных повреждений, либо средством перемещения преступников и перевозки похищенного имущества или человека. Довольно часто перед следствием может возникнуть проблема розыска и идентификации транспортного средства, следы которого были зафиксированы при осмотре места происшествия. Одной из частей автомобиля, которые оставляют следы на земле, являются его колеса. Следовательно, проблемы идентификации автомобиля по следам шин, оставленным на месте происшествия, следует детально изучать в области криминалистики.

Колеса являются неотъемлемой составной частью автомобиля, с помощью которой он передвигается по асфальтированной или грунтовой автодороге.

В соответствии с п. 5 Правил дорожного движения шины автомобиля характеризуются высотой рисунка протектора, допустимой нагрузкой, размером и конструкцией, определяются по маркировке. Шины колесных транспортных средств классифицируются по назначению, конструкции каркаса, форме профиля поперечного сечения, способу герметизации внутренней полости, способу регулировки давления, типу рисунка протектора, сезонности использования и наличию шипов противоскольжения [1].

Итак, существует немало характеристик автомобильной шины. Но для нашего исследования основным отличительным признаком является тип рисунка протектора. При контакте с поверхностью почвы рисунок протектора шины отображается в виде отпечатка, четкость которого зависит от состояния грунта и высоты рисунка протектора.

Отпечаток – это отражение внешнего строения контактирующей поверхности средообразующего объекта на следовоспринимающей поверхности. Следовательно, по отпечаткам, оставленным шинами автомобиля на месте происшествия, можно идентифицировать автомобиль, которому они принадлежат. Они могут быть радиальными и диагональными, шипованными и нешипованными.

Сбор следов совершения преступления начинается во время осмотра места происшествия, который может осуществляться с участием специалиста. В соответствии со ст. 160 УПК РФ следователь или привлеченный им специалист имеют право проводить измерения, фотографирование, видеозапись, изготавливать отпе-

чатки и слепки, осматривать и изымать вещи, которые имеют значение для уголовного судопроизводства [2].

А.И. Алдошина отмечает, что правильная организация работы на месте дорожно-транспортного происшествия, безусловно, требует привлечения специалиста. Это замечание представляется особенно актуальным при осмотре места ДТП, ведь после него может остаться большое количество следов: отпечатки протекторов колес автомобиля на грунте, осыпь стекла и лакокрасочных материалов, повреждения деревьев и ограждения, а также другие повреждения [3].

М.А. Нагоева утверждает, что в результате дорожно-транспортного происшествия на месте совершения преступления остаются, в частности, следы колес в результате торможения, заноса, скольжения, обособленные части лакокрасочного покрытия транспортного средства, части одежды потерпевшего, предметы и вещи, следы осыпи грязи и стекла, отдельные узлы, детали и элементы груза, отделившиеся от транспортного средства во время столкновения или наезда [4].

Д.В. Плотников отмечает, что основные задачи специалиста-криминалиста при оказании помощи следователю в проведении осмотра места дорожно-транспортного происшествия заключаются в обнаружении следов транспортного средства, оставившего место совершения преступления, выборе и применении наиболее эффективных научно-технических средств и методов для выявления, фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств, порядка их применения и определения направлений дальнейшего использования информации, полученной в результате осмотра и для проведения судебных экспертиз. Следовательно, при осмотре места происшествия следователь или специалист-криминалист должны обнаружить имеющиеся на почве следы колес автомобиля, который был участником дорожно-транспортного происшествия или использовался преступниками для быстрого перемещения [5].

Обнаруженные следы протектора колеса транспортного средства следователь должен подробно описать в протоколе осмотра. Криминалист такие следы фотографирует, а в случае наличия такой возможности из них изготавливаются слепки. И.К. Джанаралиев обращает внимание на то, что применение фото- и видеосъемки предоставляет возможность сохранить весь объем сведений в пределах определенного участка пространства. При этом чем больше пространства фиксируется с помощью указанных методов, тем больше информации становится доступно для исследования. Конечно, фото- и видеосъемка должны четко зафиксировать особенности рисунка протектора колеса автомобиля [6]. Следующим вариантом фиксации отпечатка шины колеса, оставленного на месте происшествия, является изготовление слепка, который четко отображает рисунок протектора.

Следовательно, для назначения транспортно-трасологической экспертизы необходимо сначала выявить автомобиль, который участвовал в ДТП или использовался во время совершения преступления. Далее нужно решить задачу по идентификации отпечатков колес этого автомобиля со следами шин, обнаруженными следователем на месте происшествия. Отпечатков шин автомобиля на земле не всегда может быть достаточно для идентификации транспортного средства, которое было на месте совершения преступления.

Необходимо учитывать, что шины и диски колес транспортного средства могут быть заменены как лично водителем, так и работником станции техниче-

ского обслуживания. В связи с изложенным можно порекомендовать осуществить следующие действия для идентификации автомобиля, следы которого обнаружены при осмотре места происшествия: кроме отпечатков шин, для идентификации транспортного средства следует использовать показания свидетелей относительно модели и цвета транспортного средства, следы осыпи стекла и лакокрасочных материалов на месте ДТП и повреждения на самом автомобиле. Для определения факта замены шин на автомобиле после совершения преступления следователю необходимо изъять все комплекты шин, которые будут обнаружены в домовладении или гараже подозреваемого; подтвердить факт замены шин на определенном автомобиле можно путем допроса работников станций технического обслуживания, расположенных рядом с местом жительства подозреваемого или на пути движения автомобиля от места совершения преступления к его дому.

Литература

1. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностями должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

3. Алдошина, А. И. Актуальные проблемы изъятия следов транспортных средств при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Научная дискуссия: теоретические и практические аспекты юридической науки. – 2021. – С. 3–7.

4. Нагоева, М. А. Исследование следов транспортных средств при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4(167). – С. 365–366.

5. Плотников, Д. В. Ошибки методического характера при криминалистическом исследовании следов транспортных средств // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2021. – № 2(41). – С. 34-37.

6. Джанаралиев, И. К. Классификация следов транспортных средств // Научная дискуссия: теоретические и практические аспекты юридической науки: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – 2021. – С. 104–110.

Ганиева Амина Ремзиевна,
слушатель 5 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Котляр Анастасия Ильдаровна,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Анализ миграционных процессов в Российской Федерации

Миграция представляет собой сложный процесс, который меняет «рисунок» расселения и развития не только в отдельных странах, но и во всем мире. Глобальное внимание, направленное на миграцию населения, значительно возросло, что в первую очередь связано с масштабами и значимостью этих миграционных явлений. В последние десятилетия дискуссия вокруг миграции стала особенно интенсивной. Миграция по своей сути означает акт переселения или перемещения людей из одного места в другое. Это явление сохранялось на протяжении всей истории: миллионы людей ежегодно пересекали национальные границы в поисках «новой родины». Следовательно, эта значительная и продолжительная человеческая деятельность потребовала развития всестороннего понимания миграционных процессов.

Миграционные потоки могут проявляться в двух различных масштабах: внутри границ одной страны и через международные границы, что приводит к возникновению двух различных категорий миграции населения: международной (также известной как межгосударственная или внешняя) и внутренней (называемой внутригосударственной) [1]. Международная миграция влечет за собой понятия иммиграции и эмиграции. Иммиграция означает въезд в другую страну, часто обусловленный такими мотивами, как трудоустройство, получение образования или семейные связи. И наоборот, эмиграция означает выезд из родной страны для проживания в другом месте. Международная миграция, обусловленная целым рядом причин, в современных реалиях приобретает все большие обороты и набирает большее число участников данного явления. Количество стран, привлеченных к международному миграционному процессу, существенно растет, в первую очередь за счет Центральной и Восточной Европы, а также стран СНГ [2].

В системе современных глобальных миграционных процессов Российская Федерация стала и наверняка будет оставаться в перспективе крупной принимающей страной. Миграционная политика Российской Федерации, как и любой другой страны, имеет свои особенности в плане ее формирования. И здесь следует учитывать определенные обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к процессу перемещения значительных масс людей. Среди них встречаются беженцы, переселенцы, трудовые мигранты. В процессе глобализации миграционные про-

цессы оказывают значительное влияние на экономическую, политическую и социальную сферы [3].

Появление на территории страны большого количества международных миграционных потоков связано в первую очередь с целями мигрантов и их реализацией в различных сферах. По данным, изложенным в Национальном докладе о реализации государственной политики в сфере образования за 2023/2024 учебный год [4], подготовленном под руководством вице-премьера Т.А. Голиковой, общее количество иностранных студентов в российских образовательных организациях достигло 355765 человек. При этом из текста доклада следует, что за последние пять лет данный показатель увеличился на 16%. Из этого можно сделать вывод о наличии устойчивой положительной динамики, несмотря на имеющиеся внешнеполитические и геоэкономические ограничения.

В рамках квоты, установленной Правительством Российской Федерации на 2023/2024 учебный год, было принято 29728 иностранных граждан, что практически полностью соответствует установленному лимиту в 30000 мест. Следует отметить, что упомянутая квота представляет собой механизм государственно-политической поддержки въезда иностранных граждан в целях получения образования, который, в отличие от контрактной формы обучения, не предполагает оплаты за обучение со стороны студента.

При этом министром науки и высшего образования Российской Федерации было предложено расширить данный механизм за счет введения системы грантового финансирования, которая, по его мнению, может повысить привлекательность российской образовательной среды. В отличие от квоты грант предполагает не только бесплатное обучение, но и покрытие сопутствующих расходов, таких как проживание, транспорт и медицинская страховка, что видится целесообразным с точки зрения повышения международной конкурентоспособности российского образования.

Видится, что развитие образовательной миграции преследует не только академические, но и политико-стратегические цели. Существующая практика взаимодействия с выпускниками российских вузов, являющимися гражданами других государств, подтверждает наличие долговременного внешнеполитического эффекта. Указанные лица, как правило, сохраняют положительное отношение к Российской Федерации, что способствует укреплению двусторонних международных связей. С учетом этого образовательная миграция рассматривается как инструмент мягкой силы, встроенный в общую систему национальных интересов в гуманитарной сфере. Таким образом, образовательная миграция на пространстве СНГ выступает в качестве одного из устойчивых векторов реализации интеграционной политики России.

Особое место занимает трудовая миграция. Сам этот термин обозначает явление, при котором люди пересекают географические границы либо для того, чтобы навсегда переехать, либо вернуться в свое первоначальное место жительства с основной целью поиска возможностей трудоустройства. В соответствии с критериями, установленными Организацией Объединенных Наций, лица классифицируются как мигранты, если они проживают в иностранном государстве срок, превышающий шесть месяцев.

С точки зрения экономики страны трудовая миграция представляет собой явление, характеризующееся как благоприятными, так и неблагоприятными аспектами. Положительным моментом является решение проблемы дефицита рабочей силы, что способствует экономическому росту. Кроме того, привлечение иностранных граждан в российскую экономику позволяет обеспечить экономически эффективное предоставление услуг, что приводит к экономии как государственного бюджета, так и предпринимательского капитала. Значительная часть мигрантов занимает низкоквалифицированные должности, что не мешает россиянам иметь квалифицированную профессию с соразмерно более высоким заработком.

Миграционные процессы в современной Российской Федерации характеризуются устойчивой тенденцией роста количества иностранных граждан, прибывающих с целью осуществления трудовой деятельности. По данным Федеральной службы по труду и занятости, а также Главного управления по вопросам миграции МВД России, на протяжении последнего десятилетия фиксируется значительный приток трудовых мигрантов, преимущественно из стран ближнего зарубежья (Республика Узбекистан, Таджикистан, Киргизская Республика).

Отметим, что в 2024 году были внесены изменения в миграционное законодательство, направленные на ужесточение контроля за пребыванием иностранных граждан. В частности, с 1 января 2025 года вступает в силу закон, ограничивающий срок пребывания иностранных граждан без разрешительных документов до 90 суток в течение одного года [5]. Это изменение направлено на предотвращение практики многократного въезда и выезда с целью обнуления миграционной истории.

Кроме того, в декабре 2024 года был подписан закон, запрещающий зачисление в школы детей мигрантов, не владеющих русским языком. Необходимый уровень знания языка должен быть подтвержден через тестирование, а также требуется подтверждение законности пребывания ребенка в России [6]. Эти меры направлены на улучшение интеграции мигрантов в российское общество и обеспечение качества образования.

Можно утверждать, что в 2023–2024 годах миграционная политика Российской Федерации демонстрирует тенденцию к ужесточению контроля за трудовой миграцией, с акцентом на обеспечение законности пребывания иностранных граждан, их интеграцию в общество и защиту национальных интересов. Вместе с тем статистические показатели подтверждают, что ключевыми административно-правовыми проблемами остаются вопросы контроля за соблюдением трудового законодательства со стороны работодателей. Несмотря на масштаб и значимость явления, административно-правовое регулирование трудовой миграции в России носит преимущественно реактивный, а не профилактический характер. Государственные меры, как правило, направлены на пресечение нарушений, а не на создание условий для легальной и контролируемой миграции. Например, положения п. 2 ст. 13.3 Закона № 115-ФЗ допускают введение квот на привлечение иностранных работников, однако механизм их применения часто сопровождается бюрократическими трудностями, что, по оценкам представителей бизнеса, способствует уходу мигрантов в теневой сектор.

В этой связи представляется необходимым совершенствование административных механизмов в сфере миграционной политики. Возможно, требуется институциональное усиление миграционного контроля на местах с учетом региональ-

ных диспропорций, а также внедрение цифровых систем учета, обеспечивающих межведомственное взаимодействие между МВД, Минтрудом и Федеральной налоговой службой. Кроме того, важным представляется введение индикаторов эффективности административных мер, включая снижение уровня нелегальной занятости, рост количества заключенных официальных трудовых договоров и уровень языковой и правовой адаптации мигрантов. В связи с этим видится необходимым дальнейшее совершенствование законодательства не только в направлении ужесточения санкций, но прежде всего в части упорядочивания процедур, устранения пробелов правового регулирования, а также укрепления профилактической и интеграционной составляющей миграционной политики. Судебная практика демонстрирует устойчивый спрос на правовые разъяснения и унификацию подходов к оценке аналогичных фактических обстоятельств, что также подтверждает актуальность повышения качества нормативной базы и управленческих решений в указанной сфере.

Литература

1. Воробьева, О. Д. Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы. – Москва: Проект, 2013. – 225 с.
2. Тарасенко, Е. Н. Зарубежный опыт государственного регулирования миграционных процессов // Международный журнал перспективных исследований. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 129-156.
3. Хабибулин, А. Г., Мурсалимов, К. Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции: правообразующий аспект // Миграционное право. – 2025. – № 2. – С. 2–5.
4. Ежегодный доклад Правительства о реализации государственной политики в сфере образования в 2024 году. – URL: http://government.ru/dep_news/55083/ (дата обращения: 12.10.2025).
5. Ноева, Е. Е. Анализ влияния международной миграции на формирование рынка труда: теоретические и практические аспекты //Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». – 2022. – № 3. – С. 65-75.
6. Трудовая миграция стала одной из главных социальных и экономических проблем России. – URL: https://expert.ru/obshchestvo/vsye-priekhali/ (дата обращения: 12.10.2025).

Гнедаш Дарья Сергеевна,
студентка 2 курса
юридического факультета
Северо-Кавказского социального института

Научный руководитель:
Вербицкая Мария Александровна,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин
Северо-Кавказского социального института,
кандидат юридических наук, доцент

Проблема медицинского освидетельствования водителей на состояние алкогольного опьянения

В условиях стремительного развития технологий и усложнения правоприменительной практики вопрос технической достоверности доказательной базы в делах об административных правонарушениях, связанных с алкогольным и наркотическим опьянением, приобретает особую актуальность.

Анализ судебной практики и статистических данных указывает на то, что использование оборудования с истекшей поверкой или нарушение технологической и процессуальной цепочки существенно искажает результаты экспертиз. Эти данные подтверждаются как результатами недавних решений высших судебных инстанций, так и практическими наблюдениями экспертов на местах.

Решение Верховного суда РФ от 18 июня 2024 г. № 70-АД24-3-К7, где отказано в признании результатов химико-токсикологического исследования мочи, проведенного с использованием газового хроматографа с истекшей поверкой, стало наглядным примером «проколотой» технической ошибки. Это яркий пример того, как небрежное отношение к поверке оборудования может привести к отказу в принятии доказательств.

Суд, акцентируя внимание на отсутствии актуального свидетельства о поверке, постановил, что даже контрольный образец, находящийся в архиве, не может служить основанием для повторного исследования без составления нового акта, что в свою очередь ломает цепочку доказательств и ставит под сомнение объективность судебного разбирательства. Такой «бюрократический казус» негативно сказывается на квалификации обвинения, порождая ситуацию, когда водителя оправдывают или дело прекращают из-за отсутствия состава административного правонарушения, что подрывает доверие к правосудию в целом [1].

На фоне подобных инцидентов Минздрав России 15 февраля 2025 года предложил проект нового порядка медосвидетельствования, который должен устранить существенные лазейки в действующем законодательстве и повысить качество доказательной базы.

Предлагаемые изменения предполагают сокращение числа оснований для проведения медосвидетельствования (например, исключение процедуры по направлению службы занятости) и пересмотр структуры самой процедуры.

Теперь при проведении медосвидетельствования акцент делается на осмотре квалифицированным специалистом – психиатром-наркологом, иным врачом

или фельдшером, прошедшим специализированное повышение квалификации, а также на исследовании выдыхаемого воздуха с определением содержания алкоголя. Дополнительно применяется иммунохимический метод для предварительного выявления психоактивных веществ в моче с возможностью замены биообразца на кровь, если сдача мочи оказывается невозможной.

Подтверждающее исследование будет проводиться методом хромато-масс-спектрометрии с обязательным определением уровня этилового спирта, что позволит «зашкалить» объективность результатов. До начала процедуры гражданин обязан подписать информированное согласие, а медорганизации, осуществляющие обследование, должны иметь соответствующую лицензию.

Примечательно, что вместо традиционных трех типов заключений вводится четвертый, позволяющий зафиксировать ситуацию, когда состояние опьянения не установлено, но выявлено употребление психоактивного вещества, что позволяет «подкосить» правовые лазейки и обеспечить более точное отражение фактического состояния лица [2].

Мнения экспертов остаются весомыми в юридическом сообществе. Так, А.Я. Гришко неоднократно подчеркивал, что меры административного воздействия в борьбе с преступностью среди наркопотребителей играют решающую роль, поскольку законодательство предусматривает ответственность за потребление наркотиков без назначения врача и за уклонение от прохождения диагностики и лечения. Он указывал на то, что стабильность ситуации во многом обусловлена тем, что многие наркопотребители не воспринимают свое состояние как болезнь. Это приводит к латентности преступлений и создает дополнительные «подводные камни» для правоохранительных органов [3].

Я.С. Сидоров акцентировал внимание на проблеме отказа водителей от прохождения медицинского освидетельствования, что подтверждается статистическими данными МВД РФ, где существенная доля дел возникает именно из-за этого отказа. Такая практика вынуждает применять лишь поверхностные административные меры, что не позволяет полноценно выявить факт наркотического опьянения и ухудшает безопасность на дорогах [4].

Д.А. Газизов, в свою очередь, отмечал бессистемность развития законодательства в сфере медицинского освидетельствования и предлагал разработать единый унифицированный документ, регламентирующий процедуру, а также ввести самостоятельную административную ответственность за отказ от проведения медосвидетельствования на состояние наркотического опьянения [5].

В заключение хотелось бы отметить, что вышеназванное решение Верховного суда от 18 июня 2024 года демонстрирует, что техническая достоверность доказательной базы – настоящий краеугольный камень. Нарушение установленных норм поверки оборудования лишает результаты экспертиз юридической силы и приводит к прекращению дела, что негативно сказывается на привлечении виновных к ответственности. Проект нового порядка медосвидетельствования, предлагаемый Минздравом, является своевременной и необходимой мерой для устранения существенных пробелов в законодательстве, повышения объективности доказательной базы и обеспечения качественного рассмотрения дел. Комплексный подход, основанный на современных методах диагностики и подтверждения результатов, не только снижает вероятность оправдания водителя из-за

технических недочетов, но и способствует укреплению доверия граждан к судебной системе, создавая баланс между интересами государства и правами граждан.

Литература

1. Постановление Верховного Суда РФ от 18.06.2024 № 70-АД24-3-К7 (УИД 89MS0020-01-2023-000979-77) – Текст: электронный // Гарант: [сайт]. – URL: http: www.garant.ru (дата обращения: 16.09.2025).

2. Проект Приказа Минздрава России (подготовлен 15.02.2025). – Текст: электронный // Гарант: [сайт]. – URL: http: www.garant.ru (дата обращения: 16.09.2025).

3. Гришко, А. Я. Совершенствование административно-правовых мер в сфере предупреждения преступности лиц, злоупотребляющих наркотиками / А.Я. Гришко. – Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. – URL: http: www.consultant.ru (дата обращения: 16.09.2025).

4. Сидоров, Я. С. О возможности привлечения водителей транспортных средств, отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, к административной ответственности за незаконное потребление наркотических средств. – Текст: электронный / Я. С. Сидоров. – Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. – URL: http:www.consultant.ru (дата обращения: 16.09.2025).

5. Газизов, Д. А. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / Д. А. Газизов. – Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. – URL: http: www.consultant.ru (дата обращения: 16.09.2025).

Горбачева Дарья Павловна,
слушатель 5 курса
Орловского юридического института
МВД России им. В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Смоляков Данил Андреевич,
преподаватель
кафедры физической культуры и спорта
Орловского юридического института
МВД России им. В.В. Лукьянова

Взаимосвязь физического воспитания и профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел

Современные проблемы в области физической подготовки сотрудников правоохранительных органов многогранны и требуют систематического анализа. Сотруднику органов внутренних дел необходимо поддерживать свою физическую подготовку и эмоционально-психологическое состояние, поскольку, если оно будет нестабильным или длительное время находиться в подавленном положении, он будет не в состоянии осуществлять плодотворно и эффективно свою профессиональную деятельность [1, с. 14]. В этой связи актуальной проблемой и существенным препятствием остается стабильно низкий уровень мотивации к занятиям физической подготовкой и спортом, наблюдаемый у значительной части сотрудников. В свою очередь, данная проблема усугубляется материально-техническими ограничениями, а именно ограниченным доступом к функциональным учебным средам и оборудованию, а также различного рода организационными ограничениями, связанными с расписанием и планированием использования спортивных помещений и сооружений, отсутствием тренерского состава и обслуживающего персонала.

Решение этих проблем требует внедрения структурированных, основанных на фактических данных мероприятий. Одним из эффективных методов повышения мотивации является внедрение материального стимулирования, основанного на уровне физической подготовки сотрудника. На сегодняшний день сотрудник органов внутренних дел может получать ежемесячную надбавку к должностному окладу, предусмотренную приказом МВД России от 8 ноября 2018 г. № 750 «Об утверждении Порядка установления поощрительных выплат за особые достижения в службе сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации», за имеющиеся у него спортивный разряд или спортивное звание (от 5 до 15%), а также надбавку за имеющееся квалификационное звание (от 5 до 30%), которая предусмотрена приказом МВД России от 31 марта 2021 г. № 181 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

Однако для повышения мотивации к занятиям физической подготовкой указанных методов материального стимулирования явно недостаточно и целесообразно введение ежемесячных надбавок к должностному окладу за сдачу физиче-

ской подготовки на соответствующий квалификационный уровень, по аналогии с надбавкой, утвержденной приказом Министерства обороны № 430 от 31 июля 2019 года «Об утверждении Правил выплаты ежемесячной надбавки за особые достижения в военной службе военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту».

Военнослужащий при успешной сдаче квалификационного уровня физической подготовленности, а также при выполнении или подтверждении спортивных разрядов по военно-прикладным видам спорта и наличии спортивных званий (почётных спортивных званий) по любому виду спорта получает право на ежемесячную надбавку к окладу в размере от 15 до 100%. Введение аналогичного механизма материального стимулирования может существенно поспособствовать повышению уровня мотивации сотрудников к занятиям спортом и физической подготовкой, поскольку будут созданы ощутимые стимулы повышения заработной платы и профессионального роста, что, в свою очередь, приведет к долгосрочному участию сотрудников в мероприятиях по физическому развитию. В итоге сотрудник будет мотивирован прилагать постоянные усилия в направлении формирования у себя потребности к самосовершенствованию, овладению специальными знаниями, умениями и навыками [2, с. 64].

Наряду с мотивацией, основанной на материальном поощрении, важное значение по-прежнему имеет улучшение спортивной инфраструктуры. Строительство или перепрофилирование спортивных залов, зданий и сооружений на территории структурных подразделения МВД позволит повысить доступность занятий физической подготовкой и спортом, а также не затрачивать время и деньги, которые обычно уходят на поездки во внешние спортивные залы, тем самым потенциально увеличит время, проводимое сотрудниками на тренировках.

Система физической подготовки в Министерстве внутренних дел РФ не может функционировать в отрыве от поведенческих и образовательных факторов. В этой связи проблема низкой мотивации, если ее проанализировать, часто отражает более глубокий когнитивный разрыв: многие сотрудники не в состоянии осознать критическую значимость физической подготовки для профессиональной деятельности. Этот разрыв в восприятии может быть сокращен с помощью целенаправленных информационных программ, которые связывают физическую готовность с реальной тактической эффективностью и устойчивостью к профессиональному стрессу.

Еще одним ключевым фактором, вызывающим тревогу, является низкий уровень внимания, уделяемого физической активности и занятиям спортом, среди курсантов и слушателей учебных заведений системы МВД. Изучение будущими сотрудниками служебно-прикладной физической подготовки – необходимое условие в работе, так как без таких умений сотрудник не сможет качественно выполнять возложенные на него задачи [3, с. 133]. В этой связи систематическая пропаганда физической культуры – это осознанная необходимость, поскольку физическая подготовка является важнейшим элементом в формировании качеств, необходимых для выполнения функций правоохранительных органов, таких как саморегуляция, физиологическая адаптивность и психологическая выносливость. Таким образом, отсутствие широкого участия в занятиях физической активностью и

спортом на этапе обучения представляет собой упущенную возможность для личностного развития.

Соответственно, институционализация поведенческих моделей, ориентированных на необходимость в занятиях физической активностью и спортом, в рамках начальной стадии обучения может улучшить физическую подготовку в долгосрочной перспективе, однако необходимо учитывать, что обеспечение высокого уровня двигательной активности за два академических часа в неделю недостаточно для решения проблемы [4, с. 51]. Обязательное участие в спортивных соревнованиях, структурированная оценка физической формы, интегрированная в показатели академической успеваемости, и включение оздоровительной грамотности в образовательную программу – все это может оказать положительное влияние.

Подводя итог, можно сказать, что текущие проблемы, с которыми сталкивается физическая подготовка в системе внутренних дел, не являются непреодолимыми. Напротив, при подходе с использованием многоуровневой стратегии, основанной на использовании фактических данных и учитывающей поведенческие, инфраструктурные и физиологические факторы, значительное улучшение является реалистичным и измеримым. Однако прогресс будет зависеть от настойчивой административной воли, междисциплинарной координации и установления четких критериев оценки для отслеживания результатов внедрения с течением времени.

Эффективное направление в стратегическом продвижении физической культуры предполагает реализацию структурированных, основанных на фактических данных инициатив, направленных на расширение участия курсантов и слушателей в мероприятиях, связанных со спортом. Эти инициативы могут включать организацию спортивно-массовых мероприятий, соревнований и конкурсов, направленных на стимулирование вовлеченности и поддержание устойчивого интереса к физической культуре.

Спортивные мероприятия могут быть распределены по иерархическим уровням – от внутриучрежденческих до международных, – предлагая как соревновательные, так и внеконкурсные формы проведения. Такой масштаб проведения не только поспособствует более широкому распространению спортивных дисциплин, но и послужит платформой для межкультурного обмена и социальной сплоченности среди курсантов и слушателей за пределами национальных границ.

Еще одна проблема возникает в области реализации учебной программы в рамках дисциплины «Физическая подготовка». Организационная неэффективность сохраняется, в частности, при ограниченном внедрении новых методов физической активности и недостаточной интеграции цифровых технологий в педагогическую систему. Эти недостатки препятствуют динамичной модернизации системы физического воспитания, ограничивая ее способность адаптироваться к современным образовательным парадигмам и ожиданиям учащихся.

Основной задачей правоохранительных подразделений, действующих в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, является сохранение жизни, здоровья, конституционных прав и гражданских свобод населения страны, а также пресечение преступной деятельности, поддержание правопорядка и поддержание общественной безопасности. Сотрудник обязан незамедлительно реагировать на любой случай, когда граждане подвергаются незаконной агрессии или криминальной угрозе, вне зависимости от своего пола, возраста, должности и

уровня физической подготовки. Хотелось бы отметить тот факт, что у спортсмена всегда рядом есть тренер, а сотруднику в критической ситуации некому подсказать, каким будет развитие событий или как действовать в той или иной ситуации [5, с. 194]. В этом контексте вопрос физической подготовленности становится важнейшим фактором, влияющим на эффективность работы сотрудников во всех областях деятельности.

В свете современных угроз физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов не может быть отведена на второй план, поскольку сотрудник должен уметь действовать в условиях, характеризующихся непредсказуемостью, быстрой эскалацией и потенциальной летальностью. От него требуется не только обладать соответствующими навыками, но и уметь применять физическую силу для предотвращения и пресечения противоправного поведения, включая такие действия, как разоружение подозреваемых, применение методов усмирения, проведение обысков и составление протоколов перевозки правонарушителей в соответствии с действующим законодательством. Таким образом, физическая подготовленность становится неотъемлемым компонентом общей профессиональной компетентности.

Систематическая физическая подготовка играет решающую роль в повышении психологической готовности сотрудника, которому приходится работать в условиях повышенного стресса и высокого риска. Такая готовность выходит за рамки базовой психологической подготовки; она включает в себя развитие поведенческой устойчивости, оперативной решительности в условиях принуждения и функциональной терпимости к участию в рискованных операциях, включая психологическую готовность действовать с осознанным самопожертвованием, когда это требуется.

В этом контексте целью психологической подготовки является не только укрепление абстрактной психической устойчивости, но и развитие практических навыков, таких как эмоциональная регуляция, контролируемая агрессия и немедленная поведенческая адаптация, в условиях, имитирующих реальные угрозы. Это включает в себя подготовку сотрудника к сохранению ясности мышления и точности движений во время воздействия экстремальных внешних раздражителей, тем самым повышая надежность принятия решений и выполнения ответных действий.

Для качественной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов необходима рационально организованная методика обучения, обеспечивающая совершенствование у них профессионально важных качеств и способствующая повышению работоспособности при различных усложненных условиях профессиональной деятельности [6, с. 39].

Ключевым компонентом этой подготовки является интеграция психологических задач в модули физической подготовки. Воздействие имитируемой опасности во время выполнения физических упражнений позволяет передавать адаптивные поведенческие алгоритмы в когнитивные области. Важно отметить, что практическая польза достигается не только за счет овладения отдельными физическими приемами. Вместо этого акцент должен быть сделан на метанавыке подавления инстинктивных реакций страха и поддержания контролируемого поведения под воздействием стрессовых факторов.

Широта воздействия таких контролируемых задач, вызывающих стресс, включая различные схемы передвижения, уровни сопротивляемости и непредсказуемость ситуации, напрямую коррелирует с эффективностью перехода к реальной оперативной готовности. Таким образом, основное внимание в обучении должно быть сосредоточено не на повторении отдельных навыков, а на динамичных парадигмах обучения, которые делают упор на принятие решений под давлением, модуляцию реакции на стресс и адаптируемость к ситуации.

Таким образом, физические упражнения имеют двойное назначение: они служат как механизмом соматической подготовки, так и средством общей и специальной психологической подготовки. На начальных этапах профессиональной подготовки упражнения используются для развития базовых физиологических способностей и одновременной стимуляции нейрокогнитивной адаптации. Эти приспособления включают повышенный порог чувствительности к дискомфорту, улучшенную рабочую память при нагрузке и улучшенную моторно-когнитивную интеграцию при выполнении динамических задач.

На последующих этапах обучения педагогический акцент смещается. Учебные занятия становятся все более ориентированными на отработку ситуаций, которые могут возникнуть в рамках несения службы, в том числе применение физической силы и задержание лиц, не соблюдающих законные требования сотрудника. На данном этапе цель состоит в том, чтобы закрепить ранее усвоенные приемы путем их повторения в условиях, имитирующих реальное несение службы. Методика должна целенаправленно воздействовать на перцептивную и моторную системы обучаемого, способствуя развитию в нем уверенности и «автоматизации» его поведения при решении служебно-оперативных задач.

В конечном счете психологические и педагогические процессы, заложенные в физическую подготовку, должны развиваться на протяжении всего процесса обучения. На начальном этапе основное внимание уделяется фундаментальной адаптации, в то время как более поздние этапы направлены на стабилизацию усвоенного поведения в сложных стрессовых ситуациях. Главный результат – это сотрудники, способные выполнять ответственные задачи с психологической стабильностью, физиологической эффективностью и точностью поведения.

Таким образом, эффективная физическая подготовка сотрудников ОВД требует комплексного подхода, объединяющего мотивацию, инфраструктуру, индивидуальные программы и цифровые технологии. Системная работа над общей и специальной подготовкой с опорой на психологическую готовность повышает работоспособность и устойчивость к экстремальным ситуациям. Непрерывность и этапность тренировочного процесса обеспечивают перенос навыков в реальную оперативно-служебную деятельность.

Литература

1. Алдошин, А. В. Роль и место физической подготовки в системе профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел России // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных статей Всероссийского конкурса, Волгоград, 01 февраля – 01 марта 2023 года / Редколлегия: Р. В. Камнев, О. С. Панова, Д. Г. Овечкин [и др.]. –

Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – Том 5. – С. 13-18.

2. Губанов, Э. В. Физическая и огневая подготовка в контексте готовности сотрудника полиции к службе в современных условиях // Автономия личности. – 2022. – № 1(27). – С. 61–65.

3. Котова, Е. А. Профессионально-личностное воспитание курсантов в процессе занятий физической подготовкой и спортом // Автономия личности. – 2022. – № 2(28). – С. 132-139.

4. Алдошин, А. В. Систематизация механизмов физкультурно-оздоровительных технологий на занятиях физической культурой и спортом // Наука-2020. – 2018. – № 2-1(18). – С. 50-54.

5. Кузнецов, М. Б. Некоторые аспекты процесса физической и психологической подготовки сотрудников ГИБДД // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): сборник материалов международной научно-практической конференции, Орел, 20–21 апреля 2017 года. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. – С. 194-197.

6. Герасимов, И. В. Психолого-педагогические аспекты подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД к деятельности в экстремальных ситуациях // Автономия личности. – 2020. – № 1(21). – С. 37-40.

Горобец Елизавета Дмитриевна,
курсант 3 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Бабанина Виктория Григорьевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Некоторые тактические особенности допроса потерпевшего при расследовании хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

С развитием информатизации значительно возрастает уровень совершения преступлений в сфере информационных технологий. Согласно статистическим показателям на 2024 год, в Российской Федерации зарегистрировано более 765 тысяч IT-преступлений [1], что значительно превышает показатели предыдущих годов и указывает на неуклонный рост количества таких преступлений от общей доли совершаемых преступлений на территории Российской Федерации. Одну из лидирующих позиций среди указанных преступлений занимает интернет-мошенничество, представляющее собой разновидность мошенничества с использованием сети Интернет, целью которого выступает незаконное хищение чужого имущества или личных данных ради извлечения выгоды посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. С учетом развития компьютерных технологий становится все сложнее выявить и доказать такие виды мошенничества. При расследовании указанных преступлений одним из сложных элементов доказывания остается умысел лица, совершившего противоправное деяние. Поэтому важным является комплексное проведение следственных и процессуальных действий, направленных на обнаружение, изъятие и фиксацию следов преступления, которые лягут в основу доказывания по уголовному делу. В этой связи успешное планирование тактики допроса потерпевших при расследовании интернет-мошенничества является залогом успешного отыскания доказательств.

По своей сущности допрос является одним из распространенных следственных действий, проводимым по каждому уголовному делу. В рамках допроса потерпевшего следователь, дознаватель или суд получают от потерпевшего известную ему информацию, на основании которой в последующем проверяется достоверность имеющихся в деле доказательств, а также обеспечивается получение новых, относящихся к расследованию события сведений [2, с. 40]. Полученные сведения закрепляются в протоколе допроса, который является источником доказательства, а содержащиеся в нем фактические данные – доказательствами. Интернет-мошенничество обладает своей спецификой, что выделяет его в отдельный вид мошенничества и требует особенного подхода в его раскрытии и расследовании. Поэтому следователю или дознавателю следует применять особенную тактику. Так, для получения необходимой информации для доказывания по делу следу-

ет допросить потерпевшего. Допрос потерпевшего, как и иной вид допроса, состоит из трех этапов: подготовительного, рабочего и заключительного.

В рамках подготовительного этапа следователь должен получить исходные данные о допрашиваемом лице, определить круг обстоятельств, подлежащих выяснению, изучить относящиеся к нему материалы, определить круг участников, при необходимости обеспечить технические средства, подготовить письменный план, а также выполнить ряд иных действий, обеспечивающих надлежащую подготовку к непосредственному проведению допроса. При составлении плана допроса следует сформулировать вопросы таким образом, чтобы ответы на них смогли раскрыть основные обстоятельства совершенного преступления. Необходимо учитывать, что потерпевшие в большинстве случаев не обладают глубокими знаниями о возможностях современных информационно-телекоммуникационных технологий, порядке выполнения банковских операций и т.д., поэтому формулируемые следователем вопросы должны быть просты и понятны для допрашиваемого. При определении круга участников, в зависимости от сложившейся ситуации и предполагаемого психологического состояния потерпевшего, следует рассмотреть возможность привлечения специалиста-психолога [3, с. 144-145].

Рабочий этап допроса потерпевшего условно можно разделить на несколько элементов: установление психологического контакта с допрашиваемым, свободный рассказ допрашиваемого, постановка вопроса допрашиваемому. Так, по мнению Л.М. Дурова, психологический контакт представляет собой целенаправленную, тщательно планируемую деятельность следователя при проведении допроса, в которой допрашивающий и допрашиваемый вырабатывают общую линию поведения, также устанавливают общие параметры разговора: темп, ритм, основные состояния собеседника, приемы устной речи, мимику и иное [4, с. 107]. Итак, в рамках установления психологического контакта следователь должен заинтересовать и расположить потерпевшего таким образом, чтобы тот предоставил всю известную ему информацию, имеющую значение для уголовного дела. Установление психологического контакта между следователем и потерпевшим является важным компонентом, поскольку сам потерпевший заинтересован в объективном разрешении расследуемого уголовного дела.

На этапе свободного рассказа потерпевший излагает в свободной форме последовательность совершения в отношении него противоправных действий. В рамках указанного этапа следователь может задавать уточняющие вопросы, например: «Когда было совершено преступление?»; «Какая сумма пропала с вашего счета?»; «Знаете ли Вы звонившее лицо?»; «Узнаете ли Вы голос звонившего?»; «Осведомлены ли Вы о возможностях взлома Ваших личных данных?»; «Знает ли кто-то из знакомых о Ваших паролях от банковских карт?» – и иные вопросы, которые могут помочь потерпевшему вспомнить событие совершенного в отношении него преступления. Следователю также необходимо обращать внимание на мимику, жесты, позу допрашиваемого, поскольку определенное поведение потерпевшего может свидетельствовать о ложности даваемых им показаний, на основании чего следователь способен сделать вывод о том, что на потерпевшего оказывали психологическое или физическое воздействие. При заслушивании рассказа потерпевшего нежелательно прерывать его, поскольку возникает возможность утраты важной информации. Полученные в ходе свободного рассказа сведения необходимо проверить на допустимость к расследуемому уголовному делу.

На основе полученных сведений, а также с целью выявления дополнительной информации, имеющей значение для расследования преступления, следователю необходимо указать ряд вопросов, являющихся общими для большинства видов интернет-мошенничества, которые целесообразно выяснить у потерпевшего, чтобы получить наибольшее количество криминалистически значимой информации [5]. В случае если следователь не обладает достаточными познаниями в области информационных технологий, он может привлечь специалиста, который поможет ему сформулировать вопросы, направленные на получение информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступления. Так, при допросе следователь может задать потерпевшему следующие вопросы: «Когда и как Вы передали денежные средства?»; «Сколько было переведено денежных средств?»; «Сохранились ли документы, подтверждающие перевод денежных средств?»; «Какую цель обозначил мошенник, ради чего Вы передали деньги?»; «Что Вы знаете о преступнике?», а также ряд других. Ответы на поставленные вопросы помогут следователю направить ход расследования и приблизить его к конечному разрешению.

На заключительном этапе следователь осуществляет действия, направленные на фиксацию проводимого следственного действия. Основным способом фиксации допроса является протоколирование, которое регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. Основными требованиями, предъявляемыми к протоколу, являются его объективность, полнота, точность, ясность изложения показаний потерпевшего. Протокол должен содержать только ту информацию, которую сообщил потерпевший. Показания записываются от первого лица, фиксируется лишь то, что относится к предмету допроса и имеет значение для уголовного дела. Если в ходе допроса создавались схемы, зарисовки, таблицы, эскизы, то они также прилагаются к протоколу.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обладают своей спецификой, что затрудняет их раскрытие и расследование. Поэтому такое следственное действие, как допрос потерпевшего, занимает важное место при расследовании данных преступлений и позволяет получить от допрашиваемого значимую информацию, необходимую для полного, объективного и своевременного рассмотрения и разрешения дела.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 07.10.2025).

2. Усанов, У. А., Васильев, В. В. Практическое руководство следователя. – Москва, 2002. – 224 с.

3. Старостенко, Н. И. Особенности первоначального этапа расследования дистанционных хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии: дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар, 2023. – 230 с.

4. Дуров, А. В. Судебная психология. – Минск: Высшая школа, 1973. – 462 с.

5. Атаманов, Р.С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет: дис. …канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 182 с.

Горшкова Полина Евгеньевна,
студентка магистратуры 2 курса
Алтайского государственного
педагогического университета

Научный руководитель:
Жданова Нина Сергеевна,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного
педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент

Направления российской переселенческой политики в Туркестане (конец XIX – начало XX в.) как предмет историко-правового анализа и педагогической практики

В современный период, характеризующийся глобальными миграционными процессами и сложными межэтническими взаимодействиями, исторический опыт интеграции новых территорий представляет значительный интерес. Изучение переселенческой политики Российской империи в Туркестане позволяет выявить долгосрочные последствия административных решений, их влияние на социально-экономическую структуру региона и формирование межкультурного диалога. Анализ этого процесса не только углубляет понимание исторических корней современных центральноазиатских государств, но и служит важным уроком, демонстрирующим взаимосвязь колониальной практики, экономической целесообразности и гуманитарных аспектов, что делает тему чрезвычайно актуальной для формирования критического мышления и гражданской идентичности у школьников.

Поэтому целесообразно рассмотреть направления российской переселенческой политики в Туркестане в конце XIX – начале XX в. как предмет историко-правового анализа и педагогической практики. Соответственно, задачами являются анализ нормативно-правовой базы переселенческой политики в Туркестане, выявление механизмов осуществления переселенческой политики, оценка вклада историографии в понимание сути переселенческого движения в Туркестане. Реализация данных задач позволит раскрыть правовые аспекты переселенческой политики в Туркестане, а также расширить методологию преподавания вопросов истории и права в образовательных учреждениях.

Вопрос переселенческой политики в Туркестане является междисциплинарным и изучался исследователями в рамках исторической и юридической наук. С точки зрения исторической науки проблема долгое время рассматривалась через призму имперской идеологии и модернизационного подхода. В дореволюционной и советской историографии (работы А. К. Гейнса, М. А. Терентьева, в советское время – с определенными оговорками) переселение часто представлялось как процесс, который привнес «цивилизацию» и передовые аграрные и оросительные технологии в «отсталый» край. Современная историография (исследования Н. Е. Бекмахановой [1], Д. Ю. Арапова [1], зарубежных ученых, таких как А. Каппелер

[3]) сместила акцент на критический анализ данного явления. Ученые рассматривают переселенческую политику как колониализм, выделяя экономические мотивы Российской империи (создание опоры для имперской власти, решение аграрного вопроса в центральных губерниях, производство и поставка хлопка-сырца для производства тканей), административно-правовые методы («Временные правила» 1889 г. и др.) [4, с. 15-20], а также многие авторы выделяют и негативные последствия для местных жителей, связанные с изъятием земель и нарушением традиционного уклада жизни.

В настоящее время в юриспруденции наблюдается тенденция к перенесению центра тяжести изучения с законодательных норм на правоотношения, субъективные права, процессы их осуществления и защиты, то есть на сферу правопорядка.

Исследования юристов также вносят важный вклад в изучение переселенческой политики в Туркестане, фокусируясь на ее правовых аспектах и механизмах исполнения. Авторы правовых работ, анализируя нормативные акты, судебные дела и архивные документы, показывают, как законы по делам миграции и земельное право изменили правовое поле на окраинах Российской империи. Данный подход выявляет новые формы правового статуса, конфликтов и взаимодействия правовых систем переселенцев и местного населения края.

Например, в работе А. В. Ремнева «Самодержавие и Сибирь» [5] подробно исследуется, как административно-правовое устройство региона создавало почву для конфликтов между имперским законодательством и нормами обычного права коренных народов. Исследования Н. Г. Суворовой [6] о землеустройстве переселенцев в Степном крае наглядно демонстрируют, как юридические столкновения между общинным землепользованием местного населения и индивидуальными правами русских и украинских переселенцев из Российской империи порождали длительные судебные споры.

Данный подход позволяет увидеть не только макропроцессы законотворчества, но и то, как право работало на практике: попытки обойти закон, правовые практики адаптации и формирование смешанных правовых порядков. Так, М.В. Бабич [7] анализирует, как местные жители и переселенцы стратегически выбирали между шариатом, обычным правом и законами Российской империи в зависимости от ситуации, тем самым они формировали уникальное правовое пространство на окраине империи.

В изучении переселенческой политики в Туркестане сформировался ряд устоявшихся и дискуссионных положений. Среди первых выделим три основных.

1) Основной целью переселенческой политики было закрепление присутствия Российской империи в регионе путем создания лояльной прослойки населения из переселенцев и решения проблемы аграрного перенаселения в европейской части России.

2) Правовой основой стали «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев на казенные земли» от 1889 года и последующие законодательные акты.

3) Ключевым методом переселенческой политики было изъятие так называемых «излишков» земли у местного населения, что часто приводило к обострению земельного, водного вопросов и социальной напряженности между переселенцами и коренным населением региона [1, с. 6].

Одним из спорных вопросов является оценка последствий переселения для Туркестанского края. Главный вопрос: являлась ли политика исключительно разрушительной для региона или имела и определенные положительные и модернизационные моменты (внедрение новых сельскохозяйственных культур, техник, создание оросительных каналов за счет вложений Российской империи и великого князя Николая Константиновича Романова)? Дискуссия продолжается между сторонниками постколониального подхода, видящими в этом лишь эксплуатацию, и теми, кто признает сложный, противоречивый характер последствий.

Также спорным вопросом считается оценка эффективности переселенческой политики. Насколько успешной была эта политика с демографической и экономической точек зрения? Споры ведутся о реальных масштабах переселения, уровне жизнеобеспечения переселенцев и их долгосрочном вкладе в экономику края [8, с. 8].

Еще одним спорным вопросом переселенческой политики является характер взаимодействия культур. Был ли это исключительно конфликт между переселенцами и коренным населением или имели место более глубокие интеграционные и ассимиляционные процессы? Этот вопрос находится на стыке истории и антропологии.

Правительство Российской империи активно использовало переселенческую политику начиная с конца XIX века. Одной из основных форм был организованный переезд крестьян из центральных регионов России на новые территории Туркестанского края. Государство обеспечивало переселенцам льготы, субсидии и поддержку в освоении новых земель. Однако этот процесс сопровождался серьезными проблемами: конфликты с местным населением, нехватка ресурсов и адаптационные трудности.

Основные направления переселенческой политики:

– аграрная экспансия, то есть привлечение крестьян для освоения плодородных земель региона, находящихся вне пределов центральной России;

– военно-стратегическая цель. Российская империя стремилась укрепить свои границы и защитить вновь присоединенные территории;

– экономическое развитие. Россия стремилась создать инфраструктуру (агротехнологии, ирригационное строительство, железные дороги и т.д.) и привлечь инвестиции в регион.

Данные подходы оказали значительное влияние на социальную и экономическую структуру региона, формируя основу для дальнейших изменений.

Современные подходы к вопросам о переселенческой политике значительно отличаются от прежних методов. Государство теперь стремится создать условия для добровольного переселения, обеспечить жильем и работой переселенцев, поддерживает малых предпринимателей и социальное обслуживание. Среди основных направлений:

1) государственное регулирование. Государство создает законодательные меры и программы поддержки переселения;

2) привлечение трудовых мигрантов. Проводится регулирование потоков рабочей силы и обеспечение защиты прав работников;

3) создание благоприятных условий для проживания и развитие инфраструктуры, предоставление социальных услуг и помощь в адаптации.

Несмотря на существенные отличия, некоторые элементы сохраняются:

– регулирующая роль остается за государством. Государство принимает активное участие в управлении миграционными потоками;

– остается и государственная поддержка переселенцев. Им предоставляются различные льготы и субсидии для облегчения переезда и обустройства на новом месте.

– использование стратегических соображений. Происходит решение внутренних проблем путем привлечения населения в удаленные районы.

Однако современная политика направлена больше на защиту прав переселенцев и предотвращение негативных последствий для местного населения, тогда как в прошлом основной акцент делался на интересах государства и имперском строительстве.

На уроках истории в 9 классах на тему «Российская империя на рубеже XIX–XX вв.: национальная политика» учителя часто используют традиционную комбинированную форму с элементами технологии проблемного обучения.

Применяемые методы и приемы разнились в зависимости от этапа урока. Урок начинался с эвристической беседы: «Почему государство может поощрять переселение людей на новые земли?» Далее следовало объяснение учителя с опорой на карту «Туркестанское генерал-губернаторство» и статистические данные о количестве переселенцев [4]. Ключевым элементом является работа с документом – отрывком из «Временных правил» 1889 г. Ученикам предлагается ответить на проблемные вопросы: «Каковы были главные интересы государства в переселенческой политике (на основе «Временных правил» 1889 г.)? И какие риски она несла для местного населения?» Эти вопросы вызывают, как правило, оживленную дискуссию.

Вариантом отработки тематики «Переселенческая политика в Туркестане в конце XIX – начале XX в.» во внеурочной деятельности является выполнение домашнего задания или проекта. Можно предложить учащимся подготовить «дневник» от лица русского переселенца или жителя кишлака, описывающий один день из жизни, трудности и встречи с коренным населением региона [9, с. 45–50].

Проведенный анализ показывает, что традиционный подход к изучению темы, хотя и формирует базовые знания, часто остается на уровне фактов и не раскрывает всей ее сложности и многогранности.

Цели учителя истории при изучении данной темы должны быть переориентированы с простой передачи информации на:

– формирование у учащихся понимания имперского устройства России и инструментов его поддержания;

– развитие навыков критического анализа исторических источников и различения точек зрения (имперской, советской, современной научной);

– воспитание исторической эмпатии и понимания сложности межкультурных взаимодействий.

Для достижения этих целей предлагается комплекс методических приемов, выстроенных по принципу усложнения и увеличения степени самостоятельности учащихся.

1. Модуль базового уровня: установление фактологической основы.

На начальном этапе эффективна комбинированная форма урока с элементами проблемного обучения. Прием «Эвристическая беседа» используется на

начальном этапе урока с вопроса «Почему государство может поощрять переселение людей на новые земли?», что позволяет актуализировать знания учащихся о внутренней политике и через поисковую деятельность подвести их к пониманию ключевых мотивов имперской власти. Объяснение учителя с визуализацией через использование карты «Туркестанское генерал-губернаторство» и инфографики с динамикой переселенцев (например, по данным официальных сборников [4]) помогает локализовать процесс в пространстве и времени. Следующий этап – это работа с источником – «Временные правила» 1889 г. Ученикам предлагается ответить на проблемный вопрос: «Каковы были главные интересы государства, а какие риски для коренного населения вы можете выделить, исходя из этого текста?» Этот прием формирует навык критического чтения нормативного документа [10, с. 145].

2. Модуль углубленного изучения: развитие аналитических навыков и эмпатии.

Данный модуль может быть реализован в рамках домашних заданий, проектной деятельности или серии уроков. Например, «история в лицах»: создание «дневников переселенцев» и «мини-исследований».

Задание 1: подготовить «дневник» от лица русского переселенца или жителя кишлака, описывающий один день из жизни, трудности и встречи с представителями другой культуры. Это задание направлено на развитие эмпатии и понимания человеческого измерения истории [9, с. 178]. Вместо сухой статистики о количестве десятин учитель может «оживить» материал: «Представьте себе крестьянина из Полтавской губернии, который, продав скудное имущество, с семьей едет в неизвестный край. Какие у него надежды? А теперь представьте дехканина, у которого отбирают землю. Какие у него чувства? История – это не только указы и карты, это судьбы людей». Это реализуется через работу с дневниками, письмами, фотографиями.

Задание 2 (для мотивированных учащихся): провести сравнительный анализ целей и методов переселенческой политики в Туркестане и, например, в Сибири в рамках столыпинской аграрной реформы. Это позволяет увидеть общие черты имперской политики и региональную специфику.

Кроме того, можно внедрить технологию «перевернутого класса». Учащиеся заранее знакомятся с базовыми фактами через учебник и короткую видеолекцию, а время урока целиком посвящается дебатам на тему: «Переселенческая политика: экономическая необходимость или колониальная несправедливость?» [11, с. 11]. Подготовка: класс делится на группы, представляющие разные «стороны».

Группа 1: имперская администрация (аргументы: укрепление границ, развитие экономики края, решение малоземелья).

Группа 2: русские переселенцы (аргументы: надежды на лучшую жизнь, трудности адаптации, взаимоотношения с местными).

Группа 3: коренные жители (аргументы: изъятие земель, нарушение традиционного уклада, сопротивление и адаптация).

Группа 4: современные историки (задача: проанализировать аргументы всех сторон, опираясь на источники и исследования [12; 13]).

При проведении учитель выступает в роли модератора, направляя дискуссию и задавая уточняющие вопросы. Такой формат развивает критическое мыш-

ление, коммуникативные навыки и умение работать с разнородной информацией [11, с. 95–98].

3. Модуль интеграции и связи с современностью: формирование гражданской компетентности.

Перспективным направлением является интеграция этой темы в курс обществознания. Прием «Связь времен» позволяет организовать круглый стол или написание эссе на тему: «Исторический опыт переселенческой политики Российской империи: какие уроки можно извлечь для регулирования современных миграционных процессов и межнациональных отношений?».

Учащимся предлагается провести параллели между механизмами адаптации переселенцев в XIX веке и сегодня, обсудить, как государство может балансировать между экономическими интересами, безопасностью и правами человека. Это задание показывает прямую связь истории с вызовами сегодняшнего дня и способствует формированию ответственной гражданской позиции.

Предложенный многоуровневый методический комплекс позволяет трансформировать изучение переселенческой политики в Туркестане из простого усвоения фактов в многогранную учебно-исследовательскую деятельность. Сочетание традиционных и инновационных педагогических технологий (проблемное обучение, «перевернутый класс», проектная деятельность) способствует достижению не только предметных результатов, но и ключевых метапредметных компетенций: умения анализировать, критически мыслить, вести диалог и понимать сложность исторических процессов через призму человеческих судеб.

Таким образом, исследование направлений российской переселенческой политики в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX века показало, что данная тема является достаточно обширной и комплексной, охватывает не только политический, но и юридический, экономический и культурный аспекты. Данная тема отражает важные исторические процессы, которые не только охватывают процессы прошлого, но и влияют на последующие переселенческие процессы нашей страны.

Литература

1. Бекмаханова, Н. Е. Политика царизма в Казахстане и Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. / Н. Е. Бекмаханова // Вопросы истории. – 1987. – № 4. – С. 35–47.

2. Арапов, Д. Ю. Система управления Русским Туркестаном (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д. Ю. Арапов – Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2019. – 340 с.

3. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / А. Каппелер – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

4. Сборник материалов по вопросу о переселении в Туркестанский край. – Ташкент: Тип. Штаба Туркест. воен. окр., 1910. – 245 с.

5. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев – Омск, 1997. – С. 145–180.

6. Суворова, Н. Г. Земельные споры и судебные практики в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. / Н. Г. Суворова // Журнал российских правовых исследований. – 2018. – № 4. – С. 45–62.

7. Бабич, М. В. Правовой плюрализм в Центральной Азии: взаимодействие шариата, адата и российского законодательства (вторая половина XIX – начало XX в.) / М. В. Бабич // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 3. – С. 125–140.

8. Джумабеков, Р. Р. Земельно-водные отношения и переселенческая политика в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) / Р. Р. Джумабеков – Ташкент: Фан, 1991. – 118 с.

9. Шоган, В. В. Методика преподавания истории в школе: новая технология личностно-ориентированного исторического образования / В. В. Шоган – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 475 с.

10. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории / Е.Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова – М.: Владос, 2003. – 384 с.

11. Студеникин, М. Т. Методика преподавания истории в школе / М.Т. Студенкин – Москва: Владос, 2004. – 240 с.

12. Абашин, С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / С. Н. Абашин – СПб.: Алетейя, 2007. – 256 с.

13. Сахарова, Е. В. «Чужие» среди «своих»: русские переселенцы в Туркестане (по материалам периодической печати) / Е. В. Сахарова // Диаспоры. – 2008. – № 2. – С. 158-180.

Абашин, С. Н. Колониальная трансформация: пространство, власть и население в Туркестане / С. Н Абашин // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 5. – С. 3-20.

Гриб Иван Андреевич,
курсант
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Научный руководитель:
Дегонский Сергей Юрьевич,
начальник кафедры
конституционного и международного права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

Проблемные вопросы международного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью

На сегодняшний день одной из основных задач, стоящих перед государством, является обеспечение защиты общества от внутренних и внешних угроз. И такое историко-социальное явление, как преступность, является примером как внешней, так и внутренней угрозы. В главе 1 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 [1] (далее – Концепция) отмечается, что «современный мир находится в состоянии глобальной геополитической напряженности, обусловленной процессами разрушения сложившегося мирового порядка. В целом ситуация в мире и перспективы ее развития характеризуются высоким уровнем опасностей, неопределенностью, труднопрогнозируемыми последствиями». Принимая во внимание тот факт, что Республика Беларусь является открытым государством, частью мирового сообщества, активно взаимодействует с различными субъектами международных отношений, вышеназванные вызовы, риски и угрозы сказываются и на деятельности нашего государства. В связи с этим в самой Концепции определены задачи, стоящие перед Республикой Беларусь, среди которых можно выделить следующие:

1) сосредоточение основных усилий на нейтрализации внутренних источников угроз и защите от внешних угроз национальной безопасности;

2) модернизация механизмов реализации национальных интересов и устойчивого развития Республики Беларусь;

3) совершенствование условий для эффективного функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Для выполнения вышеизложенных задач ОВД Республики Беларусь (далее – ОВД) необходимо взаимодействовать с органами полиции иных государств. При этом органы полиции отдельного государства в состоянии противодействовать лишь внутренней преступности, но никак не внешней. Кроме этого, в связи с ограниченностью полномочий органов полиции в рамках своего государства, спецификой законов иного государства, а также того, что зачастую крупные преступные группировки действуют в пределах нескольких стран, привлечение к ответственности нескольких членов группировки мало повлияет на преступную деятельность остальных соучастников. Также нередки случаи, когда

лица, совершив на территории государства преступления, покидают эту страну для того, чтобы избежать ответственности. В связи с этим Республика Беларусь является участницей ряда международных организаций, которые ставят перед собой задачу по защите друг друга от внешних и внутренних угроз. Также заключаются международные договоры по содействию друг другу в данной сфере, осуществляется контроль иных субъектов за выполнением возложенных на них обязательств, основополагающих принципов международного права, а также за состоянием международного уголовного и гуманитарного права.

Однако необходимо учитывать, что существуют проблемы, не позволяющие одномоментно искоренить преступность как историко-социальное явление. Поэтому нужно стремиться к минимизации случаев совершения преступлений. Побороть мировую преступность мешают определенные проблемы, которые сложились в рамках современной системы противодействия ей. К таким проблемам можно отнести политические разногласия, наличие пробелов в международном праве, а также излишнюю бюрократию с отсутствием оперативности в решении ряда вопросов.

В рамках правоохранительной деятельности можно выделить два основных направления ее регламентации: одно касается поведения и деятельности должностных лиц правоохранительных органов, второе же касается вопросов содействия в сфере борьбы с преступностью.

Говоря о соглашениях в сфере поведения и деятельности полиции, одним из нормативных источников является Резолюция № 690 (1979) Парламентской ассамблеи Совета Европы Декларация о полиции (Принята в г. Страсбурге 08.05.1979 на 31-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы) [2]. Данная декларация содержит основополагающие положения о тех принципах, на которых должна базироваться работа сотрудника ОВД.

В частности, в данной резолюции есть следующее положение: «Полицейский должен выполнять возложенные на него законом обязанности по защите своих сограждан и общества от насилия, грабежа и других общественно опасных действий, как это установлено законом». Декларация, помимо всего прочего, регламентирует следующее: полицейский должен противодействовать фактам нарушения закона; принять все возможные меры по предотвращению правонарушения, которое может непосредственно повлечь причинение непоправимого и серьезного ущерба; и иное. Также в данной Декларации имеются положения, защищающие полицию, к примеру, право пользования такими же правами, как и обычные граждане, перед судом или трибуналом, а также предусмотрен раздел, который регламентирует деятельность полиции в период оккупации.

Помимо Декларации о полиции, есть еще ряд международных договоров, к примеру, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года. Данный кодекс содержит следующие положения: должностные лица по поддержанию правопорядка должны придерживаться законов и настоящего кодекса; противодействовать коррупции; оказывать медицинскую помощь, в том числе и лицам, которые были ими задержаны; также то, что они должны воздержаться и противодействовать любым пыткам и мучениям [3].

Еще одним из регуляторов правоотношений в рассматриваемой сфере являются «Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка», принятые Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 года. В этих принципах содержатся положения о применении силы и огнестрельного оружия в отношении лиц, о том, что до применения оружия сотрудник должен предупредить лицо об этом, о том, что должностные лица могут применять оружие только в случае предотвращения преступлений, когда по-другому это сделать невозможно или лицо угрожает жизни граждан [4].

Обозначенные общемировые стандарты в сфере деятельности правоохранительных органов нашли свое отражение и в национальном законодательстве. Говоря об особенностях законодательства Республики Беларусь, стоит отметить интересную особенность. В ст. 25 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [5] предусмотрены права сотрудников внутренних дел, в том числе в необходимых случаях запрещать гражданам осуществление видеозаписи, фото- и киносъемки, обязывать их покинуть определенное место для проведения процессуальных действий, требовать от граждан соблюдения общественного порядка, проверять у них документы и иное. В таких случаях граждане, права и законные интересы которых ущемлены решениями, действиями (бездействием) сотрудников ОВД, вправе обжаловать эти решения, действия (бездействие) в вышестоящем государственном органе или вышестоящему должностному лицу, прокурору или в суд. Однако прежде чем они обжалуют это решение или действие (бездействие), они обязаны подчиниться требованиям сотрудника ОВД. Это связано с высоким доверием общества и государства к сотрудникам внутренних дел. Данное доверие, однако, возникло неспроста. Хотя претендовать на поступление на службу в ОВД может каждый гражданин Республики Беларусь, важно знать, что претендент и каждый сотрудник ОВД должен соответствовать определенным критериям.

Во-первых, каждый гражданин, который рассматривается на роль сотрудника ОВД, должен по своим физическим и психическим критериям соответствовать занимаемой должности, а также той деятельности, которую он будет осуществлять. Кандидат на роль сотрудника ОВД должен быть физически развит, не иметь хронических заболеваний, должен быть психически устойчив, а также обязан проходить специальные комиссии, которые будут выявлять какие-либо недостатки.

Во-вторых, кандидат на должность сотрудника ОВД должен обладать соответствующими профессиональными качествами и высоким интеллектом. Важно понимать, что сотрудниками становятся лица, обладающие специальным или высшим образованием в соответствующих областях, важной из которых является юриспруденция. Помимо этого, каждый сотрудник проходит переквалификацию или отправляется на повышение квалификации в соответствии с занимаемой должностью или в соответствии со спецификой его деятельности.

В-третьих, кандидат на должность сотрудника ОВД должен иметь положительные характеристики с мест учебы и работы, не иметь ранее

полученных административных взысканий, не должен привлекаться к уголовной ответственности.

В-четвертых, сотрудникам ОВД запрещается заниматься любой иной деятельностью, кроме педагогической, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики. Также сотрудникам запрещается быть членами политических партий.

В-пятых, сотрудники ОВД обладают повышенной ответственностью за свои деяния (действия и бездействия). Это предусмотрено не только локальными правовыми актами, но и нормативными правовыми (например, уголовным кодексом).

В-шестых, ежегодно, а в ряде случаев и чаще, в отношении сотрудников проводятся проверки их служебной деятельности, в том числе на предмет соответствия требованиям, предъявляемым к сотрудникам ОВД. К ним относятся проверки работы сотрудника, его физического и психического состояния, уровня его боевой и специальной подготовки.

Ввиду всего вышеперечисленного, учитывая все предъявляемые требования к сотрудникам полиции не только Республики Беларусь, но и иных государств-членов Интерпола, считаю необходимым внести в ряд актов, которые касаются деятельности сотрудников полиции, следующее положение: «Ввиду предъявляемых требований, а также в связи с высоким уровнем требований к подготовке должностных лиц по поддержанию правопорядка каждый гражданин обязан подчиняться законным требованиям сотрудника до тех пор, пока не будет доказана их противоправность в установленном законом порядке».

Необходимо отметить, что заметное место в координации деятельности правоохранительных органов различных государств в борьбе с международной преступностью занимает Международная организация уголовной полиции – Интерпол. Сегодня это крупнейшая в мире организация, объединяющая национальные центральные бюро полиции более чем 195 стран. Цели Интерпола четко определены в ст. 2 его Устава: обеспечение широкого взаимодействия и сотрудничества всех органов уголовной полиции в рамках существующего законодательства государств и в духе Всеобщей декларации прав человека; создание и развитие учреждений, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней.

Важно подчеркнуть, что Интерпол не является правоохранительным органом, имеющим собственную полицию или полномочия по проведению арестов. Его роль заключается в облегчении международного сотрудничества между национальными правоохранительными органами, предоставляя им платформу для обмена информацией, координации операций и оказания взаимной поддержки.

Однако эффективности этого сотрудничества, как свидетельствует многолетний опыт практических сотрудников ОВД, препятствуют три основных фактора.

Во-первых, из-за структурных различий между правоохранительными органами разных стран, обусловленных историческими, политическими и правовыми особенностями, иностранным представителям часто сложно разобраться в том, какое именно подразделение в данном государстве

уполномочено заниматься конкретным видом деятельности либо представлять определенную информацию.

Во-вторых, сказывается наличие языковых барьеров, затрудняющих оперативный обмен информацией и координацию действий. Несмотря на то, что в Интерполе используются различные языки, перевод и интерпретация могут занимать время и приводить к неточностям.

В-третьих, возникают проблемы в связи с существованием значительных расхождений в законодательстве и юридической практике входящих в Интерпол государств. Различия в определениях преступлений, процедурах доказывания и принципах экстрадиции могут создавать препятствия для эффективного международного сотрудничества.

С целью устранения подобных сложностей правительства стран-членов Интерпола учреждают на своей территории постоянные полицейские бюро – национальные центральные бюро (далее – НЦБ), которые служат связующим звеном между национальными правоохранительными органами и Генеральным секретариатом Интерпола. НЦБ отвечают за сбор и распространение информации, координацию запросов о международной полицейской помощи и обеспечение взаимодействия с другими НЦБ. Они также играют важную роль в обучении и повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов в области международного сотрудничества. Таким образом, постоянные полицейские бюро являются ключевым элементом системы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, обеспечивая эффективный обмен информацией и координацию действий между странами-членами Интерпола.

Если говорить о положительных примерах деятельности органов полиции в рамках их взаимодействия под эгидой Интерпола, то следует упомянуть о Всемирном полицейском саммите, который проходил в Дубае с 13 по 15 мая 2025 года. В рамках данного саммита министр внутренних дел Республики Беларусь Иван Кубраков провел рабочую встречу с президентом Интерпола Ахмедом Насером Аль Раиси. В ходе беседы Иван Владимирович Кубраков поблагодарил президента Интерпола за поддержку Беларуси и в целом за развитие полицейского сообщества, несмотря на то, что рядом стран этот процесс тормозится. Помимо этого, президент Интерпола сказал следующее: «У меня очень хорошие связи с вашей страной. Каждое ее посещение приносит незабываемые впечатления. Особенно ценно, что ваши сотрудники, даже несмотря на определенные политические моменты, неизменно продолжают работать по нашему направлению» [6].

Анализируя Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола, можно сказать, что он закрепляет взаимодействие правоохранительных органов различных стран-участниц, закрепляет органы, что создаются при данной организации, в частности, к таким органам относятся: Генеральная Ассамблея, Исполнительный комитет, Генеральный секретариат, Национальное центральное бюро и советники.

Помимо этого, в Уставе закреплен порядок принятия решений, а также вопросы финансирования. Однако в Уставе нет положений о принципах деятельности и взаимодействия органов полиции в рамках данной организации, что негативно сказывается на практике, когда ввиду политических и иных

противоречий между правительствами стран страдает деятельность полиции по розыску и поимке лиц, скрывающихся от ответственности в иных государствах, и по предотвращению совершения преступлений различными преступными организациями.

Ввиду сказанного выше считаю необходимым дополнить Устав Международной организации уголовной полиции следующим положением: «Никакие политические, социальные и иные разногласия между странами-участницами настоящего Устава не должны как бы то ни было сказываться на их совместной деятельности по оказанию помощи в предотвращении совершения преступлений на территории этих и иных государств, по розыску и поиску лиц, скрывающихся от правосудия на территории иных государств, по привлечению лиц, являющихся частью преступных групп и/или организаций, имеющих отношение к преступлениям, совершенным или совершаемым на территории иностранного государства, а также выдавать лиц, их совершивших».

Помимо вышеизложенных проблем, Интерпол, являясь сложной и многоступенчатой организацией, порой не отвечает требованиям оперативности в извещении иных государств.

В частности, с момента подачи документов в НЦБ Интерпола до момента постановки на специализированный учет проходит довольно много времени из-за специфики путей, через которые должны пройти документы до их регистрации. Данное время может быть использовано преступниками для того, чтобы скрыться из поля видимости органов полиции разных стран. Помимо этого, постановка на учет с указанием предполагаемого места пребывания преступника не является гарантией того, что данное лицо будет поймано сотрудниками органов полиции при повседневных проверках.

В связи с этим наиболее эффективно показывает себя непосредственное взаимодействие органов полиции между собой, без посредника в виде Интерпола. Такое взаимодействие характерно и эффективно по отношению к соседним странам, либо по отношению к странам одного региона. Примером такого взаимодействия может служить недавно оконченная субрегиональная антинаркотическая операция «Канал – Западная Двина», в ходе которой 23 тысячи правоохранителей из стран ОДКБ совместными усилиями выявляли каналы поставки запрещенных веществ, привлекали к ответственности участников преступных групп, обнаруживали нарколаборатории [7].

На основании данного взаимодействия и его результатов можно говорить, что данное сотрудничество является эффективным. В рамках данного направления целесообразно было бы создать механизмы оперативного взаимодействия органов полиции между собой. К примеру, путем создания международных отделов полиции в каждой стране, чья основная задача – получение, быстрая обработка и реагирование на информацию о преступлениях и лицах, их совершивших. Тем более, что на сегодняшний день есть положительные примеры подобной деятельности. Так, полиция Таджикистана помогает МВД России бороться с радикалами и нелегалами. Открытие представительства таджикской полиции в России вызвало недоумение в соцсетях, но это нормальная практика.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что на сегодняшний день существуют проблемные аспекты, которые мешают повышать качество работы органов полиции в рамках противодействия международной преступности, а также проблемы с розыском и привлечением к ответственности преступников, которые скрываются на территории иностранных государств. Данные проблемы исходят из несовершенства правового регулирования деятельности органов полиции отдельных государств и Интерпола, а также наличия различных разногласий между государствами, которые препятствуют правильному осуществлению правосудия.

В этой связи необходимо внести изменения в правовые акты, регламентирующие деятельность органов полиции. В частности, в п. 11 Декларации о полиции необходимо внести следующее положение: «Ввиду предъявляемых требований, а также в связи с высоким уровнем требований к подготовке должностных лиц по поддержанию правопорядка каждый гражданин обязан подчиняться законным требованиям сотрудника до тех пор, пока не будет доказана их противоправность в установленном законом порядке».

Также видится необходимым внесение дополнений в правовые акты, регламентирующие деятельность Интерпола: «Никакие политические, социальные и иные разногласия между странами-участницами настоящего Устава не должны как бы то ни было сказываться на их совместной деятельности по оказанию помощи в предотвращении совершения преступлений на территории этих и иных государств, по розыску и поиску лиц, скрывающихся от правосудия на территории иных государств, по привлечению лиц, являющихся частью преступных групп и/или организаций, имеющих отношение к преступлениям, совершенным или совершаемым на территории иностранного государства, а также выдавать лиц, совершивших преступления на территории иностранного государства, этому государству».

Целесообразно было бы создать механизмы оперативного взаимодействия органов полиции между собой. К примеру, путем создания международных отделов полиции в каждой стране, чья основная задача – получение, быстрая обработка и реагирование на информацию о преступлениях и лицах, их совершивших.

Полагаем, вышеуказанные положения окажут благоприятное влияние на деятельность правоохранительных органов различных стран как в плане международного взаимодействия, так и в плане урегулирования отношений между гражданами и сотрудниками.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 15.03.2025).

2. Декларация о полиции: резолюция № 690 (1979) Парламентской ассамблеи Совета Европы (Принята в г. Страсбурге 08.05.1979 на 31-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы).

3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка: принят Резолюц. Генеральн. Ассамблеи ООН от 17 дек. 1979 г., № 34/169.

4. Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка: приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба. 27 авг. – 7 сент. 1990 г.

5. Об ОВД Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З: в ред. от 19.05.2022 № 171-З // ilex: информ. правовая система. – (Дата обращения: 15.03.2025).

6. Кубраков: Беларусь готова поддерживать международные инициативы по борьбе с преступностью // БелТА. –2025, 13 мая. – Режим доступа: https://belta.by/society/view/kubrakov-belarus-gotova-podderzhivat-mezhdunarodnye-initsiativy-po-borbe-s-prestupnostjju-714583-2025/ (Дата обращения: 04.10.2025).

7. Изъято около 5,7 тонны запрещенных веществ. МВД о результатах операции «Канал – Западная Двина» // БелТА. – 2025, 27 сентября. – Режим доступа: https://belta.by/society/view/izjjato-okolo-57-tonny-zapreschennyh-veschestv-mvd-o-rezultatah-operatsii-kanal-zapadnaja-dvina-739700-2025/ (дата обращения: 04.10.2025).

Грицанчук Полина Вадимовна,
слушатель 5 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Котляр Анастасия Ильдаровна,
старший преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Правовая основа противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов участковыми уполномоченными полиции

Транснациональный наркотрафик, определяемый как персистирующая и динамично адаптирующаяся антисоциальная практика, генерирует существенные негативные внешние эффекты, дестабилизируя макроэкономические параметры и создавая прецеденты, угрожающие суверенитету государства. В рамках многоуровневой стратегии контрмер институциональная роль участковых уполномоченных полиции приобретает стратегическую значимость, обусловленную их проксимальным расположением к эпицентрам информационного обмена и оперативной доступностью для коммуникации с локальными сообществами.

Их деятельность формирует критический элемент системы раннего предупреждения и профилактики, базирующейся на эмпирически обоснованном мониторинге и анализе социальных взаимодействий на микроуровне. Оптимизация операционной эффективности участковых уполномоченных полиции в контексте противодействия наркотрафику напрямую коррелирует не только с уровнем их профессиональной квалификации, но и с качеством нормативно-правовой базы, регламентирующей их дискреционные полномочия и служебную деятельность.

Четкая демаркация компетенций, определение рамок процессуальных действий, наряду с неукоснительным соблюдением принципов легитимности и рациональности при принятии управленческих решений, представляют собой критически важные факторы, определяющие результативность правоприменительной практики. Поэтому проведение всестороннего нормативного анализа, направленного на идентификацию потенциальных регуляторных дефицитов и коллизий в сфере правового регулирования деятельности участковых уполномоченных полиции по пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, приобретает высокую методологическую релевантность.

В этой связи целесообразно обозначить базисный комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность участковых уполномоченных полиции по пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов:

1) Конституция Российской Федерации [1];

2) Уголовный кодекс Российской Федерации [2];

3) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3];

4) Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [4];

5) Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5];

6) Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [6].

Приведенный перечень не претендует на исчерпывающую полноту, а репрезентирует ключевые нормативно-правовые акты, конституирующие фундаментальную основу для регулирования оперативно-служебной деятельности участковых уполномоченных полиции. На данной основе формируется иерархия подзаконных актов, детализирующих и конкретизирующих отдельные аспекты профессиональной деятельности, правовое регулирование которых не было имплицитно охвачено представленным перечнем. Мы предлагаем провести комплексный анализ отдельных положений приведенных нормативно-правовых актов, на основе которого сформируем субъективный вывод о действующих коллизиях в нормах права, устранение которых будет способствовать улучшению деятельности участковых уполномоченных полиции по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Конституция Российской Федерации, обладая верховенством в иерархии нормативных актов, определяет основные направления государственной политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, оказывая непосредственное влияние на правоприменительную практику участкового уполномоченного полиции. Статья 41 Конституции Российской Федерации, гарантирующая право на охрану здоровья и медицинскую помощь, имплицитно определяет необходимость противодействия наркомании и минимизации ее негативных последствий для здоровья населения [1]. Статья 45 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право на защиту прав и свобод всеми не запрещенными законом способами, выступает в качестве легитимной основы для деятельности участковых уполномоченных полиции, направленной на защиту лиц, подвергшихся негативному воздействию наркопреступности, включая лиц с наркотической зависимостью и граждан, проживающих в зонах повышенного риска [1].

Принцип законности как основополагающий детерминирует необходимость строгого соблюдения участковым уполномоченным полиции положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов, а также международных договоров Российской Федерации в процессе осуществления профессиональной деятельности. Реализация принципа законности предполагает строгую регламентацию каждого действия участкового уполномоченного полиции соответствующими нормативными актами и соответствие данных действий установленным требованиям. Примером реализации принципа законности является необходимость получения согласия проживающих в помещении лиц или судебного решения для проведения осмотра жилого помещения, за исключением случаев, эксплицитно предусмотренных федеральным за-

конодательством. Превышение полномочий или нарушение установленного порядка влечет за собой наступление юридической ответственности.

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина предполагает бережное отношение участкового уполномоченного полиции к чести и достоинству личности, неприкосновенности частной жизни, жилища и тайне переписки. Реализация данного принципа требует минимизации вмешательства в частную жизнь граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий и процессуальных действий [7, с. 58]. При проведении опроса свидетелей участковый уполномоченный полиции обязан избегать вопросов, не имеющих отношения к делу, и не допускать распространения информации, составляющей личную или семейную тайну, особенно при работе с лицами, страдающими наркотической зависимостью, в отношении которых необходимо соблюдать повышенную конфиденциальность.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) является ключевым нормативным актом, устанавливающим уголовную ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, представляющих повышенную общественную опасность. Статья 228 УК РФ, в частности, предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенные без цели сбыта, что отражает стремление законодателя к дифференциации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния [2]. В случае выявления признаков совершения преступления, предусмотренного статьей 228 УК РФ, участковый уполномоченный полиции обязан действовать в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [2]. Данные действия включают в себя задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, составление протокола задержания, личный досмотр задержанного и изъятие обнаруженных предметов и документов, что является первоначальным этапом документирования преступной деятельности. Изъятые наркотические средства подлежат направлению на экспертное исследование для установления их вида и массы, что является необходимым условием для квалификации деяния и определения степени ответственности виновного лица.

Собранные материалы передаются в следственные органы для принятия решения о возбуждении уголовного дела и проведения дальнейшего расследования, что обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания. Уголовно-правовое регулирование сбыта наркотических средств, предусмотренное статьей 228.1 УК РФ, устанавливает уголовную ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, представляющий собой деяние повышенной общественной опасности, способствующее расширению наркомании и вовлечению в незаконный оборот новых лиц [2]. При выявлении признаков сбыта наркотиков участковый уполномоченный полиции обязан принять меры к документированию преступной деятельности и задержанию сбытчика с поличным, взаимодействуя с оперативными подразделениями по борьбе с наркотиками для проведения оперативно-разыскных мероприятий с целью фиксации факта сбыта.

Административно-правовое регулирование незаконного оборота и потребления наркотических средств, предусмотренное Кодексом Российской Федерации

об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), устанавливает административную ответственность за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков, не достигающие степени общественной опасности, предусмотренной УК РФ. Статья 6.8 КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта в небольших размерах [3]. Критерием разграничения с уголовно наказуемым деянием, предусмотренным статьей 228 УК РФ, является размер наркотического вещества, находящегося в незаконном обороте.

Участковый уполномоченный полиции, выявив признаки данного административного правонарушения, составляет протокол об административном правонарушении (статья 28.2 КоАП РФ) и направляет его в суд для рассмотрения и принятия решения, обеспечивая соблюдение процессуальных норм [3]. Статья 6.9 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. При выявлении лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения в общественных местах, участковый уполномоченный полиции обязан принять меры к установлению их личности, задержанию и доставлению в медицинскую организацию для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (статья 27.3 КоАП РФ). На основании результатов медицинского освидетельствования составляется протокол об административном правонарушении, предусмотренном статьей 6.9 КоАП РФ, и направляется в суд для рассмотрения и принятия решения. В соответствии со статьей 4.1 КоАП РФ к лицам, совершившим данное правонарушение, может быть применено наказание в виде административного штрафа или административного ареста, в зависимости от обстоятельств дела и личности правонарушителя, но только при соблюдении условий, прямо предусмотренных статьей 6.9 КоАП РФ [3].

Федеральный закон № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» определяет государственную политику в сфере оборота наркотиков, включая профилактику, пресечение преступлений и реабилитацию. Участковый уполномоченный полиции непосредственно реализует эти направления. В сфере профилактики участковый проводит беседы с населением, особенно с молодежью, в образовательных учреждениях, разъясняя вред наркотиков и формируя здоровый образ жизни [4]. Организует и участвует в профилактических мероприятиях. Собирает и анализирует информацию о местах употребления, распространения наркотиков и принимает меры по их ликвидации. В сфере пресечения преступлений участковый собирает и анализирует информацию о лицах, причастных к незаконному обороту, проводит оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление фактов приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки и сбыта наркотиков.

Приказ МВД России № 205, регламентируя службу участкового уполномоченного полиции, напрямую не фокусируется на противодействии незаконному обороту наркотиков, однако его положения, будучи реализованы, оказывают значительное влияние на эффективность борьбы с наркопреступностью [5]. Ключевым аспектом является ориентация на профилактику правонарушений, в рамках которой участковый проводит индивидуальную работу с лицами, склонными к потреблению наркотических веществ, выявляя нуждающихся в помощи и оказы-

вая профилактическое воздействие. Важную роль играет сбор и анализ информации об оперативной обстановке на участке, включая выявление мест концентрации наркопотребителей и сбыта наркотиков, что позволяет целенаправленно проводить оперативно-разыскные мероприятия [8, с. 81].

Взаимодействие с населением и общественными организациями, установление доверительных отношений с гражданами способствуют получению информации о фактах незаконного оборота и вовлечению общественности в профилактическую работу [5]. Осуществление контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете, позволяет предупреждать совершение ими новых преступлений, связанных с наркотиками. Хотя приказ прямо не регламентирует оперативно-разыскные мероприятия, подразумевается участие участкового в них в пределах компетенции, в рамках содействия оперативным подразделениям. Пресечение административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.8 и 6.9 КоАП РФ, – незаконный оборот и потребление наркотиков – способствует снижению уровня наркотизации населения [9, с. 72]. Таким образом, приказ создает правовую основу для комплекса мероприятий участкового, направленных на профилактику, выявление и пресечение преступлений, а также реабилитацию, что является важным фактором снижения наркопреступности на территории обслуживания.

В заключение анализа правовой основы деятельности участковых уполномоченных полиции по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов необходимо подчеркнуть, что эффективная борьба с этим общественно опасным явлением требует комплексного подхода. Существующая правовая база, включающая конституционные принципы, федеральное законодательство и ведомственное регулирование, создает основу для деятельности участковых. Однако, как показывает анализ, наличие пробелов и коллизий в нормативно-правовом регулировании, недостаточная межведомственная координация, ограниченное ресурсное обеспечение и сложности в квалификации правонарушений сдерживают потенциал участковых в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Для повышения эффективности их работы необходимо принять ряд мер, включающих конкретизацию полномочий участковых уполномоченных полиции в сфере оперативно-разыскной деятельности, усиление межведомственной координации, улучшение материально-технического обеспечения службы участковых уполномоченных полиции, разработку методических рекомендаций по квалификации правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков и развитие дифференцированных программ профилактики наркомании. Только скоординированные усилия по совершенствованию правовой базы и организации деятельности участковых позволят снизить уровень наркопреступности и улучшить общественную безопасность, создавая предпосылки для формирования здорового и безопасного общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 03.11.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 – № 25. – Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1). – Ст. 1.

4. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // Российская газета. – 1998 – № 2. – Ст. 219.

5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства. – 2011. – № 49. – Ст. 7020.

6. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 // Собрание законодательства. – 2016. – № 52. – Ст. 7614.

7. Ширшов, Б. В. Организация деятельности и задачи участкового уполномоченного полиции по профилактике и предупреждению правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Политико-правовые аспекты реформирования российского законодательства. – 2020. – С. 57-59.

8. Латыпов, А. Ю. Профилактическая работа участковых уполномоченных полиции с лицами, употребляющими наркотические средства, психотропные вещества или потенциально опасные психоактивные вещества (региональный аспект). – 2023. – С. 115.

9. Климачков, А. В. Деятельность участковых уполномоченных полиции по противодействию преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств на современном этапе // Государство и право в эпоху глобальных перемен. – 2022. – С. 72-74.

Дадашев Тимур Дадашевич,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Аскаров Сергей Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Расследование преступлений в сфере неправомерного доступа к компьютерной информации

Опережающее развитие ИТ-технологий по отношению к криминалистическим методикам порождает перманентный разрыв между возможностями злоумышленников и средствами противодействия. Транснациональная природа киберпреступности, использование шифрования и анонимизирующих сервисов формируют устойчивые барьеры для органов предварительного расследования. В этих условиях разработка адаптированной методики расследования превращается из сугубо научной задачи в практическую необходимость для обеспечения элементарного правопорядка в цифровой среде.

Повсеместная цифровизация экономики и социальной сферы трансформировала компьютерную информацию в критический ресурс, что закономерно актуализировало задачи ее уголовно-правовой охраны. Состав преступления, предусмотренный ст. 272 УК РФ, охватывает деяния, последствия которых варьируются от частных финансовых потерь до дестабилизации работы инфраструктурных объектов. Потенциал причинения значительного вреда и латентный характер этих посягательств выводят проблему их расследования в разряд первостепенных для правоприменительной практики.

Расследование преступлений в сфере неправомерного доступа к компьютерной информации – одна из сложных областей уголовного права и криминалистики. Некоторые сложности связаны с природой доказательств, которые часто могут быть скрыты или удалены. В сфере компьютерной информации доказательства часто существуют в цифровом виде.

Под неправомерным доступом к компьютерной информации в сетях ЭВМ понимаются любые действия, совершаемые с использованием электронно-вычислительной техники, направленные на получение возможности незаконно манипулировать информацией, содержащейся в компьютерной системе.

Объектом неправомерного доступа к компьютерной информации в сетях ЭВМ выступают общественные отношения по обеспечению безопасности компьютерной информации и нормальной работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Предметом данного преступления является компьютерная информация –сведения, знания или набор команд (программа), предназначенные для использования и управления этой информацией в ЭВМ, – находящаяся в ЭВМ или на машинном носителе и имеющая собственника, установившего правила ее использования.

Объективная сторона преступления выражается в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Неправомерный доступ к компьютерной информации в сетях ЭВМ относится к материальным составам преступления и считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, альтернативно перечисленных в диспозиции статьи закона. Неправомерный доступ к компьютерной информации совершается только с умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла. Субъектом преступления может быть любое физическое лицо, достигшее к моменту преступной деятельности шестнадцатилетнего возраста.

Важными следами-предметами при расследовании дел о компьютерных преступлениях являются документы на бумажных и электронных носителях. Это могут быть распечатки результатов работы прикладного программного обеспечения, листинги исходных текстов программ, технологическое описание установленной операционной системы и прикладного программного обеспечения, иная текстовая информация, относящаяся к расследуемому делу.

Мотивы и цели совершения преступления в сфере компьютерной информации различны. В рейтинговом порядке их можно расположить следующим образом: корысть, месть, личные неприязненные отношения с сослуживцами и руководством по месту работы, стремление скрыть другое преступление, хулиганские побуждения и озорство, исследовательские цели, демонстрация личных интеллектуальных способностей или превосходства.

Специфика методики расследования неправомерного доступа к компьютерной информации сводится к особенностям криминалистической характеристики преступлений, характерным типичным следственным ситуациям и особенностям планирования действий следователя на начальном и последующем этапах расследования, а также особенностям тактики следственных действий и соответствующих оперативно-разыскных мероприятий.

Важной особенностью расследований в данной области является тесное сотрудничество следователя со специалистами в области компьютерной техники. Они помогают анализировать технические данные, определять способы проникновения, фиксировать состояние систем и носителей и выстраивать технологическую цепочку действий злоумышленника.

Признаки неправомерных действий с компьютерной информацией, как правило, фиксируются сотрудниками, обслуживающими систему, или ее пользователями. Эти признаки могут быть как явными, так и косвенными.

Начало расследования неизбежно связано с первоначальным выявлением самого факта неправомерного доступа, что представляет собой отнюдь не простую задачу. Промежуток времени между нарушением целостности системы и его обнаружением потерпевшей стороной может исчисляться месяцами, в течение которых преступник активно уничтожает цифровые следы. А.П. Васячкина обоснованно включает в криминалистическую характеристику не только способ совершения действий, но и психологические особенности субъекта, обычно обладающего специальной технической подготовкой [1]. Поводом для возбуждения уголовного дела в большинстве случаев служит заявление организации, значи-

тельно реже – данные, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ).

Осмотр места происшествия при расследовании киберпреступлений требует широкого понимания, охватывающего как физическое расположение, так и сетевое пространство. Перед следователем возникает целый комплекс задач по выявлению и изъятию разнообразных носителей информации – от корпоративных серверов до маршрутизаторов и портативных устройств. Малейшее процессуальное нарушение при этом грозит полной утратой доказательственного значения изъятой информации. Использование аппаратно-программных комплексов для создания точных копий данных становится технической необходимостью, без которой последующая экспертиза теряет всякий смысл.

Установление лица, совершившего неправомерный доступ, осложнено географической дистанцией и использованием им средств анонимизации. Преодоление этой проблемы лежит в плоскости тесного кооперирования следователя с оперативными подразделениями, проводящими комплекс ОРМ. Фиксация IP-адресов, привязка аккаунтов в мессенджерах к реальным лицам, документирование действий в ходе оперативного эксперимента – все эти меры требуют последующей процессуальной легализации для придания полученным сведениям статуса доказательств.

Как подчеркивает М.М. Сарычев, привлечение специалистов в области информационных технологий и компьютерной криминалистики представляет собой не вспомогательную, а структурообразующую составляющую расследования [2]. Их участие необходимо уже на стадии осмотра для грамотного изъятия оборудования. Они же проводят предварительное исследование данных и формулируют вопросы для судебной экспертизы. Фактически специальные знания пронизывают всю доказательственную деятельность от начала до конца.

Тактика следственных действий требует существенной адаптации к киберпространству. Обыск у подозреваемого, например, должен планироваться с учетом рисков немедленного уничтожения данных путем дистанционной команды или физического повреждения носителей. В состав группы обязательно включается специалист, способный предотвратить такие попытки. Тактический замысел подразумевает поиск не только очевидной компьютерной техники, но и замаскированных, изъятых из обычного пользования накопителей информации.

Профилактический потенциал расследования реализуется через выявление системных уязвимостей, эксплуатируемых злоумышленником. А.Ю. Коптяев обоснованно полагает, что материалы уголовного дела должны служить источником практических рекомендаций для организаций по усилению их уровня защищенности [3]. Эти рекомендации могут затрагивать необходимость своевременного обновления программного обеспечения, ужесточения правил аутентификации, проведения обучающих мероприятий для персонала по основам кибербезопасности.

Постоянное технологическое усложнение, выражающееся в распространении облачных сервисов, сквозного шифрования и анонимных сетей, постоянно повышает требования к следователям. Кадровый вопрос приобретает стратегическое значение. Подготовка следователей должна выходить за рамки компьютерной грамотности, формируя узкопрофильных специалистов, разбирающихся в се-

тевых протоколах, архитектуре операционных систем и методах защиты информации.

Методическое обеспечение, по замечанию Т.В. Лукьяновой, должно интегрировать классические криминалистические приемы со специальными познаниями в рамках целостного подхода [4]. Такие рекомендации не могут быть статичными; они требуют постоянного обновления, отражающего эволюцию тактик кибератак и средств защиты. Их ценность для практики определяется способностью предлагать работающие алгоритмы в условиях быстро меняющейся оперативной обстановки.

Таким образом, расследование неправомерного доступа к компьютерной информации представляет собой комплексную проблему, лежащую на стыке юриспруденции и технических наук. Его эффективность определяется не столько скоростью реакции, сколько методичной, выверенной работой с цифровыми следами при неукоснительном соблюдении процессуальных норм. Критически важным фактором становится глубокая интеграция специальных познаний на всех этапах производства по делу. Перспективы развития связаны с преодолением ведомственных и международных барьеров в обмене информацией, адаптацией уголовно-процессуальной формы к цифровым реалиям и целенаправленной подготовкой кадров нового поколения, способных оперировать как юридическими, так и техническими категориями.

Литература

1. Васячкина, А. П. Криминалистическая характеристика неправомерного доступа к компьютерной информации / А. П. Васячкина // Молодой ученый. – 2024. – № 49(548). – С. 445-448.

2. Сарычев, М. М. Использование специальных знаний в расследовании преступлений неправомерного доступа к компьютерной информации / М. М. Сарычев // Научные исследования XXI века. – 2024. – № 2(28). – С. 140-145.

3. Коптяев, А. Ю. Расследование преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий / А.Ю. Коптяев. – Тюмень, 2022. – 123 с.

4. Лукьянова, Т. В. Особенности расследования компьютерных преступлений / Т. В. Лукьянова // Научный аспект. – 2024. – Т. 38. – № 5. – С. 5204–5210.

Дашко Василий Сергеевич,
слушатель 5 курса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Лифанова Лилия Геннадьевна,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Формы и проблемы взаимодействия участкового уполномоченного полиции с органами дознания и следствия на первоначальном этапе расследования уголовных дел

Эффективность раскрытия и расследования преступлений во многом зависит от слаженного и оперативного взаимодействия всех субъектов правоохранительной деятельности. На первоначальном этапе расследования уголовного дела, когда закладывается основа для дальнейшего расследования и доказывания вины, особую роль играет участковый уполномоченный полиции (УУП). Именно он, будучи ближайшим к населению сотрудником полиции, зачастую первым прибывает на место происшествия, проводит первичный осмотр, опрашивает очевидцев и фиксирует первоначальные сведения. Это предопределяет его тесное и многоаспектное взаимодействие с органами дознания и следствия, которое является ключевым фактором успешного расследования.

Анализу существующих форм взаимодействия УУП с органами дознания и следствия на первоначальном этапе расследования уголовных дел, а также выявлению и систематизации основных проблем, возникающих в этом процессе, и предложению путей их решения посвящена эта статья.

Участковый уполномоченный полиции выступает в роли «передового отряда» правоохранительной системы. Его функциональные обязанности закреплены в Федеральном законе от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1] и приказе МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [2]. Данное должностное лицо обязано немедленно реагировать на заявления и сообщения о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях, а также осуществлять первоначальные действия на месте их совершения.

На первоначальном этапе расследования уголовного дела участковый уполномоченный полиции выполняет многогранные задачи, которые могут варьироваться в зависимости от характера преступления и его обстоятельств.

В первую очередь участковый уполномоченный полиции должен осмотреть место предполагаемого преступления. Хотя полноценный осмотр производит следователь или дознаватель, участковый, как правило, обязан провести предварительную оценку, зафиксировать явные факты, составить схему происшествия и, если нужно, задержать подозреваемых.

Следующей задачей участкового УУП является получение объяснений от потерпевших и очевидцев преступления. Предполагается, что УУП имеет налаженные контакты с жителями своего участка, благодаря чему получение им вербальной информации о происшедшем событии не должно представлять особой трудности.

Также участковый уполномоченный полиции обязан помогать пострадавшим. Это включает предоставление первой помощи, вызов медиков или других экстренных служб, а также первые шаги по установлению личности потерпевших.

Кроме того, при наличии достаточных оснований полагать, что лицо совершило преступление, УУП наделен полномочиями по его задержанию и доставлению в орган внутренних дел.

Взаимодействие УУП с органами дознания и следствия реализуется в различных формах, которые можно структурировать следующим образом.

Своевременное информирование. Получив сведения о совершенном или готовящемся преступлении, УУП незамедлительно докладывает об этом в дежурную часть. В зависимости от обстоятельств он также напрямую связывается со следователем или дознавателем, обеспечивая оперативное реагирование.

Передача собранных материалов для возбуждения дела. После выполнения первоначальных мероприятий весь объем собранной УУП информации, включая заявления граждан, полученные объяснения, протоколы первичных осмотров и составленные справки, передается следователю или дознавателю. Эти материалы формируют основу для принятия решения о возбуждении уголовного дела и начале официального расследования.

Содействие при выезде на место происшествия. В случаях, когда для осмотра места происшествия требуется немедленное вмешательство следственно-оперативной группы, УУП может принимать участие в совместных выездах. Он оказывает поддержку в проведении осмотра, опросе свидетелей и выполнении иных необходимых следственных действий.

Проведение опросов до возбуждения уголовного дела. До официального возбуждения уголовного дела УУП проводит опросы граждан, выступающих в роли потерпевших, очевидцев или свидетелей. Собранные таким образом объяснения, после их надлежащего оформления следователем или дознавателем, могут быть впоследствии использованы в качестве доказательств (ст. 144 УПК РФ).

Первичный осмотр места происшествия. Как уже было отмечено, УУП может проводить первоначальный осмотр места происшествия. Его главная задача – зафиксировать начальную обстановку, обнаружить и обеспечить сохранность следов преступления. Данный осмотр служит ориентиром для дальнейших действий следователя.

Истребование и изъятие имеющих значение документов и предметов. УУП вправе запрашивать и изымать документы и предметы, имеющие отношение к расследуемому событию. Вся изъятая документация и предметы впоследствии передаются следователю или дознавателю.

Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления: при наличии достаточных оснований полагать, что лицо совершило преступление, УУП имеет право его задержать. Задержанный доставляется в орган внутренних дел, и по

данному факту составляется соответствующая процессуальная документация (ст. 91-92 УПК РФ).

Несмотря на четко определенные законодательством формы взаимодействия УУП с органами дознания, на практике такое сотрудничество может сопровождаться рядом проблем, которые существенно снижают эффективность расследования.

Условно данные проблемы можно разделить на две основные категории:

1. Проблемы процессуального характера.

Неопределенность границ компетенции: зачастую возникает нечеткое разграничение полномочий УУП и следователя/дознавателя. Так, УУП может проводить первичный осмотр, однако полноценный следственный осмотр с привлечением специалистов и подробной фиксацией деталей остается прерогативой следователя. Такая размытость границ может привести к упущению важных обстоятельств дела.

Ограниченность полномочий УУП на первоначальном этапе. Полномочия УУП по проведению ряда ключевых следственных действий, таких как полноценный осмотр, обыск, выемка или допрос в качестве свидетеля с соблюдением всех процессуальных норм, зачастую недостаточны. Это вынуждает привлекать следователя или дознавателя, что не всегда возможно оперативно, когда первичные следы еще не утрачены.

Недостаточный контроль со стороны органов дознания и следствия: в ряде случаев следователи и дознаватели не обеспечивают должного контроля за действиями УУП на начальном этапе расследования. Это может привести к нарушению процессуальных норм и, как следствие, к снижению значимости собранной информации.

2. Организационные и кадровые проблемы.

Чрезмерная загруженность УУП: участковые уполномоченные полиции несут колоссальную нагрузку, включающую профилактическую работу, рассмотрение заявлений граждан, административный надзор. Эта многозадачность существенно ограничивает их время и возможности для полноценного участия в первоначальном этапе расследования.

Дефицит времени у следователей и дознавателей. Аналогичная проблема имеется у следователей и дознавателей. В условиях высокого потока уголовных дел они не всегда имеют возможность оперативно выезжать на место происшествия для проведения необходимых следственных мероприятий, вынужденно полагаясь на УУП.

Трудности с оперативным прибытием следователей/дознавателей. В отдаленных районах или в ночное время возникают сложности с оперативным прибытием следственно-оперативной группы на место происшествия. Это ставит участкового уполномоченного полиции перед выбором: либо проводить действия, выходящие за рамки его компетенции, либо рисковать утратой важных доказательств.

Недостаточный уровень профессиональной подготовки. Не все УУП обладают достаточным уровнем подготовки в области проведения следственных действий и криминалистической тактики, что, безусловно, сказывается на качестве собранной ими информации.

Для оптимизации взаимодействия между УУП и органами дознания/следствия на начальной стадии расследования, а также для повышения общей эффективности этой работы предлагается следующий комплекс мер.

1. Совершенствование нормативно-правовой базы. В целях уточнения границ компетенции УУП представляется целесообразным внести соответствующие изменения в существующие нормативные правовые акты. Необходимо максимально четко разграничить полномочия УУП, дознавателя и следователя на первичном этапе расследования преступлений. В частности, необходимо определить исчерпывающий перечень следственных действий, которые вправе осуществлять УУП, а также определить точные моменты, когда он обязан незамедлительно передавать материалы соответствующему должностному лицу органа предварительного расследования.

2. Расширение полномочий УУП по первичной фиксации доказательств. Полагаем, что УУП должны быть предоставлены более широкие полномочия на этапе первоначальной фиксации доказательств. В качестве примера можно привести возможность составления протокола опроса, который затем будет направляться в орган дознания или следствия для проведения дальнейшей процессуальной проверки [3, с. 2].

3. Организационные и кадровые меры. Полагаем, что в настоящее время существует потребность срочного пересмотра обязанностей участковых уполномоченных полиции. Сокращение непрофильных задач высвободит время для более эффективного выполнения функций на начальном этапе расследования.

4. Повышение оперативности реагирования. Ключевым направлением является улучшение системы вызова следователей и дознавателей для их максимально быстрого прибытия на место преступления. Особое внимание нужно уделить удаленным территориям, где такие опоздания могут привести к серьезным проблемам.

5. Регулярное обучение и повышение квалификации. Представляется оправданным внедрение системы непрерывного обучения и повышения квалификации для УУП. Это должно включать проведение регулярных тренингов и семинаров, посвященных особенностям проведения первоначальных следственных действий, основам криминалистической тактики и тонкостям процессуального оформления материалов.

6. Создание межведомственных рабочих групп. Целесообразно инициировать создание на региональном уровне рабочих групп, в состав которых будут входить УУП, дознаватели и следователи. Такие группы смогут стать площадкой для открытого обсуждения существующих проблем взаимодействия и совместной выработки эффективных решений.

Подытоживая сказанное, следует констатировать, что взаимодействие участкового уполномоченного полиции с органами дознания и следствия на первоначальном этапе расследования уголовных дел является одним из ключевых звеньев в системе борьбы с преступностью. Эффективность этого взаимодействия напрямую влияет на своевременность, полноту и качество расследования, а также на соблюдение прав и законных интересов граждан [4, с. 200].

Литература

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).

2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 (ред. от 06.02.2024) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).

3. Шумский, А. Ю. Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений: монография / А. Ю. Шумский; под ред. К. А. Ситникова. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 200 с.

4. Нечаев, В. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания: монография / В. В. Нечаев. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 232 с.

Двоеглазова Дарья Сергеевна,
слушатель 5 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Котляр Анастасия Ильдаровна,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности осуществления производства по рассмотрению обращений граждан участковым уполномоченным полиции

Все органы государственной власти вовлечены в процесс рассмотрения обращений граждан в рамках вмененной им компетенции. Особую роль в данном направлении деятельности занимает МВД России, чье назначение выражается в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействии преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечении общественной безопасности. Структура МВД России весьма сложна и обусловлена множеством поставленных перед ведомством задач, однако их решение объединено единой целью – защиты населения и государства, создания надлежащих условий для реализации прав человека и обеспечения защиты при совершенных противоправных посягательствах.

Участковый уполномоченный полиции занимает особое место в системе МВД России, выступая ключевым субъектом взаимодействия государства с гражданами на территориальном уровне. Будучи должностным лицом, в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ [1] сотрудник правоохранительных органов правомочен осуществлять рассмотрение обращений граждан. Вменение таких прав подчеркивает его высокую социальную и государственную значимость, ведь на территориальном уровне усилиями должностного лица обеспечивается реализация конституционных прав граждан на обращение в государственные органы, способствуя поддержанию общественного порядка и укреплению правового государства.

В соответствии со ст. 10 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2] участковый обязан содействовать защите прав и свобод граждан, что включает оперативное и законное рассмотрение их обращений. Участковый выступает первичным звеном системы органов внутренних дел, обеспечивая реализацию принципа народовластия через учет мнений граждан в процессе принятия административных решений.

Изучаемое направление служебной деятельности способствует укреплению правового государства, поскольку позволяет выявлять и устранять нарушения за-

конодательства, включая административные правонарушения и преступления. Оперативное реагирование на бытовые, семейные или общественные конфликты позволяет предотвращать их эскалацию. Сотрудник полиции вносит существенный вклад при формировании информационной базы для анализа криминогенной обстановки, что значимо для общественной безопасности и позволяет принимать соразмерные превентивные меры, тем самым выполняя профилактическую функцию, приоритет которой определяется нормами Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ [3].

Производство по рассмотрению обращений граждан участковым уполномоченным полиции регламентировано профильным Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2], где предписана обязанность принимать и регистрировать (в том числе в электронной форме) заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, а также устанавливается право граждан и общественных объединений получать достоверную информацию о деятельности полиции, получать от полиции информацию, затрагивающую их права.

В части организации работы участковых уполномоченных полиции первостепенным является приказ МВД России «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» от 29.03.2019 г. № 205 [4], регламентирующий особенности выполнения служебных обязанностей на закрепленном административном участке. Согласно п. 9. на должностное лицо возлагается решение задач по организации личного приема граждан (п. 9.4) и рассмотрение обращений (заявлений, сообщений) граждан, относящихся к его компетенции (п. 9.5). При этом их решение тесно связано с одноименными формами несения службы, изложенными в п. 22 ведомственного приказа.

Прежде всего, межведомственным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСНК России от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» [5] устанавливается типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях. В соответствии с данной нормой любой человек вправе обратиться в правоохранительные органы с сообщением о совершении преступления (правонарушения), и такое заявление подлежит обязательной регистрации и рассмотрению по существу, в том числе передаче в другой орган исполнительной власти по подведомственности.

При обращении гражданина к участковому уполномоченному полиции, как во время непосредственного несения службы или при личном приеме, обращения, заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях передаются в дежурную часть территориального органа для их регистрации в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях (далее – КУСП), об административных правонарушениях, о происшествиях. В случаях, когда обращение происходит в устной форме и содержит в себе признаки противоправного поведения, сотрудник полиции обязан или принять устное заявление о преступлении (для чего создан обособленный бланк), или составить рапорт, или

сообщить на линию «102», что будет зарегистрировано в КУСП. Согласно п. 30 приказа МВД России «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» от 29.03.2019 № 205 [4] поручение компетентного должностного лица является юридическим основанием для непосредственного рассмотрения обращения участковым уполномоченным полиции. Каждый факт обращения граждан вносится в соответствующие документы для их систематизации и возможности обеспечения контроля за исполнением со стороны руководства, а также региональных подразделений по организации работы участковых уполномоченных полиции.

После регистрации обращения и его поручения сотрудник полиции обязан провести первичный анализ его содержания для определения вида (предложение, заявление или жалоба) и относимости к компетенции полиции. Если обращение выходит за пределы его полномочий (например, касается экономических преступлений или вопросов, не относящихся к компетенции МВД России), то должностное лицо обязано в течение семи дней перенаправить его в соответствующий орган с уведомлением заявителя, в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ [1].

В тех случаях, когда содержание поступившего обращения находится в компетенции полиции, участковый уполномоченный полиции обязан начать проведение проверок и сбор доказательств для всестороннего изучения изложенных обстоятельств, принятия законного и обоснованного решения. Инициированная проверка изложенных фактов включает в себя опрос свидетелей, осмотры места происшествия, запрос документов и иных сведений, а также осуществление иных предписанных законом полномочий, характер которых во многом определяется порядком рассмотрения сообщения – в пределах норм УПК РФ или КоАП РФ.

В случаях, когда проведенным рассмотрением установлено, что жалоба или заявление указывает на нарушение, подпадающее под КоАП РФ (например, мелкое хулиганство по ст. 20.21 КоАП РФ), участковый составляет протокол об административном правонарушении и передает материалы для дальнейшего рассмотрения в соответствии с процессуальными нормами. В других случаях, когда результатом работы стало выявление в обращении сведений о преступлении (например, угроза жизни или здоровью), сотрудник полиции передает материалы в следственные органы для проверки в порядке, предусмотренном УПК РФ. Бывают иные случаи, когда при рассмотрении обращения в рамках правонарушения выявляются признаки уголовно наказуемого деяния. В таких обстоятельствах участковый уполномоченный обязан прекратить административное производство на основании ст. 28.9 КоАП РФ, а после зарегистрировать рапорт в КУСП для рассмотрения в порядке УПК РФ органами предварительного расследования.

В случаях, когда рассмотрение обращения граждан не затрагивает нормы КоАП РФ или УПК РФ, производство происходит в ином виде. Всестороннее изучение поступившего сообщения происходит в течение 30 суток со дня регистрации (в некоторых случаях может быть продлено до 60 суток), по истечении которых принимается решение о его удовлетворении (в том числе частичном) или же об отказе в таковом.

В первом случае сотрудник полиции может: оказать содействие в реализации прав гражданина (когда обращение является заявлением с просьбой о предоставлении государственной услуги); принять меры по устранению нарушений (при рассмотрении жалобы на действия или бездействие, нарушающие права гражданина, в рамках которой сотрудник полиции вправе составить протокол об административном правонарушении); принять меры по предложению (фактические меры по улучшению общественной безопасности, разрешение которых должностное лицо вправе передать в соответствующий орган с рекомендацией о реализации или внести в план профилактической работы на административном участке). При удовлетворении (в том числе частичном) заявителю направляется соответствующее уведомление.

Участковый уполномоченный полиции может отказать в удовлетворении обращения, если оно не соответствует требованиям законодательства или выходит за рамки его компетенции. Основанием для подобного решения может быть то, что содержание обращения не относится к компетентности сотрудника полиции (по итогам рассмотрения которого принимается решение о его передаче по подведомственности); если обращение анонимное (ведь согласно ст. 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ [1] обезличенные обращения, кроме сообщений о преступлениях, не подлежат рассмотрению); если обращение повторное без новых обстоятельств (если ранее вопрос уже был рассмотрен, то сотрудник полиции вправе прекратить переписку, уведомив заявителя). При отказе в обращении должностное лицо обязано предоставить мотивированный ответ, разъясняющий причины и, при необходимости, порядок обжалования решения в административном или судебном порядке.

К особенности осуществления производства по рассмотрению обращений граждан участковым уполномоченным полиции можно отнести их компиляцию и анализ, на основании которых сотрудник полиции вправе самостоятельно инициировать меры профилактического характера, направленные на предупреждение правонарушений, предусмотренных п. 36 вышеуказанного ведомственного приказа.

Таким образом, органы государственной власти во всем своем многообразии вовлечены в процесс рассмотрения обращений граждан в рамках вмененной им компетенции, и участковые уполномоченные полиции, как сотрудники МВД России, не являются исключением. Будучи должностным лицом, в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ [1] сотрудник правоохранительных органов правомочен осуществлять рассмотрение обращений граждан. Вменение таких прав подчеркивает его высокую социальную и государственную значимость, ведь на территориальном уровне усилиями должностного лица обеспечивается реализация конституционных прав граждан на обращение в государственные органы, способствуя поддержанию общественного порядка и укреплению правового государства.

Детализация данного положения закреплена в ст. 10 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2], согласно которой участковый обязан содействовать защите прав и свобод граждан, что включает оперативное и законное рассмотрение их обращений. П. 9 приказа МВД России «О несении службы

участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» от 29.03.2019 № 205 [4] предопределяет, что на должностное лицо возлагается решение задач по организации личного приема граждан и рассмотрению обращений (заявлений, сообщений) граждан, относящихся к его компетенции.

Представляя собой обособленное направление служебной деятельности, рассмотрение обращения граждан участковым уполномоченным полиции происходит на основании следующих принципов: территориальность, профилактический характер, оперативность, индивидуальность, прозрачность и подконтрольность.

Все рассмотренные обращения систематизируются и аккумулируются сотрудником полиции согласно нормам ведомственного приказа для их анализа, выявления востребованных и актуальных вопросов в жизни населения и принятия упредительных мер профилактического характера.

Литература

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

4. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 г. № 205 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

5. О едином учете преступлений: межведомственный приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСНК России от 29.12.2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 08.11.2025).

6. Лапин, А. Е., Борисов, Н. И. Обращения граждан как инструмент повышения эффективности взаимодействия населения и власти // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. – 2020. – № 1. – С. 107–114.

Дубровин Артем Станиславович,
студент 4 курса
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Капица Вячеслав Станиславович,
доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук

Противодействие терроризму: от теории к практике

Вопрос квалификации деяния как террористического акта – объект активных обсуждений на сегодняшний день. Большое количество ученых- практиков определяют наличие сложности на этапе отграничения таких понятий, как «терроризм», «террористический акт» и «террор».

Терроризм по своей сути является неким «социальным отклонением», что в нашем понимании означает идеи, цели, движения антиправового, противогосударственного характера. Ведь сам по себе «терроризм» не есть деяние, способ и форма. Террористический акт в данном случае выступает средством, способом реализации идей терроризма.

«Террор», в свою очередь, представляет собой тоталитарную политику со стороны, объектом террора является все население.

Терроризм может рассматриваться с различных точек зрения, однако в нашем понимании наиболее полно отражает его сущность «деятельность, направленная против населения и государственного строя, определяющаяся идеологическим течением» [1, с. 34].

Часто на практике возникают споры по поводу квалификации деяния как террористического акта. Ряд преступлений, которые по внешним признакам схожи с терроризмом, таковыми не являются, например, разберем один известный эпизод.

Трагедия в политехническом колледже в городе Керчь: двадцатидвухлетний студент колледжа пронес в учебное заведение складное огнестрельное оружие и заминировал столовую (правую часть корпуса). Взрывное устройство начинил гайками и мелкими колющими запчастями. Первоначально СК РФ квалифицировал деяние как террористический акт по статье 205 УК РФ, так как: 1) совершение взрыва – общеопасный способ, 2) устрашение населения, 3) дестабилизация деятельности органов власти, последний из которых в соответствии с пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Однако одной из целей террористического акта являются требования к органам государственной власти, а именно: «совершение указанных действий в целях воздействия на принятие ими решений, под угрозой совершения указан-

ных действий», каковых озвучено не было. Трагедия завершилась с приблизительными цифрами 18 погибших и 22 раненых. Окончательная квалификация СК РФ – убийство двух или более лиц по пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ [1, с. 55].

Данный пример позволяет проанализировать, какие именно сложности возникают при квалификации противоправного деяния в случае, когда перед сотрудниками органов государственной власти два схожих состава, определяющим элементом которого являлась цель его совершения.

Через развитие информационных технологий и увеличение разнообразия способов совершения противоправных действий получили распространение современные виды терроризма.

К современным видам терроризма относят информационный и ядерный терроризм, представляющие угрозу общественной, национальной и мировой безопасности.

Информационный терроризм нацелен на устрашение населения путем распространения ложной информации и формирования определенного общественного мнения с использованием компьютерных технологий [2, с. 84].

Данная деятельность нацелена на подрывание общественного спокойствия, на дестабилизацию нормального функционирования государства. По нашему мнению, говоря о «терроризме», необходимо понимать, что данный состав:

1) является комплексным – уголовная ответственность наступает не только за террористический акт, но и по составам, которые предусматриваются статьями: 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 (например, содействие террористической деятельности, что включает в себя и склонение, и вербовку, и иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений – статьей 205.2, частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой – третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360);

2) предусматривает несколько форм, расположенных в разных главах Уголовного кодекса Российской Федерации. Например, выделение законодателем статьи 361 Уголовного кодекса, предусматривающей уголовную ответственность за совершение акта международного терроризма [1, с. 65].

Центральным законодательным элементом деятельности по квалификации преступлений террористической направленности является Федеральный закон «О противодействии терроризму», это основа государственно-правовой стратегии. Координацию деятельности в целях реализации государственной стратегии по противодействию терроризму осуществляет Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации, реформированный в 2015 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» [3, с. 97].

В процессе изучения судебной практики возникает вопрос о диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации в части: «также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями». Здесь нас интересует понятие угрозы.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2012 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», упоминая понятие «угрозы», не закрепляет каких-либо криминообразующих элементов. Однако определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2013 года № 22 АПУ13-4 сформировало следующую позицию: что данная угроза должна носить реальный характер, ничем не подкрепленное устное заявление не может квалифицироваться по части 1 статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации [3, с. 55].

После ответа на вопросы квалификации и классификации возникает еще одна проблема: противодействие всем видам терроризма.

При анализе способов противодействия терроризму, а также поиске самых эффективных вариантов борьбы с ним первым делом нужно выявить, какие именно задачи должны быть решены посредством их использования. Из числа основных задач выделяют ряд мероприятий, направленных не только на предотвращение, но и оперативное реагирование [4, с. 60].

Исходя из вышесказанного, следует обратить внимание на три основных направления в борьбе с терроризмом: 1) профилактика терроризма; 2) противодействие терроризму, а именно: выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие, расследование террористических актов; 3) минимизация и ликвидация последствий терроризма.

На наш взгляд, самый эффективный способ борьбы с коррупцией – использование инструмента, который на сегодняшний день является одним из передовых способов совершения преступлений, а именно искусственного интеллекта, чтобы организовать специальное подразделение по мониторингу, выявлению и пресечению какой-либо экстремистской деятельности на корню. Использование искусственного интеллекта обуславливается не только его мобильностью, удобством и экономичностью, но и возможностью оперативно воздействовать на очаги проблемы, а также восстановление пораженных секторов. Ярким примером является волна ложных сообщений о минировании школ в Керчи с 2022 по 2023 год. Каждый день в органы внутренних дел поступали ложные сообщения о готовящемся взрыве. Лица, направлявшие ложные сообщения, использовали искусственный интеллект, действуя на территории другого государства. Главной целью этой деятельности являлась дестабилизация органов государственной власти.

При ответе на вопрос о возможности нововведений стоит установить ответственность за создание таких спам-платформ. С данной точкой зрения нельзя не согласиться, ведь данные рассылки и «спам-атаки» можно предотвратить лишь путем аккумулирования всех информационных платформ в единый защищенный сетевой портал. Данная мера, на наш взгляд, будет способствовать наиболее тщательной фильтрации интернет-пространства.

Подводя итог, необходимо отметить, что для повышения эффективности и результативности расследований преступлений экстремистской и террористической направленности целесообразно интегрировать решения на основе искусственного интеллекта в ряд областей.

Во-первых, помимо идентификации незаконного контента важно также определять географическое положение устройств, используемых для его распространения.

Во-вторых, деятельность лиц, занимающихся распространением материалов террористического содержания в Сети, должна подвергаться тщательному и всестороннему анализу.

В-третьих, сообщения о кибертеррористических инцидентах требуют незамедлительной обработки и проверки.

В-четвертых, необходимо четко отличать террористические материалы от иных публикаций, например, от содержащих критические замечания в адрес действующего правительства.

В-пятых, в процессе поиска террористов следует использовать передовые технологии, включая данные мобильной связи, системы видеонаблюдения, геолокацию и другие инструменты.

В-шестых, важно своевременно выявлять и отслеживать террористические группы и организации.

В-седьмых, искусственный интеллект должен оказывать помощь в мониторинге, регистрации и анализе цифровых следов преступной деятельности.

В-восьмых, особое внимание следует уделять прогнозированию террористической активности как на общенациональном уровне, так и в отдельных регионах, особенно в тех, где наблюдается рост подобной активности.

Таким образом, мы определили основные проблемы в квалификации террористического акта, проанализировали основные виды «терроризма», а также основные современные подходы, направленные на предотвращение, борьбу и минимизацию последствий действий террористической направленности в целях обеспечения национальной безопасности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 17 ноября 2025 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.11.2025).

2. О противодействии терроризму: Федеральный закон №35-ФЗ: [принят Государственной Думой 26 февраля 2006 года: одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года] // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.11.2025).

3. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 26.12.2015 № 664 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 11.11.2025).

4. О безопасности: Федеральный закон № 61 – ФЗ: [принят Государственной Думой 10 декабря 2010: одобрен Советом Федерации 15 декабря 2010 года] (ред. от 25.12.2023) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 14.11.2025).

5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. № 1 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 11.11.2025).

Егорова Александра Денисовна,
слушатель 5 курса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Жигалова Галина Георгиевна,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат медицинских наук, доцент

Особенности применения знаний в сфере судебной медицины при работе с потерпевшими, свидетелями и подозреваемыми в делах о преступлении против личности

В расследовании преступлений против личности, особенно когда требуется детальный медицинский анализ, привлечение компетентных специалистов является не просто желательным, а необходимым. В соответствии с частью 1 статьи 168 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации, следователь правомочен привлекать к участию в следственных действиях лиц, обладающих специальными знаниями, что существенно повышает результативность расследования [1]. Эксперт и специалист, обладающие глубокими медицинскими знаниями, играют ключевую роль в установлении истины по делу.

В соответствии с положениями статей 57 и 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации процессуальные функции эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве разграничиваются. Эксперт, опираясь на специализированные познания, осуществляет судебно-экспертное исследование с последующим оформлением заключения. В свою очередь, специалист оказывает консультативно-техническую помощь следственным органам, содействуя в обнаружении, фиксации и изъятии материальных объектов, применении технических средств при анализе материалов уголовного дела, а также в формулировании вопросов эксперту и разъяснении аспектов, относящихся к его профессиональной компетенции, сторонам и суду.

Т.С. Митина подчеркивает значимость медицинских знаний в контексте расследования преступлений против личности. Расширение компетенций в области судебной медицины и психиатрии способствует повышению эффективности расследования различных категорий преступлений [2, с. 178]. Привлечение судебно-медицинского эксперта оптимизирует направленность следственных действий и предоставляет ценную информацию для следователя. По мнению автора, специалист в области судебной медицины содействует выявлению доказательственной базы, которая могла бы быть упущена следователем вследствие недостаточной осведомленности в узкоспециализированных медицинских вопросах.

Анализ следственной практики демонстрирует тенденцию к увеличению жестокости и изощренности в современных преступлениях против жизни и здоровья. В условиях подобной криминальной обстановки для эффективного раскрытия и расследования преступлений следователю необходимо использовать науко-

емкие технологии и специальные знания, в том числе в области судебной медицины. Патологические изменения процессов нормальной жизнедеятельности организма человека требуют от следователя углубленного понимания медицинских аспектов, достижение которого обеспечивается привлечением специалистов. Отмечается, что специалист в области медицины, включая судебную медицину, оказывает значимую помощь следователю в обнаружении следов преступления, реконструкции действий преступника и разработке алгоритма следственных действий, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со статьей 73 УПК РФ.

Эксперт в области судебной медицины может оказать содействие следователю в уточнении ранее установленных обстоятельств преступления, а также в корректной формулировке вопросов, адресованных допрашиваемым лицам. Вопросы, подлежащие разрешению в ходе расследования преступлений против жизни и здоровья, могут затрагивать механизм причинения телесных повреждений различной степени тяжести. Осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта или врача соответствующей специализации имеет определяющее значение [3, с. 48]. Важно учитывать, что объектами судебно-медицинской экспертизы могут выступать трупы, компоненты трупного материала, биологические жидкости и выделения человеческого организма, а также живые лица. Комплексное применение судебно-медицинской, судебно-биологической и медико-криминалистической экспертиз позволяет установить обстоятельства убийства, идентифицировать особенности личности преступника и определить причину смерти.

Установление личности потерпевшего является важным аспектом расследования. Эксперт определяет возраст, род занятий, вредные привычки, перенесенные заболевания, травмы и операции. При исследовании трупов, подвергшихся посмертным изменениям, возникают определенные трудности, связанные с искажением картины повреждений. В таких случаях, а также при исследовании трупов с прижизненными болезненными изменениями, требуется проведение тщательного анализа для установления причины смерти и характера повреждений.

При расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупа, ключевое значение приобретает судебно-медицинское исследование, ориентированное на установление факта сокрытия следов преступления, затруднения идентификации личности погибшего и облегчения транспортировки фрагментированных останков. В рамках указанного исследования эксперт осуществляет детальный анализ линий расчленения, морфологии краев ран и следов, оставленных орудиями. В случае обнаружения отдельных частей расчлененного тела судебно-медицинский эксперт правомочен выносить заключение о наличии у преступника профессиональных навыков в области секционной техники. Фиксация специфических особенностей отчлененных конечностей (кистей и стоп), дактилоскопическая экспертиза частей трупа и получение отпечатков пальцев приобретают первостепенное значение для идентификации личности погибшего.

Вещественные доказательства, содержащие следы биологического происхождения, являются распространенными объектами судебно-медицинского исследования. В рамках исследования эксперт устанавливает видовую и половую принадлежность крови, а также определяет ее принадлежность потерпевшему или

подозреваемому. Анализ выделений, оставленных преступником, позволяет получить информацию о его специфических характеристиках. Судебно-одорологическая экспертиза также представляет значительный интерес для установления обстоятельств преступления и идентификации причастных лиц.

Деятельность судебно-медицинского эксперта сопряжена с некоторыми ограничениями, обусловленными его специализированными знаниями. Компетенция эксперта ограничивается вопросами биологического или медицинского характера, в которых он обладает достаточным уровнем экспертизы. Вопросы юридической квалификации, такие как установление виновности или определение формы вины (умысел, неосторожность), находятся за пределами его компетенции, что обусловлено принципом разделения процессуальных ролей и недопустимостью подмены функций суда. Кроме того, эксперт несет ответственность за соблюдение тайны предварительного следствия или дознания, что закреплено в законодательстве. При наличии обстоятельств, вызывающих сомнения в его беспристрастности, таких как родственные связи с участниками процесса или заинтересованность в исходе дела, эксперт подлежит отводу. Это подчеркивает необходимость обеспечения объективности и независимости экспертного заключения.

Применение специальных знаний в области судебной медицины при работе с потерпевшими и свидетелями представляет собой важный инструмент для установления обстоятельств, имеющих существенное значение для уголовного дела, в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Функциональность данного инструментария, однако, сопряжена с необходимостью учитывать психологические особенности, присущие указанным категориям лиц, а также вероятность искажения ими воспринимаемой информации.

Анализ показаний потерпевшего является комплексной задачей, требующей сопоставления субъективных сведений, сообщаемых потерпевшим относительно характера и локализации повреждений, с объективными данными, зафиксированными в ходе судебно-медицинского освидетельствования. Данный сравнительный анализ позволяет выявлять диссонансы и противоречия, обусловленные, в частности, посттравматическим стрессовым расстройством, состоянием аффекта либо попытками умышленного сокрытия информации. В рамках данной оценки значимым является выявление признаков симуляции или аггравации симптоматики, что требует проведения углубленного медицинского обследования и при необходимости привлечения специалистов в области клинической психологии и психиатрии для комплексной оценки психического состояния потерпевшего и степени адекватности восприятия им обстоятельств произошедшего события.

В отличие от потерпевших свидетели не являются прямыми участниками преступного события, что, однако, не снижает значимости их показаний для установления объективной картины произошедшего. Судебно-медицинский эксперт может оказать содействие следственным органам в процессе формулирования вопросов свидетелям с целью получения максимально точной и объективной информации. В частности, при описании внешних признаков подозреваемого или характеристик причиненных повреждений эксперт может инициировать уточнение деталей, имеющих значение для идентификации личности или установления орудия преступления. Кроме того, эксперт осуществляет анализ свидетельских показаний на предмет их согласованности с установленными медицинскими фак-

тами, что позволяет верифицировать сообщаемые сведения относительно последовательности действий, временных интервалов и иных значимых обстоятельств. Необходимо учитывать, что свидетельские показания подвержены искажениям, обусловленным субъективным восприятием, когнитивными искажениями памяти или преднамеренным искажением фактов, что предопределяет необходимость критической оценки данных сведений со стороны следователя и эксперта.

Одной из ключевых задач судебно-медицинской экспертизы является установление причинно-следственной связи между сообщаемыми потерпевшим обстоятельствами и характером выявленных у него повреждений. В случаях, когда показания потерпевшего относительно механизма причинения вреда не соответствуют морфологическим особенностям повреждений, выявляется существенное противоречие, требующее дальнейшего углубленного анализа.

В процессе допроса потерпевших и свидетелей, подвергшихся воздействию травмирующих факторов, необходимо учитывать их психоэмоциональное состояние. Экспертная оценка степени выраженности посттравматического стрессового расстройства, тревожных и депрессивных симптомов позволяет определить, в какой мере указанные факторы влияют на достоверность сообщаемых показаний и адекватность восприятия произошедших событий.

Экспертные заключения основываются на анализе медицинских данных, а также на оценке соответствия полученной информации объективным фактам. Они могут выявить обстоятельства, подтверждающие форму вины и мотивы деяния, что имеет значение для квалификации преступления и назначения наказания. Наконец, на основе характера и локализации телесных повреждений специалист может установить общий механизм совершения преступления, число соучастников и роль каждого из них в преступном деянии.

Правоприменение специальных знаний в области судебной медицины реализуется в двух основных формах: процессуальной и непроцессуальной [4, с. 37]. Процессуальная форма, регламентированная нормами законодательства, обладает высокой юридической значимостью и доказательственной силой. В контексте расследования преступлений против жизни и здоровья личности Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает обязательное привлечение судебно-медицинского эксперта, а в случае отсутствия такой возможности – иных врачей или медицинских работников. Несоблюдение указанного требования квалифицируется как нарушение процессуальных норм. Назначение судебно-медицинской экспертизы также является императивным в случаях, предусмотренных статьей 196 УПК РФ, в частности, при установлении причины смерти, степени тяжести вреда, причиненного здоровью, а также при оценке психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Привлечение специалиста обусловлено требованиями законодательства, недостаточной компетенцией следователя в вопросах медицины и его способностью выявлять новые обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела.

В теоретическом плане специальные знания в судебной медицине охватывают широкий спектр областей [5, с. 200]. Помимо знаний о строении и функционировании человеческого организма судебный медицинский эксперт должен владеть медицинским и лабораторным оборудованием, которое постоянно модерни-

зируется. Например, классический метод посмертной диагностики – аутопсия – постепенно дополняется виртопсией, предполагающей компьютерную томографию для более объективного и всестороннего исследования трупа. Эта процедура обеспечивает более качественное и быстрое вскрытие, а также возможность долгосрочного хранения результатов в виде трехмерных изображений, которые наглядно демонстрируются в суде.

В процессе установления степени тяжести вреда, причиненного здоровью, активно применяются специальные знания и методы. Выбор конкретных методов медицинского обследования детерминируется характером повреждения и может включать магнитно-резонансную и компьютерную томографию, лабораторные исследования крови и мочи, гистероскопию, электроэнцефалографию и анализ биомаркеров. В своей деятельности судебно-медицинский эксперт руководствуется приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 08.04.2025 № 172н (в редакции от 19.08.2025) «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 02.06.2025 № 82483) [6].

Для уточнения конкретных обстоятельств, имеющих доказательственное значение для уголовного дела, может быть назначено проведение специализированных судебно-медицинских экспертиз. Генетическая экспертиза, направленная на установление принадлежности биологического материала конкретному индивиду, используется для определения однородности объектов исследования и их идентификации. Данная экспертиза базируется на анализе дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) и формировании специализированных баз данных ДНК-профилей. Генотипоскопия, позволяющая установить кровное родство, половую принадлежность, генотип и гаплотип исследуемого лица, представляет собой более прецизионный метод, обеспечивающий получение однозначных ответов на поставленные вопросы [7, с. 112].

Знания в области судебной медицины играют решающую роль в успешном расследовании преступлений против личности. Привлечение экспертов и специалистов дает возможность следователю эффективно использовать процессуальные возможности, устанавливать истину по делу и обеспечивать справедливость. На наш взгляд, вклад судебных медицинских экспертов в расследование преступлений против жизни и здоровья личности нельзя переоценить. Именно в рамках данного вида преступлений медицинские заключения экспертов являются ключевым фактором расследования. Благодаря обширным познаниям в сфере медицины такие преступления раскрываются более эффективно, а развитие лабораторного оборудования позволяет исключить типичные ошибки и предоставить качественные и объективные экспертные заключения. Особенно важным является применение этих знаний при работе с потерпевшими и свидетелями, так как их показания часто являются ключевыми для установления обстоятельств дела.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие предложения.

1. Необходимо разработать методические рекомендации для следователей по вопросам назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз, а также оценки экспертных заключений, с учетом особенностей работы с потерпевшими и свидетелями, пережившими травмирующие события.

2. Следует расширить использование современных методов судебно-медицинской экспертизы в практике расследования преступлений против личности, в том числе путем проведения обучающих мероприятий для следователей и экспертов, с акцентом на психологические аспекты взаимодействия с потерпевшими и свидетелями.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4636.
2. Митина, Т. С. Формы и виды использования специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве / Т. С. Митина // Единство науки и образования как инструмент перехода к постиндустриальному миру: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Иркутск, 03 декабря 2022 года. – Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2022. – С. 178-182.
3. Берестенко, Е. Д. Использование специальных медицинских знаний при расследовании причинения вреда здоровью / Е. Д. Берестенко // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 года / Составители: А. В. Бачиева, Э. В. Лантух. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 48-52.
4. Эртель, Л. А. К вопросу о процессуальных формах использования специальных медицинских знаний специалиста / Л. А. Эртель, К. В. Паков // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 4. – С. 37-39.
5. Гурбанова, А. А. Теоретические и правовые аспекты использования специальных познаний в области судебной медицины при расследовании преступлений против жизни и здоровья // Молодой ученый. – 2024. – № 26(525). – С. 200-202.
6. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) (зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483) // Официальное опубликование правовых актов. – 2025. – № 0001202506020040.
7. Москвитина, А. А. Генотипоскопическая экспертиза при расследовании преступлений / А. А. Москвитина // Проблемы экономики, социальной сферы и права: Материалы 34-й внутривузовской научно-практической студенческой конференции, Чита, 24 апреля 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. – С. 112-118.
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Судебный департамент РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 07.11.2025).

Ефимова Мария Сергеевна,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Пономарева Ольга Михайловна,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

Вредоносная информация как фактор формирования девиантного поведения несовершеннолетних

Девиантное поведение подростков, связанное с отклонением от общепринятых социальных норм, негативно сказывается на их развитии и возможностях социализации.

Однако можно выделить объективные причины девиантного поведения подростков, а именно:

– особенности физиологического развития, полове созревание, влияющее на гормональный фон и стабильность эмоций и поведения подростка;

– высокий уровень стремления к самостоятельности, проявление «взрослости», стремление нарушать установленные для подростка как для «маленького» правила, выход из-под контроля взрослых любой ценой;

– круг общения, в котором такие же подростки стремятся доказать окружающим и миру, что они взрослые, совершая поступки на грани социальной нормы, а иногда и откровенно ее нарушая;

– воздействие информации, поступающей из различных источников, прежде всего ресурсов сети Интернет, мессенджеров, в которых транслируется «вау-эффект» от нарушения социальных норм и правил, впитывание подростком информации, в том числе и деструктивно воздействующей на его психическое состояние, нравственное и интеллектуальное развитие.

Причем информация, которая не рецензируется в соответствии с возрастом, потоком поступает к несовершеннолетнему, который не способен полностью самостоятельно ее фильтровать и оценивать.

Интернет создает возможности для общения, познания окружающего мира, при этом безграничность ресурсов таит в себе опасность для подрастающего поколения в части формирования ценностей, стереотипов поведения, возможности бесконтрольных действий.

Информация – это ценный ресурс современного общества, но ее разнообразие, сочетание как полезной для развития личности подростка информации, так и негативно на нее влияющей, создает ситуацию, когда именно информация становится источником девиаций несовершеннолетних.

По мнению Л.А. Фастовец, основными проявлениями негативного воздействия информации на личность подростка являются:

– предпочтение депрессивно-насильственных кинофильмов комедиям;

– длительность использования компьютеров и иных гаджетов свыше пяти часов в день;

– отказ от обращения и использования интеллектуальных ресурсов;

– использование игровых ресурсов, не соответствуюших возрасту [2, с. 50].

Отсутствие реальной цензуры информации и информационных ресурсов, слабый контроль со стороны родителей за использованием детьми ресурсов, временем пребывания в них может повлечь вред физическому и психическому здоровью, перегрузке нервной системы. У несовершеннолетних возрастает риск развития различных невротических расстройств, снижается качество зрения, отмечаются разнообразные проявления девиантного поведения, в том числе и совершение противоправных действий.

Действующее законодательство закрепляет полномочия различных органов власти, выступающих субъектами профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних. К субъектам профилактики относят подразделения органов внутренних дел, прежде всего подразделения по делам несовершеннолетних.

Задачами подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел являются выявление и недопущение распространения информации, причиняющей вред жизни и здоровью несовершеннолетних, профилактическая работа с несовершеннолетними по вопросам негативного информационного воздействия и совершения различных противоправных действий в отношении несовершеннолетних с использованием возможностей информации и информационных ресурсов.

Кроме того, подразделения по делам несовершеннолетних должны осуществлять работу с родителями (законными представителями) несовершеннолетних в части информирования о возможных последствиях негативного информационного воздействия на несовершеннолетних.

Современная информационная среда создает условия для развития девиантного поведения несовершеннолетних. Задача государства и общества – выработать комплекс превентивных мер, направленных на нивелирование ее негативного воздействия.

Литература

1. Соловьева, А. В. Законодательные основы защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию / А.В. Соловьева // В сборнике: Права несовершеннолетних: правовое регулирование и проблемы реализации в условиях современного общества. Сборник научных трудов: сборник материалов. Под редакцией О.С. Рыбаковой. – Москва, 2022. – С. 228-233.

2. Фастовец, Л. А. Защита несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Молодой ученый. – 2014. – № 17. –С. 50-51.

Ефимова Мария Сергеевна,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Седых Татьяна Викторовна,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат политических наук

Применение искусственного интеллекта для повышения эффективности следственной деятельности

Правовое закрепление применения цифровых средств фиксации в уголовно-процессуальном законодательстве регламентируется крайне поверхностно, в связи с чем нет отдельной нормы, которая была бы посвящена общим условиям применения таких средств, в то время как необходимость ее введения, по нашему мнению, стоит достаточно остро.

В современных условиях усложнения правовой системы и постоянного обновления законодательства проблема толкования норм права приобретает особую значимость. Динамичное развитие общественных отношений требует адекватного и своевременного юридического осмысления нормативных предписаний, что делает изучение актов толкования исключительно важным для правоприменительной практики. Особую актуальность данная тема получает в свете необходимости обеспечения единообразия судебной практики и предотвращения произвольного толкования законов правоприменителями.

Возрастающая роль актов толкования в правоохранительной деятельности обусловлена потребностью в эффективном преодолении пробелов и коллизий в законодательстве. В условиях, когда правовые нормы не всегда успевают за стремительными изменениями социальной реальности, именно акты толкования позволяют адаптировать законодательные положения к конкретным жизненным ситуациям без изменения самого текста закона. Это особенно значимо для деятельности правоохранительных органов, где от точности понимания правовых норм часто зависят судьбы людей и законность принимаемых решений.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией правового пространства и появлением новых форм правоотношений, подчеркивают необходимость глубокого научного осмысления природы и механизмов толкования права. Особая значимость изучения актов толкования норм права проявляется в контексте обеспечения правовой определенности и защиты прав граждан. В условиях расширения дискреционных полномочий правоохранительных органов именно четкие и обоснованные акты толкования служат важным инструментом противодействия произволу и злоупотреблениям.

Для обеспечения эффективного и качественного расследования уголовных дел следователь должен использовать весь арсенал средств, предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством.

Это процессуальное действие при правильном его организационном и тактическом обеспечении предоставляет следователю уникальную возможность проверить правильность следственных версий, получить новые фактические данные об отдельных обстоятельствах уголовного производства, убедиться в правдивости или ложности показаний лиц тогда, когда другим способом это сделать невозможно или крайне сложно. В следственной практике это процессуальное действие используется довольно часто и признано эффективным средством получения новых и проверки и уточнения уже полученных доказательств.

Использование инновационных технологий позволяет сделать менее заметной проблему нехватки кадров в правоохранительных органах, за счет повышения эффективности деятельности действующих сотрудников.

Так, следователи теперь имеют доступ к электронным базам данных, цифровым записям и онлайн-ресурсам. Это позволяет обращать меньше внимания на проблему нехватки кадров, так как инновации способствуют эффективному использованию перекрестных ссылок, улучшению организации доказательств, что ускоряет процесс расследования [1].

В условиях современности искусственный интеллект внедряется в различные сферы общественной деятельности, и правоохранительная не является исключением.

Следует отметить, что с 19 июня 2025 года на базе Управления полиции в районе Есиль в Астане (Казахстан) был запущен пилотный проект интерактивного помощника следователя. Целью проекта является повышение качества и скорости расследования уголовных дел. Данная система на базе искусственного интеллекта включена в информационную систему «Единый реестр досудебных расследований» и выполняет рутинные задачи, облегчая работу следователей. Интерактивный помощник следователя выполняет такие задачи, как:

1) перевод речи в текст;
2) сравнение показаний разных людей и поиск в них противоречий;
3) предложение уточняющих вопросов для допросов;
4) автоматическое формирование процессуальных документов.

Данная система состоит из:

– планирования расследования;
– обработки показаний;
– подготовки документов;
– аналитики и прогнозов.

Результаты внедрения в деятельность интерактивного помощника на данный момент не подведены, но по информации на июль 2025 года начальник следственного департамента Министерства внутренних дел Казахстана Мухтар Кожаев отметил, что модуль «цифрового помощника» удобен, так как освобождает следователей от определенной рутинной работы [2].

В условиях цифровизации общества все сложнее становится выявлять и раскрывать преступления, так как большинство из них переходит в информационную сферу, в связи с чем необходимо усовершенствовать методы расследова-

ния таких виновно совершенных общественно опасных деяний, разработать и привести в действие новые проекты по разработке программ с использованием искусственного интеллекта для повышения эффективности деятельности следователей.

Таким образом, постепенно в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений начинает внедряться цифровизация, но данный процесс происходит достаточно медленно, поскольку любые новшества в уголовном судопроизводстве должны быть тщательно исследованы и обоснованы не только с научной и технической точек зрения, но и с позиции использования их для доказывания. Всегда остро строит вопрос об обеспечении относимости, допустимости, достоверности полученных сведений.

Литература

1. Мурашев, П. М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы / П. М. Мурашев // Закон и право. – 2025. – № 10 – С.233-238.

2. Новости Казахстана. – URL: https://www.zakon.kz. – (Дата обращения: 01.11.2025).

Жилин Илья Константинович,
студент 3 курса факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)

Научный руководитель:
Ратьков Александр Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)

Правовое положение лица, задерживаемого в порядке ст. 91 УПК РФ: проблема неопределенности статуса

В современном уголовном процессе вопрос законного ограничения свободы лица является одной из наиболее дискуссионных проблем. Задержание (как мера процессуального принуждения) напрямую связано с балансом между интересами государства в раскрытии и расследовании преступления и правами гражданина на свободу и личную неприкосновенность. Нормы главы 12 УПК РФ регулируют основания и порядок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, предусматривают, что задержание применяется на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. При этом УПК РФ требует, чтобы после доставки задержанного к следователю или органу дознания не позднее трех часов был составлен протокол задержания с указанием мотивов и основания задержания [1].

Однако на практике возникают трудности, связанные с правовым статусом задерживаемого лица и соблюдением его процессуальных гарантий. В частности, часто возникает разрыв между фактическим ограничением свободы лица и оформлением процессуального статуса задержанного. Человека, как правило, лишают возможности свободного передвижения раньше, чем будет составлен протокол и признан статус подозреваемого. До процессуального оформления задержания лицо оказывается в состоянии правовой неопределенности: права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ для подозреваемого (например, право иметь защитника, уведомления родственников, участия в процессуальных действиях), не могут быть реализованы, поскольку статуса подозреваемого у такого лица еще нет [1]. Такое положение приводит к разрыву между фактическим и юридическим моментом задержания.

В Определении Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2783-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скляра Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О конституционном суде Российской Федерации» и рядом положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2] суд указал, что любое лишение свободы допустимо лишь при наличии законных оснований. При этом отсутствие формального решения о задержании не освобождает государственные органы от обязанности обеспечивать защиту прав лица, фактически лишенного свободы.

Между тем действующая редакция статьи 92 УПК РФ указывает совсем на другой момент лишения свободы передвижения после доставления лица в орган дознания или к следователю, что создает временной разрыв, в течение которого человек оказывается вне процессуального статуса и, следовательно, без процессуальных прав [3, с. 45-53]. В этот период он не обладает правом на защиту, не может обжаловать свое фактическое лишение свободы, а его положение не подпадает ни под нормы УПК РФ, ни под нормы ФЗ «О полиции», ни под действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данные законы не регламентируют основания и процедуру задержания таких лиц, оказавшихся на месте происшествия, обстоятельства которого подлежат выяснению с целью надлежащей правовой оценки и уяснения причастности этого лица к произошедшему событию. Чаще всего именно такую категорию лиц приходится задерживать как сотрудникам полиции, так и сотрудникам других правоохранительных органов.

Таким образом, в российской правоприменительной практике образуется «зона процессуальной неопределенности», когда лицо фактически ограничено в свободе, но юридически этот момент не оформлен и он не имеет правового статуса, а следовательно, и прав. Подобное положение противоречит как конституционным принципам, так и международным обязательствам Российской Федерации.

Как отмечают представители научного сообщества, а именно Ю.Б. Чупилкин, моментом фактического задержания следует считать физическое удержание лица, поскольку именно с этого времени к нему могут применяться меры принуждения и оно лишается свободы передвижения, находясь под полным контролем сотрудников правоохранительных органов [4, с. 931-933].

Кроме того, С. Б. Россинский считает необходимым принять отдельный федеральный закон «О задержании», так как вопросы фактического задержания должны осуществляться через единую призму правоохранительной деятельности, что позволит сформировать единообразную процедуру, обеспечивающую выполнение целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами, и частных интересов личности, подвергаемой фактическому задержанию [5, с. 175].

Рассмотрение вопроса о необходимости единой правовой регламентации фактического задержания подводит к иной, но тесно примыкающей проблеме – определению процессуального положения лица, в отношении которого правовая оценка события еще не дана. Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует деятельность по задержанию после того, как есть официальный вывод, что совершено преступление. Когда же лицо захвачено на месте происшествия, то еще неизвестно, совершил он именно преступление или просто какое-то правонарушение. В этой связи представляется целесообразным, как нам думается, в КоАП произвести нормативное закрепление специального процессуального статуса «заподозренный», под которым понимать лицо, в отношении которого имеются основания полагать его причастность к событию, юридическая природа которого еще не определена. Данный статус должен включать минимальный набор прав, обеспечивающих защиту личности от произвольного вмешательства государства: право знать основания фактического задержания, право на юридическую помощь, право на уведомление близких родственников, право на медицинскую помощь, право на отказ от самообвинения, а также право на фиксацию всех действий

должностных лиц. Введение подобного набора прав обусловлено необходимостью соблюдения конституционных гарантий на ранней стадии государственного реагирования, когда лицо еще не обладает уголовно-процессуальным статусом, но фактически лишено свободы [6, с. 60].

Одновременно Кодекс об административных правонарушениях должен содержать исчерпывающее описание допустимых действий должностных лиц в отношении такого лица. До установления признаков преступления недопустимо проведение действий, характерных для уголовного процесса, включая личный обыск, изъятие предметов, производство допроса или помещение в изолятор временного содержания. Допускаются лишь те меры, которые отвечают целям выяснения обстоятельств и поддержания общественной безопасности, в частности установление личности, проверка документов, опрос и доставление в служебное помещение на ограниченный срок. И этот срок тоже должен быть закреплен в законе. Четкое разграничение допустимых действий необходимо для исключения подмены административных мер уголовно-процессуальными, что влечет нарушение конституционных прав задержанного.

Таким образом, для устранения правового вакуума и обеспечения соответствия национального законодательства конституционным стандартам требуется нормативное закрепление в КоАП РФ положения о том, что до момента установления признаков преступления все действия с фактически задержанным лицом осуществляются исключительно в рамках административного процесса.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 07.11.2025).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скляра Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О конституционном суде Российской Федерации» и рядом положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2783-О // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 07.11.2025).

3. Петров, В. В. Подозрение и подозреваемый в уголовном процессе России // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 45–53.

4. Чупилкин, Ю. Б. Фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления // Научные труды РАЮН. Вып. 11. В 2 т. Т. 2. – Москва: Юрист, 2011. – С. 931–933.

5. Россинский, С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. – 2018. – № 7. – С. 112–175.

6. Клевцов, К. К. Процессуальный статус и показания заподозренного лица // Юридическая наука и практика. – 2021. – № 3. – С. 56–62.

Жукова Юлия Сергеевна,
курсант 3 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Николаева Наталия Александровна,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Противодействие совершению преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Преступления экстремистской направленности представляют собой одну из наиболее опасных форм противоправных деяний, направленных против основ конституционного строя государства, общественного порядка и безопасности граждан. Использование информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) позволяет преступникам быстро распространять экстремистские идеи, привлекать сторонников и организовывать массовые акции протеста или насилия. Это создает значительные трудности для правоохранительных органов и требует разработки эффективных методов борьбы с такими преступлениями.

С начала ведения Российской Федерацией специальной военной операции наблюдается рост преступлений экстремистской направленности, имеющих целью дестабилизацию государственной власти, нарушение территориальной целостности страны, внедрение в сознание человека идей, направленных на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, вражды и ненависти.

Согласно статистическим данным МВД, в 2024 году зарегистрировано 1719 преступлений экстремистской направленности, что на 28,3% больше, чем в 2023 году. В период с января по сентябрь 2025 года зарегистрировано 1760 преступлений данной направленности, что на 28,4% больше, чем за прошлый год. Таким образом, следует сделать вывод об актуальности данного исследования, так как тенденция совершения данного вида преступления возрастает с каждым годом.

Удобство ИТТ для совершения такого рода преступлений обуславливается тем, что пользователя, распространяющего экстремистские материалы, тяжело вычислить. Немаловажным также является тот факт, что данные посты получают большое распространение среди пользователей сети Интернет, что позволяет преступникам воздействовать на большое количество людей.

Следует выделить несколько групп способов совершения преступлений экстремистской направленности с использованием ИТТ:

1. Распространение экстремистских материалов через сеть Интернет.

Данный способ совершения преступлений экстремистской направленности является одним из самых распространенных, так как обладает рядом специфических особенностей, делающим его наиболее эффективным для преступников и наиболее сложным для противодействия.

К таким особенностям можно отнести массовость и скорость охвата аудитории, так как любая публикация или другая информация мгновенно становится видимой для неограниченного числа пользователей в различных частях мира. Данный способ совершения преступлений является анонимным, т.е. публикуется с фейковых страниц или с использованием VPN, прокси-сервисов, что, в свою очередь, затрудняет идентификацию правонарушителя. Для публикации материалов не требуются большие финансовые вложения или технические навыки, что также облегчает совершение подобных преступлений. Одними из особенностей совершения преступлений экстремистской направленности также являются психологическое воздействие, проявляющееся в снижении чувства ответственности правонарушителя, т.к данные лица чувствуют себя в безопасности, делая публикации через фейковые аккаунты, считая, что их не смогут идентифицировать, а также трансграничный характер, проявляющийся в местонахождении серверов в других юрисдикциях, что усложняет блокировку контента и привлечение к ответственности.

2. Финансирование экстремистских организаций с использованием ИТТ.

Современные технологии значительно расширили возможности для скрытного сбора, перемещения и легализации средств, предназначенных для существования экстремистских организаций, т.к. без стабильного финансирования ни одна экстремистская структура не способна осуществлять свою деятельность, связанную с распространением идеологии, вербовкой, организацией акций и т.д.

Для высокой степени анонимности, трансграничности, простоты и быстроты использования преступники используют криптовалюты, электронные платежные системы и онлайн-кошельки, а также банковские счета и карты, оформленные на подставных лиц, так называемых дроперов.

3. Вербовка новых членов. Экстремистские организации активно используют ИТТ для вербовки новых членов, особенно среди молодежи. Для этого используются социальные сети, онлайн-игры, форумы и другие платформы, где молодые люди проводят много времени. Вербовщики используют различные методы психологического воздействия, чтобы убедить людей в необходимости присоединиться к экстремистской организации. Они часто эксплуатируют чувства обиды, несправедливости, неудовлетворенности жизнью, а также обещают решение социальных проблем и лучшую жизнь в будущем.

Для вербовки новых членов экстремистских сообществ специально подготовленные для этого члены экстремистского сообщества распространяют экстремистскую идеологию с использованием пропагандистских материалов, направленных на формирование негативного отношения к существующему государственному строю и определенным группам населения, после чего организовывают онлайн-сообщества, в которых новые члены чувствуют себя принятыми и понятыми.

Также часто используются игровые платформы, где игроки могут взаимодействовать с экстремистами, действующими под видом другого игрока, и могут быть подвергнуты экстремистской пропаганде и вовлечены в такое сообщество.

Одним из способов также является распространение дезинформации и манипулирование общественным мнением с использованием актуальных новостных поводов для привлечения внимания к экстремистской идеологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что совершение преступлений экстремистской направленности с использованием ИТТ представляет серьезную угрозу общественной безопасности. Противодействие этому явлению требует комплексного подхода, включающего в себя профилактику, выявление и пресечение экстремистской деятельности в онлайн-пространстве. Важно помнить, что борьба с экстремизмом – это задача не только государственных органов, но и всего общества. Только объединив усилия, возможно эффективно противостоять этой угрозе и обеспечить безопасное будущее для граждан.

Литература

1. Авдеев, В. А. Экстремизм в сети Интернет: понятие и причины распространения / В. А. Авдеев, А. В. Авдеев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2(36). – С. 25-29.

2. Беляева, Л. И. Противодействие экстремизму в молодежной среде с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / Л. И. Беляева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4(80). – С. 186-190.

3. Гаврилин, Ю. В. Информационные технологии в экстремистской и террористической деятельности / Ю. В. Гаврилин, Ю. А. Воронин. – Москва: Книга и бизнес, 2008. – 288 с.

4. Ильин, И. В. Противодействие экстремизму в сети Интернет: международный опыт и российская практика / И. В. Ильин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 1. – С. 17-20.

5. Королева, М. В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации и доказывания / М. В. Королева // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 1. – С. 95-104.

6. Осипенко, И. П. Актуальные вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием сети Интернет / И. П. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 70-75.

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. – URL: mvd.ru. – (Дата обращения: 05.11.2025).

Загоруйко Василий Алексеевич,
курсант 3 курса
Барнаульского юридического института МВД России

Гнездилова Евгения Владимировна,
доцент кафедры иностранных языков
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

Конфиденциальность и свобода слова в условиях цифровизации: этические и правовые аспекты

В данной статье рассматривается вопрос сложного и противоречивого взаимодействия между правом на конфиденциальность и принципом свободы слова в контексте стремительной цифровизации общества. Анализируются этические и правовые аспекты этих фундаментальных прав, включая проблемы цифрового надзора, цензуры, распространения дезинформации, а также необходимость разработки эффективных регуляторных механизмов, обеспечивающих их баланс в цифровом пространстве.

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации общества формируется критически сложное поле взаимодействия двух фундаментальных конституционных ценностей: права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность и права на свободу выражения мнения. Массовое внедрение технологий сбора и анализа больших данных, алгоритмического управления контентом и трансграничный характер деятельности глобальных интернет-платформ создают беспрецедентные вызовы для поддержания их баланса.

Цифровая среда, с одной стороны, расширяет возможности для демократического дискурса и самовыражения, но, с другой стороны, порождает угрозы в виде тотального цифрового надзора, манипуляции общественным сознанием, а также неправомерного ограничения доступа к информации и цензуры со стороны как государственных, так и корпоративных акторов. Недостаточность и фрагментарность действующего национального и международного законодательства в этой сфере обусловливают необходимость комплексного этико-правового анализа существующих коллизий.

Целью данной работы является исследование механизмов и принципов, способных обеспечить устойчивый и справедливый баланс между конфиденциальностью и свободой слова в условиях доминирования цифровых технологий, а также разработка рекомендаций по совершенствованию регуляторной практики. Для достижения поставленной цели требуется решить ряд задач: определить сущность и пределы реализации указанных прав в сетевом пространстве; проанализировать ключевые модели правового регулирования (например, европейскую модель GDPR и подходы США); выявить основные этические дилеммы, возникающие при модерации контента и использовании технологий слежения.

Для адекватного анализа поставленной проблемы необходимо в первую очередь рассмотреть эволюцию дефиниций конфиденциальности и свободы слова в условиях цифровизации. Традиционные правовые доктрины, сформировавшиеся

в XX веке, оказываются не в полной мере релевантными для новой технологической реальности. Конфиденциальность, ранее интерпретируемая преимущественно через «право на уединение», в цифровом контексте трансформировалась в концепцию информационного самоопределения, то есть права индивида контролировать сбор, обработку, хранение и распространение своих персональных данных. Параллельно свобода слова выходит далеко за рамки классической дихотомии «индивид против государства». В современной экосистеме, где доминируют частные транснациональные платформы (социальные сети, поисковые системы), возникают новые субъекты, способные осуществлять масштабное регулирование (или подавление) дискурса. Таким образом, угрозы свободе выражения мнений исходят не только от государственной цензуры, но и от корпоративной модерации, алгоритмической предвзятости и создания «фильтрационных пузырей», которые детерминируют доступ к информации и ее видимость [1].

Пересечение данных прав в цифровом поле порождает сложные этические коллизии, не имеющие однозначного решения в рамках существующих правовых норм. Ключевой этической проблемой выступает демаркация границ допустимого вмешательства в частную жизнь во имя обеспечения общественной безопасности или защиты свободы слова (например, при борьбе с дезинформацией или языком вражды).

С одной стороны, анонимность и шифрование данных являются техническими гарантиями конфиденциальности и безопасной реализации свободы слова, особенно для диссидентов или уязвимых групп [2]. С другой стороны, эти же технологии активно используются для распространения противоправного контента, кибербуллинга и деструктивной пропаганды. Это ставит регуляторов и общество перед этическим выбором: в какой мере допустимо ослабление стандартов приватности (например, через введение «бэкдоров» в шифрование или верификацию пользователей) для борьбы с цифровыми угрозами?

Особую остроту приобретает вопрос алгоритмической справедливости. Алгоритмы, управляющие контентом и сбором данных, не являются этически нейтральными; они инкорпорируют ценности и предвзятости своих создателей. Применение технологий искусственного интеллекта для автоматизированной модерации контента (защита от языка вражды) или для профилирования пользователей (что затрагивает их конфиденциальность) требует разработки новых этических кодексов и механизмов «объяснимого ИИ» (Explainable AI), способных обеспечить прозрачность и подотчетность цифровых систем.

В ответ на эти вызовы в мире формируются различные подходы к нормативному балансированию исследуемых прав. Условно можно выделить две основные модели: европейскую (континентальную) и американскую.

Европейская модель, ярчайшим представителем которой является Общий регламент по защите данных (GDPR), придерживается правозащитного подхода. GDPR закрепляет конфиденциальность (защиту персональных данных) в качестве фундаментального права человека. Данный подход налагает строгие обязательства на операторов данных, вводит принципы privacy by design и privacy by default, и стремится гармонизировать законодательство в рамках ЕС, экстратерриториально применяя свои нормы.

Американская модель, напротив, исторически базируется на первой поправке к Конституции, отдавая приоритет свободе слова, в том числе коммерческой. Регулирование конфиденциальности в США носит преимущественно секторальный (например, HIPAA для медицины, COPPA для детей) и рыночно ориентированный характер. Основным регулятором выступает не столько закон, сколько рыночная конкуренция и саморегулирование корпораций, защищенных разделом 230 Закона о пристойности в коммуникациях (CDA).

Этот конфликт юрисдикций («Брюссельский эффект» против «Силиконовой долины») создает правовую неопределенность в глобальном интернет-пространстве [3]. Возникает фундаментальный вопрос: чьи стандарты – европейские или американские – должны применяться к трансграничным потокам данных и регулированию контента?

На фоне глобального противостояния юрисдикций и доминирования транснациональных платформ все большую значимость приобретает концепция цифрового суверенитета. Данная доктрина отражает стремление национальных государств восстановить контроль над своим информационным пространством, что оказывает прямое и часто противоречивое влияние на исследуемый баланс прав.

С одной стороны, апелляция к суверенитету используется как аргумент для защиты конфиденциальности граждан от несанкционированного доступа со стороны иностранных разведывательных служб или чрезмерной коммерческой эксплуатации глобальными корпорациями. Это реализуется через жесткие законы о локализации данных, которые требуют хранения и обработки персональных данных граждан исключительно на территории страны.

С другой стороны, те же механизмы цифрового суверенитета зачастую служат инструментом для ограничения свободы слова. Под предлогом борьбы с дезинформацией, экстремизмом или иностранным влиянием государства вводят национальные системы фильтрации контента, обязывают платформы удалять «нежелательную» информацию во внесудебном порядке и применяют санкции к неподконтрольным ИТ-гигантам. Это приводит к фрагментации глобального Интернета (концепция Splinternet) и создает прямые угрозы для свободного трансграничного потока информации.

Таким образом, цифровой суверенитет вносит в дискуссию третьего, мощного актора – национальное государство, чьи интересы в области безопасности и политической стабильности не всегда коррелируют с либеральными ценностями защиты приватности или неограниченной свободы выражения мнений.

Ключевой проблемой остается статус интернет-платформ. Они де-факто выполняют квазигосударственные функции по управлению дискурсом (модерация) и сбору данных (надзор), однако остаются коммерческими организациями, чьи алгоритмы и политика не всегда прозрачны и подотчетны обществу.

Проведенный анализ подтверждает, что в условиях цифровизации ни одна из существующих моделей (европейская, американская или национально-суверенная) не предлагает универсального решения для гармонизации конфиденциальности и свободы слова. Традиционные правовые нормы не справляются с трансформацией этих прав, где ключевыми акторами наряду с государством стали транснациональные интернет-платформы. Ключевой проблемой остается их ста-

тус: они де-факто выполняют квазигосударственные функции (модерация, надзор), оставаясь при этом непрозрачными коммерческими организациями.

Следовательно, дальнейший поиск равновесия должен смещаться от жесткого законодательного противопоставления этих ценностей к разработке гибких, адаптивных и этически обоснованных регуляторных механизмов.

Литература

1. Иванова, К. А., Мылтыкбаев, М. Ж. Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности // Правоприменение. – 2020. – № 4(4). – С. 80-93.

2. Орехов, А. М. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 260–272.

3. Щербакова, Л. Н. Вызовы цифрового общества // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума: в 2 т., Симферополь, 05–07 ноября 2020 года. – Том 2. – Симферополь: Ариал, 2021. – С. 478-482.

Залялова Яна Вячеславовна,
курсант 4 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Алексеенко Станислав Александрович,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Тактические аспекты назначения и проведения технико-криминалистической экспертизы копий документов на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере экономической деятельности

Развитие современных цифровых технологий привело к вытеснению устаревших способов копирования обычными мимеографами посредством фототипии и появлению современной техники, позволяющей создавать дубликаты документов, что, наряду с бытовым использованием, активно применяется для изготовления поддельных документов при совершении преступлений в сфере экономической деятельности. Вследствие этого противодействие использованию подобных копий документов, изготовленных с применением высокотехнологичного оборудования и графических редакторов, становится одной из актуальных проблем современной криминалистики.

Начиная с 1990-х годов в отечественный документооборот активно внедряются электрофотографические копии документов [1, с. 157]. Указанное обстоятельство предопределило их частое присутствие в материалах уголовных дел. При этом природа происхождения подписей и иных рукописных записей в таких документах зачастую требует проверки, что обуславливает необходимость назначения судебной почерковедческой экспертизы для установления их исполнителя.

Вместе с тем научно-технический прогресс существенно расширил возможности графических редакторов, что, в свою очередь, послужило одной из причин введения в 2013 году института нотариального свидетельствования копий документов [2]. Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации истинность содержания копии документа в общем порядке должна подтверждаться идентифицирующими реквизитами, такими как фамилия, имя, отчество (при наличии) и место жительства. Однако важно подчеркнуть, что нотариальное свидетельствование не удостоверяет законность, а лишь подтверждает соответствие копии предъявленному оригиналу при отсутствии явных признаков подчисток или приписок, зачеркнутых слов либо иных неоговоренных исправлений, также копия не должна быть исполнена карандашом или с помощью легко удаляемых с бумажного носителя красителей [3].

Такое явление порождает совершенствование способов изготовления неподлинных документов как в целом, так и отдельных их реквизитов (в частности, подписей), которые выступают объектами судебной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов. По этой причине сложилась определенная следственная и экспертная практика назначения и проведения

почерковедческих исследований по копиям документов. Однако отсутствие унифицированной методики исследования копий порождает существенные проблемы, выражающиеся в потенциальных экспертных ошибках при производстве указанных видов судебных экспертиз.

В этой связи назначение судебно-почерковедческой экспертизы в комплексе с технико-криминалистической экспертизой документов представляет собой процессуальную необходимость, обусловленную последовательностью решения диагностических и идентификационных задач. Таким образом, первостепенной задачей становится установление подлинности документа в целом, то есть выявление признаков подделки, которые могут имитировать индивидуальные почерковые особенности. Без проведения данного исследования дальнейшее производство утрачивает объективность и доказательственное значение.

Эффективное противодействие экономической преступности требует формирования надежной доказательственной базы, где центральное место занимают документы. Установление их подлинности, выявление признаков подделки и идентификация исполнителей реквизитов составляют неотъемлемый элемент доказывания по делам данной категории.

Следует отметить, что экономические преступления представляют собой сложную и динамично развивающуюся категорию преступлений, затрагивающих сферу финансово-хозяйственных отношений и причиняющих значительный ущерб как государству, так и физическим лицам. Их характерной особенностью выступает использование правовых пробелов, цифровых технологий, а также сложных схем сокрытия преступной деятельности, что затрудняет их выявление и расследование [4].

К тому же создание копии документов нередко применяется для маскировки следов противоправных действий. Современные технические средства обладают значительными возможностями, позволяющими воссоздавать рукописные тексты за человека по заданным параметрам. В качестве способа реализации сгенерированного текста используется копировально-множительная техника, следовательно, на этом этапе мы можем говорить о появлении дополнительного негативного фактора, препятствующего установлению объективной истины по делу, в частности, при решении судебно-почерковедческих задач.

Основополагающие задачи решаются на первоначальном этапе расследования преступлений. Именно в этот период формируется система целей расследования, осуществляется сбор основных доказательств, аккумулируется значительный массив правовой, психологической и тактической информации об обстоятельствах совершенного преступления, а также определяются ее источники.

Неординарность экономических преступлений выражена в их латентности, что означает сохранение значительной части преступной деятельности нераскрытой в связи со сложностью доказывания умысла и тщательной проработанностью преступных схем. В отличие от традиционных уголовных преступлений, таких как кража или разбой, экономические преступления зачастую растянуты во времени, а их последствия могут становиться очевидными лишь спустя годы [5, с. 88].

Таким образом, специфическая природа экономических преступлений требует особых методов расследования и квалификации и обусловливает необходи-

мость детального анализа правоприменительной практики и поиска эффективных инструментов борьбы с ними.

В основе способов совершения экономических преступлений лежат различные формы мошеннических действий, обмана или злоупотребление доверием. Сущность таких действий заключается в предоставлении субъектам финансовых отношений заведомо недостоверной информации либо поддельных документов, содержащих такую информацию, а также в корыстной передаче доверительных сведений, которые не должны были подлежать оглашению. В результате субъекты, заблуждаясь, совершают те или иные невыгодные финансовые сделки (например, продают или покупают акции, передают или приобретают имущество).

Решение задач первоначального этапа расследования преступлений в экономической сфере, в частности выбор вида судебной экспертизы и корректная постановка вопросов перед экспертом, существенно облегчается при грамотной организации следственных действий. Процессуально правильное проведение обыска и выемки объектов создает условия для получения полного, четкого и обоснованного заключения эксперта по вопросам, сформулированным в постановлении о назначении экспертизы.

Основанием для назначения технико-криминалистической экспертизы документов служит установление факта изменения первоначального содержания или их реквизитов, утраченных в результате подчистки, травления, переклейки и других способов воздействия на них; факта установления способа и давности изготовления документов; восстановления документов, идентификации материалов, используемых для изготовления документов, в том числе оборудования, печатных форм, печатей, штампов, ценных бумаг, их реквизитов; восстановления слабо видимого текста и др. Значимыми объектами технико-криминалистического исследования становятся документы, направляемые в ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц), где указываются сведения о долях участников, номинальной стоимости долей участия в уставе.

Эффективность судебной почерковедческой и технической экспертизы электрофотографических копий документов непосредственно зависит от корректных процессуальных решений на стадии их назначения. Анализ практики показывает, что обязательным элементом осмотра документа является определение его статуса. При выявлении копии документа основой экспертизы должен выступать его оригинал, поскольку исследование копий допустимо исключительно как вынужденная мера при невозможности предоставления оригинала.

Современные информационные технологии позволяют создавать изображения несуществующих документов посредством монтажа отдельных реквизитов, а также модифицировать изображения подлинных документов. При этом достоверное установление факта фальсификации технико-криминалистическими методами зачастую невозможно, что при производстве почерковедческих экспертиз в большинстве случаев приводит к экспертным ошибкам. Следовательно, предлагается сместить акцент с исследования копий документов на активный поиск и изъятие оригиналов.

Следует отметить, что при копировании документа объект почерковедческого исследования существенно теряет свои идентификационные свойства. Согласно имеющимся данным, до 90% экспертных заключений по копиям докумен-

тов содержат ошибки либо завершаются отказом от дачи заключения в связи с неэффективностью применения существующих методик исследования [6, с. 5].

Таким образом, для повышения результативности расследования экономических преступлений на первоначальном этапе следователю целесообразно сосредоточить усилия на таких следственных действиях, как обыск и выемка, в ходе которых необходимо акцентировать внимание на реквизитах документов. При наличии возможности следует предоставлять на экспертизу как оригиналы документов, так и их копии, что позволит снизить ошибочные экспертные выводы и отказы от производства исследований. Указанный подход также будет способствовать выдвижению обоснованных следственных версий относительно подлинности документов и определению наиболее перспективных направлений расследования.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка систематизации тактических аспектов назначения судебных экспертиз по копиям документов. По результатам проведенного нами анализа предлагается следующий комплекс мер, направленный на повышение эффективности расследования экономических преступлений. Во-первых, как уже говорилось, необходимо сместить акцент с исследования копий на активный поиск и изъятие оригиналов документов в ходе следственных действий. Во-вторых, при назначении экспертиз следует предоставлять эксперту в качестве образцов для сравнительного исследования в первоочередном порядке оригиналы документов (свободные или условно свободные образцы) и лишь в последнюю очередь – экспериментальные образцы. В-третьих, требуется формулировать вопросы эксперту с учетом технических ограничений, накладываемых спецификой копий, избегая постановки задач, объективно неразрешимых для данного вида объектов.

Литература

1. Ефремова, М. В., Орлова, В. Ф., Старосельская, А. Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) // Теория и практика судебной экспертизы. – 2006. – № 1. – С. 157-165.
2. Методические рекомендации по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них (утв. Решением Правления ФНП от 25.04.2016, протокол № 04/16) // // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Дзагоев, С. В. Экономические преступления и практика их расследования // Вестник экономики и права. – 2025. – № 100. – С. 86-92.
6. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». Современные подходы к исследованию копий документов (информационное письмо). – 2015. – 8 с.

Игнатьева Анастасия Павловна,
курсант 3 курса
Пермского института ФСИН России

Научный руководитель:
Фетищева Лидия Михайловна,
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермского института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент

Реализация норм уголовно-процессуального законодательства сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций при избрании меры пресечения

Эффективное осуществление уголовно-процессуального принуждения является важным компонентом обеспечения правопорядка и справедливости в современном российском обществе. Особое место в системе уголовного судопроизводства занимают меры пресечения, призванные обеспечить должное поведение подозреваемых и обвиняемых, предотвратить совершение новых преступлений и воспрепятствовать уклонению от следствия и суда. Реализация норм уголовно-процессуального законодательства при избрании, исполнении и контроле мер пресечения – сложный многосторонний процесс, в котором сотрудники уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) играют ключевую роль. В связи с этим рассмотрим общую характеристику норм и механизмов избрания мер пресечения.

Меры пресечения формируют важнейший элемент системы гарантий выполнения обязанностей подозреваемого и обвиняемого. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ закреплены следующие основные виды мер: залог, подписка о невыезде, личное поручительство, домашний арест, запрет определенных действий, заключение под стражу.

Основаниями для применения мер пресечения согласно статье 97 УПК РФ выступают:

– вероятность уклонения лица от следствия или суда;
– возможность продолжения преступной деятельности;
– попытки уничтожения доказательств;
– воздействие на свидетелей и иных участников процесса.

Применение мер пресечения должно быть строго индивидуальным и обоснованным. Судам предписано использовать лишь минимально необходимую по строгости меру, отдавая приоритет мерам, не связанным с изоляцией от общества. Заключение под стражу применяется как исключение, когда менее строгие меры не могут обеспечить цели уголовного судопроизводства [1, с. 144]. В связи с этим мы обратились к судебной практике, анализ которой показывает, что российские суды при избрании мер пресечения учитывают тяжесть совершенного деяния, личность обвиняемого, его семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства, работы, а также поведение и прошлые правонарушения.

В соответствии с положениями главы 13 и статей 97–109 УПК РФ меры пресечения призваны обеспечить надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого или подсудимого и предотвратить препятствия расследованию и рассмотре-

нию уголовного дела. Среди таких мер, как залог, домашний арест и запрет определенных действий, именно УИИ осуществляют непосредственный контроль за исполнением указанных ограничений, когда их применение не связано с помещением лица под стражу.

Практическая деятельность сотрудников УИИ строится в соответствии с УИК РФ, ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания», УПК РФ, а также совместным Приказом Минюста РФ, МВД, СК и ФСБ № 189/603/87/371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог». Согласно указанным нормам контроль осуществляется как очно, так и с применением технических средств наблюдения: электронных браслетов и систем геолокации. В случае выявления нарушений сотрудник инспекции обязан составить соответствующий рапорт и направить его в орган, избравший меру пресечения, для решения вопроса о ее ужесточении либо изменении [2, с. 106].

Основные полномочия включают:

– ведение учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных, применяемых мер пресечения;

– проведение плановых и внеплановых проверок условий исполнения меры пресечения;

– установка и обслуживание технических средств контроля: электронных браслетов, аппаратуры аудиовизуального наблюдения;

– составление протоколов и актов нарушений, ведение соответствующей документации;

– взаимодействие с судами, следственными органами;

– право посещения мест нахождения лица под домашним арестом или запретом действий;

– выявление и фиксация нарушений, направление материалов о нарушениях в суды и органы следствия;

– разъяснение обязанностей и последствий невыполнения условий меры пресечения и применение мер поощрения/взыскания.

Но соблюдение всех полномочий не всегда возможно в связи с возникающими трудностями в деятельности УИИ, из-за этого появляется необходимость уделить внимание требующим того вопросам. Например, УИИ сталкивается с дефицитом оборудования, техническими сбоями в работе систем геолокации, ограниченным финансированием для закупки новых устройств. В результате сотрудники вынуждены осуществлять контроль преимущественно очной проверкой, что снижает оперативность и создает предпосылки для нарушений условий мер пресечения.

В одном из регионов, по данным прокуратуры, на 50 лиц, находящихся под домашним арестом, приходилось всего 14 исправных электронных браслетов, вследствие чего часть поднадзорных фактически контролировалась только периодическими обходами инспектора. Это привело к двум случаям нарушения режима нахождения. Обвиняемые покидали место исполнения меры пресечения в отсут-

ствие инспектора [1, с. 144]. В связи с этим мы считаем, что необходимо законодательно закрепить норму о поэтапном обеспечении всех территориальных инспекций необходимыми техническими средствами контроля, предусмотреть федеральное финансирование и дополнительную ответственность руководителей за некомплект оборудования. Внедрение единого госзаказа на электронные браслеты позволит добиться равномерного снабжения регионов.

Еще одним проблемным вопросом можно выделить формальное взаимодействие между УИИ и органами следствия или судом. В отдельных случаях обмен информацией между УИИ, следственными органами и судами происходит с задержками, через бумажные носители, либо ограничивается формальными уведомлениями. Это затрудняет своевременное принятие решений по изменению либо ужесточению меры пресечения, ведет к рискам нарушения прав потерпевших и общества. В практике Московской области инспектор УИИ установил нарушение условий домашнего ареста, подготовил рапорт, но документ поступил в суд спустя 10 дней по почте, что позволило обвиняемому скрыться и затруднило проведение оперативных мероприятий. В таком случае мы предлагаем ввести обязательное электронное взаимодействие между всеми участниками процесса: формирование и направление актов о нарушениях, ходатайств и уведомлений должно происходить в рамках единой ведомственной или межведомственной цифровой системы, что позволит сократить время реагирования до нескольких часов.

Также в практике отсутствует четкий механизм оперативного реагирования на грубые нарушения. Инспектор может лишь сообщить о нарушении, не имея права временно задерживать обвиняемого или применять иные превентивные меры. Сотрудник УИИ выявил попытку обвиняемого покинуть место исполнения домашнего ареста, уведомил суд, но до вынесения решения о замене меры пресечения лицо скрылось [3, с. 80]. В связи с данной ситуацией будет уместно установить в законе право инспектора при выявлении грубых нарушений (попытка бегства, создание угрозы свидетелям и пр.) временно ограничивать свободу перемещения лица до прибытия сотрудников органов внутренних дел, уведомлять их через экстренный электронный сервис.

Еще одним проблемным вопросом следует выделить недостаточный уровень квалификации отдельных сотрудников. В условиях расширения полномочий УИИ сталкиваются с необходимостью использовать сложные технические средства, оценивать психологические особенности поднадзорных лиц, правильно оформлять документацию, для чего не всегда достаточно базового обучения. В ходе проверки использования электронного браслета инспектор не выявил умышленного отключения устройства, что позволило обвиняемому неограниченно передвигаться вне места исполнения домашнего ареста. Эпизод был выявлен только после запроса родственников потерпевшего. Чтобы избежать подобных ситуаций, предлагаем ввести систему регулярных курсов повышения квалификации с практическими модулями по работе с техническими средствами, психологии, нормативному регулированию. Сделать прохождение таких курсов обязательным для допуска к контролю мер пресечения.

Мы считаем, что перечисленные проблемы и решения требуют принятия комплекса новых норм, призванных повысить эффективность деятельности УИИ, обеспечить оперативный и всесторонний контроль исполнения мер пресечения,

гарантировать соблюдение прав всех сторон уголовного процесса и реализовать профилактику новых преступлений.

Реализация норм уголовно-процессуального законодательства при применении мер пресечения сотрудниками УИИ сталкивается с рядом проблем: материально-техническая недостаточность, формальность межведомственного взаимодействия, отсутствие оперативных механизмов реагирования на нарушения и дефицит квалифицированных кадров. Для повышения эффективности необходимы законодательное закрепление технического обеспечения, внедрение электронных платформ обмена данными, расширение полномочий инспекторов по реагированию на грубые нарушения и регулярное повышение квалификации сотрудников. Только системный подход к решению этих вопросов обеспечит действенный контроль исполнения мер пресечения и защиту интересов всех участников уголовного процесса.

Литература

1. Савиных А.В. Меры пресечения, реализуемые уголовно-исполнительными инспекциями: анализ правоприменительной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 33(1). – С. 144–153.

2. Смирнова, И. Н. Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных на него судом запретов (организационно-правовой аспект) / И. Н. Смирнова, Э. Р. Мехтиев. – Псков: Псковский государственный университет, 2024. – 146 с.

3. Темботов, Р. А. Проблемные аспекты применения мер пресечения в уголовном процессе // Право и современность. – 2023. – № 4. – С. 78–84.

Исайкина Анастасия Евгеньевна,
студентка 2 курса
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Шлягина Евгения Николаевна,
руководитель
департамента частного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат социологических наук

Гражданско-правовое измерение реорганизации юридических лиц: актуальная проблематика корпоративной процедуры

Стремительно развивающиеся реалии, увеличение субъектного состава в экономических отношениях, а именно участие крупных «игроков» рынка – юридических лиц – в правоотношениях различного характера – все эти факторы влекут необходимость планомерного преобразования правового поля и оформления всех прав и обязанностей участников наиболее обстоятельно. Направленные на это трансформации, непрерывно производимые законодателем ввиду столь динамичного прогресса, протекающего в гражданском обороте, влекут такие последствия, как возникновение противоречивых положений в нормативной базе. Это же выступает генезисом всей новой «коллизионной» проблематики, наличествующей в законодательной массе. В связи с такими метаморфозами требуется упорядочить положения для дальнейшего гармоничного и беспрепятственного взаимодействия субъектов, а также свободного, безбарьерного и «прозрачного» осуществления ими всех существующих прав.

Для подробного рассмотрения предлагается п. 2 ст. 60 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], достаточно детально фиксирующий гарантии обеспечения прав кредиторов реорганизуемого юридического лица в части порядка предъявления требований и иных подобных мер «реагирования», и его проблемные аспекты, а именно: корректность юридической техники при конструировании положения; согласованность данной нормы с иными отраслями; противоречивость избранного пункта со специальными федеральными законами.

Целями данной работы выступают:

– «диагностика» правотворческой техники;

– определение наличия несогласованности положений законодательства;

– определение коллизионности норм различных ответвлений корпоративного права.

При конструировании данной работы мы руководствовались методами индукции, анализа, синтеза, а также компаративным и ретроспективным методами.

Первичным для дальнейшего исследования является анализ текстового содержания, точность расположения абзацев пункта и оценка: не требуется ли выделение дополнительного пункта из уже существующего – иными словами – «что

хотел сказать автор»? Современная редакция статьи предлагается для обзора в следующем виде: проверяющийся п. 2 содержит 6 абзацев, что подталкивает к следующему выводу-тезису: в связи с нахождением таких блоков в 1 «разделе» подразумевается их смысловая связанность. Соответственно, права требования кредиторов, возникшие до момента опубликования первого уведомления о реорганизации, могут быть защищены в судебном порядке путем требования досрочного исполнения или прекращения обязательства. Далее по тексту речь идет о сроках для осуществления такого права с использованием формулировки «Требования»: 1) используя расширительное толкование, представляется возможным заявлять о судебном характере требования, поскольку абзацы имеют тесное смысловое переплетение; 2) применяя же буквальное толкование, можно размышлять о досудебной сущности такого требования, поскольку отсутствуют уточнительно-пояснительные прилагательные. При этом важно упомянуть и нерушимые принципы и идеи гражданского законодательства, природа которых опирается на «мирный» характер разрешения – как первостепенную ступень, предшествующую дальнейшей конфронтации.

Тем не менее наиболее логично штудировать блоки текста в их неразрывной связи. Ввиду необходимости в покровительстве кредиторов и их законных интересов, для наибольшей степени охраны прав «стороны слабой» законодатель предусматривает и указывает на требование, адресующееся должнику в виде юридического лица, находящегося в процессе реорганизации: «После внесения в Единый государственный реестр юридических лиц записи о начале процедуры реорганизации дважды с периодичностью один раз в месяц опубликовывает в средствах массовой информации, в которых опубликовываются данные о государственной регистрации юридических лиц, уведомление о своей реорганизации» [1]. При этом стоит учесть, что не каждый должник, принимающий участие в подобной процедуре, как добросовестный участник правоотношений в особом «личном» порядке направляет контрагенту уведомление о реорганизации. В свою очередь, именно такая двухэтапность осведомления представляется наиболее релевантной и логически последовательной, поскольку факт двойной публикации увеличивает шансы заинтересованного кредитора на обнаружение информации.

При этом, исходя из обозначенного тезиса, представляется возможность констатировать факт, явно наличествующий на практике: субъекты крупного, а порой и среднего предпринимательства выступают в качестве наиболее активных участников рынка. Это неразрывно связано с тем, что подобная деловая активность не позволяет субъектам регулярно прослеживать динамику изменений, происходящих в сторонних компаниях. Первое уведомление, хоть оно и является первичной защитительной мерой, иногда не может гарантировать доведенность сведений и обстоятельность информирования кредитора, поэтому можно заключить: при опубликовании именно повторного – второго – уведомления, у кредитора увеличивается вероятность обратить внимание на действия второй стороны. Соответственно, в большинстве кейсов лишь после внесения второй записи сторона принимает меры по защите своих прав.

Кроме того, несмотря на некую гетерогенность положений Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП) и ГК в общей системе защиты прав, можно привести пример вынужденной экстраполяции

сущности норм ЗоЗПП на природу схожих отношений, отнесенный к регулированию ГК. Так, учитывая, что преимущественное количество договорных обязательств по своей идее предполагает наличие синаллагматической связи (по формуле «do ut des») – кредитор в любой момент может трансформироваться в должника, возможен, разумеется, и обратный случай.

Приступая к примеру, требуется радикально акцентировать внимание на том факте, что в ЗоЗПП презюмируется: физическое лицо-потребитель однозначно более уязвимый субъект. Такую же модель отношений, вероятно, лучше дислоцировать в ГК: может формироваться обязательственная связь между лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность и являющимся Клиентом (далее – С № 1) – как субъекта с обусловленной «слабостью» – и кредитной, страховой и иной организацией (далее – С № 2). При такой ситуации, вновь фокусируясь на предмете исследования, при проведении такой корпоративной процедуры, по причине инверсии позиций, кредитором вправе выступать С № 1, в то время как С № 2 – опять же в силу «реципрокальных» изменений – выступает в качестве должника. Более того, для данного казуса констатируются те же правила-условия, предусмотренные ст. 60, «бремя доказывания» при этом смещается на С № 1. Однако требуется сделать оговорку. «Ситуация Клиента» не завязана на предпринимательском риске, она предполагает возникновение схожих правовых отношений, которые регулируются и ЗоЗПП, но не распространяются на описываемую ситуацию. В связи с этим тезисом законодателем конструируется следующая ситуация: даже если участник отношений – «слабая сторона», он самостоятельно должен досконально и регулярно изучать и отслеживать информацию о действиях контрагента, поскольку защитить свое право в его же интересах.

Автор исходит из концепции схожести связей со сферой регулирования ЗоЗПП, в связи с чем делает вывод: наиболее корректной будет считаться ситуация, когда С № 2 предпринял все возможные меры для «удобств» и многосторонней защиты Клиента, ввиду чего предлагается следующее: для таких областей-ответвлений деятельности, как банковская, страховая и иные – по аналогии, – должны устанавливаться не только обязанность направления уведомления контрагенту «лично», но и более подробные требования к такому уведомлению в соответствии с концепцией «дифференцированного подхода к информированию».

В такой «нотификации» должны содержаться следующие сведения:

1) обязательное указание не только на факт реорганизации, формы реорганизации (особенно значительно в случае реорганизации страховой организации), но и общее сущностное раскрытие информации, необходимой для финансового анализа и оценки рисков, подкрепленное авторитетным мнением независимого аудитора, иначе, требование об обязательном приложении к уведомлению о реорганизации (размещаемому на федеральном публичном портале) заключения независимого аудитора о финансовом состоянии реорганизуемого юридического лица и его правопреемников (с учетом передаточного акта или разделительного баланса). Это повышает «качество» уведомления;

2) наиболее детальное указание на право у С № 1 требовать досрочного исполнения стороной С № 2 прекращения обязательства с указанием сроков, когда такое требование может быть направлено, по какому юридическому адресу и в каком порядке. Помимо этого, предлагается ввести некую законодательную но-

веллу-уточнение по установлению унифицированного способа для направления уведомления такого рода с целью зафиксировать юридический факт отправки юридически значимого сообщения. Следовательно, автор резюмирует: в качестве предложения провести параллели и аналогичным образом, как и в ЗоЗПП, защитить уязвимого контрагента вышеупомянутыми способами. В таком случае максимального обеспечения гарантий сроки будут соблюдаться наиболее качественно и эффективно, ввиду должной и, что выступает определяющим фактором, своевременной осведомленности кредитора, соблюдение как сроков досудебного порядка урегулирования споров (далее – ДПУС), который также оказывает значительное влияние на сроки и сущность которого в данных делах будет описана ниже, так и предъявления судебного требования, при необходимости, будет укладываться во все сроки.

Возвращаясь к размышлениям наиболее общего характера, в ситуации абсолютной паритетности контрагентов, для дальнейшего исследования стоит сформулировать ответвление для размышления и поэтапности таких требований – к слову о вышеуказанном ДПУС: на направление искового заявления для защиты интересов кредиторам предоставляется 30 дней с момента последней публикации уведомления о реорганизации. Однако требуется апеллировать непосредственно к законодательству, конкретно, положениям ч. 5 ст. 4 Арбитражно процессуального кодекса РФ (далее – АПК), который и содержит конкретные постулаты, на которых базируется и разветвленно развивается практика. Насколько известно, обход таких правил невозможен-нежелателен, поскольку процессуальное законодательство – законодательство публичной отрасли с принципами императивности и иерархии. И так, законодатель, разумеется, не закрепляет возможность несоблюдения досудебного порядка урегулирования споров по спорам такого характера, хотя и недвусмысленно не указывает на то, что ДПУС в таких делах обязателен. Исходя из текстового содержания ч. 5 ст. 4 АПК, можно заключить, что требования по п. 2 ст. 60 ГК относятся к категории взыскания денежных средств, возникших из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения. Отсутствие конкретики в данном кейсе ставит под сомнение право на самовольный отказ от соблюдения ДПУС в споре такого характера.

Более того, для обстоятельного погружения в проблематику необходимо обратиться и к практике, а именно, к Обзору практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020, а также к знаковому Постановлению Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

В целях единообразного применения всеми судебными «уровнями» и инстанциями положений всего нормативного массива о досудебном урегулировании споров, указанный судебный стандарт «квазиутверждает» казусы, требующие соблюдения данной процедуры для отсутствия различного рода осложнений на последующих этапах развития оформленного правового конфликта. Кроме того, закрепляет, что досудебное урегулирование следует понимать как «деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно (переговоры, претензионный порядок) либо с привлечением третьих лиц (например, ме-

диаторов, финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг), а также посредством обращения к уполномоченному органу публичной власти для разрешения спора в административном порядке» [2]. В арбитражном судопроизводстве указанный порядок является обязательным в большинстве случаев, при этом направление лицом сообщения, имеющего информационный характер и/или выступающего основанием для обращения в суд, невозможно рассматривать как досудебный порядок урегулирования спора [2]. Как мы уже рассмотрели выше, публичная отрасль не так легка в свободном истолковании, как диспозитивная сфера гражданской «материи», поэтому следовать логике лавирования «между строками» считается неуместным.

Немаловажным в такой сфере является и исследование свежей и наиболее общей-рядовой практики арбитражных судов. Такой, к примеру, является показательное постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда (18 ААС) от 11 марта 2025 г. по делу № А47-13796/2023, которое закрепляет:

«Таким образом, абзацы 1-3 части 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации устанавливают обязательный досудебный порядок урегулирования споров только для гражданско-правовых споров о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок вследствие неосновательного обогащения, и определяют, что иные споры, возникающие из гражданских правоотношений, а также экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, передаются на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора только в том случае, если такой порядок установлен федеральным законом или договором» [3].

По совокупности положений, обнаруженных при анализе правового поля, можно говорить о невозможности обхода ДПУС, срок которого составляет 30 дней. Таким образом, вновь обращая внимание на законодательную неопределенность, которая «призывает» приложить максимальные «допроцессуальные» усилия для защиты интересов контрагента-кредитора, следует заметить, что и практика реализации, и законодательный недочет свидетельствуют о невозможности должной защиты прав кредиторов в судебном порядке по причине недостаточности декларируемых сроков. Принимая во внимание, что лишь после публикации второго уведомления до кредиторов доходят соответствующие сведения и у данных субъектов остается временной промежуток в размере 30 дней исключительно на представление судебных требований, важно указать: только соблюдение процедуры ДПУС требует 30 дней, в силу чего право на судебный порядок защиты прав кредиторов – направление искового требования, составленного на основании ст. 60 ГК – невозможно или излишне затруднительно при принятии его судебным органом. В связи с обозначенным тезисом цели статьи ГК нивелируются или же ставятся под сомнение.

Согласно правовой природе таких отношений нельзя не отметить, что такая абстрактная категория, как бремя доказывания, все же лежит на кредиторе как на заинтересованном лице, и именно от его внимательности к подобным метаморфозам зависит уровень успеха при удовлетворении или же неудовлетворении требований. Впрочем, даже название статьи имеет своей целью и предполагает по

смыслу максимальную защиту прав кредиторов, в связи с этим уместно изложить абз. 2 п. 2 ст. 60 ГК следующим образом:

«Требования о досрочном исполнении обязательства или прекращении обязательства и возмещении убытков могут быть предъявлены кредиторами не позднее, чем в течение сорока дней после даты опубликования последнего уведомления о реорганизации юридического лица».

Такой срок позволит оптимизировать и временные затраты – увеличение срока на 10 дней не будет способствовать излишнему затягиванию процесса, при этом для обеспечения «лоббирования» иска и его функционального профита возможно также добавление коррелирующего со скоротечностью процесса реорганизации положения, в виде предоставления кредиторам возможности применения такой обеспечительной меры, как приостановка реорганизации.

Продолжая углубляться в данный казус, предлагается рассмотреть и генезис такого упущения. Поскольку непрекращающаяся модернизация и упорядочение гражданского законодательства длится с 2008 года, в такое цивильное законодательство было внесено множество новелл, которые ознаменовали новые открытия для практики и правоприменителей, а также расширили горизонты для неопределенного круга лиц.

В силу подобной реформации коренным образом переосмыслялись базовые принципы гражданского права, в основополагающие начала, существующие и активно применяемые, вдохнули новую жизнь, придав им более обширный и прозрачный смысл. Тем не менее на фоне таких масштабных перестроек допускались недочеты, породившие несостыковки-расхождения.

Так, краеугольным камнем стала и ст. 60: значительно видоизмененный – дополненный в 2014 году – фрагмент положения изначально предполагал уточнение корпоративной процедуры и порядка обеспечения прав кредиторов. Однако после реновации АПК и, конкретно, метаморфозы нормы о ДПУС, который незадолго до возникновения коллизии был обязателен лишь для ряда споров обозначенных категорий, статья по смыслу вызвала отсутствие согласованности с нормой ГК, в которой новеллой также выступила регламентация конкретного судебного порядка для предъявления требований. Рассмотрение данных статей во временном отрезке способствует объяснению причины такого правового разрыва.

Кроме того, важно рассмотреть и вопрос соотношения lex specialis и lex generali. В качестве первого будут точечно проанализированы Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ «Об АО») [4] и Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО») [5] с целью исследовать контрасты в «динамике». Вторым, разумеется, выступит ГК.

Итак, проводя параллели с ФЗ «Об АО», важно отметить, специфика рода деятельности акционерных обществ, их «уникально-обстоятельный» состав органов управления, способ закрепления прав участников в отношении общества посредством удостоверения их акциями и иные критерии, знаковое определение СКЭС ВС РФ от 14.07.2025 № 308-ЭС25-302 по делу № А15-4266/2023 [6], также преобразовавшее теоретические воззрения в «практическое закрепление» и демонстрируют акционерные общества в качестве особого типа хозяйствующего субъекта – особой самостоятельной единицы. При этом порядок, процедура реор-

ганизации такого общества преимущественно отведена для регулирования положениями ГК. Гарантии прав кредиторов также не уточняются, производится отсылка к ст. 60 ГК в абз. 1 п.6 ст. 15 ФЗ «Об АО».

В рассмотренном случае не наблюдается противоборство норм, однако наиболее ярко отражена неразрешенная проблема сроков, которая, как можно увидеть, «автоматически» находится уже и в lex specialis. Ввиду чего «право» выбора в пользу одного из участников имущественных правоотношений – должника или кредитора – возлагается на судебный орган, при этом, оперируя исключительно действующим законодательством, можно точно заявить: хоть интересы кредиторов и являются доминирующими, вывод о чем можно сделать на основе анализа практики, публичной отрасли присуще строгое соответствие и следование нормативными источникам, поэтому не представляется возможным заявлять с уверенность на 100 процентов о том, что исковое требование «слабой» стороны по ст. 60 ГК будет принято к рассмотрению.

При этом наиболее детализированным в данном векторе выступает все же ФЗ «Об ООО». Судебная практика на удивление признает такую организационно-правовую форму юридического лица разновидностью товарищества, утверждение о чем дополнительно подкрепляется определениями СКЭС ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 [7] и от 14.07.2020 № 309-ЭС18-12370 по делу № А34-3532/2015 [8] и презюмируется, что ключевым же является значимость лиц, входящих в состав товарищества (intuitas personae), иначе – право лиц, которые будут участвовать в управлении, тезис вновь утверждается Определениями СКЭС ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021 [9] и от 13.12.2024 № 305-ЭС24-14865 по делу № А41-81859/2022 [10].

Рассматривая конкретизированный порядок реорганизации и «взаимоотношений» с кредиторами, можно обратить внимание на то, что судебных порядок в таком lex specialis уже и не предусматривается, вследствие чего можно рассудить об отсутствии коллизии с АПК – процессуальным кодексом и в целом с публичной отраслью. Тем не менее появляется новая проблематика – определение такой процедуры как внесудебной является противоречием по отношению к норме ГК или лишь предусматривает особый специальный порядок, который ФЗ как специальный закон может устанавливать. Иными словами, это недосмотр законодателя, и демонстрирующееся в статье вовремя не внесенное «исправление по стандартам» или же специфическая процедура предъявления требований? Это оставляет пространство для размышлений и различной трактовки. Автор же остается при следующем мнении: такое положение противоречит нормам ГК и установленному судебному порядку разрешения такого спора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) принят 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Консультант Плюс:

комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.11.2025).

3. Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд (18 ААС). Постановление от 11 марта 2025 г. по делу № А47-13796/2023 // Официальный сайт суда. – URL: https://deloprava.ru/postanovlenie-18-go-aas-ot-14-10-2025-po-delu-n-a07-35897-2024/ (дата обращения: 09.11.2025).

4. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 14.11.2025).

5. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 09.11.2025).

6. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Определение от 14.07.2025 № 308-ЭС25-302 по делу № А15-4266/2023 // Картотека арбитражных судов. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0c452bde-433e-4bfa-9669-7d08c2c7003b/f22a5b8f-ada5-4cf3-901e-8735838866a1/A15-4266-2023_20250714_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.11.2025).

7. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Определение от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/74276712/ (дата обращения: 14.11.2025).

8. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Определение от 14.07.2020 № 309-ЭС18-12370 по делу № А34-3532/2015 // Картотека арбитражных судов. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0c452bde-433e-4bfa-9669-7d08c2c7003b/f22a5b8f-ada5-4cf3-901e-8735838866a1/A15-4266-2023_20250714_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.11.2025).

9. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Определение от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/406702419/ (дата обращения: 14.11.2025).

10. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Определение от 13.12.2024 № 305-ЭС24-14865 по делу № А41-81859/2022 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/411115880/ (дата обращения: 14.11.2025).

Казакова Арина Евгеньевна,
слушатель 4 курса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Вашаев Максим Александрович,
замначальника кафедры административного права
и административной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия

Российское государство с его многовековой историей, насыщенной событиями, имеющими глубокое значение, сформировало уникальную культуру, находящуюся на пересечении восточной и западной цивилизаций. Эта культура – результат взаимодействия множества народов, населяющих сегодня территорию Российской Федерации. Данные народы оставили потомкам бесценные памятники истории и культуры, в которых нашли отражение их обычаи, традиции, мировоззрение и духовные ценности.

Следует отметить, что объекты культурного наследия представляют собой важную часть мирового культурного и исторического наследия народов Российской Федерации. Их сохранение и защита являются прямой обязанностью граждан, поскольку именно они играют ключевую роль в формировании культурной среды, поддержании исторической памяти, а также способствуют культурному развитию страны.

По данным Единого государственного реестра объектов культурного наследия, по состоянию на 1 октября 2025 года в России насчитывается 226899 объектов, признанных таковыми [1].

В Российской Федерации, основываясь на положениях Конституции, закреплено не только неотъемлемое право каждого гражданина на приобщение к культурным ценностям, но и, что не менее важно, вменена обязанность по всемерной заботе о сохранении исторического и культурного наследия страны. Это означает, что каждый гражданин должен осознавать свою ответственность за бережное отношение к памятникам истории и культуры, которые являются бесценным достоянием многонационального народа России и одновременно играют важную роль в общемировом культурном контексте.

Важные аспекты, касающиеся объектов культурного наследия, подробно изложены в статье 3 Федерального закона РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации)» (далее – ФЗ № 73-ФЗ). Данный закон определяет, что к объектам культурного наследия относятся разнообразные виды недвижимого имущества, которые обладают особой исторической, культурной и научной ценностью.

Вопрос о том, что такое «объекты культурного наследия», является весьма актуальным и многогранным. В соответствии с положениями статьи 3 ФЗ № 73-ФЗ в данном нормативном акте перечисляются различные виды объектов, которые могут быть отнесены к культурному наследию. Однако стоит отметить, что само определение этого понятия в законе не представлено. Это создает определенные трудности в его интерпретации и понимании.

А.А. Мазенкова подчеркивает, что культурное наследие – это своеобразная социокультурная система ценностей, состоящая из полученного потомками и сохраненного в коллективной памяти опыта [2].

Таким образом, понятие культурного наследия включает в себя как материальные, так и нематериальные элементы, которые имеют огромное значение для формирования культурной идентичности и исторической памяти народа.

В сфере административно-правовой охраны объектов культурного наследия ключевую роль играют документы стратегического планирования. Эти документы представляют собой результат реализации управленческих функций, осуществляемых Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ.

Административная ответственность, в свою очередь, является одним из наиболее значимых институтов административного права. Ее ценность заключается в способности обеспечивать защиту и охрану широкого спектра общественных отношений, включая отношения собственности. Административная ответственность призвана обеспечить соблюдение законности и правопорядка в обществе. Законодательство не выделяет отношения в сфере охраны объектов культурного наследия в качестве отдельного, самостоятельного блока отношений, защищаемых административно-деликтным правом. Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры народов РФ рассматриваются как разновидность недвижимого имущества. Они могут находиться в различных формах собственности: государственной, федеральной, муниципальной.

Во-вторых, количество составов административных правонарушений, непосредственно направленных на защиту общественных отношений в сфере охраны объектов культурного наследия, невелико, а именно ст. 7.13, 7.14, 7.14.1, 7.14.2, 7.15, 7.15.1, 7.16 КоАП РФ [3]. Это не позволяет выделить их в отдельную, самостоятельную категорию родового объекта административных правонарушений.

Исходя из вышеизложенного, родовым объектом административных правонарушений, посягающих на сферу охраны объектов культурного наследия, являются отношения собственности.

Российская Федерация, признавая исключительную важность сохранения исторического и культурного наследия для национальной идентичности и духовного развития общества, устанавливает строгие правовые механизмы для защиты памятников истории и культуры народов. Одним из ключевых инструментов в этой системе является институт административной ответственности, предусмотренный Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Статья 7.13 КоАП РФ посвящена ответственности за

нарушение требований законодательства в области охраны объектов культурного наследия, являясь важным элементом в обеспечении сохранности этих памятников для будущих поколений.

Статья 7.13 КоАП РФ представляет собой комплексную норму, направленную на защиту объектов культурного наследия от различных видов нарушений, поскольку объединяет пять самостоятельных составов правонарушений, различающихся квалифицирующими признаками и степенью общественной опасности [4]. Непосредственным объектом административного правонарушения являются общественные отношения в сфере сохранения, использования и государственной охраны объекта культурного наследия народов РФ. Предметом данного состава административного правонарушения являются объекты культурного наследия.

В 2023 году наблюдаются определенные тенденции в сфере административных правонарушений, связанных с охраной объектов культурного наследия, о чем свидетельствуют данные по ст. 7.13 КоАП РФ. За оказанный год было зарегистрировано 502 административных дела, из которых 486 были рассмотрены. Для сравнения, в 2022 году количество дел по данной статье составило 1692, было рассмотрено 1546.

Одним из примеров правоприменительной практики по ст. 7.13 КоАП РФ является осуществление земельных и строительных работ в непосредственной близости от объекта культурного наследия юридическим лицом. Суд признал организацию виновной в нарушении требований охраны культурного наследия и назначил штраф в размере 200000 рублей. Организация не признала вину, ссылаясь на то, что работы выполнялись сторонней компанией, привлеченной по договору субподряда. Однако краевой суд отметил, что привлечение другого юридического лица не освобождает основную организацию от ответственности за соблюдение требований законодательства как на этапе проектирования, так и на этапе выполнения работ [5].

Другим значимым делом является административное правонарушение, совершенное О.Ю. Егоровым, который был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст .7.13 КоАП РФ (дело № 5-7.13--246/2022). В постановлении судьи Замоскворецкого районного суда от 16.03.2016 г. было указано, что О.Ю. Егоров проявил бездействие, заключающееся в длительном непринятии мер по исполнению требований законодательства, касающегося охраны объектов культурного наследия. В частности, он игнорировал предписания Мосгорнаследия, касающиеся выполнения работ по охране и приспособлению помещений, относящихся к объекту культурного наследия.

Однако в практической деятельности государственных органов, занимающихся охраной объектов культурного наследия, наблюдаются значительные недостатки, которые напрямую связаны с отсутствием должных мер по установлению вины лиц, в отношении которых инициируются дела об административных правонарушениях. Эта проблема в значительной степени обусловлена тем, что должностные лица, работающие в этих органах, не выполняют требования действующего законодательства, касающегося охраны памятников истории и культуры. В результате из бездействия возникают ситуации, когда игнорирование норм закона приводит к серьезным последствиям, а именно изменению внешнего облика, повреждению или разрушению объектов культурного наследия.

На основе приведенной ситуации можно сделать вывод о том, что необходимо пересмотреть механизм административной ответственности. Помимо граждан, должностных и юридических лиц необходимо привлекать должностных лиц, непосредственно ответственных за контроль и соблюдение данных норм в сфере сохранения объектов культурного наследия.

В связи с этим целесообразно ввести новый субъект ответственности по предусмотренным статьям КоАП РФ. А данные материалы административных правонарушений будут возбуждаться районным прокурором.

Таким образом, административные правонарушения, совершаемые в области охраны объектов культурного наследия, представляют собой серьезную проблему, поскольку они напрямую угрожают сохранению бесценного исторического и культурного наследия, которое является достоянием всего общества. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики в данной сфере показывает, что существующая система административной ответственности, призванная защищать объекты культурного наследия, строится на сочетании превентивных и карательных мер. Превентивные меры направлены на предотвращение правонарушений путем установления охранных зон, определения требований к содержанию и использованию объектов, проведения мониторинга их состояния и организации образовательных и просветительских мероприятий. Карательные меры, в свою очередь, предусматривают наложение административных штрафов.

Литература

1. Культурное наследие России / Статистика // Путеводитель Викигид Wikivoyage. – URL: https://ru.wikivoyage.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 28.10.2025).

2. Мазенкова, А. А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система: автореф. дис. канд. философ. наук: 24.00.01. – Тюмень, 2009. – 151 с.

3. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия: автореферат дис. ...кандидата юридических наук: 12.00.14 / Батршин Роман Юсефович [Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия]. – Саратов, 2021. – 26 с.

4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

5. Организация привлечена судом к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.13 КоАП РФ // Официальный сайт Службы по государственной охране объектов культурного наследия. – URL: https://www.ookn.ru/news/70400/ (дата обращения: 28.10.2025).

Казанова Лиана Анзоровна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Таран Александра Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Роль и полномочия прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел

В свете последних тенденций к укреплению законности и стремлению обеспечить права и свободы человека и гражданина во всех сферах, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, роль и полномочия прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел – тема достаточно актуальная. Именно в наши дни, когда появляются новые виды преступности, цифровые технологии создают дополнительные возможности для совершения преступлений, стоит острая необходимость повышения эффективности уголовного судопроизводства, укрепления законности и правопорядка, а также обеспечения прочной защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

На сайте Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации регулярно публикуются данные годовых отчетов о деятельности судов общей юрисдикции, по которым можно проследить количество рассмотренных уголовных дел. Так за последние пять лет (2020–2024 гг.) ежегодно рассматривалось от 750 до 850 тыс. уголовных дел, треть из которых связана с хищениями, мошенничеством и коррупционными действиями, около четверти составляют дела о насильственных преступлениях, включая убийства и нанесение тяжкого вреда здоровью [1].

Прокурор, выступая в качестве представителя государства и защитника законности, занимает одно из центральных мест в процессе рассмотрения уголовных дел судом. Следовательно, исследование его функций и компетенции на данном этапе уголовного процесса важно для обнаружения и ликвидации недостатков действующего законодательства и практики его исполнения.

Изучение роли и полномочий прокурора проводилось разными исследователями в разные периоды времени. Например, известный ученый, доктор юридических наук и профессор Нижегородского филиала Академии МВД РФ А.С. Александров, занимаясь вопросами доказательственного права в уголовном процессе, особо подчеркивал значение фигуры прокурора в предоставлении и оценке доказательств. Другой исследователь, доктор юридических наук Ф.Н. Багаутдинов, сосредоточился на проблемах соблюдения законности при осуществлении прокурорского контроля в уголовном производстве. Заслуженный юрист РФ, профессор и советник юстиции I класса Г.Н. Королев посвятил свои монографии детальному рассмотрению взаимодействий прокурора с судом и иными субъекта-

ми уголовного процесса. Специалист в области юриспруденции О.Н. Коршунова проанализировала трудности осуществления прокурорской функции уголовного преследования на стадии судебного разбирательства. Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Генеральной прокуратуры РФ А.Р. Ратинов выделял психологические особенности поведения прокурора в суде.

Несмотря на тщательное исследование вопроса, тема сохраняет свою значимость ввиду постоянных изменений и дополнений в уголовно-процессуальном праве, вызванных эволюцией судебно-правовой практики. Рост числа рассматриваемых судами уголовных дел увеличивает нагрузку на органы прокуратуры, вынуждая прокуроров решать дела повышенной юридической сложности, требующие высокого профессионализма и глубоких юридических познаний.

Судебное разбирательство – это достаточно сложный, многоуровневый процесс, в рамках которого каждому участнику отведено то или иное место в зависимости от его процессуального положения. Центральное место здесь принадлежит суду, именно он принимает итоговые решения и определяет исход конкретного уголовного дела.

Однако помимо суда значимую роль в ходе судебного разбирательства по уголовным делам исполняет прокурор. Основная обязанность прокурора заключается в представлении суду убедительных доказательств вины подсудимого, и именно от эффективности выполнения этой задачи зависит, понесет ли преступник заслуженное наказание либо избежит ответственности.

В соответствии со ст. 273 УПК РФ прокурор должен изложить обвинение и квалифицировать деяние нормами УК РФ [2]. Процедура изучения доказательств предусмотрена в ст. 274 УПК РФ. Первому при судебном разбирательстве право предоставления доказательств принадлежит прокурору, он же определяет порядок их изучения. В процессе изучения доказательств прокурор вправе допрашивать подсудимого, свидетелей и других участников процесса стороны защиты.

В соответствии со ст. 272 УПК РФ прокурор высказывает мнение об отложении судебного разбирательства или о его продолжении. Прокурор также вправе заявить ходатайство о приостановлении производства по делу в соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ.

Тем не менее следует подчеркнуть, что, несмотря на значительные полномочия прокурора в рамках судебного производства по уголовному делу, основная цель его деятельности заключается не столько в осуществлении обвинительной функции, сколько в содействии всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Подобное представление о роли прокурора соответствует современным представлениям о принципах уголовного процесса, направленных на соблюдение баланса интересов обеих сторон (обвинения и защиты) и установление истины по каждому конкретному делу.

Грубые нарушения закона в судебном разбирательстве прокурором должны пресекаться незамедлительно, чтобы дело не доходило до жалоб в вышестоящие инстанции.

На этапе судебного разбирательства возможно нарушение сроков разумного судопроизводства. По завершении судебного процесса часто возникают ситуации, ущемляющие права участников уголовного судопроизводства: задержка изготовления итогового судебного акта и протокола судебного заседания, невыполнение

обязательств по своевременному вручению копий судебных актов участникам процесса, неисполнение обязанностей по обращению судебного решения к исполнению, ограничение прав участников на доступ к материалам уголовного дела или протоколу судебного заседания и прочие подобные нарушения. Для исправления каждого из перечисленных нарушений необходимы активная позиция и вмешательство прокурора.

Таким образом, прокурор в судебном разбирательстве не только реализует функцию обвинения в форме уголовного преследования, но и осуществляет надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Между тем существуют некоторые проблемы, связанные с полномочиями прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел, и на одну из них хотелось бы обратить внимание.

Речь идет о возможности отказа прокурора от обвинения с указанием мотивов своего отказа (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) на стадии судебного разбирательства. Такой отказ приводит к окончанию уголовного преследования, и в законе нет указания на то, что необходимо выяснить мнения других участников разбирательства [3]. Другими словами, мнение потерпевшего по вопросу прекращения уголовного дела никто не учитывает.

Достаточно противоречивой представляется ситуация, когда прокурор отказывается поддерживать обвинение, игнорируя мнение потерпевших лиц. Научные дискуссии по данному вопросу продолжаются на протяжении всего периода существования соответствующей правовой нормы, поскольку ясно видно возможное нарушение прав пострадавших.

Суть проблемы заключается в том, что решение прокурора об отказе от поддержания обвинения основывается лишь на его внутреннем убеждении, которое нередко противоречит мнению иных участников процесса, главным образом самого потерпевшего, лишенного впоследствии возможности представить суду собственную точку зрения касательно доказанности вины подозреваемого лица.

Кроме того, УПК РФ не закрепляет форму, в которой такое волеизъявление прокурора должно быть представлено. Из чего следует, что приемлемо в устной форме прокурору выразить свое мнение, упомянуть о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, и суд уголовное дело прекратит.

Действительно, существует приказ Генерального прокурора РФ № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», согласно пункту 3.5 абзацу 2 которого предусмотрено обязательное оформление письменного документа при отказе государственного обвинителя от предъявленного обвинения. Однако этот документ носит внутренний характер и является подзаконным актом. Целесообразно было бы включить данное требование непосредственно в Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Письменная форма заставит прокурора тщательнее обосновать свое решение отказаться от обвинения, позволит потерпевшему его оспорить, приведя свои аргументы, а руководству прокуратуры даст возможность проверить правомерность такого решения подчиненного сотрудника.

Предлагаем рассмотреть возможность дополнения статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса РФ следующим положением: «Государственный обви-

нитель обязан отказаться от обвинения, представляя свое мотивированное заключение в письменной форме, руководствуясь правилами и основаниями, установленными данным Кодексом» [2]. Кроме того, рекомендуется проведение мероприятий по обучению сотрудников районных прокуратур, целью которых станет повышение их компетентности в сфере процессуального участия в судах при рассмотрении уголовных дел.

Литература

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации – URL: https://cdep.ru/. – (Дата обращения: 23.10.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Сборник законодательства РФ от 24 декабря 2001 г. – № 52 (часть I). – ст. 4921.
3. Куликов, Д. А. Отказ прокурора от государственного обвинения и обязанность суда его удовлетворения // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2013. – № 45. – С. 171–182.
4. Мингалимова, М. Ф., Гаврилов, М. А. О роли прокурора при рассмотрении уголовных дел судом // Вестник университета прокуратуры РФ. – № 1(93). – 2023. – С. 32–39.

Казибеков Ливауддин Назимович,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Мамонтов Денис Юрьевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы определения прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью и пути их преодоления

Современная преступность формирует новые вызовы для оперативно-разыскной работы. Эти вызовы требуют адекватного развития не только оперативно-разыскной науки, но и надзорных механизмов. Пробелы законодательной регламентации и противоречия правоприменительной практики порождают проблемы, препятствующие полноценной реализации надзорной функции прокуратуры. Научное осмысление этих проблем и поиск путей их разрешения сохраняют свою теоретическую и практическую значимость.

Прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью представляет самостоятельное направление прокурорской деятельности, направленное на обеспечение верховенства закона, защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества. Сущность надзора проявляется в проверке соответствия деятельности оперативных подразделений требованиям федерального законодательства, прежде всего закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Исключительность данной функции подчеркивает особый статус прокуратуры в системе сдержек и противовесов.

Н.А. Бариев характеризует прокурорский надзор за ОРД как особую форму государственного контроля, обладающую специфическими методами и средствами воздействия [1]. Его отличительная черта – вневедомственный характер, позволяющий прокурору занимать независимую позицию при оценке действий оперативных подразделений вне зависимости от их ведомственной принадлежности.

Правовую основу надзора образуют Конституция РФ, федеральные законы «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуальный кодекс, ведомственные нормативные акты. Эти нормы в совокупности определяют полномочия прокурора и пределы его вмешательства в оперативно-служебную деятельность.

Задачи прокурорского надзора включают предупреждение, выявление и пресечение нарушений законов оперативными аппаратами. Обеспечение неотвратимости ответственности для виновных должностных лиц, восстановление нарушенных прав граждан и юридических лиц, устранение причин и условий нарушений законности – системообразующие элементы надзорной деятельности.

Полномочия прокурора носят властно-распорядительный характер, будучи направлены на своевременное устранение нарушений закона. Доступ к подлинным документам, включая дела оперативного учета и материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий, составляет фундаментальное условие эффективного контроля.

Право требовать представления необходимых документов и сведений, вызывать должностных лиц и граждан для дачи объяснений позволяет установить обстоятельства нарушений и выявить виновных. Эти полномочия создают процессуальные предпосылки для объективного расследования фактов правонарушений.

При выявлении нарушений прокурор уполномочен вносить представления, возбуждать производства об административных правонарушениях и уголовные дела, обращаться в суд для защиты нарушенных прав. Возможность освобождения лиц, незаконно подвергнутых задержанию или помещенных в медицинские учреждения, завершает арсенал прокурорских полномочий.

Центральной проблемой надзора остается размытость понятия «предмет прокурорского надзора». Отсутствие четких законодательных критериев проверочной деятельности порождает две крайности: самоустранение от активного надзора либо вмешательство в оперативно-служебную деятельность.

На практике нечеткость формулировок приводит к подмене прокурором руководителей оперативных подразделений, когда оценки даются не только законности, но и целесообразности оперативных решений. Руководители оперативных органов, стремясь избежать конфликтов, нередко предоставляют излишне широкий доступ к материалам, создавая прецеденты и размывая границы допустимого.

Т.С. Забелина констатирует, что неопределенность предмета надзора создает почву для произвольного толкования прокурорскими работниками своих полномочий [2]. Отсутствие единообразного подхода к пониманию предмета надзора дезорганизует систему взаимодействия между прокуратурой и оперативными подразделениями.

Ведомственная разобщенность и неэффективный информационный обмен между прокуратурой и органами, осуществляющими ОРД, образуют другую серьезную проблему. Оперативные подразделения зачастую воспринимают прокурора как внешнего контролера, препятствующего проведению сложных оперативных комбинаций. Это порождает стремление ограничить доступ к информации под предлогом сохранения государственной тайны.

П.И. Иванов отмечает формализм в организации прокурорского надзора, когда плановые проверки носят поверхностный характер и не выявляют системных нарушений [3]. Изучение документов, представленных самим оперативным органом, без глубокого анализа и запроса дополнительных материалов, стало распространенной практикой.

Соблюдение прав человека при осуществлении ОРД сохраняет свою остроту, несмотря на комплекс надзорных мер. Несанкционированное прослушивание, нарушение тайны переписки, проведение оперативных экспериментов с элементами провокации – типичные проявления нарушений. Прокурорский надзор часто запаздывает, фиксируя нарушения позже, когда восстановление прав уже затруднено.

Кадровые проблемы значительно влияют на эффективность надзора. Прокурорские работники, закрепленные за этим направлением, не всегда обладают

достаточным опытом практической оперативной работы, что мешает выявлению замаскированных нарушений. Отсутствие системной профессиональной подготовки снижает качество проводимых проверок.

Техническая оснащенность оперативных подразделений опережает возможности прокуратуры по контролю за их деятельностью. Использование сложных специальных средств, криптографических методов, средств негласного получения данных требует специальных познаний, которыми прокуроры обычно не обладают. Образуются «слепые зоны», где нарушения долго остаются незамеченными.

Специализация прокурорских работников представляется перспективным направлением решения проблем. Создание специализированных подразделений с углубленными знаниями в сфере ОРД, специальной подготовкой и опытом взаимодействия с оперативными аппаратами способно повысить профессионализм надзора.

Развитие системы ведомственного и судебного контроля, дополняющего прокурорский надзор, создает многоуровневую систему сдержек и противовесов. Эффективный ведомственный контроль мог бы предотвращать нарушения на ранней стадии, не доводя до прокурорского вмешательства.

Усиление профилактической составляющей надзора предполагает активное выявление причин и условий нарушений вместо констатации свершившихся фактов. Системный анализ практики, обобщенные представления, информационные письма и совместные инструктажи могут служить инструментами предупредительной работы.

Совершенствование статистической отчетности и внедрение информационных систем для автоматизации надзора открывают новые возможности. Единые базы данных о проводимых мероприятиях и заведенных делах оперативного учета позволили бы осуществлять мониторинг, приближенный к реальному времени.

Н.А. Семенов предлагает усилить контроль за законностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам ОРД [4]. На этой стадии нередко маскируются факты бездеятельности, что требует тотальной проверки материалов-оснований для отказа.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ сведения о фактах нарушения прав и свобод человека не подлежат засекречиванию, что создает правовую основу для прокурорской проверки даже в условиях особого режима ОРД. Однако на практике уполномоченные прокуроры сталкиваются с системной проблемой – отсутствием законодательно установленного механизма уведомления о проведении оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права. Это приводит к ситуации, когда возможность обжалования у прокурора появляется лишь спустя 72 часа после проведения мероприятия, что существенно ограничивает оперативность реагирования на возможные нарушения.

Особую сложность представляет рассмотрение жалоб граждан на действия оперативных подразделений, поскольку необходимые для их разрешения сведения часто составляют государственную тайну. Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения о методах и результатах ОРД подлежат рассекречиванию только по постановлению руководителя оперативного органа.

Действующий порядок рассмотрения жалоб на действия оперативных подразделений требует совершенствования, поскольку заимствует процедуру из уголовно-процессуального законодательства без учета специфики ОРД.

Приказ Генерального прокурора РФ от 09.07.2015 г. № 364 предписывает уполномоченным прокурорам отражать сведения о рассмотренных жалобах, однако не устанавливает четких критериев доступа к информации, составляющей государственную тайну. Это создает правовую неопределенность в случаях, когда для проверки доводов жалобы необходимо исследование оперативно-служебных документов, содержащих секретные сведения.

В целях повышения эффективности прокурорского надзора представляется необходимым законодательное закрепление механизмов уведомления уполномоченного прокурора о вынесении постановлений на проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права. Такие меры позволят осуществлять своевременный прокурорский контроль за законностью решений оперативных органов, особенно в неотложных случаях, когда последующее судебное решение может не исправить уже причиненный ущерб правам граждан [5].

Оперативно-разыскное обеспечение расследования неочевидных преступлений против личности формирует специфические сложности для прокурорского надзора. Отсутствие законодательной дефиниции компенсируется доктринальными подходами, интерпретирующими данное понятие как системную совместную деятельность оперативных и следственных работников.

Эффективность оперативно-разыскного обеспечения детерминирована качеством взаимодействия следственных и оперативных подразделений. А.Л. Аристархов, А.Н. Дошицын и М.В. Зяблина аргументированно связывают такое взаимодействие со своевременным и обоснованным возбуждением уголовных дел, конкретизируя его через представление результатов ОРД следователю, совместное обсуждение материалов, консультационное сопровождение [1]. При расследовании неочевидных преступлений против личности оперативно-разыскное обеспечение конституирует систему мер, формирующую предпосылки для объективного расследования и операционализации результатов ОРД в процессе доказывания.

Надзирающему прокурору необходимо глубокое понимание специфики взаимодействия внутри следственно-оперативных групп, где теоретические построения дифференцируют процессуальные и организационные формы. Процессуальный аспект включает производство разыскных действий по указанию следователя, реализацию оперативно-разыскных мер по находящемуся в производстве делу, содействие при производстве следственных действий. Организационный компонент охватывает согласованное планирование, совместный анализ результатов, интерактивный обмен информацией. Следственно-оперативные группы с доминирующей ролью оперативных подразделений демонстрируют оптимальную адаптацию к расследованию неочевидных преступлений против личности, поскольку обеспечивают оперативное реагирование на вызовы следственной практики.

Организацию надзора осложняет отсутствие единой системы его осуществления в федеральном масштабе. Разрозненные ведомственные методики не компенсируют отсутствия унифицированных указаний Генеральной прокуратуры, а научные разработки отличаются фрагментарностью. Централизация методическо-

го сопровождения создала бы условия для оперативной имплементации положительного опыта.

Определение критериев оценки деятельности прокуроров сохраняет дискуссионный характер. Проблематичным остается вопрос о включении в их обязанности содействия решению задач оперативно-разыскной деятельности.

Ограниченность актов прокурорского реагирования сочетается с их низкой эффективностью. Традиционный арсенал средств воздействия, включающий протест, представление и предостережение, демонстрирует ограниченную действенность. Повышению эффективности могло бы способствовать законодательное закрепление права прокурора направлять обязательные требования оперативно-разыскным органам и установление ведомственного механизма рассмотрения актов прокурорского реагирования. Обеспечение баланса между эффективным надзором и требованием конспирации составляет одну из сложнейших задач. Прокурор должен обладать достаточными полномочиями для доступа к информации, одновременно соблюдая строгие требования по защите государственной и служебной тайны. Нарушение этого баланса дискредитирует как оперативную работу, так и надзор.

Разрешение коллизии между правом граждан на обжалование и режимом секретности в оперативно-разыскной деятельности предполагает создание особого административного регламента. Его процедуры должны быть автономны от уголовно-процессуальных норм. Институциональным стержнем здесь видится введение фигуры уполномоченного прокурора с высшей формой допуска. На него можно было бы возложить обязанность по получению копий всех постановлений на проведение ОРМ, затрагивающих конституционные права. Подобная модель создает возможность для предварительного контроля, а при поступлении жалобы избавляет прокурора от необходимости испрашивать разрешение у руководителя того самого органа, чьи действия оспариваются. Это снимает остроту правовой неопределенности, отмеченной в Приказе Генпрокуратуры № 364, и выстраивает работающий механизм защиты прав без подрыва секретности.

Проблема оперативно-разыскного обеспечения по неочевидным преступлениям против личности упирается в качество коммуникации внутри СОГ. Эффективность определяется своевременным и конкретизированным взаимодействием. Ее повышение требует издания единых федеральных методических рекомендаций, которые бы жестко регламентировали процессуальные и организационные формы совместной работы.

Четкие алгоритмы и сроки передачи результатов ОРД следователю, проведения совместного анализа информации – эти меры переводят надзор с оценки формальных показателей на оценку реальной эффективности. Прокурор получает инструмент для выявления таких подмен, как симуляция активности или запоздалое проведение мероприятий.

Существующая ведомственная разобщенность и фрагментарность научных разработок блокируют выработку единых подходов к надзору. Потребность прокуроров в критериях оценки и обобщении позитивной практики разрешима через создание централизованной системы методического обеспечения в структуре Генпрокуратуры. Повышению действенности надзора могло бы способствовать наделение прокурора правом выносить обязательные для исполнения предписа-

ния по конкретным нарушениям в ОРД, дополнив ими традиционные представления и протесты.

Одновременно требуется установить на ведомственном уровне жесткий регламент рассмотрения любых актов прокурорского реагирования. Игнорирование представлений преодолевается именно созданием институциональных обязанностей, а не расширением декларативных полномочий.

Системный ответ на сложность предмета надзора и техническое отставание – формирование в органах прокуратуры специализированных подразделений, укомплектованных прокурорами с опытом оперативной работы и глубокой подготовкой. Их работа должна обеспечиваться доступом к специализированным базам данных и современным аналитическим инструментам. В стратегической перспективе разгрузке прокурорского надзора и концентрации на проверке законности проведенных мероприятий будет способствовать более активное внедрение предварительного судебного контроля для санкционирования ключевых ОРМ, ограничивающих конституционные права. Это перераспределит нагрузку и задаст новые стандарты обоснованности решений оперативных работников.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью, оставаясь сложным и многогранным институтом, сталкивается с системными проблемами. Неопределенность предмета надзора, ведомственная разобщенность, формализм проверок, техническое и кадровое отставание – основные вызовы эффективности надзорной деятельности. Решение этих проблем требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, специализацию прокурорских кадров, внедрение современных технологий и развитие взаимодействия с иными формами контроля. Только при этих условиях прокурорский надзор сможет выполнять роль гаранта законности в одной из самых закрытых сфер государственной деятельности.

Литература

1. Аристархов, А. Л. Работа прокурора по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в ходе оперативно-розыскной деятельности / А. Л. Аристархов, А. Н. Дошицын, М. В. Зяблина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 1(51). – С. 33-41.

2. Забелина, Т. С. К вопросу об определении предмета прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности / Т. С. Забелина // Молодой ученый. – 2021. – № 19 (361). – С. 198-199.

3. Иванов, П.И. Прокурорский надзор за ОРД: опыт и проблемы / П.И. Иванов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 7(235). – С. 207-211.

4. Семенов, Н. А. К вопросу о совершенствовании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью (ОРД) / Н. А. Семенов // ModernScience. – 2020. – № 1-1. – С. 174-177.

5. Колесников, А. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.11) / А.В. Колесников. – Москва, 2017. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/03/Прокурорский-надзор-при-использовании-результатов-ОРД.pdf.

Касаев Инал Сейт-Алиевич,
курсант 4 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Мамонтов Денис Юрьевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел

Роль полиции в профилактике преступлений экстремистской и террористической направленности в условиях современной миграционной ситуации в России

Современная миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется значительной интенсивностью и сложностью. Политическая, экономическая и военная обстановка в мире обусловили увеличение числа лиц, прибывающих в Россию из стран СНГ и других государств. Миграционные потоки носят транснациональный характер и оказывают многогранное влияние на принимающее общество [1].

Российская Федерация проводит миграционную политику, направленную на решение возникших проблем, с учетом ситуации в стране. Основы миграционной политики России заложены в Конституции РФ, Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2]. Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» установлены основополагающие принципы миграционной политики страны [3].

При этом необходимо различать легальную и незаконную миграцию. Если первая является естественным процессом, то вторая несет в себе серьезные угрозы. Незаконная миграция способствует расширению теневой экономики и формированию этнических анклавов, слабо интегрированных в правовое и культурное поле страны. Именно эти анклавы зачастую становятся питательной средой для распространения экстремистских и террористических идей [4].

С целью установления факторов, влияющих на эффективность предупреждения преступлений террористической и экстремистской направленности подразделений органов внутренних дел, нами были опрошены сотрудники центров по противодействию экстремизму, а также сотрудники уголовного розыска территориальных органов МВД России по раскрытию преступлений общеуголовной направленности по борьбе с межрегиональными организованными преступными группами и преступными сообществами, проходившие повышение квалификации на базе Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России в 2024–2025 году.

По результатам опроса респондентов и анализа деятельности оперативных подразделений МВД России были выявлены факторы, влияющие на эффектив-

ность предупреждения преступлений террористической и экстремистской направленности подразделений органов внутренних дел:

– отсутствие подсобного аппарата, способного освещать деятельность преступных элементов не только на территории России, но и на территории сопредельных государств;

– недостаточное материально-техническое обеспечение;

– низкий уровень взаимодействия сотрудников правоохранительных органов России и стран СНГ;

– возможное влияние на уровень преступности из других стран;

– высокая нагрузка на каждого сотрудника вследствие некомплекта в органах внутренних дел;

– дефицит квалифицированных кадров;

– отсутствие или недостаточный уровень опыта работы по направлению у сотрудников на районном уровне.

Роль правоохранительных органов, и в первую очередь полиции, в системе профилактики данных преступлений является центральной. Как определено Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», профилактика представляет собой совокупность мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений [5].

Особую роль играют оперативные подразделения, в чьи задачи входит выявление и пресечение преступлений на стадии замысла и подготовки. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предоставляет им необходимый инструментарий для работы, включая использование негласных методов. Ведомственными правовыми актами, такими как Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19, закреплены конкретные обязанности подразделений по противодействию экстремизму[6].

Роль правоохранительных органов, и в первую очередь полиции, в системе профилактики данных преступлений является центральной. Полиция осуществляет непрерывный мониторинг оперативной обстановки, непосредственно работает с населением, проводит плановые мероприятия и рейды [7].

Ключевым элементом остается оперативно-разыскная деятельность (ОРД). Однако ее эффективность зачастую снижается из-за выявленных проблем. В этой связи представляется целесообразным внедрение современных программно-аналитических комплексов для автоматизированного анализа больших массивов данных (BigData).

Контроль миграционных потоков является фундаментальной мерой предупреждения преступлений. Неконтролируемая миграция создает питательную среду для «бытового, стихийного экстремизма», порожденного социальными и культурными противоречиями [4]. В 2024 году в Москве прошла встреча представителей правоохранительных органов государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ), где единодушно отметили необходимость интенсификации процессов обмена информацией [8]. Участники встречи подчеркнули, что наличие централизованной базы данных может значительно улучшить координацию действий и оперативность реагирования на преступления. Решением могло бы стать создание единого межгосударственного электронного реестра лиц, ранее

привлекавшихся к ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности, с мгновенным доступом для оперативных сотрудников на местах. Помимо этого, необходимы унификация и ужесточение процедур миграционного учета. Целесообразны повсеместное внедрение биометрического контроля на границе и последующая интеграция этих данных в единую базу, содержащую исчерпывающую информацию о мигранте (от паспортных данных и цели въезда до истории перемещений и онлайн-активности), сформированную с соблюдением норм о защите персональных данных [9].

Контроль миграционных потоков является фундаментальной мерой предупреждения преступлений. Неконтролируемая миграция создает питательную среду для «бытового экстремизма». Проблема недостаточного информационного обмена между правоохранительными органами России и стран СНГ (отмечена 92% опрошенных) требует создания единого межгосударственного электронного реестра лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности. Необходимо повсеместное внедрение биометрического контроля на границе.

Роль Интернета и социальных сетей в радикализации мигрантов, особенно молодежи, крайне высока. 87% сотрудников считают соцсети основным каналом распространения экстремистских идей [4]. В этой связи необходима реализация комплекса мер:

– развитие и внедрение государством передовых технологий мониторинга и анализа интернет-контента для автоматического выявления вербовочных материалов и деструктивных сообществ;

– усиление ответственности интернет-площадок за недостоверную модерацию контента, побуждающего к экстремизму и терроризму [10];

– активное проведение контрпропагандистских кампаний в Сети, направленных на целевую аудиторию мигрантов, разъясняющих ценности российского общества и неотвратимость наказания [9].

Влияние диаспор на преступность может быть двойственным: с одной стороны, диаспоры могут способствовать адаптации мигрантов к жизни в принимающих государствах. Однако, с другой стороны, без должного контроля диаспоры могут стать рассадником экстремистских и террористических настроений и очагами преступности [11]. Ключевой проблемой выступает то, что в российском федеральном законодательстве отсутствует определение статуса диаспор. Правовой аспект деятельности диаспор регулируется в основном подзаконными актами, где встречаются такие понятия, как «национальная диаспора», «русская диаспора», «этническая община» и другие.

Предложения по улучшению ситуации охватывают разные области и включают в себя правовые, организационные и технические меры.

1. Законодательные инициативы:

– разработка и принятие федерального закона, четко определяющего правовой статус национально-культурных автономий и диаспор, их права, обязанности и меры ответственности [6];

– ужесточение административной и уголовной ответственности за организацию незаконной миграции и использование труда нелегальных мигрантов [12, 10].

2. Организационно-управленческие меры:

– создание межведомственного оперативного штаба по противодействию экстремизму и терроризму в миграционной среде с участием МВД, ФСБ, Росгвардии, ФМС и других заинтересованных ведомств [5];

– увеличение штатной численности и улучшение материально-технического оснащения подразделений по противодействию экстремизму [6];

– разработка и внедрение единых стандартов и алгоритмов взаимодействия правоохранительных органов России со странами СНГ [1].

3. Информационно-аналитическое обеспечение:

– формирование единой федеральной информационной платформы для консолидации и анализа данных о мигрантах, их связях и активности [9];

– создание специализированного центра мониторинга интернет-пространства для выявления и пресечения деятельности экстремистского характера [4].

Подводя итоги проделанной работы, можно выделить несколько факторов, которые снижают эффективность и продуктивность деятельности сотрудников полиции. К таким факторам мы относим:

1) некомплект личного состава и высокую нагрузку;

2) дефицит квалифицированных специалистов (знания в области этнологии, психологии, миграционного права);

3) отсутствие опыта у сотрудников на районном уровне.

В качестве возможного решения данной проблемы лидер партии «Новые люди» Алексей Нечаев предложил привлечение ветеранов специальной военной операции (СВО) к работе в подразделениях МВД по борьбе с нелегальной миграцией. Инициатива, поддержанная Президентом РФ, несомненно, является актуальной в контексте обострения миграционной ситуации. Однако позиция А. Нечаева представляется нам достаточно дискуссионной. Как показал проведенный нами опрос сотрудников оперативных подразделений, ключевой проблемой является не просто некомплект личного состава, а дефицит квалифицированных кадров, обладающих специальными познаниями в области миграционного права, этнологии, психологии, языков и межкультурной коммуникации.

Ветераны СВО, безусловно, обладают высокими морально-волевыми качествами и боевым опытом, однако их подготовка не ориентирована на выполнение задач оперативно-разыскной деятельности в специфической мигрантской среде. Без длительного и комплексного дополнительного обучения возникает риск снижения качества профилактической работы и увеличения числа ошибок на оперативном уровне.

Эффективная борьба с нелегальной миграцией требует не только физического присутствия, но и глубокого понимания миграционного законодательства, навыков документооборота, ведения дел и взаимодействия с другими ведомствами. Как отмечено в исследовании, низкий уровень опыта сотрудников на районном уровне уже является фактором, снижающим эффективность. Ветераны, не имеющие юридического образования, навыков правоохранительной деятельности, могут столкнуться с трудностями при применении норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных нормативных актов [6].

Неконтролируемая миграция способствует возникновению «бытового экстремизма» на почве культурных и социальных противоречий [4]. Привлечение

ветеранов, которые в своей работе могут опираться преимущественно на силовые методы, без должной психологической и культурологической подготовки, способно усугубить конфликтный потенциал в местах компактного проживания мигрантов. Это может противоречить задаче обеспечения интеграции и профилактики радикализации.

Целесообразнее рассматривать ветеранов СВО не как готовых оперативных сотрудников, а как потенциальный кадровый резерв, требующий дальнейшей профессиональной адаптации. Возможно создание специализированных учебных программ на базе ведомственных вузов МВД с последующим трудоустройством в подразделения, где военный опыт будет дополнен необходимыми правовыми и оперативными компетенциями.

Литература

1. International Centre for Counter-Terrorism (ICCT). «Conceptualising and Addressing the Migration-Terrorism Nexus...» –https://icct.nl/publication/ conceptualising-and-addressing-migration-terrorism-nexus-literature-review-case-studies (дата обращения: 15.10.2025).
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.10.2025).
3. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.10.2025).
4. Аналитический материал «Условия возникновения террористической угрозы и меры противодействия». – URL: https://elbrus.kbr.ru/upload/ medialibrary/678/9_cop.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.10.2025).
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.10.2025).
7. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.10.2025).
8. В Москве прошла встреча правоохранительных органов СНГ: акцент на усиление информационного обмена в борьбе с преступностью. – https://www.rsnmo.ru/index.php?id=74104 (дата обращения: 15.10.2025).
9. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.10.2025).

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.10.2025).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.10.2025).

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.10.2025).

13. Касьяненко, М. А. Криминалистические особенности и основы противодействия организованной преступности с признаками этнической идентичности. – URL: https://www.dissercat.com/content/kriminologicheskie-osobennosti-i-osnovy-protivodeistviya-organizovannoi-prestupnosti-s-prizn (дата обращения: 15.10.2025).

Качмазов Руслан Олегович,
студент 4 курса
юридического факультета
Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Федик Елена Николаевна,
доцент кафедры уголовного права,
декан факультета подготовки специалистов для судебной системы
Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

Услуги имущественного характера и иное имущество как предметы взяточничества

Взяточничество остается одним из наиболее распространенных и общественно опасных преступлений, подрывающих авторитет государственной власти и принципы законности. Ключевой особенностью современного взяточничества является изощренность его форм, в частности, расширение практики использования в качестве предмета взятки не денежных средств, а иного имущества или услуг имущественного характера. Эта форма взятки обладает повышенной латентностью, так как зачастую маскируется под гражданско-правовые или бытовые отношения, что существенно осложняет ее выявление и доказывание.

Проблематика определения предмета взяточничества остается одной из наиболее дискуссионных в современной уголовно-правовой доктрине. Традиционно законодатель указывает на две основные формы объекта передачи: имущество и имущественные выгоды (услуги имущественного характера). Однако практика показывает, что значительная часть коррупционных сделок выходит за пределы очевидно материализованных вещей или денежных сумм. Все чаще предметом незаконного вознаграждения становятся такие формы благ, которые не имеют четкой, заранее установленной денежной стоимости, но при этом способны приносить адресату экономическую выгоду либо освобождать его от имущественных затрат. Вследствие этого возникает необходимость расширенного анализа категории «иное имущество», сопряженной с затруднениями денежной оценки.

Под услугами имущественного характера принято понимать действия, оказывающие влияние на имущественную сферу взяткополучателя либо создающие условия для его экономического выигрыша. Ключевым признаком таких услуг выступает их стоимостная природа, даже если эта стоимость не выражена непосредственно в денежной форме. Например, выполнение строительных или ремонтных работ, бесплатное предоставление транспортных средств, оплата отдыха или обучения – все эти формы традиционно включаются в рамки предмета взяточничества.

Однако современные реалии свидетельствуют о возникновении новых, более сложных для правовой квалификации вариантов имущественных услуг. В

частности, можно выделить такие формы, как обеспечение доступа к закрытым ресурсам, содействие в получении выгодных контрактов через применение личных связей, организация юридического сопровождения без формальной оплаты и т.д. Несмотря на отсутствие материальной оболочки, данные действия имеют объективную экономическую ценность, что позволяет отнести их к плате за неправомерное поведение должностного лица.

В дискуссиях все чаще поднимается вопрос о критериях, позволяющих отделить услуги имущественного характера от других, не имеющих стоимостного содержания форм благоприятствования. К таковым предлагается относить, в частности:

– возможность эквивалентной замены услуги денежной выплатой;
– влияние результата услуги на экономическое положение получателя;
– наличие фактических или потенциальных имущественных последствий.

Эти признаки демонстрируют, что имущественный характер может быть скрытым и проявляться не в текущих затратах, а в предотвращенных расходах или в повышении будущей имущественной выгоды.

В уголовно-правовой теории термин «иное имущество» традиционно рассматривается как категория, охватывающая любые материальные объекты и имущественные права, не попавшие в более узкие определения. Однако судебная практика показывает, что именно эта формула служит фундаментом для квалификации случаев, когда предмет взятки оказывается плохо поддающимся денежной оценке или предварительно выраженной в стоимостных измерителях форме.

К «иному имуществу» сегодня относят, помимо вещей и имущественных прав, такие элементы, как исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, цифровые активы, крипто-токены, бонусы корпоративных программ, доли участия в неформальных инвестиционных схемах, а также различные формы гарантированного доступа к дорогостоящим ресурсам. При этом значительная часть этих объектов обладает высокой вариативностью стоимости, что порождает сложности в определении размера взятки и, как следствие, в выборе квалифицирующих признаков.

Одна из ключевых проблем заключается в том, что стоимостная оценка имущества, не представленного в денежной или товарной форме, часто носит условный и вероятностный характер. Ценность цифровых активов, например, может колебаться в широком диапазоне, а стоимость оказываемых «интеллектуальных услуг» (консультаций, аналитических обзоров, экспертных рекомендаций) определяется крайне субъективно. Вследствие этого возникает необходимость разработки специальных методик оценки подобных объектов с учетом рыночной конъюнктуры, возможных альтернативных сценариев пользования, а также среднерыночных тарифов на аналогичные услуги.

Неопределенность в оценке имущественных выгод приводит к ряду криминально-правовых рисков. Прежде всего речь идет о трудностях при установлении размера взятки, определяющего квалификацию деяния по частям статьи о взяточничестве. В случаях, когда точная рыночная стоимость объекта отсутствует, эксперты вынуждены использовать приближенные методы расчета, что может вызывать разночтения, а иногда и противоречивые выводы.

Отдельного рассмотрения заслуживает категория имущественных выгод, эффект которых не проявляется непосредственно в момент передачи, а реализуется в отложенной перспективе. Примером могут служить гарантии будущего трудоустройства, обещание участия в инвестиционных проектах, предоставление долей в стартапах или иных коммерческих начинаниях, находящихся в стадии формирования. На первый взгляд такие блага кажутся гипотетическими, однако юридическая природа «обещанного имущества» признается многими исследователями как обладающая реальной экономической ценностью, поскольку само обещание создает для взяткополучателя преимущества имущественного характера.

Сложность оценки данных выгод заключается в высокой степени неопределенности: будущая стоимость доли участия, опционов или иных инвестиционных инструментов может измениться многократно, что делает невозможным прямое сопоставление с текущими рыночными показателями. Тем не менее отсутствие точного измерения не означает невозможности признания таких объектов предметом взятки. Напротив, международная практика – особенно в сфере корпоративного комплаенса – исходит из принципа потенциальной экономической выгоды как достаточного критерия для квалификации коррупционного вознаграждения.

В российской правовой доктрине все чаще обсуждается вопрос о допустимости оценки подобных благ не в абсолютных цифрах, а в диапазонных значениях, определяемых экспертами на основе вероятностных методов. Такой подход позволяет учитывать предположительную стоимость имущественного права с учетом его «волатильности». Однако внедрение подобных методик требует значительной методологической проработки – начиная от стандартизации расчетов и заканчивая определением допустимой погрешности.

Цифровая трансформация экономики привела к появлению большого количества объектов, которые лишь условно могут быть названы имуществом в классическом юридическом смысле. К ним относятся токены, NFT-активы, цифровые сертификаты, доступ к закрытым IT-платформам и иным ресурсам, представляющим значительную экономическую ценность. Передача таких активов в обмен на официальное действие или бездействие должностного лица создает уникальные правовые вызовы: стоимость цифрового объекта может изменяться в режиме реального времени, в ряде случаев отсутствует стабильный рынок, а сама оценка зависит от технических параметров и конъюнктуры, не поддающихся традиционным экспертным методам.

В этом контексте все чаще обсуждается необходимость нормативного закрепления расширенного перечня цифровых имущественных объектов, которые должны квалифицироваться как предмет взяточничества независимо от стабильности их рыночной стоимости. Аналогичная тенденция прослеживается в зарубежных правопорядках, где криптоактивы признаны полноправным объектом имущественных сделок, включая коррупционные.

Отдельную проблему представляют анонимность и трансграничность цифровых объектов. В отличие от традиционных материальных средств цифровые активы позволяют существенно затруднить выявление факта передачи взятки и путь ее движения. В этих условиях объект взяточничества может оставаться скрытым длительное время, а его цена – зависеть от обстоятельств, установление которых возможно только при проведении технически сложной экспертизы. Все

это подчеркивает необходимость интеграции цифрово-правовых знаний в сферу противодействия коррупционным преступлениям.

Ключевым квалифицирующим признаком такой услуги является ее имущественная природа, то есть возможность ее количественной оценки в денежном эквиваленте. Это отличает ее от услуг неимущественного характера (например, политической поддержки), которые не могут выступать предметом взятки.

Таким образом, оказание услуг имущественного характера как предмет взятки – это действие, направленное на удовлетворение имущественной потребности должностного лица, имеющее конкретную денежную оценку и оказываемое безвозмездно или по заниженной стоимости в связи с занимаемым им служебным положением.

Судебная и следственная практика позволяет выделить несколько устойчивых видов услуг имущественного характера, которые наиболее часто фигурируют в делах о взяточничестве. Классификация может быть проведена по содержательному признаку.

1. Бытовые и ремонтные услуги. Это одна из самых распространенных форм, включающая выполнение для должностного лица или членов его семьи строительных работ (например, возведение дачи или коттеджа), ремонт квартиры или автомобиля, проведение отделочных работ и иные аналогичные действия силами взяткодателя или привлеченных им специалистов.

2. Оплата расходов и предоставление досуговых услуг. К данной категории услуг относится полная или частичная оплата дорогостоящего лечения, санаторно-курортных путевок, туристических поездок, включая оплату проезда и проживания. Сюда же можно отнести организацию и оплату развлечений, ресторанного обслуживания, корпоративных мероприятий.

3. Финансовые услуги и освобождение от имущественных обязательств. Эта группа отличается значительной вариативностью и включает: предоставление кредитов или займов с заниженной процентной ставкой либо с отсрочкой платежа; прощение долга или исполнение обязательств должностного лица перед третьими лицами (например, погашение его кредита); намеренный проигрыш в азартные игры, «случайный» выигрыш, заключение фиктивных договоров на выполнение работ с выплатой вознаграждения.

4. Иные льготы и преимущества. Сюда относятся действия, ведущие к незаконной экономии средств должностного лица, например, занижение стоимости передаваемого ему имущества, стоимости аренды недвижимости или транспортных средств, предоставленных во временное пользование.

В научной среде вопрос о признании предметом взяточничества незаконных услуг, которые исключены из гражданско-правового оборота, является дискуссионным. В частности, к числу таких услуг можно отнести услуги сексуального характера. Ключевая проблема заключается в том, что такие услуги с правовой точки зрения не относятся к услугам имущественного характера, так как они не имеют материального выражения и не направлены на имущественные права. В этой связи дать им объективную денежную оценку, которая, по мнению Верховного Суда РФ [1], является необходимым условием признания услуги предметом взяточничества, невозможно, поскольку они нелегальны в России, не имеют легаль-

ного «рынка» и не являются объектом оценки в соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности».

В то же время Б.В. Волженкин полагал: «Предметом взятки здесь будет не сама услуга, а полученная должностным лицом материальная выгода – возможность пользоваться данной услугой безвозмездно» [2, с. 169]. Также автор отмечает, что осведомленность взяткополучателя об оплате этой услуги является обязательным условием для квалификации данных действий по ст. 290 УК РФ. П.С. Яни имеет схожую позицию и определяет в данном случае предмет взятки «не как собственно сексуальную услугу, предоставленную чиновнику, а как денежные средства, переданные взяткодателем в оплату подобной услуги. Если же эту услугу никто не оплачивал, то ее оказание нельзя будет расценить как получение или дачу взятки» [3, с. 23-28]. Аналогичной точки зрения придерживается и О.Х. Качмазов, который указывает, что принятие такой услуги, при условии, что должностное лицо осведомлено о ее оплате, должно квалифицироваться как получение взятки [4, с. 68].

Таким образом, если сексуальная услуга для должностного лица была оплачена третьим лицом, то предметом взятки следует считать не саму услугу, а полученную должностным лицом материальную выгоду в виде сэкономленных средств, которые он должен был заплатить за эту услугу. В такой ситуации взяткодателем признается лицо, оплатившее услугу, а стоимость взятки оценивается размером передаваемых исполнителю денег.

Данной позиции придерживаются большинство ученых, часть из которых пошли еще дальше, заключив, что «услуга имущественного характера будет и в том случае, когда должностное лицо было избавлено от необходимости оплаты сексуальных услуг и при этом оплата лицам, занимающимся проституцией, реально не производилась. В таком случае должностное лицо также получает имущественную выгоду в виде сохранения своих денежных средств, а следовательно, имеет место услуга имущественного характера, и соответственно, предмет взятки» [5, с. 130]. Что касается установления размера взятки, по словам М.А. Любавиной, то это вопрос доказывания в каждом конкретном случае: «Никто не отрицает наличие рынка нелегальных услуг, на котором действуют нелегальные расценки» [6, с. 11]. Мы разделяем данную точку зрения, но с небольшой оговоркой: услуги должны быть оказаны лицом, который в аналогичных случаях, в обычной жизни, «профессионально» занимается оказанием сексуальных услуг, то есть оказывает их за денежную сумму. Разделяя данную точку зрения, отметим: высший судебный орган ее отрицает, не видя в такой услуге, если так можно сказать, признака исчисляемости даже в том случае, когда она была кем-то оплачена.

Отрицает судебная практика и признание услуг киллера в качестве взятки. Как и в случае с сексуальными услугами, возникает неразрешимая проблема денежной оценки «услуг» киллера для целей квалификации по статьям о взяточничестве. Однако в данном контексте она теряет свою актуальность, поскольку содеянное в любом случае будет квалифицировано по более тяжким статьям (убийство, покушение на убийство, пособничество в убийстве и т.п.).

В практике уже встречались ситуации, когда должностное лицо воспользовалось услугами наемного убийцы, причем киллер оказал их бесплатно, так как заказчик занимал солидную должность. Именно такая договоренность была до-

стигнута между прокурором Затеречного района Владикавказа Ольгой Швецовой и представителем исполнителя [7, с. 4]. С учетом общепринятой судебной практики экс-прокурору не вменяли должностное преступление, кассационная инстанция подтвердила правильность привлечения к уголовной ответственности за подстрекательство к совершению убийства из корыстных побуждений [8].

Проблемным представляется и вопрос об «ином имуществе» как предмете взятки. В доктрине уголовного права ни у кого не вызывает сомнений, что предметом взятки могут выступать вещи, которые находятся как в свободном (что естественно), так и в ограниченном гражданском обороте. Но как быть по поводу вещей и имущества, которые изъяты из гражданского оборота? Ряд ученых не признают их предметами взятки либо по причине невозможности дать денежную оценку таким предметам [9, с. 76-77; 10, с. 84-85; 11, с. 162], либо из-за того, что, как минимум, некоторые из них лишены «потребительской стоимости» [12, с. 80] и, как следствие, ничтожны для финансового оборота. В качестве примера можно привести такие вещи, как фальшивые деньги, незаконно изъятые человеческие органы и т.д.

Авторы, которые предлагают признавать предметом взятки услуги незаконного характера, имущество с пороком оборота и иные блага с проблемой денежной оценки, крайне редко пишут о том, как при современных требованиях законодательства проводить денежную оценку указанных предметов. Так, В.В. Хилюта считал, что не нужно применять «стоимостную» концепцию оценки предмета взяточничества к нелегитимным в гражданском обороте благам и услугам. По мнению автора, требование Верховного Суда РФ о денежной оценке предмета взятки необходимо распространить только на легитимные предметы взяточничества [13, с. 43].

Как представляется, вопрос об отнесении к предмету взятки вещей и услуг, стоимость которых нельзя установить, поскольку они ограничены в обороте и их оборот противозаконен, на сегодняшний день не может быть решен положительно, о чем Пленум Верховного Суда РФ [1, п. 9] высказался довольно ясно, указав на необходимость применения для оценки предмета взятки объективных критериев, которые отсутствуют для указанных объектов (поддельные деньги, человеческие органы, услуги киллера).

Вместе с тем имеется случай, когда Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе приговор, которым гражданин был осужден за получение через посредника взятки в виде иного имущества, а таким имуществом признаны 7 г гашиша, хотя этот наркотик, по мнению стороны защиты, не мог расцениваться как иное имущество и не подлежал оценке в денежном эквиваленте [14].

В этой связи В.В. Панкратов выразил интересное мнение по данному вопросу: «Возможность объективной денежной оценки имущества с пороком оборота и иных благ, чья денежная оценка затруднена, необходимо устанавливать в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств дела. При этом источниками информации, которая позволит дать такую денежную оценку, могут быть любые информационные ресурсы, независимо от того, относятся ли они к легальному или теневому рынку, запрещены законодательством или нет. Главное – обеспечить получение, фиксацию, обработку и использование этой информации на основе методик, опирающихся на соответствующую нормативную базу» [15, с. 16]. Дан-

ная позиция, по нашему мнению, заслуживает поддержки, поскольку на сегодняшний день это самый реальный способ дифференцировать размер взятки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что услуги имущественного характера представляют собой сложный и многоаспектный предмет взятки, требующий тщательной оценки с точки зрения его стоимости и связи со служебным поведением должностного лица. Их использование усложняет процесс доказывания и способствует росту латентной коррупции.

Несмотря на достаточно детальную регламентацию в уголовном законе и разъяснениях Верховного Суда РФ, правоприменительная практика сталкивается с проблемами, связанными с оценкой стоимости таких услуг и имущества, доказыванием их обусловленности служебным положением и отграничением от легальных форм дарения. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики видится в развитии методик оценки имущественных выгод и имущества, изъятого из гражданского оборота, повышении эффективности оперативно-разыскных мероприятий, направленных на документирование фактов оказания подобных «услуг» и передачи такого имущества, а также в усилении профилактической работы по формированию антикоррупционного стандарта поведения.

Литература

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. – 2013. – № 154 (17 июля).
2. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. – Санкт-Петербург: изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 558 с.
3. Яни, П. С. Взяточничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. – 2017. – № 12. – С. 23-28.
4. Качмазов, О. Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. – Владикавказ: Иристон, 2000. – 216 с.
5. Бриллиантов, А. В., Четвертакова, Е. Ю. Уголовная ответственность за взяточничество: Монография. – Москва: РГУП, 2019. – 164 с.
6. Любавина, М. А. Квалификация взяточничества (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 157 с.
7. Сергеев, Н. Прокурорский заказ разместили в ста томах // Коммерсант [Электронное издание]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4529026 (дата обращения: 29.10.2025).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 июля 2023 г. № 5-УД23-48-А1 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).
9. Кибальник, А. Г. «Призраки» понимания взяточничества и коммерческого подкупа // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 76-77.

10. Лопашенко, Н. А. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 83-88.

11. Захарчук, С. Д. Проблемные вопросы определения предмета взяточничества // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 4. – С. 153–163.

12. Фарберова, Л. И. Получение взятки в виде денег: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2013. – Вып. 1. – С. 78–81.

13. Хилюта, В.В. Фальшивые деньги как предмет взяточничества // Законность. – 2017. – № 5. – С. 45–46.

14. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 84-О12-24 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

15. Панкратов, В.В. Предмет взяточничества: вопросы понимания и толкования // Российский юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 85–96.

Койчуев Алан Хусеевич,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Седых Татьяна Викторовна,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат политических наук

Роль потерпевшего в контексте принципов уголовного судопроизводства

Российская правовая система на сегодняшний день ориентирована на состязательность и защиту прав личности, роль потерпевшего прошла через постепенное развитие: от объекта защиты со стороны государства до субъекта с широкими процессуальными правами.

Институт потерпевшего – основной институт в уголовном судопроизводстве, на его существовании основывается возбуждение дела и его последующее разрешение.

Цель данной статьи заключается в анализе правового статуса потерпевшего с учетом принципов уголовного процесса, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. Исследование направлено на выявление связи между ролью потерпевшего и реализацией этих принципов, а также обозначение существующих в данной теме проблем.

Принцип состязательности сторон, закрепленный в ст. 15 УПК РФ, – основа современного судопроизводства. В соответствии с ним функции стороны обвинения, стороны защиты и суда отделены друг от друга. Потерпевший, согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, является самостоятельным участником стороны обвинения.

Наделение потерпевшего правами стороны, а не просто источника доказательственной информации значительно поменяло его правовое положение. Он может представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в судебных прениях, поддерживать государственное обвинение и приносить представления по вопросам, связанным с судебным разбирательством. Потерпевший формирует и отстаивает свою позицию.

Несмотря на все это, реализация данной роли сопряжена с различными проблемами. Неравенство ресурсов государственного обвинителя, обладающего властными полномочиями, и потерпевшего, который часто не имеет достаточной юридической грамотности, может уничтожить провозглашаемое равенство сторон. Поэтому важное значение приобретает принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему права на защиту.

Зачастую принцип обеспечения права на защиту ассоциируется с обвиняемым, но ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, включающего

в себя защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, дает ему расширительное толкование.

Потерпевший наделен правом на защиту своих законных интересов, которые могут быть нарушены преступлением, в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства. Это право реализуется различными путями:

– правом на представителя (ст. 45 УПК РФ), в том числе адвоката, который может оказать ему квалифицированную юридическую помощь;

– правом знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде, обжаловать действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда;

– правом на возмещение имущественного и морального вреда, причиненного ему преступлением (ст. 42 УПК РФ) [2].

То есть государство гарантирует потерпевшему средства для защиты своих прав, что соответствует конституционному принципу гарантирования государственной защиты прав и свобод человека (ст. 45 Конституции РФ).

Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ) для потерпевшего обладает особым значением. УПК РФ содержит прямой запрет на совершение действий и принятие решений, унижающих честь и достоинство участников судопроизводства. Это запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение в ходе следственных действий, обязательство по обеспечению безопасности потерпевшего (ст. 11 УПК РФ), вплоть до применения мер государственной защиты, недопустимость разглашения сведений о частной жизни потерпевшего без его согласия, особенно по делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

Этот принцип выступает не только в качестве процессуальной гарантии, но и как часть восстановительной функции правосудия, направленной на минимизацию возможности причинения страданий потерпевшему повторно в ходе разрешения дела [3].

Несмотря на то, что уголовный процесс носит состязательный характер, у органов предварительного расследования и суда есть обязанность обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела. Так, должностные лица обязаны принимать всевозможные меры для установления истины по делу, а не просто наблюдать за противоборством сторон.

Это возлагает на следователя и дознавателя обязанности по:

– принятию и проверке всех заявлений и ходатайств потерпевшего;

– истребованию и исследованию доказательств, на которые он ссылается;

– проверке как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого версий, в том числе и тех, которые могут повлиять на объем прав потерпевшего.

Потерпевший – инициатор деятельности государственных органов, направленной на установление объективной истины. Его активная позиция способствует реализации принципа всесторонности исследования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что роль потерпевшего в российском уголовном процессе является многогранной и глубоко интегрированной в систему его принципов. Потерпевший – не пассивный объект государственной защиты, а полноправный субъект уголовно-процессуальной деятельности, наделенный широким кругом прав для отстаивания своих законных интересов.

Его статус напрямую способствует реализации основных принципов уголовного процесса.

Несмотря на прогрессивное законодательное закрепление, на практике результативность участия потерпевшего зависит от различных факторов, включая его доступ к квалифицированной юридической помощи, уровень правосознания должностных лиц и реальную возможность влиять на ход процесса. Развитие уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на устранение этих противоречий, обеспечить реальное, а не условное равенство процессуальных возможностей, гарантировать потерпевшему восстановление его нарушенных прав и социальную реабилитацию.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б. Я. Гаврилова. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 542 с.

3. Лазарева, В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебник для вузов / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 260 с.

Колесников Владислав Александрович,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Мамонтов Денис Юрьевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел

Вербовка и вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений с использованием онлайн-игр и популярных мессенджеров

Необходимость защиты детей от негативного влияния взрослых, осознанная мировым сообществом и национальным законодателем, обусловила принятие ряда нормативно-правовых актов, направленных на пресечение преступной деятельности лиц, которая нарушает нормальное морально-нравственное и физическое развитие несовершеннолетних.

Стремительное развитие информационных технологий и Интернета, а также широкое внедрение в повседневную практику мобильных средств связи привели к глобальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности современного человека. Виртуальное пространство позволяет реализовывать разнообразные виды активности: осуществлять профессиональную деятельность, планировать и организовывать досуг, удовлетворять разнообразные потребности. Однако наряду с почти безграничным расширением возможностей онлайн-пространство потенциально может нести в себе и многочисленные опасности, в особенности для уязвимых категорий населения и в частности для несовершеннолетних.

В 2024 году численность геймеров превысила 3 млрд человек при общем населении планеты около 8 млрд [1]. С периода пандемии количество пользователей, играющих онлайн, увеличилось примерно на 33%. Виртуальные среды и цифровые каналы общения стали неотъемлемой частью жизни молодежи [2].

Вместе с тем интернет-пространство превратилось не только в площадку для соревновательных и кооперативных форм досуга, но и в среду с размытыми границами социальной ответственности, где возможны злоупотребления. Отдельные онлайн-игры и сообщества вокруг них используются в качестве инструментов радикализации и криминального вовлечения части молодого населения. По данным исследования, проведенного в 2024 году, более 40% подростков в России сталкивались с вербовкой в онлайн-организации [3].

Таким образом, проблема вербовки несовершеннолетних с использованием игровых и коммуникационных платформ имеет прикладное и междисциплинарное значение.

Анализ деятельности правоохранительных органов показывает, что значительное число правонарушений сегодня совершается с использованием современных цифровых технологий. Это касается не только дистанционных имущественных посягательств (например, мошенничества), но и более опасных форм проти-

воправного поведения. Вовлечение несовершеннолетних может приводить к содействию в совершении преступлений различной направленности – от экстремистских и террористических до преступлений против личности, включая причинение вреда здоровью.

Нередко своих «жертв» ищут среди детей, которые проводят свободное время в игровых чатах или на игровых стримах: ребятам предлагают «поиграть», но в реальной жизни, выставляют диверсию за какой-то квест, который позволит выйти на «новый уровень».

Внимание к проблеме последовательно усиливается и на уровне государственной политики: в п. 8 Указа Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 г.» акцентируется необходимость формирования у детей стойкого неприятия идеологии терроризма и экстремизма, а также противодействия вовлечению в деструктивные сообщества и преступные группировки [4].

Как показывает анализ правоприменительной практики и деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, вербовка несовершеннолетних чаще всего носит поэтапный, латентный характер. На первоначальном этапе устанавливается контакт и формируется доверие: это может происходить в публичных игровых чатах, кланах, гильдиях или через стриминговые платформы. Далее взаимодействие переводится в более закрытые каналы связи, где подростку предлагаются «безобидные» поручения либо символические роли, сопряженные с вознаграждением (в том числе во внутриигровой экономике).

Одним из наиболее распространенных способов вовлечения является предложение подростку «подработки» в качестве администратора сервера, сопровождаемое предложением перечисления средств на виртуальный счет в качестве «подарка» или «зарплаты». После легитимизации контакта следует постепенное повышение «ставок»: от выполнения технических поручений до действий, содержащих признаки противоправности.

Отдельное внимание следует уделить практике использования несовершеннолетних в качестве так называемых дропперов – подставных лиц, предоставляющих свои счета для транзита или обналичивания похищенных денег за вознаграждение. В подобных ситуациях подростки объективно оказываются соучастниками преступлений, зачастую не до конца осознавая юридические последствия.

Существенным фактором уязвимости выступают возрастные и психологические особенности. Подростки 12–15 лет острее реагируют на символическое признание, статус в группе, «элитность» и систему игровых наград. Визуальные и повествовательные компоненты некоторых игр (например, сюжетные линии, предполагающие достижение целей через агрессивные действия) могут, при отсутствии критического мышления, способствовать нормализации насилия, особенно в токсичных сообществах.

По сообщениям СМИ и аналитических материалов, в различных странах фиксируются попытки использования популярных игр (например, FreeFire, CallofDuty, GearsofWar, GrandTheftAuto V) для вовлечения подростков в противоправную деятельность. Значительная часть упомянутых проектов относится к шутерам, где игровой процесс строится вокруг вооруженного противостояния.

Среди российских подростков остаются популярными соревновательные шутеры, в том числе Counter-Strike 2, сюжетно выстроенная на противостоянии спецподразделений и террористов.

С правовой точки зрения вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в том числе экстремистской направленности, подпадает под действие уголовного законодательства. Юридическая оценка конкретных деяний зависит от фактических обстоятельств, роли и умысла лиц, вовлекающих несовершеннолетнего.

Параллельно следует учитывать, что вербовка может осуществляться не только в «агрессивных» по эстетике играх, но и в довольно нейтральных средах.

После установления психологической зависимости или доверия взаимодействие, как правило, переносится в мессенджеры. На практике часто упоминается Telegram, известный развитой системой приватности и групповых каналов; вместе с тем используются и другие платформы (Discord, WhatsApp и т.п.). Важно различать легитимное общение и признаки эскалации риска: перевод беседы в закрытые группы с анонимным модератором, «проверки лояльности», требования к действиям в офлайн-среде и т.п.

Главным инструментом вербовки в террористические организации в современное время стали социальные сети и мессенджеры, основными потребителями контента которых является молодежь.

Для подростков и молодых людей свойственно вести свои страницы открыто, они чаще публикуют персональную информацию, демонстрируют те или иные свои взгляды, ярко реагируют на тот или иной политический или околополитический контент, при этом не всегда могут отличить фейковые новости от реальных.

Социальные сети позволяют провокаторам свободно собирать интересующие их данные и еще на этапе планирования «вербовки» анализировать личные страницы потенциальных жертв, выбирая тех людей, которые демонстрируют активность, определенные политические, религиозные или иные взгляды и в то же время не имеют четких личностных позиций.

В открытых источниках периодически появляются сообщения о делах, связанных с участием несовершеннолетних в подготовке противоправных действий, в том числе в контекстах популярных игр. Имеются также сведения о привлечении к ответственности за пропагандистскую активность, направленную на склонение других подростков к насилию. Отдельные религиозно-идеологические группы (киберсекты) задействуют мессенджеры (например, Discord) для целенаправленного воздействия на несовершеннолетних.

Киберсекты – это не просто группы, стремящиеся к саморазвитию или поддержанию уникального хобби. Это организации, которые активно используют психологические трюки для вербовки своих жертв. Как правило, их привлекают:

– социальная изоляция: многие дети и подростки сталкиваются с трудностями в общении со сверстниками. Киберсекты предлагают им уютное место, где их принимают и понимают;

– индивидуальность: группы создают чувство уникальности и важности, обещая участникам особое место в «избранном» сообществе;

– эмоциональная поддержка: обещания дружбы и поддержки могут быть очень привлекательны для подростков, которые ищут выход из депрессии или тревоги.

К числу используемых техник относится и формат «игр альтернативной реальности» – AlternateRealityGames (ARG), когда задания выдаются онлайн, а выполняются в офлайн-среде. Фотографирование объектов инфраструктуры, слежение за маршрутом, сбор сведений – все это в ряде случаев может выходить за рамки законного поведения и требовать правовой оценки. Следовательно, ключевой задачей профилактики является распознавание ранних индикаторов и своевременное информирование законных представителей и правоохранительных органов.

В средствах массовой информации также упоминаются предотвращенные правоохранительными органами планы противоправных действий с участием подростков в различных регионах. В каждом случае сотрудники правоохранительных органов должны опираться на процессуально допустимые доказательства, обеспечивая одновременно защиту прав несовершеннолетних, в том числе презумпцию невиновности и недопустимость «навешивания ярлыков».

Рассматриваемое нами в настоящей работе явление имеет комплексную природу:

– технологическую (инструменты и платформы);

– социально-психологическую (уязвимости и мотивации);

– правовую (квалификация деяний и меры ответственности).

Для эффективного противодействия вербовке несовершеннолетних для совершения преступлений с использованием современных игр и мессенджеров считаем необходимым осуществлять:

– системную профилактику, включающую в себя совместную работу правоохранительных органов, педагогического состава учебных заведений, родителей в части пропаганды и повышения уровня медиаграмотности, поддержки позитивных игровых сообществ и т.п.;

– мониторинг с целью раннего выявления интересующих поисковых признаков в открытых частях игровых платформ и мессенджеров при строгом соблюдении требований закона в части персональных данных и тайны переписки;

– самое активное возможное взаимодействие с игровыми платформами и мессенджерами в части предоставления информации, представляющей оперативный интерес;

Только комплексный подход, сочетающий научно обоснованные методы, межведомственную координацию и уважение к правам несовершеннолетних, позволяет сдерживать риски и предотвращать вовлечение подростков в противоправную деятельность в цифровой среде.

Литература

1. В мире 3,32 миллиарда геймеров. – URL: https://vk.com/wall-203823831_17526 (дата обращения: 21.10.2025).

2. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 21.10.2025).

3. Киберсекты: как онлайн-игры становятся ареной вербовки детей. – URL: https://dzen.ru/a/aJblwSpB1VzmM_Xj (дата обращения: 21.10.2025).

4. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 г.: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 21.10.2025).

Корнеева Карина Владиславовна,
курсант 2 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Челпанова Марина Михайловна,
начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат экономических наук, доцент

Особенности обеспечения охраны общественного порядка участковым уполномоченным полиции в условиях курортного региона

Деятельность участкового уполномоченного полиции (далее – УУП) является фундаментальной основой системы Министерства внутренних дел в сфере обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности, следовательно, оказывает значительное влияние на правопорядок в стране. В условиях курортных регионов эта деятельность приобретает ряд уникальных особенностей, требующих специального научного и практического осмысления. В данной статье будут рассмотрены вопросы значения и форм деятельности участкового уполномоченного полиции, а также особенностей его функционирования в курортных регионах России.

В настоящий момент актуальность посещения курортных регионов и городов России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Республика Крым, Краснодарский Край, Татарстан и другие [1], является высокой и пользуется спросом среди населения России, стран СНГ, иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, в Республике Крым туристический поток в 2024 году составил более 6 миллионов человек, что на 16% больше, чем за аналогичный период 2023 года [2]. В Краснодарском крае показатель составил 10,4 миллиона отдыхающих, рост – 7% к прошлому году [3]. Республику Татарстан посетило 4,5 миллиона туристов, рост – около 12,5% [4]. Можно отметить тенденцию ежегодного роста количества граждан, посещающих данные регионы. Это связано не только с нестабильной международной ситуацией и доступностью курортов в РФ, но и с тщательным развитием туристического направления Правительством РФ, выраженным в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [5]. В свою очередь, экономическая значимость культурно-туристической отрасли диктует необходимость создания безопасной и комфортной среды отдыха.

Обеспечение охраны общественного порядка в условиях курортного региона УУП является важным элементом функционирования Министерства внутренних дел РФ, поскольку на данное должностное лицо ложится серьезная задача надлежащего обеспечения безопасности отдыха и эффективного противодействия разнообразным формам и видам противозаконной деятельности как местных жителей, так и лиц, прибывших к месту отдыха [6]. Однако стандартные алгоритмы

и формы работы УУП, эффективные в условиях стабильного городского или сельского социума, зачастую оказываются недостаточно результативными в специфике курортных регионов, которые ежегодно испытывают масштабный сезонный наплыв нерезидентного населения, увеличивающегося с каждым годом.

Применение различных форм работы УУП осуществляется в соответствии с Инструкцией по исполнению УУП служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке [7], адаптированной к особым условиям обслуживаемой территории. Анализ практики позволяет выделить ключевые формы деятельности, претерпевающие трансформацию в курортной среде. Особое внимание необходимо уделить обходу административного участка, местам массовых скоплений людей, участкам «особой опасности», на которых наиболее часто происходят правонарушения, торговым точкам. Производится информационно-разъяснительная работа с субъектами туристической инфраструктуры, владельцами гостиниц, хостелов, средств размещения, включая администраторов объектов общественного питания, по вопросам предупреждения правонарушений. Реализуется проведение профилактических бесед с различными категориями лиц, склонных к совершению преступлений, а также потенциальными жертвами данных преступлений.

Курортный регион как объект служебной деятельности характеризуется комплексом специфических факторов, кардинально меняющих оперативную обстановку.

1. Временный контингент, резко увеличивающий свое значение в комфортный для туризма период. Участковый в своей деятельности сталкивается с массой временно пребывающих на территории административного участка лиц, а не с постоянным –знакомым – контингентом. Это значительно затрудняет проведение профилактических работ, так как отсутствуют данные о моделях поведения и истории совершенных правонарушений и преступлений значительной части граждан. Для успешной профилактической работы УУП нужно не только знать свой участок, территорию, население и социальную ситуацию, но и иметь хорошую связь с жителями участка, знать их проблемы и потребности [8]. Отдыхающие не стоят на профилактическом учете, их социальные связи и поведенческие паттерны неизвестны, что сопряжено с повышенным криминальным риском.

2. Происходит смещение преступности в сторону, не типичную для «спокойных» регионов. На первый план выходят преступления и административные правонарушения в сфере потребительского рынка и оказания услуг, нарушения общественного порядка в местах массового отдыха, нарушения в сфере миграции и пребывания иностранных лиц и лиц без гражданства, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, мошенничества, разбои и грабежи, которые составляют стабильно высокий преступный уровень тяжких и особо тяжких преступлений. Так, показатели в Республике Крым/Краснодарском Крае/Республике Татарстан за 2022 год составили соответственно 2343/7010/2694 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 543/1900/976 – экономической направленности, 366/603/89 – незаконный оборот оружия, 948/995/634 – совершенные ИГ и ЛБГ, 32/21/26 – террористического характера [9].

3. В южных регионах существует ряд причин совершения преступлений, не свойственных иным регионах России, к которым относятся: непосредственная

географическая близость к зонам военных действий и контртеррористических операций; сосредоточение маргинальных масс из беженцев и вынужденных переселенцев; сезонность плотности населения за счет лиц, приехавших на сезонные заработки, и туристов; зависимость уровня материального благополучия местных жителей от интенсивности турпотока [10]. Наличие данных факторов накладывает необходимость обеспечения правопорядка не только в конкретный туристический сезон, но и в течение остального периода, что связано с политическими обстоятельствами, которые, в свою очередь, провоцируют совершение преступлений с использованием огнестрельного оружия и боеприпасов, преступлений террористической направленности.

Таким образом, обеспечение охраны общественного порядка УУП в курортном регионе имеет ярко выраженную специфику, обусловленную комплексом взаимосвязанных факторов: временный характер населения, обусловленный сезонностью и нестабильностью его количества; трансформация криминогенной обстановки, ярко выраженная направленность преступности, осуществляемой в конкретных сферах общественных отношений; географическое расположение и близость к зонам ведения военных действий и контртеррористических операций.

Литература

1. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411082489/ (дата обращения: 30.10.2025).
2. О развитии туристической отрасли в Республике Крым за 2024 год. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/mtur/container/2025/01/30/2025-01-30-17-48-05_1.pdf (дата обращения: 30.10.2025).
3. Администрация Краснодарского края. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1131/show/755476/ (дата обращения: 30.10.2025).
4. Официальный портал Казани. – URL: https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/doklady-s-dp/ob-itogakh-turisticheskogo-sezona-2024-goda-v-kazani/ (дата обращения: 30.10.2025).
5. Об утверждении перечня лечебно-оздоровительных местностей федерального значения, курортов федерального значения, курортных регионов: распоряжение Правительства РФ 2024 от 29 июля 2024 г. №1959-р. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409331899/ (дата обращения: 30.10.2025).
6. Особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях участковым уполномоченным полиции в курортном регионе. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osuschestvleniya-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-uchastkovym-upolnomochennym-politsii-v (дата обращения: 30.10.2025).
7. Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке. Приложение № 1 к приказу МВД России от 29.03.2019 № 205. – URL:

https://base.garant.ru/72288134/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 30.10.2025).

8. Организация деятельности по повышению эффективности профилактической работы участкового уполномоченного полиции на закрепленном за ним административном участке – URL: https://dspace.ufali.ru/xmlui/bitstream/ han-han-
dle/123456789/1280/Валеев%20РД_40.05.02_2023.pdf.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 30.10.2025).

9. Генеральная прокуратура РФ. Показатели преступности России. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/ (дата обращения: 30.10.2025).

10. Предупреждение преступности в городах-курортах. – URL: https://www.dissercat.com/content/preduprezhdenie-prestupnosti-v-gorodakh-kurortakh-rossii (дата обращения: 30.10.2025).

Корниенко Татьяна Андреевна,
студентка 3 курса направления «Юриспруденция»
филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе

Научный руководитель:
Потудинский Максим Валерьевич,
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе

Идентификация политического экстремизма с помощью политологической экспертизы

Правовые механизмы противодействия экстремизму, будучи необходимым инструментом, зачастую сталкиваются с комплексной проблемой: как отграничить экстремистскую деятельность от радикальной, при этом легитимной политической оппозиции или от социального протеста?

Чрезмерно широкое толкование экстремизма создает риски для свободы слова и плюрализма, в то время как излишне узкое может привести к безнаказанности групп, реально угрожающих основам конституционного строя.

В контексте рассматриваемой темы политологическая экспертиза приобретает роль критически важного аналитического ресурса. Ее задача – не подмена судебно-правовой оценки, а предоставление ей научно обоснованной, системной аргументации, раскрывающей идеологическую сущность и общественную опасность исследуемого явления.

Рассматривая сам термин «экстремизм», необходимо обратиться к действующему законодательству. Федеральный закон 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» признает тождественными понятия «экстремизм» и «экстремистских деятельность» и подразумевает под ними в п. 1 ст. 1 «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; и т.д.» [1].

Экстремизм – это идеология нетерпимости, которая может использовать любую значимую для людей идентичность (политическую, национальную, религиозную (этнорелигиозную), экономическую) как основу для разжигания вражды и оправдания насилия. Экстремизм многогранен, он может проявляться в самых разных сферах жизни человека и общества.

В контексте темы данной работы представляется целесообразным наиболее полно определить содержание понятия «политический экстремизм». Действия, охватываемые данным понятием, направлены на радикальное изменение государственного строя или политического режима, сложившейся социально-экономической системы.

При этом политический экстремизм представляет собой не только убежденность социальных субъектов в естественной правильности и единственной истинности своих идеологических установок, но и готовность в любой момент реализо-

вать свои «убеждения» на практике посредством применения открытого насилия или совершения действий, способствующих его эскалации (провокационных заявлений, пропаганды ненависти и межгрупповой розни, оправдания чужих экстремистских действий) [2].

Терроризм же выступает крайней, наиболее опасной формой экстремизма, что не раз признавалось российским законодателем, например, в новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, где в пункте 10 прямо указывается: «Наиболее опасным проявлением экстремизма является терроризм» [3].

В рамках исследуемой темы также важным является рассмотреть официальное понятие политологической экспертизы. В п. 15 «Национальный стандарт Российской Федерации. Роды судебных экспертиз. Термины и определения» закрепляется, что политологическая экспертиза представляет собой «род судебной экспертизы, включающий в себя исследования деятельности субъектов политического процесса в актуальном политико-правовом контексте для установления фактических данных, имеющих доказательственное значение в ходе судопроизводства» [4].

Политический экстремизм в рамках проведения политологической экспертизы будет является объектом.

Политический экстремизм представляет собой сложный, многогранный и социально опасный феномен, что делает его важным и востребованным объектом для политологической экспертизы.

Цель данной экспертизы – не просто констатация факта, а комплексный анализ, оценка рисков и выработка рекомендаций для органов власти и гражданского общества.

Такой анализ требует междисциплинарного подхода, сочетая методы политологии, социологии, психологии, права и лингвистики. Качественная экспертиза позволяет перевести обсуждение экстремизма из эмоциональной и силовой плоскости в плоскость рационального анализа, что является необходимым условием для выработки адекватных и эффективных мер противодействия этой угрозе демократическому обществу.

Проведение политологической экспертизы представляет собой многоэтапный процесс, сочетающий качественные и количественные методы. Во время исследования используются выработанные методологические подходы и методики политологических исследований в актуальном политико-правовом контексте.

При этом предметом политологической экспертизы можно назвать те данные и обстоятельства, которые необходимо установить экспертам, т.е. лицам, обладающим специальными знаниями в области политологии и различного рода отраслей политологической науки, в части своей компетенции. Эти объективные данные должны иметь значение в рамках уголовного или административного судопроизводства.

Под объектами политологической экспертизы понимают конкретные материалы, документы, процессы, которые и подвергаются исследованию. Обычно объектами выступают: видео-, фото- и аудиоматериалы, записи прямых эфиров в сети Интернет или телепередач, включая записи митингов, акций, протестов и т.д., пропагандистские материалы на физических носителях. Это могут быть газеты, листовки, брошюры, плакаты, карикатуры, программы политических партий или иных общественных объединений, уставные документы и пр.

Политологическая экспертиза назначается по уголовным делам, в которых квалифицирующим признаком в рамках субъективной стороны состава преступления выступает мотив ненависти и вражды по признакам идеологии, религии, расы, национальности или языка [5].

Таким образом, исходя из практической значимости и обширных возможностей, политологическую экспертизу без преувеличения можно назвать актуальной и весьма востребованной в нынешней социально-политической обстановке.

Как правило, она назначается в рамках расследования экстремистских преступлений, направленных против суверенитета, национальной безопасности и целостности Российского государства.

При этом, несмотря на разработанную методологию, политологическая экспертиза сталкивается с рядом вызовов и рисков.

1. Концептуальные вызовы или проблемы определения:

– большой проблемой является размытость границ. Важно практически понимать, где проходит грань между радикализмом (стремлением к кардинальным изменениям) и экстремизмом (готовностью использовать незаконные методы), между жесткой критикой власти и подрывной деятельностью, между консервативными ценностями и ксенофобией. Эти границы крайне расплывчаты и субъективны;

– многие выражения зависят от контекста. Одно и то же высказывание или действие может быть оценено по-разному в зависимости от исторического, политического и культурного контекста.

2. Проблема политической ангажированности:

– существует риск реализации «политического заказа». Эксперты могут испытывать прямое или косвенное давление с целью выдать нужный властям вывод. Это подрывает саму суть независимой экспертизы;

– расширительное толкование экстремизма сегодня может привести к созданию прецедента, который завтра будет использован против самих экспертов или любых инакомыслящих.

3. Правовые и этические вызовы:

– заметен и риск ошибочной квалификации. Ошибка эксперта может привести к уголовному преследованию человека, лишению свободы, запрету организации. Цена такой ошибки чрезвычайно высока;

– этическая дилемма, в основном затрагивающая демократические гарантии. Где найти баланс между защитой общества от реальных угроз (насилие, разжигание ненависти) и защитой фундаментальных прав и свобод (слова, собраний, совести)? Экспертиза, всегда стремящаяся «перестраховаться», может стать угрозой для гражданских свобод.

4. Методические сложности:

– встает вопрос о том, следует ли оценивать только буквальный смысл высказываний и действий или нужно пытаться определить истинные намерения автора? Как доказать этот «скрытый умысел»?

– экстремизм эволюционирует, деликатно отвечая на малейшие изменения общественных отношений. Современный экстремизм быстро адаптируется, используя договаривающиеся формулировки, иронию, юмористические изображе-

ния и выражения, эзопов язык. Прямых призывов к насилию может не быть, но общий нарратив будет явно экстремистским. Как эксперту это формализовать?

5. Внешние вызовы и вызовы среды:

– неумолимо внедряется во все аспекты общественной жизни цифровизация. Появление интернета и социальных сетей принесло множество радикальных изменений. Экстремистские идеи распространяются мгновенно, межнационально, в закрытых чатах и зашифрованных каналах. Мониторинг и анализ этого объема информации – тяжелая, масштабная задача;

– особенно актуальными в переходный для Российской Федерации период являются общественный раскол и поляризация, смена политической ориентации на первый взгляд дружественных стран, идеологический передел мира. В условиях такой высокой поляризации общества любая экспертная оценка будет воспринята в штыки одной из сторон. Экспертиза теряет доверие и авторитет, ее выводы рассматриваются сквозь призму «свой – чужой».

Таким образом, политологическая экспертиза представляет собой незаменимый инструмент для глубокой и всесторонней идентификации политического экстремизма. Она позволяет выйти за рамки формально-юридического анализа и вскрыть идеологические корни и общественный потенциал радикальных явлений. Важнейшими условиями эффективности и легитимности такой экспертизы являются ее строгая объективность, независимость от политической конъюнктуры и ориентация на защиту фундаментальных демократических ценностей, а не сиюминутных интересов. Дальнейшее развитие методологии должно быть направлено на создание верифицируемых алгоритмов анализа и адаптацию к быстро меняющемуся цифровому ландшафту политической коммуникации.

Литература

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция от 23.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).

2. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).

3. ГОСТ Р 71232-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Роды судебных экспертиз. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 05.02.2024 № 193-ст) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).

4. Галаева, О. В., Гулевская, В. В., Омельянюк, Г. Г. Судебная политологическая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – № 18(1). – С. 30–43.

5. Мазуев, А. А., Фарниев, С. А. Политический экстремизм: основные подходы к теоретическому осмыслению // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, № 1(30). – С. 29–31.

Корнилина Елена Николаевна,
курсант 3 курса
факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Шапошников Юрий Александрович,
преподаватель кафедры
физической подготовки
Волгоградской академии МВД России

Формирование целеполагания: ориентация на профессиональную мотивацию

Современная система подготовки курсантов в вузах силового профиля переживает заметную трансформацию, связанную не только с изменением стандартов образования, но и с переосмыслением целей профессионального становления. При внешней стабильности учебного процесса постепенно нарастает внутреннее противоречие: официально заявленные цели обучения ориентируют на развитие компетентного специалиста, способного принимать решения в нестандартных условиях, однако реальные мотивационные ориентации части курсантов смещаются в сторону минимизации учебных усилий. Это приводит к формированию устойчивой установки на получение зачета как основной учебной цели, даже в тех дисциплинах, которые напрямую определяют будущий уровень профессиональной ответственности [1].

Данное противоречие проявляется в феномене девиации целеполагания – явлении, при котором обучающийся подменяет значимые и содержательные цели формальными, ориентированными не на развитие профессионально значимых качеств, а на прохождение аттестационных процедур при минимуме усилий. Подобная подмена становится заметной уже на первых курсах и укрепляется под воздействием корпоративных норм, режима обучения, особенностей контроля и общей организационной культуры образовательного учреждения [2]. Вследствие этого учебная деятельность постепенно превращается в систему формальных действий, направленных на получение допуска, отметки, зачета, а не на освоение профессиональных умений, которые необходимы в реальной службе.

Актуальность данной темы обусловлена сразу несколькими группами факторов. Во-первых, девиация целеполагания напрямую влияет на качество подготовки будущих сотрудников. Если курсанты осваивают программу формально, упускаются ключевые элементы профессионального становления: развитие критического мышления, самостоятельность в принятии решений, способность к анализу сложных ситуаций, готовность действовать в условиях неопределенности. Это особенно значимо для силовых структур, где ошибки имеют высокую цену [3].

Во-вторых, подобное смещение учебных целей приводит к снижению общей эффективности образовательной среды: формализуется не только обучение, но и работа преподавателей, взаимодействие с кураторами, система оценивания. В итоге формируется замкнутый круг: учебные усилия курсантов снижаются, пре-

подаватели вынуждены адаптировать свои требования к реальной мотивации группы, а система контроля закрепляет формальный подход.

В-третьих, девиация целеполагания негативно отражается на профессиональной идентичности: курсант начинает воспринимать службу не как сферу ответственности, а как набор процедур. После выпуска это может привести к деформации служебного поведения и нарушению профессиональных стандартов, поскольку внутренняя готовность к ответственности так и не сформирована [4].

Цель настоящей научной работы заключалась в попытке раскрыть, каким образом возникает девиация целеполагания в образовательной среде силового вуза и почему значительная часть курсантов стремится не к развитию профессиональных физических качеств, а к получению формального зачета.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

– рассмотреть психологические и социальные механизмы подмены учебных целей;

– определить, какие особенности организации учебного процесса стимулируют ориентацию на минимальный результат;

– выявить влияние корпоративной культуры и норм курсантского сообщества на мотивацию;

– показать последствия смещения учебных целей для профессионального развития;

– обозначить основные направления коррекции учебной мотивации.

Проблема искажения целей проявляется не внезапно, а формируется постепенно, как результат сочетания внешних и внутренних факторов. Со стороны кажется, что курсанты сознательно выбирают путь минимального сопротивления, однако на самом деле модель поведения складывается под давлением организационной среды, не всегда совпадающей с официально заявленными целями подготовки. Учебный процесс структурирован таким образом, что ключевые стимулы – оценки, отчеты, зачеты – оказываются мощнее содержания дисциплины, из-за чего формируется устойчивая установка: главным становится прохождение процедур, а не рост компетентности [5].

В основе девиации лежит разрыв между декларируемыми ценностями профессиональной подготовки и теми сигналами, которые реально посылает система контроля. Когда система проверяет не глубину понимания материала, а способность воспроизвести определенную форму отчетности, логично, что курсанты начинают ориентироваться на форму. Появляется так называемая стратегия «безошибочного выживания»: выполнение заданий в минимальном объеме, ориентация на устойчивые схемы, отсутствие попыток выйти за пределы требований. Во внутреннем плане такая стратегия воспринимается как рациональная, поскольку позволяет экономить время и силы при сохранении приемлемого учебного статуса [6].

Одним из ключевых факторов, поддерживающих девиацию, выступает особенность образовательной организации силового профиля. Высокая степень регламентации и жесткий распорядок изначально формируют в сознании курсантов ориентацию на одобрение внешней системы, а не на развитие внутренних мотивов. При постоянной необходимости соответствовать уставным требованиям учебная мотивация становится вторичной: первичной оказывается задача избегать наказаний, замечаний, снижения рейтинга. Когда внимание курсантов сосредото-

чено на дисциплинарной стороне жизни, учебная активность неизбежно сокращается [7].

Немаловажную роль играет и фактор групповой динамики. Курсантские группы обладают ярко выраженными корпоративными нормами, которые формируют определенный взгляд на учебный процесс. Если в группе доминирует стратегия «главное – сдать», она быстро становится нормативной. Курсанты, демонстрирующие избыточную учебную активность, воспринимаются как отклоняющиеся от внутренней нормы, что нередко ведет к социальному давлению, шуткам, дистанцированию. В результате происходит выравнивание поведения: большинство принимает модель формального выполнения заданий как оптимальную и безопасную [8]. Такое давление способствует тому, что даже мотивированные обучающиеся постепенно снижают активность, подстраиваясь под общую линию.

Психологический механизм подмены целей часто связан с феноменом «внешней мотивации». Курсант стремится выполнить задание ради оценки, зачета или похвалы, а не ради освоения навыка. Внешние стимулы, регулярно подкрепляемые системой, вытесняют внутренние и создают ситуацию, при которой само содержание обучения утрачивает личностную значимость. Подобный механизм подробно описан в ряде работ по образовательной психологии: если преобладают внешние поощрения, внутренняя мотивация постепенно угасает [9]. В итоге курсант воспринимает обучение не как путь к профессиональному росту, а как набор обязательных процедур.

Следует учитывать и влияние когнитивных факторов. В первые месяцы обучения у курсантов происходит резкое повышение нагрузки: дисциплина, строевая подготовка, постоянный контроль, новые правила поведения. Психика стремится снизить напряжение, и самым быстрым вариантом становится сокращение глубины учебного включения. Когда ресурсов не хватает, перераспределение усилий выполняется автоматически: учебная деятельность страдает первой. Возникает ощущение, что «главное – пережить период адаптации».

Однако данная установка закрепляется и сохраняется, превращаясь в устойчивую привычку – выполнять задания так, чтобы «пройти», а не чтобы «понять».

Особого внимания заслуживает влияние формы отчетности. Когда итогом обучения становятся исключительно сдача нормативов и оценка техники боевых приемов борьбы, курсанты начинают воспринимать эти элементы как единственный ориентир для подготовки. В результате все остальное многообразие учебной программы: развитие общей выносливости, силовых качеств, гибкости, теоретическое понимание основ рукопашного боя и тактики – рискует быть отодвинутым на второй план. Фокус смещается на узкую демонстрацию результата, а не на целостное физическое развитие и формирование устойчивых прикладных навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности [10].

Нельзя обходить стороной и роль преподавателя. При отсутствии обратной связи, недостаточной гибкости форм оценивания, автоматизме контрольных процедур курсанты начинают воспринимать преподавателя как формального арбитра, а не как носителя опыта и знаний. Это снижает учебную инициативу, усиливая ориентацию на минимальный результат. Если преподаватель оценивает только фиксацию результата, а не процесс освоения навыка, мотивация к развитию закономерно падает [11].

Девиация целеполагания проявляется не только в выборе минимально достаточного уровня учебной активности, но и в характере восприятия дисциплин. Курсанты часто делят предметы на «важные для службы» и «второстепенные», причем критерий важности определяется не содержанием курса, а вероятностью строгой проверки, требовательностью преподавателя или формальностью зачета. Такая логика побуждает перераспределять учебные ресурсы не в пользу развития ключевых компетенций, а в пользу дисциплин, где высок риск получить незачет. Возникает своеобразная карта учебных приоритетов, основанная на ожиданиях наказаний, а не на понимании профессиональной значимости знаний [12].

Нередко формальный подход подкрепляется самим режимом обучения. Плотный график, интенсивная строевая подготовка, периодические наряды ведут к хронической усталости. При дефиците отдыха психика автоматически выбирает стратегию экономии сил. В учебной сфере это приводит к сужению круга целей: выполняется то, что необходимо в ближайшей перспективе, причем выполняется в минимально допустимом объеме. Подобное поведение не является проявлением лени, оно скорее отражает естественную реакцию организма на перенапряжение. Однако последствия этой адаптационной реакции оказываются существенными для качества подготовки [13].

Дополнительным фактором служит разрыв между реальными профессиональными задачами и теми формами учебной активности, которые предлагаются курсанту. Когда учебный процесс чрезмерно теоретизирован или оторван от служебного контекста, мотивация к глубокому освоению материала снижается. Курсанты хотят видеть связь дисциплины с будущей службой и быстро разочаровываются, если эта связь недостаточно очевидна. Вследствие этого растет ощущение, что обучение – это формальная обязанность, а настоящие навыки появятся позже, уже на службе. Такая установка значительно усиливает девиацию: цели смещаются в область «выполнения программы», а развитие компетенций откладывается на неопределенное время [14].

Следующим источником девиации становится несоответствие между декларируемыми целями комплексного физического развития и реальным содержанием учебно-тренировочного процесса. Формально программа ориентирована на формирование разносторонней физической готовности, включающей выносливость, силу, ловкость, тактическое мышление и способность применять навыки в нестандартных ситуациях. Однако на практике основное внимание уделяется строго регламентированным упражнениям: механическому повторению нормативов и отработке приемов по заданному шаблону. Контрольные и проверочные мероприятия чаще оценивают не умение адаптироваться и действовать в условиях меняющейся обстановки, а способность точно воспроизвести заранее отработанные движение или выполнить упражнение в идеальных условиях. В такой системе приоритеты находчивости смещаются: развитие гибкого двигательного интеллекта и тактической находчивости отходит на второй план, а главной целью становится демонстрация стандартизированного результата в условиях жестко ограниченного времени и формата [15].

Стоит обратить внимание и на психологическую динамику развития самосознания курсантов. Период обучения в силовом вузе – время активного формирования идентичности, поиска своего места в системе служебных отношений. Ко-

гда идентичность строится преимущественно на внешних атрибутах – форме, дисциплине, субординации, – внутренняя мотивация к профессиональному росту отступает на второй план. Личностная зрелость развивается неравномерно, а стремление избегать трудных учебных задач может быть связано с недостатком уверенности, страхом ошибиться или неопределенностью в отношении будущей службы.

Девиация целеполагания в таком случае выполняет защитную функцию, помогая сохранить психологический комфорт за счет ограниченного учебного включения [16].

Влияние имеет и скрытая программа обучения – совокупность негласных правил, ожиданий, норм поведения, не прописанных в официальных документах. В скрытой программе часто фиксируются установки: «главное – не нарушать», «не выделяйся», «соблюдай порядок». Эти установки оказывают многолетнее влияние на развитие курсантов. Они не направлены на обучение инициативности, ответственности, профессиональной рефлексии. Напротив, они подталкивают к осторожности и ориентации на правило, что приводит к сужению внутренней свободы принятия решений. В такой среде трудно развивать самостоятельное целеполагание, и оно естественным образом деградирует в сторону простых, формальных задач.

В завершение анализа факторов, влияющих на девиацию целеполагания, важно отметить влияние системы поощрений и наказаний. Механизм жесткой дисциплины ориентирует на соблюдение порядка, но не всегда способствует развитию ответственности именно в учебной деятельности. Курсанты быстро понимают, что нарушения строевого режима или распорядка дня влекут реальные санкции, тогда как поверхностное освоение учебного материала зачастую остается незамеченным. Возникает дисбаланс: энергия направляется на поддержание дисциплины, а учебная сфера отходит на второстепенные позиции. Это формирует модель поведения, при которой ценность знаний отходит на второй план, а приоритет отдается избежанию наказаний [17].

Важным следствием подобных условий становится притупление внутренней мотивации. Когда процесс обучения воспринимается как обязанность, а не как пространство профессионального роста, формируется эмоциональное выгорание. Оно проявляется в снижении интереса к содержанию дисциплины, желании минимизировать учебные усилия, избегании сложных задач. Девиация закрепляется как способ сохранения ресурсов в условиях постоянного внешнего давления [18].

Проведенный анализ демонстрирует, что девиация целеполагания в среде курсантов формируется под воздействием множества взаимосвязанных факторов. Системная регламентация, высокая нагрузка, ориентированность на отчетность, доминирование внешней мотивации, особенности групповой динамики и скрытой учебной программы – все это создает условия, при которых получение формального зачета становится для обучающихся рациональной целью.

В таких условиях профессиональное развитие отходит на второй план, а учебный процесс воспринимается как набор процедур, которые необходимо пройти при минимальных усилиях.

Проблема девиации не является следствием личных качеств отдельных курсантов. Она имеет системный характер, коренится в образовательной среде и ор-

ганизационных практиках. Система требований нередко поощряет формальные стратегии: успешность связывается не с глубиной знания материала, а с соблюдением дисциплины и выполнением регламентов. Это создает устойчивые поведенческие модели, которые продолжают оказывать влияние и после завершения обучения.

Преодоление данной проблемы возможно только через преобразование самой структуры целеполагания в образовательном процессе. Необходима ориентация на формирование профессиональной мотивации, на демонстрацию значимости учебной дисциплины для будущей службы, на создание условий для развития самостоятельного мышления и ответственности. Повышение роли практико-ориентированных заданий, развитие диалога между преподавателем и курсантами, внедрение гибких форм оценивания способствуют снижению влияния девиации и возвращают обучение к его подлинным целям – формированию компетентного и профессионально зрелого сотрудника.

Литература

1. Абакумова, И. В., Ермаков П. Н. Психология образования в инновационной среде. – Москва: Юрайт, 2021.
2. Анисимов П. В. Мотивационные ориентиры курсантов ведомственных вузов // Вестник МВД. – 2022. – № 4. – С. 33–41.
3. Беляков, С. А. Педагогические технологии профессиональной подготовки сотрудников органов правопорядка. – СПб.: СПбУ МВД России, 2023.
4. Бочкарева, Е. Я. Образовательная среда и её влияние на формирование профессиональной идентичности // Alma Mater. – 2021. – № 12. – С. 76–81.
5. Галкин, А. В. Формализация учебной деятельности курсантов: причины и последствия // Психология и право. – 2022. – № 2. – С. 55–66.
6. Дмитриева, О. В. Внешняя и внутренняя мотивация в профессиональном образовании. – Москва: Проспект, 2021.
7. Ефимов, А. С. Социально-психологический климат в военных и силовых образовательных учреждениях. – Москва: РУСАЙНС, 2024.
8. Жукова, М. И. Девиации учебного поведения: социальные механизмы // Психология развития. – 2023. – № 1. – С. 92–104.
9. Зотов, П. Е. Профессиональная социализация курсантов: вызовы современности. – СПб.: Полицентр, 2021.
10. Карпов А. В. Саморегуляция и целеполагание в учебной деятельности. – Москва: Юрайт, 2023.
11. Киселев, И. В. Психология служебной деятельности. – Москва: Логос, 2025.
12. Литвинова, Н. С. Профессиональная мотивация сотрудников силовых структур на ранних этапах подготовки // Вестник ВА МВД России. – 2024. – № 3. – С. 18–25.
13. Малыхина, Д. Ю. Педагогические риски цифровизации образования // Педагогика. – 2022. – № 10. – С. 14–22.
14. Назаров, Е. Р. Стратегии учебного поведения курсантов // Психология обучения. – 2021. – № 6. – С. 49–58.

15. Орлов, А. А. Профессиональные деформации на этапе обучения // Психология труда. – 2022. – № 2. – С. 33–40.

16. Петрова, Л. Н. Социально-психологическая адаптация курсантов. – СПб.: Изд-во СПбУ МВД России, 2023.

17. Романов, В. К. Учебная мотивация в условиях жёсткой регламентации // Ведомственный вуз сегодня. – 2024. – № 1. – С. 11–19.

18. Тарасов, И. П. Психология отклоняющегося поведения в образовательной среде. – Москва: КноРус, 2023.

19. Федотова, С. В. Формирование профессиональной идентичности в условиях профессионального образования. – Москва: Юрайт, 2024.

Короленко Анастасия Александровна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Сотникова Юлия Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат филосософских наук

Внедрение цифровых технологий в сферу ритуальных услуг как фактор, влияющий на уровень преступности

Цифровизация ритуальной сферы, исторически консервативной и регулируемой религиозно-культурными нормами, на первый взгляд выглядит парадоксом. Однако именно ее традиционная закрытость и связь с теневыми практиками сегодня делают этот процесс объектом криминологического осмысления. Мошенничество при организации похорон, незаконные захоронения или вандализм наносят двойной удар, причиняя страдания и подрывая доверие к институтам, обнажая их уязвимость.

Похоронное дело – это не совсем та область, от которой люди ждут инноваций. Во-первых, о ней в принципе нечасто думают, потому что похороны случаются редко, а в счастливые времена о них осознанно предпочитают не вспоминать. Во-вторых, похоронное дело сильно ритуализировано, а религиозные нормы и народные обычаи не особо склонны к инновациям.

Но подобное представление о похоронах не совсем верно. Оно не учитывает культурного обмена: безусловно, обычаи и традиции эволюционируют медленно, но перенимаются довольно быстро. В эпоху глобализации «подсмотреть» у соседа ту или иную традицию – как и любую идею для бизнеса – дело столь же обычное, сколь и подражать его моде. А если большинство потребителей на каком-то рынке предпочитает не думать о чем-то неприятном, это вовсе не означает, что производитель поступает так же.

Физические сервисы для создания онлайн-объявлений и мемориалов дают возможность родным и близким сохранять свои воспоминания, фотографии и видео, а также поддерживать связь через цифровые каналы. Использование QR-кодов на памятниках, ведущих к таким мемориальным страницам, позволяет сохранить память о человеке на длительный срок.

Исследовательский интерес в этой связи фокусируется на том, как цифровые инструменты способны менять саму криминогенную среду. Речь идет о новой управленческой парадигме, основанной на данных и контроле, потенциально трансформирующей уязвимую область в защищенную. Как отмечает П.В. Парыгина, правовое регулирование здесь только складывается, что актуализирует задачу выявления конкретных антикриминальных механизмов цифровых решений [1, с. 317]. Фундаментальную роль играет создание комплексных электронных ре-

естров, заменяющих уязвимую бумажную документацию. Интегрированная платформа, объединяющая данные от медицинского свидетельства до разрешения на захоронение, формирует верифицируемый цифровой след. Каждая операция получает временную метку, что исключает возможности для фиктивных захоронений или сокрытия смерти. Автоматизированная сквозная проверка резко сужает пространство для коррупционного вмешательства, перенося в ритуальную сферу опыт иных социальных отраслей и переводя административные процессы в контрольно-надзорную плоскость [2, с. 29].

Внедрение цифровых технологий в сферу ритуальных услуг меняет традиционный подход к организации похорон и сохранению памяти об усопших. Рассмотрим направления такого внедрения:

– IT-платформы для организации похорон. Мобильные приложения и веб-платформы упрощают организацию похорон. Через них можно выбрать все необходимые услуги, согласовать время церемонии, заказать поминальный обед. Система отправляет уведомления о каждом этапе подготовки, что снижает стресс для родственников;

– онлайн-трансляция похорон. Многие ритуальные службы предлагают прямые трансляции похорон для тех, кто не может приехать лично из-за расстояния, состояния здоровья или других обстоятельств;

– цифровые мемориалы и QR-коды на могилах. Виртуальные кладбища становятся современной формой увековечивания памяти. На специализированных сайтах создаются персональные страницы усопших, где можно разместить фотографии, биографию, воспоминания друзей и родных;

– инновации в изготовлении памятников. 3D-технологии открывают новые возможности в создании памятников. Трехмерное моделирование позволяет увидеть проект надгробия до его изготовления, внести правки и получить именно тот результат, который задумывался;

– технологии психологической поддержки. Чат-боты и виртуальные помощники на базе искусственного интеллекта помогают людям справляться с горем. Они доступны круглосуточно, предлагают техники преодоления стресса, медитации, дыхательные упражнения.

Онлайн-платформы также трансформируют рынок услуг, устраняя экономические предпосылки преступной деятельности. До цифровизации потребитель в состоянии стресса часто оказывался заложником локальных агентов, что порождало ценовые сговоры. Официальные каталоги с фиксированными ценами разрушают монополию на информацию – ключевой инструмент давления. Гражданин получает возможность сравнительного анализа, лишаясь статуса беспомощной жертвы. Как указывают Л.В. Иваненко и А.А. Иваненко, это формирует иную модель поведения, ориентированную на рациональный выбор [3, с. 45]. Конкуренция смещается в плоскость качества сервиса, а не контроля через неинформированность.

Развитие виртуальных пространств поминовения, как показывает Т.В. Чумакова, обладает собственным криминологическим измерением [2, с. 28]. Перенос части мемориальных практик в цифровую среду – создание онлайн-архивов, виртуальных памятников – снижает риски вандализма в физическом мире. Даже при осквернении материального объекта цифровая память остается не-

тронутой, что психологически амортизирует ущерб и лишает вандалов ощущения тотального разрушения.

Кардинальное реформирование законодательства о похоронном деле в Российской Федерации и законодательства о погребении в субъектах Российской Федерации, по нашему мнению, позволит именно противодействовать (но не бороться) фактической криминализации похоронного дела. Это важно еще и потому, что похоронное дело в Российской Федерации многоаспектная проблема (нравственные, политические, религиозные, юридические и др.). Но приоритет в противодействии криминализированному похоронному делу все-таки принадлежит правовому регулированию.

Однако антикриминальный потенциал технологий не реализуется автоматически. Требуется адекватный правовой каркас, регламентирующий статус электронных документов и ответственность за киберпреступления [1, с. 320]. Параллельно необходимо формирование цифровой культуры среди сотрудников, чья роль трансформируется от исполнителя к оператору данных. Такой сотрудник становится частью системы контроля, а его профессиональная этика начинает включать ответственность за целостность цифрового контура.

Иностранный опыт, например немецкий, демонстрирует корреляцию между уровнем цифровизации и снижением числа правонарушений [4, с. 108]. Практика управления централизованными реестрами через муниципалитеты, использование цифровых карт кладбищ создает среду, где двойная продажа участка или захоронение без документов становятся технически трудными. Цифровизация, устраняя традиционные формы мошенничества, может порождать и новые: фейковые сайты, кибератаки на базы данных. Противодействие им требует развития цифровой грамотности и усиления киберполиции. Но эти риски – производные от прогресса, тогда как базовые, более массовые формы криминала цифровизация блокирует на системном уровне.

Таким образом, цифровизация ритуальных услуг может способствовать уменьшению уровня организованной преступности за счет придания сфере ритуальных услуг прозрачности. Цифровые технологии не отменяют человеческого участия и эмпатии, но делают ритуальную сферу более открытой, удобной и помогают сохранить память об ушедших для будущих поколений. При системном подходе цифровизация способна превратить пространство, ассоциируемое со смертью, в территорию правопорядка и защищенного достоинства.

Литература

1. Парыгина, П. В. К вопросу о правовом регулировании цифровизации кладбищ / П. В. Парыгина // LawAfterknown: право за гранью обыденного: материалы III Международного молодежного юридического форума. – Тюмень, 2024. – С. 316-321.

2. Чумакова, Т. В. «Виртуальное православие»: сохранение и трансформация религиозно-культурной традиции / Т. В. Чумакова // Проблемы сохранения и трансляции культуры в цифровую эпоху: материалы IV международной конференции. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 26–31.

3. Иваненко, Л. В. Формирование инновационных подходов к цифровизации ритуального бизнеса / Л. В. Иваненко, А. А. Иваненко // Основы экономики, управления и права. – 2025. – № 1(44). – С. 44-49.

4. Иванов, А. А. Анализ зарубежного и отечественного опыта цифровизации комплекса ритуальных услуг на примере России и Германии / А. А. Иванов, И. И. Раянова // Молодежная неделя науки ИПМЭиТ. Сборник трудов Всероссийской студенческой научно-учебной конференции. В 6-ти частях: материалы конференции. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 107-109.

5. Абросимова, Н. Г. Модернизация сферы ритуальных услуг в новых реалиях потребительского поведения / Н. Г. Абросимова, К. С. Карпова // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XVII Международной конференции. – Екатеринбург, 2023. – С. 460-461.

Котова Светлана Игоревна,
курсант 4 курса
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель:
Сысоев Алексей Александрович,
врио начальника
кафедры тактико-специальной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

Организационная структура, роль и задачи единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

В настоящее время никто не может быть полностью застрахован от воздействия природных и техногенных катастроф, именно поэтому обеспечение безопасности населения и территории является одной из основных обязанностей государства. Вопросами предупреждения чрезвычайных ситуаций, их ликвидации, а также поддержанием гражданской обороны занимается Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций**.**

Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) представляет собой организационно-правовой механизм, включающий органы государственной власти, силы и средства, предназначенные для защиты населения и территорий от последствий природных и техногенных катастроф [1, с. 28]. Основная цель функционирования данной системы заключается в предупреждении возникновения чрезвычайных ситуаций, снижении масштабов ущерба от их проявления, а также оперативной ликвидации последствий [2, с. 366].

РСЧС имеет сложную многоуровневую структуру, включающую функциональные и территориальные подсистемы, которые действуют на пяти уровнях: федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом. Каждый уровень объединяет органы, выполняющие специфические функции: координационные, управленческие, оперативного (повседневного) управления, а также обеспечивающие связь, оповещение, информационное сопровождение и управление материальными и финансовыми резервами.

На федеральном уровне осуществляется общее руководство и координация всей системы. К постоянно действующим органам данного уровня относятся Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), а также структурные подразделения федеральных органов исполнительной власти и уполномоченные организации. Повседневное управление обеспечивается Национальным центром управления в кризисных ситуациях, ситуационными центрами, информационно-диспетчерскими службами федеральных органов власти и специализированных организаций.

Межрегиональный уровень представлен территориальными органами МЧС России и региональными центрами по делам гражданской обороны, чрезвычай-

ным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Координацию текущей деятельности на данном уровне осуществляют центры управления в кризисных ситуациях региональных центров.

На региональном уровне функционируют территориальные органы МЧС России и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные решать задачи в области гражданской обороны и защиты населения. Оперативное управление обеспечивают центры управления в кризисных ситуациях главных управлений МЧС России по субъектам РФ, а также дежурно-диспетчерские службы и информационные центры региональных органов власти.

Муниципальный уровень включает органы местного самоуправления, наделенные полномочиями в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. К органам повседневного управления относятся единые дежурно-диспетчерские службы муниципальных образований, обеспечивающие оперативное реагирование и координацию действий на местах.

РСЧС выполняет следующие основные задачи.

1. Формирование и развитие национальной системы устойчивости к чрезвычайным ситуациям. Задача заключается в создании научно обоснованных механизмов адаптации территориальных и отраслевых подсистем РСЧС к динамически изменяющимся природным, техногенным и социальным рискам. Реализация включает прогнозирование последствий климатических, техногенных и биологических угроз, разработку сценариев устойчивого функционирования критически важных инфраструктур и формирование интегрированных систем мониторинга.

2. Совершенствование риск-ориентированного управления безопасностью. Необходимо разработать и внедрить методы количественной оценки рисков возникновения чрезвычайных ситуаций с использованием математического моделирования, больших данных и геоинформационных систем. На этой основе осуществляется приоритизация мероприятий по снижению рисков, оптимизация распределения ресурсов и повышение эффективности превентивных мер.

3. Развитие систем информационно-аналитической поддержки принятия решений. Задача предполагает создание комплексных цифровых платформ для сбора, обработки и интерпретации данных о состоянии природной среды, техногенных объектов и социальной инфраструктуры. Это включает внедрение технологий искусственного интеллекта для автоматического прогнозирования ЧС и поддержки управленческих решений в режиме реального времени.

4. Формирование культуры безопасности и повышение общественной готовности к действиям в ЧС. Целью является развитие механизмов социально-психологической адаптации населения к потенциальным чрезвычайным ситуациям, формирование ответственного поведения и навыков самозащиты. Для этого требуется интеграция просветительских и тренинговых программ в систему образования, профессиональной подготовки и общественных коммуникаций.

5. Разработка и внедрение инновационных технологий ликвидации последствий ЧС. Задача направлена на научно-техническое обеспечение аварийно-спасательных работ с применением робототехнических комплексов, беспилотных систем, биотехнологий и средств дистанционного зондирования. Особое внима-

ние уделяется созданию мобильных модулей жизнеобеспечения и экологически безопасных технологий восстановления нарушенных территорий.

Помимо перечисленных функций, на комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций могут возлагаться дополнительные задачи по решению Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, исполнительных органов субъектов Федерации и органов местного самоуправления [3, с. 30–33].

Для эффективной защиты населения и территорий, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций, функционирование РСЧС основывается на ряде принципов.

1. Мероприятия, направленные на предупреждение чрезвычайных ситуаций и снижение ущерба от природных и техногенных катастроф, должны проводиться на постоянной основе и в режиме повышенной готовности.

2. Разработка и реализация программ по защите населения и территорий должны учитывать экономические, природно-климатические, инфраструктурные и иные особенности регионов, а также реальную вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций.

3. Содержание и масштаб программ по защите населения и территорий определяются исходя из достаточности и эффективности имеющихся сил и средств гражданской обороны.

4. В случаях, когда собственных ресурсов органов РСЧС недостаточно, к выполнению задач привлекаются иные органы исполнительной власти.

5. Применение сил и средств гражданской обороны осуществляется строго в соответствии с нормами федерального законодательства.

Таким образом, Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций представляет собой комплексную многоуровневую структуру, направленную на защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Она объединяет различные органы и организации, выполняющие широкий спектр задач, связанных с предупреждением, минимизацией последствий и ликвидацией природных и техногенных катастроф, а также с подготовкой населения к действиям в условиях таких ситуаций.

Литература

1. Кудрявцев, А. Н., Мингалеев, С. Г. Совершенствование и развитие Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на современном этапе // Технологии гражданской безопасности. – 2021. – № 1(67). – С. 27-31.

2. Алексеев, С. П. Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Молодой ученый. – 2015. – № 6(86) – С 366–370.

3. Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: учеб. метод. пособие / сост. П. А. Щепин, С. В. Метлушин, С.В. Урванцева, С. В. Широбоков, Д. Р. Мерзлякова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». – 2011. – 112 с.

Кудрявцев Алексей Денисович,
Шевчук Дмитрий Валентинович,
курсанты 4 курса
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь

Научный руководитель:
Тит Александр Александрович,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

Вопросы постановки на профилактический учет лиц, отбывших наказание

Согласно статье 19 Закона Республики Беларусь № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 04.01.2014 г. (далее – Закон № 122-З) органы внутренних дел (далее – ОВД) обеспечивают контроль за прибытием граждан, освобожденных из исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов, к избранному месту жительства [1].

Данная обязанность возложена на ОВД по ряду причин. Первой причиной является необходимость контроля за соблюдением данной категорией лиц законодательства Республики Беларусь, а также их ресоциализации в обществе. А вторая обусловлена наличием у них определенных ограничений, связанных с отбыванием ими наказания за совершение преступных действий. В связи с этим и для реализации целей и задач ОВД к лицам, совершившим преступления, может быть применен ряд наказаний, как связанных с изоляцией последних от общества, так и не связанных, перечень которых содержится в части 1 статьи 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), а порядок и условия их реализации – в разделах 2-4 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК РБ).

Однако отбытие лицом уголовного наказания не является конечной точкой на пути к его полноценной интеграции в общество. С этой целью, а также в целях профилактики совершения такими лицами новых преступлений согласно статье 28 Закона № 122-З в отношении лица, отбывшего полностью основное и дополнительное наказание, а также в отношении которого прекращено применение принудительных мер воспитательного характера в связи с достижением осужденным совершеннолетнего возраста, за исключением граждан, за которыми установлен превентивный надзор либо осуществляется профилактическое наблюдение, устанавливается профилактический учет. Порядок установления профилактического учета изложен в статье 29 Закона № 122-З и заключается в вызове лица в течение 15 дней после получения копии приговора суда в уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ), заведении профилактического дела, регистрации его в журнале учета, разъяснении прав и обязанностей, составлении

его автобиографии, а также плана проведения воспитательно-профилактических работ (далее – ВПР).

К данному виду учета не прилагается никаких дополнительных обязательств, за исключением лиц, на которых распространяется действие статей 106 и 107 УК РБ. В том числе в случае уклонения от их явки в УИИ единственными мерами реагирования со стороны инспектора УИИ являются занесение информации в систему «Поиск» и составление протокола в связи с совершением данными лицами административного правонарушения согласно статье 24.3 КоАП РБ. Это существенно ограничивает инспекторов, в ведении которых находится данная линия, в плане полноты и соразмерности применения соответствующих мер реагирования на противоправные действия со стороны их подучетных. Особенно остро ощущается невозможность объявить лиц, нарушающих порядок нахождения на профилактическом учете, в розыск или наложить запрет на выезд за пределы Республики Беларусь, так как профилактический учет регулируется Законом № 122-З и за его нарушение не предусмотрены какие-либо меры, влекущие уголовное наказание.

В связи с этим возникает проблема безнаказанного нарушения условий и порядка по исполнению обязательств, возложенных на лицо в связи с установкой в отношении него профилактического учета, а также на основании законодательства Республики Беларусь являться в УИИ для проведения с ним профилактических мероприятий. В том числе это повышает риск совершения им новых преступлений, давая ощущение вседозволенности. Ярким и наиболее часто совершаемым нарушением является укрывательство от явки в УИИ для проведения профилактических бесед, а также укрывательство от явки лица в УИИ для ознакомления с порядком и условиями осуществления профилактического учета.

Так, например, если провести сравнение с другими наказаниями, то за нарушение условий исполнения наказания в виде общественных работ согласно части первой пункта 45 Постановления Министерства Внутренних дел Республики Беларусь № 13 «О порядке исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности территориальными органами внутренних дел» от 15.01.2014 г. [2] при выявлении подобного факта инспекция отбирает у осужденного объяснение о причинах допущенного нарушения либо составляет акт отказа от дачи объяснений и в случае отсутствия уважительных причин выносит официальное предупреждение о замене назначенного наказания более строгим. А в случае, предусмотренном статьей 28 УИК РБ, инспекция направляет в суд представление для решения вопроса о замене наказания в виде общественных работ более строгим. В том числе в случае обнаружения факта злостного уклонения от отбывания наказаний, указанных в части 1 статьи 48 УК РБ, и при невозможности обнаружения лица инспектор УИИ объявляет лицо в розыск.

Наличие уголовной ответственности за нарушение условий отбывания наказания, более строгая форма контроля и жесткое нормативное закрепление делают остальные виды учета значительно серьезнее для восприятия лица, приговоренного к отбыванию этих наказаний и ставшего на соответствующий учет. Так как на практике зачастую происходит так, что лицо, обязанное стать на профилактический учет, скрывается, тем самым уклоняясь от явки в УИИ. Не исключаются и

факты, когда осужденный не может явиться в течение рабочей недели в связи с графиком работы.

Еще одной значимой проблемой касательно профилактического учета является превентивный характер. Это значит, что профилактический учет существует не как мера ответственности за совершение деяния, а его существование обуславливается недопущением совершения правонарушений в будущем, поскольку лицо уже понесло ответственность за совершенное им преступное деяние, больше является мерой контроля со стороны органов внутренних дел и обусловлено конкретными задачами правоохранительной системы, а именно – пресечение правонарушений и преступлений, а также профилактика. По отношению к самим субъектам профилактики данные меры зачастую оказываются малоэффективными и не несут за собой должного исправления лица или его ресоциализации в обществе, так как основной нашей задачей является наказание лица по факту совершенных им деяний и недопущение повторения в будущем. Таким образом, необходимо пересмотреть основания для применения к лицам профилактического учета. Иначе требуется устранение профилактического учета как меры наблюдения.

Однако не стоит исключать из списка проблем и тот факт, что на сегодняшний день данный учет охватывает наибольшее количество лиц, что создает ряд проблем, обусловленных большим объемом работы как с самими лицами и контролем за ними, так и со стороны оформления всей необходимой документации. Наиболее актуальным решением данной проблемы на сегодняшний день можно считать переселение дел профилактического учета в электронный вид, что значительно облегчит работу инспекторам УИИ, а также сделает постановку на учет, осуществление контроля за лицами и оформление проведенных с ними различных мероприятий воспитательного характера более удобным и что немаловажно – своевременным. Также переведение дел профилактического учета в электронный формат позволит наиболее эффективно и быстро производить анализ проведенной с ними работы, оценивать ее полноту и определять более эффективные направления профилактической работы с подучетными лицами.

В связи с этим и на основании вышеизложенного существует несколько вариантов решения данной проблемы и повышения эффективности работы с такой категорией подучетных.

Первый и самый радикальный – упразднение профилактического учета как формы контроля за осужденным ввиду его неэффективности из-за отсутствия жесткого нормативного закрепления, ухудшения положения осужденного со стороны уголовного законодательства и иных мер воздействия, которые могут быть к нему применены.

Второй вариант – перевод данного учета в ведение районных исполнительных комитетов по месту жительства подучетного, что позволит своевременно и непосредственно контролировать обеспечение его работой, а также осуществлять исправление и реализацию воспитательной функции.

Третий вариант – осуществление данного контроля только за теми лицами, которые не имеют официального трудоустройства, за исключением лиц, которые официально не трудоустроены, но осуществляют работы, связанные с поездками за территорию Республики Беларусь.

Четвертый вариант – назначение гражданам, подлежащим профилактическому учету, мер профилактического наблюдения. Поскольку это наиболее схожие по условиям и порядку исполнения меры осуществления наблюдения за лицом, имеющим судимость. Однако профилактическое наблюдение имеет за собой несколько больше мер воздействия за лицом, имеющим судимость, в связи с этим решается проблема ощущения вседозволенности. Также в связи с этим уменьшится количество преступлений, совершаемых как в период осуществления профилактического наблюдения, так и после него за наличием у ОВД более строгих мер воздействия на лицо, имеющее судимость.

В конечном итоге основной целью работы с данной проблемой является изменение порядка и условий пребывания подучетных лиц на данном виде учета для повышения качества профилактического воздействия и готовности в них к правопослушному образу жизни, недопущение совершения ими новых преступлений или проявления маргинального поведения, в том числе снижение нагрузки на линию профилактического учета, а также расширение круга полномочий инспекторов, в ведении которых находится данный вид учета. А также поиск оптимального варианта разрешения сложившейся ситуации с затратой минимальных средств на реализацию данных нововведений.

Литература

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З: с изм. и доп. от 28 июля 2024 г. № 26-З.

2. О порядке исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности территориальными органами внутренних дел: Постановление МВД РБ от 15 января 2014 г. № 13.

Куприянов Валерий Олегович,
студент 2 курса
факультета права Нижегородского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Шлягина Евгения Николаевна,
руководитель департамента частного права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
кандидат социологических наук

Генезис залога в российском гражданском праве: идеи, проблематика и перспективы развития

В наши дни, в эпоху усложнения всей экономической сферы, развивается и усложняется структура всех правоотношений, вытекающих из сделок и договоров хозяйствующих субъектов. Отдельного внимания заслуживают обязательственные правоотношения, как достаточно сложные по своей структуре и распространенные в сфере отношений частных лиц. В рамках данных правовых отношений залог является одним из важнейших институтов. Призванный обеспечить исполнение основного обязательства, он выступает серьезной правовой и экономической гарантией для кредитора и защищает его права.

Важно обратить внимание на то, что генезис залога в российском гражданском праве обладает рядом существенных особенностей. Во-первых, залог в отечественной правовой системе стал продуктом рецепции институтов из римского частного права. Во-вторых, стоит отметить, что залог и в римском праве, и в современном гражданском праве России понимается как способ обеспечения обязательства, следовательно, является одной из правовых гарантий его исполнения.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации залог относится к подотрасли вещного права, а залоговое право само по себе также рассматривается как вещно-правовая категория. Так, правовой институт залога многие исследователи относят к вещным правам, поскольку он предусматривает правообразующий юридический факт – возникновение права на вещь. Данная позиция вполне уместна, однако, по мнению автора, данный институт нельзя однозначно отнести к вещно-правовой отрасли, поскольку он функционирует в обязательственных правоотношениях и по своей сути является добавочным. Как результат данных отношений при использовании залога для обеспечения исполнения обязательства у залогодержателя возникает вещное право на предмет залога до момента реализации обязательства и возврата заложенного имущества залогодателю. Таким образом, вещное право на предмет залога формируется и возникает из обязательственных правоотношений, поэтому видится, что данный институт права находится на стыке вещной и обязательственной подотраслей и функционирует в гражданско-правовых отношениях.

Актуальность данной работы видится в том, что на протяжении значительного количества изменений и преобразований в российском законодательстве до сих пор сохраняется дискуссия по поводу правовой природы залогового права. Более того, принятая в 2009 году Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации до сих пор находится на стадии реализации и предполагает формирование залога как объекта вещных прав, несмотря на то, что Гражданский кодекс буквально понимает залог как право требования, что подпадает под обязательственно-правовую отрасль. Таким образом, данная статья предлагает анализ генезиса существа залогового права в России с целью определения его правовой природы, которая имеет большое практическое значение, поскольку разрешение того или иного спора будет зависеть от того, какой подход выбран к определению залога.

Главным способом понимания сути залога является анализ его истории, поскольку этот институт является достаточно развитым в праве Рима и также широко известен современному российскому гражданскому праву. Релевантно провести сравнительный анализ данных институциональных образований, чтобы выявить сходства и различия и определить генезис развития залога для понимания преемственности в воспроизводстве институтов в разных правовых системах. Также планируется определить проблематику генезиса залога в гражданском праве России и охарактеризовать состояние данного института, исходя из новых вызовов времени.

Как уже отмечалось, залог был широко распространенным вещным обеспечением, устанавливаемым для исполнения основного обязательства. Например, лицо одолжило другому лицу некоторую сумму денег, и для того, чтобы гарантировать уплату долга, займодавец и заемщик могли договориться об установлении какого-либо залога. Следует отметить, что по поводу предмета залога в Дигестах Юстиниана четко определялось, что все объекты сделок по купле-продажи могли быть предметом залога [1]. Ранней формой залога была фидуция. При ее заключении предмет залога при его оформлении сразу передавался кредитору в право собственности и мог быть возвращен с помощью выкупа при уплате основного долга. Такое правовое обременение было не вполне выгодно для залогодателя, поскольку повышало его риски и сразу лишало его права собственности на вещь.

Постепенно оформляется форма закладного права, нам более известная – залог с передачей владения. Суть заключалась в следующем: заложенная вещь передавалась кредитору лишь до момента выполнения должником основного обязательства, из-за чего право собственности на вещь не возникало. То есть вещь временно находилась в номинальном владении кредитора и могла перейти в полную собственность лишь при невыполнении условий обязательственных правоотношений. Таким образом, в результате простого залога образовывалось ограниченное вещное право у залогодержателя. Такая форма предусматривала более равные условия для сторон по сравнению с фидуцией и предполагала гарантии для двух субъектов правоотношений.

В дальнейшем в передовом римском праве появляется еще одна форма – залог без передачи владения, который назывался ипотекой. Согласно Дигестам заключалась в форме договора, в соответствии с которым какие-либо вещи обременялись залогом. Интересно отметить, что залог мог носить превентивный харак-

тер, так как в отдельных случаях распространялся на имущество, приобретенное в будущем [1]. Как видится автору, ипотека была более удобной и эффективной формой заклада, поскольку вещь оставалась в собственности залогодателя, и он мог свободно осуществлять права собственника, а у залогодержателя появлялась гарантия, что в случае невыполнения обязательства должником у него юридически возникнет право собственности на предмет залога. Примером установления залога в соответствии с Дигестами может служить заключение ипотеки с целью обеспечить уплату процентов или неустойки. Отдельно важным считается отметить, что оформлялся принцип определенности залога, поскольку могла быть заложена заранее установленная вещь. Однако ипотека была не весьма выгодна залогодержателю, поскольку он не получал никаких полезных свойств от предмета залога и переход прав на заложенную вещь происходил только при невыполнении условий обязательственных отношений. Кредитор лишь мог воспользоваться переуступкой права требования, то есть цессией, и фактически продать право требования на погашение ипотеки другому лицу.

В целом мы убеждаемся в акцессорности залога, поскольку во всех трех видах в римском праве он выступал способом обеспечения основного обязательства, носил вспомогательный характер, гарантирующий реализацию оформленных обязательственных отношений между субъектами. Интересно отметить, что, согласно Ульпиану, залог выступал в форме права требования перехода права собственности на заложенную вещь, что сводится в большей степени к обязательственному праву, а не к вещному.

В российском гражданском праве залог по своей институциональной сути воспринимается как ограниченное вещное право на заложенную вещь, которое переходит в право собственности в случае неисполнения основного обязательства и выступает как способ обеспечения его исполнения. Мы видим, что залог не существует в правовой абстракции, поскольку гражданским законодательством четко определено правовое поле действия этого института – залог проистекает и формируется из обязательственных правоотношений. Примером могут выступать разнообразные сделки по займам, кредитам, купле-продаже, аренде и т.п. Во всех данных правоотношениях есть определенные двусторонние или иногда односторонние обязательства, например, возврат долга по отношениям займа. Для того чтобы займодавец был уверен, что заемщик выплатит долг, он может потребовать оформления договора залога, который и будет являться гарантией надлежащего исполнения обязательства.

Говоря о регулировании залоговых отношений, можно отметить, что этому предмету правового регулирования посвящен параграф 3 ГК РФ [2], который содержит общие положения о залоге и отдельные его виды. Согласно понятию залога у кредитора возникает право требования взыскать из заложенного имущества его стоимость, что проистекает из обеспеченного залоговым обременением обязательства в случае его ненадлежащего исполнения должником. Важно отметить, что в отдельных случаях предмет залога может быть передан в натуре залогодержателю. П. 2 статьи 334 ГК РФ определяет, что у залогодержателя в силу залога возникает преимущественное право требования возврата заложенного имущества перед другими кредиторами залогодателя посредством определенных в законе способов, что говорит об абсолютном характере залога как вещного права [3].

Залог носит характер эластичности, согласно которому обременение накладывается и на вещь саму по себе, и на ее ценность. Согласно судебной практике, если предмет залога утрачивается, то прекращаются и залоговые отношения, в общем виде право требования заложенного имущества понимается как право на его ценность [4].

Если обратить внимание на основания возникновения залоговых правоотношений, то согласно п. 1 статьи 334.1 ГК РФ таковым основанием выступает договор. Определенный интерес заслуживает п. 3 той же статьи, согласно которому, если залог возникает из закона, то субъекты могут заключить соглашение для урегулирования правоотношений между ними.

Предметом залога согласно п. 1 статьи 336 ГК РФ может быть любое имущество и имущественные права, за исключением того, на что отдельно запрещено наложение взыскания. Отдельного внимания при проведении аналогии с римским правом заслуживает п. 2 данной статьи, поскольку содержит положение о том, что приобретаемое в дальнейшем имущество также может быть заложено. Вопросы владения предметом залога регулирует 338 статья ГК РФ, в соответствии с п. 1 имущество, обремененное залогом, остается у залогодателя. Отдельно выделяется понятие твердого залога, который действует в случае наложения на предмет специальной символики.

По сути залог – негативный стимул для одной из сторон, служащий «мотиватором» выполнить условия основной сделки. Согласно п. 2 статьи 335 ГК РФ заложить вещь может только собственник или в отдельных случаях носитель вещных прав. В случае ненадлежащего исполнения обязательства у кредитора появляется право обратить взыскание на предмет залога, в чем выражается его непосредственный характер. В целом залог формирует право требования на предмет, то есть на то благо, которое подверглось закладу. Мы видим, что, как и в римском праве, институт залога носит добавочный, вспомогательный характер и выступает дополнением к основному виду обязательственных правоотношений.

В российской доктрине гражданского права многие исследователи указывают на вещно-правовой характер залога. В целом в отрасли права видится основное сходство институтов. В науке уже достаточно долгое время ведется дискуссия по поводу места данного института в системе отраслей права. Например, И.Б. Новицкий, исследуя римское право, полагает, что целью залога является выполнение обязательства [5]. И.А. Покровский высказывает суждение о том, что залог в Риме сам по себе сохраняет черты права, добавочного к основному обязательству, то есть является акцессорным [6]. Таким образом, можно отметить, что институциональная роль залога состоит в том, чтобы обязанная сторона с помощью негативного стимула – удержания предмета залога (в римском праве – вещи) – выполнила свое обязательство и могла требовать возврата заложенной вещи. Однако автор оставляет за собой тезис о том, что данный институт формируется на стыке обязательственного и вещного права, поскольку содержит признаки, свойственные каждой из этих подотраслей. Если ориентироваться на Ульпиана и принять во внимание тот факт, что залог выступает в форме права требования, то уместно отнести этот институт к обязательственному праву.

Говоря о понятии и сути залога, можно отметить, что он выступает в форме права требования на истребование его предмета, то есть заложенной вещи. При

неисполнении обязательства данный принцип полностью произрастает из римского права и воспроизводится в 334 статье ГК РФ, что говорит о том, что залог – это правовой реципиент в гражданском праве РФ.

Кроме того, по поводу цели и назначения института можно отметить, что в обеих правовых системах целью залога выступало обеспечение добросовестного исполнения основного обязательства, то есть залог носил добавочный, стимулирующий характер, что называется акцессорностью. В римском праве залог выступал в качестве вещного обеспечения исполнения обязательства. В целом залог имеет схожую роль и в современном гражданском праве. Исходя из толкования п. 1 статьи 334 Гражданского кодекса РФ, кредитор-залогодержатель имеет право истребовать предмет залога при ненадлежащем исполнении обязательств должником-залогодателем. Руководствуясь смыслом данной статьи, мы можем выявить характерные черты залогового права как части гражданского. Во-первых, у залога есть предмет, то есть то благо или вещь, которая заложена. Во-вторых, предмет залога истребуется только при неисполнении обязательства. Следовательно, как и в римском праве, данный правовой институт выступает способом обеспечения обязательства.

Если затрагивать само по себе функционирование института, то можно сказать, что в двух правовых системах четко определялись субъекты залоговых правоотношений: залогодержатель, или кредитор, и залогодатель, или должник. Кроме того, существовало и действует понятие о предмете залога, о его принципах эластичности, возвратности, превентивности. В целом в двух системах залог функционировал как способ обеспечения обязательства в соответствующих правоотношениях. Однако нельзя и согласиться с этим полностью, поскольку и в римском праве, и в современном гражданском праве залог оформляется отдельным соглашением, то есть имеет, по сути, самостоятельный, договорной характер, но действует преимущественно в обязательственных правоотношениях.

В целом затронутому в данном исследовании институту в обеих правовых системах свойственны сходные принципы. Среди них: акцессорный характер залога, его эластичность и возвратность, возможное распространение на будущее имущество залогодателя, которое обременяется закладом. Особое сходство видится в связи института с обязательственными правоотношениями, вне которых он не функционирует.

В российском гражданском праве процесс развития и формирования залогового права и его институтов прошел длительные этапы, связанные с построением всей системы гражданского законодательства. Основные дискуссии, связанные с оценкой и характеристикой залога, коренились в несовпадении буквы закона и доктринальных изысканий крупнейших цивилистов, многие из которых, например Г.Ф. Шершеневич, Е.А. Суханов, А.А. Вишневский, оценивают правовое состояние залога с точки зрения вещного права. С другой стороны, Б.М. Гонгало и В.В. Витрянский отстаивают обязательственную природу залога.

По мнению автора, ключом к разгадке является буквальное толкование положений Гражданского кодекса РФ, поскольку в отечественной правовой системе доктрина не признается официальным источником гражданского права, исходя из положений статьи 3 ГК РФ [2]. На протяжении последних лет залог определялся в большей степени как договор, с чем связывались проблемы рассмотрения залого-

вых споров. В частности, трудности как раз возникали из-за двойственной оценки залогового права, вследствие чего суды либо говорили об ограниченных вещных правах, либо вообще разрешали дела с помощью методов, характерных для договорного права, что в корне противоречило интересам залогодержателей. Отметим, что залоговое право выступает как подотрасль обязательственного права и помещена в соответствующий раздел ГК РФ.

Следовательно, мы видим, что полярный подход к дефиниции и истолкованию природы залога создает огромный пласт проблем, связанный прежде всего с правоприменительной практикой, поскольку в первую очередь от подобных коллизий в праве страдают участники правоотношений. Требования закона, с одной стороны, его научное толкование и судебная практика, с другой стороны, вступают в серьезное противостояние, что затрудняет рассмотрение каждого спора касаемо залоговых правоотношений. Несмотря на то, что Гражданский кодекс понимает залог как право требования, в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации залог включается в иные вещные права и относится к объектам гражданских прав. [7]. Стоит отметить, что вот уже 16 лет концепция находится в процессе реализации, и до сих пор положения ГК РФ не приведены в соответствие с ней. Понятие и система залогового права выстроены по методологии обязательственных правоотношений и имплементируются в законодательстве по аналогии с ними. Более того, в трактовке залога как договора между залогодержателем и залогодателем при применении сути договорного права происходит столкновение с вещно-правовой концепцией залога как объекта гражданских прав.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что генезис залога в российском гражданском праве на современном этапе находится еще на этапе динамичного развития, дискуссии и коллизии объективно спровоцированы несовершенствами в идеях, концепциях и в самом воплощении их в букве закона. Как видится автору, Концепция развития гражданского законодательства хоть и несомненно сыграла большую роль для оформления всей системы норм, но по отношению к залоговому праву внесла долю проблем и противоречий, вследствие чего релевантным видится не приводить в соответствие с ней нормы ГК РФ ввиду многолетней практики реализации залога как права требования. Таким образом, автор предлагает оставить положения ГК РФ касаемо залога без изменений, а Концепцию развития гражданского законодательства доработать с учетом изменений, произошедших за последние 16 лет во всей правовой системе РФ. В результате переосмысления и переоценки сложившейся практики и законодательного регулирования возможно переформулировать концепцию с опорой на реальное положение дел и наконец однозначно на официальном уровне определить правовую природу залога.

Подводя итоги анализу генезиса, автор приходит к тому, что институт залога урегулирован на высоком уровне в правовых системах Рима и России. Сильными сторонами залога выступали его определенность, абсолютность, возвратность, гарантированность – данные принципы, сформированные римским правом, имплементировались при регулировании залоговых отношений Гражданским кодексом. Понятие, суть, назначение, цель, структура института также были заимствованы из римского права. Слабой стороной института выступает ограниченность прав залогодержателя, поскольку это уменьшает его выгоду и не дает реально пользо-

ваться вещью, что произрастает еще из ипотеки в праве Рима. С другой стороны, ипотека, тождественная залогу, выступает надежным гарантом для кредитора. Важную роль играет залог при стимулировании добросовестного, надлежащего исполнения обязательств участниками гражданского оборота, что в свою очередь формирует его этику.

В целом видится, что институт залога в основных своих чертах почти полностью реципировался в российскую правовую систему из романо-германской правовой семьи и сохранил свои основные признаки. Отдельное влияние на воспроизводство данного института в российском гражданском праве оказали основные принципы и нормы римского права, заключенные в Дигестах Юстиниана. Таким образом, институт залога сформировался в российской правовой системе по аналогии с правом Рима, поскольку суть, назначение, характерные черты залогового права почти полностью совпадают, что дает основание выдвинуть суждение о заимствовании института залога гражданским правом России в результате длительной рецепции, из-за чего не произошло значительной эволюции данного института.

В контексте генезиса залога в российском гражданском праве сделан вывод о полномасштабной рецепции данного института, однако, несмотря на формирование четкой законодательной конструкции, в ГК РФ развиваются значительные коллизии в правоприменительной практике и в доктринальных исследованиях. Автором также сделан вывод о несостоятельности Концепции развития гражданского законодательства на современном этапе, исходя из чего видится доказанным, что понимание залога как вещного права не нашло практического воплощения в законодательстве, а наоборот, создало серьезные затруднения при разрешении залоговых споров. Таким образом, в заключение стоит сказать, что многолетняя практика применения положений ГК РФ и сформировавшаяся практика судов говорят о системном характере имплементации залога как обязательственного права в законе, исходя из чего те или иные перемены в законодательстве приведут к еще большему дисбалансу как в отрасли залогового права, так и в системе гражданского законодательства.

Литература

1. Дигесты Юстиниана [Текст] / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет, Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Центр изучения римского права; ответственный редактор Л. Л. Кофанов. – 2-е изд., стер. – Москва: Статут, 2017. – Т. 4. – 779 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) принят 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024 № 49-П). – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 12.11.2025).

3. Бевзенко, Р. С. Понятие и возникновение права залога / Р. С. Бевзенко // Закон. – 2016. – № 3. – С. 26-37.

4. Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2018 N 304-ЭС18-1134 по делу № А03-140/2014/ Справочно-правовая система КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=539469#DoV6JmUwtDlo6gkK (дата обращения 12.11.2025)

5. Новицкий, И. Б. Римское право. Учебник для вузов. – Москва: ЗЕРЦАЛО-М, 2003. – 256 с.

6. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. – 328 с.

7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена Президентом Российской Федерации 07 окт. 2009 г. // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (дата обращения 12.11.2025).

8. Емелькина, И. А. Залог как обеспечительное вещное право // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2017. – № 1(50). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zalog-kak-obespechitelnoe-veschnoe-pravo (дата обращения: 12.11.2025).

Куркина Екатерина Алексеевна,
студентка 2 курса
факультета права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Шлягина Евгения Николаевна,
руководитель департамента частного права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
кандидат социологических наук

Обеспечение прав наследников на оспаривание записи об отцовстве (материнстве) после смерти предполагаемого родителя

Наследственное правопреемство выступает значимым аспектом семейно-родственных и иных взаимоотношений. Обеспечение прав наследников – ключевой принцип наследственного права, соответственно, правовые основы данного механизма напрямую влияют на развитие и нормальное функционирование института наследования. Осуществление прав и законных интересов наследников находится в тесной зависимости с возможностью реализации ими права на подачу искового заявления об оспаривании записи об отцовстве (материнстве) после смерти предполагаемого родителя.

Актуальность выбранной темы обусловлена законодательными пробелами и коллизионными аспектами в рамках реализации субъектами гражданских правоотношений наследственных прав, что сопряжено с социально-правовыми гарантиями для наследников и наследодателей, в рамках которых должен действовать принцип справедливости. Один из таких пробелов, на наш взгляд, связан с правом наследников на оспаривание записи об отцовстве (материнстве) после смерти предполагаемого родителя, произведенной в законном браке.

Целью исследования выступает всесторонний анализ правового регулирования и формирующейся судебной практики по оспариванию наследниками записи об отцовстве (материнстве) после смерти предполагаемого родителя, выявление проблемных аспектов правоприменения пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, а также разработка рекомендаций, направленных на устранение пробелов и эффективное обеспечение наследственных прав.

Обратимся к сущности наследственных правоотношений. Право быть наследником – неотъемлемый элемент статуса каждого гражданина. Исходя из этого, сущность института наследования определяется также возможностью субъектов наследственных правоотношений осуществить защиту своих прав при наличии препятствий в процессе их реализации.

Наследование по закону реализуется в соответствии с положениями Гражданского кодекса, а также с учетом предполагаемой воли наследодателя. Гражданский кодекс признает детей наследодателя в числе наследников первой очереди, что отсылает нас в ходе исследования к правилам установления отцовства, в частности к порядку записи родителей ребенка в книге записей рождений.

Согласно статье 51 Семейного кодекса, если родители ребенка состоят в браке, то запись производится по заявлению одного из них, если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка – по совместному заявлению отца и матери ребенка, или по заявлению отца ребенка, или отец записывается согласно решению суда.

В ходе процедуры определения круга лиц, имеющих право претендовать на принятие наследства, нередким случаем является обнаружение наследниками сведений, которые дают основания полагать, что запись об отцовстве, произведенная в книге записей рождений, недостоверна.

До 2022 года в регулировании вопроса обеспечения прав и законных интересов наследников существовала значимая неопределенность. Ранее пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса закреплялся закрытый перечень лиц, имеющих право оспаривать запись об отцовстве (материнстве). В этот перечень лиц не входили наследники, что создавало неопределенность в вопросе обеспечения их прав посредством судебной защиты, что свидетельствует о препятствии реализации таковых в полном объеме. Судебная практика по таким вопросам формировалась с учетом невозможности применения расширительного толкования приведенного положения. Это подтверждается, в частности, пунктом 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16, согласно которому исковые заявления наследников об оспаривании записи об отце (матери) ребенка отклонялись или влекли прекращение производства по делу.

На данном этапе можно выделить пробелы в действующем до 2022 года законодательном регулировании и вследствие этого в правоприменении:

1. нарушение баланса интересов наследников, пользующихся правом защиты наследственных прав и стабильности гражданского состояния ребенка, его правом на идентичность;

2. формализм при наличии доказательств. Применение данных положений приводило к формалистичному подходу при рассмотрении таких категорий дел, игнорированию фактических обстоятельств дела, в том числе подлога документов;

3. Дисбаланс конституционных ценностей. Отсутствие у наследников возможности оспаривать отцовство вступало в противоречие с конституционно гарантированным правом на наследование. Права наследников ограничивались отсутствием возможности защитить свои имущественные права, поскольку лицо, не являющееся биологическим ребенком, а вследствие этого законным наследником умершего, могло претендовать на наследство только на основании неудостоверенной записи об отцовстве, произведенной с нарушениями закона.

Своего апогея сложившаяся ситуация достигла в 2021 году, когда Конституционный суд при рассмотрении жалобы гражданки О.С. Шишкиной пришел к выводу, что сложившаяся правоприменительная практика, которая абсолютно исключает право наследников оспаривать запись об отцовстве, произведенную с нарушением закона (например, на основании подложных документов или с отсутствием волеизъявления умершего отца), является несоответствующей Конституции РФ. В постановлении Конституционный суд также обязал федерального законодателя внести изменения в правовое регулирование оспаривания записи об отце в книге записей рождений, включив в круг лиц, имеющих такое право,

наследников, в случаях несоблюдения требований пункта 2 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации.

Вследствие этого был принят Федеральный закон «О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации» от 04.08.2022 г. № 362-ФЗ, который закрепил за наследниками право оспаривания в судебном порядке записи об отцовстве в связи с нарушениями положений пункта 2 статьи 51 Семейного кодекса, которые закрепляют порядок произведения записи родителей ребенка в книге записей рождений. А также на основании подложных документов и при отсутствии свободного волеизъявления лица, отцовство которого было установлено во внесудебном порядке.

Данная поправка хотя и урегулировала важный проблемный аспект в обеспечении прав наследников, однако не решила все пробелы в рассматриваемой сфере. В частности, встает вопрос о распространении правил абзаца 2 пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса на случаи установления отцовства в законном браке при отсутствии биологического родства отца с ребенком, о котором отец-супруг не знал и не мог знать.

Руководствуясь конституционными механизмами защиты семьи, брак выступает значимым институтом охраны и защиты интересов детей, устанавливая в качестве механизма охранительного воздействия презумпцию отцовства мужа матери ребенка. Однако это не исключает случаев заблуждения вследствие обмана отца ребенка, который, не являясь фактическим родителем, выступает таковым в книге записи рождений. Или случаев, когда ребенок рожден в фиктивном браке и супруг матери ребенка не является биологическим отцом.

Обозначенные ситуации приводят к невозможности реализации прав наследников в чистом виде. В приведенных случаях также нарушаются права наследодателя-отца, который из-за неосведомленности не мог оспорить запись об отцовстве при жизни или реализовать право наследования путем завещания или наследственного договора.

Наличие таких случаев подтверждается большим количеством судебной практики по исковым заявлениям об исключении из актовой записи о рождении ребенка сведений об отце. К примеру, в судебном заседании от 4 февраля 2025 г. Шарыповского районного суда Красноярского края рассматривалось гражданское дело по исковому заявлению истца об исключении из актовой записи о рождении сведений об отце. Истец мотивировал заявленные требования тем, что в записи акта о рождении ответчик записан отцом ребенка, при этом им не является, поскольку находился в местах лишения свободы.

В судебном заседании Сызранский городской суд Самарской области 11 февраля 2025 года рассмотрел в открытом судебном заседании гражданское дело по иску об оспаривании отцовства. Истец состоял в браке, в период которого у него и ответчика родилась дочь, далее семейная жизнь с ответчиком не сложилась, и брачные отношения были прекращены. В дальнейшем истцу стало известно о том, что он не является биологическим отцом ребенка, однако в настоящее время он оплачивает алименты на его содержание и просит внести изменения в актовую запись о рождении ребенка, исключив его в графе «отец».

Ссылаясь на исковые заявления по материалам судебной практики, следует сделать вывод о том, что, несмотря на устранение важного пробела, текущее законодательство по вопросу оспаривания наследниками записи об отцовстве после

смерти предполагаемого родителя требует дополнительной детализации и включения в абзац второй пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса в качестве основания для оспаривания наследниками записи об отцовстве, нарушения пункта 1 статьи 51 Семейного кодекса, когда отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них, при этом запись была произведена с нарушениями, в том числе отец располагал недостоверными сведениями о биологическом родстве с ребенком.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 13.11.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 13.11.2025).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 13.11.2025).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 13.11.2025).
5. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 № 4-П // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 13.11.2025).
6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 (ред. от 26.12.2017) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 13.11.2025).
7. Решение № 2-335/2025 2-335/2025(2-4278/2024;)~М-3560/2024 2-4278/2024 М-3560/2024 от 10 февраля 2025 г. по делу № 2-335/2025 [Электронный ресурс] // Судакт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/XeaN9x5cY7NL/ (дата обращения: 13.11.2025).
8. Решение № 2-309/2024 2-50/2025 от 4 февраля 2025 г. по делу № 2-309/2024 // Судакт.ру [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ox3bgs7NRirQ/ (дата обращения: 13.11.2025).
9. Новокшонова, Л. А. Понятие и принципы института наследования // Экономика и социум. – 2024. – № 4-1(119). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-printsipy-instituta-nasledovaniya (дата обращения: 13.11.2025).
10. Апалькова, А. А., Горлова, Т. В. Обеспечение прав и интересов необходимых наследников как принцип наследственного права // Концепция развития частного права: стратегия будущего: сборник статей по итогам всероссийской конференции. – Курск, 2021. – С. 168-174.

Ларин Александр Александрович,
студент 3 курса юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Боташева Лейла Эмербековна,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Дробление бизнеса: налогово-правовой аспект

На сегодняшний день дробление бизнеса ассоциируется у граждан нашей страны с противозаконной деятельностью известных блогеров. Судебные процессы над Еленой Блиновской и Лерчек открыты для общественности и теоретически должны выполнять некую превентивную функцию для всех остальных налогоплательщиков, в том числе и крупных, однако это не совсем соответствует реалиям нынешней действительности. Дробление является наиболее распространенным поводом для проведения выездной проверки.

Отметим, что понятие «дробление» не содержится в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ), хотя исследуемое явление было введено как раз-таки налоговыми инспекторами при предъявлении претензий налогоплательщикам по результатам контрольных мероприятий [1]. ФНС России сформулировала собственный взгляд на сущность дробления, где под ним понимается разделение бизнеса, совершенное по формальному признаку для получения необоснованной налоговой выгоды [2].

Нововведением следует признать положения Федерального закона от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ (далее – Закон № 176-ФЗ), где под дроблением понимается разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими лицами, при этом цель таких манипуляций заключается в занижении сумм налогов, а квалифицирующим признаком является сохранение контроля над созданными лицами одними и теми же людьми [3]. Но что следует понимать под «единой предпринимательской деятельностью», тождественно ли это понятию классической предпринимательской деятельности?

Необоснованная налоговая выгода отражает нацеленность и смысл дробления бизнеса, поэтому представляется, что следует установить ее сущность. Термин «налоговая выгода» часто применяется в судебной практике, к примеру, под ней понимается уменьшение размера налоговой обязанности в силу определенных факторов, в том числе если происходит занижение налоговой базы либо налогоплательщик получает налоговую льготу [4].

Задача определения правовой природы дробления стоит и перед отечественными экономистами и юристами.

По мнению А. Илларионова, дробление бизнеса представляет собой реорганизационные процессы компании, результатом которых становится появление новых самостоятельных структур [5].

В некоторых исследованиях прямо указывается, что дробление происходит только с одной целью – ради ухода от уплаты обязательных платежей, который возможен путем создания «искусственных» условий для применения желаемого режима налогообложения.

Итак, под дроблением следует понимать создание значительного количества экономических субъектов, которые имеют связи между собой, например, идентичные должностные лица – учредители, директора, и обладают аналогичными характерными признаками, в том числе занимаются идентичными видами деятельности, зарегистрированы по одному и тому же адресу и т.д. Иными словами, новые бизнес-структуры остаются под контролем одних и тех же собственников (аффилированных лиц), осуществляют те же самые виды деятельности, модифицируется только организационно-правовая форма.

Вместе с тем в научном сообществе высказываются сомнения касательно однозначного признания дробления налоговым преступлением. Так, причинами могут являться не всегда стремление снизить налоговое бремя, но и желание диверсификации рисков, открытия новых направлений деятельности, рационализация финансово-товарных потоков [6].

Естественно, что само по себе разделение организации, создание новых компаний не является противоправным деянием, но определяющим критерием выступает цель таких действий, которая обязательно будет устанавливаться налоговым инспектором, а также инспектором исследуется весь спектр деятельности организации с момента создания до момента проверки, то есть проводится реконструкция. Если налоговый орган будет настаивать на том, что налогоплательщик получил необоснованную налоговую выгоду, то подконтрольному субъекту следует доказывать присутствие деловых целей структурного расширения компании.

Самый очевидный пример дробления, и, как уже установлено, самый «популярный» у отдельных блогеров, – это оформление статуса индивидуального предпринимателя на ближайших родственников и применение упрощенной системы налогообложения, где в соответствии с требованиями закона допустимый лимит доходов не должен превышать 150 млн рублей, а в реальности совокупный доход в десятки раз превышает предельный лимит.

Безусловно, такие действия не остались без внимания налоговых органов, более того, были сформулированы специальные алгоритмы, позволяющие установить применение инструментов незаконной налоговой оптимизации. В Письме ФНС от 11.08.2017 г. № СА-4-7/15895@ указано, что в качестве квалифицирующего признака дробления можно признать взаимосвязь участников схемы; формальное перераспределение обязанностей между участниками дробления без оформления изменений в документах, регламентирующих должностные обязанности; фактическое управление созданными структурами единственным лицом; представление интересов вновь созданных организаций осуществляется теми же лицами, что и до дробления; в новых организациях не изменился кадровый состав, то есть остались работники, осуществляющие трудовые функции в «старой» компании; бухгалтерский учет новых организаций отражает снижение уровня рентабельности и др. [7].

Реализация действий по дроблению влечет за собой наступление налоговых рисков как в виде доначисления «верного налога», так и в виде привлечения к от-

ветственности, в том числе уголовной, как показывает практика. Если налоговым органом в ходе проведения контрольных мероприятий будет установлено, что организации были созданы путем дробления для применения желаемого режима налогообложения, то инспектором будет объединена финансово-хозяйственная деятельность образованных компаний в единую структуру и выполнен расчет налоговых обязательств согласно положениям общей системы налогообложения.

Так, ст. 122 налогового закона предусматривает ответственность за неуплату или неполную уплату налоговых платежей, санкция указанной статьи предусматривает штраф в размере 20% от неуплаченной суммы. В ст. 119 налогового закона устанавливается ответственность за непредоставление налоговой декларации в виде штрафа 5%.

Помимо налоговых санкций, руководители компании могут быть привлечены к уголовной ответственности, при этом санкция за совершенные противоправные деяния включает в себя уже не только штраф, но и лишение свободы до двух лет. Например, Елена Блиновская, продавая свое обучение о том, как правильно загадывать желания, чтобы они исполнялись, осуществляла противозаконное дробление бизнеса и была привлечена к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок четыре года и шесть месяцев, а также она обязана была выплатить штраф в размере 950 тысяч рублей. В ее действиях правоохранительные органы усмотрели несколько составов преступлений, в том числе неуплату налогов.

Хотелось бы обратить внимание на особенность Закона № 176-ФЗ, который допускает применение «амнистии» для лиц, добровольно отказывавшихся от дробления. Добровольный отказ имеет место быть, если налогоплательщик уплатил необходимые налоги в размере, установленном путем консолидации образованных структурных единиц, при этом признак добровольности будет отсутствовать если уже имеется вступившее в силу решение налогового органа о привлечении виновного лица к ответственности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дробление бизнеса представляет собой комплекс действий налогоплательщика, состоящий в структурировании финансово-хозяйственной деятельности посредством создания формально самостоятельных компаний, но фактически остающихся под контролем тех же выгодоприобретателей, при этом указанные действия преследуют цель применения специальных налоговых режимов, тем самым происходит получение необоснованной налоговой выгоды. Исследуемые противоправные действия представляют серьезную проблему для российской экономики. Полагаем, что проблема дробления требует внимания законодателя посредством регламентации понятия исследуемого правового явления и перечисления критериев в налоговом законе.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 31.10.2025).

2. Письмо ФНС России от 16.07.2024 г.№ БВ-4-7/8051// Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 31.10.2025).

3. Федеральный закон от 12.07.2024 г.№ 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации …» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 31.10.2025).

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 31.10.2025).

5. Илларионов, А. Самостоятельность – лучшая защита. Признаки незаконного дробления // Финансовая газета. – 2020. – № 38. – С. 12–13.

6. Трошкова, С. В., Ильясов, Д. М. Дробление бизнеса: понятие и налоговые последствия // Инновационная экономика и общество. – 2023. – № 2. – С. 53–60.

7. Письмо ФНС от 11.08.2017 г. № СА-4-7/15895@ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 31.10.2025).

Лилюк Софья Николаевна,
курсант 2 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Куряшкин Алексей Николаевич,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Деятельность участковых уполномоченных полиции по профилактике преступлений террористической направленности

Терроризм выступает одной из главных угроз национальной безопасности многих стран, в том числе и в Российской Федерации. С целью профилактики и предупреждения данной деятельности необходимо заблаговременно выявлять первопричины и условия его формирования на территории государства с целью их последующей ликвидации. Важную роль в профилактике развития террористической деятельности играют правоохранительные органы, в частности, участковые уполномоченные полиции, деятельность которых непосредственно направленна на предупреждение, выявление и устранение указанных факторов.

Актуальность профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции в сфере терроризма заключается в следующих аспектах: рост числа террористических угроз в стране или регионе, необходимость адаптации существующих механизмов профилактики к новым условиям формирования и распространения террористической деятельности, необходимость установления связи с местными сообществами с целью своевременного выявления признаков подготовки к указанной преступной деятельности, а также потребность в повышении осведомленности населения о мерах безопасности и действиях в чрезвычайных ситуациях.

Правовую основу регламентации деятельности в данном случае составляют:

1) Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, определяющий положения функционирования правоохранительной системы. Так, в ст. 2 указаны основные направления деятельности полиции, которые обладают общим регламентирующим характером. В частности, в случаях проведения профилактических мероприятий террористической деятельности участковыми уполномоченными полиции основным выступает «защита личности, общества и государства от противоправных посягательств». Владение законодательной базой способствует правомерному применению норм, что непосредственно влияет на получение более эффективного результата вследствие производства профилактической деятельности на конкретном административном участке, своевременного изучения и анализа оперативной обстановки, а также на процесс взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с местным населением (в том числе деструктивным) [1];

2) Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ устанавливает систему мер и мероприятий, направленных на предупре-

ждение и ликвидацию последствий террористических актов, что указывает на применение мер превентивного характера правоохранительными органами совместно с иными государственными структурами [2];

3) Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» в п. 23 определяет положения осуществления профилактического обхода на административном участке, что включает в себя посещение различных зданий, строений и сооружений (к которым также относятся подъезды, чердачные помещения и подвалы), что способствует своевременному обнаружению признаков приготовления и подготовки к совершению противоправных действий, в том числе мест организации террористической деятельности, центров ее управления.

Руководящие начала преступной деятельности организуют группы, сообщества или формирования в отдаленных помещениях, которые называют «офисами», с целью совершения общественно опасного, противоправного деяния, зачастую резонансного, что требует длительной подготовки и большого кадрового состава.

Также в соответствии с п. 33 данного приказа проведение индивидуальных профилактических работ в отношении освобожденных из мест лишения свободы лиц или имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления террористической направленности, данные мероприятия также предусмотрены Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, который утвержден Президентом РФ 30.12.2023 «Пр-2610» (включает в себя меры общей, адресной и индивидуальной профилактики, а также разъяснительного характера). Так, участковые уполномоченные полиции осуществляют несколько видов профилактики: адресную (проведение мероприятий с отдельными категориями граждан, которые наиболее уязвимы к воздействию со стороны идеологии терроризма с целью предупреждения их радикализации), индивидуальную (работа с лицами, раннее подверженными воздействию со стороны террористических организаций) [3];

4) Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [4], устанавливающий правовую и организационную основы системы профилактики правонарушений, выделяющий общие положения ее функционирования, принципы, направления и виды профилактики, а также профилактического воздействия. Сотрудники правоохранительных органов, в том числе участковые уполномоченные полиции, производят мероприятия, направленные на выявление и устранение причин и условий, которые способствуют совершению правонарушений на закрепленном за ними административном участке, расширяют уровень правосознания населения посредством оказания профилактического воздействия в форме правового просвещения, информирования, бесед, ведения учетов и осуществления надзора и др. [5, с. 7].

Помимо указанных правовых актов, в качестве правовой основы профилактики терроризма выступают Конституция Российской Федерации, также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации.

Значение деятельности участковых уполномоченных полиции в профилактике на административном участке заключается в снижении риска возникновения террористических угроз как на местном, так и на федеральном уровне. В связи с тес-

ной взаимосвязью с населением участковый оперативно реагирует на возникающие проблемы и предупреждает совершение преступлений и правонарушений.

Рассмотрим основные аспекты работы участкового уполномоченного полиции, связанные с проведением профилактических мероприятий на закрепленном административном участке, которые направлены на предупреждение совершения преступлений террористического характера [6, с. 9]:

1) изучение оперативной обстановки, анализ сложившейся ситуации на территории участка (особое внимание уделяется потенциальным целям диверсионно-террористических актов, например, объектам энергетики или транспортной коммуникации);

2) осуществление контроля за местами возможной закладки взрывных устройств, к которым относятся места массового скопления людей, такие как метро либо отдаленные места, подобные подвалам или чердачным помещениям;

3) выявление лиц, которые склонны к совершению преступлений террористической либо экстремистской направленности. К данной категории населения относят граждан, страдающих психическими заболеваниями, состоящих на учете в учреждениях здравоохранения, раннее отбывавших наказание в местах лишения свободы за аналогичные преступления либо склонных к совершению преступлений в связи с оказанным влиянием со стороны деструктивных структур;

4) проведение профилактических мероприятий, в том числе обхода территории на закрепленном административном участке (обследование зданий, сооружений, жилых домов, заброшенных домов и подлежащих сносу строений);

5) проведение индивидуальных профилактических мероприятий с отдельными категориями граждан в виде бесед. К данной категории граждан относят лиц, раннее отбывших наказание в местах лишения свободы, либо лиц, которые осуждены к мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Проводя анализ деятельности участковых уполномоченных полиции в сфере профилактики терроризма, стоит сказать, что она представляет собой комплексный процесс, который включает в себя различные виды профилактических мероприятий. К ним относятся профилактический обход административного участка, встречи с населением, беседы, составление ежегодных отчетов о работе на обслуживаемой территории, индивидуальная профилактическая работа с состоящими на учете лицами и др. Это указывает на многопрофильность работы участкового уполномоченного полиции и ее важность в процессе профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений [7] .

Исходя из статистических данных, стоит сказать, что, по информации МВД РФ, в январе-декабре 2024 года зарегистрировано порядка 3714 преступлений террористического характера, что больше на 55,9%, чем за данный период в 2023 году, из указанного числа зарегистрированных преступлений 285 пресечены на стадии приготовления и покушения. По информации МВД России на 4 сентября 2025 года, за период с января по июль правоохранительными органами зафиксировано 3582 преступления данной направленности, что уже больше на 84,2%, чем за аналогичный период 2024 года.

С момента формирования института участковых уполномоченных полиции круг обязанностей расширился, в него, помимо раннее возложенной охраны общественного порядка и общественной безопасности, стали входить меры по осуществлению административного надзора за раннее осужденными лицами, а также

проведение профилактических мероприятий, что указывает на развитие данного института и необходимость его существования в системе правоохранительных органов. Он направлен на тесное взаимодействие с населением, что способствует осуществлению профилактических мероприятий и снижению уровня преступности, в том числе террористической направленности, на определенном административном участке.

Литература

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.11.2025).

2. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике терроризма и экстремизма. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-uchastkovogo-upolnomochennogo-politsii-po-profilaktike-terrorizma-i-ekstremizma (дата обращения: 15.11.2025).

3. Организация деятельности участковых уполномоченных полиции в жилом секторе по предупреждению террористической угрозы и экстремисткой проявлений. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-deyatelnosti-uchastkovyh-upolnomochennyh-politsii-v-zhilom-sektore-po-preduprezhdeniyu-terroristicheskoy-ugrozy-i (дата обращения: 15.11.2025).

4. Взаимодействие полиции и уголовно-исполнительной системы в предотвращении терроризма. – URL: https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВСНиП%202021/ВСНиП%202%287%29_2022/bagnychev-m.yu..pdf (дата обращения: 15.11.2025).

5. Состояние преступности в России. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 15.11.2025).

6. Статистика преступлений МВД России. URL: https://msk1.ru/text/criminal/2025/09/04/76011348/ (дата обращения: 15.11.2025).

7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.11.2025).

8. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.11.2025).

9. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.11.2025).

10. О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. – URL: https://тинао.мск.мвд.рф/ документы/приказы-мвд-россии/item/24227854/ ?year=2025&month=3&day=10 (дата обращения: 15.11.2025).

Литвинова Мария Дмитриевна,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Джавадян Юрий Рачикович,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Территориальный принцип уголовного права Российской Федерации

Принцип территориальности уголовного права – один из основополагающих элементов правопорядка любого независимого государства. Он служит ключевым инструментом реализации государственного суверенитета, позволяя органам государственной власти эффективно осуществлять обеспечение общественной безопасности и защиту прав граждан в пределах своих границ.

Уголовный кодекс РФ определяет территориальный принцип применения уголовного закона, согласно которому все преступные деяния, совершенные на территории Российской Федерации, подпадают под ее юрисдикцию.

Для поддержания правопорядка и защиты прав граждан крайне важно четко понимать, в каких случаях и к кому применяется уголовный закон. Часть 2 статьи 11 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает, что уголовный закон распространяется на всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации в момент совершения преступления. Это положение является конкретным проявлением государственного суверенитета, то есть полной власти государства на своей территории [1].

Данная уголовно-правовая норма устанавливает, что все лица, совершившие преступление на территории России, подлежат уголовной ответственности в соответствии с действующим уголовным законодательством. Эта норма имеет универсальный характер, распространяясь на всех, кто совершил деяние, квалифицируемое как преступление по российскому праву, вне зависимости от их гражданства, принадлежности к какому-либо государству или места постоянного проживания [2].

Текст ч. 2 ст. 11 УК РФ определяет, что уголовный закон применяется к лицам, совершившим преступление на территории РФ, независимо от их гражданства и места проживания, что демонстрирует абсолютный суверенитет РФ в сфере уголовного правосудия в пределах ее границ. В отличие от части 1 статьи 11, которая регулирует применение УК РФ к лицам, совершившим преступления вне территории РФ (принцип гражданства, реальный и универсальный принципы), часть 2 фокусируется исключительно на географическом факторе. Международные соглашения и договоры имеют существенное значение, предусматривая возможные отступления от указанного принципа (в частности, для дипломатических представителей). Иммунитет для отдельных категорий лиц, предусмотренный

международными соглашениями, действует в России только в том случае, если соответствующие положения четко и недвусмысленно закреплены в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией.

Принцип территориальности в уголовном праве представляет собой не только пространственное измерение, но и фундаментальное выражение государственного суверенитета. Его суть заключается в распространении действия национального законодательства на все лица и события, имеющие место в пределах государственной территории. С правовой точки зрения данный принцип является основополагающим для определения юрисдикции уголовного законодательства Российской Федерации [3].

В эпоху высокой глобализации возникают комплексные правовые проблемы, связанные с преступлениями, совершаемыми за пределами национальной территории, и коллизиями юрисдикций. Российская Федерация в таких обстоятельствах руководствуется как внутренним законодательством, так и международными соглашениями. Это может обусловливать необходимость применения ограничений и исключений, в частности, при наличии двойной юрисдикции, когда преступное деяние затрагивает интересы нескольких государств. Сфера действия части 2 статьи 11 УК РФ максимально широка. Данное положение охватывает всех субъектов, совершивших противоправное деяние в пределах юрисдикции Российской Федерации. К ним относятся как граждане России, так и иностранные граждане, а также лица, не имеющие гражданства.

Приоритетным критерием является территориальность совершения преступления, а не правовой статус индивида. В отношении граждан РФ осуществляется уголовное преследование в случае совершения ими общественно опасного деяния независимо от их постоянного места жительства. Иностранные граждане полностью подлежат российскому уголовному закону за преступления на территории РФ. Лица без гражданства несут уголовную ответственность на общих основаниях. Особую актуальность приобретает проблематика, связанная с военнослужащими иностранных государств и дипломатическими работниками. В соответствии с положениями международного права и действующими международными договорами, в частности Венской конвенцией о дипломатических сношениях, дипломатические агенты обладают иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания [4]. В отношении военнослужащих могут быть заключены специальные соглашения, определяющие юрисдикционные аспекты. Следует отметить, что данные исключения не отменяют действие территориального принципа, а лишь ограничивают его практическую реализацию в отношении конкретных категорий лиц в рамках международных обязательств Российской Федерации.

Практическое применение ч. 2 ст. 11 УК РФ часто сопряжено с рядом сложностей, особенно когда речь идет о преступлениях, совершенных иностранными гражданами. В указанных обстоятельствах правоприменительные органы оказываются перед необходимостью урегулирования вопросов, относящихся к вопросам лингвистического перевода, сбору доказательственной базы и соблюдению процессуальных регламентов. Изучение судебной практики демонстрирует, что в отношении иностранных граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации, в полной мере применяются положения Уголовного ко-

декса РФ, что является подтверждением безусловного действия территориального принципа уголовного права.

Существуют значительные процессуальные и практические затруднения, связанные с получением доказательств, находящихся под юрисдикцией иностранных государств, а также с обеспечением соблюдения прав иностранных граждан, включая право на консульское представительство и услуги квалифицированного переводчика. Вопросы межгосударственного сотрудничества правоохранительных органов, включая процедуры оказания правовой помощи, приобретают особую значимость в контексте расследования преступлений, имеющих транснациональный характер. Фундаментальным требованием является соблюдение законности. Привлечение иностранного гражданина к уголовной ответственности должно осуществляться в строгом соответствии с предписаниями российского уголовно-процессуального законодательства. Это налагает на следственные и судебные органы обязанность обладать высокой профессиональной подготовкой и глубоким пониманием норм международного права. Несоблюдение международных стандартов может стать основанием для инициирования процедуры оспаривания решений в международных юрисдикционных органах.

Приоритет территориального принципа в российской правовой системе не исключает необходимости учитывать международные обязательства. В частности, международные договоры, регулирующие вопросы экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам, оказывают существенное влияние на процедуру привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации. В случае совершения преступления иностранным гражданином на территории Российской Федерации и его последующего выезда за пределы страны его экстрадиция возможна исключительно на основании международного договора и при условии, что данное деяние признается преступным как в России, так и в государстве, запрашивающем выдачу (принцип двойной криминальности). В случае если положения Уголовного кодекса Российской Федерации противоречат положениям международных договоров, которые Россия официально признала, применяются нормы международного договора, что полностью соответствует Конституции Российской Федерации. Международное право, признавая дипломатический иммунитет, напрямую ограничивает действие принципа, согласно которому государство обладает полной властью на своей территории. Международные обязательства выполняют функцию ограничения абсолютного территориального суверенитета, способствуя установлению баланса между независимостью государств и потребностью в международном взаимодействии для эффективного противодействия преступности.

Сопоставление правовых систем выявляет доминирование принципа территориальности в международном масштабе. Вместе с тем наблюдаются расхождения в его применении и допустимых исключениях. Эти нюансы, как правило, обусловлены историческими, политическими и культурными факторами, характерными для каждой страны. В рамках сравнительного анализа особенностей территориального принципа в разных государствах можно отметить, что в Соединенных Штатах Америки применяется широкое толкование понятия территории, которое включает в себя суда и самолеты, находящиеся под флагом США. Кроме того, в США активно используется экстерриториальная юрисдикция, основанная

на принципе гражданства. Что касается сходства с правовым подходом Российской Федерации, то здесь применим принцип универсальности для тяжких преступлений, а основным принципом остается территориальность.

В Германии же четко разграничивают место совершения преступления, опираясь на «теорию результата». Помимо этого, в ФРГ действуют дополнительные принципы (защитный и универсальный), однако их применение строго регламентировано. Сходство с правовым подходом РФ заключается в том, что основной акцент делается на месте совершения преступления. Это правило распространяется на всех лиц, которые находятся на ее территории. В Великобритании строго придерживаются территориального принципа, однако наблюдается тенденция к увеличению числа законодательных исключений для трансграничных преступлений. В качестве примеров таких преступлений можно привести терроризм и коррупцию. Что касается сходства с правовым подходом России, то в Великобритании применяют закон к иностранцам, находящимся на территории страны, независимо от их гражданства.

Резюмируя результаты сравнительного анализа, следует отметить, что отечественный подход, регламентированный ч. 2 ст. 11 УК РФ, характеризуется как классический и наиболее распространенный. Вместе с тем он нуждается в приспособлении к современным реалиям трансграничной преступности, что является общей тенденцией для других развитых правовых систем.

В заключение хотелось бы отметить, что положение, закрепленное в части 2 статьи 11 Уголовного кодекса Российской Федерации, является основополагающим для применения территориального принципа уголовного права. Оно гласит, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, признаваемое преступлением по российскому законодательству, на территории Российской Федерации, несет уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом РФ. Исключение составляют случаи, когда международными договорами Российской Федерации установлены иные правила. Данная норма является подтверждением государственного суверенитета Российской Федерации.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией Г. А. Есакова. – Москва: Проспект, 2022. – 816 с.

3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Инфра-М, 2025. – 354 с.

4. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).

Малиновский Даниил Сергеевич,
курсант 3 курса
факультета правоохранительной деятельности
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель:
Бархатова Екатерина Николаевна,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Преступления в сфере спорта

В настоящее время уголовное законодательство в Российской Федерации не предусматривает такого родового объекта, как преступления в сфере спорта, хотя развитие в данной сфере происходит очень быстрыми темпами. Современные реалии позволили проникнуть спорту во многие отрасли жизни. Спортивные отношения очень тесно связаны с экономической, социальной, культурной сферой и т.д., что обеспечивает и стимулирует человеческую жизнедеятельность. Но хочется сказать, что и количество негативных моментов стало гораздо больше. А так как большинство таких отрицательных моментов не регулируется, они активно продолжают свое существование, приобретая очень опасные формы, сравнимые с преступлениями.

Например, одними из таких опасных деяний являются вовлечение лица в употребление запрещенных препаратов, стимулирующих силовые показатели, вовлечение несовершеннолетних в употребление запрещенных препаратов, стимулирующих силовые показатели, спортивное хулиганство, фальсификация результатов спортивных соревнований с целью присвоения спортивных званий и разрядов и т.д., подкуп участников спортивных соревнований. В связи с этим данные деяния стоит воспринимать в качестве серьезных нарушений, так как такого рода действия наносят значительный ущерб правам и законным интересам граждан.

Все эти проблемы связаны с тем, что в настоящее время значительно развиваются экономические отношения. Они активно проникают во все области жизни, и сфера спорта в этом случае не стала исключением. И в связи с неполной регуляцией сферы спорта со стороны закона происходит ее криминализация. Как указывает в своей работе Ю. В. Лежнева, спорт стал объектом рыночных отношений, в связи с чем получили довольно широкое распространение такие виды преступлений, как договорные встречи, подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований [1, с. 354]. И если говорить об оказании влияния на таких лиц с целью склонить их к фальсификации спортивного соревнования путем подкупа, то все же уголовный закон предусмотрел ответственность за данные действия – предусмотрены они статьей 184 УК РФ [2]. Тогда как квалифицировать деяние, если определенного спортсмена продвигает целая спортивная ассоциация? То есть это больше характерно для автономных некоммерческих организаций, проводящих соревнования. Там никому не предоставляются никакие блага,

никто никого не подкупает, но при этом результаты соревнований фальсифицируются и спортсмен получает спортивное звание.

Однако санкция ст. 184 УК РФ требует факта подкупа, то есть передачи спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав. Поэтому стоит отметить тот факт, что данная норма имеет значительные пробелы в применении, так как основная ее направленность все же не спортивная, а экономическая. То есть данная норма является своеобразным видом взятки, наряду с коммерческим подкупом, и в нее законодатель вложил спортивную подоплеку, хотя необходимо все же рассмотреть ее в рамках спортивных преступлений, и тогда она будет иметь спортивный характер с экономической составляющей, где подкуп как раз-таки и будет выступать в качестве квалифицирующего признака.

Помимо этого, есть и другие общественно опасные деяния, например спортивное хулиганство, которое можно рассмотреть в качестве преступления в сфере спорта. Проявляется оно в неуважении к сопернику спортивного соревнования путем угроз, применения к нему насилия, не опасного для жизни или здоровья, сопряженного с публичным унижением спортсмена. Причем данные деяния имеют не единичный характер в РФ. В пример можно привести ставшие популярными в сети Интернет поп-шоу промоушены – «Поп-ММА». Неотъемлемым элементом данных шоу является «треш-ток»: драки во время конференций, нападения на бойцов еще до боя, так и за пределами бойцовских рингов, а также все это обычно сопровождается большим количеством оскорблений. И несмотря на то, что участников данных шоу сложно назвать спортсменами, специализируются такие шоу все же на спортивной составляющей. И весь «треш-ток», который совершают бойцы подобных промоушенов, направлен как на их продвижение в популярности, так и в извлечении ими прибыли, но проблема заключается в том, что действия бойцов уже давно вышли за рамки всех норм. Отсутствие карательного механизма со стороны государства приводит к тому, что данное поведение начинает нормализоваться в обществе. Безнаказанность бойцов таких шоу приводит к тому, что и лица, которые наблюдают за всем этим, принимают такое же поведение. Тогда налицо здесь не только унижение человеческого достоинства как основного конституционного права человека, но также популяризация и нормализация такого поведения преимущественно среди молодого поколения. И в совокупности все эти факторы складываются в отрицательное отношение к данным видам спорта со стороны других людей, что приводит к уменьшению престижа настоящего спорта и спортсменов в целом. В этом и заключается общественная опасность таких деяний. Поэтому в уголовно-правовом законодательстве все же необходим механизм, который бы мог оказывать воздействие как на организаторов, так и на участников упомянутых лиг, чтобы отстранять подобных лиц от организации и участия в любых спортивных мероприятиях, дабы не разлагать общество такого рода поведением и не подрывать престиж спорта в целом.

Также стоит рассмотреть и употребление спортсменами и не только различных видов препаратов, стимулирующих силовые и мышечные кондиции человека. Проще говоря, употребление человеком допинга. И тут все же стоит отметить ряд моментов. Многие могут заметить, что за склонение и употребление таких препаратов уже есть ответственность, предусмотренная статьями 230.1 и 230.2 УК РФ. Но из диспозиции данных норм вытекают интересующие моменты. Ответственность по данным статьям несут лишь тренеры, специалисты по спортивной медицине либо иные специалисты в спортивной области. Также важно учитывать, что потерпевший в таком преступлении – это спортсмен. Тогда что следует понимать под словом «спортсмен»? В соответствии с Федеральным законом № 329 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», а именно пунктом 22 статьи 2 спортсмен – это физическое лицо, занимающееся выбранным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях [3]. Тогда, соответственно, возникают вопросы, что если вовлечением лица в употребление запрещенных препаратов, стимулирующих силовые показатели, занимается не тренер или другой специалист, а простое лицо, а также если это лицо, хоть и занимается спортом, но не является спортсменом? Вот касательно этих вопросов и возникают проблемы. Значит, лица, занимающиеся спортом, но не выступающие на соревнованиях, не подходят под данную норму, что, конечно же, свидетельствует о большом пробеле в уголовном праве. То есть лица, занимающиеся саморазвитием в спортивных залах, в особенности коммерческих, могут быть подвержены негативному влиянию как со стороны лиц, которые в этом зале занимаются тренерской деятельностью, так и лиц, которые просто занимаются спортом. Вывод будет таков, что данные лица не понесут никакой ответственности за склонение или использование в отношении лица, занимающегося спортом, запрещенных препаратов, повышающих атлетические кондиции данного лица, что, безусловно, является уголовно-правовой ошибкой.

Тогда на основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что данные лица вообще не несут никакой ответственности. Все же нет. Ответственность они несут по ст. 234 УК РФ – за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ [2]. И допинг в рамках данной статьи рассмотрен в качестве сильнодействующего или ядовитого вещества, о чем сказано в Постановлении Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» [4]. Сам факт приравнивания допинга к ядовитым и сильнодействующим веществам является справедливым, потому что использование допинга опасно для жизни и здоровья и может привести к летальному исходу. Но уголовно-правовой механизм почему-то по-разному рассматривает одно и то же деяние. Если субъект – профессиональное лицо в области спорта, которое склонило или использовало в отношении спортсмена допинг, то ответственность оно несет по ст. 230.1 или 230.2 УК РФ, а еще и по совокупности преступлений по ст. 234 УК РФ, а если нет, то только по ст. 234 УК РФ. По сути, лицо, склоняя другое к его употреблению, несет ответственность за сбыт, что противоречит диспозиции данной статьи. Тогда тренер или другое профессиональное лицо, склонившее спортсмена к употреблению допинга, несет

ответственность сразу по двум статьям – за склонение и сбыт, а вот обычное лицо понесет ответственность исключительно за сбыт, хотя, возможно, оно и склонило, и научило им пользоваться. И, подводя итог вышесказанному, стоит сказать, что уголовный закон в данном аспекте не предусмотрел различие в ситуациях, из-за чего по факту два идентичных деяния рассматриваются с разных сторон, и лицо, которое не является тренером или специалистом, вовлекая другое в употребление допинга, даже может причинить тому еще больший вред, так как не обладает специальными знаниями в этой области, и к прочему понесет еще гораздо меньшее наказание, нежели тренер, который вовлек спортсмена в употребление допинга, но в силу специальных знаний сделал это для спортсмена безопаснее. В связи с этим законодателю следовало бы более подробно разобраться в этом вопросе.

Также некоторые вопросы вызывают и недавно появившиеся в сети Интернет, а именно на сервисах «TikTok», «YouTube», спортивные направления со своей философией и подходам к тренировкам. Одними из получивших популярность среди людей молодого поколения направлений стали занятия атлетизмом в спортзалах, а именно занятие «бодибилдингом». Блогеры, которые занимаются этим направлением, активно пропагандируют употребление различных препаратов, то есть допинга. Аудитория данных блогеров, как правило, полностью состоит из несовершеннолетних, которые в силу возрастных ограничений не могут понять, какое влияние на организм может оказать употребление таких препаратов. И важно отметить, что употребление данных препаратов запрещено лицам, не достигшим возраста 21 года. Так как препараты в силу своих свойств не просто могут, а окажут отрицательное влияние на организм несовершеннолетнего, который находится в стадии полового созревания.

Пробелы в законодательстве не позволяют привлечь данных лиц к ответственности, так как ответственность за незаконное изготовление, переработку, приобретение, хранение наступает только с целью сбыта, но данные блогеры используют их для себя, поэтому и не несут ответственности. А вопрос о популяризации использования лицами допинга в сети Интернет уголовным законодательством вовсе и не рассматривается. Поэтому законодателю следует обратить внимание на этот аспект. Так как блогеры, занимаясь такой популяризацией, вовлекают в употребление допинга не только взрослое население, но и несовершеннолетних, что можно рассматривать в качестве отягчающего обстоятельства, потому что в соответствии с законодательством РФ некоторые препараты, которые являются допингом, отнесены к категории ядовитых и сильнодействующих веществ.

Делая выводы, стоит отметить, что в уголовном праве довольно плохо рассмотрен вопрос, касающийся допинга, а также и других моментов, которые были рассмотрены ранее, поэтому существуют противоречия в нормах либо вовсе неурегулированность правоотношений. В связи с этим было бы неплохо ввести в уголовное законодательство такой родовой объект, как преступления в сфере спорта, что способствовало бы улучшению практики регуляции правовых отношений в этой области.

Литература

1. Лежнева, Ю. В., Петровский, С. С. К вопросу о преступлениях в спорте // Форум молодых ученых. – 2018. – №2 (18). – С. 352–355.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года: последняя редакция. – Текст: электронный // Консультант Плюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.11.2025).

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон № 329-ФЗ: принят Государственной Думой 16 ноября 2007 года : одобрен Советом Федерации 23 ноября 2007 года: последняя редакция. – Текст: электронный // Консультант Плюс: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 02.11.2025).

4. Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации": Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 : последняя редакция. – Текст: электронный // Консультант Плюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404853/ (дата обращения: 02.11.2025).

5. Берестовой, А. Н., Цветков, П. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3(95). – С. 70–71.

Маринич Софья Сергеевна,
курсант 4 курса
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Научный руководитель:
Жук Александр Анатольевич,
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительно права
и криминологии
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Криминологический анализ женской преступности в Республике Беларусь

В эпоху традиционного общества социальная роль женщин заключалась в ведении домашнего хозяйства и хранении семейного очага. Установление капиталистических отношений и эмансипация женщин привели к вовлечению лиц женского пола в трудовые отношения и смене семейных ролей. Вовлеченность женщин во все сферы жизни общества способствовала росту преступности среди них. Постиндустриальное общество также наложило свой отпечаток на роль женской половины человечества: активное участие женщин в общественных и трудовых отношениях, ослабление института семьи оказало определенное влияние на криминализацию женского общества. Таким образом, специфика образа жизни, социальная позиция и своеобразие деятельности лиц женского пола определяют особенности женской преступности.

Существует несколько теорий, которые объясняют феномен женской преступности. Теории эндогенной преступности истолковывают явление женской криминализации, основываясь на психогенетических факторах. Известно, что один из основателей криминологии Ч. Ломброзо высказал мнение о психической предрасположенности всех женщин к совершению преступлений. Так, даже случайные преступницы, по его мнению, «обнаруживают, благодаря жизненным условиям, ту долю нравственной извращенности, которая свойственна каждой женщине» [1].

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2024 году возросло количество преступлений, совершенных лицами женского пола на территории Республики Беларусь, в сравнении с данными 2023 года на 7,48%, 2022 года – на 0,72% [2].

Исходя из представленных статистических данных, можно наблюдать рост общего числа преступлений, совершенных лицами женского пола, что подчеркивает актуальность исследования данной проблемы.

Согласно исследованию Я.С. Плодуновой, соотношение уровня преступлений, совершаемых женщинами, к уровню преступлений, совершаемых мужчинами, равно 1:7, учитывая тот факт, что женщин в структуре населения Республики Беларусь больше. В то же время, как отмечает исследователь, наблюдается рост количества женщин-преступниц ввиду повышения их социальной активности [3, с. 161].

Основными детерминантами женской преступности являются социально-экономические (уровень жизни, материальное положение, отсутствие работы, бытовые условия), психологические и личностные (индивидуальные особенности личности, наличие психических расстройств, травмы детства, насилие в семье, алкогольная или наркотическая зависимость), социально-культурные (социальная группа, к которой относится женщина, влияние криминальной субкультуры, нормы и ценности, пропагандирующие антиобщественное поведение). В некоторых случаях оказывать влияние на женскую преступность может криминальная среда. Зачастую это происходит с женщинами, которые отбывали наказание в виде лишения свободы ввиду того, что они подверглись влиянию криминальной субкультуры, имеют криминальный опыт и связи с лицами, ранее совершившими преступление. В качестве детерминанты может выступать нежелание женщины, отбывшей наказание в виде лишения свободы, придерживаться правопослушного образа жизни ввиду того, что она не знает, как законным путем удовлетворить базовые потребности.

Стоит отметить, что структура женской преступности значительно отличается от мужской, что объясняется биологическими и социальными факторами. Женщины физически слабее мужчин, что делает их более уязвимыми. Ввиду этого они реже совершают преступления насильственной направленности. При этом основным их мотивом выступает защита своей жизни либо жизни своего ребенка. В обществе женщине зачастую дают роль хранительницы семейного очага: порядок в доме и уход за детьми и мужем – зона ответственности женщины. Ввиду этих причин у женщины не остается свободного времени для совершения противоправных деяний; удельный вес женской преступности в общей структуре преступности традиционно остается небольшим, однако показатели незначительно повышаются. Несомненно, эти факторы оказывают влияние на показатели женской преступности, однако их необходимо рассматривать в совокупности, а не отдельными друг от друга группами, т.к. в данном аспекте они раскрывают сущность женской преступности как явления.

По мнению Т.Г. Терещенко, по линии уголовного розыска в небольшом количестве женщинами совершаются такие преступления, как кража, в том числе кража транспортного средства, грабеж, разбой, убийство, в том числе покушение на убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений [4, с. 155].

Мотивами женской преступности чаще всего выступают:

1. желание обладать ценными вещами;
2. удовлетворение своих потребностей;
3. защитная агрессия;
4. сильная зависимость от алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных веществ;
5. желание заработать «легкие» деньги.

В 2024 году официальным представителем Следственного комитета Республики Беларусь Александром Суходольским в программе «Причины и следствие» был представлен портрет женщины-преступницы, составленный согласно данным статистики. Итак, женщина-преступница – незамужняя или разведенная женщина 30–39 лет, проживающая в городе, не имеющая на иждивении несовершеннолетних детей. Стоит отметить, что преступления совершают женщины раз-

личного возраста, от молодых до пожилых, в данном контексте приведен средний возраст относительно статистики.

Такие женщины, как правило, нигде не работают и не учатся, а также имеют низкий доход. Как правило, они родились и воспитывались в неблагополучных семьях и ведут антисоциальный образ жизни: злоупотребляют алкогольными напитками, принимают наркотические вещества, некоторые из них уже были осуждены за совершение преступления. Практически каждая четвертая отрицательно характеризуется по месту работы или жительства и только около половины признают свою вину за совершенное деяние. При этом большинство женщин совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения. Как правило, умышленное причинение тяжких телесных повреждений или убийство женщины совершали в состоянии сильного душевного волнения, которое было вызвано тем, что они долгое время терпели насилие в семье. Каждая третья из них до совершения преступления находилась в маргинальной среде, злоупотребляла алкоголем.

В настоящее время отводится значительное внимание профилактике женской преступности: ведется работа с женщинами, которые ранее были осуждены за совершение того или иного преступления, организовываются беседы с женскими коллективами о недопущении нарушения норм действующего законодательства, а также видеоконференции с осужденными женщинами, отбывающими наказание в местах лишения свободы. Предлагаем внести следующие меры профилактического характера женской преступности с целью понижения ее показателей:

1. повышение социального контроля за распределением ролей женщин в обществе;
2. создание социальных центров, оказывающих женщинам помощь в борьбе с алкоголизмом, наркоманией и лудоманией;
3. оказание помощи женщинам, отбывшим наказание, ведущим антисоциальный образ жизни, в адаптации к нормам жизни в обществе;
4. разработка социальных программ, направленных на общее улучшение положения женщин во всех сферах жизни общества.

Литература

1. Ломброзо, Ч., Ферреро, Г. Женщина преступница и проститутка / Ч. Ломброзо, Г. Ферреро. – 1991. – 193 с.

2. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000007?viewType=CHART (дата обращения: 13.10.2025).

3. Плодунова, Я. М. Женская преступность / Я. М. Плодунова // Беларусь в современном мире: материалы V Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 24 мая 2012 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2012. – С. 161–163.

4. Терещенко, Т. Г. Женская преступность в Республике Беларусь: некоторые особенности и тенденции / Т. Г. Терещенко, В. С. Ануфриева // Проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 мая 2014 г.) / Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – С. 154–156.

Маслов Владимир Александрович,
студент 3 курса юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Боташева Лейла Эмербековна,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Налоговый мониторинг как эффективная форма налогового контроля

В настоящее время не вызывает сомнений утверждение о том, что для успешного функционирования налоговой системы любого государства одним из ее базовых элементов должен выступать налоговый контроль.

В научных исследованиях отечественных авторов уже длительное время обращается внимание на проблему эффективности налогового контроля в нашем государстве по причине существования значительной доли «серых» доходов населения, из-за чего бюджетная система России недополучает около 2,3 трлн руб. Для усовершенствования института налогового контроля и пресечения уклонения от уплаты обязательных платежей в 2015 году был внедрен новый правовой инструмент, получивший название налогового мониторинга.

Следует отметить, что исследуемый в статье мониторинг не является исключительно отечественной разработкой. Он широко распространен в мировой практике. Речь идет о мониторинге Standart Audit File for Tax, еще именуемом как SAFT. Он подразумевает обмен бухгалтерскими данными между организацией и налоговым аудитором. Реализация мониторинга стала возможной ввиду влияния цифровизации, применения более высокотехнологичных IT-систем.

Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) содержит достаточно подробное правовое регулирование предмета, порядка проведения и прекращения мониторинга, а именно ему посвящены две главы налогового закона – 14.7, касающаяся начала проведения и особенностей прекращения мониторинга, и 14.8, регулирующая механизм прекращения [1].

Российский законодатель не произвел регламентацию законодательного определения налогового мониторинга, ограничившись определением предмета. Вместе с тем понятие мониторинга в налоговой сфере крайне необходимо для уяснения места в системе налогового контроля, поэтому представители экономической и юридической науки разрабатывают авторские определения исследуемой формы контроля.

По мнению Т.И. Корсун, Ж.В. Дрыгиной, налоговый мониторинг является уникальной формой осуществления налоговыми органами контрольных мероприятий, поскольку его природа объединяет в себе специфические признаки камеральной и выездной проверок [2]. Исследователи полагают, что особенностью исследуемой формы контроля является постоянный доступ должностного лица к бухгалтерской и налоговой отчетности подконтрольного субъекта, позволяющий

оперативно выявлять ошибки в расчетах или несвоевременность уплаты и незамедлительно информировать об этом налогоплательщика.

О.И. Лютова полагает, что внедрение мониторинга способствует видоизменению отношений между налогоплательщиком и налоговым органом – от императивного подчинения до социального партнерства [3]. Полагаем, что данное суждение следует признать соответствующим действительности.

Е.Н. Колесникова считает, что итоговой целью создания и внедрения в правоприменительную деятельность мониторинга является обеспечение самостоятельности и добровольности уплаты обязательных платежей, при этом немаловажным фактором является сокращение расходов на налоговое администрирование [4].

Полагаем, что налоговый мониторинг стал воплощением в реальной действительности риск-ориентированного подхода.

Как указывает налоговый закон, предметом мониторинга выступают корректный расчет и своевременность уплаты обязательных платежей, что в принципе является предметом и других форм контрольных мероприятий. Реализация процедуры мониторинга производится исключительно по волеизъявлению организации, ведущей административно-хозяйственную деятельность, что коренным образом отличает исследуемую форму контроля от иных, например, проверок.

По данным, предоставленным ФНС России, в 2025 году в процедуре мониторинга участвуют 744 компании. Для сравнения, в 2024 году мониторинг осуществлялся в отношении 569 компаний [5]. Участники мониторинга представлены преимущественно нефтегазовой, энергетической и торговой отраслями экономики.

Важно подчеркнуть, что далеко не любой желающий присоединиться к процедуре мониторинга налогоплательщик может обратиться с заявлением в налоговый орган, поскольку необходимо соответствие сразу нескольким условиям. Обозначим, что применительно к данным законодательным условиям уже длительное время ведутся дискуссии.

Итак, налогоплательщик может обратиться с инициативой о проведении в отношении него налогового мониторинга при установлении соответствия по трем условиям:

1) совокупная сумма налогов в размере не менее 80 млн руб.;

2) суммарный объем доходов за год, предшествующий тому году, в котором подано заявление, составляет не менее 800 млн руб.;

3) общая сумма активов на последний день предшествующего года также не менее 800 млн руб.

Как мы видим, суммы, обозначенные законодателем, внушительные, поэтому субъектами мониторинга являются крупные налогоплательщики. Это при том, что в 2024 году были внесены изменения в ст. 105.26 НК РФ, снизившие «стоимостные» требования к налогам, доходам и активам.

Также следует обратить внимание на определенное нововведение прошлого года, позволяющее нивелировать требование о соответствии «стоимостным» условиям. Так, исключениями пользуются налогоплательщики, уже находящиеся в системе мониторинга; организации, являющиеся резидентами территорий опережающего развития; государственные и муниципальные учреждения и др.

Срок реализации такого контрольного мероприятия, как мониторинг, регламентируется положениями налогового закона, а именно началом проведения мониторинга является 1 января, завершение мониторинга связано с наступлением 1 октября следующего календарного года, то есть срок один год и девять месяцев.

Законодателем установлены определенные обстоятельства, влекущие за собой досрочное прекращение исследуемого контрольного мероприятия, в том числе нарушение налогоплательщиком специального регламента по взаимодействию, несвоевременное предоставление информации либо же ее недостоверность, а также новое обстоятельство, введенное в действие в прошлом году, – это государственная регистрация прекращения организации, что достаточно логично.

Полагаем, что преимуществом мониторинга для налогоплательщиков по сравнению с другими формами контроля является существенное снижение налоговых рисков, в частности получение так называемого мотивированного мнения, под которым понимается официально выраженная позиция налогового органа, разъясняющая особенности исчисления и уплаты обязательных платежей; отсутствие штрафных санкций при условии, что требования соответствующего должностного лица были выполнены; мораторий на выездные и камеральные проверки; значительно уменьшается объем документов, предоставляемых в контрольный орган.

Положительным образом сказывается внедрение мониторинга и на деятельности налогового органа, так как снижаются затраты на проведение налогового администрирования и увеличиваются поступления в бюджет России.

Однако было бы несправедливо утверждать, что применение мониторинга сопровождается исключительно преимуществами, поскольку на практике подконтрольные субъекты испытывают определенные сложности. Так, организации опасаются, что прозрачность их бухгалтерской отчетности повлечет за собой увеличение налогового бремени. Действительно, налоговые инспекторы обладают возможностями проведения тотального контроля над хозяйственной деятельностью компании [6].

Также необходимо отметить существование весьма высоких требований к оснащению IT-систем и построению алгоритма контрольно-аналитических процессов, в противном случае не будет выполняться надлежащим образом регламент взаимодействия, да и в целом имеются риски утечки информации.

Отметим, что мораторий на налоговые проверки имеет исключения, перечисленные в п. 5.1. ст. 89 НК РФ, например, если за период мониторинга была представлена уточненная декларация с уменьшенной суммой налога либо с увеличенной суммой на возмещение НДС. Тем самым организация, участвующая в процедуре мониторинга, может быть не защищена от выездной проверки.

Признается определенным недостатком мониторинга и ограниченность подконтрольных субъектов, обусловленная высоким «стоимостным» требованием к налогам, доходам и активам, и как результат таким критериям соответствует малая доля налогоплательщиков.

Не совсем ясна правовая природа мотивированного мнения инспектора, участвующего в мониторинге. Например, если подконтрольный субъект не согласен с таким мнением, будет ли прекращен мониторинг и возможно ли обжаловать мнение в суде.

Таким образом, налоговый мониторинг представляет собой инновационную форму контроля, исключающую личное взаимодействие инспектора и компании, поскольку налоговому органу предоставляется удаленный доступ к информационной системе и отчетности. Важное отличие от иных контрольных мероприятий связано с добровольным участием в мониторинге. Несмотря на все аспекты «привлекательности» налогового мониторинга для налогоплательщиков и налоговых органов, объективная действительность такова, что налоговое принуждение с использованием административного ресурса остается наиболее продуктивным в борьбе с налоговыми правонарушениями. Полагаем, что применение мониторинга будет отличаться большей степенью эффективности, если снизить численные значения входного порога для участия, что позволит присоединиться среднему и малому бизнесу. Кроме того, на наш взгляд, требуется пересмотр обстоятельств, указанных в п. 5.1. ст. 89 НК РФ. Определенные разъяснения ФНС России необходимы по поводу юридической сущности мотивированного мнения.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 07.11.2025).
2. Корсун, Т. И., Дрыгина, Ж. В. Налоговый мониторинг как институт налогового права и эффективный способ налогового контроля // Человек. Социум. Общество. – 2022. – № 8. – С. 61–66.
3. Лютова, О. И. Административно-правовой статус налогового консультирования //Административное право и процесс. – 2018. – № 4. – С. 68–71.
4. Колесникова, Е. Н. Непопулярный взгляд на налоговый мониторинг // Вестник университета. – 2024. – № 10. – С. 141–148.
5. Количество участников налогового мониторинга в 2025 году вырастет на 30%. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15360243/. – (Дата обращения: 07.11.2025).
6. Станкевич, Г. В. Налоговый мониторинг: отдельные аспекты применения // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 154–160.

Михалевская Татьяна Александровна,
курсант 4 курса
следственного факультета
Омской академии МВД России

Научный руководитель:
Комарова Наталия Сергеевна,
преподаватель
кафедры уголовно-процессуального права
Омской академии МВД России

Участие народного элемента при производстве следственных действий

В обществе существует одно из мнений, что в расследовании преступлений участие принимают только соответствующие органы, в чьей компетенции эта деятельность находится. Но уже на началах изучения уголовно-процессуального право можно понять, что это не так.

Участие граждан в следственных действиях – важный элемент российской правовой системы, направленный на обеспечение гласности, законности и общественного доверия к процессу расследования. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [1] народный элемент проявляется в расследовании через институты понятых, свидетелей, потерпевших, специалистов и экспертов.

Конечно, расследование уголовного дела включает в себя документированность каждого хода событий, а так как следственные действия считаются основным аспектом проведения расследования уголовного преступления, то порядок их производства четко регламентирован нормами уголовно-процессуального закона. Сама процедура расследования следователем дела заключается не только в сборе доказательств, указывающих на виновность лица, но и на все факты, говорящие о его непричастности к совершению преступления. Какими бы ни были все данные, на сбор которых направлена деятельность следователь или дознавателя, ему очень важно зафиксировать доказательства в том виде, в каком они были первоначально.

Понятые – это ключевые участники следственных действий, их роль направлена на обеспечение законности, прозрачности и достоверности процесса расследования.

Понятыми являются любые лица, которые желают помочь следствию в достижении законности проведения следственных действий, но при выборе данных лиц присутствуют исключения, которых обязаны придерживаться правоохранительные органы. Понятые должны быть достигшие совершеннолетнего возраста и дееспособные, без прямой или косвенной заинтересованности, поэтому в лице понятых не могут выступать родственники и близкие родственники, а также сотрудники по расследованию преступлений государственных органов исполнительной власти.

К основным функциям понятых относятся: удостоверение факта производства следственного действия; удостоверение содержания следственного действия;

удостоверение хода следственного действия; удостоверение результатов следственного действия [2, с. 353].

Участие понятых при производстве следственных действий необходимо для подтверждения имеющихся доказательств перед судом. Ведь это не просто присутствие при расследовании, а дача суждений и мнений понятыми, которые в последующем выступают гарантом незаинтересованности и независимости в результатах исследований правоохранительных органов. Под термином «участие» понимается не только само присутствие понятых, но и право делать замечания и заявления в ходе расследования, которые после заносятся в протокол [3, с. 117].

Невозможность участия понятых также присутствует при производстве следственных действий, этому способствуют труднодоступные местности и действия, связанные с опасностью для жизни и здоровья людей. В таких случаях применяются технические средства и делается пометка в протоколе.

Следует обратить внимание, что институт понятых появился именно в то время, когда отсутствовали иные источники подтверждения достоверности. Стоит затронуть наличие современных технологий, которые могут заменить привлечение понятых. Конечно, их применение значительно сократит время и издержки в процессе расследования уголовных дел. Видеозапись и электронные протоколы сокращают потребность в понятых, что снижает их значимость, но повышают риски манипуляций, которые недопустимы в расследовании. А само применение технических средств обязательно требует наличия знаний специалиста в области цифровизации, чтобы доказательства были зафиксированы должным образом и не утратили свою силу. Тогда ход действий будет фиксироваться с момента начала и до конца, без наличия прерываний и пауз.

Преимуществами при наличии понятых при производстве следственных действий выступают повышение доверия к следствию, общественный контроль за соблюдением прав граждан и предотвращение злоупотреблений, например, фальсификации доказательств [4, с. 170].

Отрицательной стороной участия понятых при производстве следственных действий выступают:

– формализм участия понятых: понятые часто подписывают протоколы без детального изучения;

– цифровизация: применение видеозаписи снижает значимость народного элемента.

Участие народного элемента в следственных действиях остается важным гарантом достоверности проведенных следственных действий, но нуждается в модернизации.

Вопрос о модернизации, с моей точки зрения, представляет собой введение определенных условий участия понятых в следственных действиях, предусмотренных для упрощения и эффективности работы органов следствия.

В ходе изучения института понятых мной была замечена проблема, с которой постоянно сталкиваются органы следствия: приискание граждан для проведения следственных действий с их участием. В ответ на проблему предлагаю решение в двух видах.

Первым вариантом решения следует считать внесение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) ответственность

за отказ от участия без объективных обстоятельств в статусе понятого при производстве следственного действия. Данная мера будет применяться в случае, когда сотрудники правоохранительных органов лично обращаются к гражданам для участия в расследовании уголовного дела, при этом предупреждая их об административной ответственности. Безусловно, здесь имеют место быть исключения при отказе, к ним следует отнести: наличие болезни, пожилой возраст, беременность на поздних сроках и иные существенные причины, препятствующие участию в качестве понятого при производстве следственных действий.

Вторым вариантом решения данной проблемы допустимо рассмотрение идеи о проведении отбора лиц, изъявивших добровольное желание иметь статус понятых в ходе расследования, когда это необходимо, и в дальнейшем принятие перечня этих лиц. Выбор определенных граждан для привлечения к следственным действиям будет происходить путем случайного выбора на техническом устройстве. Такое решение проблемы исключит вопрос о затрате времени, которое могло бы тратиться на приискание понятых.

Сохранение института понятых при одновременном внедрении технологий, повышение правовой культуры граждан и усиление гарантий их независимости позволят укрепить законность и гласность следствия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 11.11.2025).

2. Соболь, А. В. Понятые как участники уголовного судопроизводства, не имеющие юридического интереса к результатам расследования преступления / А. В. Соболь // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2011. – С. 351–358.

3. Григорьев, В. К, Кузьмин, Г. А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе. – Москва, 2003. – 136 с.

4. Семенцов, В. А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России / В. А. Семенцов // Общество и право. – 2014. – № 2. – С. 170–174.

Мишенькина Мария Вадимовна,
курсант 2 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бушмакина Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Опыт зарубежных стран в обучении сотрудников правоохранительных органов в области профессиональной безопасности

Современная деятельность сотрудников правоохранительных органов характеризуется повышенной степенью риска, что требует выработки системных мер профессиональной безопасности, направленных на сохранение жизни, здоровья и психического состояния личного состава. Профессиональная безопасность представляет собой комплекс мер организационного, правового и психологического характера, обеспечивающих защиту сотрудников от угроз, возникающих в процессе выполнения служебных обязанностей. Эти угрозы носят как внешний, так и внутренний характер: от прямых нападений и террористических актов до стрессов, конфликтов в коллективе и профессионального выгорания. Согласно исследованиям Международной ассоциации полицейских, около четверти сотрудников ежегодно сталкиваются с физическими угрозами, а психологическое напряжение сопровождает служебную деятельность практически постоянно [1, с. 76].

Обеспечение профессиональной безопасности становится приоритетным направлением кадровой политики в сфере охраны правопорядка. Исследования Европейской полиции показывают, что высокий уровень профессиональной безопасности снижает риск профессионального стресса до 25%, что напрямую отражается на результативности оперативно-служебной деятельности [2, с. 23]. Комплексный подход к подготовке кадров предполагает объединение правовых, психологических и физико-тактических аспектов обучения, обеспечивая формирование всесторонне подготовленного специалиста, способного адекватно реагировать на угрозы любой природы.

Важным элементом системы профессиональной безопасности является физическая подготовка сотрудников полиции, развивающая выносливость, силу и способность к самозащите. Она служит не только средством поддержания здоровья, но и инструментом личной безопасности при выполнении оперативных задач [3, с. 83]. Модернизация программ физической и психологической подготовки становится одной из главных тенденций зарубежных систем полицейского образования. Так, в США, где действует более 700 полицейских академий, курсанты проходят 20-22-недельные курсы, включающие физическую, правовую и коммуникативную подготовку. Основу их программы составляет принцип «officer

safety» – приоритет защиты жизни и здоровья сотрудника, достижение высокой стрессоустойчивости и умения безопасно действовать в любых условиях [4, с. 99].

Американская модель обучения характеризуется широким применением симуляционных и VR-технологий, позволяющих моделировать служебные ситуации в условиях, близких к реальности. Такие методы снижают количество ошибок на практике на 15%, а также развивают навыки командного взаимодействия [5, с. 33]. Подобные подходы используются и в Канаде, где программы Королевской конной полиции направлены на профилактику насилия и деэскалацию конфликтов. Значительное внимание уделяется этическому поведению и социальной ответственности полицейских, что способствует укреплению доверия населения [6, с. 620].

Великобритания разработала концепцию OPST (Officer and Public Safety Training), ориентированную на безопасность как сотрудников, так и граждан. Основной акцент сделан на предотвращении эскалации конфликтов, развитии переговорных навыков и соблюдении прав человека. После внедрения программы OPST количество случаев применения силы снизилось на 15%, что свидетельствует об эффективности методов коммуникации и ситуационного анализа. В рамках обучения отрабатываются тактические приемы задержания, использование защитного снаряжения и алгоритмы поведения в стрессовых ситуациях. Концепция OPST рассматривается как инструмент повышения доверия общества к полиции и снижения агрессивности служебных контактов.

Германская система профессиональной подготовки полицейских построена на модульном принципе, предполагающем последовательное освоение теоретических и практических блоков. Первый этап включает изучение правовых основ и этических норм, второй – практическую отработку действий в реальных сценариях, а заключительная стадия – стажировку под руководством опытных наставников [7, с. 271]. Особое значение имеет методика «правовой деэскалации», основанная на минимизации применения силы и на приоритете переговоров. Такой подход позволяет сочетать эффективность и законность действий, формируя у полицейских уверенность в правомерности своих решений. По статистике, более 85% выпускников немецких полицейских школ успешно используют эти навыки на практике [8, с. 220].

Французская модель подготовки жандармерии сочетает военную дисциплину, физическую готовность и антитеррористическую направленность. В специализированных школах жандармерии, таких как Национальная школа в Мельне, большое внимание уделяется управлению конфликтами и взаимодействию с гражданскими службами безопасности. Программа Vigipirate предусматривает регулярные учения по предотвращению террористических актов и отработку действий в чрезвычайных ситуациях [9, с. 977]. Франция активно экспортирует свой опыт: жандармы участвуют в миссиях ООН и ЕС, обучая зарубежных коллег основам кризисного управления и правового регулирования применения силы. Это подтверждает международную эффективность французской модели и ее универсальность [10, с. 111].

Израильская система подготовки сотрудников органов внутренних дел ориентирована на противодействие терроризму и моделирование экстремальных сценариев. Курсанты отрабатывают полный цикл расследования – от оперативных действий до судебного представления доказательств [11, с. 150]. Использование

современных технологий, аналитики и кибербезопасности позволяет израильским полицейским быстро реагировать на новые формы угроз.

В Японии приоритетом считается профилактика преступлений и активное взаимодействие с населением. Полицейские подразделения тесно связаны с местными сообществами, что обеспечивает высокий уровень доверия граждан [12, с. 71].

Сравнительный анализ зарубежных систем показывает общие закономерности: сочетание теории и практики, акцент на психологическую устойчивость, развитие коммуникативных умений и непрерывное повышение квалификации [13, с. 83]. При этом различия заключаются в продолжительности и акцентах обучения: США и Израиль делают упор на тактическую и антитеррористическую подготовку, тогда как Германия и Великобритания ориентируются на гуманистические и правовые методы.

Российская система подготовки сотрудников МВД России также сочетает теоретическую и практическую составляющие. Ведомственные высшие учебные заведения (Академия управления МВД, Московский и Санкт-Петербургский университеты МВД и тому подобные) ежегодно обучают свыше 50 тысяч человек. Программы включают юридические, психологические и физические дисциплины, а также специальные курсы по профессиональной этике и саморегуляции. Однако остаются проблемы: недостаточная практическая направленность, устаревшая материально-техническая база и ограниченное применение цифровых технологий.

Модернизация российской системы возможна через внедрение зарубежных практик с учетом отечественных правовых и культурных особенностей. Так, германский опыт курсов по управлению конфликтами и стрессоустойчивости может быть адаптирован в рамках дисциплин «Психология служебной деятельности» и «Профессиональная этика сотрудника ОВД». Использование VR-тренингов, широко распространенных в США, позволит моделировать реальные служебные ситуации – от задержаний до массовых беспорядков – без риска для участников [5, с. 34]. Подобные технологии развивают оперативное мышление и командное взаимодействие, а также снижают страх ошибок при выполнении задач.

Важным направлением совершенствования подготовки является развитие наставничества и системы психологического сопровождения курсантов. Практика показывает, что многие молодые сотрудники испытывают трудности при адаптации в подразделениях, что связано с дефицитом эмоциональной поддержки и опыта. Регулярные занятия по стресс-менеджменту и эмоциональному интеллекту, используемые в европейских странах, могли бы существенно повысить устойчивость сотрудников к профессиональным нагрузкам [14, с. 114].

В условиях цифровизации МВД России необходимо активно внедрять электронные платформы для дистанционного обучения и обмена опытом. Это позволит расширить охват слушателей и снизить затраты на командировки, а также сделать процесс подготовки непрерывным. Введение единой системы оценки компетенций по международным стандартам обеспечит объективный контроль качества образования [8, с. 228].

Таким образом, анализ зарубежных практик демонстрирует, что профессиональная безопасность сотрудников органов правопорядка формируется не только через физическую подготовку, но и через развитие правовой культуры, психологической устойчивости и коммуникативных навыков. Опыт США, Германии, Вели-

кобритании и Франции показывает, что современные системы подготовки стремятся к интеграции гуманитарных и технологических подходов, обеспечивая всестороннюю готовность сотрудника к выполнению задач.

Зарубежный опыт обучения профессиональной безопасности сотрудников правоохранительных органов представляет собой ценную основу для совершенствования российской системы ведомственного образования. Наиболее эффективными для внедрения в МВД России являются курсы по деэскалации конфликтов, программы психологической устойчивости, использование VR-тренингов и развитие наставничества. Важным условием успешной адаптации зарубежного опыта является его согласование с российскими правовыми нормами и национальными традициями профессиональной этики. Комплексное совершенствование подготовки позволит сформировать устойчивую, компетентную и безопасную кадровую систему, способную эффективно противодействовать современным вызовам.

Литература

1. Губжоков, А. Х. Современный подход к совершенствованию физической подготовки слушателей и курсантов в системе МВД России [Текст] / А. Х. Губжоков // Современный ученый. – 2017. – Т.1, № 1. – С. 75–78.
2. Курносов, А. Ю. Зарубежный опыт профессиональной подготовки полицейских и возможности его адаптации в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 22–27.
3. Алексеев, Н. А. Физическая подготовка сотрудника полиции как один из важнейших элементов профессиональной готовности курсантов образовательных организаций МВД России / Н. А. Алексеев, Н. Б. Кутергин // Вестник Белгородского юридического института МВД России – Вып. 2. – 2015. – С. 83–85.
4. Сейтенов, К. К. Организация учебного процесса в Академии ФБР // Право и государство. – 2013. – № 4 (61). – С. 99–100.
5. Белецкий, А. А. К вопросу о формировании психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 8 (134). – С. 28-36.
6. Базелюк, В. В., Майоров, А. В., Зыков, А. П. Конфликтологическая компетентность сотрудника полиции как условие эффективности профессиональной деятельности // Виктимология. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 618–633.
7. Чехранов, Ю. В. О деятельностной направленности систем физической подготовки военнослужащих и правоохранителей в зарубежных странах // Управление образованием: теория и практика / Education Management Review. – 2024. – Том 14. – № 3-1. – С. 270–271.
8. Кобец, П. Н. Криминологический анализ зарубежной правоохранительной практики по применению нейросетей в борьбе с преступностью и возможность использования данных технологий в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. – № 1 (108). – С. 216–230.
9. Тазетдинов, Р. Р. Особенности функционирования национальной жандармерии Франции на современном этапе развития // Educational Research in Universal Sciences. – 2023. – VOLUME 2 | SPECIAL ISSUE 3. – С. 977–978.

10. Халитова, А. Р. Борьба с терроризмом в политике безопасности Франции в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. – 2017. – № 2 (39). – С. 110–111.

11. Поляков, А. В. Профессиональное прогнозирование в системе подготовки сотрудников органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (76). – С. 150–151.

12. Герасимов, И. В. Физическая культура и профессиональная физическая активность // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сб. ст. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. – С. 70–72.

13. Валеев, Р. Перспективные подходы к полицейскому образованию // Международная научно-практическая конференция «Наука. Образование. Культура». – 2020. – С. 82–83.

14. Панферов, Р. Г. Роль и значение физической культуры и спорта в жизни сотрудников ОВД // Наука-2020. – 2021. – № 3 (48). – С. 112–115.

Моисеева Мария Александровна,
студентка 1 курса
Ставропольского филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации

Научный руководитель:
Коротаева Марина Анатольевна,
доцент кафедры юридических
и специальных дисциплин
Ставропольского филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

Агрессия и жестокость несовершеннолетнего преступника: психолого-правовой аспект (с позиции статьи 245 УК РФ)

Агрессия и жестокость являются одними из самых значимых условий преступной активности: как преступности в целом, так и преступности различных видов, включая преступность несовершеннолетних.

Давая определение данным явлениям относительно несовершеннолетних, необходимо сказать, что агрессия и жестокость – это специфические формы действий человека, характеризующиеся демонстрацией превосходства в силе или применением силы по отношению к другому человеку или к группе лиц, которым субъект стремится причинить ущерб.

На современном этапе все чаще мы наблюдаем проявления данных явлений среди несовершеннолетних, что является криминогенным фактором совершения насильственных преступлений, в том числе и с особой жестокостью.

Крайне неожиданным, исходя из информации в свободном доступе и новостных программ, является проявление жестокости по отношению к животным. В данном случае это касается не только животных, находящихся без надзора на улице, но и домашних животных, часто специально купленных или приобретенных другим путем для детей, с надеждой на их дальнейшее дружественное существование.

Исходя из открытых данных [1], статистических данных [2], наибольшее количество преступлений совершается в отношении безнадзорных животных, прежде всего собак и кошек.

3 октября 2025 года Президент Российской Федерации В.В. Путин приветствовал участников первого Всероссийского съезда защитников животных и отметил, что «доброе, сострадательное отношение к животным, защита их от жестокого обращения – значимый показатель высокого уровня культуры гражданского общества, неотъемлемая составляющая его духовно-нравственного развития» [3].

К сожалению, в настоящее время проблема с безнадзорными животными, несмотря на достаточное законодательное урегулирование, остается актуальной, а в некоторых регионах острой. Те меры, которые принимаются для урегулированной численности безнадзорных животных, не могут быть оценены как достаточные. Решение этой проблемы невозможно без мер по недопущению пополнения

численности животных, которые не только теряются при нарушении требований закона об ответственном обращении с животными, но и по сути выбрасываются на самопроизвол и самопропитание, сбиваются в стаи, что создает проблемы для административного требования населенных пунктов. [4, с. 45].

Доступность беззащитных животных, насаждение неприязни к бездомным животным создает ситуацию применения насилия и жестокости, которая развивается на основе изначального формирования личности несовершеннолетнего, склонного к насилию. Реализоваться проще через действия по отношению к беззащитному, доверчивому, ласковому животному: ударить, выстрелить петардой, облить спиртсодержащей жидкостью и поджечь, снимая это и выкладывая в социальные сети, т.е. конкретное преступление по отношению к животным (ст. 245 УК РФ).

Желание прославиться, показать себя жестоким, безнравственным, проявить садистские наклонности, проявить агрессию к беззащитному животному и многое другое. К сожалению, такое поведение по отношению к беззащитным животным поддерживается многими сверстниками. В социальных сетях стали распространяться предложения по совершению садистских действий, мучений и убийств котят и щенков. Видеосюжеты выкладываться в социальные сети, распространяя жестокость и агрессию, проявления асоциального поведения.

Содержание понятия личности несовершеннолетнего преступника объединяет в себе социальные, психологические понятия личности несовершеннолетнего и юридическое понятие преступника, то есть лица, достигшего возраста уголовной ответственности.

А.М. Тронева [5, с. 36] определяет личность преступника как типовое понятие, характеризующее несовершеннолетнего, совершившего преступление под влиянием наличия в нем биологически исходных и социально приобретенных психологических качеств и черт характера, носящих негативный, явно криминогенный оттенок.

Формирование личности несовершеннолетнего под воздействием семейного окружения и особенностей его психологического климата начинается с раннего возраста. Уже на этом этапе негативные факторы, зачастую кажущиеся незначительными, способны обусловливать возникновение установок и ценностей, затрудняющих полноценное личностное развитие.

Существенным показателем выступает то, что агрессия, которая является структурной частью мировоззрения личности несовершеннолетнего, объективируется как жестокость, склонность к деструктивным вариантам поведения, которые, в свою очередь, сопрягаются с насилием и жестокостью. Судебные психологи выделяют у данных лиц в семь раз чаще, нежели у взрослых лиц, совершающих преступления с особой жестокостью.

В условиях семейной среды отношения, как правило, строятся на базе эмоциональной близости, уважения и заботы между родственниками, что отличает семейное воспитание от общественных институтов социализации. Именно эти эмоциональные отношения во многом определяют нравственный климат в семье и оказывают долговременное влияние на характер внутрисемейных взаимодействий.

Но не во всех семьях климат благоприятен для подрастающего человека. Очень многое идет из семьи – как хорошее, так и плохое, как забота, так и ненависть к животным.

Несмотря на нормативное представление о необходимости гармоничной атмосферы, на практике нередко наблюдаются ситуации дефицита доверия, взаимопонимания и эмоционального тепла. Преобладание конфликтов и негативных эмоций среди членов семьи препятствует гармоничному становлению личности и трансформирует семейное влияние из конструктивного в деструктивное, формируя предпосылки для возникновения трудностей в развитии характера.

Несомненно, все идет из семьи. Но недопустимо игнорировать или приуменьшать значение социальной среды на развитие ребенка, становление его как личности. Социальная среда формирует как положительные, так и отрицательные черты. Ребенок, подросток имеет определенную зависимость от социальной среды, в которой он формируется: друзья, одноклассники, соседи и т.д.

Соотношение положительного и отрицательного в социальной среде влияет на формирование подростка в ту или иную сторону. К сожалению, имеется тенденция к формированию агрессии и насилия в подростковой среде, нетерпимости к слабому или иному, к беззащитному.

Все перечисленное может относиться прежде всего к человеку, но человек имеет определенную защиту. Животное, особенно маленькое по размерам, беззащитно полностью, что способствует совершению жестокого обращения с животным, оставаясь безнаказанным.

К сожалению, значительно, в разы участились действия с признаками агрессии, садизма, мучений и убийства животных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Зная, понимая, что никакой ответственности не наступит, именно лица в возрасте до 16 лет совершают действия, имеющие все признаки объективной стороны жестокого обращения с животными.

Криминологическая характеристика личности тоже неразрывно связана с преступлением, которое она совершила. Но криминологов больше интересует развитие личности несовершеннолетнего преступника, то есть процесс ее становления и развития, который раскрывает детерминанты ее формирования. Такой интерес исчезает, когда данная личность перестает быть антисоциально ориентированной, а это все формируется задолго до возраста уголовной ответственности.

Желание мучить и издеваться над животным в детстве, проявление жестокости на фоне безнаказанности может рассматриваться как нарушение психического здоровья. Родители, соседи, учителя, имея информацию, игнорируют по сути патологическое поведение, не пресекают, с проблемой агрессии и насилия над животным не обращаются к психиатру. Такое поведение окружающих только способствует дальнейшему противоправному агрессивному поведению, что в дальнейшем приводит к асоциальному поведению, а возможно, дальнейшему развитию психического поведенческого расстройства.

Несовершеннолетние знают возраст уголовной ответственности, это в какой-то мере сдерживает криминальное поведение. Но подростки до возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными совершают деяния объективной стороны в полной уверенности в безнаказанности своих действий.

Много информации в открытом доступе, которую не под силу понять и осознать психически здоровому человеку, настолько агрессивное, жестокое поведение несовершеннолетних в отношении беспомощных животных. Многократно упоминается, что прохожие, соседи и случайные свидетели делали замечания, останавливали мучения животных, что приводило к переводу агрессии на человека, вступившегося, защитившего животное, остановившего обезумевших в садизме несовершеннолетних.

Данное положение вещей привело к тому, что все чаще предлагают снизить возраст уголовной ответственности на два года, то есть установить его с 14 лет [6].

Сенатор А. Клишас представил позицию Комитета СФ по конституционному законодательству и государственному строительству по этому вопросу. Комитет «однозначно поддерживает проект федерального закона, направленный на снижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за жестокое обращение с животными» [7]. Полностью поддерживаем и надеемся на быстрое изменение уголовного законодательства в части ст. 245 УК РФ по установлению возраста уголовной ответственности с 14 лет.

Таким образом, агрессия и жестокость подростков спровоцированы современной эпохой, в которой не осталось стойких и основополагающих ценностей, как это в том или ином виде существовало ранее. Сейчас подростку очень сложно найти свое место в жизни, поэтому высока тенденция ухода подростков от реальности, начиная от чего-то менее вредного (социальные сети, интернет, компьютерные игры), заканчивая более опасным, например, в случаях, когда несовершеннолетние организуются в преступные группировки и совершают различные преступления, в том числе с особой жестокостью по отношению к животным.

По всей видимости, требуется изменение, снижение возраста уголовной ответственности по жестокому обращению с животными до 14 лет.

Литература

1. Об ответственности несовершеннолетних за жестокое обращение с животными // [Электронный ресурс] – URL: https://xasanskij-r25.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/gosuchrezhdeniya-informiruyut/prokuratura-hasanskogo-rayona/novosti_68.html (дата обращения: 05.10.2025).

2. Отчеты Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. – URL: http://www.vsrf.ru. – (Дата обращения: 05.10.2025).

3. Приветствие Президента РФ В.В. Путина участников первого Всероссийского съезда зоозащитников. – URL: https://ria.ru/20251003/putin-2046113410.html. – (Дата обращения: 05.10.2025).

4. Коротаева, М. А. Проблемы реализации ОСВВ (отлов – стерилизация – вакцинация – выпуск) и пути их решения в современной России. Трансформация современного мира: экономический, правовой, исторический и философский анализ: сборник статей. – Ростов-на-Дону: ООО «Издательство «Манускрипт», 2025. – 99 с.

5. Тронева, А. М. Личность несовершеннолетнего преступника. – Ставрополь: Возрождение, 2008. – 152 с.

6. Малолетним живодерам хотят выправить уголовную статью. – URL: https://www.pnp.ru/social/maloletnim-zhivoderam-khotyat-vypravit-ugolovnuyu-statyu.html (дата обращения: 05.10.2025).

7. Клишас, А. Позиция Комитета СФ по конституционному законодательству и государственному строительству по снижению возраста, с которого наступает уголовная ответственность за жестокое обращение с животными. – URL: http://council.gov.ru/events/news/108688/ (дата обращения: 05.10.2025).

Мороз Елена Сергеевна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Пономарева Ольга Михайловна,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

Обеспечение общественного порядка на массовых мероприятиях в условиях «управляемой толпы»

В современной науке и практике деятельности органов внутренних дел сохраняется интерес к вопросу обеспечения общественного порядка в условиях массовых мероприятий. Массовое скопление людей, с одной стороны, представляет мощный ресурс для достижения разнообразных социальных целей, а с другой – выступает источником значительных рисков для общественной безопасности.

Именно на сотрудников органов внутренних дел ложится первостепенная задача по обеспечению безопасности граждан, что требует от них не только тактических навыков, но и обширных знаний в области социальной психологии.

Анализ содержания понятия «управляемая толпа» позволил нам сформулировать следующее определение: «управляемая толпа» – это массовое скопление людей, в котором прослеживаются доминирующие модели поведения, целенаправленно формируемые и поддерживаемые через определенные каналы коллективного восприятия и территориального регулирования, необходимого для достижения задач обеспечения безопасности и порядка.

Наиболее распространенными причинами присоединения людей к толпе являются:

– чувство принадлежности и единства, человек в толпе теряет чувство одиночества, он обретает «мы-чувство»;

– в толпе человек чувствует себя неуязвимым, что снижает личную ответственность и чувство стыда, позволяя совершать те действия, на которые он бы не решился в одиночку;

– эмоции, а особенно сильные и простые (гнев, страх, радость), в толпе распространяются с огромной скоростью, возникает стремление копировать поведение и «заражение» эмоциями окружающих.

Участие в «управляемой толпе» имеет глубокие и часто разрушительные последствия как для самого индивида, так и для общества в целом.

1. Радикализация и рост социальной агрессии. Управляемая толпа часто представляется через образ «врага».

2. Разрушение институтов и правопорядка. Подрывается авторитет закона, судов, правоохранительных органов и демократических процедур.

3. Девальвация языка и информации. В управляемой толпе используются простые, часто ложные или упрощенные до абсурда лозунги, мемы, новости.

При обеспечении порядка на массовых мероприятиях сотрудники полиции выступают не как внешняя карательная сила, а как определенная часть системы, которая обеспечивает безопасность самой «толпы». Посредством этого направление активности толпы исходит в легитимную форму, к примеру, производится организованное движение сотрудников правоохранительных органов по установленным маршрутам, происходит создание и поддержание определенных сценариев, которые помогли бы снизить неопределенность и тревожность граждан.

Таким образом, система обеспечения безопасности на массовых мероприятиях с участием управляемой толпы должна носить интенсивный, многоуровневый и интегрированный характер. Эту систему можно разделить на три этапа.

1. Догоняющий этап, то есть планирование и профилактика. На этом этапе должны закладываться определенные основы управления, такие как интеллектуальное исследование и категоризация проводимого мероприятия: оценка типа мероприятия (культурное, политическое, спортивное), анализ состава участников, их потенциального социального соответствия друг другу и истории похожих событий.

2. Проектирование пространства, а именно предоставление визуальной проницаемости и акустического контроля, создание естественных потоков движения, используя ограждения, разметки и навигации и зонирование территории, которое будет прослеживаться в выделении зон для скопления, отдыха, питания. Создание так называемых буферных зон между потенциально конфликтующими группами.

3. Коммуникативная подготовка, которая будет выражаться в заблаговременном информировании граждан о правилах поведения, необходимых маршрутах, местах расположения медицинских пунктов через официальные сайты, СМИ и социальные сети.

От профессионализма действий сотрудников полиции зависит безопасность населения, комфортность проживания на территории государства, устойчивость развития общественных отношений и государства.

Деятельность сотрудников полиции в контексте защиты психического здоровья и социального благополучия граждан, особенно в условиях риска возникновения управляемых толп, должна быть сосредоточенна на профилактике и защите прав граждан.

Литература

1. Назаров, М. М. Массовые коммуникации и толпа: психологические механизмы регулирования поведения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. – Т. 20, № 2. – С. 412-423.

2. Соснин, В. А., Красникова, Е. А. Психология толпы и массовых беспорядков: учебное пособие. – Москва, 2019. – 192 с.

Мороз Елена Сергеевна,
Алиева Алина Умаровна,
курсанты 3 курса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Гончаров Андрей Васильевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности проведения осмотра места происшествия при обнаружении огнестрельного оружия и его основных частей

В современной следственной и экспертной практике наблюдается тенденция к росту преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия. Особую тревогу вызывает увеличение доли так называемого индустриального оружия, изготавливаемого самодельным способом из переделанных или изначально предназначенных для иных целей изделий и материалов. Его широкое распространение обусловлено относительной доступностью и простотой производства, что создает серьезную угрозу общественной безопасности.

Эффективное расследование таких преступлений в решающей степени зависит от качества первоначального этапа, центральным элементом которого является осмотр места происшествия. Обнаружение на месте происшествия огнестрельного оружия, его частей, стреляных путь, гильз и следов выстрела формирует первоначальную доказательственную базу и определяет вектор всего дальнейшего расследования. Однако традиционные методики осмотра места происшествия зачастую не в полной мере учитывают специфику работы с индустриальными образцами, для которых характерны нетипичная конструкция, отсутствие стандартных маркировочных обозначений, нестабильные баллистические свойства и высокая вариативность следов на пулях и гильзах. Это порождает проблему, заключающуюся в недостаточной разработке тактико-криминалистических рекомендаций, адаптированных для осмотра мест происшествий с изъятием именно индустриального оружия и его компонентов.

Чтобы более точно разобраться в поставленной проблеме, необходимо начать с того, что эффективность расследования преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, самодельного огнестрельного оружия, в решающей степени детерминирована качеством проведения первоначальных следственных действий, ключевым из которых является осмотр места происшествия. Нестандартная конструкция таких устройств, отсутствие серийных маркировочных обозначений и уникальный характер следов, образуемых их частями, предъявляют особые требования к процессу их обнаружения, фиксации и изъятия. При этом традиционные методики протокольного описания вещественных доказательств зачастую оказываются недостаточно адаптированными для объектов, не подпадающих под стандарты судебной баллистики. В этой связи разработка уни-

фицированного подхода к фиксации и описанию самодельного оружия и его компонентов представляется особо актуальной научно-практической задачей.

Система способов фиксации вещественных доказательств, связанных с индустриальным оружием, на месте происшествия должна носить комплексный характер, реализуемый через совокупность взаимодополняющих способов, обеспечивающих принципы объективности, полноты и неизменности доказательственной информации [1, с. 45].

Протоколирование выступает основным и обязательным средством фиксации, в котором находят свое отражение все установленные в ходе осмотра факты и обстоятельства. Именно протокол осмотра места происшествия является основным процессуальным документом, потому что содержание требует максимальной детализации.

Криминалистическая фотография применяется в этом случае по правилам ориентирующей, обзорной, узловой и детальной съемки. Особое значение приобретает детальная масштабная съемка, направленная на запечатление:

1) специфических конструктивных решений (самодельные узлы крепления, импровизированные материалы, следы самодельной обработки);

2) микрочастиц и наслоений (частицы смазки, волокна, биологические следы), которые могут быть утрачены при транспортировке;

3) особенностей следов на пулях и гильзах, обусловленных нестандартностью патронника и канала ствола [2, с. 112].

Видеозапись позволяет динамически задокументировать пространственно-временные связи между объектами, общую обстановку места происшествия и последовательность действий по их изъятию. Целесообразно сопровождение видеоряда пояснительными комментариями специалиста.

Составление планов, схем и чертежей с применением методов прямых измерений и засечек обеспечивает точную привязку расположения каждого объекта (оружия, гильз, пуль, следов выстрела) к неподвижным ориентирам, что имеет критическое значение для реконструкции механизма произошедшего события.

Изготовление слепков и оттисков с применением гипсовых или силиконовых масс используется для фиксации объемных следов оружия (например, отпечатка приклада на мягкой мебели).

Описание в протоколе осмотра места происшествия должно создавать исчерпывающее представление о предмете, его особенностях и взаимосвязях.

Для самодельного оружия и его компонентов предлагается следующая детализированная схема описания.

Описание индустриального оружия (устройства)

1. Место расположения и поза: «В 150 см от северной стены помещения, на паркетном полу, в положении «на левом боку» обнаружен предмет, предварительно идентифицированный как самодельное огнестрельное устройство»

2. Внешний вид и материалы: «Устройство представляет собой конструкцию из металлических элементов, соединенных с помощью сварки винтов. Основной корпус изготовлен из стального прутка квадратного сечения 15х15 мм. Поверхность имеет следы коррозии и грубой механической обработки (следы рубки и опиловки), заводская окраска отсутствует».

3. Конструктивные элементы (с акцентом на импровизацию) Ствол: «К корпусу приварен отрезок стальной водопроводной трубы длиной 150 мм с внутренним диаметром 12,7 мм. Внутренний канал ствола визуально чистый, следов нарезного поля не обнаружено». Запирающий механизм: «Задняя часть ствола закрыта подвижной стальной заслонкой, фиксируемой винтом с накатанной головкой диаметром 6 мм». Ударно-спусковой механизм: «С правой стороны корпуса закреплен самодельный ударно-спусковой механизм, состоящий из подпружинного бойка ударного типа и спусковой скобы, изготовленной из стальной проволоки диаметром 4 мм». Рукоятка: «К нижней части корпуса прикреплена деревянная рукоять неправильной формы, зафиксированная двумя саморезами».

Описание боеприпасов и их компонентов

1. Патроны (в собранном виде): «В непосредственной близости от устройства обнаружены 2 патрона. Гильзы латунные, гладкие, без клеймения. Пули свинцовые, сферической формы, диаметром 12,8 мм».

2. Стреляные гильзы: «В 70 см от дульного среза ствола обнаружена стреляная гильза. Гильза металлическая, на донце следов маркировки не имеется. На капсюле зафиксирован один глубокий знак прямоугольной формы (2х4 мм), расположенный со значительным смещением от центра. На боковой поверхности гильзы видимых следов отражения конструкции патронника и затвора не выявлено.

3. Пули (снаряды): «В деревянной дверной коробке на высоте 140 см обнаружена и изъята деформированная свинцовая пуля сферической формы диаметром 13,1 мм. На поверхности пули визуализируются многочисленные продольные трассы неравномерной глубины, не образующие системы нарезов».

Подлежат фиксации все предметы, имеющие потенциальное отношение к изготовлению, хранению, или применению оружия: самодельные глушители, обоймы, инструменты, металлические заготовки, опилки. Детально описываются следы выстрела (пробоины, следы рикошета, ожоги).

В заключительной части протокола в обязательном порядке отражаются способы изъятия и упаковки каждого объекта («изъято с использованием латексных перчаток за элементы, не содержащие возможных следов рук», «помещено в картонную коробку, которая опечатана бечевой веревкой с оттиском печати»), а также цель и место их дальнейшего направления.

Наиболее ответственным этапом работы с вещественными доказательствами на месте происшествия являются их изъятие и упаковка. Применительно к индустриальному оружию и его компонентам этот процесс сопряжен с комплексом специфических рисков, обусловленных нестандартностью конструкции, ненадежностью предохранительных механизмов и повышенной вероятностью наличия на поверхностях следов рук, микрочастиц и биологических материалов, имеющих критически важное значение для идентификации личности преступника [1, с. 58].

Недостаточное внимание к тактике изъятия и правилам упаковки может привести к безвозвратной утрате доказательственной информации или даже к несчастному случаю. Изъятие предметов, связанных с самодельным оружием, должно проводиться с неукоснительным соблюдением двух ключевых принципов: безопасности и сохранности доказательств. До момента изъятия запрещается производить любые действия с самодельным устройством, направленные на его «обезвреживание» (нажатие на его спусковой крючок, извлечение патронов и то-

му подобное», если это не осуществляется специалистом-взрывотехником. Следует исходить из презумпции того, что оружие заряжено или взведено. Изъятие оружия, его перемещение должно производиться с максимальной осторожностью, исключая тряску и удары. Изъятие производится в перчатках (латексных, нитриловых или хлопчатобумажных) за те части, где вероятность наличия следов папиллярных узоров минимальна – например, за выступающие несопрягаемые элементы конструкции, за ребристые поверхности, за участки с явными следами коррозии [3, с. 91]. Категорически запрещается вставлять пальцы рук в спусковую скобу или касаться дульного среза. При наличии видимых следов рук на гладких поверхностях изъятие производится за противоположные, не имеющие следов, участки. Целесообразно использование специальных захватов или манипуляторов.

На элементы, представляющие потенциальную баллистическую ценность (ствол, патронник, ударно-спусковой механизм), не допускается воздействие металлическими инструментами во избежание новых следов, которые могут затруднить последующую экспертизу. Стреляные гильзы изымаются за края дульца или за экватор, избегая контакта с донышком и капсюлем, на которых могут остаться следы ударника и частей патронника. Пули изымаются с особой осторожностью, чтобы не повредить имеющиеся на их поверхности трассы от канала ствола. Для изъятия пуль, застрявших в преградах, должен использоваться инструмент из мягкого металла (медь, алюминий) или дерева, не допускающий контакта с ведущей частью пули.

Основная цель упаковки – обеспечить неизменность состояния вещественного доказательства при транспортировке и хранении, исключив утрату микрочастиц, окисление поверхностей и постороннее воздействие. После фиксации положения всех подвижных частей (например, с помощью нитевых фиксаторов) оружие помещается в жёсткий контейнер (специальный пластиковый или картонный оружейный сейф-пакет, деревянный ящик) с внутренним ароматизирующим слоем (поролон, вата, гофрированный картон). Использование мягких упаковок (полотняные мешочки) недопустимо, так как оно приводит к трению поверхностей и утрате микрочастиц. Ствол и патронник должны быть защищены от попадания пыли, мусора с помощью бумажных или пластиковых колпачков.

Каждая гильза и пуля подлежит индивидуальной упаковке. Наиболее предпочтительна упаковка в чистые бумажные пакеты («даггер-пакеты») или пластиковые пробирки с завинчивающейся крышкой. Использование герметичных полиэтиленовых пакетов не рекомендуется, так как оно способствует образованию конденсата, ведущего к коррозии и развитию биологических загрязнений [4, с. 22]. Пули с внедрившимися микрочастицами (волокна ткани, частицы лакокрасочного покрытия) упаковываются таким образом, чтобы исключить осыпание этих частиц.

Патроны упаковываются в жесткую тару, обеспечивающую их неподвижность и исключающую возможность детонации от внешнего воздействия.

Каждая единица упаковки должна быть снабжена четкой и разборчивой надписью, выполненной несмываемым маркером, содержащей:

1) наименование объекта;

2) место, дату и время его изъятия;

3) номер уголовного дела;

4) фамилию и инициалы следователя (специалиста), производившего изъятие.

Места соединения и упаковки опечатываются бумажной печатью с оттиском, исключающим возможность вскрытия без видимых повреждений. В протоколе осмотра места происшествия подробно описываются все примененные способы изъятия и упаковки, а также отмечается целостность печатей при передаче вещественных доказательств на хранение или экспертизу.

Заключительная часть осмотра места происшествия с обнаружением самодельного оружия – это фиксация его результатов и процессуальное оформление. От того, насколько грамотно и полно будут отражены в протоколе действия участников осмотра и его итоги, зависит обоснованность и эффективность последующих действий, ключевым из которых является назначение судебной экспертизы [5, с. 78]. После завершения непосредственного исследования объектов и их изъятия наступает этап окончательного оформления протокола осмотра места происшествия, который должен содержать ряд обязательных разделов.

Назначение и производство судебной экспертизы

Вводная часть раздела постановления должна содержать ссылку на протокол осмотра места происшествия как на основание для назначения экспертизы. В описательной части необходимо максимально подробно изложить обстоятельства дела и индивидуальные признаки представленных объектов, используя данные, зафиксированные в протоколе: «На экспертизу представлено самодельное огнестрельное устройство, состоящее из... (далее следует описание, аналогичное тому, что указано в проколе)».

Специфика самодельного оружия ставит перед экспертом широкий круг вопросов, выходящих за рамки традиционной судебно-баллистической экспертизы, с привлечением эксперта в области судебной баллистики, трасологии и дактилоскопии.

Примерный перечень вопросов, которые могут ставиться перед экспертом:

1. Является ли представленное устройство огнестрельным оружием, то есть предназначено ли оно для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового заряда?

2. Каковы дистанция, направление и возможность производства выстрела в конкретных условиях, описанных в материалах уголовного дела?

3. Какие микрочастицы (волокна, биологические следы) изъяты с поверхности оружия и каково их происхождение?

В постановлении необходимо ходатайствовать о применении экспертом комплекса методов исследования, включая оптическую микроскопию, спектрографию и геномную дактилоскопию.

Качественно составленный протокол осмотра места происшествия служит не только средством закрепления доказательств, но и фундаментом для формулировки обоснованных и детализированных вопросов перед экспертом.

Проведенное исследование тактико-криминологических особенностей осмотра места происшествия при обнаружении самодельного оружия и его основных частей позволяет сформулировать ряд основополагающих выводов и практических рекомендаций. Эффективность осмотра места происшествия в данной ситуации определяется необходимостью учета специфики индустриального оружия как вещественного доказательства, характеризующегося нестандартностью кон-

струкции, отсутствием серийных маркировок, вариативностью следообразования и повышенной потенциальной опасностью. Это порождает объективную потребность в разработке и применении специализированного алгоритма действий, адаптированного к указанным действиям. Такой алгоритм носит комплексный последовательный характер и включает следующие ключевые элементы:

1) системную фиксацию, основанную на одновременном применении взаимодополняющих способов (протоколирование, фотографирование, видеозапись, составление планов и схем), обеспечивающих объективное и полное отражение обстановки места происшествия. Особое значение приобретает детальная масштабная съемка, направленная на запечатление индивидуальных признаков индустриального оружия и нетипичных следов на пулях и гильзах;

2) детализированное описание в протоколе, построенное по унифицированной схеме, которая предусматривает последовательную характеристику места расположения, внешнего вида, материалов и каждого конструктивного элемента оружия с обязательным акцентом на особенности, возникшие посредством самодельного изготовления;

3) строго регламентированное изъятие и упаковку, подчиненную принципам безопасности и сохранности;

4) грамотную процессуальную фиксацию итогов осмотра места происшествия и последующее назначение экспертизы.

Реализация предложенного алгоритма на практике позволит существенно повысить эффективность работы следователей и специалистов на месте происшествия, обеспечить сохранность и доказательственную силу вещественных доказательств, создать надежную основу для производства судебных экспертиз и в конечном итоге способствовать установлению объективной истины по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом и применением индустриального оружия.

Литература

1. Егоров, Н. Н. Тактика осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия / Н. Н. Егоров // Вестник криминалистики / гл. ред. Е. П. Ищенко. – 2022. – № 3 (87). – С. 44-51.

2. Бастрыкин, А. И. Криминалистика. Современные методы криминалистических исследований: учебник для вузов / А. И. Бастрыкин. – Москва: Проспект, 2021. – 450 с.

3. Возгрин, И. А. Осмотри места происшествия: практическое пособие / И.А. Возгрин. – Санкт-Петербург: Лань, 2020. – 224 с.

4. Филиппов, А. Г. Особенности изъятия и исследования самодельного и переделанного огнестрельного оружия / А. Г. Филиппов // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 4. – С. 15–19.

5. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе / Е. Р. Россинская. – Москва: Норма, 2021. – 512 с.

Мусаева Зулайка Талантовна,
студент 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Кыргызской Республики
им. Э.А. Алиева

Научный руководитель:
Асанов Нурэлес Таалайбекович,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Академии Министерства внутренних дел Кыргызской Республики
им. Э.А. Алиева

Упрощенная форма ликвидации юридических лиц

В Кыргызстане зарегистрировано множество юридических лиц, но большинство из них не функционирует: не платит налоги, не ведет бизнес и не обновляет свои данные. Такие компании создают проблемы как для государства, так и для граждан и предпринимателей.

Для государства это прежде всего искажение статистики и реестров, которые используются для планирования, контроля и анализа экономической ситуации. Кроме того, налоговые службы вынуждены тратить ресурсы на контроль и поиск информации о таких юридических лицах.

Для граждан и предпринимателей подобные компании – источник рисков. При заключении сделок, выборе партнеров или поставщиков бывает трудно понять, насколько организация надежна и ведет ли она реальную деятельность. Недостоверная информация в реестрах затрудняет проверку контрагентов и повышает вероятность мошенничества или финансовых потерь. Это также может сильно повлиять на инвестиционный имидж страны, ведь прозрачность реестра – важный показатель доверия к деловой среде. К тому же за непредоставление отчетности в государственную налоговую службу (ГНС) предусмотрена ответственность в виде штрафа:

– для юридических лиц – от 10000 до 25000 сомов, в зависимости от формы и повторности нарушения.

– для индивидуальных предпринимателей – от 3000 до 5000 сомов.

(Размер штрафа уточняется приказом ГНС, ежегодно обновляется в зависимости от МРП – минимального расчетного показателя).

Современные экономические условия требуют гибкости и скорости в управлении бизнесом.

Обычная ликвидация юридического лица может занимать несколько месяцев, включать множество проверок, уведомлений, промежуточные балансы и т.д. Именно поэтому с 7 июля 2025 года в Кыргызстане были внесены изменения в ст. 96 Гражданского кодекса и ст. 246 Гражданско-процессуального кодекса, согласно которым была упрощена процедура принудительной ликвидации юридических лиц. Государственные органы и налоговики смогут закрывать такие фирмы через упрощенную процедуру – судебный приказ.

Такая форма ликвидации позволит:

– закрыть организацию в короткие сроки (иногда 1–2 месяца);

– избежать лишней бюрократии и длительных процедур;

– быстрее освободить ресурсы (капитал, персонал, офис и т.д.) для новых проектов.

Обычная ликвидация может быть дорогостоящей (оплата услуг юристов, публикаций, бухгалтерской отчетности), а упрощенная процедура снижает расходы, так как требует меньше документов; зачастую проводится без обязательной налоговой проверки; не требует дополнительных публикаций в СМИ. К тому же ее введение способно улучшить инвестиционный имидж страны, ведь прозрачность реестра – важный показатель доверия к деловой среде

Хотя нововведение об упрощенной форме ликвидации юридического лица уже было внедрено в наше законодательство и работает в обычном режиме, как и в других странах, она все еще не полностью освоилась и требует небольших изменений и усовершенствований.

С развитием цифровых технологий мир меняется, так как цифровизация приводит к совершенствованию привычных процессов с помощью цифровых инструментов. Именно цифровизация может положительно изменить процесс ликвидации юридических лиц в Кыргызстане, сделав его прозрачным, быстрым и защищенным для всех сторон: государства, бизнеса, кредиторов и работников.

Так как упрощенная форма для нас является нововведением и поэтому у нас нет онлайн подачи заявления (цифровой формат используется только для уведомления), как в других странах, таких как, например, Россия и Казахстан, в которых упрощенная форма действует уже не первый день, предлагаю следующие нововведения.

1. Единая онлайн-платформа для ликвидации.

Создание электронного сервиса ликвидации юридических лиц (по аналогии с e-Gov в Казахстане или ФНС России) позволит:

– подавать все заявления и документы онлайн (без нотариуса);

– подписывать их электронной цифровой подписью (ЭЦП);

– отслеживать этапы ликвидации в режиме реального времени;

– получать автоматические уведомления о движении дела.

Такой сервис обеспечит доступность (без личных визитов) и контроль над процедурой со стороны всех участников.

2. Автоматическая проверка задолженностей и обязательств.

Интеграция с другими государственными базами данных (налоги, социальные фонды, суды, таможня и т. д.) позволит:

– автоматически проверять наличие долгов;

– формировать отчеты о состоянии расчетов с бюджетом;

– показывать кредиторам актуальные данные о ликвидируемой компании.

Это делает процесс прозрачным и снижает риск сокрытия долгов или фиктивных ликвидаций.

3. Электронное уведомление кредиторов и работников.

Система может автоматически рассылать уведомления кредиторам и сотрудникам через e-mail, СМС или «Тундук» (национальную систему электронного взаимодействия); публиковать данные о ликвидации в открытом онлайн-реестре.

Это защищает права всех участников, так как уведомление становится публичным и доказуемым.

4. Электронная публикация ликвидационного баланса и решений.

Через госпортал можно размещать:

– промежуточный и окончательный ликвидационный баланс,

– отчеты ликвидационной комиссии,

– судебные решения, если ликвидация принудительная.

Таким образом, любой кредитор или работник может проверить достоверность данных без обращения в органы вручную.

5. Блокчейн-или аналитические реестры для контроля операций.

В перспективе можно внедрить реестр ликвидаций на основе блокчейна, где будут фиксироваться все действия (решение, подача, уведомления, выплаты), что исключит возможность изменения или удаления данных задним числом, обеспечит неподделываемую историю процесса.

6. Онлайн-механизм подачи жалоб и обращений.

Через портал можно предусмотреть:

– электронную форму подачи жалобы кредитора или работника;

– автоматическую регистрацию обращения;

– контроль сроков его рассмотрения.

Это делает процесс доступным и открытым, а органы надзора могут быстрее реагировать на нарушения.

Примерная схема будущего электронного процесса в Кыргызстане будет состоять из приведенной ниже последовательности действий.

1. Юрлицо подает заявление о ликвидации через e-Gov или «Тундук».
2. Система проверяет задолженности (ГНС, Соцфонд, банки).
3. Автоматически уведомляются кредиторы и работники.
4. В реестре публикуется статус «в процессе ликвидации».
5. Все балансы, решения и отчеты доступны онлайн.
6. После закрытия запись «ликвидировано» фиксируется публично и навсегда.

При внедрении упрощенной формы ликвидации юридического лица существует риск увеличения числа компаний-однодневок. Для минимизации данного риска при разработке онлайн-сервиса необходимо предусмотреть межведомственный доступ к обработке информации – не только для ГНС, как в некоторых государствах, но также для Министерства юстиции и других уполномоченных органов, участвующих в обеспечении правомерной деятельности юридических лиц.

Несмотря на то, что упрощенная форма юридических лиц уже внедрена в нашу систему, она все еще находится на стадии адаптации и требует еще множества модернизаций.

Мусихин Алексей Дмитриевич,
курсант 4 курса
Сибирского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Афанасьев Александр Владимирович,
начальник кафедры огневой подготовки
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук

Этико-правовые проблемы применения оружия сотрудниками МВД России в экстремальных ситуациях

Применение оружия сотрудниками МВД России является крайней мерой, предусмотренной законом для защиты жизни, здоровья и прав граждан, а также для обеспечения общественной безопасности и пресечения преступлений. Однако оно сопряжено с серьезными этическими и правовыми рисками, особенно в экстремальных ситуациях, когда времени на принятие решения крайне мало, а степень опасности высока. В данных условиях возникает необходимость в глубоком анализе существующих нормативно-правовых актов (далее – НПА) и этических принципов, регламентирующих применение огнестрельного оружия, а также в разработке мер по совершенствованию профессиональной подготовки сотрудников МВД России.

Первостепенно необходимо отметить, что применение оружия сотрудниками МВД России регламентируется рядом нормативно-правовых актов. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Первый, и один из ключевых нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, — Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Важнейшим аспектом, обеспечивающим выполнение полицией своих обязанностей по защите жизни, здоровья и прав граждан. Так, в соответствии со статьей 23 данного Закона сотруднику полиции предоставлено право на применение огнестрельного оружия в строго определенных случаях. Законодатель не только устанавливает исчерпывающий перечень оснований для его применения, но и закрепляет принципы законности, обоснованности и необходимости, что направлено на минимизацию рисков и защиту прав и свобод человека [1].

Следующим стоит рассмотреть Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ). В нем имеется ряд статей, такие как ст. 38, 39, 41, 108, 114, 286, по которым сотрудники полиции привлекаются к ответственности за нарушения, допущенные при реализации процедуры применения огнестрельного оружия [2].

Также хочется выделить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. №19, хоть оно и не является НПА, в нем четко разъяснено, что сотрудники полиции не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок

применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

По нашему мнению, указанные НПА в достаточной мере не регулируют этико-правовые вопросы применения огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях. Обращая внимание в первую очередь на ФЗ «О полиции», стоит отметить, что указанный НПА устанавливает лишь общие основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что, по нашему мнению, не в полной мере отражает всю специфику применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в условиях психологического и этического давления, которое проявляется в экстремальных ситуациях. Указанное противоречие порождает ряд проблем, которые необходимо рассмотреть и предложить необходимые пути решения, в ином же случае минимизировать возможный ущерб.

При анализе НПА и научно-исследовательской литературы мы выявили тенденцию появления ряда следующих этических проблем.

1. Проблема соразмерности применения силы, являющаяся центральной в контексте правомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, представляет собой сложную задачу оценки степени угрозы и определения адекватного ответного действия. В динамичных ситуациях, характеризующихся быстро меняющейся обстановкой и дефицитом времени для принятия взвешенного решения, грань между необходимым применением силы и ее превышением часто размывается. Объективная оценка ситуации осложняется влиянием стрессовых факторов, приводящих к искажению восприятия и принятию решений, не всегда соответствующих реальной степени опасности.

Необходимость мгновенного реагирования, высокая эмоциональная напряженность и непредсказуемость поведения субъектов угрозы создают условия, в которых трудности оценки пропорциональности применения силы значительно увеличиваются. Отсутствие четких и конкретных критериев оценки степени угрозы в действующем законодательстве, а также недостаточная проработка алгоритмов действий в различных экстремальных ситуациях усугубляют проблему. Именно поэтому разработка более четких методических рекомендаций и алгоритмов принятия решений, с учетом факторов временного дефицита и психологического давления, является задачей первостепенной важности для совершенствования правоприменения и минимизации рисков неправомерного применения силы [3].

2. Обеспечение безопасности невинных лиц, находящихся в зоне применения оружия. Минимизация риска случайного ранения или гибели гражданских лиц требует от сотрудников правоохранительных органов высшего уровня профессионализма и особой осторожности. Сложность задачи обусловлена непредсказуемостью поведения как преступников, так и самих граждан в стрессовых ситуациях. Необходимо учитывать динамику обстановки, оценивать вероятность попадания пуль в незащищенные зоны, а также предвидеть возможность отражения пуль от поверхностей. Действующие нормативно-правовые акты должны быть дополнены более конкретными рекомендациями по выбору позиций для стрельбы, использованию укрытий и применению тактических приемов, минимизирующих риск попадания в невинных граждан. Повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в области тактики

стрельбы и оценки рисков, а также введение более строгих стандартов и протоколов действий в экстремальных ситуациях являются необходимыми мерами для гарантирования безопасности невинных граждан.

3. Психологическая устойчивость сотрудника правоохранительных органов, его способность сохранять хладнокровие и принимать взвешенные решения в условиях экстремального стресса и непосредственной опасности, также является ключевым фактором, определяющим правомерность и эффективность действий при применении огнестрельного оружия [4].

4. Обеспечение личной безопасности сотрудника правоохранительных органов при использовании огнестрельного оружия также является неотъемлемой частью правомерного применения силы и представляет собой сложный баланс между необходимостью защиты граждан и собственной безопасностью. Сотрудник имеет законное право на самозащиту в ситуациях, когда его жизни или здоровью угрожает непосредственная опасность. Однако это право не является безусловным и не должно приводить к злоупотреблению силой или непропорциональному ответу.

Необходимо четко разграничивать меры самозащиты, необходимые для отражения нападения, от действий, выходящих за рамки закона и представляющих собой злоупотребление служебными полномочиями. Важным аспектом является соблюдение принципа пропорциональности: применяемая сила должна соответствовать степени угрозы. Разработка четких критериев оценки угрозы и алгоритмов действий в различных ситуациях, а также повышение профессиональной подготовки сотрудников в области тактики и психологии применения огнестрельного оружия позволят обеспечить необходимый баланс между задачей защиты граждан и гарантиями безопасности самих сотрудников правоохранительных органов. Эффективная система поддержки и правовой защиты сотрудников, пострадавших в результате выполнения служебных обязанностей, также является неотъемлемым элементом обеспечения их безопасности [5].

Для минимизации представленных нами этико-правовых рисков, связанных с применением оружия сотрудниками МВД России в экстремальных ситуациях, мы предлагаем ряд следующих решений.

– Совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. Данный фактор является необходимым условием для обеспечения правомерности и эффективности их деятельности. По нашему мнению, необходимо разработать более четкие критерии оценки степени угрозы, более конкретные алгоритмы действий в различных ситуациях, а также установить более строгие стандарты документирования применения огнестрельного оружия и закрепить это в положениях главы 5 ФЗ «О полиции».

– Усовершенствовать профессиональную подготовку. Для повышения профессиональной подготовки сотрудников МВД России предлагается ввести в учебных заведениях систему специализированных программ «Этико-правовые аспекты применения оружия в экстремальных ситуациях». Данная дисциплина должна обеспечить комплексный подход к обучению курсантов, слушателей и лиц, проходящих первоначальную подготовку, уделяя особое внимание практическому применению навыков владения оружием в условиях, максимально приближенных

к реальным служебным ситуациям. Программа обучения должна способствовать не только совершенствованию двигательных навыков, но и формированию устойчивой психологической готовности, преодолению стресса и неуверенности в себе, что является неотъемлемой частью успешного выполнения профессионального долга в экстремальных условиях.

Также в рамках данной профессиональной программы необходимо уделить внимание развитию умения действовать в условиях неопределенности. Важно, чтобы сотрудник мог сохранять объективность в экстремальной ситуации, которая влияет на функциональные особенности и психическое состояние личности правоохранителя.

По нашему мнению, комплексное внедрение предложенных мер позволит существенно снизить этико-правовые риски, связанные с применением оружия сотрудниками МВД России в экстремальных ситуациях. Синергетический эффект обеспечит более адекватное и правомерное реагирование сотрудников на чрезвычайные обстоятельства. Это, в свою очередь, положительно скажется на соблюдении прав человека, повышении доверия населения к правоохранительным органам и, как следствие, улучшении общественной безопасности.

Таким образом, применение оружия сотрудниками МВД России в экстремальных ситуациях является сложным и многогранным вопросом, требующим комплексного подхода. Сочетание четкого правового регулирования, высокого уровня профессиональной подготовки и неукоснительного соблюдения этических норм позволит минимизировать риски, связанные с применением огнестрельного оружия, и обеспечить защиту прав и законных интересов граждан. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку эффективных механизмов контроля за применением оружия сотрудниками МВД России, а также на повышение доверия общества к правоохранительным органам.

Литература

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 25.10.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 25.10.2025).

3. Танага, А. В., Литвин, Д. В. Ситуационные факторы, определяющие правомерность и эффективность действий вооруженного сотрудника полиции при отражении посягательств, совершаемых с колюще-режущими предметами // Вестник КРУ МВД России. – 2016. – №3(33). – С. 260–265.

4. Семенова, Ф. О., Кубанов, А. Р., Алиева, А. М. Психологическая устойчивость как профессионально значимое качество сотрудника органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 71-3. – С. 369–371.

5. Баландин, О С., Нерубенко, А С., Ветрова, Ю В., Олейник, Д. В. Повышение эффективности обеспечения личной безопасности сотрудниками полиции в ситуациях с применением огнестрельного оружия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4(80). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-obespecheniya-lichnoy-bezopasnosti-sotrudnikami-politsii-v-situatsiyah-s-primeneniem-ognestrelnogo-oruzhiya (дата обращения: 25.10.2025).

Назаренко Ирина Романовна,
курсант 3 курса
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Шапошников Юрий Александрович,
преподаватель
кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России

Физическая активность – реальный инструмент для поддержания психического здоровья

[

Каждый человек ежедневно подвергается стрессу, в особенности курсанты и студенты. Учебные нагрузки, сдача сессии, неполноценный сон, питание и множество других факторов вызывают стрессовые ситуации, с которыми необходимо научиться справляться [1]. Стресс является причиной многих заболеваний, следовательно, он может сильно ухудшить состояние здоровья учащегося. Ганс Сельев впервые сформулировал концепцию понятия стресса в 1936 году. Ученый выделил понятие «общий адаптивный синдром», а также дал определения стадиям стресса [2]. Одной из разновидностей стресса является профессиональный стресс. Это «напряженное состояние работника, которое возникает у него при воздействии эмоционально-отрицательных факторов, связанное с выполняемой профессиональной деятельностью:

– напряженное состояние организма, т.е. неспецифический ответ организма на предъявленное ему требование (стрессовую ситуацию). Под воздействием стресса организм человека испытывает стрессовое напряжение, но стресс – это не просто нервное напряжение;

– явление, возникающее вследствие действия на психику различных факторов, сопровождающих человека в процессе его профессиональной деятельности» [3].

Но также ученые утверждают, что люди, которые занимаются спортом, легче переносят стрессовые ситуации, так как стрессоустойчивость формируется посредством здорового образа жизни, самовоспитания и занятий физической культурой. Таким образом, одним из основных средств для борьбы со стрессом является занятие спортом.

Актуальность работы подтверждается данными многочисленных исследований, которые констатируют тревожную тенденцию: по оценкам экспертов, от 60% до 80% студентов в различные периоды обучения регулярно испытывают симптомы, которые ассоциируются с хроническим стрессом [4]. Его последствия выходят далеко за рамки дискомфорта. Длительное воздействие стрессоров приводит к развитию состояния эмоционального выгорания, характеризующегося эмоциональным истощением, снижением профессиональных и учебных достижений [5]. На физиологическом уровне это проявляется в нарушениях сна, ослаблении иммунной системы, повышенном риске развития заболеваний. В психологическом аспекте наблюдаются рост уровня тревожности и депрессивных состояний, апатия, снижение мотивации и общей удовлетворенности жизнью. При этом

стресс напрямую угнетает ключевые для учебной деятельности функции: воспроизведение памяти, концентрацию и переключение внимания, способность к логическому анализу и творческому решению задач. Таким образом, академический стресс становится не только личной проблемой студента или курсанта, но и фактором, снижающим общую эффективность образовательной системы, ведущим к академической неуспеваемости и отчислению. В связи с этим поиск эффективных и устойчивых способов профилактики и преодоления стресса становится одной из центральных задач не только психологии, педагогики и социологии образования, но и личной стратегии каждого студента.

Студенческий стресс – это состояние, с которым сталкивается почти каждый, кто учится в вузе, и появляется оно не тогда, когда начинаются экзамены, а намного раньше. На первых порах кажется, что университет – это свобода, интересная жизнь, новые возможности, но по факту оказывается, что нагрузки больше, чем ожидалось, времени, наоборот, меньше, и постоянно надо что-то делать, куда-то идти, что-то сдавать. Стресс у студентов и курсантов чаще всего накапливается из-за совокупности разных мелочей: сроки по нескольким предметам сразу, необходимость быстро разбираться в новой информации, разные требования преподавателей, ожидания родителей и собственное желание быть успешным и организованным. В реальности же все происходит иначе: даже когда студент старается, все равно может появляться ощущение, будто ничего не успеваешь, и вечная усталость становится чем-то вроде фона.

Учебная нагрузка – одна из главных причин стресса. Задания в университете приходят неравномерно, и возникает ситуация, когда за одну неделю нужно сдать лабораторную, написать эссе, подготовить доклад, выучить большой объем теории и еще написать какой-нибудь отчет. И все это – по разным предметам, часто не похожим друг на друга. Преподаватели между собой обычно не согласовывают сроки, поэтому курсанты часто оказываются в положении, когда несколько больших работ нужно сделать буквально за пару дней. Из-за этого некоторые ребята сидят ночами, пытаются закончить все в срок, и в итоге весь организм переходит в режим постоянного напряжения. Даже если задания сами по себе не очень сложные, их количество и плотность приводят к ощущению, что отдыхать некогда.

К этому добавляется хроническая нехватка времени. Многие курсанты живут далеко от университета, и в таком случае день превращается в расписание: «пары – дорога – домашняя работа – сон», причем сон часто сокращается до минимума. Очень быстро появляется состояние, когда утро начинается с усталости, голова работает хуже, сложно сосредоточиться, а любое мелкое задание воспринимается как что-то чрезмерно трудное. Жизнь становится чем-то вроде бега без остановки, в котором даже по выходным нет ощущения восстановления. Постепенно это превращается в привычку, будто усталость – это норма.

Психологическое давление тоже играет свою роль. Многие курсанты боятся получить плохую оценку или выглядеть глупо на семинаре, сравнивают себя с другими и думают, что у всех все получается лучше, чем у них. Кто-то стремится быть идеальным, потому что привык к этому в школе, теперь же сталкивается с тем, что нагрузка выше, а результат уже не всегда идеален. Кто-то переживает, что подведет родителей или себя самого. Все это создает постоянное внутреннее напряжение, которое не связано напрямую с объемом заданий, но делает стресс

еще сильнее. Даже если объективно ничего страшного не происходит, человек все равно нервничает, потому что его мозг уже привык работать в режиме «тревога включена».

Адаптация тоже дается непросто. Особенно это заметно у первокурсников, когда все новое: группа, преподаватели, уровень требований, даже само здание университета. Некоторым легко заводить знакомства, но другим сложно привыкать к новой социальной среде. А если студент приехал учиться из другого города, к учебному стрессу добавляются бытовые сложности: нужно привыкать к общежитию, учиться жить самостоятельно, решать бытовые вопросы, с которыми раньше помогали родители. Это тоже значительно влияет на общее состояние.

Студенты редко соблюдают режим: кто-то ложится спать в три ночи, кто-то живет на кофе и перекусах, кто-то проводит весь день за компьютером. В итоге организм просто не успевает восстанавливаться. Недосып повышает уровень стресса, нерегулярная еда снижает энергию, сидячий образ жизни ухудшает самочувствие. Все это создает такой фон, на котором любой стресс становится сильнее, чем мог бы быть.

Все это будто маленькие кирпичики, которые постепенно складываются в одну большую стену. Учеба, недосып, сроки, ожидания, бытовые проблемы – все это накладывается друг на друга, и человек живет в состоянии постоянного напряжения. Поэтому стресс у студентов такой распространенный: он не приходит резко, он накапливается изо дня в день, пока организм сам не начинает подавать сигналы, что ему слишком тяжело.

Стресс у студентов проявляется не только в голове, но и в теле, и часто это становится заметно тогда, когда кажется, что «все в порядке». На практике это выглядит как постоянная усталость, даже если спал ты нормально, или как ощущение, что мозг работает в замедленном режиме, а запомнить даже простые вещи сложно. Многие начинают замечать, что им тяжело сосредоточиться на лекции, что внимание постоянно скачет с одного предмета на другой, и даже простые задания кажутся невероятно трудными. Иногда появляются головные боли или чувство тяжести в плечах, особенно после долгого сидения за учебниками или ноутбуком. Это как сигналы организма, что нагрузка слишком большая и нужно что-то менять, но студенты чаще всего продолжают идти в том же темпе, потому что «сессия же близко» или «надо закончить проект».

Эмоции тоже выходят из-под контроля. Появляются раздражительность по пустякам, беспричинная тревога, апатия, когда кажется, что все бессмысленно. Раньше обычные вещи вроде прогулки с друзьями или хобби радовали, а теперь не приносят никакого удовольствия.

Но помимо психических проявлений, есть и физические. Недосып, неправильное питание, слишком много кофе, постоянное сидение – всё это делает студентов более уязвимыми. Появляется чувство слабости, бессилие, снижение энергии. Иногда они начинают болеть чаще, потому что иммунитет ослабевает от постоянного напряжения. Появляются боли в спине или шее, напряжение в плечах, проблемы с желудком. И чем дольше продолжается такой режим, тем сложнее потом возвращаться к нормальному состоянию.

И самое неприятное: стресс часто усиливает сам себя. Чем больше ты устал и чем больше переживаешь, что не успеваешь, тем хуже концентрируешься и тем

меньше успеваешь делать, а это опять повышает тревогу. Получается замкнутый круг: стресс – усталость – плохая концентрация – еще больше стресса.

При этом каждый студент ощущает это по-своему. Кто-то становится раздражительным и замыкается, кто-то, наоборот, слишком активный и нервный, кто-то уходит в Интернет и социальные сети, чтобы отвлечься. Но итог один: стресс влияет на успеваемость, здоровье и, конечно, на настроение, делает учебу в целом менее продуктивной и радостной.

Понимание того, как именно проявляется стресс, важно, чтобы находить способы с ним справляться. Если вовремя заметить эти признаки и начать действовать, например, менять режим, добавлять физическую активность, отдыхать, говорить с друзьями или психологом, то можно значительно облегчить свое состояние и делать учебу легче, а не превращать жизнь в постоянную гонку.

Физическая активность – это один из способов на деле помочь себе справиться со стрессом, и многие студенты замечают это на личном опыте, даже если об этом редко говорят вслух. Когда человек двигается, бегает, занимается спортом, тело как будто переключается: тревожные мысли уходят на второй план, появляется ощущение легкости, а мозг будто начинает работать чище. Даже короткая пробежка или прогулка по парку способны снизить напряжение, которое накопилось за день, а если заниматься регулярно, эффект становится еще лучше.

Кроме этого, спорт помогает улучшать концентрацию и память. Когда ты занимаешься физическими упражнениями, улучшается кровообращение, организм получает больше кислорода, и мозг работает лучше [1]. Студенты часто замечают, что после тренировки проще запоминать лекционный материал или писать курсовую. Плюс занятия спортом создают структуру в распорядке дня, что тоже помогает бороться со сроками и нехваткой времени. Когда есть хотя бы несколько часов в неделю, выделенных на спорт, ощущение контроля над жизнью появляется само собой.

Физическая активность также помогает бороться с усталостью и бессилием, которые появляются из-за сидячего образа жизни и хронического недосыпа. Даже короткая зарядка утром, растяжка или прогулка вечером дают прилив энергии, делают тело менее напряженным, а голову более ясной. Постепенно такие мелкие действия начинают складываться в привычку, и тогда стресс уже не накрывает с такой силой, потому что организм физически подготовлен к нагрузке и лучше реагирует на внешние раздражители.

Важно и то, что спорт дает эмоциональный отдых. Во время тренировки ты сосредотачиваешься на движениях, технике или ощущениях в теле, и это отвлекает от постоянных мыслей о заданиях, экзаменах и сроках. Для многих студентов это как перезагрузка системы – несколько часов в неделю, когда они могут просто заниматься чем-то своим, думать о себе, а не о бесконечной учебной гонке.

Даже если нет возможности ходить в спортзал или бегать на улице, физическая активность может быть простой: утренняя зарядка, прогулка, работа по дому, активные игры с друзьями. Главное – регулярность. Маленькие шаги каждый день дают эффект, который со временем становится заметным: снижается раздражительность, улучшается настроение, появляется больше энергии, а учеба становится менее тяжелой.

Еще одно важное наблюдение студентов: спорт помогает справляться с тревогой перед экзаменами и важными заданиями. Когда организм физически устает в правильном режиме, уровень напряжения снижается, и перед контрольной чувствуешь себя спокойнее, даже если задания сложные. Можно сказать, что движение помогает выпустить пар и посмотреть на проблему чуть спокойнее, а не с паникой и тревогой.

Таким образом, физическая активность – это не просто способ держать тело в форме, а реальный инструмент для поддержания психического здоровья [3, 1]. Она помогает уменьшить стресс, улучшить концентрацию, зарядиться энергией, сделать настроение лучше и просто чувствовать себя более живым. Для студентов, у которых нагрузка высокая, а времени мало, спорт становится не обязанностью, а спасательным кругом, который помогает оставаться на плаву и не выгорать в процессе учебы.

Встроить физическую активность в студенческую жизнь на первый взгляд кажется нереально, потому что и так не хватает времени, но на практике это вполне возможно, если немного перестроить привычки. Главное – понять, что спорт не обязательно должен быть часовой тренировкой в зале три раза в неделю, это может быть что-то простое и доступное. Например, начать с утренней зарядки на 10–15 минут, растяжки после пары или быстрой прогулки на свежем воздухе. Даже такие мелочи дают эффект: тело разминается, кровь лучше циркулирует, голова просыпается, а стресс от предыдущих сроков немного уходит на второй план. Многие студенты отмечают, что такие маленькие привычки постепенно превращаются в естественную часть дня, и уже не кажется, что это еще одна обязанность.

Если есть возможность, можно чередовать разные виды активности: пробежка, велосипед, плавание, командные игры или тренировки дома с видео. Главное – регулярность, а не интенсивность. Даже 20–30 минут в день несколько раз в неделю дают результаты. Для тех, кто живет в общежитии или не любит спортзал, подойдут пешие прогулки до университета или обратно, выход по лестнице вместо лифта, легкая растяжка перед сном. Это все тоже считается движением и помогает справляться с усталостью и напряжением.

Важно делать физическую активность интересной, а не превращать ее в еще одно «надо». Если заниматься тем, что действительно нравится: музыкой, танцами, йогой, спортивными играми с друзьями, мозг получает положительные эмоции вместе с нагрузкой, и эффект от движения усиливается. Студенты отмечают, что так тренировка становится скорее отдыхом, чем обязанностью. Можно даже использовать спорт как способ отвлечься от стресса: перед экзаменом пробежка или час в спортзале помогают выпустить накопленное напряжение, а потом возвращаться к учебе уже более спокойным и собранным.

Не обязательно сразу записываться в спортзал или бегать по километрам. Достаточно выбрать одно-два действия в неделю и постепенно увеличивать их количество и длительность. Главное – последовательность. Если привыкнуть хотя бы к 15–20 минутам активного движения несколько раз в неделю, тело начнет лучше справляться с напряжением, появится больше энергии, улучшится настроение, а стрессовые ситуации будут восприниматься легче.

Также важно помнить, что движение полезно не только для тела, но и для головы. После физической активности легче сосредоточиться, повысить продуктивность, вспомнить информацию и написать курсовую без постоянного чувства усталости. Многие студенты отмечают, что после тренировки появляется ощущение перезагрузки: проблемы не исчезают, но отношение к ним становится спокойнее, а паника от сроков снижается.

И еще один момент: если трудно найти время или мотивацию, помогает компания. Можно заниматься с друзьями или в группе. Тогда тренировка превращается в социальное событие и сразу становится приятнее. Плюс поддержка друзей мотивирует не пропускать занятия, а совместная активность помогает расслабиться и отвлечься от учебных забот.

В итоге, чтобы физическая активность реально помогала справляться со стрессом, не нужно делать из нее подвиг или новую обязанность. Достаточно найти небольшие способы движения, которые нравятся и легко вписываются в расписание, делать это регулярно, и со временем стресс станет менее заметным, усталость уменьшится, а учеба начнет даваться легче. Главное – начать с малого, привыкнуть к движению, и постепенно это войдет в привычку, которая на деле поддерживает здоровье, настроение и концентрацию.

Подводя итог, можно сказать, что студенческий стресс – это почти неизбежная часть жизни всех, кто учится в ведомственном или гражданском вузе, и появляется он из-за совокупности разных факторов: учебной нагрузки, сроков, нехватки времени, новых требований, ожиданий родителей и собственного стремления все успевать. Студенты, стремясь к психологическому благополучию, не проводят параллели с благополучием физическим. Для обретения психологического благополучия необходимо включить регулярную двигательную активность в «рацион» своего дня. Ежедневное регулярное выполнение физических нагрузок может снижать уровень тревожности, а также предотвращать развитие хронического состояния тревоги [3, 1]. Занятия физическими упражнениями – это деятельность, которая направлена не только на совершенствование своей физической подготовленности, но и на улучшение психического здоровья, профилактику возникновения стресса и борьбу с депрессией. Самое важное – не перегружать себя, а найти то, что нравится, делать это регулярно и постепенно, чтобы спорт не был еще одной обязанностью, а стал способом выпустить пар и восстановить силы.

Кроме того, в качестве средства борьбы со стрессом можно использовать практически любую физическую активность. Чтобы не навредить организму, следует правильно регулировать нагрузку. После тренировки у студента обязательно должны оставаться силы, он не должен ощущать изнеможение. Таким образом, спорт – это лучший способ справиться со своими тревогами и, как следствие, побороть стресс [3, 2, 1].

Литература

1. Щербатых, Ю. В. Психология стресса и методы коррекции / Ю. В. Щербатых. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 256 с.

2. Бодров, В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В. А. Бодров. – Москва, 2006. – 528 с.

3. Герасимов, И. В. Стресс: психологические основы и методы снятия / И. В. Герасимов // Психология, социология и педагогика. – 2019. – № 2. – URL: http://psychology.snauka.ru/2013/02/1783. – (Дата обращения: 15.11.2025).

4. Семенова, Е. М. Психологическое сопровождение личности студента в образовательной среде вуза / Е. М. Семенова, Н. Н. Ворошилина // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://psychology.snauka.ru/2015/06/5083. – (Дата обращения: 15.11.2025).

5. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2018. – 336 с.

Найденова Анастасия Александровна,
студентка 4 курса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Гонтарь Сергей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук

Доказательственное значение заключений эксперта, полученных с использованием искусственного интеллекта: правовые и этические аспекты

Внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство России стало одним из наиболее значимых вызовов современного права, требующим не только технического, но и правового осмысления допустимости, достоверности и этической корректности заключений, полученных с использованием алгоритмов машинного анализа данных.

По данным Министерства юстиции РФ (согласно отчету за 2024 год), более 27% судебных экспертиз в крупных мегаполисах включают применение автоматизированных или ИИ-поддерживаемых методов, при этом в сфере цифровой криминалистики и аудио-, видеоанализа доля таких экспертиз превышает 45%. В то же время, по данным опросов Следственного комитета и Генеральной прокуратуры РФ, около 62% следователей выражают сомнение в процессуальной «чистоте» подобных заключений, а 48% адвокатов прямо указывают на невозможность воспроизвести алгоритм анализа данных, что ставит под угрозу принцип состязательности и проверяемости доказательств, закрепленный в статьях 15, 17, 74, 75 и 88 УПК РФ [1].

Основная проблема заключается в отсутствии нормативного стандарта допустимости и объяснимости алгоритмических заключений. Если в традиционной судебной экспертизе методика должна быть научно обоснованной, апробированной и сертифицированной, то в случае с искусственным интеллектом доказательственная ценность результата зависит от степени прозрачности модели, корректности исходных данных и воспроизводимости вывода. Однако в подавляющем большинстве случаев эксперт не является разработчиком алгоритма, а потому не способен объяснить внутренние механизмы его работы.

Для устранения этой правовой проблемы необходимо закрепить на уровне УПК РФ и подзаконных актов Минюста следующие конкретные меры:

– введение обязательного «порога объяснимости»: заключения эксперта, основанные на ИИ, могут использоваться только в случае раскрытия структуры модели, версии программного обеспечения, используемого набора данных, а также указания точности и вероятности ошибки;

– дополнение статьи 204 УПК РФ пунктом, предусматривающим обязанность эксперта раскрывать параметры алгоритма и исходные метрики модели, подтвержденные независимым аудитором;

– создание государственного реестра сертифицированных алгоритмов судебно-экспертного назначения, ведение которого возложить на Минюст и Минцифры РФ по аналогии с реестром методик экспертиз. Каждая модель должна иметь паспорт, содержащий сведения о производителе, области применения, метриках точности, ограничениях и датах тестирования.

Не менее важной проблемой является отсутствие стандартизированных процедур цифровой сохранности данных, используемых при обучении и в процессе проведения ИИ-экспертизы. Так, в 2024 году Роскомнадзор зафиксировал более 310 случаев утечки данных в экспертных учреждениях, связанных с использованием облачных сервисов для хранения материалов следственных экспертиз. Любое нарушение целостности цифрового объекта влечет сомнение в достоверности результата, что делает вывод искусственного интеллекта процессуально недопустимым согласно части 2 статьи 50 Конституции РФ и статье 75 УПК РФ.

Для минимизации рисков следует внедрить следующие решения: создание единой защищенной сети хранения экспертных цифровых данных с обязательным применением криптографических методов контроля целостности: хеш-алгоритмы SHA-256, временные метки и неизменяемые журналы, обязательное документирование всех операций в машиночитаемом протоколе, который подлежит приобщению к материалам дела; введение процедуры цифрового паспорта доказательства: цифровой объект, исследуемый ИИ-моделью, должен сопровождаться контрольными идентификаторами и журналом всех действий, начиная с момента изъятия; нормативное закрепление обязанности экспертного учреждения проводить независимую валидацию алгоритма на контрольных выборках перед использованием в конкретном деле, что может быть закреплено в новом пункте статьи 199 УПК РФ.

Третьим и наиболее дискуссионным блоком проблем являются этические и правозащитные риски использования ИИ-экспертиз. Так, более 32% ИИ-моделей, используемых для распознавания лиц и голосов, демонстрируют значительные отклонения точности для различных этнических и возрастных групп. Подобная дискриминация противоречит статье 19 Конституции РФ, а также Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором прямо указано на недопустимость дискриминационных технологий при получении доказательств [2, 3]. В связи с этим требуются обязательная процедура оценки справедливости алгоритма, проводимая независимым сертифицированным специалистом до начала использования модели; введение процессуального права стороны защиты на «алгоритмическое возражение» – право заявить ходатайство о признании недопустимым экспертного заключения, если модель не прошла проверку на предвзятость или уровень ошибки превышает допустимый предел (например, >5% для бинарных задач идентификации); закрепление в статье 17 УПК РФ отдельного положения о недопустимости вынесения приговора исключительно на основе автоматизированного заключения, без подтверждения другими доказательствами.

Необходимо отметить, что проблема воспроизводимости ИИ-заключений становится центральной и с точки зрения процессуальных гарантий. Исследование Института судебных экспертиз Минюста РФ от 2025 года показало, что только около 36% ИИ-экспертиз могут быть повторены с идентичным результатом при независимой проверке, что прямо противоречит требованию достоверности и стабильности доказательств [4]. Решением может стать введение в процессуальную практику обязательного дублирования ИИ-вывода — повторного анализа с использованием альтернативной модели или независимой контрольной лаборатории. Справедливое и безопасное внедрение ИИ-экспертиз возможно только при формировании трехуровневой правовой системы контроля: нормативный уровень – закрепление критериев допустимости, объяснимости и независимой проверки алгоритмов (поправки в статьи 74, 75, 195–207 УПК РФ и закон № 73-ФЗ); институциональный уровень – создание государственного реестра ИИ-методик и сертификационного центра при Минюсте; этический уровень – обязательные аудит-отчеты по справедливости, транспарентности и рискам дискриминации.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 6 октября 2022 г.) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 22.10.2025).

3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 22.10.2025).

4. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. – URL: https://rkn.gov.ru/ (дата обращения: 22.10.2025).

Наумова Александра Сергеевна,
слушатель 4 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Сериков Роман Владимирович,
преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы использования электронных цифровых данных в доказывании в уголовном судопроизводстве

Проникновение цифровых технологий в повседневность трансформирует и преступную деятельность, смещая ее в киберпространство. Это закономерно ведет к росту числа как собственно киберпреступлений, так и традиционных правонарушений, опосредованных цифровыми средствами. В подобной следственной ситуации электронные данные зачастую превращаются в единственный источник криминалистически значимой информации. Их изъятие и анализ становятся критическими для установления истины по делу.

Интеграция этих новых категорий доказательств в уголовный процесс встречает системное сопротивление. Сложившаяся в иных технологических условиях процедура доказывания демонстрирует свою архаичность. Правовая неопределенность в вопросах сбора, фиксации и оценки цифровых следов создает прямую угрозу принципам законности и обоснованности судебных решений. Игнорирование этой проблемы парализует развитие уголовно-процессуальной доктрины и следственной практики.

В настоящее время приоритетным способом фиксации хода процессуальных, в том числе следственных, действий является составление бумажных протоколов. Технические средства выполняют факультативную роль. Высказаться в пользу перехода на электронный способ отображения процессуальной деятельности можно, воспользовавшись аргументами других авторов. Так, например, есть мнение, что это позволит оптимизировать работу участников уголовного процесса, повысить качество выполнения поставленных задач. В перспективе технические средства копирования, хранения, передачи электронной информации сделают ненужными бумажные уголовно-процессуальные документы, то есть возможен переход исключительно на электронный документооборот.

Дискуссия о процессуальной природе электронных доказательств остается незавершенной. Их механическое включение в категорию «иных документов» не решает проблему легитимации. Как верно замечает С.В. Зуев, виртуальность, копируемость и зависимость от инструментов анализа формируют уникальные свойства цифровых данных, требующие специального правового режима [1, с. 47]. Эти атрибуты радикально дистанцируют их от вещественных доказательств и

бумажных носителей, делая прямое применение устоявшихся процессуальных форм малоэффективным.

Центральным препятствием выступает обеспечение допустимости. Размытые формулировки УПК РФ относительно изъятия электронной информации оставляют широкий простор для процессуальных нарушений. Отсутствие законодательно утвержденного алгоритма действий следователя при работе с цифровыми носителями провоцирует бесконечные ходатайства защиты об исключении таких доказательств. Соблюдение требований к неизменности изначальной информации и юридической силе копий на практике носит скорее декларативный характер.

Установление достоверности цифровых данных сопряжено с не менее серьезными трудностями. Лабильность электронной информации, возможность ее скрытой модификации или уничтожения требуют привлечения специальных познаний. Следователь и судья, не обладая достаточной технической подготовкой, не способны автономно оценить подлинность электронного документа или целостность дампа памяти мобильного устройства. Возникающая зависимость от заключений экспертов усугубляется отсутствием унифицированных методик исследования.

Любая операция с электронными данными – от обнаружения до представления в суде – требует скрупулезного документирования. Нарушение этого конвейера, например, изъятие носителя без обеспечения электромагнитной защиты, необратимо лишает информацию доказательственной ценности. Ю.Н. Соколов обоснованно настаивает, что гарантировать аутентичность можно лишь через законодательное закрепление строгих стандартов работы с цифровыми следами [2, с. 45].

Трансграничный характер данных порождает сложнейшие коллизии юрисдикций. Физическое расположение серверов за рубежом часто делает невозможным получение информации в рамках существующих механизмов правовой помощи. Преступники умело используют эту уязвимость, размещая данные в юрисдикциях с либеральным или конфликтующим законодательством, блокируя тем самым доступ следствия.

Применение специальных средств мониторинга, таких как системы глубокого анализа трафика, создает напряженность между интересами правосудия и правами личности. Отсутствие четких законодательных границ и судебного контроля за использованием подобных технологий создает угрозу фундаментальным конституционным правам, открывая дорогу к тотальной слежке.

Компетентностный разрыв между технической сложностью доказательств и подготовкой юристов становится критическим. Неспособность следователя сформулировать корректное задание для эксперта или критически оценить его заключение сводит эффективность доказывания к нулю. Э.Ф. Искакова акцентирует необходимость превращения цифровой грамотности в базовый навык современного юриста [3, с. 92].

Скорость технологических изменений – появление IoT, метавселенных – постоянно опережает адаптационные возможности права. Пока правоприменитель осваивает работу с одним типом цифровых следов, ему на смену приходят принципиально новые, требующие иных подходов. Уголовно-процессуальная наука и

законодатель оказываются в положении догоняющих, что требует создания более гибких правовых конструкций.

Правовой статус результатов работы алгоритмов искусственного интеллекта и анализа больших данных остается юридическим казусом. А.В. Смирнов ставит вопрос о процессуальных последствиях интеграции искусственного интеллекта в доказывание и о том, можно ли считать его выводы доказательством [4, с. 27]. Ответ потребует пересмотра самих оснований доказательственной теории.

П.М. Максимчева, рассматривая общие контуры цифровизации, указывает на ее комплексность, требующую синхронного изменения законодательства и технического перевооружения [5, с. 73]. Фрагментарные меры не только неэффективны, но и порождают новые процессуальные риски, искажающие саму суть правосудия.

Отсутствие унифицированных методик экспертного исследования подрывает доверие к его результатам. Разные экспертные учреждения используют различное программное обеспечение и методики, что закономерно приводит к противоречивым выводам. Неразвитость системы национальных стандартов девальвирует доказательственное значение электронной информации в глазах суда. Дисбаланс ресурсов обвинения и защиты ставит под удар принцип состязательности. Обвинение, обладая доступом к спецсредствам и экспертам, получает неоспоримое преимущество. Защита же лишена возможности самостоятельно провести полноценную проверку цифровых данных, представленных противоположной стороной. Смешение процессуальных форм, когда, например, распечатка электронной переписки приобщается как вещественное доказательство, приводит к утрате критически важной метаинформации. Такой подход не позволяет оценить атрибуты файла, метки времени и иные данные, определяющие его происхождение и целостность.

Таким образом, проблемы интеграции электронных доказательств носят системный характер, затрагивая доктринальные, процедурные и ресурсные аспекты уголовного процесса. Их преодоление невозможно без скоординированной работы законодателя, направленной на создание детализированного правового режима; без технической модернизации следственных и экспертных институтов; без фундаментального пересмотра подходов к подготовке юридических кадров. Синхронизация этих усилий – единственный путь к преодолению разрыва между архаичной процедурой и цифровой реальностью, что позволит обеспечить как эффективность уголовного преследования, так и защиту прав личности.

Литература

1. Зуев, С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение / С. В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3(26). – С. 46–51.

2. Соколов, Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в уголовном судопроизводстве / Ю. Н. Соколов. – Москва, 2024. – 131 с.

3. Искакова, Э. Ф. К вопросу о возможности использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / Э.Ф. Искакова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 1(101). – С. 91–95.

4. Смирнов, А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? / А. В. Смирнов // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 1. – С. 24–31.

5. Максимчева, П. М. Цифровизация уголовного судопроизводства Российской Федерации / П. М. Максимчева // PRO.Право. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 72-75.

Нечетова Карина Алексеевна,
курсант 2 курса
факультета подготовки следователей
Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Смоляков Данил Андреевич,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта
Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Физическая подготовка как основа профессиональной деятельности сотрудников полиции

Современная служба в органах внутренних дел проходит в условиях неспокойной криминогенной обстановки как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах. Сотрудники полиции зачастую сталкиваются с откровенно агрессивным и безжалостным противодействием со стороны лиц, нарушающих закон.

В этой сложной обстановке на полицию возлагается решение особо ответственных задач, нередко сопряженных с риском для жизни и здоровья. Выполнение этих обязанностей требует от личного состава слаженных действий, а также постоянного напряжения интеллектуальных, психических и физических сил.

К сотрудникам правоохранительных органов предъявляются особые, повышенные требования. Речь идет не только о глубоких профессиональных знаниях, но и о превосходной физической форме. Полицейский обязан не только в совершенстве разбираться в правовых нормах, но и уверенно применять на практике приемы рукопашного боя, уметь преодолевать различные препятствия, а также показывать высокие результаты в прикладной гимнастике, легкой атлетике и спортивных играх.

Как отмечают правоведы, первостепенной задачей сотрудников правоохранительных структур является обеспечение общественной безопасности, для чего они уполномочены применять адекватные средства и методы силового воздействия. При этом они должны трезво оценивать уровень угрозы и в любой ситуации действовать объективно, строго в рамках закона и руководствуясь нормами профессиональной этики.

Так, Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ четко определяет основные направления деятельности полиции. Ее назначение заключается в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства. Важнейшими задачами являются противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. Полиция обязана приходить на помощь каждому, кто нуждается в защите от преступных посягательств, а также заниматься предупреждением и пресечением преступлений и административных правонарушений.

Качественное выполнение служебных функций в полиции объективно требует от сотрудников высокого уровня физической готовности. На сегодняшний день в нормативных документах не закреплено единого определения физической

подготовки, однако в профессиональной среде общеприняты несколько подходов к этому понятию.

К физической подготовке принято относить регулярные тренировки, направленные на сбалансированное развитие ключевых качеств организма – таких как сила, скорость, ловкость, гибкость и общая выносливость.

В профессиональной сфере этот процесс приобретает узкопрофильный характер. Здесь речь идет о специализированном физическом воспитании, которое готовит человека к конкретным видам деятельности, с которыми он сталкивается в рамках исполнения служебных обязанностей. Справедливо отмечено, что при обучении сотрудников необходимо сначала развить у обучаемых основные физические качества и психологически подготовить, а лишь затем начинать учить технике выполнения боевых приемов борьбы, той технике, которая соответствует индивидуальным особенностям и конкретным условиям [1, с. 195].

Что касается сотрудников полиции, здесь физическая подготовка является составным элементом профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников. Пришедший на смену приказу от 1 июля 2017 года № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» устанавливает, что физическая подготовка проводится в рамках практических занятий и включает в себя такие разделы, как:

– общая физическая подготовка, в рамках которой отрабатываются прикладные гимнастические элементы, упражнения атлетической и легкоатлетической подготовки, ускоренное передвижение, преодоление препятствий, лыжная подготовка, плавание и спортивные игры;

– служебно-прикладной раздел, посвященный рассмотрению и отработке специальных физических упражнений, к которым относятся боевые приемы борьбы;

– тактика применения боевых приемов борьбы, которая предполагает решение тактических задач и выполнение практических заданий по использованию в соответствующих ситуациях боевых приемов борьбы.

Таким образом, физическая подготовка – это комплекс мер, предназначенных для развития физической формы и навыков владения и применения боевых приемов борьбы у действующих и будущих сотрудников ведомства, а ее основная цель – это обеспечение готовности личного состава к выполнению служебно-оперативных задач в строгом соответствии с утвержденными нормативами, а также поддержание и укрепление здоровья сотрудников – как в физическом, так и в психологическом плане. При этом на занятиях по физической подготовке параллельно с развитием таких важных физических качеств, как сила, быстрота, ловкость и выносливость, также происходит нравственное совершенствование сотрудников [2, с. 135].

Физическая подготовка в органах внутренних дел нацелена на формирование у сотрудника необходимых умений и навыков, которые позволят ему в полной мере осуществлять свои служебные функции, а также поддержание общей работоспособности на высоком уровне. Это подразумевает не только развитие основных физических качеств, но и умение правильно применять боевые приемы

для пресечения правонарушений, грамотно использовать специальные средства в рамках своих полномочий, поскольку действия работников полиции должны быть направлены не только на личную безопасность, но и безопасность лиц, оказавшихся при задержании [3, с. 17].

Для достижения этих целей физическая подготовка сотрудников полиции решает несколько практических задач.

Общая физическая подготовка развивает основные физические качества: силу, быстроту, ловкость и выносливость, необходимые для успешного выполнения служебно-оперативных задач и несения службы в рамках обеспечения охраны общественного порядка.

Отработка боевых приемов борьбы формирует устойчивые навыки применения физической силы.

Тактика применения боевых приемов борьбы создает основу для эффективного применения боевых приемов борьбы, специальных средств и табельного оружия, а также самозащиты и личной обороны в экстремальных условиях оперативно-служебной деятельности.

Наконец, физическая подготовка способствует развитию важных психоэмоциональных качеств: дисциплинированности, самообладания, смелости, гуманности, наблюдательности и постоянной бдительности.

На основании действующего приказа МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 утверждены конкретные нормативы физической подготовки для сотрудников полиции.

Базовый уровень подготовки предполагает программу объемом не менее ста часов, из которых не менее сорока часов отводится на общую физическую подготовку, включая обязательные десять часов спортивных игр. Изучению боевых приемов борьбы посвящается шестьдесят часов учебного времени.

При переходе на усиленный уровень общая продолжительность подготовки сохраняется в размере ста часов, однако меняется распределение дисциплин: общая физическая подготовка занимает тридцать часов, тогда как боевым приемам борьбы и тактике их применения отводится соответственно шестьдесят и десять часов.

Специальный уровень подготовки предусматривает наиболее интенсивную программу общей продолжительностью сто пятьдесят часов. В ее рамках семьдесят часов занимает общая физическая подготовка, пятьдесят часов отводятся на освоение боевых приемов борьбы, и тридцать часов посвящаются тактическим аспектам их применения.

Учебные программы и образовательные стандарты в сфере физической подготовки ежегодно пересматриваются и могут незначительно различаться в зависимости от конкретного учебного заведения и специализации полицейских подразделений. При этом сохраняется единая методологическая база, основанная на фундаментальных принципах: органичном сочетании общих и прикладных основ физического воспитания, непрерывности тренировочного процесса для поддержания оптимальной формы, постоянном совершенствовании физических возможностей и обязательной практической направленности всех выполняемых упражнений [4, с. 115].

Такой комплексный подход к физическому развитию предъявляет конкретные требования к физическому состоянию сотрудника. В результате системных нагрузок полицейский должен обладать развитой мускулатурой рук, спины, брюшного пресса и ног. Это является объективной необходимостью, поскольку именно эти физические качества позволяют эффективно обезвредить правонарушителя, ограничить его подвижность и предотвратить совершение общественно опасных действий. В этой связи нельзя не согласиться, что с точки зрения огневой и физической подготовки будущий специалист должен в совершенстве владеть оружием и специальными средствами, обладать теоретическими знаниями и практическими навыками в организации и управлении действиями элементов боевого порядка в специальных операциях, а также быть хорошо физически развитым и владеть боевыми приемами борьбы [5, с. 38].

Профессиональная физическая подготовка сотрудников полиции не должна ограничиваться стенами учебных заведений и официальными мероприятиями. Крайне важным аспектом остается самостоятельная работа над своей физической формой, которая обязана носить регулярный и системный характер. Сотрудник должен быть мотивирован сам и прилагать постоянные усилия в направлении формирования у себя потребности к самосовершенствованию, овладению специальными знаниями, умениями и навыками [6, с. 64].

Таким образом, поддержание высокого уровня физической готовности представляет собой неотъемлемую и важнейшую составляющую профессиональной компетенции сотрудника органов внутренних дел. Она служит фундаментом для всей его последующей служебной деятельности. Этот процесс должен быть непрерывным и планомерным, будучи нацеленным на постоянное саморазвитие и профессиональный рост.

Наличие отличной физической формы позволяет полицейским эффективно применять на практике приемы задержания и рукопашного боя, преодолевать различные препятствия в условиях городской среды и на местности, уверенно решать оперативно-тактические задачи. Именно это обеспечивает надежную защиту законности и правопорядка, а также способствует поддержанию положительного образа сотрудника полиции в общественном сознании.

Литература

1. Кузнецов, М. Б. Некоторые аспекты процесса физической и психологической подготовки сотрудников ГИБДД // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): сборник материалов международной научно-практической конференции, Орел, 20–21 апреля 2017 года. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. – С. 194–197.

2. Котова, Е. А. Профессионально-личностное воспитание курсантов в процессе занятий физической подготовкой и спортом // Автономия личности. – 2022. – № 2(28). – С. 132–139.

3. Алдошин, А. В. Тактическая подготовка применения боевых приемов борьбы как составная часть профессиональной подготовки сотрудников ОВД к выполнению служебных задач в чрезвычайных обстоятельствах // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей обра-

зовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 05–06 июня 2014 года. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2014. – С. 13–17.

4. Савчук, Н. А. Физическая подготовка как элемент профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Наука. – 2022. – № 4(58). – С. 113–121.

5. Герасимов, И. В. Психолого-педагогические аспекты подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД к деятельности в экстремальных ситуациях // Автономия личности. – 2020. – № 1(21). – С. 37–40.

6. Губанов, Э. В. Физическая и огневая подготовка в контексте готовности сотрудника полиции к службе в современных условиях // Автономия личности. – 2022. – № 1(27). – С. 61–65.

Нечунаев Алексей Викторович,
студент 1 курса магистратуры,
Алтайского государственного педагогического университета

Научный руководитель:
Жданова Нина Сергеевна,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент

Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в образовании: анализ зарубежной и отечественной практики

В эпоху цифровизации искусственный интеллект все активнее внедряется в образование, открывая возможности персонализации обучения и автоматизации рутинных задач. Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в школьное и вузовское образование сопровождается ростом правовых, этических и социальных рисков. Генеративные модели, алгоритмические системы оценки и цифровые образовательные платформы усиливают вопросы защиты персональных данных, академической добросовестности, прозрачности алгоритмов и распределения ответственности между разработчиками, преподавателями и обучающимися.

Современные технологические вызовы требуют формирования сбалансированной нормативной среды, поскольку отсутствие четких правовых рамок ведет к хаотичному применению искусственного интеллекта, что может нанести вред качеству образования и правам участников. Так, исследователи отмечают появление у готовых ответов искусственного интеллекта «галлюцинаций» (генерации ложной информации) и предвзятости, что подрывает достоверность фактов [1]. ЮНЕСКО также предупреждает, что пандемия COVID-19, вынужденно ускорившая цифровизацию образования, выявила значительные риски усиления неравенства и нарушения приватности при безответственном использовании искусственного интеллекта [2]. Обучающиеся, применяющие искусственный интеллект без контроля педагога, перестают проверять источники, снижая собственный аналитический потенциал и критическую составляющую мышления.

Изучение вопроса правового регулирования искусственного интеллекта в образовании показывает, что тема активно исследуется как в отечественных, так и зарубежных источниках. Российские работы – К.Т. Рагимхановой, И.В. Анюшенковой, С.А. Смирнова, А.В. Зажигалкина – анализируют правовые аспекты внедрения искусственного интеллекта, пробелы нормативной базы и трансформацию образовательной среды. Международная практика отражена в документах UNESCO, AI Act ЕС, Рамочной конвенции Совета Европы, американских руководствах по ИИ, а также исследованиях китайской и сингапурской моделей (Тонких, Wang, Дремлюга, Горян). Ахмад и Zhai подчеркивают когнитивные и образовательные последствия чрезмерного использования ИИ студентами. Несмотря на разнообразие исследований как отечественных, так и зарубежных авторов, на се-

годняшний день отсутствуют комплексные работы, которые бы системно объединяли различные модели регулирования искусственного интеллекта в образовании в одном исследовании, позволяя наглядно сравнить подходы разных стран.

Сегодня идет интенсивный процесс осмысления созданных моделей искусственного интеллекта. Российские эксперты сходятся во мнении, что нужны жесткие нормы: И.В. Анюшенкова подчеркивает необходимость адаптации GDPR-подобных правил (Общий регламент по защите данных в ЕС) защиты данных обучающихся [3], а К.Г. Рагимханова указывает, что неконтролируемое использование искусственного интеллекта ведет к утрате научной новизны и автором в таком случае становится искусственный интеллект, а не человек, действительно занимавшийся исследованием проблемы [4]. Кроме того, исследование, проведенное группой ученых Пакистана и Китая, показывает, что чрезмерная зависимость от интернет-технологий может подавлять креативность и инновационное мышление у педагогов и обучающихся [5]. Таким образом, без регулирования искусственный интеллект грозит превратиться из инструмента прогресса в один из факторов деградации образования – от ошибок и дезинформации до юридических «дыр» в ответственности за причиненный вред.

В настоящее время прогрессивная часть мирового сообщества, особенно в технологической сфере, активно стремится ввести регулирование искусственного интеллекта – как в целом, так и в отдельных областях, включая образование. Действия предпринимаются в ускоренном темпе: страны и международные организации торопятся выработать нормы и ограничения, чтобы минимизировать риски, связанные с быстрым развитием технологий.

Европейская модель правового регулирования искусственного интеллекта как наиболее близкая России ориентируется на жесткую регуляцию, основанную на правах человека. Коллективно европейские страны смогли первыми разработать полноценный закон, регулирующий искусственный интеллект на основе риск-ориентированного подхода. Регламент (ЕС) 2024/1689 (AI Act), вступивший в силу в августе 2024 года, устанавливает четкие сроки для приведения искусственных интеллект-систем в соответствие, требуя раскрытия данных обучения и возможности «отказаться» от использования искусственного интеллекта по просьбе автора, что минимизирует предвзятость и неточности, повышая доверие к персонализированному обучению. Впрочем, закон можно критиковать по множеству аспектов, начиная от формулировок и сопутствующей бюрократии, заканчивая возможным глобальным отставанием Европы в развитии технологий искусственного интеллекта. Любые искусственные интеллект-системы в образовании попадают в категорию «высокого риска»: например, программы для выставления оценок или распределения мест требуют обязательной оценки рисков и открытости алгоритмов [6].

Дополнительно Совет Европы разработал Рамочную конвенцию по искусственному интеллекту (CETS № 225), подписанную 5 сентября 2024 г., как первый международный инструмент, предписывающий, чтобы жизненный цикл интеллект-проектов был «полностью совместим с правами человека, демократией и верховенством закона» [7]. Конвенция задает базовые принципы прозрачности, подотчетности и недискриминации искусственного интеллекта. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте (CETS № 225) косвенно затра-

гивает образование через общие правовые принципы регулирования искусственного интеллекта. Конвенция требует от государств обеспечивать защиту прав человека, в том числе право на образование, при использовании алгоритмов, предотвращать дискриминацию в искусственных интеллект-системах, гарантировать прозрачность и проводить оценку рисков для обучающихся, а также содействовать развитию цифровой грамотности. Данные меры побуждают образовательные учреждения внедрять этические кодексы использования искусственного интеллекта, ужесточать политику защиты персональных данных учащихся, балансировать инновационные и традиционные методы обучения и повышать квалификацию педагогов в области цифрового образования [7].

Важно также отметить, что оба европейских акта имеют экстерриториальный характер, то есть они могут влиять на организации не только внутри страны-источника, но и за ее пределами, если их деятельность затрагивает соответствующий рынок. Экстерриториальность правовых актов об искусственном интеллекте является актуальной для совместных образовательных проектов между Венгрией (членом ЕС, обязанным следовать требованиям AI Act) и Россией (где действует собственная регуляторная база в сфере искусственного интеллекта), которые наращивают сотрудничество в сфере высшего образования. Ключевым принципом сотрудничества Венгрии и России является то, что если проект предполагает использование искусственных интеллект-решений в венгерской части (например, для обработки данных студентов, автоматизированной оценки или биометрической идентификации), придется соблюдать требования AI Act независимо от того, распространяются ли аналогичные ограничения на российскую сторону. При этом данные акты – это начальный этап формирования полноценной системы регулирования. Накопленный опыт позволит в дальнейшем совершенствовать нормы, уточнять определения и устанавливать четкие рамки применения.

Американская модель правового регулирования искусственного интеллекта ориентирована на рынок и децентрализацию. На федеральном уровне отсутствует единый обязательный регламент, а ключевые решения переданы штатам. Даже президентский указ от 23 апреля 2025 года, направленный на развитие ИИ-грамотности и интеграцию технологий в обучение, стимулирует инновации, но не устанавливает механизмов ответственности или защиты прав учащихся. Поэтому именно штаты формируют основное нормативное поле – от этических руководств до прямых ограничений на использование искусственного интеллекта при оценивании и планировании уроков. В большинстве штатов уже имеются свои этические кодексы, рекомендации по использованию искусственного интеллекта в образовании. К примеру, в Северной Каролине не рекомендуется использовать генеративный искусственный интеллект для оценки учащихся, а в Западной Вирджинии искусственный интеллект не может полностью составлять план урока без контроля со стороны преподавателя [8]. Наибольшей нормативной определенности удалось достичь лишь в трех штатах, где приняты специальные акты, регулирующие применение искусственного интеллекта в образовательной сфере.

В Калифорнии, одном из наиболее технологически развитых штатов, формируется одна из самых продвинутых моделей регулирования ИИ. Законопроект Сената 53 обязывает крупных разработчиков публично раскрывать протоколы безопасности и уведомлять о критических инцидентах, тем самым устанавливая

базовые требования прозрачности. Принятый позднее законопроект SB 243 дополняет эту логику, вводя специальные правила для ИИ-чатботов, имитирующих человеческое общение, и предусматривая меры защиты для несовершеннолетних и иных уязвимых групп. В образовательной сфере Калифорния делает акцент не только на безопасность, но и на формирование ИИ-грамотности: Государственный совет по образованию предписывает включение основ искусственного интеллекта в учебные программы по математике, естественным наукам и истории, а также создание рабочих групп для анализа использования ИИ в государственных школах. Их заключения, ожидаемые к 1 января 2027 года, должны стать основой для дальнейшего нормативного развития в образовательном секторе.

В Колорадо Закон об искусственном интеллекте (Colorado AI Act), который вступит в силу в июне 2026 года, касается высокорисковых искусственных интеллект-систем, включая те, что влияют на образование. Закон требует от разработчиков избегать алгоритмической дискриминации, предоставлять документацию о целях системы, используемых данных и мерах по снижению рисков. Пользователи таких систем также обязаны внедрять политику управления рисками и проводить оценку воздействия искусственного интеллекта, что демонстрирует сходство с правовым регулированием Евросоюза.

В Монтане Montana Right to Compute Act (MRTCA) гарантирует право жителей на доступ к вычислительным ресурсам и искусственному интеллекту. Хотя закон не фокусируется исключительно на образовании, он создает правовую основу для использования искусственного интеллекта в различных сферах, включая обучение. MRTCA допускает ограничения только в целях защиты здоровья и безопасности, при этом любые ограничения должны быть строго обоснованы и минимальны [8].

Таким образом, Правительство США не торопится регулировать искусственный интеллект на федеральном уровне, аргументируя тем, что технология находится на ранней стадии развития. Преждевременное введение строгих законодательных рамок только замедлит темп и даст Китаю стратегическое преимущество. В этом прослеживается логика победителя: обогнать конкурентов здесь и сейчас, рискуя получить пусть и технически грамотное, но интеллектуально зависимое поколение, способное пользоваться инструментами, но не способное мыслить независимо.

Азиатские модели правового регулирования искусственного интеллекта имеют свои особенности. Сингапур не хочет терять свою инвестиционную привлекательность, потому и не вводит жестких законов в целом. Искусственный интеллект развивается своим темпом, внедряется в образовательные учреждения и не имеет существенных ограничений, законы его регулируют лишь косвенно. В правоприменительной практике используется Закон «О защите персональных данных (PDPA, 2012)», регламентирующий порядок сбора, использования и раскрытия персональной информации [9]. В образовании правовое регулирование важно для защиты данных учащихся и преподавателей, а также при использовании искусственного интеллекта для анализа учебных достижений или персонализации обучения.

В 2024 году PDPC опубликовала Advisory Guidelines on Use of Personal Data in AI Recommendation and Decision Systems, уточняющие применение PDPA в ис-

кусственных интеллект-системах. Кроме того, закон о кибербезопасности 2018 года с поправкой от 2024 года расширил сферу правового регулирования на новые категории организаций, в том числе искусственный интеллект организаций. Закон о защите от ложной информации и манипуляций в Интернете (POFMA, 2019), который направлен на предотвращение распространения ложных заявлений о фактах в Интернете, оказывает многогранное влияние на образование, защищая обучающихся от ошибок и неточностей. Существует также ряд рекомендательных документов по использованию искусственного интеллекта, это дискуссионный документ «Генеративный искусственный интеллект», рамочная модель «Песочница» для оценки генеративного искусственного интеллекта. Данные проекты реализуются под эгидой фондов AI Verify Foundation и IMDA. Однако добровольный характер подобных документов не гарантирует их исполнения. Организации могут игнорировать их, если это не влечет юридических последствий [10].

В Китае регулирование искусственного интеллекта осуществляется иначе, а именно в рамках единой государственной стратегии при одновременном и повсеместном усилении государственного и общественного контроля с целью успешной конкуренции на мировой арене. Аналитики отмечают определенную последовательность в правовом регулировании: сначала либерализация и поддержка инноваций, затем ужесточение контроля при росте рисков и, наконец, законотворческая деятельность [11]. За подобный подход китайская практика по праву может считаться самой прогрессивной, в которой законодательные акты практически в полной мере регулируют искусственный интеллект. Среди наиболее важных нормативно-правовых актов можно выделить следующие:

– регламент по алгоритмическим рекомендациям (вступил в силу 01.03.2022). Смысл закона заключается в запрете алгоритмического необоснованного дифференцирования пользователей и размещения фейковой информации в рекомендациях сети Интернет. Поскольку сегодня учащиеся все чаще получают информацию не из традиционных источников (печатных или электронных книг, учебных пособий, материалов уроков и курсов), а из онлайн-ресурсов, подобные законы приобретают особую значимость [12];

– положение о глубоком синтезе (вступило в силу 10.01.2023). Наверное, это один из самых важных актов по генеративным моделям, которые сейчас все чаще стали использоваться в учебной практике (CHAT GPT, SORA, GEMINI, LEONARDO AI и др.). В рамках данного положения разного рода генерированный контент должен быть промаркирован (например, иллюстративные материалы в учебниках или лекционный контент), а алгоритмы, используемые в образовательных учреждениях, на базе генеративных моделей – зарегистрированы. Поэтому, если школа или вуз используют на страницах сайта помощника на базе GPT, это должно быть зарегламентировано;

– меры по управлению генеративными службами искусственного интеллекта (2023), вступившие в силу 15 августа 2023 года, продолжают логику последовательного ужесточения правового регулирования. Документ напрямую затрагивает сферу образования, поскольку большинство современных учебных платформ и сервисов упрощения учебного процесса уже используют генеративный искусственный интеллект. Норма об обязательной оценке безопасности и соблюдении этических требований означает, что образовательные учреждения могут приме-

нять подобные технологии только при условии их полной прозрачности и соответствия государственным стандартам. Кроме того, в разработке находится законопроект по искусственному интеллекту, который, как говорят эксперты, «узаконивает в широком смысле свободу использования данных» [11].

Таким образом, Китай и Сингапур предлагают два контрастных подхода к регулированию искусственного интеллекта в образовании. Китай выстраивает жесткую и последовательную модель, а Сингапур, напротив, делает ставку на гибкость и инновационность.

Современное правовое регулирование искусственного интеллекта в России включает ряд стратегических нормативно-правовых актов общего характера, в которых образованию уделено особое внимание:

– Указ Президента № 490 (10.10.2019) утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года как фундаментальный политический документ, задающий долгосрочные государственные цели и направления поддержки. Предусмотрены внедрение искусственного интеллекта в учебные процессы (адаптивное обучение, автоматизированная оценка), подготовка специалистов по работе с автоматизированными системами на всех уровнях образования, поддержка университетских исследований и стартапов, создание национальных баз данных для обучения автоматизированным моделям [13];

– Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (распоряжение Правительства № 2129-р от 19.08.2020) зафиксировала принципы риск-ориентированности, человекоцентричности и сорегуляции [14].

– Кодекс этики искусственного интеллекта (2021) создал основу мягкого права, широко принятую технологической индустрией.

Однако данные правовые акты носят рамочный характер, подобно сингапурским и американским.

В сфере персональных данных Россия опирается на 152-ФЗ «О персональных данных», дополненный технологическими и административными изменениями 2024–2025 гг., что обеспечивает базовую защиту, но не формирует того уровня требований к качеству данных, документации и мониторингу инцидентов, которые становятся нормой в Евросоюзе и Китае.

Наиболее проблемной зоной российских нормативно-правовых актов является отсутствие регулирования генеративных моделей. Уже сейчас преподаватели сталкиваются с ситуацией, когда учащиеся применяют их для написания эссе, отчетов, диссертаций, обходят правила академической честности и фактически формируют новый тип образовательного поведения. Как подчеркивает К.Т. Рагимханова, случаи сдачи работ, полностью созданных искусственным интеллектом, становятся нормой, а у педагога «нет инструментов правовой реакции», кроме морального выговора [4]. Подобное положение является прямым доказательством того, что российская нормативная база отстает от реальности.

Анализ показал, что модели регулирования искусственного интеллекта в образовании разных стран имеют как общие цели, так и принципиальные различия, что подтверждает необходимость сравнительного подхода. Европейская система делает упор на защиту прав человека, прозрачность алгоритмов и предсказуемость применения искусственного интеллекта, особенно в образовательной сфере, где решения классифицируются как «высокорисковые» и проходят стро-

гую оценку в рамках AI Act. Американская модель, напротив, остается либеральной и децентрализованной: отсутствие единых федеральных норм оставляет регулирование на усмотрение штатов. Это стимулирует технологические инновации, но одновременно создает риски зависимости обучающихся от искусственного интеллекта и неравномерной защиты их прав.

Сингапур включен в исследование как уникальный пример компактной и технологически ориентированной модели регулирования, где государство обеспечивает благоприятные условия для внедрения инноваций при сохранении этических и нормативных рамок, что делает страну важной для понимания эффективности маломасштабных, но тщательно выстроенных подходов. Китай демонстрирует сильное государственное управление и последовательное внедрение контроля, включая обязательную маркировку контента, регистрацию алгоритмов и соблюдение стандартов безопасности, что позволяет формировать полноценную нормативную среду для искусственного интеллекта и минимизировать риски, связанные с генеративными моделями в образовательных платформах.

Российская модель находится на стадии становления, сочетая стратегическое планирование с мягким регулированием. В отсутствие конкретной нормативной базы образовательные учреждения сталкиваются с правовыми пробелами, особенно в использовании генеративного искусственного интеллекта учащимися. В перспективе России доступны два пути: постепенное дополнение существующих актов и рамочных документов или выстраивание системной модели регулирования, которая обеспечивала бы баланс между стимулированием инноваций и защитой прав участников образовательного процесса. В целом сравнительный анализ подтверждает актуальность разработки комплексного подхода, учитывающего международный опыт и особенности национальной образовательной среды.

Литература

1. Zhai, C., Wibowo, S. & Li, L.D. The effects of over-reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: a systematic review. Smart Learn. Environ. 11, 28 (2024). – DOI: https://doi.org/10.1186/s40561-024-00316-7 (дата обращения: 02.11.2025).
2. UNESCO. AI and education: protecting the rights of learners / UNESCO. – Paris: UNESCO, 2025. – 100 с. – ISBN 978‑92‑3‑100785‑9. – DOI: https://doi.org/10.54675/ROQH4287
3. Анюшенкова, И. В. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в образовании. // Науки об образовании. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii (дата обращения: 02.11.2025).
4. Рагимханова, К. Т. Искусственный интеллект в образовании: правовые аспекты регулирования и научного поиска. // Право. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-pravovye-aspekty-regulirovaniya-i-nauchnogo-poiska (дата обращения: 02.11.2025).
5. Ahmad, S.F., Han, H., Alam, M.M. et al. Impact of artificial intelligence on human loss in decision making, laziness and safety in education. Humanit Soc Sci Commun 10, 311 (2023). – DOI: https://doi.org/10.1057/s41599-023-01787-8

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts [2024] OJ L 177, p. 1–182. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32024R1689

7. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence, Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225) [adopted by the Committee of Ministers on 17 May 2024; opened for signature on 5 September 2024]. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2024. – URL: https://eucrim.eu/news/council-of-europe-convention-on-artificial-intelligence/ (дата обращения: 02.11.2025).

8. U.S. Department of Education. Guidance on artificial intelligence use in schools and proposed supplemental priority / U.S. Department of Education. – 2024. – URL: http://www.ed.gov/about/news/press-release/us-department-of-education-issues-guidance-artificial-intelligence-use-schools-proposes-additional-supplemental-priority(дата обращения: 02.11.2025).

9. Lim, Chong Kin. AI, Machine Learning & Big Data Laws and Regulations 2025: Singapore / C. K. Lim, Su-Ann Chen, Cheryl Si. – URL: https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-data-laws-and-regulations/singapore (дата обращения: 02.11.2025).

10. Дремлюга, Р. И. Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 214–224.

11. Тонких, Е. Опыт Китая в регулировании ИИ: между Сциллой и Харибдой. Аналитическая статья. 2024. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-regulirovanii-ii-mezhdu-stsilloy-i-kharibdoy/

12. Wang, Sofia. Mainland China’s Approach to AI Regulation: Developments and Takeaways / Sofia Wang // HM Strategy. – 28 нояб. 2024. – URL: https://hmstrategy.com/mainland-chinas-approach-to-ai-regulation-developments-and-takeaways/

13. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Доступ из СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/ (дата обращения: 02.11.2025).

14. Ассоциация юристов России. Новая правовая архитектура регулирования ИИ в Европе и ее значение для России. – URL: https://alrf.ru/articles/novaya-pravovaya-arkhitektura-regulirovaniya-ii-v-evrope-i-eye-znachenie-dlya-rossii/ (дата обращения: 02.11.2025).

15. Colonna L. Artificial Intelligence in Education (AIED): Towards More Effective Regulation. European Journal of Risk Regulation. Published online 2025:1-21. doi:10.1017/err.2025.10039

16. Зажигалкин, А. В., Мансуров, Т. Т., Мерецков, О. В. Регулирование искусственного интеллекта в образовании. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii (дата обращения: 02.11.2025).

17. Смирнов, С. А. Трансформация образования в эпоху искусственного интеллекта: вызовы, перспективы и новые компетенции. – Москва, 2025. – URL: https://sergiosmirnov.ru/wp-content/uploads/2025/07/EDU-AI-Transformation-preprint.pdf\

18. Горян, Э. В. Национальные подходы к применению искусственного интеллекта: опыт Сингапура. // Юридические исследования. – 2020. – № 8. – С. 62–73.

Новацкая Евгения Сергеевна,
курсант 2 курса
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Челпанова Марина Михайловна,
начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат экономических наук, доцент

Деятельность участковых уполномоченных полиции по проведению индивидуальной профилактической работы

Индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции выступает одним из ключевых направлений правоохранительной деятельности на территории административного участка. Она направлена на предупреждение правонарушений и преступлений среди отдельных категорий граждан, выявление факторов риска и устранение условий, способствующих совершению противоправных деяний. Целью введения индивидуального подхода выступает необходимость в минимизировании негативных последствий преступности и снижении уровня криминогенной обстановки путем своевременного выявления лиц, склонных к совершению правонарушений, а также оказания на них воздействия с необходимостью изменения деструктивного поведения в позитивную сторону, что указывает на ее актуальность в современном мире.

Участковый уполномоченный полиции осуществляет непосредственное взаимодействие с населением, проживающим на закрепленном за ним административном участке, выявляет причины и условия совершения преступлений, принимает меры к устранению обстоятельств, способствующих нарушению закона, проводит разъяснительную работу с гражданами, ведет учет правонарушителей и осуществляет контроль над лицами, состоящими на учете в органах внутренних дел. Эффективность индивидуальной профилактической работы зависит от уровня взаимодействия участкового с гражданами, точности анализа ситуации и грамотного выбора методов профилактики, что позволяет повысить доверие населения к органам правопорядка, создать атмосферу взаимопонимания и сотрудничества, а также обеспечить безопасность и комфорт жителей на подконтрольной территории. Выделяют следующие направления деятельности.

1. Выявление лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений. К данному направлению относится проведение мониторинга и учета лиц, попадающих в группу риска, включая тех, кто находится под административным надзором, раннее судимых, освободившихся из мест лишения свободы, злоупотребляющих алкогольной продукцией либо наркотическими, психотропными веществами. При проведении мероприятий, направленных на изобличение преступных лиц, конструктивным элементом в данном процессе выступает изучение лич-

ности, что включает в себя анализ биографии, условий проживания, трудоустройства, социальных и иных криминогенных связей.

2. Осуществление контроля и наблюдения за поведением профилактируемого лица. Систематическое посещение ранее перечисленной категории лиц по месту их проживания, выяснение обстоятельств трудоустройства, состояния здоровья, социального окружения. К данному виду также стоит отнести содействие со стороны правоохранительных органов в лице участкового уполномоченного полиции по факту оказания поддержки в процессе разрешения социальных и иных вопросов, которые являются принципиальными для профилактируемого, а также пресечение негативного влияния со стороны криминальных структур и их представителей, противодействие негативным ситуациям и т.д.

3. Проведение профилактических мероприятий в виде бесед. К данному направлению стоит отнести личные встречи с лицами, разъяснение негативных последствий противоправных действий. При проведении бесед участковый уполномоченный полиции также способствует изучению морально-волевого состояния и социально-экономического положения лица, оказывает поддержку, целью которой выступает изменение образа и стиля жизни, что аккумулирует положительное влияние на профилактируемое лицо.

4. Привлечение общественности посредством взаимодействия с представителями местных органов управления (в лице администрации, совета), активистами домовладений, соседских общин, инициативными группами граждан с целью совместного участия в деятельности, направленной на воспитательный и профилактический процесс воздействия на профилактируемое лицо. Также осуществление сотрудничества с образовательными, медицинскими учреждениями, центрами занятости, социальными службами для комплексного решения проблем, связанных с деструктивным поведением граждан.

5. Ведение приема граждан участковым уполномоченным полиции, рассмотрение заявлений, жалоб и сообщений от населения на административном участке, разрешение вопросов и принятие соответствующих мер по каждому из обращений, что регламентировано Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (Приложение №1 к приказу МВД России от 29.03.2019 № 205) [1].

6. Проведение информационно-агитационной работы, направленной на распространение материалов о правилах поведения, мерах предосторожности от преступных посягательств, содействие формированию культуры «законопослушного поведения» среди всех слоев населения на закрепленном административном участке.

В соответствии с п. 33 главы 5 Приложения № 1 к приказу МВД России от 29.03.2019 г. № 205 индивидуальная профилактическая работа проводится правоохранительными органами в лице участкового уполномоченного полиции в отношении определенной категории лиц, к которым относятся: лица, находящиеся под административным надзором; лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления тяжкого или особо тяжкого, в случае рецидива совершения преступления; лица, совершившие преступление по ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 УК

РФ [2], а также лица, совершившие преступления в отношении несовершеннолетнего лица; лица, совершившие административное правонарушение в семейно-бытовой сфере; лица, совершившие административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных и (или) спортивных мероприятий. Перечень лиц, подлежащих индивидуальной профилактической работе, исчерпывающий и закреплен законодателем, но стоит сказать, что список сокращен с момента принятия указанной инструкции путем внесения в него изменений приказом МВД России от 06.02.2024 года № 41.

В данном законодательном акте также предусмотрены сроки, направленные на прекращение проведения индивидуальной профилактической работы, указанные в п. 34, которые обладают всеобъемлющим характером и включают в себя различные основания, предусмотренные законодателем.

Раннее, при рассмотрении направлений индивидуальной профилактической работы, были проанализированы такие виды, как профилактическая беседа и учет. Профилактическая беседа с определенным лицом представляет под собой меру, направленную на предотвращение совершения преступлений и административных правонарушений. Цель данной меры заключается в разъяснении лицу его моральной и правовой ответственности перед общественными нормами и государством, а также социальных и правовых последствий, которые наступят в случае продолжения деструктивного поведения с его стороны. Беседы могут проводиться как в кабинете у участкового уполномоченного полиции в самом правоохранительном органе, так и по месту жительства профилактируемого лица, также они могут быть регулярными либо единоразовыми, что зависит от обстоятельств конкретной сложившейся ситуации.

Профилактический учет заключается в осуществлении контроля за поведением лица, предрасположенного к повторному совершению противоправных действий, а также в последующей деятельности, которая направлена на применение предупредительных мер. Решение о постановке, продлении или снятии лица с учета принимается начальником территориального органа, заместителем либо начальником отдела полиции, после чего участковый уполномоченный полиции проводит соответствующие мероприятия. Помимо указанных, к индивидуальным профилактическим работам также относится административный надзор, который заключается в осуществлении наблюдения за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими определенных обязанностей. Механизм регулирования административного надзора, помимо Приложения № 1 к приказу МВД России от 29.03.2019 г. № 205, также регламентируется приказом МВД России от 08.07.2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [3].

С целью стабилизации социального взаимодействия перечня лиц, закрепленных в п. 34 Приложения № 1, с общественными и государственными нормами разработан механизм социальной реабилитации. Понятие социальной реабилитации не закреплено на законодательном уровне, с целью установления общего необходимо провести анализ мнений ряда ученых. Так, О.Б. Белых определяет социальную реабилитацию как восстановление или компенсацию нарушенных

социальных функций лица, его социального статуса и выполняемых им социальных ролей [4], А.С. Макаренко предполагает, что «в структуру реабилитационных мероприятий должно входить укрепление здоровья, развитие личностных качеств, коррекция самооценки, а также формирование и расширение познавательных процессов, развитие коммуникативных навыков, восстановление социального статуса» [2], О.Ф. Дубова указывает, что «социальная реабилитация лица после освобождения из мест лишения свободы осуществляется прежде всего в форме социальной и психологической адаптации» [5]. Рассмотрев некоторые утверждения, стоит сказать, что в них прослеживаются схожие признаки, и исходя из этого стоит сформировать следующее определение социальной реабилитации. Это комплекс мер, направленных на восстановление социальной адаптации лиц, совершивших преступление, возвращение их в общество и снижение риска повторного совершения правонарушений посредством оказания им психологической поддержки и правовой помощи.

Так, проведение индивидуальной профилактической работы участковыми уполномоченными полиции на административном участке выступает эффективным инструментом предупреждения преступлений и правонарушений. С помощью систематического взаимодействия с населением, контроля за соблюдением законов и оказания поддержки гражданам данная деятельность способствует укреплению правопорядка, повышает уровень доверия к органам власти и создает безопасную среду для проживания. Индивидуальные подходы к каждому случаю позволяют минимизировать риски возникновения конфликтных ситуаций и предупредить развитие негативных тенденций в обществе.

Литература

1. Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке: Приложение № 1 к приказу МВД России от 29.03.2019 № 205 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

2. Современные подходы к социально-педагогической реабилитации в теории и практике. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-sotsialno-pedagogicheskoy-reabilitatsii-v-teorii-i-praktike-pedagogicheskoy-nauki (дата обращения: 28.10.2025).

3. О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: приказ МВД РФ от 8 июля 2011 г. № 818 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

4. Социальная реабилитация лица после освобождения из мест лишения свободы. – URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/319/14747 (дата обращения: 28.10.2025).

5. Ресоциализация лиц, освобождающихся и освободившихся из мест лишения свободы. – URL: https://советский43.рф/prokuratura/?ELEMENT_ID=12942 (дата обращения: 28.10.2025).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

Нороян Елена,
студентка 4 курса юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Гонтарь Сергей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук

Технологии шифрования как вызов для института доказывания: поиск баланса между интересами следствия и правом на неприкосновенность частной жизни

В современном мире все чаще становится понятно, что конфиденциальность переписок в мессенджерах условна. Криптография играет важную роль в защите передачи данных. В наши дни практически каждый мессенджер использует тот или иной вид шифрования, что создает «цифровую черную дыру» для следствия. Все чаще преступники начали использовать секретные чаты в мессенджерах и социальные сети, закрывать личные страницы и т.д. Все это негативно сказывается на процессе собирания доказательств, но при этом стоит упомянуть, что требования следователей или дознавателей назвать пароль, предоставить протокол шифрования или открыть социальные сети противоречат базовому праву гражданина РФ, закрепленному в ст. 51 Конституции РФ, – праву не свидетельствовать против себя.

Говоря о шифровании данных, сначала определимся с терминами. Шифрование данных – это процесс превращения открытых данных, информации в бессмысленный набор символов для всех, кроме тех, у кого есть ключ для расшифровки.

Шифрование данных бывает симметричным и асимметричным. Симметричное шифрование подразумевает, что ключ, шифрующий и расшифровывающий информацию, одинаков [1]. Асимметричное шифрование предполагает два разных ключа: public key, которым можно только шифровать информацию, и private key, которым можно только расшифровывать информацию [2].

Если в качестве основания для классификации видов шифрования мы обратимся к их назначению, то выделим шифрование «на лету» (Transparent encryption), когда данные шифруются автоматически, без участия пользователей, и «сквозное» шифрование (End-to-end Encryption, E2EE), когда данные шифруются на устройстве отправителя и расшифрованы они будут только на устройстве получателя, как следствие, эти данные не могут прочитать даже провайдеры, например, такой тип шифрования используется мессенджером WhatsApp (принадлежит корпорации МЕТА, признанной в России экстремистской организацией и запрещенной) и секретными чатами в мессенджере Telegram [3].

Перечислив только некоторые виды шифрования, список которых неисчерпаем, мы приходим к первому выводу. В современных условиях информационного общества происходит кризис традиционных следственных действий. Как мы по-

няли, данные на устройстве защищены шифрами, которые известны только самому пользователю, поэтому выемка, регулируемая ст. 183 УПК РФ, бесполезна без доступа к содержимому устройства. Более того, из-за существования «сквозного» шифрования (шифрования типа E2EE) во многих современных мессенджерах «перехват» сообщений, даже в реальном времени, представляется технически невозможным. В таком случае главный вопрос – это можно ли обязать подозреваемого раскрывать пароли и ключи шифрования и не является ли тогда это свидетельствованием против себя?

Теоретически суд может вынести постановление о предоставлении доступа к данным, но сама технология шифрования не позволяет предоставить этот доступ из-за самой «архитектуры» сквозного шифрования.

Если говорить о теоретической возможности силового подхода к преодолению шифрования данных, то можно обязать компании создавать «бэкдоры», т. е. закладки, или ослабить стандарты шифрования. Для этого нужно внести данную норму в Положение о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, выполнению работ, оказанию услуг в области шифрования информации, техническому обслуживанию шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств (за исключением случая, если техническое обслуживание шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя), утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 313, но стоит заметить, что этими бэкдорами и ослаблениями стандартов шифрования могут воспользоваться не только сотрудники правоохранительных органов, но и мошенники и хакеры, что, безусловно, приведет к подрыву доверия к цифровым институтам современной рыночной экономики.

Еще один способ решить данную проблему – это правоохранительным органам разработать технологии взлома, такие как подбор паролей, но это очень дорого и ресурсозатратно и, как следствие, противоречит этическому подходу к вопросам цифровой безопасности.

В целом можно еще применить меры «неповиновения суду» в данных кейсах и ужесточить ответственность за отказ предоставить следствию доступ к данным, но эта норма будет напрямую нарушать права человека, а именно вышеупомянутую ст. 51 Конституции РФ, поэтому мы не считаем данный способ решения проблемы приемлемым.

Таким образом, невозможно ограничить шифрование, т.к. это навредит современной цифровой экономике, но при этом из-за шифрования данных снижается раскрываемость преступлений, и это невозможно отрицать. Технологии шифрования – это объективная реальность, которая требует адаптации института доказывания, и единственным более-менее приемлемым решением в данном случае нам представляется введение бэкдоров с резервным копированием данных туда,

но исключительно для правоохранительных органов, и ключ к данным бэкдорам будет относиться к государственной тайне и будет надежно защищен.

Литература

1. Молоков, В. В. К вопросу о безопасном шифровании в интернет-мессенджерах // Научный компонент. – 2020. – № 2(6). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bezopasnom-shifrovanii-v-internet-messendzherah (дата обращения: 11.10.2025).

2. Положий, Г. А., Тосунова, А. Р., Сафарьян, О. А., Черкесова, Л. В. Сравнительный анализ систем мгновенного обмена сообщениями // Молодой исследователь Дона. – 2020. – № 4(25). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sistem-mgnovennogo-obmena-soobscheniyami (дата обращения: 11.10.2025).

3. Зацепа, А. И. Шифрование данных // StudNet. – 2022. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shifrovanie-dannyh (дата обращения: 11.10.2025).

Носырева Елена Ивановна,
студентка магистратуры 1 курса
института истории,
социальных коммуникаций и права
Алтайского государственного педагогического университета

Научный руководитель:
Жданова Нина Сергеевна,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного
педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент

Формирование экологической правовой культуры школьников в процессе изучения обществознания

Сохранение окружающей среды является серьезной проблемой выживания человечества, значительную роль в решении которой выполняет школьное экологическое образование. Обществознание как метапредметный курс предоставляет уникальные возможности для формирования у молодого поколения осознанного отношения к экологическим проблемам и понимания правовых механизмов их решения. Поэтому целесообразно выявить и обосновать эффективные методы формирования экологической правовой культуры школьников в процессе изучения обществознания, способствующие их активному участию в решении экологических задач. Соответственно, задачами являются определение базовых идей отечественного правового регулирования экологической сферы и работа с методическими средствами обучения по различным направлениям русской культуры, отражающим экологическую тематику.

Сегодня идет интенсивный процесс осмысления и переосмысления отечественного исторического опыта в развитии экологической правовой культуры. Имеется ряд фундаментальных исследований, посвященных как теории экологического права [1, с. 124-151; 2, с. 137-149], так и отдельным вопросам экологических образовательных правоотношений [2, с. 55-59; 4, с. 241-243; 5, с. 341-355]. Ключевые современные исследователи, такие как Р.Л. Хачатуров, уделяют значительное внимание изучению истории экологического права, рассматривая специфику отечественного правосознания, анализируя деятельность экологических объединений в российских условиях [3, с. 7-10, 365-372]. В трудах И.А. Игнатьевой раскрываются основные идеи экологических правоотношений в русской культуре и практика их реализации в современных российских условиях [1, с. 110-118]. Однако комплексный анализ экологической правовой культуры как формы традиционного русского правосознания остается актуальным и требует дальнейшей разработки.

Экологическая культура является неотъемлемой частью общей культуры личности, и развивается как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Эколого-правовая культура – это комплекс правовых знаний, ценностей и убеждений, определяющих отношение человека к природе и формирующих правомерное поведение в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды. Помимо знания законов, регулирующих отношения в сфере взаимодействия общества и природы, она включает в себя осознание необходимости их соблюдения, а также моральные принципы и установки, которые побуждают к бережному отношению к природе, гармоничному взаимодействию общества и природы. Можно сказать, что экологическая культура представляет собой совокупность идеологии личности и его психологическое отношение к окружающей среде. Личности с экологизированным типом правосознания присущи следующие признаки: лояльное отношение к праву, приоритет в выборе интересов общества, а не субъекта, а также закон в жизни этого человека должен служить фундаментом в системе ценностей.

Теория экологического права основывается на базовых с древнерусских времен представлениях русского населения о значимости природных процессов в мироустройстве. Экологические правовые обычаи дореволюционного времени отражали мировоззрение русского населения о включенности человека в естественное развитие хозяйственных процессов как части природных. Традиции общины, совместного артельного труда подчеркивали важность хозяйственной общности интересов [2, с. 55-59]. Содержание экологических правовых обычаев исходило от населения и отражало местные природные особенности, связывалось с решением вопросов землепользования в условиях малоземелья, организации пастбищ, заготовки урожая, леса, продуктов охотничьих промыслов.

С древних времен человек являлся частью природы и подчинялся биологическим законам «природопользования», ограничиваясь удовлетворением самых насущных потребностей. Общий принцип отношения к природе в первобытном человеческом обществе можно охарактеризовать как «не навреди». Он проявлялся в традициях, обрядах и табу, регулирующих взаимодействие с окружающим миром. Данные правила не только обеспечивали выживание, но и способствовали сохранению ресурсов для будущих поколений, формируя своего рода экологическую этику, основанную на уважении к природе и понимании ее уязвимости. Подобный подход, коренящийся в глубокой взаимосвязи человека и природы, заложил основы для формирования более поздних систем природоохранного регулирования [4, с. 241–243].

Ритуалы, связанные с охотой и земледелием, часто включали просьбы о прощении у природы за взятые ресурсы и благодарность за ее дары. Вырубка деревьев допускалась только в случае острой необходимости и сопровождалась специальными обрядами, призванными умилостивить духов леса. Табу на охоту в определенных местах или на определенных животных в период размножения также являлись эффективными способами сохранения биоразнообразия и поддержания экологического баланса. Многочисленные примеры демонстрируют, что даже в отсутствие формальных законов население обладало развитой обычноправовой системой природоохранного регулирования, основанной на традициях, знаниях окружающей среды и понимании необходимости ее сохранения для выживания. Существовала прямая зависимость типологических черт русского человека от природных условий жизни. Стойкость и мужество в преодолении пре-

пятствий, напряженность труда, предприимчивость, постоянный поиск новых решений в хозяйствовании, привычку к совместному, артельному действию воспитывали природные условия. Природа воспитывала чувство прекрасного. Глубокое познание законов природы отражалось на нравственном совершенствовании людей, способствовало повышению общественной морали, росту национального самосознания.

Интеграция экологической проблематики в уроки права формирует эколого-правовую культуру школьников в процессе изучения обществознания. Обществознание как интегративная дисциплина обладает большим потенциалом для изучения экологического законодательства, обсуждения правовых аспектов экологических проблем и формирования нравственных основ эколого-правового поведения. Однако абстрактность таких понятий, как экологическое сознание, экологическая ответственность, правовая культура, затрудняет осмысленное восприятие обучающихся. Метафорический язык как инструмент образного мышления позволяет преодолеть эту трудность и сделать сложные идеи более понятными и близкими.

Одним из эффективных инструментов формирования экологосообразных представлений может стать использование образности, которая позволяет связать экологическое правосознание личности с культурным наследием и актуальными правовыми вопросами. Традиционные русские образы выступают как средство коммуникации, передавая через элементы русской культуры – фольклор, былины, сказки, народные песни, произведения искусства – культурно-правовой код нации. Образность отражает и сохраняет коллективную память, ценности и мировоззрение народа, формируя его культурную идентичность, создает эмоциональную связь между населением и природой.

Первичным источником народной экологической культуры, из которого человек получает представление о природных процессах, является сказка. А.Н. Толстой отмечал, что «сказка – великая духовная культура народа, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается перед нами тысячелетняя история народа». Использование сказочных метафорических образов в контексте экологического права поможет задействовать иррациональную сферу личности для повышения усвоения школьниками правовых норм и принципов, направленных на защиту природы. Образы из сказок, такие как Баба Яга, Леший, Змей Горыныч, могут быть интерпретированы как символы взаимодействия человека с природой. Данные персонажи живут в лесу, и их истории могут быть использованы для обсуждения важности сохранения лесов и защиты биоразнообразия, что позволит создать контекст для обсуждения экологического законодательства и правовых норм, направленных на охрану лесных ресурсов.

Былины воспевают подвиги богатырей, защищающих родную землю от врагов, и эти подвиги связаны с охраной природы и экологических прав человека, позволяют подчеркнуть важность экологического регулирования. Образ защитника природы может быть перенесен на современное экологическое движение, где каждый человек, борющийся за сохранение природы, является своеобразным «богатырем», противостоящим экологическим угрозам, что способствует формированию у молодежи активного гражданского сознания. «Добрый молодец», вооруженный не мечом, а знаниями и экологическим сознанием, должен встать на защиту родных лесов от вырубки, рек от загрязнения, а атмосферы от выбросов. Бо-

гатырская сила в данном контексте – это сила убеждения, сила закона, сила общественного мнения, направленная на сохранение окружающей среды.

Былины и сказки, где лес предстает живым и говорящим, могут служить прекрасным иллюстративным материалом. Лес, как место встреч с чудесами и испытаниями, является важным элементом былин и сказок. Образ леса как дома для зверей и птиц, источника ресурсов и духовного богатства подчеркивает многогранность ценности лесных экосистем и необходимость их защиты от вырубки и пожаров. Уважительное отношение к лесу как источнику жизни издревле отражалось в запретах на бесконтрольную вырубку деревьев и охоту на животных в определенные периоды времени. Мать сыра земля как символ плодородия и жизни, вода как источник жизни и символ чистоты подчеркивают важность сохранения земельных и водных ресурсов от загрязнения и истощения. Былины о реках, озерах и морях могут использоваться для обсуждения проблем загрязнения водоемов промышленными и бытовыми отходами, нерационального использования водных ресурсов и необходимости охраны водных экосистем. Многие языческие обряды и обычаи были направлены на обеспечение плодородия земли, сохранение леса и защиту животных. Например, обряд проводов зимы символизировал подготовку земли к новому сельскохозяйственному сезону и выражал благодарность природе за ее дары. Древнерусские традиции содержат множество примеров бережного отношения к природе, основанных на понимании ее ценности и взаимосвязи всех элементов экосистемы.

Прослушивание фольклорных песен на уроках обществознания может значительно способствовать экологическому образованию школьников. Фольклорные песни часто содержат информацию о природных процессах, сезонных изменениях и традициях земледелия, охоты и рыбалки. Использование фольклорных песен помогает молодому поколению понять важность устойчивого использования природных ресурсов и осознать свое место в экосистеме. Музыка и текст фольклорных песен могут вызывать у слушателей глубокие эмоции. Описывая красоту природных ландшафтов, смену времен года и жизнь животных, песни создают эмоциональную связь с окружающим миром, которая побуждает молодых людей заботиться о природе, принимать участие в ее охране и восстанавливать утраченное уважение к экосистемам. Эмоциональный отклик, вызванный музыкой, может быть сильнее, чем простая информация о проблемах экологии.

Фольклорные песни, связанные с праздниками и сезонными циклами, подчеркивают важность сохранения природного баланса, помогают формировать устойчивые привычки и традиции, ориентированные на охрану природы. Например, песни о весеннем пробуждении природы могут вдохновить людей на посадку деревьев или участие в очистке водоемов.

Проведение музыкальных тематических экскурсий, посвященных экологии и экологическому праву, делает обучение увлекательным и запоминающимся. Обсуждение экопроблем и экологической правовой культуры через аллегорию служит эффективным инструментом учителя. Учитель может предложить школьникам представить реку в виде «больной» или «задыхающейся» старушки, которая нуждается в помощи и заботе, что позволит вызвать у школьников чувство сострадания и сочувствия к природе и стимулировать их к поиску решений проблемы. Образ леса в виде «легких» планеты, которые необходимо беречь и защи-

щать, позволит школьникам понять роль лесов в поддержании экологического баланса и осознать последствия их уничтожения. Использование образа Змея Горыныча как символа жадности, безответственности и потребительского отношения к природе необходимо, чтобы подчеркнуть негативные последствия нарушения экологических норм и необходимость привлечения виновных к ответственности.

Представление права в виде могучего древа, простирающего свои корни в этические принципы и раскидывающего крону, защищающую природу, позволяет увидеть за сухими юридическими нормами живой организм, нуждающийся в заботе и уходе. Каждый закон – это ветвь, тянущаяся к свету экологического благополучия, а нарушение закона – это надлом ветви, рана на теле дерева. Суровость наказания должна быть соразмерна нанесенной ране, чтобы обеспечить дальнейшее здоровье и процветание правового древа. Незащищенное, неухоженное дерево права зачахнет, и законы потеряют свою силу.

Природа как зеркало, честно отражающее действия и намерения человека, степень его ответственности за состояние окружающей среды. Загрязнение вод и воздуха, вырубка лесов и уничтожение видов – все это искажает отражение человека в природном зеркале. Если люди хотят увидеть в нем достойный образ, то должны изменить свое отношение к природе, проявить бережливость и ответственность. Зеркало – строгий, но справедливый судья поступков человека. Природа – книга, в которой каждая экосистема и каждый вид – это страница, содержащая бесценные знания и опыт. Уничтожение этих страниц лишает людей возможности учиться и использовать природные ресурсы разумно. Природу нельзя уничтожать, иначе человечество останется без знания. Использование традиционных народных образов для изучения экологического права и распространения экологической правовой культуры представляет собой перспективное направление в области экологического образования.

Для активизации познавательной деятельности и формирования личностного отношения к проблемам экологии важно использовать наглядные методы обучения. В педагогике демонстрационные методы считаются одними из эффективных, поскольку наглядно показывают развитие явлений, сообщают учебную информацию через определенные образы, способствуют прочному усвоению знаний, пониманию связи знаний с жизнью.

Межпредметные связи экологического характера в процессе обучения могут устанавливаться с помощью медиаматериалов, дискуссий, дебатов, ролевых игр, имитационных моделей, проектной деятельности. Образовательная функция межпредметных связей состоит в том, что с их помощью учитель формирует такие качества знаний учащихся, как системность, глубина, осознанность, гибкость. Межпредметные связи выступают как средство развития экологических понятий, способствуют усвоению связей между ними и общими естественно-научными понятиями.

Одним из самых эффективных методов для интеграции в урок обществознания является объяснительно-иллюстративный метод подачи информации. Дискуссии и анализ информации, а также создание проблемных ситуаций позволяет улучшить понимание, активизировать образное мышление и повысить вовлеченность учеников. Например, короткометражный фильм режиссера Ивана Соснина «Урок экологии» (Россия, 2019) затрагивает важные экологические вопросы через

призму личной истории, истории о том, что нужно начинать с себя. Ключевую роль играет вывод, что формирование экологической правовой культуры надо начинать со школьной скамьи. Уроки обществознания с использованием подобных фильмов могут стать эффективным инструментом для воспитания у школьников чувства ответственности за природу, уважения к экологическим правам других людей и понимания необходимости соблюдения экологических норм. Необходимо не просто говорить о законах, но и показывать реальные последствия их нарушения, учить анализировать экологические проблемы и предлагать пути их решения.

Экологическая правовая культура отличается готовностью действовать в соответствии с законами и правилами, что означает сознательное потребление, сортировку отходов, участие в экологических акциях, поддержку экологических организаций и в целом бережное отношение к природе [5, с. 341–355]. Эколого-правовые обычаи предков побуждают задуматься о значимости вклада каждого человека в сохранение окружающей среды, начав с малого: экономить воду и электроэнергию, отказываться от пластиковых пакетов, сажать деревья и просто не мусорить. Формирование экологической правовой культуры у школьников является жизненной необходимостью, поэтому каждый образовательный урок должен быть призывом к действию, напоминанием о том, что экологическое благополучие – это общая забота народа и его ответственность.

Таким образом, углубления правовых знаний и формирование стойких убеждений в области рационального природопользования и охраны окружающей среды возможно достичь созданием метафорических образов из русского фольклора, применением музыкальных элементов, демонстрационно-наглядными методами, дискуссиями, которые способствуют повышению экологической правовой грамотности, развитию аналитического образного мышления и эмоционально-чувственной сферы обучающегося, что подтверждается примерами из истории и практики.

Комплексный подход к формированию экологической правовой культуры через интеграцию экологической проблематики с другими тематическими блоками обществоведческого курса, опирающийся на историко-правовые традиции, позволит воспитать поколение, осознающее ответственность за сохранение окружающей среды. Современные педагогические методы позволяют решать актуальные образовательные задачи экологической правовой культуры на разных этапах обучения и способствуют устойчивому созданию представлений по экологической тематике.

Литература

1. Игнатьева, И. А. Экологическое право: вопросы теории: монография / И. А. Игнатьева. – Москва: издательство Московского университета, 2020. – 270 с.

2. Ульянова, Н. В. Формирование экологической культуры школьников на основе интеграции предметных знаний. – Москва: Академия, 2005. – 128 с.

3. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. – Т. II: Экологическое право: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С. А. Боголюбова, докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 392 с.

4. Дискуссионные проблемы теории экологического права: монография / Е. Н. Абанина, Д. А. Абезин, А. П. Анисимов и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. П. Анисимова. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 540 с.

5. Современные проблемы теории экологического права: монография / А. П. Алексеева, А. П. Анисимов, В. А. Волколупова и др.; под общ. ред. А. П. Анисимова. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 511 с.

Овчарова Виктория Алексеевна,
студент 3 курса направления подготовки «Юриспруденция»
Ставропольского филиала
Московского педагогического государственного университета

Научный руководитель:
Бушная Наталья Викторовна,
заведующий кафедрой общегуманитарных
и юридических дисциплин Ставропольского филиала
Московского педагогического государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

Задержание и личный обыск подозреваемого: принудительный аспект реализации

Задержание и личный обыск подозреваемого, несмотря на принадлежность к разным уголовно-процессуальным институтам, имеют объединяющую их черту – принуждение, которому уделяется особое внимание при обеспечении механизма прав и свобод участников производств по уголовным делам.

Задержание подозреваемого по своей сути мера процессуального принуждения, носящая исключительный характер в силу субъекта применения, временных ограничений и некоторых других особенностей.

Личный обыск – следственное действие, непосредственно связанное с подозреваемым, задержанным в установленном порядке, проводимое принудительно с сопутствующим ограничением конституционных прав и свобод указанного лица. В соответствии с действующим законодательством задержанный может быть подвергнут личному обыску. Использование законодателем в данном контексте словосочетания «может быть» свидетельствует о необязательном его проведении.

Принуждение, имеющее место в уголовно-процессуальной сфере, ставит перед государством двуединую задачу: с одной стороны, обеспечение нормального хода производства по уголовным делам, с другой – гарантированность конституционного статуса участников уголовного судопроизводства.

Задержание подозреваемого является кратковременной принудительной мерой, применяемой при наличии оснований и в порядке, закрепленном УПК РФ. Несмотря на краткосрочность, ограниченность 48 часами, права и свободы задержанного находятся под пристальным контролем законодателя на предмет неосновательного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

При рассмотрении категории «задержание» важными становятся две составляющие: фактическое задержание и доставление. Определяющим в этом смысле является фактическое задержание, с которым закон связывает начало течения времени применения данной меры и выполнения уполномоченными должностными лицами ряда процессуальных действий: составление протокола задержания [1, с. 89], уведомление прокурора, производство допроса и др.

Если в течение 48 часов с момента задержания не поступит постановления о применении меры пресечения или продлении срока содержания, то подозреваемого немедленно должны освободить.

Задержанию может сопутствовать такое следственное действие, как личный обыск. И здесь возникает вопрос: в какой момент он должен быть проведен? Исходя из норм действующего уголовно-процессуального закона, данное следственное действие должно быть проведено до составления протокола задержания, поскольку в последнем уже должны быть отражены результаты личного обыска задержанного. Некоторые ученые придерживаются мнения о применении личного обыска на месте фактического задержания [2, с. 21].

Личный обыск подозреваемого проводится при наличии оснований в целях обнаружения и изъятия предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела. При наличии достаточных данных полагать, что присутствующий при обыске подозреваемый скрывает при себе предметы или документы, связанные с расследуемым делом, данное следственное действие проводится неотложно, без вынесения соответствующего постановления.

Определенный этап при проведении личного обыска (четкие действия и их последовательность) законом не отрегулирован. Как правило, задерживаемому предлагается положить в указанное следователем место все предметы, которые он держит в руках. Затем исследуются вещи, которые находятся при обыскиваемом лице и на нем. При этом осмотру подвергается тело человека, а в некоторых случаях берутся смывы с рук [3, с. 45].

Особого внимания требует норма, указывающая на половую принадлежность участвующих лиц. В производстве личного обыска участвующие понятые и специалисты не могут быть другого пола, чем обыскиваемый, что не касается медицинского работника.

Стоит сказать, что обыск является важным инструментом в расследовании преступлений, но при этом возникают некоторые проблемы в процессе его проведения. Прежде всего, это законность вынесенного постановления о производстве обыска. В связи с этим часто нарушаются права подозреваемого лица, когда уполномоченные органы превышают свои полномочия или проводят обыск без достаточных оснований. При этом необходимо учитывать нарушение принципа беспристрастности и непредвзятого отношения к подозреваемому. Относительно личного обыска, производимого при задержании, действующий уголовно-процессуальный закон исключает необходимость вынесения постановления. Также стоит отметить, что обыск является сложным следственным действием в связи с противоречием интересов. Так, лицо, осуществляющее личный обыск, применяет все необходимые меры для поиска и обнаружения предметов, в то же время обыскиваемое лицо препятствует обнаружению доказательств или умышленно усложняет обыск. Здесь также стоит учитывать, что все это вызывает психологическую нагрузку для всех участников процесса [4, с. 148].

Ключевой аспект законности обыска – это участие понятых при его производстве. С недавних пор институт в уголовном процессе находится под пристальным вниманием законодателя в связи с возникающими в правоприменительной практике многочисленными сложностями и трудностями, в частности, связанными с привлечением данных лиц к участию в производстве отдельных следственных действий. Отсутствие желания граждан выполнять данный функционал создает препятствия для практических сотрудников в производстве личного обыска.

Тем не менее основная функция незаинтересованных лиц, выступающих в роли понятых, – фиксация хода и результатов следственного действия.

Если привлекаемое в качестве понятого лицо имеет физические или психические недостатки, то это тоже может отразиться на результатах поведения обыска. Чаще всего при проведении обысков в роли понятых приглашаются соседи лица, в отношении которого проводится обыск. Поэтому при определенных отношениях между соседями с лицом, подвергнутым обыску, они могут либо «не заметить» неправомерные действия, либо дать ложные показания, что может повлечь неверный исход удостоверения следственных действий [5, с. 425].

Таким образом, эффективность механизма уголовно-процессуального принуждения обеспечивается наделением правоохранительных органов комплексом мер государственного принуждения, допускающих на законных основаниях ограничение прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие институт задержания подозреваемого и порядок производства личного обыска, нуждаются в корректировке, точности формулировок с целью исключения двусмысленного толкования либо необходимо урегулирование имеющихся пробелов.

Литература

1. Золочевская, Л. С. Личный обыск при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 5(173). – С. 89–91.

2. Дегтярев, С. В. Тактика обыска: практическое пособие для следователей. – Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1995. – 29 с.

3. Леонтьев, А. А. Проблемы и особенности производства обыска в жилище, влияние на частную жизнь граждан при его производстве / А. А. Леонтьев // Вестник науки. – 2023. – № 6 (63). – С. 45–51.

4. Харина, Э. Н. Обыск: виды и цели, особенности производства в современных условиях // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3(55). – С. 148–159.

5. Тюрина, А. В. Актуальные проблемы участия понятых при производстве обыска / А. В. Тюрина // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». – 2021. – № 4 (55). – С. 424–428.

Орлова Анна Николаевна,
курсант 4 курса
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель:
Сысоев Алексей Александрович,
врио начальника кафедры
тактико-специальной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

Перспективы применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел

Современное общество, геополитическая ситуация в мире характеризуются активным развитием технологий, которые оказывают значительное воздействие на все сферы жизни общества, включая правоохранительную деятельность. Глобализация, появление новых форм преступности предъявляют к работе органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) повышенные требования. В таких условиях ключевым фактором повышения результативности становится внедрение в деятельность ОВД современных технических средств, позволяющих минимизировать риски для жизни сотрудников, а также оперативно получать достоверную информацию [1, с. 46].

К таковым технологиям в том числе можно отнести беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА). Участие России в специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, а также другие вооруженные конфликты в мире стали толчком для развития БПЛА. К тому же их применение на сегодняшний день не ограничивается зоной боевых действий. БПЛА используются в различных отраслях: картографии, сельском хозяйстве, медицине, почте, фото-, видеосъемке и прочих. В работе ОВД потенциал БПЛА является неоспоримо высоким. Их основные преимущества: низкая стоимость обслуживания и покупки (в сравнении с другими видами техники), возможность работы в труднодоступных и опасных для жизни местах, мобильность – открывают новые способы и возможности решения задач, стоящих перед ОВД.

Однако, несмотря на растущий интерес, объективные плюсы БПЛА, процесс их интеграции носит экспериментальный характер и не характеризуется высокими темпами интеграции в деятельность ОВД. Отсутствует единая концепция их применения, не решены вопросы технического обслуживания БПЛА, их постановки на баланс территориальных органов, а также сохраняются пробелы в законодательстве касаемо их применения. Все это говорит о необходимости научного осмысления существующих практик применения БПЛА, выявления проблем и системного определения перспективных направлений развития беспилотных технологий в системе ОВД.

Использование БПЛА в ОВД представляет собой сложную систему реализации, затрагивающую вопросы воздушного законодательства, оперативно-разыскной деятельности, Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О поли-

ции». Действующая нормативная база применения БПЛА находится в стадии формирования и решения противоречий среди нормативно-правовых актов (далее – НПА).

Ключевым документом, регулирующим использование воздушного пространства, является Воздушный кодекс Российской Федерации. Он определяет БПЛА как воздушное судно без экипажа на борту, управляемое оператором дистанционно или программируемо. Однако до недавнего времени правовой статус малых и сверхмалых БПЛА был не до конца определен. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 14.03.2022 № 62-ФЗ, который ввел в Воздушный кодекс понятие «беспилотное воздушное судно» и установил основы государственного регулирования их использования. Закон предусматривает обязательную регистрацию БПЛА, требования к операторам, правила полетов и необходимость получения разрешений на использование воздушного пространства для определенных категорий аппаратов.

Непосредственно право полиции на использование БПЛА закреплено в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». В статье 21 данного закона указано, что полиция имеет право использовать на безвозмездной основе возможности государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений и организаций. Данная норма может трактоваться как правовое основание для привлечения ресурсов, включая БПЛА. Более конкретно возможности по применению авиации указаны в статье 23 Воздушного кодекса РФ, где говорится о применении авиации для пресечения преступлений, поиска лиц, доставления граждан и транспортировки грузов [2, с. 46].

Основным документом, регламентирующим применение БПЛА для решения задач оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Применение БПЛА для наблюдения и прослушивания предусмотрено понятиями «наблюдение» (ст. 6) и «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (ст. 9). Для проведения таких мероприятий требуется судебное решение, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Это создает серьезное процессуальное ограничение для оперативного применения БПЛА.

Важнейшее значение имеет соблюдение законодательства о персональных данных. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требования к обработке таких данных, включая их сбор, запись, систематизацию и хранение. Видеозапись, полученная с БПЛА, особенно с использованием систем распознавания лиц, является биометрическими персональными данными, что накладывает на полицию дополнительные обязательства по обеспечению их безопасности и законности обработки.

На ведомственном уровне предпринимаются попытки урегулировать применение БПЛА. Издаются приказы и наставления, определяющие порядок использования БПЛА в конкретных подразделениях. Однако единого, комплексного ведомственного акта, который бы детально регламентировал все аспекты применения БПЛА – от организации полетов до использования полученных данных в качестве доказательств в суде, – на сегодняшний день не существует. Это приводит к разрозненности практик и правовой неопределенности.

Таким образом, нормативно-правовая база применения БПЛА в ОВД характеризуется наличием рамочных положений на федеральном и недостаточной детализацией на ведомственном уровне. Требуется разработка специализированного административного регламента, который бы четко регламентировал:

1) порядок планирования и проведения полетов;
2) классификацию БПЛА и их оборудования в зависимости от решаемых задач;
3) процедуры получения судебных разрешений для проведения ОРМ;
4) механизмы защиты, обработки и хранения собираемых данных;
5) вопросы ответственности операторов и должностных лиц.

Потенциал применения БПЛА в деятельности ОВД чрезвычайно широк. Его можно структурировать по нескольким ключевым направлениям.

1. Обеспечение общественного порядка и безопасности массовых мероприятий. Одной из наиболее очевидных сфер применения БПЛА является мониторинг обстановки во время митингов, шествий, спортивных соревнований, концертов. БПЛА, оснащенный камерой высокого разрешения с трансфокатором, позволяет осуществлять общий обзор с высоты, выявлять зачинщиков беспорядков и фиксировать противоправные действия в режиме реального времени, координировать действия сил правопорядка.

Перспективным направлением является интеграция БПЛА с системами распознавания лиц в режиме реального времени. Это позволит оперативно идентифицировать разыскиваемых лиц, находящихся в толпе.

2. Поисково-спасательные и разыскные операции. БПЛА кардинально меняют подход к поиску пропавших людей (заблудившихся в лесу, детей, лиц с когнитивными нарушениями) и розыску скрывающихся преступников.

3. Патрулирование обширных территорий. БПЛА эффективны для мониторинга приграничных зон, охраны объектов критической инфраструктуры, где традиционное патрулирование наземными силами требует значительных временных и человеческих ресурсов.

4. Осмотр места происшествия. При обнаружении тел или мест преступлений в труднодоступной местности БПЛА позволяет провести предварительный осмотр и документирование без нарушения обстановки места происшествия.

5. Обеспечение безопасности дорожного движения. Подразделения Госавтоинспекции уже активно экспериментируют с применением БПЛА для контроля за соблюдением правил дорожного движения, а также документирования дорожно-транспортных происшествий.

Также сочетание искусственного интеллекта, БПЛА и технических средств обеспечения дорожного движения позволит оперативно и равномерно распределять нагрузку на дорогах.

Эффективность применения БПЛА напрямую зависит от правильного выбора типа платформы и устанавливаемого на нее целевого оборудования. Классификация БПЛА по типу конструкции и тактико-техническим характеристикам представляется следующей:

1) самолетного типа (fixed-wing), создающие подъемную силу аэродинамическим способом, с помощью набегающего воздушного потока на неподвижное

крыло. В этой группе одними из самых перспективных являются «самолеты» вертикального взлета и посадки, СВВП (Vertical Take-off and Landing - VTOL);

2) вертолетного типа (rotary-wing). Для создания подъемной силы используются вращающиеся несущие винты (аппараты «с вращающимся крылом»). Данный тип можно дополнительно дифференцировать на спроектированные по одновинтовой и двухвинтовой схеме;

3) мультироторный тип. Многовинтовые аппараты, получающие название для подтипов по количеству имеющихся двигателей (три-, квадро-, гексокоптеры и др.) [3, с. 1239].

Ключевой тенденцией является переход от простого видеонаблюдения к интеллектуальному анализу данных. Современные программные платформы позволяют: в реальном времени анализировать видеопоток с использованием алгоритмов для автоматического обнаружения подозрительных объектов, распознавания лиц и номерных знаков, отслеживания перемещения людей и транспортных средств, интегрировать данные с БПЛА с другими информационными системами (базы данных МВД, городские системы видеонаблюдения, картографические сервисы), автоматически генерировать отчеты и создавать фотографии и 3D-модели по результатам съемки.

Несмотря на существующие проблемы, потенциал технологического развития правоохранительной системы очевиден. Для успешной интеграции БПЛА в деятельность ОВД необходим комплексный подход.

1. Совершенствование нормативно-правовой базы. Необходимо разработать и принять приказ ведомственного уровня МВД России, детально регламентирующий порядок применения БПЛА по всем направлениям деятельности

2. Развитие технологической инфраструктуры: создание защищенных и помехоустойчивых каналов связи для управления БПЛА и передачи данных (например, с использованием технологий сотовой связи 4G/5G с шифрованием).

3. Обеспечение кибербезопасности: внедрение систем шифрования телеметрии и видеопотока. Разработка протоколов на случай потери связи или перехвата управления (например, функция автоматического возврата на базу).

4. Решение кадрового вопроса: создание на базе ведомственных вузов МВД России программ подготовки и переподготовки специалистов по управлению БПЛА, обработке данных и правовым аспектам их применения, а также введение соответствующих должностей в штатные расписания подразделений.

Литература

1. Алехин, А. Н., Борисов, А. В. Перспективы использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 45–51.

2. Орлов, В. Н. Актуальные вопросы использования результатов применения беспилотных летательных аппаратов в доказывании по уголовным делам // Уголовный процесс. – 2022. – № 5. – С. 44–50.

3. Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 31.07.2022) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

4. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

6. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

7. Калинин, Г. Б. Классификация типов беспилотных воздушных судов в нормативно-правовом регулировании Российской Федерации // Вестник науки. – 2024. – № 11(80). – С. 1235–1241.

8. Цыганков, В. В. Интеграция данных с БПЛА в единое информационное пространство МВД России: проблемы и решения // Вопросы кибербезопасности. – 2023. – № 1(48). – С. 15–22.

Павлов Янис Георгиевич,
слушатель 5 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Рясов Александр Алексеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Использование специальных знаний в деятельности участкового уполномоченного полиции

Деятельность участкового уполномоченного полиции играет ключевую роль в обеспечении общественного порядка и безопасности на местном уровне. Ежедневно сотрудники сталкиваются с самыми разнообразными ситуациями, требующими от них не только владения нормами законодательства, но и наличия специальных знаний в смежных областях, таких как психология, медицина, педагогика и криминалистика.

Специфика работы участкового подразумевает постоянный контакт с населением, что предполагает владение методами эффективного общения, быстрой оценки ситуации и своевременного реагирования на правонарушения. Нередко сотруднику полиции приходится оказывать первую помощь пострадавшим, выявлять признаки асоциального поведения и проводить профилактическую работу с несовершеннолетними.

Актуальность вопроса обусловлена тем, что уровень подготовки участковых напрямую влияет на эффективность профилактики преступлений, снижение уровня конфликтности в обществе и укрепление доверия граждан к органам правопорядка. Поэтому особое внимание уделено подготовке сотрудников, разработке программ повышения квалификации и обеспечению условий для регулярного приобретения и совершенствования специальных знаний, необходимых в повседневной деятельности участкового уполномоченного полиции.

Федеральный закон «О полиции» формирует правовой фундамент для применения специальных знаний, однако, как указывают Л.Р. Галиева и С.А. Ступина, их содержание и объем нормативно регламентированы недостаточно [1, с. 404]. Ведомственные документы, включая Наставление, ограничиваются общим перечнем обязанностей, не конкретизируя требуемые для их выполнения компетенции. Подобный пробел порождает трудности в подготовке кадров и оценке результативности их службы.

Процесс формирования этих знаний сталкивается с системными проблемами. Одна из них – дефицит часов на прикладные дисциплины в образовательных организациях МВД, где доминирует теория в ущерб отработке практических навыков. Молодой сотрудник, прибывая к месту службы, зачастую не готов к решению реальных задач, вынужденно обучаясь на собственных ошибках.

Разрыв между научными разработками и полицейской практикой – еще одно препятствие. Многие методические рекомендации остаются невостребованны-

ми в силу их абстрактности или сложности для восприятия. Необходим постоянный канал коммуникации, обеспечивающий трансляцию актуальных научных знаний в конкретные алгоритмы действий для участкового.

Материально-техническое обеспечение непосредственно ограничивает применение специальных знаний. Устаревшая вычислительная техника, медленный Интернет, отсутствие современных средств фиксации сводят на нет даже самые глубокие познания сотрудника. Участковый нуждается в оснащении, позволяющем оперативно взаимодействовать с информационными ресурсами и документально оформлять результаты деятельности.

Постоянное самообразование – обязанность сотрудника, стремящегося поддерживать свою профессиональную пригодность. Законодательство, тактика и технологии динамично меняются, и участковый, прекращающий учиться, быстро утрачивает компетентность. Изучение специальной литературы, обмен опытом, курсы повышения квалификации – вот инструменты поддержания актуальности знаний.

Таким образом, специальные знания чрезвычайно важны в деятельности участковых уполномоченных полиции, так как позволяют им более эффективно и качественно выполнять свои должностные обязанности. Эти знания помогают быстро и точно анализировать ситуацию, выявлять признаки преступлений, предотвращать правонарушения и обеспечивать общественный порядок на обслуживаемой территории.

Владение дополнительной информацией в психологии, медицине, педагогике и криминалистике дает участковым возможность вести конструктивный диалог с гражданами, оказывать первую медицинскую помощь, проводить профилактические мероприятия и тем самым снижать уровень преступности.

Постоянное повышение квалификации осуществляется за счет прохождения специализированных курсов, тренингов и семинаров, что способствует формированию необходимых навыков и умений, востребованных в работе с различными социальными группами населения, нуждающимися в защите и поддержке.

Эффективное общение с гражданами, качественная организация профилактических мероприятий, создание безопасной среды для жителей и соблюдение общественного порядка – все это достигается благодаря применению специальных знаний и навыков, которыми владеет опытный участковый уполномоченный полиции. Регулярное повышение квалификации и освоение новых знаний укрепляет профессионализм сотрудников и повышает их способность обеспечивать безопасность на участках.

Литература

1. Галиева, Л. Р. Проблемы нормативно-правовой регламентации содержания специальных знаний / Л. Р. Галиева, С. А. Ступина // Молодые ученые в решении актуальных проблем безопасности: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – Железногорск, 2024. – С. 403-405.

2. Петухов, Д. И. Актуальные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции по организации работы участкового пункта полиции / Д. И. Петухов // Реформа контрольно-надзорной деятельности в России: актуальные проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. – Пермь, 2024. – С. 306–309.

Павлова Мария Валерьевна,
слушатель 5 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кондрашечкин Роман Викторович,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности ОВД
и применения информационных технологий
Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел печати на клавиатуре слепым десятипальцевым методом письма

Актуальным направлением деятельности в системе правоохранительных органов и учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) является внедрение информационных технологий в делопроизводство, а также использование электронного документооборота, электронных архивов и автоматизированных баз данных для обеспечения деятельности всех подразделений и служб МВД РФ.

9 мая 2017 года вышел Указ Президента Российской Федерации № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». План выполнения данной Стратегии включает в себя принятие законодательных инициатив и издание иных нормативных правовых актов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации с целью развития информационного общества.

28 июля 2017 года Правительством Российской Федерации было принято распоряжение № 1632-р, в соответствии с которым утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Данная программа предусматривает формирование комплексного нормативного-правового регулирования отношений, возникающего посредством развития и совершенствования экономики путем использования цифровых технологий, в том числе в деятельности МВД РФ.

МВД РФ в целях реализации электронного документооборота был принят ряд ведомственных приказов, определяющих и регламентирующих порядок работы с электронными документами.

Информационные технологии представляют собой совокупность методов, процедур и средств, обеспечивающих процессы сбора, обработки и передачи, преобразования и хранения информации в электронном виде.

В современном мире информация превратилась в важный ресурс, а информационные системы стали главным инструментом в обеспечении деятельности различных государственных органов.

Существенное внимание в настоящее время уделяется созданию и хранению электронных документов. Положительный опыт использования электронного документооборота в деятельности правоохранительных органов имеют США, Син-

гапур, одними из первых начавшие внедрять электронное делопроизводство [1, с. 12]. В мировом сообществе наиболее развитые страны используют инновационные технологии цифрового информационного общества, главным критерием которого выступают электронно-вычислительные технологии, развитые электронные коммуникационные системы различного назначения, а также сотрудники, которые используют в повседневной деятельности инновационные, информационные и коммуникационные технологии, в том числе с применением методов искусственного интеллекта, и их численность.

Кроме того, для функционирования различных управленческих процессов в правоохранительных органах, а также иных правоохранительных структурах применяются аппаратные и программные средства различного назначения. Они представляют собой автоматизированные информационные телекоммуникационные системы, предназначенные для полной или частичной автоматизации документопотока [2, с. 28].

Например, специальные программно-управленческие документы, которые обеспечивают развитие правоохранительной и судебной системы в Российской Федерации.

В целом система документооборота представляет собой организационно-техническую систему, обеспечивающую процесс создания, управления доступом и распространения электронных документов в компьютерных сетях, а также обеспечивающая контроль над документами, передаваемыми посредством данной системы. Электронный документооборот выступает как одно из направлений по обеспечению работы с документами, представляемыми в электронном формате.

Выполняя задачи по обеспечению открытости и доступности, повышению качества и совершенствованию правоохранительной системы, а также обеспечению защиты прав и законных интересов граждан, предполагается развитие информатизации в деятельности органов внутренних дел и внедрение современных информационных технологий в правоохранительные органы. Внедрение современных технологий в деятельность правоохранительных органов расширяется за счет использования единой автоматизированной информационной системы и различных баз данных для использования и хранения документов, подготовленных в электронном формате.

Особое внимание в настоящее время уделяется созданию специальных электронных баз данных, архивов путем применения передовых информационно-телекоммуникационных систем с использованием искусственного интеллекта.

В настоящее время судами формируются электронные архивы судебных решений по определенной тематике, для которой используется Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»

Переход на документооборот, представленный в электронном виде, осуществляется в рамках действующего законодательства. В целях расширения электронного массива документов, образующихся в деятельности правоохранительных органов, а также в порядке осуществления оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), процессуальной деятельности, осуществляется работа по внедрению и совершенствованию программных средств обеспечения деятельности правоохранительных органов с использованием аналитических систем и техноло-

гий применения и использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) [3, с. 209-214].

Хотелось бы также отметить, что стремительное развитие информационных-телекоммуникационных систем и технологий, а также увеличение объемов информационной деятельности для нужд правоохранительных органов определяют потребность в использовании законодательных актов для обеспечения нормативного правового регулирования общественных отношений при использовании различных информационных и инновационных технологий.

Изучение и совершенствование данного направления деятельности органов внутренних дел будет способствовать дальнейшему развитию нормативных законодательных актов, регламентирующих вопросы электронного взаимодействия в различных сферах общественных отношений в рамках совершенствования и использования информационного пространства [4, с. 52-63].

В повседневной деятельности электронный документооборот становится наиболее распространенным.

Известно, что сотрудник органов внутренних дел большое количество времени проводит за составлением оперативно-служебных документов, которые создаются с помощью средств электронно-вычислительной техники (далее – ЭВМ). Отсюда можно сделать вывод о том, что сотрудник полиции должен в совершенстве владеть навыком печатания на клавиатуре, чтобы как можно быстрее и эффективнее выполнять свою повседневную работу, например, осуществлять опрос граждан, составлять оперативно-служебные документы, отчеты, справки, рапорта и многое другое [5, с. 142-149].

Изучая данный аспект проблемы, автор предлагает использовать в работе сотрудника полиции эффективный метод, так называемый слепой десятипальцевый метод письма. Хотелось бы отметить, что ранее подобный метод слепой печати на протяжении длительного времени активно использовался для подготовки офицеров войск связи при изучении азбуки Морзе в Рязанском высшем военном командном училище связи имени Маршала Советского Союза Матвея Васильевича Захарова (1941–2009 гг.).

Суть метода заключается в том, что сотрудник создает электронные документы, не глядя на клавиатуру, всеми десятью пальцами. Современные компьютерные клавиатуры выполняются эргономично, с учетом антропометрических показателей кисти человека, при этом каждому пальцу руки отводятся определенные клавиши, которые для него являются наиболее удобными и на которые он производит нажатие, при этом взгляд идет не на клавиатуру, а на экран персонального компьютера.

Клавиатура при обучении по рассматриваемому методу распределяется на две зоны. На одной из этих зон необходимо работать правой, а на другой левой рукой. Каждый палец должен работать с определенными клавишами. Клавиатуру изучают при помощи слепого метода, который производится по системе горизонтальных рядов, начиная со второго ряда.

Отдельно хотелось бы остановиться на различных видах клавиатуры. Например, клавиатура компании Natural Keyboard имеет специальные возможности для оператора. Клавиатура изготовлена таким способом, что в средней части имеет особую форму и раздвинута как бы на две половины и имеет особую фор-

му, предназначенную для более удобного положения запястий над клавишами. Использование подобной клавиатуры является крайне обоснованным и удобным для работы сотрудников оперативных подразделений, следственных органов, прокуратуры, судей и других должностных лиц, осуществляющих работу с большим объемом электронных документов. Однако в настоящее время на рабочих местах используется обычная прямая клавиатура, без антропометрических показателей кисти человека, что, на наш взгляд, является существенным недостатком.

Следует отметить, клавиатура создана инженерами таким образом, что позволяет выполнять различного рода операции, например печать документа, редактирование и форматирование текста, сочетаниями клавиш без использования мыши. Данные обстоятельства позволяют существенно повысить скорость подготовки сотрудниками оперативно-служебных документов.

Автоматизм движения пальцев вырабатывается в результате долгих тренировок. Слепой метод письма считается освоенным только тогда, когда сознание пишущего перестанет контролировать движение пальцев на клавиатуре. Скорость письма при слепом методе возрастает в несколько раз, а также улучшается его качество. Каждое упражнение следует повторять не менее 45 минут. При этом следует добиваться полного автоматизма, когда печатается текст и в нужной последовательности нажимаются клавиши.

Правильная посадка за рабочим столом имеет большое значение при овладении данным методом. Корпус необходимо держать прямо. Спина должна быть прислонена к спинке стула. Ноги в коленях согнуть под прямым углом, а ступни ног поставить на пол параллельно друг другу. Руки в локтях согнуть под углом 90 градусов.

При исходной позиции пальцы рук укладываются на буквенные клавиши второго ряда клавиатуры «Ф, Ы, В, А» (для левой руки) и «О, Л, Д, Ж» (для правой). Промежуток между левой и правой руками – две клавиши: «П, Р».

Удар по клавише не должен быть сильным, а должен быть отрывистым, без задержки пальцев. При письме руки необходимо поднимать над клавиатурой на 1–2 см, а затем быстро и энергично ударять по нужной клавише и возвращать палец на исходную. Сила удара должна быть умеренной для получения четкого отпечатка.

Упражнения необходимо выполнять в строгой последовательности: от простого к сложному. Обучение печати на клавиатуре по слепому десятипальцевому методу начинается с простых упражнений, которые требуют только внимания со стороны обучающегося. Каждый новый освоенный прием включается в систему ранее усвоенных учащимися приемов. По мере накопления знаний и умений повышается степень самостоятельности обучающегося сотрудника органа внутренних дел в работе. С первых занятий обращается внимание на удар и ритм письма. Использование музыкального сопровождения при изучении клавиатуры способствует предупреждению утомляемости, физического напряжения, развивает интерес к занятиям.

При обучении печати на клавиатуре важную роль выполняет так называемая пальцевая гимнастика, которую рекомендуется проводить на каждом занятии, ежедневно. С помощью гимнастических упражнений для пальцев рук дости-

гаются хорошая подвижность пальцев и нанесение равномерного удара пальцами по клавиатуре.

В результате постоянных тренировок на занятиях и самостоятельной подготовки обучающийся сотрудник органа внутренних дел достигнет максимальной скорости письма.

Исходя из вышесказанного, хочется отметить, что слепой десятипальцевый метод необходимо использовать в совокупности с навыками работы с различными современными информационными технологиями для усовершенствования электронного документооборота и повышения производительности труда в деятельности органов внутренних дел.

Литература

1. Храмцовская, Н. А. Тихая электронная революция в делопроизводстве и архивном деле // Секретарь-референт. – 2010. – № 12. – С. 17–22.

2. Николаев, О. Э., Миронов, В. Л., Кондрашечкин, Р. В. Вопросы прогнозирования состояния оперативной обстановки в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях. – Москва: Издательство Московского университета Министерства внутренних дел имени В.Я. Кикотя, 2022. – 83 с.

3. Кондрашечкин, Р. В. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2023. – С. 209–214.

4. Кирилловых, А. А. Правовые аспекты механизма электронного взаимодействия в законодательстве об электронной подписи // Адвокат. – 2011. – № 11. – С. 52–63.

5. Кондрашечкин, Р. В. Правовое обеспечение применения технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – № 2(66). – С. 142–149.

Платохонова Татьяна Петровна,
курсант 4 курса
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель:
Сысоев Алексей Александрович,
врио начальника
кафедры тактико-специальной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

Использование основ топографической подготовки при изучении местности сотрудниками органов внутренних дел

Профессионально подготовленный сотрудник, в особенности руководитель, обладающий комплексными знаниями в области стратегии, тактики и методов ориентирования на местности в различных условиях, способен обеспечивать повышенную эффективность при проведении поисковых мероприятий на незнакомой территории, а также специальных операций [1, с. 3–4].

Современная оперативная обстановка требует от сотрудников органов внутренних дел реализации комплексных превентивных мер по предупреждению преступлений, а также готовности к проведению оперативных, включая силовые, мероприятий по задержанию правонарушителей. Особую сложность представляют ситуации, когда задержание осуществляется вне населенных пунктов: в лесных массивах, горно-лесистой местности либо при преследовании на транспортном средстве.

При организации поисковых мероприятий и задержании руководитель специальной операции обязан учитывать комплекс факторов: уровень профессиональной подготовки привлекаемого личного состава к действиям в особых условиях, их оснащенность соответствующим вооружением и экипировкой, адаптированной к сезонным, погодным и топографическим особенностям, а также наличие специальной и боевой техники.

Статистические данные свидетельствуют о том, что одной из ключевых причин гибели и ранений сотрудников при исполнении служебных обязанностей остается недостаточный уровень как профессиональной, так и психологической готовности личного состава к действиям в критических условиях [2, с. 97-99].

Этот системный вызов требует комплексного решения через модернизацию системы подготовки, где особое внимание должно уделяться:

1. формированию устойчивых практических навыков работы в условиях стресса и неопределенности;
2. развитию ситуационной осознанности и оперативного мышления;
3. моделированию реальных сценариев с постепенным усложнением условий.

Такой подход позволит преодолеть разрыв между теоретической подготовкой и практическими потребностями, обеспечивая сотрудникам необходимый уровень возможностей для эффективного и безопасного выполнения служебных обязанностей в любых, даже самых сложных условиях.

Современное развитие технологий, несомненно, расширило возможности изучения незнакомой местности за счет применения беспилотных летательных аппаратов. Однако эффективность их использования существенно ограничивается рядом объективных факторов. К ним относятся неблагоприятные метеоусловия, логистические сложности оперативной доставки в нужный район, а также временные ограничения эксплуатации.

В связи с указанными ограничениями классические методы работы с топографическими картами сохраняют свою актуальность для сотрудников ОВД. Это требует наличия у личного состава твердых практических навыков, включающих:

1. умение уверенно определять тип местности и ее тактические свойства;
2. свободное чтение условных знаков и интерпретацию картографического изображения растительности, гидрографии и элементов рельефа;
3. способность точно ориентировать карту как с помощью компаса, так и по характерным местным объектам.

Таким образом, несмотря на технологический прогресс, топографическая подготовка остается неотъемлемым компонентом профессиональной готовности сотрудников, обеспечивающим их оперативную эффективность в условиях, когда использование современных технических средств разведки невозможно или ограничено.

В рамках тактического планирования осуществляется разработка алгоритмов действий всех привлекаемых сил, что создает основу для эффективного управления подразделениями в ходе проведения специальных операций [3, с. 60–64].

Успешность решения оперативно-служебных задач в значительной степени зависит от тактических свойств местности. Однако оперативная обстановка часто характеризуется динамичными изменениями ландшафта: возникновением завалов, разрушений, инженерных заграждений и иных преобразований, информация о которых по объективным причинам отсутствует на актуальных топографических картах.

В подобных условиях критически важным источником оперативной информации становятся аэрофотография и снимки со спутников, позволяющие получить объективную картину текущего состояния территории.

Грамотная оценка защитных свойств местности приобретает стратегическое значение, поскольку способствует оптимальной организации защиты личного состава, а также сохранности боевой и специальной техники от воздействия поражающих факторов различных видов оружия.

Маскирующие свойства местности играют не менее важную роль, обеспечивая скрытие расположения и передвижения сотрудников ОВД, а также боевой и специальной техники от обнаружения противником.

Проходимость местности представляет собой динамический параметр, способный как существенно облегчать, так и затруднять оперативное передвижение личного состава ОВД.

Ориентиры местности служат для точного определения собственного местоположения, выбора маршрута движения относительно стран света, ключевых объектов оперативной обстановки, а также для координации расположения сил правоохранительных органов и вероятных противников.

Эффективность наблюдения определяется двумя ключевыми факторами: степенью просматриваемости окружающего пространства и максимальной дальностью визуального обзора. В свою очередь, условия ведения огня характеризуются возможностью скрытного размещения огневых позиций, организацией прицельной стрельбы из различных видов вооружения и потенциалом для оперативной корректировки огневого воздействия.

Умение читать топографические карты и точно воспринимать условные обозначения формируют важный компонент тактического планирования. Грамотное использование картографических материалов обеспечивает не только выбор оптимальных путей подхода, но и позволяет заблаговременно определить позиции для скрытного размещения личного состава, организовать эффективную систему наблюдения и координации. Особое значение приобретает способность прогнозировать тактические преимущества и ограничения местности, что непосредственно влияет на безопасность и результативность проведения специальных операций [4, с. 23–24].

Такой подход обеспечивает не только оперативное преимущество, но и способствует минимизации рисков для личного состава. Адекватная оценка тактических свойств местности позволяет оптимизировать расстановку сил, выбрать наиболее эффективные маршруты перемещения и создать систему взаимодействия подразделений, соответствующую конкретным условиям оперативной обстановки.

Правильное применение основ топографической подготовки при работе с картами является важнейшим элементом оперативного планирования для сотрудников ОВД. Грамотный анализ картографических данных позволяет заблаговременно выявлять потенциально проблемные участки маршрута и района поиска.

Так, предварительное изучение по карте характеристик лесного покрова в районе планируемых поисковых действий предоставляет ценную тактическую информацию. Например, определение породного состава леса (хвойный или лиственный) приобретает особое значение при проведении операций в зимний период. В лиственных лесах с опавшей листвой значительно улучшается видимость и увеличивается пространственный обзор, однако одновременно с этим снижаются маскировочные свойства местности. Данный фактор становится важным при поиске вооруженных и особо опасных преступников, когда сотрудникам необходимо обеспечить скрытное сближение с задерживаемым лицом.

Наличие профессиональных навыков у сотрудников ОВД в области топографии обеспечивает способность к быстрой ориентации на незнакомой местности и грамотному использованию ее тактических свойств в различных условиях оперативной обстановки. Также позволяет оптимизировать процесс изучения местности, способствуя рациональному планированию этапов выполнения оперативно-служебных и боевых задач.

Такой анализ позволяет заблаговременно адаптировать тактику действий подразделения к конкретным условиям местности, оптимизировать маршруты перемещения и распределение сил, что в конечном итоге способствует принятию обоснованных тактических решений, минимизации временных затрат и снижению оперативных рисков при выполнении служебных задач.

Литература

1. Бордачев, А. Ю. Топографическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: учебно-методическое пособие / А. Ю. Бордачев, А. С. Сергиенко, Л. А. Платонов. – Красноярск: СибЮи МВД России, 2021. – 116 с.

2. Панина, Е. Н., Ковалев, С. М. Внедрение комплексного подхода к профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел как фактор формирования готовности к действиям в экстремальных условиях // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции, Красноярск, 08–09 апреля 2021 года. Том Часть 2. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2021. – С. 97-99.

3. Ковалев, С. М. Тактико-специальная подготовка сотрудников полиции // Закон и власть. – 2022. – № 5. – С. 60–64.

4. Комаров, М. Н. Топография и ориентирование на местности: учебная программа / М. Н. Комаров. – Москва: Перспектива, 2022. – 42 с.

Постольникова Анастасия Дмитриевна,
курсант 2 курса
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

Научный руководитель:
Воротник Александр Николаевич,
заместитель начальника кафедры
физической подготовки
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина,
кандидат педагогических наук, доцент

Особенности организации курсантами самостоятельных занятий по физической подготовке

Прежде чем рассматривать особенности организации курсантами самостоятельных занятий по физической подготовке, необходимо обратить внимание на понятие физической подготовки и ее роль в жизни курсанта.

Физическая подготовка – это процесс, направленный на развитие физических качеств, способностей (в том числе навыков и умений) человека с учетом вида его деятельности и социально-демографических характеристик [1].

Задачами физической подготовки являются:

– содействие формированию и развитию мировоззрения курсантов;

– приобретение курсантами специальных знаний, профессиональных умений и навыков, гарантирующих успешное выполнение задач в ходе оперативно-служебной деятельности;

– комплексное развитие физической подготовки, включая силу, скорость, гибкость, координацию и выносливость;

– создание условий для сохранения здоровья и поддержания высокой работоспособности курсантов;

– развитие спортивных навыков, необходимых для службы;

– обучение теоретическим основам, методикам и организации физической подготовки и спорта в органах внутренних дел;

– воспитание у курсантов сознательного отношения к систематическим и самостоятельным занятиям физическими упражнениями и спортом на протяжении всей жизни.

Физическая подготовка является составной частью профессиональной подготовки сотрудников ОВД. Основной ее целью является формирование физической и психологической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, боевых приемов борьбы и специальных средств при пресечении противоправных действий, а также обеспечение их высокой работоспособности в процессе служебной деятельности.

Ключевыми принципами построения учебных занятий по физической подготовке являются фронтальный; поточный; групповой; индивидуальный.

Фронтальный метод заключается в том, что занимающиеся делают одно и то же упражнение разом. Суть поточного способа в том, что занимающиеся вы-

страиваются в шеренгу по одному и друг за другом выполняют упражнение. Групповой способ, когда занимающиеся разделяются на команды и каждая команда делает свое задание. Индивидуальный способ базируется на том, что каждому занимающемуся дается личное задание, которое он самостоятельно отрабатывает.

В образовательных организациях высшего образования проводятся занятия по физической подготовке, где преподаватель помогает развить физические способности обучающегося. Но для достижения наилучшего результата каждый курсант должен понимать, что того количества занятий по физической подготовке, которые преподаются в рамках учебных планов, недостаточно и следует заниматься самостоятельно в свободное от учебы время. Важно помнить, что занятия должны быть систематическими и последовательными, а также постепенными, с умеренным возрастанием и усложнением физической нагрузки. Не следует нагружать свой организм усердными тренировками, которые могут поспособствовать лишь ухудшению состояния курсанта. Для более эффективных тренировок следует разработать план своих действий, в котором будут учитываться питание обучающегося, а также степень состояния здоровья и физических возможностей организма. Также можно вести свой дневник по тренировкам, в котором курсант может отслеживать свое питание, контролировать состояние своего организма после проведенных самостоятельных тренировок, а также записывать упражнения, которые он выполнял, чтобы в последующем ему было проще расписать степень нагрузки и увеличение ее в дальнейшем.

Каждое тренировочное самостоятельное занятие включает в себя подготовительную часть (разминку), основную часть и заключительную часть (заминку).

Подготовительная часть (разминка) нужна для подготовки тела к выполнению физических упражнений, чтобы снизить вероятность получения травмы, для увеличения притока крови к мышцам и уменьшения болезненности мышц после тренировок. Она делится на две части – общеразогревающую и специальную. Общеразогревающая часть состоит из ходьбы (2-3 минуты), медленного бега (женщины – 6-8 минут, мужчины – 8-12 минут), общеразогревающих гимнастических упражнений на все группы мышц.

Специальная часть – это те же самые упражнения, что включает в себя план тренировки, только с меньшим весом отягощения. Разминочных упражнений, как правило, больше, чем рабочих. Вес отягощения при этом возрастает постепенно, от подхода к подходу. Специальная разминка разогревает именно те суставы и мышцы, которые будут задействованы при выполнении тренировочных упражнений. При выполнении разминки рекомендуется придерживаться следующей последовательности: сначала разогреть мелкие мышцы рук и плечевого пояса, затем перейти к мышцам туловища и в конце размять ноги [2].

В основной части осуществляются основные задачи тренировки – происходит обучение и улучшение техники физических упражнений, а также выполнение тренировочной нагрузки по развитию физических качеств. Оптимизация тренировочного процесса предполагает следующую последовательность выполнения упражнений: приоритет отдается упражнениям, направленным на развитие быстроты, за которыми следуют упражнения на силу, и завершается тренировка

упражнениями на выносливость. Рекомендуемая продолжительность общей тренировочной сессии не должна превышать 60 минут.

Завершающий этап тренировки включает в себя легкий бег (3-8 минут) с последующим переходом на ходьбу (2-6 минут). Важно закончить тренировку упражнениями на расслабление, которые выполняются в сочетании с глубоким дыханием. Это позволяет плавно снизить интенсивность нагрузки и вернуть организм в более спокойное состояние.

Утренняя зарядка является обязательным элементом распорядка дня курсантов. Она направлена на ускорение процесса перехода организма от состояния сна к активной деятельности. В комплекс упражнений входят разминочные движения, охватывающие все группы мышц. При этом исключаются упражнения статического характера, с использованием значительного отягощения и на развитие выносливости, поскольку приоритетной задачей является подготовка организма к последующей физической и умственной нагрузке. Также надлежит выполнять упражнения в течение учебного дня, они обеспечивают профилактику наступающей усталости, содействуют поддержанию высокой работоспособности на продолжительное время без переутомления.

К основным принципам самостоятельных занятий относятся:

– заниматься 2–3 раза в неделю;

– заниматься непрерывно в течение 20 минут;

– заниматься энергично, но при этом следить за своим состоянием (пульсом, дыханием).

Чтобы занятия физической подготовкой не были трудными и однотипными, их можно чередовать с различными видами спортивных игр. Наибольшей популярностью в стране пользуются такие спортивные дисциплины, как футбол, волейбол, баскетбол и настольный теннис. Регулярные занятия спортивными играми являются эффективным средством активного восстановления после интенсивной учебной нагрузки и оказывают благотворное воздействие на различные системы организма, включая центральную нервную систему и сенсорные анализаторы (зрительный, вестибулярный, мышечный и другие). Для поддержания и улучшения здоровья особенно полезны активные игры на свежем воздухе. Они благотворно влияют на опорно-двигательный аппарат, стимулируют обменные процессы и улучшают функционирование всех органов и систем. Главное – помнить, что занятие физической подготовкой не разовое мероприятие, это целеустремленное, волевое, регулярное физическое самовоспитание на протяжении всей жизни [3].

Таким образом, самостоятельная физическая подготовка курсантов является ключевым фактором в их профессиональном развитии и улучшении физической формы. Более того, она играет существенную роль в формировании необходимых личностных и профессиональных качеств будущих специалистов.

Самостоятельные занятия курсантов по физической подготовке реализуются посредством применения определенных методов обучения. Под методами обучения понимаются способы организации взаимодействия между преподавателем и обучающимися, направленные на достижение поставленных учебных целей. Данные методы выступают в качестве инструментария руководителя занятий, обеспечивающего овладение прикладными умениями и навыками, развитие физи-

ческих качеств и формирование разносторонних компетенций, необходимых для успешного выполнения оперативно-служебных задач.

На основании анализа общих характеристик, средств и методов развития физических качеств, а также принципов и форм физической подготовки делается вывод о том, что прикладные физические качества представляют собой комплекс физических навыков, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности курсантов. Формирование данных качеств происходит в рамках учебных и самостоятельных занятий по физической подготовке. Профессионально-прикладная физическая подготовка определяется как целенаправленное и избирательное применение средств физической культуры и спорта с целью подготовки курсантов к выполнению профессиональных обязанностей. Профессиональная физическая подготовка курсантов в образовательных организациях МВД России реализуется в соответствии с поэтапным подходом. Одним из приоритетных направлений учебно-тренировочного процесса является совершенствование профессионально-прикладных физических качеств курсантов, эффективность которого может быть повышена за счет включения специализированных упражнений в учебно-тренировочные занятия.

Литература

1. Денисов, Д. Г. Физическая подготовка: курс лекций / Д. Г. Денисов, А. Ю. Овчинников, А. В. Муравьев. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2019. – 118 с.

2. Безотосов, В. В. Специфика самостоятельной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России / В. В. Безотосов // Эпоха науки. – 2020 – № 2. – С. 223–227.

3. Парсаева, И. В., Гафиятова, Н. В, Рыбакова, Е. В., Золотова, Л. В., Николаев, Г. М., Парсаев, П. А. Особенности организации самостоятельных занятий по избранным видам спорта: учебно-методическое пособие / И. В. Парсаева, Н. В. Гафиятова, Е. В. Рыбакова и др. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2024. – 66 с.

Репишевская Виктория Александровна,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Джавадян Юрий Рачикович,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Криминологические и психологические особенности преступного поведения

Криминология имеет свой достаточно четко очерченный предмет – преступность, ее причины, личность преступника, преступное поведение и предупреждение преступлений. Человек, совершающий преступления, едва ли не главный объект научного внимания криминологии, изучающей не только психологические, но и иные проблемы преступника, имеющие значение для объяснения преступного поведения. Для этого о нем необходимы не только психологические, но и социологические, медицинские (особенно психиатрические), экономические, этнологические, антропологические и другие знания.

Проблема преступности, оставаясь острой, постоянно воспроизводится в новых социальных и технологических контекстах. Существующие правовые и социологические подходы, концентрирующиеся на внешних обстоятельствах, часто не достигают сути противоправного поступка. Психологическая перспектива дает возможность исследовать внутренние механизмы, которые приводят к нарушению закона. Без такого анализа любые меры профилактики теряют действенность.

Появление новых форм девиации, например киберпреступности, требует обновления методологического арсенала. Психология здесь позволяет расшифровать кажущуюся иррациональность преступления, выявить логику намерения, учесть бессознательные компоненты. Изучение этих аспектов превращается из академического интереса в практическую потребность – для адекватных судебных решений, работы правоохранительных органов и программ ресоциализации.

Преступное поведение – это феномен, рождающийся на стыке внешнего давления и внутреннего мира. Его нельзя свести к универсальной формуле: в каждом случае по-своему сплетаются врожденные особенности, сформировавшиеся черты характера, актуальные ценности и психическое состояние. Личность правонарушителя следует рассматривать как динамическую систему в постоянном диалоге со средой, а не как статичный тип. Психологический анализ выявляет в этой системе «слабые звенья», будь то дефекты эмоционально-волевой регуляции, искаженное восприятие норм или неспособность к самоконтролю, которые под давлением обстоятельств могут привести к социально опасному срыву.
В отечественной криминологии под преступным поведением принято понимать последовательные этапы психической деятельности в части развития интересов,

потребностей, криминогенных свойств личности, формирования мотивации, механизмов принятия решения, планирования, исполнения умысла, которые зависят от социальных условий и среды, воздействующих на психологию индивида, приводящих к совершению преступления и посткриминальному поведению

Центральным предметом исследования выступает мотивация – двигатель любого человеческого действия, включая противоправное. Криминальная мотивация поражает своим диапазоном: от примитивного стремления удовлетворить базовую потребность до субъективно оправданных для индивида мотивов мести, ложного чувства справедливости или жажды влияния в группе. Часто в основе лежит целый конгломерат побуждений, осознаваемых в разной мере. Задача психологического анализа – отделить подлинные, глубинные импульсы от рациональных объяснений, сконструированных постфактум, что крайне значимо для следственной и судебной практики.

В генезисе противоправного поведения особая роль отводится устойчивым личностным деформациям, формирующимся годами. Это специфический сплав черт, установок и шаблонов реакции, повышающий вероятность правонарушения: эгоцентризм, импульсивность, агрессивность, низкая эмпатия, ригидное мышление, негативизм к социальным институтам. Сами по себе эти особенности не приговор, но они создают психологическую готовность избрать криминальный сценарий при столкновении с провоцирующими условиями. Биология преступников, конечно, не отличается от биологии непреступников, однако с позиций медицины эти две группы не одинаковы: антиобщественный образ жизни, пьянство, потребление наркотиков, длительное пребывание в местах лишения свободы, где преступники не получают полноценной медицинской помощи, весьма негативно сказываются на их здоровье.

Как показывают К.П. Егорова и ее соавторы, преступный поступок – это закономерное, хоть и асоциальное, проявление целостной личности со всей ее противоречивостью [1, с. 965]. Важен анализ не изолированных черт, а системных связей между ценностями, самооценкой, уровнем притязаний и поведением в конфликте. Такой подход позволяет увидеть преступление не как случайный эпизод, а как звено в цепи жизненных выборов индивида.

Наряду с устойчивыми особенностями критическую роль играют ситуационные факторы, выступающие катализаторами. Психология исследует криминогенную ситуацию – комплекс внешних условий, которые субъект воспринимает как побуждающие, облегчающие или оправдывающие нарушение закона. Это может быть опьянение, провокация со стороны жертвы, групповое давление, ощущение безнаказанности. Ситуация актуализирует уязвимые стороны личности, предлагая криминальный сценарий как наиболее доступный выход.

Решение о преступлении далеко не всегда итог рационального расчета. Оно часто созревает в аффекте, при сужении сознания, когда оценка последствий искажается. Или же возникает феномен «нравственного карантина»: индивид временно выводит задуманное за рамки своей обычной морали, используя самооправдания – отрицание ответственности, обесценивание жертвы, ссылку на высшие цели.

Трудно переоценить влияние социально-психологических факторов, таких как принадлежность к определенным группам. Группа может прямо принуждать к

правонарушению или косвенно формировать искаженную систему норм, где преступное поведение героизируется. Усвоение криминальных стандартов, жаргона, моделей поведения – мощный механизм деформации, особенно для молодежи. Идентификация с антисоциальной группой дает чувство защищенности и самоуважения, замещая неудовлетворенные потребности.

Роль познавательных процессов – мышления, восприятия – в генезисе преступного поведения также значима. Для многих правонарушителей характерны когнитивные искажения: склонность враждебно интерпретировать нейтральные действия, гипертрофированное чувство ущемленности, убежденность в справедливости своих претензий. Эти искажения формируют «враждебную картину мира», продуцирующую агрессию как ожидаемый способ взаимодействия. В.В. Тихонова связывает формирование преступного поведения именно с деформацией познавательного компонента, ответственного за адекватное отражение действительности и прогноз последствий [2, с. 188].

Взаимосвязь психологии и уголовного права сегодня область плодотворного взаимодействия. Психологическое знание проникает в юридическую практику, помогая решать вопросы вменяемости, аффекта, достоверности показаний. Более того, как отмечают Д.В. Зиновьева и ее коллеги, понимание психологических механизмов влияет на законодательную политику, способствуя дифференциации ответственности и развитию институтов условного осуждения [3, с. 154]. Это ведет к более гибкому и индивидуализированному правосудию.

Профилактика с психологической точки зрения должна быть многоуровневой. На индивидуальном уровне – развитие эмоционального интеллекта, навыков конструктивного разрешения конфликтов, правосознания. На социально-психологическом – нейтрализация влияния криминальных субкультур, создание позитивных референтных групп. Особое значение имеет сопровождение лиц из группы риска и уже отбывающих наказание, чтобы минимизировать рецидив.

Анализ был бы не полон без учета бессознательных процессов, направляющих поведение помимо воли субъекта. Неотреагированные травмы, вытесненные импульсы могут прорываться в виде немотивированной жестокости. Психоаналитический подход, несмотря на спорность в суде, предлагает объяснительные модели для самых иррациональных форм преступности, где внешние причины не соответствуют масштабу содеянного [4, с. 64].

Данный подход подвергает сомнению концепцию о врожденных свойствах, которые толкают лицо на совершение преступлений, что позволяет говорить о социальных факторах, влияющих на преступное поведение, которые можно отследить и подвергнуть профилактическому воздействию со стороны соответствующих институтов.

Понимание того, что преступное поведение коренится в определенных психологических закономерностях, открывает путь к разработке более обоснованных мер противодействия на всех этапах – от предупреждения до ресоциализации.

Литература

1. Егорова, К. П. Теоретический аспект психологической связи между личностью человека и преступным поведением / К. П. Егорова, О. М. Бутук, А. А. Канищева, А. А. Коняева // Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты / отв. ред. выпуска А. В. Семенов, П. Н. Кравченко. – Москва, 2023. – С. 964–971.

2. Тихонова, В. В. Психологические аспекты в формировании преступного поведения / В. В. Тихонова // Проблемы совершенствования российского законодательства. – Барнаул, 2025. – С. 187–189.

3. Зиновьева, Д. В. Психологические аспекты преступного поведения: как психология влияет на уголовное право / Д. В. Зиновьева, Е. М. Клименкова, А. А. Южиков // Молодой ученый. – 2025. – № 9(560). – С. 154–155.

4. Анисимова, О. А. Психология преступного поведения / О. А. Анисимова // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов. – Москва, 2024. – Т. 12. – С. 62–69.

Рожков Михаил Владимирович,
курсант 2 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Улаева Наталия Львовна,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Институт общественного контроля в Российской Федерации

В условиях современного российского общества государственный механизм непременно претерпевает изменения, связанные в первую очередь с тенденциями в развитии общества. Современный механизм российского государства представляет собой сложнейшую высокоорганизованную систему, от работоспособности и интегрированности каждой из частей которой, безусловно, зависит как функционирование государства, так и благополучие его граждан.

При этом механизм Российской Федерации, как и любого другого современного демократического государства, предусматривает различные системы контроля и надзора. Однако осложняет работу этих систем ряд факторов, связанных как с географической характеристикой России (большая территория), так и с общими трудностями реализации принципов федерализма, в связи с чем невозможно однозначно сказать, что данные системы позволяют решить все проблемы.

В силу этого весомую роль в решении проблем функционирования государственного механизма играет институт общественного контроля. Роль этого института трудно переоценить, поскольку его фактическая работоспособность является одним из важнейших признаков демократического государства. Во многом это связано с тем, что в условиях современного демократического государства одним из важнейших принципов деятельности органов государственной власти всех уровней считается принцип открытости, прозрачности всех процессов, происходящих внутри государственных органов. Именно честность и прозрачность позволяют поддерживать на должном уровне доверие гражданского общества и взаимодействие с этим самым обществом.

Однако данный институт в России в течение последнего десятилетия претерпел значительные изменения, которые, как и ожидалось, привели к появлению существенных проблем в его функционировании. Институт общественного контроля в России организован и действует в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 498-ФЗ) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1]. Среди ключевых положений данного нормативно-правового акта можно выделить закрепление и определение субъектов, форм, а также информационного обеспечения общественного контроля. Что, по сути, предопределяет непосредственную основу функционирования общественного контроля как такового, без чего невозможна объективная оценка эффективности самого российского государственного механизма.

Несомненно, соответствующая оценка может быть осуществлена за счет открытости в деятельности соответствующих органов власти. Конечно, во внимание берутся те действия, которые, согласно действующему законодательству, не являются объектами государственной тайны и элементами конфиденциальности. Однако даже лежащие на поверхности примеры из деятельности субъектов общественного контроля прямо демонстрируют иную картину. Так, органы государственной власти либо вовсе не предоставляют необходимой информации, либо требуют от лиц, управомоченных законом на получение такой информации, предоставления чрезмерного количества документов и разрешений, необходимых для ее получения, многократно повышая бюрократизацию данного процесса и доводя нежелание предоставлять некоторые открытые к доступу сведения до абсурда. Здесь можно привести в пример опыт деятельности правозащитной организации «Мемориал». Архивы различных территориальных органов МВД России длительное время отказывались предоставлять необходимые документы о лицах, репрессированных еще в период так называемого Большого террора, требуя подтверждать родство с лицами, данные о которых запрашивают [2].

В первую очередь, одним из самых критических факторов является излишняя бюрократизация процесса предоставления сведений там, где юридически отсутствуют какие-либо помехи их открытому опубликованию и распространению. Так, с учетом положений вышеназванного федерального закона, а также положений Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 528-ФЗ) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3], граждане и организации имеют право обратиться с обращением в органы государственной власти или в судебные органы, в том числе и за получением информации по интересующим вопросам. Однако на практике этим правом пренебрегают зачастую из-за простого нежелания связываться с бюрократическими механизмами. Об этом, например, свидетельствует и Общественный совет при МВД России. Так, в своем комплексном отчете совет особо подчеркнул, что за последние годы число обращений граждан и юридических лиц в организации общественного контроля при МВД России снизилось на 5% и продолжает снижаться по сей день [4].

Также этот отчет свидетельствует и о некоторых проблемах, связанных с ограниченными ресурсами, что тоже характерно для современного государственного механизма Российской Федерации в целом. Кроме того, следует сказать и о том, что общественный контроль за органами исполнительной власти также ограничивается почти полным отсутствием независимых от государства общественных организаций, которые могли бы непредвзято отслеживать и контролировать их деятельность. На сегодняшний день в России, например, по сути, отсутствуют независимые общественные организации, которые имели бы необходимый доступ к информации о деятельности органов исполнительной власти и могли бы осуществлять ее мониторинг на федеральном, региональном и местном уровнях.

При этом, обращаясь к практике зарубежных стран, следует подчеркнуть, что, например, институт общественного контроля за органами исполнительной власти уже успешно функционирует во многих странах мира. Так, в Великобритании действует Комиссия по рассмотрению жалоб на полицию (Independent Police Complaints Commission), которая занимается расследованием жалоб на действия

полицейских и в целом централизует всю систему надзора и контроля за деятельностью полиции [5].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что роль института общественного контроля в пределах обозначенных в российском законодательстве компетенций и полномочий, а также в оценке эффективности функционирования механизма российского государства, несомненно, высока и, безусловно, важна. В первую очередь это связано с реальным обеспечением реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, защиты интересов всего российского общества, а также реализации целей и задач правового государства. Следовательно, совершенствование функционирования института общественного контроля, а также нейтрализация выявленных в процессе этого контроля несовершенств в функционировании государственного механизма необходимо считать одной из первостепенных задач современного российского государства.

Литература

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 498-ФЗ) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.03.2025).

2. «Мемориал» обратился в МВД по поводу отказов в выдаче архивных справок [Электронный ресурс]. – URL: https://www.memo.ru/ (дата обращения: 11.03.2025).

3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 528-ФЗ) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.03.2025).

4. Отчет о работе Общественного совета при МВД России за 2020-2022 годы [Электронный ресурс]. – URL: ос.мвд.рф/ (дата обращения: 12.03.2025).

Independent Police Complaints Commission [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.uk/ (дата обращения: 13.03.2025).

Рузанова Светлана Игоревна,
судентка 3 курса
Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева

Научный руководитель:
Асанов Нурэлес Таалайбекович
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева

Влияние цифровой экономики на гражданско-правовые отношения

Цифровая экономика – это новая парадигма экономики, построенная на всеобщей сети информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Она представляет собой «всемирную сеть экономической деятельности, коммерческих операций и профессиональных взаимодействий, поддерживаемых ИКТ». Цифровые технологии позволяют обеспечивать массовую автоматизацию обменов, применять передовые платформы и фундаментально меняют традиционные правовые конструкции. Перемена парадигм экономики оказывает прямое влияние и на гражданско-правовые институты: договоры укладываются в электронной форме, появляются новые объекты права (например, криптовалюты, NFT), ставятся вопросы защиты персональных данных и прав пользователей цифровых услуг. В этой связи правовая система должна адаптировать существующие нормы и создавать новые. В статье рассматриваются ключевые аспекты влияния цифровой экономики на гражданско-правовые отношения, в том числе изменения в институтах договора, собственности, обязательств и ответственности, появление цифровых объектов, влияние электронных платформ и смарт-контрактов, особенности защиты персональных данных и электронных доказательств, правовой статус искусственного интеллекта, проблемы трансграничных сделок и мошенничества, а также состояние законодательства Кыргызской Республики и международные тенденции.

Цифровая экономика – это экономика, базирующаяся на цифровых технологиях и данных как ключевом факторе производства. Согласно одному определению, «цифровая экономика – это всемирная сеть экономической деятельности, коммерческих операций и профессиональных взаимодействий, поддерживаемых ИКТ». На практике цифровая экономика выходит за рамки простой «оцифровки»: она объединяет множество передовых технологий (интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, блокчейн и др.) для трансформации бизнес-моделей, рынков и общественных отношений. Важные особенности цифровой экономики – высокая скорость и масштаб распространения сервисов, рост значения нематериальных благ, преобладание сетевых эффектов и платформенной модели.

Для правовой системы это означает необходимость пересмотра традиционных институтов и введения новых правовых категорий. Появляются цифровые записи, ресурсы, цифровые технологии и экосистемы, требующие специального правового определения. Российская доктрина отмечает, что цифровизация «затронула ключевые аспекты гражданского права, включая обязательственные и

вещные отношения, интеллектуальную собственность и правовое регулирование договоров» Так, данные и цифровые ресурсы стали производственным фактором, а производимые ими цифровые продукты (электронные документы, программы, токены и пр.) – новым видом экономических благ. Это требует корректировки понятий «имущество» и «субъект» в гражданском праве. В Кыргызстане задача цифровизации отражена в Цифровом кодексе Кыргызской Республики (принят 18.06.2025, № 178), целью которого является создание «кодифицированной законодательной базы для отношений в цифровой экономике» (например, введены понятия цифровых документов, сервисов и систем). Таким образом, цифровая экономика диктует необходимость модернизации правовой системы: законы должны формализовать новые явления (электронную торговлю, цифровые услуги, ИИ и т.д.) и обеспечить благоприятные условия для инноваций, сохраняя при этом защиту прав участников оборота.

Важную роль в развитии цифровой экономики играет национальная система «Тюндюк». Это единая межведомственная платформа, которая объединяет государственные органы, бизнес и граждан, обеспечивая безопасный обмен данными и электронное взаимодействие без бумажных справок. Через «Тюндюк» граждане могут получать государственные услуги онлайн, оформлять сделки, подписывать документы электронной подписью, регистрировать имущество и получать официальные выписки.

Юридически значимые действия, совершенные через систему, имеют такую же силу, как и традиционные бумажные процедуры, что делает «Тюндюк» реальным инструментом цифрового правового оборота. Кроме того, благодаря этой платформе повышается прозрачность, снижается коррупционный риск, ускоряются гражданско-правовые процессы и повышается доверие к государственным институтам.

Таким образом, «Тюндюк» – это успешный пример того, как цифровые технологии могут укреплять правовую систему и упрощать жизнь граждан в современном обществе.

Цифровые технологии изменяют основные гражданско-правовые институты. Договорные отношения все шире переходят в электронную форму: электронная оферта, акцепт и дистанционный договор признаны эквивалентными бумажным (в КР действует Закон «Об электронной подписи» № 128-2017, который приравнивает усиленную ЭЦП к собственноручной подписи). Электронные площадки и платформы стали новой средой для заключения сделок, где оферты публикуются онлайн, а взаимодействие сторон регулируется алгоритмами. Это требует учета особенностей мгновенного заключения и распространения оферт, а также борьбы с «односторонними договорами» (лицами, вынужденными соглашаться с условиями платформы). Появление смарт-контрактов (программируемых блокчейн-контрактов) бросает вызов традиционному договорному праву. Как отмечается, смарт-контракты требуют нового регулирования: у российской юриспруденции выявлена «недостаточная урегулированность смарт-контрактов и их правоприменения». Смарт-контракты автоматизируют исполнение условий без участия человека, поэтому возникают вопросы, как соотносить их программный код с волей сторон и изменяемым законодательством. Пока смарт-контракты остаются гибридом технологии и договора; они могут рассматриваться как способ совершения

сделки или доказательство сделки, но полный правовой статус требует доработки норм (для чего предлагаются специализированные правила по использованию блокчейна).

В цифровую экономику внедряются новые категории собственности. Традиционный институт собственности основан на осязаемых благах; в цифровой среде собственность выражается через доступ к информации и к средствам генерации цифровых благ. Например, право собственности на криптовалюту приобретается по правилам ее создания и передачи в системе обращения (проекты законов КР о криптовалютах указывают, что право «владеть, пользоваться и распоряжаться криптовалютой» фиксируется в специальной системе). Однако криптовалюты КР пока юридически не являются платежным средством и сами по себе не удостоверяют имущественных прав. Российское законодательство ввело в ГК РФ понятие «цифровые права» как особый вид имущественных прав; туда включены токены, криптовалюта и другие «цифровые активы». Вещные правоотношения охватывают ныне не только физические объекты, но и «цифровые ресурсы» и «записи» (например, в КР в Цифровом кодексе есть определение «владельца цифрового ресурса/цифровых записей»). Переход на цифровые носители также затрагивает традиционные объекты: электронные документы, медиафайлы и т.п. выступают в роли имущества (например, легальные копии книг или видеозаписей). Вещные права по-прежнему регулируются принципами владения, пользования и распоряжения, но теперь объектами могут быть и алгоритмы, данные и токены.

В договорной сфере обязательства заключаются и исполняются в цифровом формате, что требует отыскания критериев исполнения. Возникают автоматизированные обязательства (например, оплата по условию мгновенно после выполнения условия). Здесь актуален вопрос юридической ответственности: необходимо определить, кто отвечает за невыполнение или вред – сам ИИ, его владелец, разработчик или пользователь. Уже сегодня, по общепринятой позиции, искусственный интеллект не обладает самостоятельной правосубъектностью, поэтому ответственность возлагается на людей, задействованных в создании или применении ИИ. Последнее подчеркивает, что развитие ИИ «ставит под сомнение традиционные правовые конструкции, включая субъектность и ответственность в гражданско-правовых отношениях». Например, если автономная система приняла ошибочное решение, то в гражданско-правовых исках должны участвовать люди (создатели или операторы системы). Определение вины или небрежности усложняется автоматизацией, что порождает вызовы для институтов ответственности за вред.

В совокупности цифровая трансформация требует адаптации классических норм: нужны дополнительные критерии для определения момента исполнения (например, цифрового платежа), способы подтверждения факта заключения договора (логи транзакций, цифровые подписи), а также правила приостановления/отмены сделок в Сети (например, «стоп-лист» для мошенников). Реализация этих задач уже нашла отражение в законодательстве КР: Гражданский кодекс дополнен понятиями «электронного сообщения» и «электронной сделки», а законы «Об электронной торговле» и «Об электронной подписи» закрепили правовой статус онлайн-оферт и ЭЦП. По мере развития ИТ-среды все ключевые институты (договор, собственность, обязательства, ответственность) будут трансформиро-

ваться: например, интеллектуальная собственность должна защищать цифровые продукты, а нормы обязательственного права – учитывать специфику онлайн-платежей и подписей.

В цифровой экономике возникают особые виды объектов гражданских прав. Цифровые активы – это имущественные и иные права, содержание и условия которых определяются правилами информационной системы. В России введено понятие «цифровых прав» (ФЗ-34 от 18.03.2019, ст. 141.1 ГК РФ): сюда отнесены права, которые выражены в виде токенов и других цифровых записей. Законопроект КР о криптовалютах («Об обороте криптовалют») также предполагает правовой режим таких активов: криптовалюты определены не как платежное средство и «не удостоверяют имущественных прав», но предусматривается механизм приобретения и перехода права собственности на них на основе технологии блокчейн. То есть виртуальные активы становятся объектами гражданских прав – правда, с ограничениями.

NFT (non-fungibletokens) – уникальные токены, закрепляющие право собственности или иное право на конкретный цифровой товар (произведение искусства, коллекционный файл и т.п.). NFT слабо урегулированы в большинстве стран. Часто рассматривается, что при покупке NFT покупатель получает прежде всего право на копию цифрового объекта или лицензию, а токен лишь подтверждает это право. В гражданско-правовом контексте NFT можно квалифицировать как цифровой актив/право – например, цифровое финансовое или утилитарное право по российскому закону о токенах. Некоторые авторы отмечают, что NFT «представляет собой уникальный код в блокчейн-сети, позволяющий установить право собственности на цифровые объекты». Пока же в России NFT не выделены особым образом в законе, и их статус сводится к признанию цифрового права.

Криптоактивы (биткоины и др.) из соображений стабилизации не являются законным платёжным средством во многих странах. В КР проект закона прямо указывает, что криптовалюты «не являются платежным средством… и не удостоверяют имущественные права». Тем не менее право собственности на криптовалюту может оформляться (при эмиссии или при сделке), и их оборот регулируется требованиями (лицензирование операторов обмена и т.д.). Аналогично в РФ криптовалюты формально считаются цифровыми финансовыми активами (ФЗ-259/2020), но также не приравниваются к деньгам. Таким образом, криптовалюты и токены аккумулируются в разряде особых имущественных благ – цифровых активов.

Новым предметом гражданских прав становятся услуги в цифровом пространстве: подписка на облачный сервис, пользование мобильным приложением, доступ к стриминговому контенту и т.д. По своей природе это нематериальные сервисы, которые предоставляются дистанционно через сети. С точки зрения гражданского права это обязательство оказать услугу (зачастую – в информационно-телекоммуникационной форме). Законы обычно регулируют такие обязательства общими принципами о возмездном оказании услуг, хотя могут вводить особенности (например, об отказе в услугах за долги в платежной системе). Важна и защита прав потребителей цифровых услуг – например, блокировка доступа за мошенничество или неправильные условия оферты может подпадать под признаки недобросовестности.

В целом новые объекты права можно условно разделить на: цифровые активы (криптовалюта, токены, NFT как формы цифровых прав), цифровые ресурсы (данные, цифровые записи, базы данных) и цифровые сервисы/услуги. В КР предстоит развитие: проект Цифрового кодекса рассматривает цифровые активы внутри национальной экосистемы, а Законопроект «Об обороте криптовалют» уже содержит базовые определения (хотя окончательно эти нормы еще не стали законом).

Цифровые платформы и электронная коммерция значительно расширили сферу договорных отношений. Платформы (маркетплейсы, биржи, агрегаторы услуг) выступают посредниками в сделках: они определяют формы сделки (публичная оферта на сайте), устанавливают стандартные условия (TermsofService) и часто аккумулируют данные о контрагентах. Это ведет к трансформации правил заключения договора: оферта может быть опубликована в открытую и акцептоваться через клик (практика «click-wrap» договоров), а договоры становятся массовыми. В правоприменении важно, чтобы участники имели реальную возможность ознакомиться с условиями и выражали волю свободно. В КР это учтено Законом «Об электронной торговле» № 154-2021, который урегулировал интернет-продажи, публичные оферты и ответственность продавцов за качество товаров и услуг. Электронная коммерция тесно связана с потребительским законодательством, включая защиту от мошенничества и нарушения условий дистанционных продаж.

Смарт-контракты – автоматизированные договоры на блокчейне – способны самостоятельно исполнять условия (например, переводить платеж или менять право собственности при наступлении события). Смарт-контракты балансируют между программным кодом и договором. По сути, они являются особой формой цифровой сделки, но с опорой на алгоритм. Гражданское законодательство пока не дает детального определения смарт-контрактов, однако готовится признать их форму договора. Уже в России делаются предложения ввести нормы о правовом статусе смарт-контрактов: это часть общей модернизации Гражданского кодекса. Проблема в том, что код может содержать непредусмотренные ситуации, а традиционные методы расторжения договора неприменимы к уже совершенным транзакциям в блокчейне. Поэтому необходимы специальные принципы (например, возможность отмены или корректировки смарт-контрактов через операторов блокчейна) и национальные стандарты исполнения таких соглашений.

Электронная коммерция в целом меняет и институциональный порядок: например, электронные контракты между нерезидентами ставят вопрос о юрисдикции (какие законы применимы, какой суд компетентен). Международная практика (Конвенция ООН об использовании электронных коммуникаций в международных договорах 2005 г.) направлена на упрощение таких сделок, признавая юридическую силу электронной переписки и подписей между предпринимателями. В целом цифровые платформы ускоряют оборот капитала и расширяют рынки, но порождают новые риски: сбои на платформах могут привести к массовым нарушениям обязательств, а алгоритмическая ценообразовательная политика может затрагивать нормы о недобросовестной конкуренции. Законотворцы и юристы отмечают, что договорное законодательство нуждается в адаптации (например, введение правил о признании электронной оферты заключенной при ее пуб-

личном размещении, о сроках исполнения с учетом сетевых задержек, о порядке арбитража онлайн и т.п.).

С распространением цифровых услуг растет сбор и обработка персональных данных, что требует усиления правовых гарантий конфиденциальности. В Кыргызской Республике действует Закон «Об информации персонального характера» № 58-2008 (в последней редакции 2021), направленный на «правовое регулирование работы с персональными данными… в целях обеспечения защиты прав и свобод человека». Закон устанавливает принципы обработки (должна быть законной, справедливой и прозрачной, использоваться для четко определенных целей и т.д.). Организации обязаны получать согласие субъектов данных, обеспечивать безопасность баз, уведомлять об утечках и давать субъектам право доступа к своим сведениям и их удаления. Таким образом, в гражданско-правовых отношениях цифровой экономики защищаются личные данные граждан как самостоятельный объект прав, а их незаконное использование может вести к компенсации вреда.

Цифровые отношения порождают обилие сведений в электронном виде: переписка, скриншоты, логи транзакций, файлы. При судебных спорах эти данные становятся доказательствами (так называемые электронные, или цифровые доказательства). В КР еще нет единых стандартов для них, но практика развивается: например, нормативные акты предусмотрели эквивалентность электронных документов, подписанных усиленной электронной подписью, бумажным документам с подписью. Верховный Суд КР также разъясняет, что суды не должны отказывать в приеме электронных доказательств только из-за их формы. В частности, суды обязаны признавать достоверными электронные материалы, даже если в них нет совершенных подписи или печати, а также ценить метаданные как доказательства аутентичности. Некоторые рекомендации предписывают допускать оригинальные файлы электронных сообщений в исходном виде, не требовать нотариального заверения распечаток, а удостоверять информацию техническими средствами (например, печатью «сверено с оригиналом» при распечатке веб-страницы). Аналогично в многих странах (Европа, США) ключевые критерии электронного доказательства – доступность, целостность и достоверность цифровых данных (например, eIDAS в ЕС и практики судов США признают электронную переписку и метаданные надежными средствами доказывания).

Таким образом, цифровая экономика ставит задачу формирования правовых механизмов сбора, хранения и представления электронных доказательств: нужна техническая база (серверы для хранения «сырья» доказательств, электронные реестры) и адаптация процессуальных норм, чтобы обеспечить приемлемость цифровых документов и коммуникаций в суде. Одновременно это требует жесткого соблюдения приватности: информация о клиентах, транзакциях и т.п. подлежит защите по правилам о персональных данных.

Искусственный интеллект (ИИ) – это технологическая система, способная на основе данных и заданных целей самостоятельно выносить решения или рекомендации. В правах большинства стран ИИ не обладает правоспособностью и дееспособностью: юридически он не может быть стороной договора или истцом в суде. КР в Цифровом кодексе определяет «систему искусственного интеллекта» как технологическую систему с автономным принятием решений и вводит понятие «ИИ повышенной опасности» (повышает риск вреда). Установлены также

«принципы проектирования, разработки и применения систем ИИ» и «ограничения и ответственность» за их использование (статьи 191–192 кодекса). Однако никакой закон не наделяет ИИ «правосубъектностью».

На практике это означает, что ответственность за действия ИИ несут люди: разработчики, владельцы или операторы системы. Если ИИ-приложение в процессе выполнения контракта причинило ущерб (например, самоуправляемый автомобиль повредил машину), иски будут предъявляться тем, кто внедрил или эксплуатирует такую систему. Юристы отмечают, что развитие ИИ «ставит под сомнение традиционные правовые конструкции, включая субъектность и ответственность», но в праве сохраняется принцип: деяния совершает человек или юридическое лицо. В теории обсуждаются варианты новой ответственности (например, введение вида субсидиарной ответственности за автоответственность), однако практических решений пока немного.

В международном контексте ЕС разрабатывает Акт об искусственном интеллекте (2021), классифицирующий системы ИИ по риску и устанавливающий требования (без предоставления им правосубъектности). В США регулирование ИИ ведется преимущественно на уровне отраслевых стандартов и полисов, без признания ИИ «лицом». В любом случае гражданско-правовые отношения с использованием ИИ пока строятся через посредство людей: например, цифровые ассистенты или чат-боты могут выступать для человека «приспособлением», но юридическая ответственность при неисполнении обязательств ложится на того, кто их применил. В будущем вопросы могут возникнуть при заключении «автоматизированных сделок» (когда ИИ инициирует договор), тогда в догматике пригодятся институты представительства и технического доверия.

Цифровая экономика носит глобальный характер. В интернет-торговле стороны могут находиться в разных странах, что порождает коллизии норм. Какой суд рассматривает спор, какие законы применяются (например, закон места регистрации платформы или место жительства потребителя) – все это регулируется международным частным правом. В ЕС действуют правила (Регламенты «Рим I» и «Рим II», Директивы об электронной коммерции) о выборе права при заключении интернет-договоров. Кыргызстану и другим странам важно учитывать международные конвенции (UNCITRAL и др.) о признании электронных контрактов, а также вырабатывать собственные механизмы (например, включать форс-мажорные или выбор форума в онлайн-оферты). Без ясной юрисдикции возможны правовые коллизии: мошенническая сделка или сбой системы на иностранной платформе создаст сложности в защите прав местных граждан. В целом вопрос унификации правил трансграничной цифровой торговли остается актуальным: страны ведут переговоры о «цифровых соглашениях» (как, например, ЕС обсуждал совместные правила с другими государствами) и участвуют в разработке международных стандартов по электронному документообороту и защите прав потребителей в Сети.

Развитие цифровых технологий породило новые виды преступлений: фишинг (кража через ложные сайты), взлом аккаунтов, диджитализация схем отмывания денег и т.д. В гражданско-правовых отношениях мошенничество может заключаться в недостоверном представлении информации в электронной сделке (например, подделка электронного документа) или внедрении вируса при испол-

нении обязательств. Ответственность за мошенничество с использованием цифровых средств предусмотрена в Уголовном кодексе, а в гражданском праве можно требовать возмещения убытков. Однако технологии позволяют злоумышленникам действовать анонимно и мгновенно, что усложняет правоприменение. Добросовестность сторон также испытывает новые вызовы: например, в сетевом бизнесе стороны могут не иметь возможностей контролировать весь процесс исполнения (доставку товара на маркетплейс обрабатывает подрядчик, пусть и «непосредственно указан» продавцом), что порождает споры о недобросовестной задержке или необоснованном удержании платежей. Законодатель должен предусмотреть правила верификации участников (электронный идентификатор), а суды – критически относиться к попыткам скрыть реальную ответственность за технологические цепочки. Международный опыт призывает укреплять международное сотрудничество (обмен информацией о киберпреступлениях) и разрабатывать стандарты по безопасности (например, обязательная сертификация сайтов, правила «KnowYourCustomer» в криптовалютных биржах).

Гражданское законодательство сталкивается с постоянной технологической эволюцией, поэтому его модернизация – непрерывный процесс. Уже сейчас видно несколько перспективных направлений.

Во-первых, унификация правового режима цифровых активов. Российские эксперты предлагают ввести в ГК единый правовой режим для всех видов цифровых активов (расширив институт цифровых прав). Кыргызстан, соответственно, сможет следить за этим опытом и в Цифровом кодексе определить точный статус токенов, NFT и прочего либо включить их как категории интеллектуальных и имущественных прав.

Во-вторых, регулирование смарт-контрактов и платформ. В России уже обсуждается проект законопроекта об исключительной деятельности с использованием ИТ (чтобы смарт-контракты не остались вне закона). Кыргызстан может ввести понятие «цифровой сделки» или особые условия признания контрактов на базе блокчейна. Важно закрепить права и обязанности участников таких сделок, а также ответственность платформ за дефекты (проблемы «дефектов программы»).

В-третьих, развитие института цифровых прав и искусственного интеллекта. Поскольку ИИ-системы становятся частью экономической инфраструктуры, требуется дальнейшее закрепление принципов их безопасности и ответственности. КР уже предусмотрела нормы об оценке опасности и контроле ИИ. Сейчас важно обеспечить их реальное применение: например, разработать систему сертификации для высокорисковых ИИ (аналог предвидящихся европейских механизмов) и механизмы возмещения вреда, причиненного ИИ (через страховые фонды или гарантийные взносы).

Кроме того, укрепление защиты данных и цифровых прав личности станет ключевым. В Кыргызской Республике Закон о персональных данных работает уже более 15 лет, но потребуется доводить практику до современных реалий (например, закон о «праве на забвение», о переносимости данных, усиление кибербезопасности). С учетом международных обязательств (ЕС настаивает на обеспечении свободного потока данных при адекватной защите) необходимы соответствующие надстройки к закону.

Наконец, развитие законодательства будет идти в направлении технологической нейтральности: законы не должны быстро устаревать при выходе новой технологии. Лучшим решением будет формулировать принципы (общие нормы об электронной форме документов, о признании доказательств, об ответственности цифровых посредников и т.д.), дополняя их специализированными актами по мере надобности. Как отмечают российские исследователи, уже сейчас «модернизация гражданского законодательства в условиях цифровизации является непрерывным процессом, направленным на создание эффективной правовой среды, способствующей развитию цифровой экономики и обеспечению прав и интересов участников цифровых отношений».

Цифровая экономика трансформирует гражданско-правовые отношения в глобальном масштабе. Возникают новые формы сделок, объекты права и способы их доказывания, что требует пересмотра классических институтов договора, собственности, обязательств и ответственности. Адаптация законодательства уже идет: как показал опыт, необходимо сочетать гибкость норм с технологической определенностью. Законодатели КР (и других стран) должны позаботиться о том, чтобы право служило развитию инноваций, не препятствовало бизнесу, но и надежно защищало граждан. К 2025–2030 гг. можно ожидать следующих ключевых изменений: введение полного правового статуса цифровых активов (в т.ч. NFT и криптовалют), формализацию смарт-контрактов, закрепление алгоритмической ответственности ИИ (хотя бы через перспективы страхования), а также усиление гарантий персональных данных. Для этого важно учесть мировой опыт (ЕС, США, РФ) и адаптировать лучшие практики к национальным реалиям. Цифровизация диктует, что гражданское законодательство должно стать эффективным инструментом «правовой инфраструктуры» цифровой экономики, обеспечивая баланс инноваций и охраны прав.

Литература

1. Цифровой кодекс Кыргызской Республики № 178 от 18 июня 2025 г. – Бишкек, 2025.

2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 года № 15 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.08.2025 г.).

3. Об электронной подписи: Закон Кыргызской Республики № 128 от 14 июля 2017 г.

4. Об электронной торговле: Закон Кыргызской Республики № 154 от 23 июля 2021 г.

5. Об информации персонального характера: Закон Кыргызской Республики № 58 от 14 апреля 2008 г.

6. Об электронном управлении: Закон Кыргызской Республики № 127 от 14 июля 2017 г.

7. О нотариате Закон Кыргызской Республики № 54 от 12 мая 2023 г.

8. Об обороте криптовалют: проект Закона Кыргызской Республики. – Бишкек, 2024.

9. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон РФ № 259-ФЗ от 31.07.2020 г.

10. Об электронных идентификациях и доверительных услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке: Регламент (ЕС) № 910/2014 (eIDAS).

11. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных: Регламент (ЕС) 2016/679 (GDPR).

12. Алексеев, С. С. Гражданское право в эпоху цифровизации. – Москва: Норма, 2023.

13. Султанбекова, А. М. Развитие гражданского законодательства КР в условиях цифровой трансформации. // Вестник КРСУ. – 2024. – № 2.

Салапин Максим Александрович,
курсант 3 курса
Рязанского филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Теткин Денис Валентинович,
доцент кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Уголовно-процессуальные аспекты интеграции искусственного интеллекта в мониторинг соблюдения прав человека при предварительном расследовании

В эпоху цифровизации интеграция искусственного интеллекта (далее – ИИ) в мониторинг соблюдения прав человека при предварительном расследовании в уголовном процессе Российской Федерации приобретает особую актуальность, поскольку сочетает потенциал для повышения эффективности досудебного производства с определенными рисками, которые связаны с нарушениями прав и свобод граждан. Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» ИИ определяется как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, что делает его инструментом для анализа больших данных в целях предотвращения нарушений прав, таких как незаконное содержание под стражей или применение принуждения во время производства предварительного расследования [1, с. 1–2].

Актуальность темы подтверждается Национальной стратегией развития ИИ на период до 2030 года, где подчеркивается необходимость обеспечения защиты прав человека при внедрении технологий ИИ, включая сферу деятельности правоохранительных органов, с акцентом на принципы безопасности, прозрачности и технологического суверенитета, чтобы избежать этических конфликтов в ключевых процессуальных вопросах, таких как досудебное расследование [1, с. 3–5]. В научной литературе отмечается, что без специального регулирования применение ИИ в предварительном расследовании может привести к нарушению принципов законности и свободы оценки доказательств, особенно в мониторинге условий содержания под стражей или анализа жалоб на действия следователей, где алгоритмы могут вносить предвзятость или ошибки, подрывая доверие к системе [2, с. 430–432; 3, с. 200–202].

Кроме того, актуальность усиливается глобальными тенденциями: в зарубежных системах, таких как COMPAS в США, ИИ уже используется для превентивной аналитики, но с критикой за дискриминацию граждан по тем или иным признакам, что требует осторожного подхода в РФ для соответствия конституционным принципам равенства и справедливости, как анализируется в работах по предиктивной аналитике в правосудии [3, с. 203–204]. Анализ показывает, что в

РФ интеграция ИИ может способствовать реализации конституционного принципа защиты прав (ст. 2 Конституции РФ), но только при строгом контроле, чтобы избежать системных рисков, аналогичных тем, что приводят к увеличению ложных обвинений или дискриминации уязвимых групп населения в международной практике [4, с. 1–3; 5, с. 21–23]. Конкретный пример из российской практики: в 2024 году статистика Генпрокуратуры РФ выявила рост нарушений на стадии предварительного расследования, связанных с необоснованным продлением ареста, где ИИ мог бы использоваться для предиктивного анализа, но не стоит также исключать, что отсутствие правового регулирования данного технологического подхода также усиливает уже имеющиеся риски [6, с. 89–99].

Мониторинг соблюдения прав человека при предварительном расследовании подразумевает систематический контроль за соблюдением конституционных гарантий, включая презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ), право на справедливый суд (ст. 46 Конституции РФ) и запрет пыток (ст. 21 Конституции РФ), что предполагает не только упреждающие меры, но и превентивный анализ потенциальных нарушений на досудебной стадии [4, с. 5–10]. В контексте ИИ это включает использование алгоритмов для анализа аудио- и видеозаписей допросов, предиктивного моделирования рисков нарушения прав в СИЗО, а также автоматизированного разбора жалоб, поступающих в прокуратуру или Уполномоченному по правам человека, с целью выявления системных проблем, таких как загруженность органов или некачественное медицинское обслуживание. Например, ИИ может обрабатывать данные из систем видеонаблюдения в местах лишения свободы, фиксируя признаки физического насилия или несоблюдения гигиенических норм, что соответствует задачам по защите прав подследственных в соответствии со ст. 21 Конституции РФ [4, с. 5–7].

Однако при всех теоретических подходах Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее –УПК РФ) не содержит прямых норм об ИИ, хотя ст. 164 УПК РФ допускает использование технических средств для фиксации следов преступления, что косвенно применимо к ИИ-системам, включая системы компьютерного зрения для обработки видео [7, с. 164–166]. Принцип законности (ст. 7 УПК РФ) требует, чтобы все процессуальные действия соответствовали федеральному закону, что ставит под сомнение автономное применение ИИ без человеческого контроля, поскольку алгоритмы могут генерировать выводы, не подкрепленные положениями закона, потенциально нарушая баланс интересов сторон [7, с. 20–22]. Анализ научных источников показывает, что такой мониторинг должен учитывать этические аспекты, чтобы избежать автоматизированного произвола, аналогичного зарубежным примерам, где ИИ усиливал предвзятость в оценке рисков рецидива, что в РФ могло бы привести к нарушению принципа равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ) и подорвать доверие к правосудию [5, с. 21–23; 8, с. 240–242]. Наглядный пример: в системах МВД РФ ИИ уже применяется для анализа больших данных из Интернета, что может быть расширено на мониторинг жалоб, но без должного регулирования данный подход рискует игнорировать контекст, приводя к ложным выводам о нарушениях [9, с. 154–156].

Нормативно-правовая база интеграции ИИ в РФ носит фрагментарный характер, но постепенно развивается с целью учета специфики технологий. Конституция РФ устанавливает приоритет прав и свобод человека (ст. 2), требуя, чтобы

любые технологии, включая ИИ, не ущемляли их, в том числе через гарантии равенства (ст. 19) и неприкосновенности частной жизни (ст. 23) [4, с. 1–3]. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в г. Москве» позволяет тестировать ИИ в обработке персональных данных, что применимо к мониторингу прав в уголовном процессе, включая создание условий для безопасного использования алгоритмов в анализе биометрических данных без административных барьеров [10, с. 1–3].

Анализ данного закона показывает, что экспериментальный режим направлен на минимизацию рисков в результате применения ИИ, но в предварительном расследовании подобные технологические решения требуют адаптации, чтобы избежать конфликта с принципами УПК РФ, например, при использовании ИИ для идентификации лиц, пребывающих в розыске [10, с. 2–3; 11, с. 201–203]. Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ вносит изменения в Федеральный закон «О персональных данных», вводя правила обработки данных при использовании ИИ и ответственность за причиненный вред, вступающие в силу с 01.09.2025, с акцентом на минимизацию рисков дискриминации и обеспечение прозрачности решений принимаемых ИИ [12, с. 1–4]. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует обработку биометрических данных ИИ, требуя минимизации рисков, получения согласия субъектов и защиты от несанкционированного доступа, что критично для мониторинга в уголовном процессе, где данные о подозреваемых или потерпевших являются особо чувствительными [13, с. 5–8]. Кодекс этики искусственного интеллекта, утвержденный Альянсом в сфере ИИ в 2021 году, устанавливает принципы приоритета прав человека, прозрачности и ответственности за вред от ИИ, включая рекомендации по надзору за алгоритмами для предотвращения этических нарушений в правоохранительной сфере [14, с. 10–12].

Анализ научных работ подчеркивает, что эти нормы помогают заполнить пробелы в законодательстве, но требуют дальнейшей детализации для предварительного расследования, где отсутствие четко сформулированного федерального закона об ИИ может привести к произвольному применению технологий, как в случае с распознаванием лиц без судебного контроля [8, с. 240–242; 11, с. 201–203]. Наглядный пример: в эксперименте по № 123-ФЗ в Москве ИИ тестируется для анализа данных, что могло бы быть применено для мониторинга в СИЗО, но без этического надзора со стороны человека рискует нарушить фундаментальные права, закрепленные в Конституции РФ [10, с. 1–3; 14, с. 10–12].

Достижения интеграции ИИ в мониторинг прав человека при предварительном расследовании проявляются в повышении эффективности процессуальных действий, что позволяет оперативно реагировать на потенциальные нарушения. Предиктивная аналитика позволяет выявлять факты нарушений на основе больших данных, например, анализируя жалобы в прокуратуру или ЕСПЧ, что оптимизирует ресурсы органов предварительного расследования и способствует превентивным мерам, таким как улучшение условий в местах лишения свободы [3, с. 200–202]. Анализ показывает, что это соответствует принципу гуманизма (ст. 6

УПК РФ), поскольку ИИ может прогнозировать риски, минимизируя случаи пыток или необоснованных задержаний [7, с. 18–20].

В системах МВД РФ ИИ используется для мониторинга оперативных данных, что сокращает время расследования на 20–30%, как показано в исследованиях по внедрению систем анализа больших данных, включая поиск и оценку взаимосвязей среди совершенных деяний. Так, в оперативных подразделениях ОВД РФ на сегодняшний день действует достаточно большое количество аппаратно-программных комплексов (далее – АПК) с интегрированным ИИ. Рассмотрим более конкретно один из них – АПК «Виток-OSINT». Данное технологическое средство является эффективным источником проведения поисково-аналитических мероприятий, способным отражать сведения по заданным параметрам из подключенных к нему источников информации (т.е. включает в себя поиск лиц или транспортных средств на основе больших баз данных (Big Data), анализируемых ИИ). Также в данном вопросе необходимо отметить, что оперативные подразделения ОВД РФ в рамках своей деятельности зачастую прибегают к использованию сторонних информационно-аналитических комплексов мониторинга данных, например «Шерлок», доступ к которому свободный, что делает данный инструмент не только помощником для правоохранительных структур, но и потенциально может использоваться в преступных целях [9, с. 154–156].

ИИ также выступает вспомогательным инструментом следователя, автоматизируя анализ доказательств, включая распознавание речи и лиц на записях допросов, что обеспечивает прозрачность и соответствует принципу публичности (ст. 241 УПК РФ), минимизируя субъективные ошибки человека [2, с. 433–435]. Такие системы способствуют соблюдению сроков предварительного расследования (ст. 162 УПК РФ) и минимизируют человеческий фактор в рутинных операциях, повышая общую объективность процесса и доверие общества к правосудию [5, с. 21–23]. Наглядный пример: в РФ ИИ уже применяется в системах видеонаблюдения для фиксации нарушений в СИЗО, что позволяет оперативно реагировать на жалобы, как в анализе больших данных из Интернета для оперативных подразделений МВД, снижая время расследования преступлений [9, с. 154–156; 11, с. 201–203]. Анализ достижений подчеркивает, что интеграция ИИ может усилить защиту прав, если комбинировать с человеческим контролем, как это рекомендует Кодекс этики [14, с. 10–12].

Вместе с тем риски применения ИИ значительны. Отсутствие правосубъектности ИИ противоречит принципу законности (ст. 7 УПК РФ), поскольку алгоритмы не несут ответственности за ошибки, что может привести к незаконным решениям [7, с. 435–436]. Алгоритмическая предвзятость (bias) в системах предиктивной аналитики, как показано на примере зарубежных систем (COMPAS), может дискриминировать личность по социально-демографическим признакам, нарушая равенство перед законом (ст. 19 Конституции РФ) [3, с. 203–204]. Непрозрачность алгоритмов («черный ящик») затрудняет обжалование решений ИИ, противореча принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ) и праву на защиту [8, с. 240–242]. Свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) несовместима с автоматизированными выводами ИИ, поскольку оценка должна основываться на внутреннем убеждении, а не на алгоритме [10, с. 50–52]. Обработка персональных

данных ИИ рискует нарушить право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), особенно при отсутствии согласия субъекта [14, с. 7–9].

Если рассматривать конкретные правовые аспекты внедрения ИИ в уголовно-процессуальную сферу, то в данной связи необходимо отметить, что внедрение систем распознавания лиц в уголовном процессе без четких оснований может привести к ошибочной идентификации, что повлечет необоснованное ограничение свободы [11, с. 201–203]. Ложные срабатывания ИИ в мониторинге видеозаписей допросов могут быть интерпретированы как доказательства вины, нарушая презумпцию невиновности [9, с. 157–159]. В научных исследованиях подчеркивается, что без обязательного человеческого контроля ИИ снижает доверие к правосудию и может привести к системным ошибкам [5, с. 24–25].

Уголовно-процессуальные аспекты требуют адаптации норм УПК РФ. ИИ может использоваться как техническое средство (ст. 164 УПК РФ), но решения, основанные на его выводах, подлежат обязательной верификации человеком во избежание нарушения принципа свободы оценки доказательств [7, с. 436]. В данной связи рекомендуется внести изменения в УПК РФ, предусматривающие: обязательный экспертный надзор и оценку ИИ-систем; запрет на использование ИИ в принятии окончательных процессуальных решений; введение этического контроля в соответствии с Кодексом этики ИИ [2, с. 13–15]. Также видится необходимым принятие отдельного законодательного акта об ИИ, который в полной мере мог бы регулировать его применение в уголовном процессе с акцентом на фундаментальные права человека.

Таким образом, баланс между достижениями и рисками возможен при условии усиления нормативно-правового регулирования, обеспечения прозрачности алгоритмов и приоритета человеческого контроля. Только так интеграция ИИ будет служить укреплению, а не подрыву прав человека в уголовном процессе РФ.

Литература

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. – № 41. – Ст. 5700. – С. 1–15.

2. Папышева, Е. С. Искусственный интеллект и принципы уголовного судопроизводства: проблемы совместимости // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. –№ 5. – С. 430–436.

3. Костенко, Р. В., Ильяшенко, А. Н. Будущее уголовного правосудия: роль искусственного интеллекта в предиктивной аналитике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3(103). – С. 200–206.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398. – С. 1–25.

5. Сушина, Т. Е., Собенин, А. А. Перспективы и риски использования ИИ в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2020. – № 6. – С. 21–25.

6. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-процессуальное обеспечение применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 2(74). – С. 89–99.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – С. 1–300.

8. Химичева, О. В., Андреев, А. В. Некоторые замечания о принципах использования технологий ИИ в уголовном судопроизводстве России // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 240–243.

9. Кубасов, И. А., Лекарь, Л. А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 3(67). – С. 154–161.

10. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в г. Москве: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701. – С. 1–10.

11. Андреева, О. И. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования ИИ // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 201–212.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования обработки персональных данных с использованием искусственного интеллекта: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 32. – Ст. 5123. – С. 1–12.

13. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31(ч. 1). – Ст. 3451. – С. 1–15.

14. Кодекс этики искусственного интеллекта (утв. Альянсом в сфере искусственного интеллекта, 2021) // Официальный сайт Альянса в сфере ИИ. – URL: https://ai.gov.ru/ethics (дата обращения: 05.11.2025).

15. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. – 321 с.

16. Шестакова, Л. А., Кочнев, М. Е. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ // Юридический аналитический журнал. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 15–25.

Самусенко Александр Андреевич,
студент 1 курса магистратуры
Алтайского государственного педагогического университета

Научный руководитель:
Жданова Нина Сергеевна,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент

Правовое регулирование российской кооперации в 1920-х годах: возрождение традиций в новых исторических условиях

Развитие российской кооперации 1920-х годов представляет собой уникальный исторический опыт самоорганизации общества, необходимый для осмысления в контексте современных поисков моделей устойчивого экономического развития. Потенциал кооперации как инструмента, сочетающего хозяйственную эффективность с социальной ответственностью, базируется на традициях общинности и соборности, что особенно значимо в современных условиях актуализации вопросов социально-экономической политики. Поэтому целесообразно изучить специфику правового регулирования и исторической роли кооперации в России в 1920-е годы как формы возрождения традиционных начал в новых исторических условиях. Соответственно, задачами являются выявление традиционных основ российского правосознания, повлиявших на кооперативное движение, изучение правовых и организационных механизмов регулирования кооперации, оценка противоречий между государственным контролем и самоуправлением в кооперативах, определение причин трансформации кооперативной модели в конце 1920-х годов.

Сегодня идет интенсивный процесс осмысления и переосмысления отечественного исторического опыта в развитии кооперации. Имеется ряд фундаментальных исследований, посвященных как общим вопросам традиционных правовых ценностей [1, с. 33-67; 2, с. 127-139], так и специальных работ по кооперативному движению [3, с. 45-52; 4, с. 100-130]. Ключевые современные исследователи, такие как А.В. Бунин, уделяют значительное внимание изучению сельскохозяйственной кооперации, анализируя ее потенциал для развития аграрного сектора в российских условиях [3, с. 45-52]. В трудах В.Л. Телицына и П.А. Корягина раскрываются историко-правовые аспекты кооперации, ее идеологические основы и практика реализации в условиях новой экономической политики [4, с. 50-70; 5, с. 110-118]. Однако комплексный анализ кооперации как формы возрождения традиционного правосознания в советский период остается актуальным и требует дальнейшей разработки.

Термин «кооперация» (от лат. cooperatio – совместное действие) в экономическом смысле означает добровольное объединение людей или организаций для достижения общих хозяйственных целей через совместную деятельность и рас-

пределение результатов, что в российской традиции исторически воплощалось в формах артели, складчины и других видах коллективного хозяйствования.

В российской традиции кооперацию часто воспринимали как логическое развитие исконных форм коллективизма – общины, артели и складчины, – видя в ней способ выживания и взаимной поддержки в суровых условиях. Социальные утописты, такие как Роберт Оуэн, видели в кооперации не просто хозяйственный инструмент, а готовую ячейку будущего справедливого общества, основанного на братстве и сотрудничестве, а не на конкуренции. С приходом советской власти сформировалась прагматичная государственная (этатистская) точка зрения, согласно которой кооперация стала в первую очередь инструментом партийно-государственного контроля над экономикой, особенно в период НЭПа, когда нужно было восстановить сельское хозяйство, не отказываясь от командных высот. В противовес этому классическая либерально-экономическая теория рассматривает кооперацию как добровольный и эффективный союз самостоятельных хозяев (крестьян, ремесленников, потребителей), который позволяет им конкурировать с крупным капиталом через совместные закупки, сбыт и кредитование. Наконец, марксистско-ленинская доктрина заняла двойственную позицию: при капитализме кооперация считалась частью буржуазной системы, но после революции, по ленинскому «кооперативному плану», она была объявлена мирным и постепенным путем перехода крестьянства к социализму через коллективизацию.

Развитие кооперации в 1920-х годах невозможно понять без учета глубинных традиций российского правосознания. Исторически опыт хозяйственной жизни в суровом российском климате основывался на традициях общинности и соборного единства, основанных на общности интересов, совместных, согласованных действиях, старательном исполнении собственного долга. Соборность и поддержание общности интересов многонационального народа выступили особенностями русского человека, стали основой национального мировоззрения и правосознания, сформировали специфические черты правовой ментальности. Способность всех участников гражданского оборота обеспечить «соборное» функционирование хозяйственной системы способствует повышению общественной морали, росту национального самосознания. Мировоззренческой проблемой является поиск способов совмещения предпринимательской деятельности с соблюдением этических и нравственных норм. Русская крестьянская община издревле практиковала подлинную трудовую ассоциацию в форме артели, вырабатывая привычку к совместному, артельному действию, понимание экономической взаимозависимости всех членов общества. Гражданские общности (кооперативы, товарищества, союзы) исторически воплощали ценности самоорганизации, социальной защищенности, общего управления [1, с. 33-67; 6, с. 212]. При этом ценности уходили корнями в общинный и артельный уклады жизни, где «труд определял отношение человека к земле и иным объектам гражданских прав» [1, с. 139].

Опыт хозяйственной жизни и предпринимательства в России с ее традициями общины, кооперации позволяет осмыслить способы совершенствования экономики через более глубокое познание законов природы и нравственное совершенствование людей. Существовала прямая зависимость типологических черт русского человека от природных условий жизни. Стойкость и мужество в преодолении препятствий, напряженность труда, предприимчивость, постоянный поиск

новых решений в хозяйствовании, привычку к совместному, артельному действию воспитывали природные условия. Существовавший артельный взгляд на семью как единый субъект права подчеркивал важность хозяйственной общности интересов не только в трудовых, но и в семейных правоотношениях. Артельный взгляд русского человека на систему гражданских правоотношений означал стремление к сохранению хозяйственной состоятельности каждого члена общества как основы всеобщего благополучия [1, с. 140]. Принцип круговой поруки в кооперативе, как и любом другом русском общественном объединении, выражал артельный дух наиболее ярко. Производственный принцип труда выступал первоосновой по сравнению с социальным. Производительный труд являлся основой жизни в русском обществе, и ставились задачи постоянного усложнения труда [7, с. 19; 8, с. 314]. В процессе практической трудовой деятельности формировалось чувство ответственности за собственный труд и результат коллектива. Значимым последствием включения в трудовую деятельность является уничтожение социальных различий и приведение к социальной норме даже асоциальных индивидов. Продуктивно-ориентированная хозяйственная мотивация включала созидательный, добросовестный труд, служение общему благу, честным путем приумноженную собственность.

Советский период российской государственности во многом основывался на исконно русских традициях, переработанных с учетом социалистической идеологии. Большевистское правительство, вводя новую экономическую политику, было вынуждено апеллировать к традиционным формам самоорганизации для восстановления разрушенной экономики. Таким образом, кооперация периода Новой экономической политики стала своеобразным мостом между дореволюционной гражданско-правовой культурой и советской экономической моделью, где государство исторически выступало как активный организатор производства и торговли, регулятор экономических отношений.

Восприятие кооперации как прежде всего трудового объединения, основанного на коллективной собственности, было центральным для ее идеологического и правового оформления в 1920-е годы. В русской традиции основой народного наследственного права была общность семейной собственности и трудовое, а не родственное начало. Данный принцип был напрямую перенесен в кооперативное законодательство. Уставы кооперативов подчеркивали, что членство основано на личном трудовом участии, а не на размере паевого взноса. Доход распределялся не только по паям, но и по труду, вложенному в общее дело, что воспроизводило принцип испольного договора, при котором «один давал землю, другой – труд», а результат считался общим имуществом.

Система кооперации была дифференцирована по отраслям:

– сельскохозяйственная кооперация (артели, товарищество по совместной обработке земли) занималась совместной обработкой земли, сбытом продукции и снабжением;

– промысловая кооперация объединяла кустарей и ремесленников, организуя закупку сырья и сбыт готовых изделий;

– потребительская кооперация создавала сеть магазинов для снабжения населения товарами, борясь с спекуляцией;

– жилищно-строительная кооперация решала острейшую жилищную проблему в городах.

Государство выступало как активный организатор производства и торговли, регулятор экономических отношений и рынка в интересах всего общества, что обеспечивало динамизм всей общественной жизни. Политика государства в отношении кооперации в 1920-е годы была двойственной: с одной стороны, ей предоставлялась широкая автономия, с другой – она жестко интегрировалась в систему государственного управления.

Государство создавало для кооперативов максимально благоприятные условия. Во-первых, предоставлялись налоговые льготы, что выражалось в том, что кооперативы освобождались от ряда прямых налогов или платили их по сниженным ставкам [5, с. 112]. Во-вторых, осуществлялась кредитная поддержка, когда через кооперативные банки (Всекобанк, Сельхозбанк) и Госбанк предоставлялись целевые займы на льготных условиях [4, с. 78]. В-третьих, имелись преференции в госзакупках, когда кооперативы получали выгодные государственные заказы и за ними закреплялся приоритет в снабжении дефицитными материалами и оборудованием.

Для государства кооперация зачастую является формой, решающей как сиюминутные, так и глобальные стратегические задачи. Так, в период Новой экономической политики кооперация была единственным работающим инструментом, чтобы поднять экономику из руин без крупных государственных затрат. Вместо того чтобы пытаться достучаться до каждого из 25 миллионов разоренных крестьянских дворов, государство сделало ставку на их самоорганизацию. Именно через сельскохозяйственные кооперативы крестьяне сами, объединив скудные средства, покупали технику и улучшали землю, повышая урожайность. Потребительская кооперация стала главным каналом товарообмена между городом и деревней, доставляя в села мануфактуру и керосин и вывозя оттуда хлеб, а также эффективным буфером, смягчавшим недовольство деревни и вытеснявшим с рынка частного торговца-нэпмана.

Однако главным тактическим мастерством государства стало создание кредитной кооперации, которая совершила почти магическое действие: аккумулировала сбережения крестьян и через систему кооперативных банков направляла их на финансирование восстановления промышленности. Государство, не вкладывая ни копейки, получало мощный финансовый насос, перекачивающий ресурсы из аграрного сектора в промышленный.

Вместе с тем за кооперацией как тактическим спасением скрывался далеко идущий стратегический план. Большевики видели в частном крестьянском хозяйстве угрозу – питательную среду для капитализма. Кооперация же стала для них идеальным переходным мостиком. Через простые и понятные крестьянину формы – артель, товарищество – миллионы людей добровольно вовлекались в коллективный труд. Кооперативы стали настоящей «школой коллективизма», готовыми организационными ячейками для будущих колхозов. Более того, выстраивая многоуровневую систему кооперативных союзов, государство создавало прочный управленческий каркас для будущего тотального контроля над деревней. Вместо хаоса миллионов единоличников появилась стройная вертикаль, через которую было легко спускать планы и директивы. К концу 1920-х годов, когда первый этап

восстановления был завершён и страна взяла курс на форсированную индустриализацию, необходимость в сложном компромиссе отпала. Кооперация, выполнив свою роль спасательного круга и троянского коня, была либо ликвидирована, либо полностью поглощена государственной системой колхозов. Историческая миссия кооперации – спасти экономику и подготовить базу для ее последующего преобразования – была выполнена. Завершившийся цикл развития кооперации проявлялся в создании кооперативами касс взаимопомощи, больниц, школ и библиотек, что превращало их не просто в хозяйственные единицы, но и в полноценные социальные институты.

Кооперация провозглашалась «школой социализма» для крестьянства и кустарей. Партийные и советские органы на местах получили установку содействовать развитию кооперации, что на деле часто означало прямое административное вмешательство в их деятельность. Для превращения разрозненных кооперативов в единый, управляемый организм государство провело масштабную работу по их организационно-правовой унификации и построению стройной вертикали: первичные кооперативы на местах; районные, областные и краевые союзы; всероссийские и всесоюзные центры (Центросоюз, Сельскосоюз, Всекопромсовет). Данная система позволяла сочетать местную инициативу с централизованным планированием и распределением ресурсов, воплощая принцип «соборного строя народной жизни» [1, с. 135].

Разработанные типовые уставы для каждого вида кооперативов стандартизировали порядок вступления и выхода, права и обязанности членов, структуру управления (общее собрание, правление, ревизионная комиссия) и порядок распределения прибыли [4, с. 79-83]. Унификация имела и обратную сторону: кооперативы постепенно теряли самостоятельность, превращаясь в придаток государственного аппарата. Планы кооперативов стали включаться в общие народнохозяйственные планы, а назначение руководителей все чаще согласовывалось с партийными органами.

Несмотря на бурный рост к концу 1920-х годов, в развитии кооперации накопились серьезные противоречия. Между принципом самоуправления и усилением государственного контроля нарастало напряжение. Члены кооперативов нередко воспринимали их не как «свои» организации, а как еще одну государственную структуру. Ротация руководства замедлялась, возникал слой «кооперативной бюрократии», что противоречило изначальным принципам выборности и коллегиальности.

С началом свертывания Новой экономической политики и курса на сплошную коллективизацию кооперативная модель, основанная на добровольности и хозяйственной самостоятельности, вошла в противоречие с планами форсированной индустриализации. В начале 1930-х годов большинство форм кооперации (кроме потребительской и промысловой в урезанном виде) были ликвидированы или преобразованы в колхозы, полностью подконтрольные государству.

Таким образом, выявление традиционных основ российского правосознания подтвердило, что кооперативное движение в период новой экономической политики стало формой возрождения традиционных начал общинности, соборности и артельного духа. Данные ценности, укорененные в русской правовой ментальности, обеспечили идеологическую и организационную основу для массового во-

влечения населения в кооперативы. Изучение правовых и организационных механизмов регулирования кооперации показало, что государство, с одной стороны, создавало благоприятные условия для развития кооперативов, а с другой – проводило политику организационно-правовой унификации, выстраивая вертикаль управления от первичных кооперативов до всероссийских центров.

Оценка противоречий между государственным контролем и самоуправлением выявила нарастающее напряжение между декларируемыми принципами кооперативной демократии и усилением административного вмешательства. Это привело к бюрократизации кооперативов, потере их самостоятельности и превращению в инструмент государственной политики. Определение причин трансформации кооперативной модели в конце 1920-х годов связано с изменением стратегических задач Советского государства. Кооперация, выполнив свою роль восстановления экономики и подготовки базы для коллективизации, утратила значение в условиях форсированной индустриализации и была либо ликвидирована, либо интегрирована в огосударствленную систему колхозов. Кооперация в 1920-е годы стала уникальным явлением, сочетавшим традиционные формы самоорганизации с новыми историческими условиями советского государства. Она не только способствовала экономическому восстановлению страны, но и подготовила почву для последующих радикальных преобразований, демонстрируя как потенциал, так и ограничения возрождения традиционных начал в условиях модернизации.

Литература

1. Васев, И. Н. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX вв.) / И. Н. Васев, К. А. Синкин, А. А. Васильев. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 326 с.

2. Овчинников, А. И. Традиционные ценности в правовой политике современной России / А. И. Овчинников // Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного: межвузовский сборник статей / под редакцией В. В. Сорокина. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2013. – 260 с.

3. Бунин, А. В. Аграрный сектор и кооперация: исторический опыт и современность / А. В. Бунин // Экономика сельского хозяйства. – 2021. – № 5. – С. 45–52.

4. Телицын, В. Л. «Кооперативный идеал» и советская практика: взлет и падение кооперации в СССР (1917-1930) / В. Л. Телицын. – Москва: Изд-во МГОУ, 2005. – 210 с.

5. Корягин, П. А. Кооперативное право в СССР в 1920-е годы: становление и развитие / П. А. Корягин // Журнал российского права. – 2008. – № 5. – С. 110–118.

6. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. V. Гражданское право России: монография / под редакцией А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 392 с.

7. Орехов, А. М. Философия экономики в России: рождение традиции: монография / А. М. Орехов. – Москва: ИНФРА-М, 2012. – 176 с.

8. Жданова, Н. С., Пономарева, О. М. Формирование знаний о гражданских правоотношениях в обществоведческом курсе современной общеобразовательной школы / Н. С. Жданова, О. М. Пономарева // Право и управление. – 2025. – № 7. – С. 310–316.

Степанищева Светлана Евгеньевна,
курсант 3 курса
Барнаульского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Гнездилова Евгения Владимировна,
доцент кафедры иностранных языков
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

Обеспечение защиты прав детей в условиях войны

Наше государство всегда признавало и будет признавать высшей ценностью жизнь человека и его благополучие. Законодательство Российской Федерации направлено на обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан. К сожалению, в мире регулярно возникают ситуации, когда права человека оказываются ущемлены или недостаточно защищены из-за различных факторов и обстоятельств. Войны как трагичное явление преследовали человечество на протяжении всей его истории. Вооруженные конфликты приводили к негативным последствиям для граждан, их жизни, здоровья, благополучия. Если взрослые могли хоть как-то повлиять на ситуацию и защитить себя, то дети сделать это не в силах. Более того, семья и дети издавна считаются одними из главных ценностей общества. Особое положение ребенка объясняется его физической и психологической незрелостью, что не позволяет ему самостоятельно защищать свои права и интересы. В любом вооруженном конфликте, вне зависимости от его масштаба, гибнут люди, в том числе дети, которые являются наиболее уязвимыми членами общества. Именно поэтому обеспечение защиты прав детей является одной из приоритетных задач.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на все усилия, касающиеся поддержания среди государств мира, вооруженные конфликты все равно возникают в разных уголках планеты. Нарушение прав детей может привести к психологическим травмам несовершеннолетних, проблемам с образованием, социализацией и дальнейшим развитием, что сказывается на будущем общества в целом. Потребность в помощи детям, пережившим травмы войны, становится все более очевидной.

Цель работы: проанализировать эффективность существующих механизмов правовой и социальной защиты детей, находящихся на линии фронта, выявить пробелы в их реализации и предложить рекомендации по их совершенствованию.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона № 124-ФЗ от 24 июля 1998 года (с изменениями от 4 ноября 2025 года) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» под ребенком понимается человек, не достигший восемнадцатилетнего возраста, то есть совершеннолетия. Государство гарантирует защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, опираясь как на российское законодательство, так и на общепризнанные нормы международного права в области прав человека. Исходя из того, что любой ребенок, как и любой человек, обладает фундаментальными правами, включая право на жизнь и свободу, в усло-

виях вооруженных столкновений ответственность за обеспечение его благополучия возлагается на стороны, которые являются вовлеченными в конфликт [1].

Вооруженные противостояния оказывают огромное деструктивное влияние на детей как на наиболее незащищенную категорию населения. Они становятся либо безвинными жертвами развязанных войн, либо, вовлеченные в водоворот событий, принимают в них прямое участие. Трудно сказать, кто именно виновен в таком беспределе – семья или государство в целом, но ясно одно: это проблема государственного масштаба, ибо государство является гарантом прав и свобод человека и гражданина, а новое поколение – гарантом мирного будущего страны [2].

В условиях войны дети лишены возможности получать полноценное образование и воспитание, становятся легкой добычей для манипуляторов, подвержены обману со стороны взрослых. Кроме того, они часто становятся жертвами преступлений, наносящих ущерб их физическому и психологическому здоровью и представляющих угрозу для их жизни.

Во время вооруженных конфликтов множество детей сталкиваются с похищениями, сексуальным насилием, вербовкой в вооруженные формирования и убийствами, становятся объектами различных спекуляций и эксплуатации.

Вопрос о юридической защите детей на международном уровне впервые был поднят после Второй мировой войны. Сложная мировая ситуация того времени обусловила необходимость создания нормативных документов, гарантирующих соблюдение прав человека. Был сформирован комплекс законов, всесторонне обеспечивающих защиту прав личности, включая и детей.

В 1948 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, в которой зафиксировано признание особого статуса детей, нуждающихся в специальной защите. В 1959 году был разработан и принят специализированный документ, посвященный исключительно правам несовершеннолетних, – Декларация прав ребенка, которая послужила основой для дальнейшего совершенствования системы защиты прав детей [3].

Впоследствии Комиссия по правам человека приступила к рассмотрению проекта Конвенции о правах ребенка. Работа над текстом документа велась несколько лет и завершилась в 1989 году. К 1997 году значительное число государств присоединилось к Конвенции о правах ребенка [4].

Российская Федерация, являясь участницей множества международных соглашений, также активно участвовала в формировании и развитии системы защиты прав несовершеннолетних в условиях вооруженных конфликтов.

В настоящее время многие законы России направлены на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Это Конституция РФ; Уголовный кодекс РФ; Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ; Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ; Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ; Указ Президента РФ от 29.10.2009 № 1219 «О дополнительных мерах по усилению социальной защиты детей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, погибших (умерших), пропавших без вести при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей)»; Указ Президента РФ от 28.12.2012 № 1688 (ред. от

14.11.2017) «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и многие другие.

Кроме этого, в связи со специальной военной операцией вводятся новые законы, которые устанавливают льготы, пособия для детей участников. Они связаны с образованием, здоровьем, благополучием жизни несовершеннолетних. Это является ярким примером защиты прав детей в период вооруженных конфликтов.

Политика государств должна быть направлена на усиление роли международных судов. Одна из первоочередных задач государственной политики – укрепление влияния международных судебных инстанций с целью преследования виновных в военных злодеяниях против несовершеннолетних. Также критически важно разработать систему выплат компенсаций детям, пострадавшим в результате вооруженных столкновений. Необходимо гарантировать беспрепятственный доступ гуманитарных миссий к детям, нуждающимся в помощи как во время военных действий, так и после их завершения. Не менее важно организовать защищенные маршруты для эвакуации детей из зон активных боевых действий.

В период войны доступ к образованию очень часто является ограниченным для детей, а иногда и невозможным. В настоящее время с развитием информационных технологий появилась возможность использования дистанционных технологий обучения. Для этого государство должно обеспечить детей необходимым оборудованием и доступом к Интернету.

Война негативно сказывается на психике ребенка, поэтому все дети должны иметь доступ к медицинской помощи, включая психологическую и психиатрическую. На законодательном уровне необходимо отрегулировать разработку и внедрение комплексных программ психологической поддержки и реабилитации для детей, которые переживают травмы войны. С несовершеннолетними должны работать специалисты, которые помогут ребенку выйти из стресса, депрессивного и иного состояния.

Не все аспекты в полной мере отрегулированы законом, поэтому существует необходимость трансформации законодательства как на уровне страны, так и на международном уровне, чтобы в итоге защитить ребенка в период вооруженных конфликтов.

Война всегда была негативным явлением для человечества, влекла за собой самые неблагоприятные последствия для граждан. Она губила жизни и здоровье многих людей. Дети, которые в период войны потеряли своих родителей, дом, друзей, попали в сложную жизненную ситуацию, всегда нуждаются в помощи.

Изучив историю появления нормативно-правовых актов, связанных с защитой прав детей в период вооруженных конфликтов, а также проанализировав их, можно сделать вывод, что необходимы некоторые поправки в законах. Кроме этого, важно обеспечить социальную защиту несовершеннолетним, которую также должно регулировать государство.

Подчеркнем, что жизнь, здоровье и благополучие подрастающего поколения-важнейший приоритет, особая ценность для государства и общества. Дети нуждаются в постоянной заботе и защите со стороны органов власти. Обеспечивая благоприятную среду для всестороннего развития детей – интеллектуального,

морального и физического, – государство создает прочную основу для дальнейшего прогресса социума, развития всей страны.

Литература

1. Борченко, В. А., Долганова, Н. В. Защита прав несовершеннолетних в период вооруженных конфликтов // Вестник Прикамского социального института. – 2016. – № 1(73). – С. 19–23.

2. Инаева, Д. Д. Дети в вооруженных конфликтах // Молодой ученый. – 2017.– №º 4(138). – С. 594–596.

3. Трифонов, В. А, Юрасова, П. А. К вопросу о защите прав детей в период вооруженных конфликтов // THEORIA: педагогика, экономика, право. – 2021. – № 2(3). – С. 42–50.

Батырь, В. А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов (2-е издание, переработанное и дополненное). – Москва: Юстицинформ, 2011. – 361 с.

Стешина Елизавета Алексеевна,
студентка 4 курса
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университет правосудия
им. В.М. Лебедева

Научный руководитель:
Стронская Анна Дмитриевна,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

К вопросу о запрете медицинских и иных опытов с привлечением осужденных лиц

Положения уголовно-исполнительного законодательства российского государства предусматривают, что «осужденные независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований» (ч. 3 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [1].

Вопрос абсолютного запрета опытов или их ограничения по отношению к осужденным был проработан не только на национальном, но и на международном уровне. Например, Токийские правила, принятые Генеральной Ассамблеей ООН, устанавливают, что «не связанные с тюремным заключением меры исключают проведение медицинских или психологических экспериментов над правонарушителем или неоправданный риск причинения ему физической или душевной травмы» [2]. Указанное положение формирует правовую гарантию и своего рода международный стандарт.

Рассматриваемый вопрос не обошел стороной и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, который в ст. 7 весьма лаконично указывает, что «ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам» [3]. Вышеназванный пакт носит общий характер, следовательно, содержание данной статьи уместно применить и по отношению к осужденным, чье человеческое достоинство также заслуживает внимания.

При этом важно отметить, что указанная норма российского кодифицированного акта является весьма весомой новеллой для правовой системы России в целом: до 2009 г. законодатель не допускал лишь те опыты (как медицинского, так и немедицинского характера), которые ставят жизнь и здоровье осужденных под угрозу. Как видно, вопрос правового положения осужденных в контексте регулирования биомедицинского вмешательства был в корне переосмыслен. Ограничение применения сменилось абсолютным запретом, даже при добровольном

согласии лица. Нововведения были связаны со стремлением повысить уровень гарантированной безопасности осужденных, однако эта законодательная инициатива, переросшая в принятый федеральный закон, создала плодотворную почву для научных дискуссий.

Довольно интересным нам кажется мнение правоведа А.П. Титаренко, который вынес тезис о позиционировании абсолютного запрета опытов как нарушения их права на охрану здоровья, поскольку в значительной мере ограничивает выбор формы и методов лечения [4]. Данный тезис, на наш взгляд, имеет смысл. Дефиниция «опыты» в контексте современного мира уже давно потеряла негативный оттенок в силу ужесточения правового регулирования, развития механизма государственного контроля и реализации принципа гласности как одного из фундаментальных принципов постсоветского российского государства. На сегодняшний день опыты представляют исключительно научную значимость и не могут трактоваться как одна из форм наказания. Биомедицинские исследования имеют своей целью поиск новых способов лечения и улучшения самочувствия пациентов, и их проведение не может быть осуществлено с нарушением базовых принципов защиты личности – в частности, не допускается бесчеловечное обращение и унижение достоинства, что прямо закреплено в ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации [5].

Однако, по нашему мнению, наблюдается определенное противоречие в нормах федерального регулирования: между Конституцией РФ и УИК РФ. Так, ст. 21 Конституции РФ предусматривает, что «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Таким образом, основной закон страны отводит ключевую роль в вопросе установления допустимости опытов именно факту добровольного согласия. Положения же кодекса исключают проведение опытов в принципе, вне зависимости от волеизъявления лица, что, на наш взгляд, излишне ограничивает правовой статус осужденного, вводя необоснованный запрет и юридическую коллизию.

Мы согласны и с дальнейшей мыслью А.П. Титаренко: он настаивает на новой редакции ч. 3 ст. 12 УИК РФ, которая, наоборот, закрепляла бы право осужденных на лечение и биомедицинское исследование даже с неподтвержденной эффективностью.

Более того, нам кажется не совсем уместным нахождение тезиса законодателя о запрете опытов именно в ст. 12 УИК РФ, которая посвящена в большей части правам осужденных. На наш взгляд, куда логичней разместить эту норму в ст. 13 УИК РФ, поскольку запрет опытов видится нам скорее элементом механизма гарантий личной безопасности осужденных. Однако, если же допустить мысль об изменениях содержания ч. 3 ст. 12 УИК РФ, предложенных правоведом, то нахождение права на опыты среди прочих прав осужденных не будет нарушать общей логики построения кодекса.

Законодатель продолжил развивать идею запрета опытов над осужденными и в нормах отраслевых актов – в частности, наиболее полно это отражено в ст. 26 Федерального закона № 323-ФЗ [6]. Раскрывая понятие клинической апробации, Закон накладывает своего рода вето на привлечение к ней некоторых категорий лиц, а именно задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в

виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста.

Однако и тут мы видим несовершенство юридической техники, и снова на федеральном уровне. Ведь федеральный закон закрепляет запрет не ко всем осужденным, а лишь к лицам, чья свобода передвижения была ограничена мерами уголовно-процессуального характера. В свою очередь, ч. 3 ст. 12 УИК РФ вводит общий запрет – по отношению ко всем осужденным в принципе.

Справедливым будет отметить, что запрет медицинских и иных опытов с привлечением осужденных лиц, носящий подчеркнуто абсолютный характер, с одной стороны, выступает определенной гарантией их личной неприкосновенности и защиты от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, что реализует установки, предписанные как минимум Конституцией РФ. Тем не менее, на наш взгляд, абсолютный характер запрета не является уместным и оправданным. Да, это, разумеется, служит мерой защиты осужденных, чье наказание связано с изоляцией от общества, поскольку в значительной мере устраняет возможность давления со стороны сотрудников правоохранительной системы с целью получения согласия лица. Однако мы не просто так подчеркиваем, что это имеет весомое значение лишь для лиц, чье наказание связано с изоляцией от общества, ведь именно в таких условиях и появляется почва для неправомерного использования служебного положения [7, с. 57].

Исследователи, изучавшие данную проблему, довольно точно высказались, отметив, что «в полном смысле слова – добровольное информированное согласие получить в условиях тюрьмы почти невозможно вследствие существования различных явных и скрытых факторов, которые управляют отношениями между заключенным, тюремным персоналом и медицинскими работниками» [8, с. 101].

Однако мы настаиваем на том, что абсолютный характер запрета опытов по отношению ко всем осужденным неуместен, поскольку это как будто уравнивает положение и возможности лиц, чье наказание связано с изоляцией от общества, и лиц, чье наказание с этим не связано. Довольно логично утверждать, что на лиц, осужденных, например, к тюремному заключению, действительно могут оказывать давление, однако уместно ли говорить о каком-либо давлении на лиц, которым назначен, например, штраф в качестве наказания? На наш взгляд, некорректно применять запрет опытов по отношению ко всем осужденным. Но на сегодняшний день данный запрет прописан в ч. 3 ст. 12 УИК РФ, нормы которой являются общими и относятся ко всем осужденным, без уточнения вида наказания.

Введение запрета опытов лишь над некоторыми категориями осужденных, во-первых, будет логичным и разумным, а во-вторых, исключит ряд обнаруженных нами юридических коллизий: Конституция РФ делает акцент на роли добровольного согласия на привлечение к медицинским и иным опытам, Федеральный закон № 323-ФЗ не допускает участие в подобного рода биомедицинских процедурах лишь некоторых осужденных, а ч. 3 ст. 12 УИК РФ устанавливает абсолютный запрет опытов над всеми осужденными в целом. Все перечисленные акты федерального уровня находятся в некой рассогласованности, что, конечно, порождает необходимость в устранении противоречий и несостыковок в законодательстве.

Литература

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045146 (дата обращения: 08.11.2025).

2. Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 № 45/110 – URL: https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/12123833/ (дата обращения: 08.11.2025).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 08.11.2025).

4. Титаренко, А. П. О праве осужденного быть объектом медицинских испытаний / А. П. Титаренко // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы восемнадцатой международной научно-практической конференции / под редакцией Ю. В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – Ч. 2. – С. 37–38.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0 (дата обращения: 08.11.2025).

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259 (дата обращения: 08.11.2025).

7. Павленко, А. А. Запрет медицинских опытов на заключенных как гарантия их личной неприкосновенности / А. А. Павленко // Вестник Кузбасского института. – 2021. – №1(46). – С. 54–62.

8. Двойная лояльность и права человека в медицинской практике. Предлагаемые принципы и институциональные механизмы / пер. с англ. – Москва: Права человека, 2004. – 176 с.

Стороженко Анастасия Николаевна,
студентка 3 курса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Боташева Лейла Эмербековна,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Роль и место налоговых проверок в системе налогового контроля

Налоговый контроль получил необходимую правовую регламентацию в ст. 82 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), где под ним понимается деятельность уполномоченных органов, целью которой является контроль соблюдения законодательства о налогах и сборах [1]. Кроме того, сущность налогового контроля можно представить в широком и узком смыслах. Контроль в сфере обязательных платежей в узком смысле представляет собой деятельность налоговых органов. Такое понимание правовой природы контроля идентично законодательному определению. А в широком смысле налоговым контролем является совокупность поименованных в законе мер, позволяющих эффективно реализовывать финансовую политику государства и обеспечивать экономическую безопасность [2].

В налоговом законе указано несколько форм контроля, в том числе ведение налогового учета, организация предоставления сведений, связанных с экономической и бухгалтерской деятельностью, а также налоговые проверки. Последние являются важной частью контроля, реализуемого государством, по уплате налогов, своевременности и достоверности предоставляемой информации налогоплательщиками в налоговые органы.

Налоговые проверки по праву признаются наиболее эффективным контрольным мероприятием. Между тем российское законодательство не содержит определения термина «налоговые проверки».

В научном сообществе исследуемые проверки рассматриваются и как формы налогового контроля, и как его методы реализации.

Ю.А. Крохина полагает, что налоговая проверка – это и есть налоговый контроль, а проверку можно признать его формой [3].

Н.А. Мартынюк и М.Г. Суховская убеждены, что проверки являются контрольными мероприятиями, что не идентично мероприятиям налогового контроля [4].

По нашему мнению, расположение ст. 87 НК РФ, регламентирующей налоговые проверки, в главе 14, посвященной налоговому контролю, лишь подтверждает мысль об отнесении проверок к контролю в сфере налогов.

Налоговые проверки, будучи формой текущего контроля, могут быть классифицированы, исходя из места их проведения и объема сведений, подлежащих к проверочным мероприятиям. Так, в большинстве научных исследований отмечаются следующие виды проверок: выездные, камеральные, повторные, встречные. Вместе с тем в ст. 87 НК РФ законодатель указал лишь камеральные и выездные

мероприятия. Они преследуют цель произвести контроль соблюдения законодательства, попутно выявив нарушения правовых положений НК РФ.

В соответствии со статистическими данными, представленными ФНС России за 2024 год, было проведено 19356 выездных контрольных мероприятий и 51643956 камеральных проверок, при этом за 2023 год проверочных мероприятий было произведено несколько больше – 26139 и 51734970 соответственно [5].

Полагаем, что в контексте исследования роли и места указанных проверок следует более подробно рассмотреть сущность и порядок проведения обозначенных разновидностей проверочных мероприятий.

Камеральная проверка в сфере налогов проводится по месту нахождения уполномоченного органа. Более того, проверочные мероприятия реализуются на рабочем месте сотрудника инспекции. Преимуществом камерального мероприятия является возможность проверки внушительного количества деклараций с минимальными временными и ресурсными затратами. В ходе проверки происходит моментальный поиск ошибок и реагирование уполномоченного органа на них.

Для проведения проверки подконтрольный субъект должен представить документы, обозначенные в НК РФ, а именно: налоговые декларации, расчеты, заявления, представленные на налоговый вычет. Срок проведения проверки ограничивается тремя месяцами, однако правовые нормы НК РФ позволяют продлить срок еще на три месяца, если поступит заявление от руководителя налогового органа, в котором содержится информация о возможном нарушении законодательства.

Акт по результату камеральных проверочных мероприятий составляется только в одном случае: если инспектором были выявлены нарушения.

Механизм проведения выездных проверочных мероприятий отличается более сложной процедурой: во-первых, для проверки инспектор выезжает по юридическому адресу налогоплательщика; во-вторых, исследуемый вид проверки реализуется только по решению руководителя либо заместителя руководителя налогового органа. Нормативные требования к содержательной части решения зафиксированы в ст. 88 НК РФ. В частности, должны быть указаны данные, идентифицирующие налогоплательщика, предмет проверочных мероприятий, проверочный период, данные инспектора.

Следует отметить, что возражение подконтрольного субъекта о невозможности проведения выездной проверки по причине отсутствия помещения инспектор не примет к сведению, поскольку налоговое законодательство позволяет провести выездное мероприятие по месту нахождения налогового органа.

Возникает вопрос: в отношении каких налогоплательщиков могут быть проведены выездные проверочные мероприятия? Еще в 2007 году ФНС России сформулировала двенадцать критериев для самостоятельной оценки рисков налогоплательщиками. В частности, в этом перечне поименованы такие критерии, как отражение длительное время в отчетности убытков, выплата заработной платы работникам ниже среднего уровня, «миграция» между налоговыми органами и т.д. [6].

Предметом проведения данного вида проверки является проверка верности исчисления и своевременности уплаты обязательных платежей, при этом проверке может подвергаться как один налог, так и несколько. Проверочным периодом признается три календарных года, но один и тот же налоговый период не может

быть проверен два и более раз. Если проводится процедура налогового мониторинга, то в указанный период не может быть совершена выездная проверка, за рядом исключений.

Длительность выездных контрольных мероприятий не может превышать двухмесячного срока. При этом продлить проверку можно до истечения четырех месяцев, а в особых случаях исследуемое мероприятие может длиться и шесть месяцев, что отличает его от камеральной проверки. Указанный срок может быть приостановлен для выполнения отдельных действий инспекторами, например, если требуется проведение экспертизы либо необходимо перевести предоставленные подконтрольным субъектом документы.

В рамках выездных проверочных мероприятий инспекторами могут быть выполнены следующие действия: истребование и выемка представленных документов; осмотр помещений по юридическому адресу налогоплательщика; опрос свидетелей; привлечение специалистов, переводчиков и т.д.; инвентаризация имущества. Именно истребование документов отличается наибольшей дискуссионностью, поскольку законодатель не сформулировал перечня необходимых документов. В некоторых случаях инспекторы истребуют дополнительные документы за пределами сроков проверочного мероприятия, при этом полученные таким образом документы учету не подлежат [7].

Завершается выездной контроль выдачей справки о проверке, которая передается проверяемому налогоплательщику в последний день, затем, по истечении двухмесячного срока, инспектор, участвующий в контрольном мероприятии, составляет акт вне зависимости от выявленных нарушений, что отличает выездную проверку от камеральной.

Таким образом, по нашему мнению, проверки в области налоговых платежей занимают особое место в системе реализации налогового контроля. Как камеральные, так и выездные контрольные мероприятия характеризуются как эффективный и достаточно оперативный способ государственного контроля над исполнением подконтрольными субъектами налогового закона. Проверки позволяют не просто устранить нарушение и применить необходимую меру ответственности, но и выполняют функцию превенции в будущем, что и позволяет отметить их особенную роль. Подчеркнем, что именно в рамках налоговой проверки реализуются иные ревизионные мероприятия, которые не признаются самостоятельными формами налогового контроля в абз. 2 п. 1 ст. 82 НК РФ (получение объяснений, осмотр помещения и т.д.).

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 30.10.2025).

2. Давыдова, М. А., Абрамов, К. К., Рыжко, Н. Д. О некоторых вопросах определения места налоговых проверок в системе налогового контроля // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 228–233.

3. Крохина, Ю. А. Правовое регулирование финансового контроля. Виды, формы и методы финансового контроля и надзора. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 208 с.

4. Мартынюк, Н. А., Суховская, М. Г. Все о налоговых проверках. – Москва: Главная книга, 2016. – 143 с.

5. Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14897956/. – (Дата обращения: 30.10.2025).

6. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 30.05.2007 г. № ММ-3-06/333@ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 30.10.2025).

7. О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 57 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 30.10.2025).

Тинков Виталий Дмитриевич,
студент магистратуры 1 курса
Алтайского государственного педагогического университета

Научный руководитель:
Жданова Нина Сергеевна,
доцент кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин
Алтайского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент

Формирование знаний по уголовной политике Российского государства в школьном курсе обществознания: историко-правовой анализ и педагогическая практика

В условиях динамичного преобразования правовой системы Российской Федерации и усиления ее роли как субъекта международных отношений формирование у подрастающего поколения адекватных представлений о государственной политике в сфере противодействия преступности становится важнейшей задачей современного образования. Особую значимость в данном контексте приобретает понимание европейского вектора уголовной политики России, поскольку интеграционные процессы, гармонизация законодательства и международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью являются неотъемлемыми элементами национальной безопасности и правопорядка. Поэтому целесообразно выявить этапы эволюции уголовной политики Российского государства и обосновать эффективные методы формирования знаний школьников по уголовному праву в процессе изучения обществознания. Соответственно, задачами являются определение базовых тенденций отечественного правового регулирования уголовно-правовой сферы и разработка методических рекомендаций по применению различных форм обучения уголовному праву.

Проблемы становления и развития уголовной политики России нашли свое отражение в трудах таких классиков юридической науки, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий [1, с. 122; 2, с. 55; 3, с. 187; 4, с. 123], а в советский период – М.Д. Шаргородский, Н.А. Беляев [5, 216; 6, с. 137]. Современный этап характеризуется междисциплинарным подходом, объединяющим усилия правоведов, историков, политологов и педагогов. Среди ключевых современных исследователей следует выделить А.И. Бойко [7, с. 25-40], А.В. Наумова [8, с. 314], исследующих доктринальные основы уголовного права, С.И. Володько [9, с. 185], анализирующего криминологические аспекты политики государства. В области методики преподавания значительный вклад внесли работы В.В. Давыденко [10, с. 116-129], М.Т. Студеникина [11, с. 19-29], а также практические наработки педагогов-новаторов А.Г. Каспржака [12, с. 7-30] и А.Н. Федорова [13, с. 45-52].

Эволюция уголовной политики Российского государства представляет собой сложный, многогранный процесс, детерминированный социально-экономическими, политическими и культурными факторами [7, с. 25-40]. Условно

можно выделить несколько ключевых этапов в развитии российской уголовной политики.

Досоветский период (X – начало XX вв.) характеризуется переходом от частно-правового возмездия к публично-правовому преследованию преступлений. Многие правовые институты, сформировавшиеся в период Древней Руси и Московского государства, оказали глубинное влияние на всю последующую историю российского уголовного права.

Основополагающее значение для последующего развития уголовной политики имела специфика понимания репрессии. «Русская Правда» (XI-XII вв) закрепляла частный характер уголовного права, при котором преступление («обида») рассматривалось прежде всего как ущерб частному лицу или его семье, а не государству. Вира (штраф в пользу князя) и головничество (плата семье убитого) являлись прообразом современных реституционных практик и компенсации вреда. Уголовно-правовая система древнерусского периода демонстрирует баланс между интересами государства (князя) и потерпевшего. Вира – уже элемент публичного права, а головничество – проявление восстановительного правосудия. Современный период отражает возрождение идей восстановительного правосудия (медиация, возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим), что является модернизированным возвратом к принципу компенсации ущерба.

Специфичным в древнерусский период был и принцип символического соответствия наказания преступлению («символический талион»). Поскольку физический талион («око за око») был редок, широко применялся принцип адекватности последствий. Воровство, поджог карались «потоком и разграблением» (обращение в рабство и конфискация имущества), что символизировало полное социальное уничтожение преступника, посягнувшего на основы общинного жизнеустройства. Современная уголовная политика также базируется на принципе справедливости, требующем рациональной соразмерности наказания тяжести преступления.

Развитием публично-репрессивной модели уголовной политики отличалась Московская Русь. Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г. закрепляли сословный характер наказания [8, с. 222-240]. С укреплением государственности уголовное право становится публичным, а преступление рассматривается как «государево дело», «лихое дело». Главной целью наказания становится не компенсация, а устрашение и изоляция. Широко применяются смертная казнь, телесные наказания (торговая казнь, клеймение), тюремное заключение. Развивается разыскной (инквизиционный) процесс, который становится тайным, письменным, с активной ролью государства. Появляется пытка как легальный способ получения доказательств («царица доказательств»), практика применения которой закрепилась на столетия. Отголоски разыскного процесса видны в доминирующей роли следствия в уголовном процессе России. Полностью искоренить наследие «пыточного права» и достичь стандартов состязательного процесса остается сложной задачей, что отмечают и современные исследователи, включая А.И. Бойко.

В московский период зарождается понятие вины и субъективной стороны преступления. В Уложении 1649 года уже проводится различие между умышленным и неосторожным преступлением, что было важнейшей предпосылкой для бу-

дущего доктринального развития, которое так блестяще исследовали Н.С. Таганцев и И.Я. Фойницкий. Однако на практике данное основание не всегда последовательно соблюдалось.

Имперский период характеризовался систематизацией и гуманизацией уголовной политики, которая находилась под влиянием просветительских идей. Артикул Воинский Петра I (1715 г.) отражает жесткую, военизированную систему наказаний, но с детальной регламентацией составов преступлений. Проекты Уложений XVIII в. и «Наказ» Екатерины II впервые на государственном уровне ставят вопрос о гуманизации наказаний, отмене пыток. Ключевым рубежом в формировании основ современной уголовно-правовой доктрины становятся Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.) и Уголовное уложение 1903 г. Происходит систематизация уголовного права, его разделение на уголовные и исправительные наказания, проводится судебная реформа, вводятся суд присяжных, адвокатура. Именно в данный период труды Н.С. Таганцева и И.Я. Фойницкого сформировали классическую российскую доктрину уголовного права, основанную на принципах виновной ответственности, законности и индивидуализации наказания.

Советский период (1917-1991 гг.) демонстрирует радикальный разрыв с предшествующей правовой традицией. Революционное правосознание и классовый подход стали определяющими. Уголовные кодексы 1922, 1926 и 1960 гг. отражали политическую конъюнктуру: от революционной целесообразности и массовых репрессий 1930–50-х гг. до формальной гуманизации в период «оттепели» и «застоя» [7, с. 25–29].

Постсоветский и современный период (с 1991 г. по настоящее время) связан с коренной трансформацией уголовной политики в соответствии с новыми конституционными принципами [9, с. 28-30]. Принятие Уголовного кодекса РФ 1996 г. стало знаковым событием. Современная уголовная политика характеризуется динамизмом: ужесточение ответственности за терроризм, экстремизм, коррупцию сочетается с процессами гуманизации [7, с. 21]. Особое значение приобретает европейское направление, выражающееся в имплементации норм международного права [9, с. 20].

В рамках правового модуля школьного курса обществознания аспекты уголовной политики интегрированы в содержание нескольких ключевых разделов [10, с. 24]. Раздел основ конституционного строя Российской Федерации представляет собой фундаментальный, мировоззренческий уровень освоения уголовно-правовых отношений. Раздел конституционных прав и свобод человека и гражданина задает рамки и ограничения для уголовной политики. Раздел о правонарушениях и юридической ответственности закладывает основы понимания целей наказания. Раздел о правоохранительных органах и судебной системе характеризует институты, реализующие уголовную политику на практике. Раздел уголовного права представляет собой самый насыщенный элементами уголовной политики раздел. Учащиеся знакомятся с основами уголовного права, что составляет нормативную базу уголовной политики. Однако историко-правовой аспект, как правило, остается за рамками базового курса, что создает пробел в понимании преемственности и изменчивости подходов государства в борьбе с преступностью [11, с. 39].

Для эффективного формирования знаний по столь сложной тематике уголовно-правовой политики необходим выход за пределы репродуктивных методов. Анализ педагогической практики позволяет выделить ряд продуктивных педагогических технологий [12, с. 17; 13, с. 47].

1. Контекстное обучение и проблемные ситуации, анализ кейсов реальных событий позволяет изучать теоретический материал через его применение в решении конкретной, часто реальной проблемы (кейса). Учащиеся погружаются в профессиональный или исторический контекст, где нет единственно верного ответа. Например, сравнение наказания за кражу по Соборному уложению 1649 г. (телесные наказания, членовредительство) и УК РФ 1996 г. (штрафы, исправительные работы, лишение свободы) заставляет их анализировать не просто статьи законов, а стоящие за ними ценности: принцип талиона vs. принцип гуманизма, цели наказания (возмездие vs. исправление), изменение отношения к личности [13, с. 48].

2. Проектная и исследовательская деятельность способствует самостоятельному или групповому проведению исследования учащимися, а также разработке проекта по заданной теме. Важным является не просто сбор информации, а процесс решения проблемы получения нового для ученика знания или продукта. Разработка проекта «Эволюция наказаний в истории России» предполагает систематизацию и анализ данных, а исследование «Трансформация состава преступления «Хулиганство» – работу с источниками права, выявление тенденций и их причин [12, с. 23].

3. Деловые и ролевые игры погружают учащихся в определенные социальные или профессиональные роли и действия в смоделированные ситуации. Моделирование «парламентских слушаний» по принятию поправок в УК РФ требует освоения ролей депутатов, министров, экспертов, понимания процедуры и умения отстаивать интересы. Ролевая игра «Суд присяжных» вовлекает обучающихся в роли судьи, прокурора, адвоката, подсудимого, свидетелей и присяжных заседателей, требуя знания уголовного процесса и навыков ведения дискуссии [10, с. 92].

4. Технология «перевернутого класса» отражает обратную последовательность реализации классической модели «урок – домашнее задание». Учащиеся самостоятельно изучают новый теоретический материал дома (с помощью видеолекций, презентаций, электронных учебников), а аудиторное время отводится для совместной аналитической работы: обсуждения, дискуссий, решения задач, выполнения проектов [11, с. 14]. На уроке по уголовному праву, например, ученики дома знакомятся со статьями УК о конкретном преступлении, а в классе разбирают сложные казусы.

5. Применение цифровых инструментов расширяет возможности для анализа больших массивов данных, визуализации сложной информации, вовлеченности в интерактивные форматы (ленты времени, карты, инфографика) [13, с. 50]. Создание интерактивных лент времени, например, по истории уголовного законодательства, позволяет наглядно увидеть этапы и параллели в правовом развитии. Визуализация статистических данных (уровень преступности, виды наказаний) с помощью графиков и диаграмм помогает анализировать тенденции и делать широкие аналитические выводы.

6. Межпредметная интеграция уголовно-правовой тематики формирует глубокое понимание содержания, целостную картину мира во взаимосвязи с многообразием различных явлений. Уголовное право предстает не как набор статей, а как живой социальный институт, тесно связанный с культурой и историей общества. Объединение знаний и методов из разных учебных дисциплин для изучения комплексной уголовно-правовой проблемы показывает практическую значимость изучаемых явлений. Связь права с историей позволяет увидеть влияние социально-экономических условий на уголовное законодательство, тандем права и литературы способствует художественному анализу преступления и наказания, общность права и обществознания демонстрирует связь права с моралью, политикой, общественными институтами [11, с. 115].

Таким образом, уголовная политика России прошла сложный путь от карательно-устрашающей парадигмы до современной модели. В школьном интегрированном курсе обществознания для изучения уголовно-правовых отношений необходимо применять систему педагогических практик, включающих контекстное обучение, проектную деятельность, деловые игры, цифровые технологии.

Литература

1. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции: часть общая: [в 2 т.] / Н. С. Таганцев. – Т. 2. – Москва: Наука, 1994. – 393 с.
2. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции: часть общая: [в 2 т.] / Н. С. Таганцев. – Т. 1. – Москва: Наука. – 1994. – 380 с.
3. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – Москва: Городец, 2000. – 463 с.
4. Фойницкий, И. Я. Мошенничество по русскому праву: [в 2 ч.] / И. Я. Фойницкий. – Ч. 2: Мошенничество по действующему русскому праву. – Москва: Изд-во Соврем. гуманитар. ун-та, 2006. – 292 с.
5. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву: научное издание / М. Д. Шаргородский; сост. [и авт. предисл.] Б.В. Волженкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 432 с.
6. Беляев, Н. А. Избранные труды: научное издание / Н. А. Беляев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 567 с.
7. Бойко, А. И. Реформы уголовной политики: современные тенденции и исторические параллели / А. И. Бойко // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 25-40.
8. Наумов, А. В. Российское уголовное право: курс лекций: [в 3 т.] / А. В. Наумов. – Т. 1: Общая часть. – Москва: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. – 2016. – 742 с.
9. Володько, С. И. Криминологические основы современной уголовной политики Российской Федерации: монография / С. И. Володько. – Москва: Проспект, 2020. – 215 с.
10. Давыденко, В. В. Методика преподавания права в школе: актуальные подходы / В. В. Давыденко. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 189 с.
11. Студеникин, М. Т. Современные технологии преподавания истории и обществознания в школе / М. Т. Студеникин. – Москва: ВЛАДОС, 2019. – 204 с.

12. Каспржак, А. Г. Опыт педагогов-победителей конкурса «Учитель года России»: сборник методических материалов / сост. А. Г. Каспржак. – Москва: ФГБУ «Российская академия образования», 2023. – 98 с.

13. Федоров, А. Н. Использование кейс-технологий в правовом обучении школьников / А. Н. Федоров // Сборник материалов конкурса «Учитель года Алтайского края – 2022». – Барнаул: АКИПКРО, 2022. – С. 45-52.

Ткаченко Сергей Юрьевич,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Лифанова Лилия Геннадьевна,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Тактика производства отдельных следственных действий по возобновленному уголовному делу о нераскрытом преступлении прошлых лет

Организация расследования нераскрытого преступления прошлых лет начинается с принятия процессуального решения о возобновлении производства в соответствии со ст. 211 УПК РФ. С учетом следственной ситуации следователь проводит следственные и иные процессуальные действия без каких-либо ограничений. В юридической литературе отмечается, что наиболее распространенными являются допрос, осмотр, обыск, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, назначение экспертиз [1, с. 122; 2, с. 99].

Определенная специфика проводимых следственных мероприятий обуславливается временным интервалом, прошедшим с момента противоправного деяния до возобновления расследования, их повторяемостью, а также возможным противодействием расследованию.

Поводом для возобновления расследования, как правило, является факт установления лица, совершившего преступление, либо его обнаружение и, следовательно, появление возможности производства с данным лицом следственных действий. Кроме этого, потребность в возобновлении расследования может возникнуть вследствие необходимости проведения следственных действий с иными участниками судопроизводства для получения сведений, необходимых для устранения причин приостановления следствия.

Информация, которую необходимо получить следователю, в целом сводится к установлению обстоятельств, обозначенных в ст. 73 УПК РФ. Разработчиками методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет акцентируется внимание на целесообразности составления плана расследования [3, с. 164].

При составлении плана расследования должны быть в полной мере учтены и использованы возможности, открывающиеся в связи с появлением фигуры заподозренного либо уже подозреваемого, обвиняемого. Имеется в виду планирование и проведение следственных действий, которые основаны на участии именно такого лица, а также организация взаимодействия с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Если расследуется преступление, совершенное в соучастии, то усилия следователя должны быть направлены на установление всех причастных к данному

деянию, определение их роли в совершенном преступлении. При этом стоит помнить о вероятном противодействии со стороны участников преступной деятельности.

Сложности в организации расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, кроме прочего, возникают ввиду того, что следственные действия до приостановления производства по уголовному делу и после возобновления зачастую проводят разные следователи и учет психологических особенностей участников уголовно-процессуальных отношений, вовлеченных в сферу расследования, становится невозможен. В этой связи тщательное планирование имеет повышенную значимость. Выбор тактических приемов должен основываться на внимательном изучении материалов уголовного дела.

При проведении допроса рекомендуется формулировать вопросы таким образом, чтобы у допрашиваемого возникли необходимые ассоциации, позволяющие наиболее полно воспроизвести в памяти событие прошлого. Возможно проведение допроса с выходом на место происшествия, предъявление в ходе допроса доказательств либо ознакомление с показаниями ранее допрошенных лиц. При возникновении существенных противоречий в показаниях разных участников процесса целесообразно проведение очных ставок.

Если до приостановления производства по уголовному делу проводились следственные действия с участием понятых или статистов, то после возобновления расследования полезен их допрос в качестве свидетелей (особенно если с момента приостановления прошло значительное время). Это позволит следователю, возобновившему предварительное следствие, получить более подробное представление о следственном действии, участником которого он не являлся. В отдельных случаях это позволит получить новые доказательства по уголовному делу.

Подготовка к допросу подозреваемого должна основываться на той следственной ситуации, которая имеет место в настоящий момент:

– ранее данное лицо по уголовному делу не допрашивалось;

– ранее данное лицо допрашивалось в качестве свидетеля и оснований подозревать его в совершении преступления не было;

– ранее данное лицо уже допрашивалось в качестве подозреваемого;

– подозреваемый привлечен к уголовной ответственности за совершение иного преступления;

– уголовное дело в отношении данного лица было выделено в отдельное производство и приостановлено, остальные соучастники осуждены [1, с. 127].

Фактор внезапности как тактический прием допроса может быть эффективным в случае, если ранее подозреваемый по уголовному делу не допрашивался. Сочетание данного приема с предъявлением подозреваемому доказательств его виновности или создание у допрашиваемого лица иллюзии о полной осведомленности следователя об обстоятельствах совершенного данным подозреваемым преступления в большинстве случаев приводит к признанию своей вины в преступлении и даче подозреваемым полных и правдивых показаний.

Детализация показаний, предъявление новых доказательств рекомендованы в качестве тактических приемов при допросе подозреваемого в случае, если он допрашивался по уголовному делу до его приостановления. Противоречия, которые могут возникнуть в показаниях, данных во время первоначального и повторного допросов, следователь может использовать для его разоблачения.

Если же подозреваемый арестован за совершение другого преступления, расследование которого продолжается, и стало известно о совершении им оставшихся нераскрытыми преступлений, допрос, как правило, должен проводить следователь, расследующий дело, по которому обвиняемый арестован, так как ему легче установить с обвиняемым психологический контакт и получить правдивые показания о совершенных им других преступлениях.

В случаях, когда допрашиваемый осужден за совершение иного преступления и отбывает наказание в исправительном учреждении, сведения о совершении им преступлений, оставшихся нераскрытыми, могут быть, как правило, получены из оперативных источников, так как о преступлениях, ранее им совершенных и оставшихся нераскрытыми, может быть известно окружению подозреваемого. В связи с этим целесообразен перевод его в следственный изолятор в целях попытки получения информации о прежних преступлениях подозреваемого от лиц, с ним содержащихся. Во время допроса целесообразно использовать имеющуюся оперативную информацию и показания содержащихся с ним в исправительном учреждении лиц [3, с. 101].

Правильное определение времени допроса также может оказаться эффективным средством достижения цели допроса – получения признательных показаний. Допрос целесообразно проводить после того, как по делу будут получены новые изобличающие доказательства.

Если лицо подозревается в совершении нескольких преступлений, допрос лучше начинать с того эпизода, по которому имеется больше доказательств. Лишь получив объективные, правдивые показания по этому факту, целесообразно последовательно переходить к предъявлению доказательств по другим эпизодам преступной деятельности.

Рассматривая допрос подозреваемого по возобновленному производством делу о нераскрытом преступлении прошлых лет в рамках тактической комбинации, криминалистами предлагается следующий алгоритм приемов и действий:

– выбор целесообразного времени допроса, как правило, после производства обыска, выемки, освидетельствования, предъявления для опознания;

– использование метода невербальной коммуникации для определения психологического типа подозреваемого, корректирования плана допроса в части выбора тех или иных тактических приемов;

– установление психологического контакта с допрашиваемым, применение тактических приемов, направленных на преодоление установки на отказ от дачи показаний;

– использование тактических приемов, направленных на преодоление установки на ложь;

– детальный допрос по вопросам, связанным с алиби подозреваемого, выявление внутренних противоречий в показаниях, противоречий между показаниями подозреваемого и другими доказательствами по делу;

– использование в ходе допроса улик поведения;

– применение как реконструкции тактического приема при фиксации показаний подозреваемого [3, с. 116].

Проведение повторного допроса подозреваемого необходимо при наличии противоречий с показаниями иных участников уголовного процесса (свидетелей,

потерпевших, других подозреваемых или обвиняемых). При этом следователь не должен занимать категоричную позицию относительно лживости показаний подозреваемого. Причина в разности сообщаемых сведений может заключаться в переосмыслении произошедшего, забывчивости, стремлении потерпевшего (свидетеля) любым образом обличить подозреваемого.

Однако справедливости ради стоит заметить, что наиболее распространены в следственно-судебной практике ситуации стремления подозреваемого избежать привлечения к уголовной ответственности, умалить свою вину и, следовательно, дача неправдивых показаний.

Установление истины по уголовному делу, производство по которому возобновлено, может потребовать проведения следственных действий в отношении лиц, которые ранее не являлись участниками процесса. Это главным образом «новые» свидетели из числа лиц, которым могла стать известна криминалистически значимая информация через значительный промежуток времени после произошедшего преступного события. С этой целью необходимо следственным и оперативно-разыскным путем определить круг лиц, с которыми подозреваемый мог делиться информацией о совершенном им преступлении, привлекать их для сокрытия следов преступления, сбыта имущества, полученного преступным путем.

Эффективным способом получения новых доказательств, а также проверки уже имеющейся в уголовном деле информации считается проверка показаний на месте [4, с. 91-95]. Специфической особенностью ее проведения при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет может явиться существенное изменение обстановки, описываемой в показаниях допрошенного субъекта. В процессе ее производства целесообразно попросить лицо, чьи показания проверяются, отдельно указать на изменения объектов, обстановки, произошедшие с момента наблюдаемого события, о котором он был допрошен.

Следующим типичным следственным действием, которое проводится при расследовании преступлений прошлых лет, является предъявление для опознания.

До производства этого действия по возобновленному делу целесообразно выяснить путем визуального наблюдения либо с помощью оперативного работника или участкового уполномоченного, не произошли ли в подлежащем предъявлению объекте со временем изменения, и если произошли, то насколько они существенны для результата идентификационного процесса. В случае если степень этих изменений велика, возможно, предъявлять объект в натуральном виде не целесообразно, а следует попытаться отыскать изображения объекта, относящиеся к периоду времени, когда имело место восприятие объекта опознавания, и произвести предъявление для опознания по фотографии [1, с. 133].

Среди тактических рекомендаций по проведению данного следственного действия по рассматриваемой категории уголовных дел указывается на реконструкцию подлежащих предъявлению объектов. В криминалистике под реконструкцией принято понимать тактический прием, представляющий собой «восстановление первоначального состояния облика по остаткам или письменным источникам» [5, с. 143-147].

Изменение объектов, которые предполагается предъявить для опознания, может произойти как умышленно (например, как способ противодействия расследованию), так и некриминальным путем (снос ветхого здания, появление новых

строений, проведение ремонтных работ на объекте; для человека – естественное старение).

К числу менее распространенных следственных действий, проводимых в ходе расследования возобновленных уголовных дел о преступлениях прошлых лет, относятся обыск и выемка.

Учитывая сложности процессуального и тактического плана при проведении обыска, особенно если это происходит через значительное время после совершения преступления, необходимо особенно тщательно и детально готовиться к его производству. Может оказаться полезным составление перечня искомых объектов, изучение материалов дела с их описанием, получение консультации специалиста о том, какие естественные изменения могли произойти с течением времени, каким образом данный объект мог быть преобразован, как могут выглядеть его составные части и т.п. [3, с. 124].

Помимо сказанного, следует добавить, что результаты обыска могут служить информацией по другим уголовным делам, в том числе относящимся к разряду «нераскрытых». Поэтому обыск у подозреваемого (обвиняемого) должен быть произведен тщательно и в полном объеме, независимо от выдачи им в начале обыска некоторых вещей, значащихся в постановлении о производстве обыска.

Назначение и производство судебной экспертизы как следственное действие, проводимое при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет, не носит исключительного характера, так как оно достаточно распространено. Однако чаще всего после возобновления производства по уголовному делу назначаются дополнительные и повторные экспертизы. Это объясняется тем, что зачастую решение вопросов идентификационного характера становится возможным только после появления процессуальной фигуры «подозреваемого» с возможностью отобрания у него образцов для сравнительного исследования.

Потребность в повторной экспертизе может возникнуть при появлении сомнений в правильности, объективности и полноте выводов экспертизы, которая проводилась до приостановления производства по уголовному делу. Повторная экспертиза может назначаться по усмотрению следователя или в результате удовлетворения ходатайства о ее назначении, поступившего от участника процесса.

Помимо обозначенных следственных действий, после возобновления производства по уголовному делу могут проводиться иные, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Определение направления расследования, а также перечня следственных мероприятий, производство которых направлено на получение или проверку доказательств, – исключительная прерогатива следователя.

Таким образом, успех расследования уголовного дела о нераскрытом преступлении прошлых лет основывается на неукоснительном соблюдении закона, грамотном применении тактических приемов и комбинаций, умелом владении методикой расследования отдельных видов преступлений, а также методикой расследования преступлений прошлых лет.

Литература

1. Кулеева, И. Ю., Мазунин, Я. М. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.

2. Кузьмин, С. В. Содержание планирования расследования преступлений // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 163–166.

3. Самиев, Н. М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): монография. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 151 с.

4. Мельникова, А. С., Колбасина, Е. Е. Проверка показаний на месте: значение, особенности, пробелы законодательства // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 4(95). – С. 91-95.

5. Комаров, И. М. К вопросу о сущности метода криминалистической реконструкции в расследовании преступлений // Философия права. – 2020. – № 4(95). – С. 143-147.

Торсакова Валерия Николаевна,
слушатель 5 курса
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель:
Константинов Владимир Николаевич,
доцент кафедры огневой подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России

Повышение профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации посредством приобщения к здоровому образу жизни, занятиям физической подготовкой и спортом

Потребность в качественном физическом и патриотическом воспитании курсантов как передового отряда российской полиции в настоящее время резко возрастает. Исследования и многочисленные публикации в средствах массовой информации показывают продолжающуюся физическую, нравственную и патриотическую деградацию значительной части молодежи [1]. На наш взгляд, необходима тотальная пропаганда здорового образа жизни и занятий спортом среди сотрудников ОВД РФ. При этом многие специалисты-педагоги подчеркивают необходимость неразрывной связи между физическим и нравственным воспитанием человека [2, 3]. Они утверждают, что в последние годы образование превалирует над воспитанием, что, на наш взгляд, недопустимо. В итоге в образовательные организации МВД России поступают образованные, но менее здоровые выпускники школ, не ориентированные на занятия физической культурой и спортом.

При анкетном опросе некоторые сотрудники института отметили, что в их профессиональной деятельности присутствуют трудности в сдаче нормативов по общефизической подготовке, данный ответ набрал более 25% голосов. Около 40% опрошенных отметили некоторые проблемы со здоровьем, при этом занимаются физической культурой в личное время или посещают фитнес-клубы (бассейны) не более 10% сотрудников. Исходя из этого, следует, что некоторая часть сотрудников физически не достаточно подготовлены для профессиональной деятельности.

Поэтому возникает необходимость восполнения проблемы воспитания курсантов и сотрудников посредством популяризации деятельности физкультурно-спортивного общества «Динамо».

На протяжении столетней истории оно своей многообразной деятельностью участвует в решении задач, стоящих перед спортивным движением России, обеспечивает обязательную физическую и специальную подготовку личного состава полиции, развивает служебно-прикладные и массовые виды спорта, в том числе и детско-юношеские [4].

Общество «Динамо» выполняет важные функции общественно-государственного значения. Первейшая задача – это забота о здоровье, гармоничном духовном и физическом развитии сотрудников ОВД РФ, приобщение их к здоровому образу жизни, постоянным занятиям физической подготовкой и спортом. В.Е. Проничев считает, что общество «Динамо» с полным основанием можно

назвать первопроходцем и лидером в становлении отечественного физкультурно-спортивного и олимпийского движения, это десятилетние традиции «побеждать». Поэтому преемственность традиций разных поколений динамовских спортсменов – это залог новых успехов и спортивных достижений.

Представляет большой интерес формирование главных лозунгов общества «Динамо», так как с момента его образования менялся подход государства к решению вопросов массовой физической культуры и спорта.

В довоенные годы – «Будь готов к труду и обороне».

В пятидесятые годы – «Физкультура и спорт: всем, всем, всем».

В семидесятые годы – «От массового спорта – к спорту высоких достижений».

В новом тысячелетии – «Сила – в движении».

Таким образом, мы видим смещение основных задач для сотрудников силовых ведомств от оборонных – к здоровому образу жизни. Необходимость решения проблем обеспечения массового спорта и пропаганды занятий физической культуры и спортом вынесено Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ранг приоритетных.

В настоящее время общество «Динамо» динамично развивается и продолжает работу в важнейших направлениях:

– развитие массового и детско-юношеского спорта;

– подготовка спортсменов высших достижений для участия в российских и международных соревнованиях;

– развитие служебно-прикладных видов спорта;

– улучшение материально-технической базы и строительство спортивных сооружений.

Однако для решения этих задач необходимы условия для активного развития физической культуры и спорта, качественной профессиональной подготовки, физически активного отдыха сотрудников и эффективных медико-реабилитационных услуг. Одной из проблем в динамичном развитии спортивной работы является, на наш взгляд, недостаток квалифицированных спортивных инструкторских и тренерских кадров. Решить ее возможно подготовкой и дальнейшим привлечением к тренерской и наставнической работе специалистов на общественных началах из числа сотрудников и ветеранов ОВД. Так, в Восточно-Сибирском институте МВД России был успешно проведен эксперимент по факультативному обучению пятнадцати общественных (внештатных) инструкторов по спорту, которые успешно претворяют в практику подразделений ГУ МВД России по Иркутской области основные задачи общества «Динамо».

Особо следует отметить развитие в Иркутской области стрелкового спорта, свое бурное развитие получившего в годы советской власти, главную роль в которой сыграло физкультурно-спортивное общество «Динамо». Известный лозунг «Каждый сотрудник – меткий стрелок» мобилизовал сотни милиционеров овладеть искусством меткой стрельбы из боевого оружия и сдавать нормы на значок «Ворошиловский стрелок». Однако с развалом СССР грандиозные планы не реализовались из-за хронического дефицита средств. Так, в Иркутске остался недостроенным стрелковый тир «Динамо», в результате чего развитие данного вида прикладного спорта среди сотрудников ОВД затормозилось.

Таким образом, пропаганда здорового образа жизни и занятий спортом среди сотрудников ОВД РФ является одной из задач по повышению их профессиональной подготовленности, как физической, так и огневой.

Литература

1. Афанаскин, П. В. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов к применению огнестрельного оружия / П. В. Афанаскин // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – Вып. 1 (1). – С. 287–291.

2. Каримов, А. А. Некоторые аспекты по совершенствованию огневой подготовки исходя из статистики применения табельного оружия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 1(68). – С. 8–15.

3. Сериков, С. Н. Современные методики обучения огневой подготовке сотрудников силовых структур, необходимые для качественного выполнения оперативно-служебных задач // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 3(70). – С. 3–4.

4. Константинов, В. Н. Повышение эффективности методики огневой подготовки в образовательных организациях МВД России / В. Н. Константинов // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – Вып. 4. – С. 43–45.

Туц Марина Владимировна,
курсант 4 курса
Восточно-Сибирского института МВД России

Научный руководитель:
Сысоев Алексей Александрович,
врио начальника кафедры
тактико-специальной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

Роль и место Министерства внутренних дел Российской Федерации в единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций задействует в своей деятельности органы государственной власти, в том числе и правоохранительные органы. Особое значение применения мер, способствующих устранению и предотвращению чрезвычайных ситуаций сотрудниками МВД России, прослеживается в условиях военного положения на территориях Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

Чрезвычайная ситуация представляет собой условия, возникшие на конкретной территории вследствие негативного влияния аварии, катастрофического природного явления, масштабной эпидемии, стихийного или другого происшествия, которые способны привести или уже привели к гибели людей, ухудшению их состояния здоровья, нанесению ущерба экологическому состоянию.

В условиях выполнения сотрудниками полиции обязанностей по охране правопорядка имеет место оказание ими помощи при устранении стихийных бедствий, а также содействие в работе спасательных служб. Следует отметить, что система МВД России обеспечивает содействие органам МЧС в условиях чрезвычайных ситуаций на федеральном, региональном, территориальном и местном уровнях управления [1, с. 341]. Законодательство Российской Федерации подробно трактует действия сотрудников правоохранительных органов в чрезвычайных ситуациях. Нормативно-правовыми актами определена роль МВД России в единой государственной системе предупреждения и ликвидации в подобных ситуациях, также трактуются порядок и способ распределения полномочий, основные права и обязанности, снабжение ресурсами, которые обеспечивают защиту жизни и здоровья сотрудника. При этом в законодательстве существуют пробелы в нормативно-правовых актах, имеющих в своем содержании точные и четкие методические указания по осуществлению деятельности, связанной с устранением и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций. Также обуславливается необходимость проведения сотрудниками МЧС курсов дополнительного образования и тренировок для сотрудников МВД России в области устранения конкретных чрезвычайных ситуаций.

В условиях устранения последствий чрезвычайных ситуаций деятельность сотрудников правоохранительных органов направлена на обеспечение правопорядка, предотвращение противоправных деяний, представляющих угрозу жизни граждан, а также нарушающих их права и свободы. Также в рассматриваемых условиях важной задачей является недопущение завладения важными стратегическими объектами, учреждениями федеральных и муниципальных органов власти. Под задачами, которые выполняют сотрудники органов внутренних дел РФ при возникновении чрезвычайных ситуаций, понимают размещение эвакуированных лиц; охрану правопорядка в местах размещения; незамедлительное оказание первой помощи пострадавшим и дальнейшее обеспечение их медицинской помощью; принятие мер по организации режимных мероприятий и т. д. [2, с. 74].

При работе в условиях чрезвычайных ситуаций сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с рядом факторов, способствующих усложнению их деятельности. Они подразумевают под собой возникновение опасности для жизни и здоровья населения, также обуславливается риск нанесения ущерба сотрудникам, осуществляющим деятельность по борьбе с возникшей чрезвычайной ситуацией. Немаловажным фактором в данных условиях выступает быстрота принятия решений, связанных с формированием количества сотрудников и тактики их действий по поддержанию безопасности населения и правопорядка в зоне происшествия [3, с. 154].

Нормативно-правовыми актами закреплен алгоритм действий, согласно которому сотрудники органов внутренних дел осуществляют деятельность при возникновении чрезвычайной ситуации, он содержит в себе:

– информацию о сотрудниках, которые находятся в числе оперативного штаба;

– обязанности, которые возлагаются на сотрудников при осуществлении деятельности в особых условиях;

– данные о местоположении командных пунктов;

– состав и возможности привлекаемых ресурсов для устранения последствий чрезвычайных ситуаций;

– правила и средства информирования, перевода в состояние повышенной готовности необходимых сил и средств;

– алгоритм направления используемых ресурсов в зоны происшествий;

– принципы координации совместной деятельности при устранении последствий ЧС с иными органами государственной власти.

Эффективность проводимой операции в условиях ЧС в прямой зависимость устанавливается посредством правильного планирования. В ходе подготовки и реализации операций следует применять методики, имеющие в своем содержании четкую регламентацию действий сотрудников правоохранительных органов, которые трактованы действующим законодательством Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание, что подразделения органов внутренних дел, участвующие в спасательных операциях, не имеют специальных средств защиты, которые способны полностью защитить их от воздействия негативных обстоятельств чрезвычайной ситуации. В этом отношении следует рассмотреть перспективу снабжения сотрудников органов внутренних дел новейшими средствами

защиты, которые благодаря активному технологическому прогрессу способны в полной мере обеспечить защиту жизни и здоровья сотрудников.

Правоохранительные органы играют ключевую роль в функционировании РСЧС посредством осуществления деятельности по сохранению безопасности граждан и правопорядка в особых условиях. Однако успешность их действий зависит от ряда факторов:

– качество правового регулирования;

– уровень финансирования и материальной оснащенности;

– квалификация сотрудников.

Целесообразно прибегнуть к некоторым мерам, способствующим повышению эффективности функционирования МВД России в составе РСЧС:

– четкое определение полномочий и обязанностей на законодательном уровне;

– развитие профессиональных навыков действий при ЧС посредством систематических обучений;

– усиление технической и материальной базы;

– обеспечение устойчивого взаимодействия с иными органами власти и управления [4, с. 199].

Посредством реализации рассмотренных мер органы внутренних дел Российской Федерации смогут значительно увеличить уровень своей подготовленности к действиям в особых условиях, снизить ущерб и обеспечить защиту населения от опасностей природного и техногенного характера.

Роль МВД России в Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций крайне значима. Сотрудники правоохранительных органов посредством выполнения своих обязанностей обеспечивают общественный порядок, принимают участие в спасательных операциях, информируют население о происходящем и мерах предосторожности. Совместные действия МВД России с другими структурами позволяют минимизировать ущерб и сохранить жизнь и здоровье граждан. При этом эффективность работы сотрудников правоохранительных органов в условиях ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций зависит от профессиональных навыков и способности быстро реагировать на возникающие угрозы.

Литература

1. Масуфранова, А. В. Место, роль и задачи МВД России в Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2014. – № 1(5). – С. 341–342.

2. Ильичишин, И. А. Деятельность правоохранительных органов в условиях ЧС // Молодой ученый. – 2021. – № 53(395). – С. 73–75.

3. Мисько, С. С. Организация планирования действий органов внутренних дел Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях // Молодой ученый. – 2022. – № 44(439). – С. 154–157.

4. Маевская, К. Ю., Шматко, А. Е., Комнатная, Ю. А. Роль и место органов внутренних дел в Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Вестник науки. – 2025. – № 3(84). – С. 199–200.

Тхишева Жанна Сергеевна,
слушатель 4 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Уваров Игорь Алексеевич,
доцент кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Криминологическая характеристика личности корыстно-насильственного преступника

Личность преступника как самостоятельная категория относится к предмету криминологии. Если же его рассматривать как родовое понятие, то закономерно возникает вопрос об особенностях тех личностей преступников, которые имеют отношение к конкретным видам противоправного посягательства. В рамках нашего исследования существует необходимость рассмотреть специфические особенности личности корыстно-насильственных преступников.

Хотелось бы уточнить, что для решения криминологических проблем определения личности преступника необходимо устанавливать причинно-следственные связи между причинами и условиями, способствовавшими совершению преступлений соответствующей криминогенной направленности.

Рассмотрение разных подходов к определению понятия «личность преступника» поможет выявить закономерности, относящиеся к лицам, совершающим корыстно-насильственные преступления. Как верно отмечала профессор А.И. Долгова, «нет смысла говорить о личности преступника как о научной проблеме, если преступникам не присущи некоторые черты, отличающие их от тех, кто не совершает преступлений» [1].

Личность корыстно-насильственного преступника представляет собой не личность определенного человека, а совокупность его социально-негативных характеристик, которые имели значение в рамках совершенного им преступления.

По мнению Е. Б. Кургузкиной, «личность преступника – это личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности» [2]. Данный подход позволяет отнести личность преступника к определенной категории, типу и, соответственно, спрогнозировать вероятность совершения повторных корыстных деяний. Выявленные характеристики учитываются при принятии решений уголовно-процессуального и уголовно-правового характера, к примеру, при назначении наказания за совершенное преступление.

В трактовке З. Зарипова «личность преступника» выделена в виде «совокупности криминологических изучаемых и социально значимых свойств человека, которые обусловили совершение им преступления» [3]. В данном

определении на первый план выведены социальные свойства конкретного человека.

Подобные понятия, как и множество других в этом вопросе, несут в себе основное содержание понятия личности преступника, которое заключается в том, что при совершении преступлений оценке подвергается поведение самого преступника. Общество оценивает криминогенность явления, он подвергает себя самооценке, и с учетом этой совокупности выводов выделяются качества определенной личности.

Исследование понятия «личность преступника» опирается на характеристики и трактовки понятия «личность». Возьмем отдельное философское понимание, где «личность – это обусловленное включенностью в общественные отношения системное качество индивида, формирующееся в совместной деятельности и общежитии». Соглашаясь с ним, считаем, что для того чтобы в криминологии познавать «личность корыстно-насильственного преступника», следует проводить ее изучение по содержательным характеристикам в обществе и исследовать те особые криминальные, социальные и психофизиологические черты, которые обусловили реализацию преступного механизма поведения. «Становление человеческой личности предопределено законами развития организма и функционирования внешней природной среды, формирования общественных отношений и форм общественного развития» [4].

Отметим, что понятие «личность преступника» достаточно часто становится объектом исследования в научной литературе. Однако, как видно из приведенных определений, у исследователей отсутствует единый подход, ввиду чего возникает множество споров. В данной связи важно рассмотреть две основные проблемы, о которых упоминает в своей работе А.Е. Шалагин:

1) изучение научной и учебной литературы показывает, что у ученых присутствуют разные определения личности преступника. Цитируемый автор говорит, что некоторые исследователи утверждают: в практическом смысле данное понятие не имеет значения, а акцентирование на него внимания не дает более детально рассмотреть вопрос характеристики тех лиц, которые совершают уголовно наказуемые преступления;

2) существует еще одна категория исследователей, также упоминаемая исследователем, которая все же осмеливается давать свои определения данному понятию. Но у каждого их них в самом определении присутствует разная смысловая нагрузка [5].

На основании содержания корыстно-насильственных преступлений можно сделать вывод о том, что личность корыстно-насильственного преступника отличается тем, что сочетает в себе черты преступников насильственных и корыстных одновременно. Отметим, что, по нашему мнению, насильственные преступники отличаются от корыстных следующими чертами:

– примитивным анархизмом;
– эгоизмом;
– импульсивностью;
– крайней жестокостью и черствостью;
– отсутствием синтонности;
– отсутствием чувства сострадания;

– уязвимостью его «Я» в рамках сферы общественных отношений;
– проекцией агрессии вовне;
– ригидностью;
– замкнутостью;
– подозрительностью [6].

Напротив корыстный тип личности преступника обладает следующими специфическими чертами и качествами, которые уместно было бы здесь привести для раскрытия понятия личности преступника в данном разрезе изучения вопроса:
– стяжательство;
– непомерное разрастание материальных потребностей;
– скопидомство;
– гиперболизация;
– стремление к накопительству [7].

Перечислив данные характеристики в рамках изучения понятия личности корыстно-насильственного преступника, можно выявить следующее определение: понятие личности корыстно-насильственного преступника подразумевает под собой совокупность характеристик, присущих преступнику, совершающему корыстно-насильственные преступления. Корыстно-насильственному преступнику, по нашему мнению, на основании произведенного анализа присущи следующие качества:
– агрессивность;
– импульсивность поведения;
– потребительская ориентация;
– пренебрежение к интересам отдельных граждан и лиц (пострадавших) [8].

В завершение отметим, что понятие личности преступника в исследованиях криминологов рассматривается часто, но единого подхода нет. Личность преступника и ее анализ позволяют выработать стратегию предупреждения преступлений в разных сферах жизни человека в обществе. Сопровождаемые насильственными элементами, данные преступления представляют собой повышенную опасность для общества. Если под личностью преступника понимается совокупность значимых факторов, обуславливающих совершение им преступления, то личность корыстно-насильственного преступника отличается присутствием следующих характеристик: агрессивность, импульсивность поведения, потребительская ориентация и пренебрежительное отношение к интересам отдельных лиц и граждан.

Литература

1. Долгова, А. И. Общая характеристика длящегося криминологического изучения личности и его результатов / А. И. Долгова // Опыт длящегося криминологического изучения личности во взаимодействии с социальной средой. Сборник научных трудов. – Москва, 1992. – С. 5-21.

2. Кургузкина, Е. Б. Личность преступника: вопросы формирования / Е. Б. Кургузкина // Российский следователь. – 2008. – № 24. – С. 21-24.

3. Зарипов, З. Некоторые подходы к изучению личности современного преступника / З. Зарипов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 3(94). – С. 39-43.

4. Фомин, С. А. Криминологические характеристики преступности и основные показатели характеристик преступности, ее отдельных групп и видов на современном этапе / С. А. Фомин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 1(30). – С. 94–103.

5. Шалагин, А. Е. Криминолого-психологические характеристики личности преступника: от теории к практике / А. Е. Шалагин, О. Н. Хрусталева // Уголовное право и криминология. – 2020. – № 3(41). – С. 329–337.

6. Кирюшин, Д. Н. Некоторые аспекты личности преступника и ее формирование / Д. Н. Кирюшин, К. Г. Гуськова // Международный академический вестник. – 2020. – № 6. – С. 72–76.

7. Майстренко, Г. А. Личность преступника: естественные и социальные компоненты / Г. А. Майстренко // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 305-310.

8. Уваров, И. А. Криминологическая характеристика корыстных преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях / И. А. Уваров // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 23–25.

Умалатов Ибрагим Умалатович,
слушатель 4 курса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Петроченков Сергей Дмитриевич,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О некоторых аспектах выявления и раскрытия преступлений, совершенных с использованием технологий анонимности

В настоящее время появление новых видов и способов совершения преступлений связано в первую очередь с внедрением новых технологий в жизнь современного человека. Указанные технологии вызывают интерес у преступных лиц, которые благодаря им имеют возможность скрывать данные о себе, своем местоположении и изменять иные сведения, подлежащие оперативному установления, что усложняет процесс раскрытия и расследования преступных посягательств.

По сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 году из общего числа выявленных преступлений 40% были совершены с использованием информационных технологий [1].

Информационные технологии представляют собой совокупность методов, процессов, механизмов и инструментов, предназначенных для сбора, хранения, обработки, передачи и защиты информации, хранящейся в интернет-пространстве. Они охватывают различные области, такие как программирование, компьютерные науки, базы данных, сетевые технологии, информационную безопасность и некоторые другие.

Одним из продуктов развития информационных технологий являются так называемые технологии анонимности. Указанный термин подразумевает собой инструменты и механизмы, позволяющие пользователям сети Интернет скрывать идентифицирующие их данные при пользовании интернет-ресурсами.

В интернет-пространстве основное распространение получили следующие технологии:

1) прокси-серверы. Они действуют как посредники между пользователем сети и конкретным интернет-ресурсом. Деятельность заключается в том, что пользователь, отправляя адрес сайта на прокси-сервер, получает данные от имени сервера, тем самым скрывая сведения о личности или местоположении;

2) виртуальные частные сети (VPN). Данные технологии основаны на создании зашифрованного соединения. Происходит перенаправление трафика через сервер другой страны, обходя фильтры провайдера. Указанная технология не позволяет обеспечить полную анонимность, что проявляется в возможности отследить активность на конкретном сайте и связать ее с IP-адресом рассматриваемого сервера;

3) анонимизирующие браузеры. Указанные ресурсы позволяют максимально обеспечить анонимность пользователя, маскируя личную информацию. При

работе таких сервисом происходит блокировка трекеров сайтов, создаются отдельные цифровые личности для каждого веб-аккаунта, что не дает возможность интернет-платформам связывать между собой отпечатки («цифровые следы») для отслеживания IP-адреса.

Существуют различные сервисы, анонимизирующие личность при их использовании. Примером указанного сервиса является сеть даркнет, представляющая собой скрытый сегмент интернет-пространства, являющийся недоступным при его поиске через стандартные поисковые системы. По мнению А.Р. Арслановой, ключевыми критериями при реализации процесса идентификации личности, совершающей незаконные действия в даркнете, является использование специальных технических средств, позволяющих получить доступ к данной интернет-платформе, например, Tor-браузер, анонимайзеры типа VPN [2, с. 2].

Использование технологии анонимности при совершении преступных деяний вызывает трудности у оперативно-разыскных органов при выявлении и раскрытии указанной группы преступлений.

Основными проблемами в данной сфере являются:

– дистанционный характер преступной деятельности;

– длительных характер совершаемых действий;

– отсутствие возможности получения необходимой информации в случае, когда лицо находится за пределами Российской Федерации, на территории «недружественных» стран [3, с. 3].

Таким образом, использование технологий анонимности значительно усложняет процесс раскрытия преступлений. В этой связи необходимо определить методы, которые могут применяться при выявлении и раскрытии преступлений, совершенных с использованием технологий анонимности.

1. Оперативно-технический метод. Основой деятельности данного метода выступает проведение оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), направленных на прослушивание телефонных переговоров, исследование информации, полученной путем контроля технических каналов связи, а также при негласном получении компьютерной информации.

2. Агентурный метод. Основа деятельности – проведение комплексных ОРМ ведомственного санкционирования с привлечением представителей общественности, реализуемое посредством гласного и негласного содействия. Получаемые посредством указанного метода данные представляют оперативный и следственный интерес, а также выступают доказательственной базой.

Представленные методы позволяют воссоздать целостную картину произошедшего события, способствуют своевременному выявлению преступлений, совершенных с использованием технологий анонимности. Совокупное использование обозначенных выше методов позволяет определить оптимальные тактические приемы выявления и документирования преступлений, совершенных с использованием технологий анонимности.

Основываясь на указанных методах, А.С. Самоделкин и С.В. Тимофеев предлагают следующие методы совершенствования ОРД:

– создание и применение новых методик, отвечающих условиям современности;

– использование отечественного и международного опыта противодействия преступлениям технологической и цифровой направленности;

– активное внедрение аппаратно-программных комплексов и технологий, позволяющих исследовать цифровые отпечатки, оставленные после совершения преступления [4, с. 8].

А.Г. Александров и А.А.Сафронов также отмечают основные направления совершенствования и развития оперативных подразделений:

– исследование средств и ресурсов, которыми преступники пользуются при работе с даркнетом;

– определение наиболее эффективных тактических приемов и методик при раскрытии и пресечении преступлений рассматриваемой группы;

– ориентирование оперативных сотрудников на общедоступные сети, ввиду использования указанных сетей в качестве поиска клиентов, которые в дальнейшем будут перенаправлены уже на закрытые сети [5, с. 4].

Таким образом, для успешного выполнения задач, стоящих перед органами внутренних дел, необходим комплексный подход, который должен включать:

1) совершенствование законодательства, а именно своевременное обновление правовой базы, чтобы она соответствовала современным реалиям;

2) развитие практических методов, заключающихся в разработке и внедрении в оперативную и следственную работу новых технологий и методик для обнаружения, раскрытия и расследования киберпреступлений;

3) повышение осведомленности населения, подразумевающее активное информирование граждан о способах защиты своих финансов при использовании IT-продуктов, что является ключевой мерой профилактики таких преступлений.

Такой подход позволит не только эффективно расследовать уже совершенные преступления, в том числе с использованием технологий анонимности, но и выработать правильную тактику действий при их выявлении.

Литература

1. Официальный сайт сетевого издания «РИА Новости» [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://ria.ru/20250120/mvd-1994678968.html (Дата обращения: 05.11.2025).

2. Пилюкова, С. И. Некоторые актуальные проблемы расследования преступлений в сфере информационных технологий / С. И. Пилюкова // Молодой ученый. – 2023. – № 35(482). – С. 101-103.

3. Самоделкин, А. С., Тимофеев, С. В. Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 206–215.

4. Арсланова, А. Р. Даркнет как площадка для совершения преступлений // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 140–142.

5. Александров, А. Г. Использование сети даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 156–160.

Ухоренко Софья Андреевна,
слушатель 5 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Николаева Наталия Александровна,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Производство психофизиологических исследований и их значение в расследовании преступлений

Главной целью предварительного расследования является установление истины, объективности и полноты по уголовному делу. Данная цель реализуется посредством обнаружения и собирания доказательств, указывающих на обстоятельства совершенного преступления, при производстве процессуальных действий. Основными доказательствами в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, заключения и показания специалистов и экспертов, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы, имеющие значения для уголовного дела [1].

В процессе расследования преступлений нередки случаи противодействия органам предварительного расследования со стороны участвующих лиц. В основном противодействие выражается в даче ложных показаний подозреваемым, обвиняемым и свидетелем. Это обуславливается тем, что лицо предпринимает попытки избежать уголовного преследования путем искажения фактов, касающихся обстоятельств совершенного преступления. Данные обстоятельства в значительной степени осложняют процесс расследования по уголовному делу, а также могут направить ход расследования по ложному следу.

Одним из наиболее частых случаев противодействия органам предварительного расследования со стороны защиты является выдвижение ложного алиби. В соответствии со ст. 5 УПК РФ алиби – нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. В Российском законодательстве алиби рассматривается как одна из возможных линий защиты, которая исключает уголовное преследование, при наличии достаточных доказательств. Существует классификация алиби, которая не закреплена законодательно, но находит свое отражение в научной литературе. Данная классификация подразделяет алиби на реальное и ложное [2, с. 474]. Реальное алиби действительно подтверждает факт нахождения лица в другом месте в момент его совершения и может выступать в качестве одной из линий защиты. Ложное, в свою очередь, выдвигается подозреваемым или обвиняемым с целью отвести подозрения и исключить уголовную ответственность. В любом случае алиби, как и другие доказательства по уголовному делу, требует тщательной проверки на достоверность.

Изобличение и опровержение ложных показаний является трудоемким процессом, так как требует дополнительных затрат сил и времени при расследовании

преступлений. Тем не менее необходимо отметить, что не все следственные действия, закрепленные в УПК, позволяют с точностью определить недостоверность получаемых фактов в ходе их производства. Одним из методов проверки истинности информации является производство психофизиологических исследований.

Под психофизиологическим исследованием понимается наблюдение и анализ изменений физиологического состояния лица в процессе воздействия психологических факторов на психику человека. В основном данные исследования проводятся в процессе беседы. В качестве психологических факторов, воздействующих на психику человека, будут выступать вопросы, которые содержат информацию об обстоятельствах совершенного преступления. Физиологические изменения в процессе производства психофизиологических исследований характеризуются повышением артериального давления, учащением сердечного ритма, повышенным потоотделением, специфической активностью, покраснениями кожных покровов, повышением температуры и другими изменениями, обусловленными работой сердечно-сосудистой системы.

Уже в глубокой древности была подмечена зависимость психофизиологического состояния лица, подозреваемого в совершении преступлений, от ситуации, реально угрожающей ему разоблачением [3, с. 198]. Необходимо отметить, что в разных государствах были различные способы изобличения ложной информации при расследовании уголовных дел, но все способы заключались в исследовании психофизиологии лица и изменении его физиологического состояния. В Древнем Китае для подтверждения виновности лица и установления истинной информации подозреваемому вкладывали в рот горсть рисовой муки, затем судьи объявляли, в чем конкретно лицо подозревалось. По прошествии определенного времени после того, как подозреваемый выслушал предъявляемое обвинение, судьи проверяли состояние муки: если горсть муки оставалась сухой, лицо признавалось виновным в совершении преступления.

В Индии процесс установления причастности лица к совершенному преступлению имел определенные сходства со способом Древнего Китая и заключался в следующем: подозреваемому в преступлении одновременно задавались нейтральные вопросы и вопросы, касающиеся деталей совершенного преступного деяния. Лицо, подозреваемое в совершении преступления, должно было отвечать первыми пришедшими в голову словами и ударять при этом в гонг. Считалось, что в тех случаях, когда виновный отвечал на вопросы, связанные с преступлением, сила удара гонга была сильнее.

В V веке до н. э. в сборнике законов Ману отмечалось большое значение наблюдения за поведением свидетелей. Обращалось внимание судей на признаки поведения, характеризующие лжесвидетельство: «Те, которые облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают голосом дрожащим и обрывающимся и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости свидетельства» [4].

Необходимо обратить внимание, что все способы изобличения виновности лица в древние времена основывались на исследовании их психофизиологического состояния. Именно на основе данных исследований в 1835 году был впервые сформирован научный подход к производству психофизиологических исследова-

ний. Чезаре Ломброзо в своих научных трудах изучал изменение сердечного ритма подозреваемого посредством разговора, в котором упоминал факты, касающиеся обстоятельства совершенного преступления [3, с. 199]. Дальнейшее изучение влияния психологических факторов на физиологическое состояние лица позволило в 1921 году произвести первое психофизиологическое исследование с использованием полиграфа такими учеными, как Джон Ларсон и Джеймс Маккензи. На сегодняшний день опрос с использованием полиграфа является самым распространенным способом производства психофизиологических исследований.

Полиграф – устройство, позволяющее фиксировать физиологические изменения состояния лица во время воздействия психологических факторов на психику человека [5, с. 118]. Существует два вида полиграфов, применяемых при расследовании преступлений: аналоговые и цифровые. Аналоговые полиграфы фиксируют информацию на специальной бумажной ленте в виде диаграммы. Данный вид более сложный в работе, так как требует большого количества времени для расшифровки диаграммы, а также высокой компетентности эксперта, который проводит данное исследование. Цифровые полиграфы являются более современной моделью и представляются в качестве электронно-вычислительных машин, которые преобразуют получаемые физиологические изменения в специальный цифровой код. Необходимо отметить, что вышеуказанный вид полиграфа имеет значительное преимущество в связи с тем, что обеспечивает достоверность показателей на уровне 93-95%, в отличие от аналоговых устройств [6, с. 95].

Несмотря на разновидности, по своей конструкции полиграфы имеют общие технические составляющие и состоят из блока, который подключается к компьютеру, и датчиков, закрепленных на определенных частях тела опрашиваемого. Каждый датчик отвечает за физиологические изменения в той или иной части тела.

С практической точки зрения на результаты производства психофизиологических исследований с использованием полиграфа влияет множество факторов. В случае наличия у опрашиваемого лица болезней, связанных с работой сердечно-сосудистой системы, беременности, сильного эмоционального потрясения и других факторов, негативно влияющих на восприятие окружающего мира, результаты, полученные в ходе производства психофизиологических исследований, будут недостоверными. Также следует отметить, что существуют определенные ограничения в использовании полиграфа, такие как:

– нахождение лица в состоянии физического или эмоционального истощения;

– состояние алкогольного или наркотического опьянения;

– прием сильнодействующих лекарственных препаратов;

– наличие психических заболеваний или расстройств [7, с. 38].

Рассматривая процессуальные особенности производства психофизиологических исследований, необходимо отметить, что существует два способа. Первый способ предполагает проведение данных исследований в рамках оперативно-разыскной деятельности. Ст. 6 ФЗ «Об Оперативно-розыскной деятельности» регламентирует производство оперативно-разыскных мероприятий, перечень которых является исчерпывающим. Один из данных видов – опрос с применением полиграфа. Производство данного вида исследования регламентируется инструкцией «О порядке использования полиграфа при опросе граждан», утвержденной приказом МВД РФ № 437 от 28.12.1994 года. В данной инструкции содержаться

основные положения, требования, а также условия проведения опроса с использованием полиграфа. Результаты опроса на полиграфе оформляются заключением оператора, которое может передаваться следователю для учета в процессе расследования. Пункт 1.2 вышеуказанной инструкции определяет, что информация, полученная в ходе опроса с использованием полиграфа, не может применяться в качестве доказательств [8]. При этом в п. 5.1 отмечено, что полученные в ходе опроса данные могут быть использованы в качестве ориентирующей информации оперативными подразделениями МВД России. В том случае, если данное исследование проводилось по поручению следователя, инициатор обязан его уведомить о полученных результатах. Несмотря на то, что результаты, полученные в ходе производства психофизиологического исследования с применением полиграфа, не учитываются в качестве доказательств, данный вид исследований способствует:

– получению от опрашиваемого фактических данных, способствующих проведению своевременных оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, а также решению основополагающих задач ОРД;

– осуществлению розыска лиц, скрывшихся от органа дознания, следствия и суда, а также уклоняющихся от уголовного наказания;

– розыску лиц, без вести пропавших;

– оценке информации на достоверность;

– выявлению причастности лица к подготавливаемому или совершенному преступлению.

В основном производство опроса с использованием полиграфа осуществляется сотрудниками оперативных подразделений негласно. В условиях, которые исключают возможность опрашиваемого осознавать факт проведения данного исследования. В практике считается, что данный способ является наиболее эффективным, так как исключает эмоциональную настороженность объекта исследования. В любом случае производство опроса с использованием полиграфа в качестве психофизиологического исследования помогает направить ход как оперативно-разыскной работы, так и в общем расследования по уголовному делу.

Вторым способом является производство психофизиологических исследований в рамках следственных и судебных действий. Данный способ, в частности, определяется назначением и проведением психофизиологической экспертизы. Приказ МВД России № 511 от 29.06.2005 г. предполагает проведение психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа [9]. В судебно-следственной практике существует множество споров по поводу значения результатов судебной психофизиологической экспертизы в качестве доказательств по уголовному делу. С одной стороны, считается, что единственной сферой практического применения данного вида исследования является получение ориентирующей, криминалистически значимой информации. С другой стороны, некоторые суды принимают во внимание результаты судебной психофизиологической экспертизы и используют их в качестве допустимых доказательств. Наиболее спорными вопросами по применению полиграфа являются:

– достоверность результатов, полученных в ходе производства психофизиологического исследования;

– возможность допущения ошибок, влияния данных ошибок на результаты, возможность опрашиваемого намеренно исказить показания при опросе с использованием полиграфа;

– этический и моральный аспекты применения полиграфа;

– соответствие процедуры производства психофизиологических исследований с использованием полиграфа нормам УПК РФ;

– компетентность специалиста, выбор методики производства исследования.

Последний из вышеперечисленных аспектов имеет наиболее важную роль в оценке результатов, получаемых в ходе производства психофизиологических экспертиз. Процесс производства СПФЭ заключается в проведении беседы с исследуемым лицом, которое, в свою очередь, подключено к полиграфу. Специалист-полиграфолог в соответствии с выбранной методикой задает опрашиваемому вопросы, связанные с обстоятельствами совершенного преступления, затем исследует физиологические реакции, фиксируемые с помощью полиграфа. Непосредственно по окончании проведения исследования специалист составляет соответствующее заключение. По своей природе заключение эксперта представляет собой письменное содержание исследования и выводы, сделанные на основе результатов. Необходимо обратить внимание, что выводы, содержащиеся в заключении эксперта, являются определенными умозаключениями по проведенному исследованию, основанными на специальных познаниях, а также общих научно-практических позициях. Таким образом, заключение эксперта является его индивидуально-частной версией по поводу подлинности показаний объекта исследования [5, с. 121].

Следует отметить, что производство психофизиологического исследования с использованием полиграфа может назначаться как в отношении подозреваемого и обвиняемого, так и в отношении свидетеля и потерпевшего. В данном случае вышеуказанный вид экспертизы позволяет исключить факты самооговора или оговора других лиц в совершении преступления.

В заключение необходимо сделать вывод о том, что существует множество пробелов при производстве психофизиологических исследований. В основном данные проблемы сосредоточены на уровне неурегулирования вопроса о доказательственном значении данных исследований. Как в научной, так и в практической деятельности вопросы, связанные с применением полиграфа при расследовании уголовных дел, вызывают большое количество споров и противоречий со стороны законодательных, моральных и этических норм. Несмотря на вышесказанное, значение производства психофизиологических исследований при расследовании преступлений заключается в том, что результаты, полученные в ходе исследований, выполняют ориентирующую функцию, помогают выявить наличие ложного алиби, а также оговора и самооговора лиц.

На сегодняшний день тема производства психофизиологических исследований при расследовании преступлений требует более глубокого изучения и модернизации, а также выработки единой тактики и системы. При более глубоком изучении данной тематики определения доказательственного значения результатов психофизиологических исследований и решении вопросов, связанных с их производством, процесс расследования преступлений будет наиболее эффективным.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).
2. Сафронова, Е. В., Туркина, Д. А. Тактика проверки и разоблачения ложного алиби // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 472–477.
3. Смольникова, И. В. История появления полиграфа и его применение в практике раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб науч. трудов. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2023. – Т. 25. – № 1. – С. 197-208.
4. Сороченко, В. Интересные факты о полиграфе // Пси-фактор: сайт о современных психотехнологиях. – URL: https://psyfactor.org/lib/polygraph-2.htm?lang=ru&lang=ru&line=31&UID=3ec0a1ca-a169-11e4-972f-005056867b06 (дата обращения 05.11.2025).
5. Герасимов, Е. В., Брагин, К. С, Хавдок, А. М. Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-poligrafa-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 10.11.2025).
6. Осипов, Я. В. Современные технические средства детекции лжи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnicheskie-sredstva-detektsii-lzhi (дата обращения: 10.11.2025).
7. Мавлютова, Д. В. Использование полиграфа в уголовном процессе // Правовой альманах. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-poligrafa-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 12.11.2025).
8. Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан утвержденная Приказом Министерства Внутренних Дел Российской Федерации от 28.12.1994 № 437. – URL: https://мвд.рф/document/7045870 (дата обращения: 12.11.2025).
9. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) (зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

Харченко Юлия Станиславна,
студентка 3 курса
факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)

Научный руководитель:
Ратьков Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

Институт адвокатского расследования и его место в структуре уголовного судопроизводства

Современное уголовное судопроизводство Российской Федерации основывается на принципах состязательности, равноправия сторон и гарантированного права на защиту. Однако в реальной практике эти принципы нередко реализуются лишь формально: возможности обвинения и защиты остаются неравными.

В этой связи в юридической науке и адвокатском сообществе все активнее обсуждается концепция адвокатского расследования, рассматриваемая как один из способов укрепления позиции защиты и достижения подлинного баланса сторон в процессе. Вопрос о его сущности и целесообразности занимает исследователей уже более двадцати лет, вызывая широкий спектр оценок – от признания потенциальной эффективности этого института до опасений, связанных с возможными злоупотреблениями и пересечением функций с органами предварительного расследования.

На сегодняшний день адвокатское расследование в России не является самостоятельным процессуальным институтом, хотя отдельные его элементы уже можно отметить в действующем правовом регулировании.

Термин «адвокатское расследование» не закреплен в российском законодательстве. В научной литературе под ним обычно понимается совокупность процессуальных действий, совершаемых адвокатом-защитником с целью самостоятельного сбора, фиксации и представления доказательств, способных подтвердить позицию защиты [1, с. 11].

В зарубежных правовых системах адвокатское расследование трактуется как независимая деятельность защиты по установлению обстоятельств дела, обладающая процессуальной значимостью. Например, в США адвокат может привлекать частных следователей, проводить опросы, собирать доказательства, инициировать экспертизы [2]. В европейских странах (Германия, Франция, Италия) защита имеет возможность самостоятельно запрашивать проведение следственных действий через суд [3].

В российском уголовном процессе сбор доказательств защитой регулируется частью 3 статьи 86 УПК РФ [4], согласно которой адвокат вправе:

– запрашивать справки, характеристики и иные документы;

– получать предметы и сведения от граждан и организаций;

– опрашивать лиц с их согласия.

Однако данные действия не приравниваются к следственным. Результаты таких мероприятий не обладают тем же процессуальным статусом, что доказательства, собранные следователем или дознавателем. Суд оценивает их как «иные документы», однако их допустимость может быть поставлена под сомнение, поскольку процессуальная форма их получения не регламентирована.

Анализ доступной судебной практики свидетельствует о том, что материалы, представленные адвокатами в рамках их самостоятельной доказательственной деятельности, нередко признаются судами недопустимыми. При этом мотивировка таких решений отличается устойчивой повторяемостью, что позволяет выделить несколько типичных оснований, фактически формирующих негласный стандарт оценки адвокатских доказательств.

Прежде всего суды указывают на отсутствие надлежащей аутентификации и невозможность достоверно установить происхождение представленных материалов. В подобных случаях обращается внимание на то, что документ или запись не позволяют определить условия их получения, личность участвовавших в этом лиц, а также не содержат признаков, однозначно подтверждающих подлинность источника. Такая позиция особенно часто встречается при оценке аудио- и видеозаписей, электронных данных, документов без подписи или без подтверждения лица, от которого они исходят [5].

Вторым блоком оснований выступает вывод суда о несоблюдении процессуального порядка получения сведений. Несмотря на то, что УПК РФ прямо не регулирует процедуру адвокатского расследования, суды фактически применяют к материалам защиты те же критерии допустимости, что и к доказательствам, собираемым следственными органами. В такой ситуации нередко делаются выводы о том, что получение сведений осуществлено вне установленной процессуальной формы, без гарантий добровольности, без надлежащей фиксации личности допрашиваемого или в условиях, несовместимых с требованиями уголовно-процессуального закона, что в силу ч. 2 ст. 75 УПК РФ исключает возможность использования таких данных в доказывании.

Отдельное внимание суды уделяют нарушениям условий передачи, хранения и фиксации материалов – так называемой цепочке сохранности. Отсутствие подтверждений неизменности цифровых носителей, несоответствие времени создания файлов заявленным обстоятельствам, отсутствие актов передачи или описей, а также отсутствие оригиналов документов традиционно формируют вывод о невозможности признать такие материалы достоверными. В ряде дел именно данный критерий становился определяющим для исключения сведений, полученных адвокатом [5].

В совокупности эти обстоятельства позволяют сделать вывод о формировании в правоприменительной практике завышенного стандарта проверки доказательств, полученных по инициативе стороны защиты. При отсутствии специально установленной процессуальной формы адвокатского расследования суды компенсируют этот нормативный пробел повышенными требованиями к происхождению, способу получения и доказательственной связи представленных материалов. В результате складывается момент явной асимметрии между возможностями стороны обвинения и защиты, что подтверждает необходимость законодательного регулирования порядка осуществления адвокатского расследования и придания его результатам четкого процессуального статуса.

Сторонники закрепления адвокатского расследования в системе уголовного процесса указывают на то, что расширение процессуальных возможностей защитника обеспечит реальное равноправие участников процесса и позволит формировать более полную и объективную доказательственную базу [6]. Введение адвокатского расследования может повысить качество правосудия, так как суд получит доступ к альтернативным доказательствам, добытым не только стороной обвинения. Это, в свою очередь, будет способствовать снижению числа судебных ошибок и укреплению доверия к институтам уголовного правосудия [7].

Также показательным является реальный случай, рассмотренный судами в 2013 году, связанный с использованием проверочной закупки. Полицейский агент, действуя под прикрытием, инициировал приобретение наркотического средства, обратившись к знакомым с просьбой «достать» психотропное вещество. В результате одна из девушек приобрела 0,85 г вещества и передала его молодому человеку, который, в свою очередь, реализовал дозу агенту за 2000 рублей.

Возбужденное в отношении этих лиц уголовное дело первоначально завершилось признанием их виновными в незаконном хранении наркотических средств, однако районный суд освободил их от наказания в связи с истечением сроков давности. Вместе с тем при апелляционном пересмотре Московский городской суд пришел к иному выводу. Исследовав обстоятельства закупки (благодаря адвокату), суд установил, что действия обвиняемых были прямо обусловлены провокационным поведением полицейского агента: инициатива совершения преступления исходила от сотрудника полиции, а без его вмешательства событие преступления не возникло бы вовсе. Учитывая признаки недопустимой провокации, апелляционная инстанция отказала в привлечении указанных лиц к уголовной ответственности, признав их подлежащими реабилитации [8].

Некоторые исследователи указывают, что такой институт может способствовать разгрузке следственных органов, особенно по делам частного и частно-публичного обвинения, где интересы потерпевших и обвиняемых зачастую пересекаются, а следственные ресурсы ограничены [9].

Вместе с тем в научной дискуссии существуют и серьезные возражения против идеи адвокатского расследования. Основной аргумент заключается в том, что наделение адвокатов следственными полномочиями может привести к подмене функций и нарушению принципа процессуального разделения ролей между обвинением, защитой и судом. Противники нововведения считают, что адвокат, действуя в интересах конкретного лица, не может быть наделен государственно-властными функциями, так как это способно подорвать баланс в уголовном процессе [10].

Не менее значимым является и вопрос контроля за действиями адвоката при проведении такого расследования. При отсутствии четкой правовой регламентации существует риск злоупотреблений, давления на свидетелей, искажения доказательств или нарушения их допустимости. Кроме того, введение адвокатского расследования не гарантирует фактического равенства сторон, так как материальные и организационные возможности адвокатов существенно различаются. В результате институт может стать привилегией для обеспеченных подсудимых, тогда как малоимущие лица не смогут воспользоваться его преимуществами в полной мере.

Рассмотрение института адвокатского расследования в рамках современной системы уголовного судопроизводства показывает, что данная модель имеет как потенциальные преимущества, так и ограничения.

Безусловно, введение адвокатского расследования без четких процессуальных рамок может породить правовую неопределенность. Однако при наличии законодательных гарантий и строгих процедур допустимости доказательств этот институт способен эффективно функционировать, не нарушая баланса между сторонами.

Несомненно, любое расширение процессуальных прав несет в себе риски злоупотреблений. Однако в условиях, когда сторона обвинения обладает несравнимо большими возможностями, отказ от развития механизмов защиты приводит к дисбалансу и подрывает сам принцип справедливого правосудия.

Введение института адвокатского расследования способно устранить данный дисбаланс, обеспечив стороне защиты реальные процессуальные возможности для собирания и представления доказательств.

Прежде чем вводить адвокатское расследование, важно определить его сущность, понять, какие разумные дополнительные полномочия адвокатам действительно нужны и как это можно сделать при минимальном изменении УПК РФ, без полной перестройки всей системы.

Следует исходить из того, что публичное расследование преступлений является исключительной функцией государства. Применение мер процессуального принуждения возможно только органами дознания, следствия и прокуратуры. Поэтому любое расширение полномочий адвоката должно оставаться в рамках его защитной функции и не превращать его в субъекта, обладающего принудительными полномочиями.

В этой связи особый научный интерес представляет идея введения механизма получения информации адвокатом во время предварительного расследования, а не только после его завершения, как это фактически происходит при ознакомлении с материалами дела по ст. 217 УПК РФ. Речь идет не о доступе к материалам уголовного дела, который действительно затрагивает тайну следствия, а о получении тех сведений, которые существуют вне уголовно-процессуальных документов и не связаны с тактикой расследования. Такой подход позволяет соблюсти как интересы защиты, так и интересы государства.

Информация, которая может предоставляться адвокату в ходе предварительного расследования без нарушения принципов уголовного процесса, включает сведения из государственных реестров, медицинских организаций, работодателей, различных учреждений и частных организаций, а также данные, необходимые для назначения и проведения независимых экспертиз. Эти сведения не раскрывают содержание следственных действий и не нарушают тайну расследования, а потому могут быть доступны защитнику в рамках расширенного действия ст. 86 УПК РФ.

Предоставление такой информации должно быть обеспечено гарантией обязательного ответа на адвокатский запрос в установленный срок, а отказ подлежать судебному контролю. Данный механизм не требует глубокой переработки структуры УПК и соответствует принципам состязательности.

Возвращаясь к вопросу о более обеспеченных подсудимых, нельзя отрицать, что на практике подобный институт может оказаться более доступным для

данных лиц. Однако такое обстоятельство не свидетельствует о несостоятельности идеи адвокатского расследования, а лишь подчеркивает необходимость создания условий, обеспечивающих равный доступ к нему для всех участников процесса. Решением может стать расширение полномочий адвокатов по назначению и внедрение государственной поддержки в сфере оказания юридической помощи.

Таким образом, развитие адвокатского расследования при надлежащем законодательном регулировании способно стать важным шагом на пути к подлинной реализации принципа состязательности и укреплению гарантий права на защиту.

Литература

1. Азарова, Ю. О. Адвокатское расследование как институт уголовного процесса // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – №10(74). – С. 11–17.

2. Национальная ассоциация юридических следователей (National Association of Legal Investigators, NALI). О юридических следователях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nali.com (дата обращения: 03.11.2025).

3. Американская ассоциация юристов. Модельные правила профессионального поведения (Model Rules of Professional Conduct). – Чикаго: ABA Publishing, 2020. – Правила 3.8, 5.3.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

5. Признание недопустимыми по УПК инициативных записей разговоров, выполненных потерпевшими свидетелями [Электронный ресурс]. – Zakon.ru. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2025/8/5/priznanie_nedopustimymi_po_upk_iniciativnyh_zapisej_razgovorov_vypolnennyh_poterpevshimi_svidetelyam (дата обращения: 15.11.2025).

6. Трунов, И. Л. Возможности и перспективы введения адвокатского расследования в уголовный процесс России [Электронный ресурс] // Официальный сайт адвоката И. Л. Трунова. – 2020. – Режим доступа: https://trunov.com/publications/16208/ (дата обращения: 02.11.2025).

7. Совет по подготовке специалистов в области расследования уголовной защиты (Criminal Defense Investigation Training Council, CDITC). Стандарты расследований по делам защиты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cditctraining.com (дата обращения: 02.11.2025).

8. Суд оправдал россиян, которых спровоцировали купить наркотики // Федеральный АИФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/society/law/sud_opravdal_rossiyan_kotoryh_sprovocirovali_kupit_narkotiki (дата обращения: 16.11.2025).

9. Бабаев, И. Ф. Адвокатское расследование в уголовном процессе России [Электронный ресурс] // Вопросы российской юстиции. – 2023. – №26. – Режим доступа:https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskoe-rassledovanie-v-ugolovnom-protsesse-rossii (дата обращения: 04.11.2025).

10. Деханов, С. А. Адвокатское расследование [Электронный ресурс] // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 3(68). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskoe-rassledovanie (дата обращения: 04.11.2025).

Цаллагова Алла Эльбрусовна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Сотникова Юлия Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

Цифровая трансформация современной преступности: изменение подходов к выявлению и расследованию преступлений

На сегодняшний день активное развитие получают информационно-телекоммуникационные технологии, что не может нее сказываться на жизни граждан, общества, государства. С развитием информационной среды все больше правоотношений подвергаются такому необратимому процессу, как цифровизация. Ряд авторов дают различные определения данному понятию, мы же остановились на следующем: цифровизация – это процесс внедрения цифровых технологий в разные сферы жизни, в том числе в уголовно-правовую сферу, который приводит к трансформации общественных институтов и социальных отношений.

Соответственно, большинство преступлений принимают «цифровой облик» и совершаются в киберпространстве, из-за чего перед криминалистами всего мира возникают новые трудности, требующие совершенно иного подхода к выявлению и раскрытию преступлений.

Традиционные криминалистические методы, ориентированные преимущественно на материальные следы, уже не в полной мере отвечают потребностям органов, осуществляющих предварительное расследование и оперативно-разыскную деятельность, в силу особенностей информационной среды. Стоит отметить, что подавляющее большинство киберпреступлений протекает в сети Интернет, можно выделить следующие особенности данной среды, из-за которых возникают трудности:

– экстерриториальность;
– транснациональность;
– анонимность субъектов;
– относительное ускорение процессов.

Стоит дать определение такому явлению, как киберпреступление. Это виновное противоправное общественно опасное действие, совершенное с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ. Криминалистическая характеристика преступлений включает сведения о способе совершения и сокрытия преступления, личности преступника, объекте посягательства, обстановке и следах. В условиях цифровизации каждый из указанных элементов претерпевает существенные изменения.

Способ совершения преступлений все чаще включает использование компьютерной техники, мобильных устройств, сетевых сервисов и технологии блокчейн. При этом традиционные преступления, как мошенничество, вымогательство, незаконный оборот наркотических средств, приобретают цифровое измерение, что расширяет и усложняет их криминалистическую характеристику.

Личность преступника характеризуется высоким уровнем анонимности. Нередко преступная деятельность носит коллективный характер, что затрудняет установление роли каждого участника и отождествление личности. Формируется массив цифровых следов – данных, зафиксированных в электронных системах и сетях. Эти следы становятся ключевым элементом криминалистической характеристики и основным источником доказательной базы.

Цифровые следы представляют собой информацию о событиях и действиях, зафиксированную в электронной форме. К ним относятся данные лог-файлов, история активности в сети Интернет, метаданные файлов, геолокационные данные, переписка в мессенджерах и социальных сетях. На наш взгляд, цифровые следы имеют ряд особенностей:

– нематериальный характер;

– высокая изменяемость;

– зависимость от технических условий хранения и извлечения;

– сложность визуального восприятия.

Обнаружение и фиксация цифровых следов требуют применения специальных технических и программных средств, а также участия специалистов. Особое значение имеет криминалистическая классификация цифровых следов, позволяющая определить способы их изъятия и исследования.

Цифровизация преступности требует пересмотра тактики проведения следственных действий. Для расследования преступлений в информационно-телекоммуникационной среде используются специализированные методы и техники, включая цифровую криминалистику, анализ данных, экспертизу компьютерных систем. Некоторые особенности:

1) сбор информации. Проверяется предыстория совершения преступления, собираются сведения о криминалистических признаках, указывающих на совершение преступления;

2) изучение цифровых систем. Анализируются необработанные данные сетевого подключения, жестких дисков, файловых систем, кэширующих устройств, оперативной памяти;

3) использование специализированных технических средств. Следователи могут применять программное обеспечение для анализа данных, средства для получения удаленного доступа к компьютерам и другим устройствам, с помощью которых совершались преступления.

Исходя из особенностей цифровой среды, следственные действия требуют пересмотра тактики их проведения. Осмотр места происшествия все чаще включает исследование цифровой обстановки и инструментов: компьютеров, серверов, сетевого оборудования, систем видеонаблюдения.

Обыск и выемка обладают повышенной сложностью, поскольку связаны с необходимостью быстрого реагирования, предотвращения уничтожения данных и правильного изъятия электронных носителей. Допросы по делам, связанным с

цифровыми преступлениями, требуют от следователя специальных знаний для правильной интерпретации терминов и механизмов.

Использование автоматизированных систем анализа информации и элементов искусственного интеллекта позволяет выявлять скрытые связи между фигурантами, анализировать большие массивы данных и повышать эффективность расследования.

Одной из ключевых проблем является отставание криминалистических методик от темпов развития цифровых технологий. Многие методики расследования преступлений нуждаются в актуализации с учетом цифровых способов совершения и сокрытия преступлений. Серьезной проблемой остается недостаточная подготовка лиц, осуществляющих предварительное расследование в области цифровой криминалистики. Решение данной задачи возможно путем внедрения специализированных образовательных программ и взаимодействия с IT-специалистами.

Цифровая трансформация современной преступности оказывает существенное влияние на все элементы предмета криминалистики. Изменяются механизм преступной деятельности, криминалистическая характеристика преступлений, характер следовой информации и тактика расследования. Эффективное противодействие преступности в цифровую эпоху возможно лишь при условии развития цифровой криминалистики, совершенствования методик работы с цифровыми следами и повышения уровня профессиональной подготовки следователей. Криминалистика должна не только реагировать на изменения преступности, но и опережать их, формируя научно обоснованные рекомендации для следственной практики.

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

3. Конев, Д. А. Цифровые технологии и преступность / Д. А. Конев // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2(97). – С. 224–228.

4. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2-х ч. / А. В. Аносов и др. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.

5. Смирнов, А. А. Перспективы развития науки криминалистики в эпоху цифровизации / А. А. Смирнов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 4. – С. 141–145.

Чернова Ольга Андреевна,
курсант 2 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Джавадян Юрий Рачикович,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и оперативно-розыскной
деятельности органов внутренних дел
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Значение субъективной стороны при квалификации преступлений

Проблема разграничения преступного деяния от непреступного является фундаментальной задачей для уголовно-правового регулирования. Ее решение предопределяет точность в квалификации деяния, совершенного лицом. Уголовный кодекс Российской Федерации четко разграничивает психическое отношение лица к совершенному им деянию в соответствии со ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно» и ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности».

Рассмотрев и проанализировав статью 25 Уголовного кодекса РФ, мы установили определенные критерии уголовно-правовой оценки умышленной формы вины в процессе совершения общественно опасного деяния. Как видно из указанной уголовно-правовой нормы, умышленная форма вины предусматривает два вида: прямой умысел и косвенный умысел. При осуществлении анализа данных видов умышленной формы вины необходимо рассмотреть элементы, которые содержит в себе данная конструкция. Прямой умысел включает в себя интеллектуальный элемент, который проявляется в виде предвидения и осознания лицом наступления общественно опасных последствий, например субъект, совершая кражу, осознает и предвидит, что в ходе его действий произойдет изъятие чужого имущества, при убийстве лицо предвидит и осознает, что по результатам его действия или бездействия наступят последствия в виде причинения смерти другому человеку. Также данная форма вины включает в себя волевой элемент, который проявляется в желании наступления указанных преступных последствий.

При сравнительном анализе прямого умысла с косвенным мы видим, что интеллектуальный элемент в целом идентичен у обоих форм, однако ключевое отличие прослеживается в волевом элементе. В отличие от прямого умысла, где субъект желает наступления общественно-опасных последствий, при косвенном умысле лицо не желает наступления данных последствий но сознательно их допускает или относится к их наступлению безразлично. Например, как убийство, совершенное с косвенным умыслом, можно расценить действия лица, которое из мести осуществляет поджог домовладения соседа в ночное время и, видя, что в доме горит свет, продолжает свои действия, в результате которых гибнут люди. То есть лицо не желает смерти данным лицам, но осуществляя поджог и, наглядно

наблюдая, что в доме в это время находятся люди, продолжает свои преступные действия, что указывает на безразличное отношение к последствиям и сознательное их допущение. Данный критерий характеризует волевой элемент косвенного умысла.

Относительно же преступлений, совершенных по неосторожности, законодатель описывает обязательные признаки, которые прописаны в статье 26 УК РФ. Закон разделяет преступления, совершенные по неосторожности, на две категории – по легкомыслию и небрежности. Относительно первой категории выдвигаются следующие обязательные признаки: предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, содержащихся в деянии, и самонадеянный расчет на их предотвращение. Для преступлений, совершенных по небрежности, характерны следующие обязательные признаки: лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия [1].

Из проанализированной информации следует, что можно назвать основные критерии разграничения умышленной формы вины от неосторожности. Умышленная форма вины подразумевает под собой осознание человеком возможности наступления общественно опасных последствий, содержащихся в его деянии, стремление и желание их наступления в форме прямого умысла или же отсутствия стремления к наступлению общественно опасных последствий, но при одновременном умышленном допущении данных последствий или безразличном к ним отношении в форме косвенного умысла. Неосторожность же, напротив, выражается в полном отсутствии понимания возможности наступления общественно опасных последствий в форме небрежности или же понимания возможности наступления таких последствий, но самонадеянной, без весомых на то обстоятельств, уверенности, что лицо сможет их предотвратить, в форме легкомыслия.

Подводя итог, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что психическое отношение человека к совершаемым им действиям требует пристального изучения и рассмотрения, т.к. содержит в себе много факторов, которые могут повлиять на квалификацию деяния, а как следствие, внести за собой изменения в меру наказания, которую назначат лицу, совершившему это деяние.

Для правильной квалификации преступлений, суть которых заключается в установлении всех элементов состава преступления и соответствия совершенного деяния конкретной статье Уголовного кодекса РФ, необходимо учитывать и обязательные, и факультативные признаки содеянного. Недопустимо давать правовую оценку, основываясь только на объективной или субъективной стороне совершенного преступления, ведь есть ряд составов, в которых обязательными становятся факультативные признаки.

К факультативным признакам субъективной стороны относятся мотив и цель совершенного деяния. В некоторых составах, предусмотренных УК РФ, становится очевидным обязательное наличие этих признаков. Примерами таких составов можно назвать ст. 205 УК РФ «Террористической акт» и ст. 281 УК РФ «Диверсия». При рассмотрении указанных уголовно-правовых норм становится очевидна идентичность объективной стороны. Для правильной квалификации мы обращаемся к цели преступного посягательства, что является факультативным

признаком субъективной стороны. Согласно ст. 205 УК РФ террористический акт – это совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Исходя из положений ст. 281 УК РФ, диверсией является совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации [2]. При анализе вышеуказанных уголовно-правовых норм мы видим, что целями террористов при совершении террористического акта являются устрашение населения, дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. При совершении диверсии основной целью является подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности РФ. То есть при схожести всех элементов состава преступления имеется ключевое отличие в целях совершенного деяния, что позволяет провести разницу в квалификации содеянного. Факультативный признак субъективной стороны преступления в данном случае переходит в разряд основного при разграничении смежных составов.

Исходя из приведенного выше примера, можно с уверенностью сказать о том, что факультативные признаки субъективной стороны, такие как цель и мотив, зачастую играют решающую роль в правильной квалификации ряда составов.

Подводя итог, можно сказать, что факультативные признаки из-за возможности перехода в обязательные, например, как в случае со ст. 281 и ст. 205, как в приведенном примере, или с пунктом «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ (в этом случае мотив «из хулиганских побуждений» становится обязательным элементом состава), играют немаловажную роль в квалификации преступления и требуют нашего внимания.

Мы считаем, что необходимо уделять данному аспекту должное внимание при оценке содеянного субъектом, так как при квалификации могут иметь место ошибки в установлении психического отношения лица к совершенному им деянию, что неразрывно связано с целью и мотивом направленного умысла.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что правильная квалификация деяния очень важна, и для ее реализации необходимо учитывать все аспекты совершенного преступления. К таким аспектам, исходя из нашей темы, являются как сама субъективная сторона, так и факультативные признаки субъективной стороны.

Ярким примером необходимости в правильной квалификации может являться приговор № 1-191/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-191/2020, в котором отражено, что ходе расследования органы предварительного следствия неправильно квалифицировали общественно опасное деяние, а именно нанесение

кухонным ножом удара в область брюшной полости В., совершенное Е., признав его преступлением, предусмотренным п. з ч. 2 ст. 111 УК РФ, т.е. причинение тяжкого вреда здоровью. В ходе судебного заседания на основании показаний потерпевшего, обвиняемого, свидетелей, а также заключения эксперта было установлено, что действия, совершенные Е., предусматриваются ст. 118 УК РФ, т.е. причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, так как Е. взял нож для открытия запертой двери, не имел умысла нанесения удара данным ножом, не видел момент удара и не помнил, в какой момент нанес удар. Удар был нанесен в момент, когда В. попытался остановить его открытие двери, при этом Е. сразу позвонил в скорую, не пытался скрыться, оказал первую помощь потерпевшему [3].

В заключение необходимо отметить важность правильной квалификации преступлений, что является важнейшей компетенцией сотрудников правоохранительных органов, так как целью проведения проверочных мероприятий по обращениям граждан и в ходе предварительного расследования является установление истины, и это обязательный критерий правильной квалификации совершенного деяния.

Литература

1. Динека, В. И. Правовое значение вины и причинной связи в умышленных и неосторожных преступлениях // Евразийская адвокатура. – 2018. – №3. – С. 79–83.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 29.10.2025).

3. Приговор Верещагинского районного суда №1-191/2020 // СудАкт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/5dXqnL5x75LJ/ (дата обращения: 23.10.2025).

Чернушевич Ксения Сергеевна,
курсант 3 курса
Омской академии МВД России

Квасников Евгений Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Омской академии МВД России

Дипфейк как потенциальная угроза общественным отношениям

В условиях стремительной цифровизации общества крайне важным становится правовое регулирование, касающееся создания и использования дипфейков. На данный момент в российском законодательстве отсутствует четкое легальное определение данного феномена. В научной литературе и иных источниках дипфейки описываются как технологии «глубинного обучения» (от англ. deep learning) и подделки (от англ. fake) [1]; как синтез правдоподобных поддельных изображений, видео- и аудиоматериалов с помощью искусственного интеллекта [2], а также как «поддельное видео, выполненное с использованием глубоких нейронных сетей [3]».

Дипфейки представляют собой видео, фото или аудиозаписи, созданные с применением искусственного интеллекта, в которых образы или голоса людей изменены так, что они выглядят и/или звучат как реальные, хотя на самом деле таких лиц не существует.

Общественная опасность данного явления является объективной и изменяется под влиянием различных факторов. В 2023 году в России на платформах социальных сетей было зафиксировано более 12 миллионов фейковых сообщений, которые собрали миллиарды просмотров. За последние пять лет преступления в киберпространстве возросли более чем вдвое, составив примерно 40% общего числа нарушений уголовного законодательства. По данным, предоставленным на начало 2024 года, общий ущерб от таких преступлений составил 116 миллиардов рублей. Дипфейки используются для различных финансовых махинаций, вымогательства, нарушения неприкосновенности частной жизни и других правонарушений [4].

Данная проблема имеет глобальный характер. Например, в социальных сетях появилось фейковое видео, в котором были использованы фрагменты интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова. Авторы этого видео с помощью нейросетей наложили совершенно неправдоподобный текст на оригинальный фрагмент из документального фильма, посвященного 25-й годовщине агрессии НАТО против Югославии. Мошенники также опубликовали фейковый видеоролик на YouTube, выдавая его за официальное выступление миллиардера Илона Маска на конференции Bitcoin-2024, где он якобы обещал бесплатное распространение различных криптовалют. В этом фейковом ролике пользователям предлагалось перевести деньги на указанный адрес, в результате чего мошенники собрали 28586 долларов от доверчивых граждан [5]. В конце января 2024 года, незадолго до праймериз в Нью-Гэмпшире, тысячи местных демократов получили звонки с призывами не участвовать в голосовании. Эксперты из

компании Pindrop, занимающейся кибербезопасностью, определили, что имитация голоса президента США была выполнена с помощью искусственного интеллекта. Офис генерального прокурора штата квалифицировал эти звонки как незаконную попытку воспрепятствовать голосованию и инициировал расследование [6].

Сложившаяся ситуация требует от законодателей разработки правового контроля в области создания и использования дипфейков. Например, в США Закон о национальной обороне на 2020 год предусматривает усиление мер по регулированию использования дипфейков, а также устанавливает ответственность за их распространение. В законодательстве штата Техас предусмотрены меры ответственности за использование дипфейков, порочащих честь и достоинство кандидатов на выборах, вплоть до одного года лишения свободы и штрафа до 4 тысяч долларов [7]. В законодательстве Китая также предусмотрена обязательная маркировка дипфейков [8].

В настоящее время в Верхней палате Федерального собрания Российской Федерации разрабатывается законопроект, направленный на запрет создания и распространения дипфейков, которые имитируют голос и образы людей без их согласия. Законодатели понимают необходимость предотвращения этой угрозы до того, как она станет серьезной проблемой. Данный законопроект будет содержать определение термина «дипфейк» и предложенные запреты. В зависимости от последствий использования дипфейков предполагается введение как административной, так и уголовной ответственности. Ожидается, что в ближайшее время данный законопроект будет рассмотрен Государственной думой Российской Федерации [9].

Таким образом, широкое распространение дипфейков представляет собой потенциальную угрозу, способную нанести значительный вред общественным отношениям, что подтверждает их общественная опасность и обосновывает необходимость усиления уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с их использованием.

Тем не менее создание отдельных уголовно-правовых норм, касающихся дипфейков, является сложной задачей по нескольким причинам.

Во-первых, развитие общественных отношений в современном мире происходит с такой быстротой, что сопоставимо с предыдущими эпохами (до информационной). Уголовно-правовые нормы должны основываться на стабильном «каркасе», который не подвержен постоянным изменениям, и воздействовать на определенные социальные отношения. Однако сегодня крайне трудно предсказать направление изменений в области информационных и телекоммуникационных технологий, что затрудняет прогнозирование новых методов совершения преступлений с использованием дипфейков.

Во-вторых, создание отдельных уголовно-правовых норм, касающихся дипфейков, осложняется с точки зрения юридической техники и социальной оправданности уголовной ответственности за их создание и использование. Многие преступления могут быть совершены с применением дипфейков, и составить исчерпывающий перечень таких преступлений невозможно, поскольку нельзя точно предсказать все новые формы их использования. В этой ситуации остаются два варианта: либо ввести в существующие составы преступлений новую квалифицирующую отягчающую характеристику «с использованием дипфейков» (что по-

требует легального определения данного понятия и внесения изменений в значительное число статей Особенной части УК РФ); либо разработать отдельный уголовно-правовой запрет на создание и использование дипфейков (но не все случаи создания и использования дипфейков являются общественно опасными).

Таким образом, наше предложение по повышению уровня уголовно-правового воздействия на преступления, связанные с созданием и использованием дипфейков, заключается в дополнении статьи 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», пунктом о «совершении преступления, связанного с созданием и использованием синтезированного аудио или видео, созданного с помощью искусственного интеллекта».

Литература

1. Добробаба, М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. – 2022. – № 11(192). – С. 112–119.

2. Ситник, В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 3(20). – С. 76–83.

3. Мамаев, В. Дипфейки. Ужасы искусственного интеллекта // Технологии безопасности: сайт. – URL: https://www.secuteck.ru/articles/dipfejki-uzhasy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 29.09.2025).

4. Кочетова, А. Дипфейки и ответственность за их распространение. Что важно знать // Legalacademy: сайт. – URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/dipfeiki-i-otvetstvennost-za-ih-rasprostranenie-chto-vazhno-znat (дата обращения: 09.09.2025).

5. Мошенники украли криптовалюты на $ 28500 с помощью дипфейка Илона Маска // Bits.media: сайт. – URL: https: //bits.media/moshenniki-ukrali-kriptovalyuty-na-28-500-c-pomoshchyu-dipfeyka-ilona-maska/ (дата обращения: 09.10.2025).

6. Интернет-ресурс РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20240123/praymeriz-1922867153.html (дата обращения: 09.10.2025).

7. Kugler, Matthew B. and Pace, Carly, Deepfake Privacy: Attitudes and Regulation (February 8, 2021). 116 Nw. U. L. Rev. 611 (2021). – Northwestern Public Law Research Paper. – 2021. – № 21-04.

8. Виноградов, В. А., Кузнецова, Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – №. 2. – С. 215–240.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности): Законопроект № 718538-8 // Sozd.duma: сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8 (дата обращения: 14.10.2025).

Четуков Шахим Мухамедович,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Моцар Юлия Владимировна,
преподаватель кафедры конституционного
и гражданского права Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

Цифровизация гражданско-правовых отношений

На сегодняшний день активное развитие получают информационно-телекоммуникационные технологии, что не может не сказываться на жизни граждан, общества, государства. С развитием информационной сферы все больше правоотношений, возникающих между людьми, между людьми и государством (в лице его органов), переходят в информационное поле. Соответственно, гражданско-правовые отношения также перекочевывают в данную сферу, при этом образуются совершенно новые отношения, ранее не существовавшие и присущие исключительно данной среде [1]. То есть происходит цифровизация привычных всем отношений, а также возникают совершенно новые отношения, связи, предметы.

Цифровизация открывает новые возможности: увеличение доступности правосудия, снижение затрат и времени, повышение прозрачности гражданско-правового оборота. Однако она порождает новые правовые, технические и институциональные вызовы, которые требуют адекватных решений.

Ряд авторов дают определение понятию цифровизации гражданско-правовых отношений, однако мы решили выделить свое. На наш взгляд, это необратимый процесс адаптации традиционных гражданских правоотношений и норм права к новым условиям цифровизации экономики, социума и других сфер жизни человека, связанный непосредственно с развитием информационных технологий, искусственного интеллекта, блокчейна, токенов и др. Следует выделить ряд особенностей такого процесса:

– переход от бумажных к электронным формам заключения и исполнения обязательств;

– возможность дистанционного взаимодействия сторон;

– использование цифровых подписей, электронных идентификаторов, а также иных средств аутентификации;

– появление цифровых объектов и соответствующих цифровых прав.

Среди основных преимуществ цифровизации можно выделить следующие:

– повышение доступности и удобства. Стороны могут заключать и исполнять обязательства дистанционно, без необходимости личного присутствия или бумажного документооборота;

– снижение транзакционных издержек. Меньше бумажной работы, меньше времени на логистику документов, более оперативное взаимодействие;

– ускорение процессов. Цифровые платформы позволяют быстрее обмениваться информацией, подавать заявления, регистрировать права и др.;

– прозрачность и контроль. Электронные реестры, цифровые сервисы ускоряют мониторинг деятельности, повышают доверие участников.

Преимущественное внимание уделяют таким отношениям в сети Интернет, так как наибольшее их количество протекает именно здесь, но информационная среда не ограничивается только этой сетью [2]. Можно выделить некоторые особенности:

– экстерриториальность;

– транснациональность;

– анонимность субъектов;

– относительное ускорение процессов.

Новые виды правоотношений возникают на основе новых технологий. Например, технология блокчейна, появившаяся относительно недавно. Блокчейном является децентрализованная система хранения и передачи информации. Его особенности заключаются в том, что нет единого центра управления или сервера, на котором хранятся все данные; информация распределена на множестве узлов по всему миру; каждый узел (компьютер) содержит полную копию всех блоков. В блокчейне обычно хранятся не сами данные, а записи о событиях в Сети (например, транзакции).

В этом и ее уникальность, нет единого центра, невозможно изменить или подделать данные, что обеспечивает ее пользователей высоким уровнем безопасности. На сегодняшний день ее активно применяют в различных сферах жизни.

Финансовая сфера: банки используют блокчейн для международных переводов, торгового финансирования.

Сфера логистики: позволяет отслеживать каждый этап поставки товаров, начиная от производства до конечного потребителя.

Сфера здравоохранения: помогает в хранении медицинских данных, обеспечивая их безопасность и доступность для врачей и пациентов.

Вышесказанное показывает, насколько активно происходит цифровизация привычных гражданских правоотношений, ее пользу и эффективность. Однако, несмотря на все плюсы, есть и недостатки такого процесса.

Правовая неопределенность и пробелы законодательства, то есть цифровые технологии развиваются быстрее, чем право. Возникают новые формы взаимодействия (смарт-контракты, NFT, ИИ-продукты), не имеющие прямого отражения в законодательстве РФ. Недостаточная определенность терминов («информационный продукт», «цифровая платформа», «искусственный интеллект») создает сложности в судебной практике.

Также существуют технические и инфраструктурные проблемы. Неравномерный уровень цифровой инфраструктуры по регионам: в некоторых местах слабое интернет-соединение, недостаточное техническое оснащение, что препятствует полноценному использованию цифровых сервисов. Например, при онлайн-судах в РФ отмечалось: «отсутствие интернет-связи, отсутствие необходимого компьютерного оборудования для видеоконференций».

Возникают и проблемы конфиденциальности, защиты персональных данных: цифровые процессы порождают большие объемы данных, однако не всегда обеспечен их надежный статус, защита, а также соблюдение прав субъектов. Имеет место быть потенциальное снижение качества юридической защиты в цифровой среде: быстрота и автоматизация не всегда обеспечивают качество анализа, индивидуальный подход, защиту интересов слабой стороны.

Для вышеназванных проблем необходимы пути решения, которые уже разрабатываются специалистами на разных уровнях. Некоторые из них отметим.

1) Законодательное закрепление понятий, а также установление правового режима цифровых сделок. Например, научная доктрина предлагает четкие определения понятий для законодателя.

2) Разработка стандартов и правил для электронного документооборота, дистанционных сделок, судебных процессов в цифровой форме.

3) Установление надежных механизмов аутентификации, подписи, хранения, цифровой ответственности и санкций за нарушения. Внедрение современных решений безопасности (шифрование, блокчейн-технологии, защита от DDoS, резервирование данных).

4) Обеспечение юридических гарантий защиты прав субъекта, равного доступа, защиты слабой стороны.

5) Инвестиции в цифровую инфраструктуру, особенно в удаленных сельских районах, обеспечение стабильного доступа к Интернету, оснащение органов правосудия, нотариата, регистрационных служб.

6) Создание единых информационных систем и платформ, стандартизированных и интегрированных между ведомствами (суды, регистрационные органы, нотариат). Это позволит минимизировать дублирование, улучшить взаимодействие и снизить издержки.

7) Обучение специалистов: подготовка кадров, повышение цифровой грамотности участников процесса (как юридических лиц, так и граждан).

Литература

1. Дмитрик, Н. А. Способы осуществления субъективных гражданских прав иисполнения обязанностей с использованием сети Интернет: дисс. ...канд. юридических наук: Дмитрик Николай Андреевич. – Москва, 2007. – 213 с.

2. Дзагоев, Т. В. Гражданско-правовые нарушения в результате неправомерных действий с использованием глобальной информационной сети Интернет в современном информационном обществе: дисс. ...канд. юридических наук: Дзагоев Таймураз Вячеславович. – Владикавказ, 2010. – 211 с.

Чичигин Иван Максимович,
студент 4 курса
высшей школы журналистики и медиапроизводства
института филологии и медиакоммуникаций
Иркутского государственного университета

Научный руководитель:
Ворожцов Александр Михайлович,
доцент кафедры социальной философии и социологии
института социальных наук
Иркутского государственного университета,
кандидат социологических наук, доцент

Правовые и журналистские вызовы после введения запрета рекламы на площадках, признанных нежелательными

С 1 сентября 2025 г. в России вступили в силу изменения, установленные Федеральным законом № 72-ФЗ, которые запрещают распространение рекламы на информационных ресурсах, принадлежащих организациям, признанным нежелательными или экстремистскими, а также на иных ресурсах, доступ к которым ограничен в соответствии с российским законодательством об информации. Это сделано для исключения финансирования экстремистских и террористических организаций. Норма распространяет ответственность на рекламодателей и рекламораспространителей, вводит административные меры за нарушения и формализует запрет, ранее реализуемый преимущественно через блокировки и решения надзорных органов [1].

Данный закон вносит изменения в ряд нормативных актов, прежде всего в законодательство о рекламе и в нормы, регулирующие противодействие экстремистской деятельности. Ключевой положительный эффект – формализация ранее фрагментарных ограничений и создание единой правовой основы для запрета рекламных размещений на «нежелательных» площадках. Вместе с тем закон оставляет открытыми ряд исполнительно-правовых вопросов: порядок информирования рекламодателей о внесении площадок в перечни, механизмы контроля автоматизированных рекламных цепочек и распределение ответственности между рекламодателем, агентством и платформой-распространителем [1, 2].

Практически важным становится положение о распространении ответственности: поскольку размещение рекламы часто происходит через цепочку посредников и программных систем (RTB, DSP, агрегаторы), рекламодатели рискуют оказаться привлеченными к ответственности за контент, размещенный на площадках, о статусе которых они могли не знать. Это порождает необходимость внедрения внутренних комплаенс-процедур и технических фильтров у рекламораспространителей [2].

Вслед за введением запрета наблюдается перераспределение рекламного трафика в пользу отечественных площадок и альтернативных каналов (мессенджеры, нативные площадки, партнерские сети). Экономические последствия включают как потенциальный рост спроса на внутренние рекламные сервисы, так

и временное снижение эффективности кампаний, особенно для сегментов, которые ранее ориентировались на международные соцсети с высокоточными инструментами таргетинга. Аналитики предупреждали о возможном замедлении роста рынка и необходимости адаптации стратегий закупки трафика и CRM-инструментов [3].

Особое влияние запрет оказывает на малый и средний бизнес: для многих рекламная кампания на международных платформах была наиболее доступным каналом выхода на аудиторию. Увеличение трансакционных и операционных издержек, необходимость освоения новых инструментов и изменения медиабаинга создают барьеры для быстрого восстановления прежнего уровня охвата [3].

Для журналистов и редакций закон № 72-ФЗ создает несколько взаимосвязанных вызовов. Во-первых, сужается арсенал доступных канальных решений: публикация и распространение материалов через площадки, признанные нежелательными или заблокированные, теперь сопряжены с риском для рекламной монетизации и репутации. Во-вторых, редакционные политики подвергаются пересмотру – редакции вынуждены тщательнее проверять источники, избегать ссылок и встраивания материалов из запрещенных ресурсов, а также перераспределять усилия на локальные и верифицированные каналы связи с аудиторией [4].

В качестве примеров можно привести следующие ситуации.

1. Кейс блогера. В октябре 2025 г. в российских СМИ появилась информация о деле, в котором блогера оштрафовали за публикацию с признаками рекламы в социальной сети, признанной запрещенной. Это показало, что регуляторы начали применять административные меры и что даже «непрямые» форматы могут квалифицироваться как реклама при наличии коммерческих признаков. «По крайней мере у этих категорий рекламодателей попытки обходов установленного в рамках нового закона запрета на размещение рекламы неизбежны», – предупреждает Марк Хлуднев (основатель Digital Church). Такой прецедент служит сигналом для инфлюенсеров и малого бизнеса о необходимости правовой проверки контента [4].

2. Кейс брендов. Крупные ритейлеры и бренды косметики переводят трафик на собственные площадки и мессенджеры, а также усиливают UGC и контент-маркетинг через бренд-медиа. При этом эксперт указывают на особенность финансового взаимодействия в инфлюенс-маркетинге. «Все расчеты производились напрямую между блогерами, агентствами и рекламодателями», — добавляет Т. Куликова (директор по PR и новым медиа, Vinci). Такая модель расчётов усложняет процесс контроля и делает необходимыми новые договорные практики [4].

С другой стороны, новые правила стимулируют поиски форматов сотрудничества внутри страны: партнерства с отечественными платформами, развития собственных решений и усиления качества верификации информации. Это может привести к усилению профессиональных стандартов на локальном рынке, но одновременно и к рискам сокращения информационного разнообразия, особенно в темах международной повестки [4].

На основе анализа сформированной правовой базы и экспертных оценок предлагаются следующие практические меры выхода из сложившейся ситуации:

1) внедрить процедуры регулярной верификации статуса площадок, на которых размещается реклама (автоматизированные списки, интеграция с реестрами Минюста и Роскомнадзора) [1; 2];

2) обновить договорные модели между рекламодателями и агентствами, четко распределив ответственность за соответствие размещений требованиям закона [2];

3) редакциям и журналистам – разработать внутренние редакционные инструкции по использованию внешних ссылок и материалов с запрещенных площадок; развивать собственные каналы дистрибуции [4, 5];

4) малому бизнесу – пересмотреть медиапланы, учитывать возрастание затрат на адаптацию кампаний и изучать возможности отечественных рекламных инструментов (Telegram-каналы, VK, Яндекс.Дзен) [3].

В заключение можно отметить, что Федеральный закон № 72-ФЗ, вступивший в силу 1 сентября 2025 г., формализовал запрет на распространение рекламы на площадках, признанных нежелательными или экстремистскими, и тем самым серьезно повлиял на рекламную экосистему и журналистскую практику в России. Закон требует от участников рынка системных изменений: внедрения комплаенс-механизмов, пересмотра договорной практики и адаптации редакционных стандартов. Однако баланс между защитой информационного пространства и сохранением плюрализма мнений остается ключевой задачей для дальнейшего правового и профессионального развития медиасферы.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения рекламы на информационных ресурсах: Федеральный закон от 07.04.2025 № 72-ФЗ // Официальный сайт Президента РФ. 2025. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51808 (дата обращения: 15.11.2025).

2. О запрете распространения рекламы после 1 сентября 2025 года на определенных интернет-ресурсах // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 15.11.2025).

3. Эксперты: закон №72 и рынок рекламы – перераспределение трафика и рост спроса на отечественные инструменты // РБК. 2025. – URL: https://companies.rbc.ru/useful/zakon-72-fz-gde-teper-zapreshcheno-razmeschat-reklamu/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.11.2025).

4. Эксперты прогнозируют обходы закона о запрете размещения рекламы в Instagram и других сетях // Ведомости. 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2025/03/26/1100224-eksperti-prognoziruyut-obhodi-zakona-o-zaprete-razmeshcheniya-reklami-v-instagram?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.11.2025).

5. Ворожцов, А. М. Роль преподавателя высшей школы как эксперта в обучении студентов // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира. Сборник научных трудов IV международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2025. – С. 377-378.

Шабанов Руслан Мурадович,
курсант 4 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Мамонтов Денис Юрьевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и пути их решения

Актуальность темы обусловлена фундаментальным изменением структуры преступности в XXI веке. Информационно-телекоммуникационные технологии (ИТТ) создали новую среду для совершения противоправных деяний, характеризующуюся беспрецедентной скоростью, масштабом и анонимностью. Если в начале 2000-х годов киберпреступность воспринималась как узкоспециализированная область, то сегодня она представляет собой системную угрозу национальной безопасности, экономике и общественному порядку. По данным Генеральной прокуратуры РФ, ущерб от киберпреступлений в 2024 году оценивается в сумму, превышающую 2 трлн рублей, при этом прямые финансовые потери граждан и организаций составили не менее 500 млрд рублей [1]. Удельный вес преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, в общем массиве преступности в 2024 году достиг 40%, а абсолютное число превысило 765 тысяч [2]. Однако эти цифры отражают лишь видимую часть айсберга, поскольку латентность данной категории преступлений, по экспертным оценкам, достигает 85–90%.

Противодействие этому вызову требует от ОВД не просто адаптации существующих методов работы, а фундаментального пересмотра подходов. Как верно отмечает Т.Л. Тропина, «киберпреступность перестала быть технологическим курьезом, превратившись в полноценный сектор теневой экономики» [3]. Деятельность ОВД сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем: от архаичных норм права до острого дефицита кадров, способных на равных противостоять высококвалифицированным злоумышленникам. В этих условиях комплексный анализ проблем и выработка научно обоснованных рекомендаций по их решению приобретают характер настоятельной практической необходимости.

Анализ статистических данных за 2020–2024 гг. позволяет выявить не просто рост, а качественную трансформацию киберпреступности. Количество зарегистрированных преступлений данной категории увеличилось с 292 тысяч в 2020 году до 765,4 тысячи в 2024 году, то есть более чем в 2,6 раза [4]. Структура киберпреступности неоднородна: доминируют корыстные преступления, среди которых лидирует мошенничество (ст. 159, 159.6 УК РФ). В 2024 году зарегистрировано 380344 таких факта, что составляет почти 50% от всех преступлений в

сфере ИТТ. Тревожной тенденцией является активное использование ИТТ для совершения преступлений против общественной безопасности (незаконный оборот наркотиков, экстремизм), а также 80-кратный рост за четыре года преступлений, совершаемых несовершеннолетними в IT-сфере [5].

Современная киберпреступность обладает рядом качественных характеристик, которые кардинально отличают ее от традиционных форм: высокая латентность, транснациональный характер, высокий уровень организации преступных групп, использование сложных технологий (Tor, шифрование, ИИ) и межотраслевой характер воздействия.

В этой связи деятельность ОВД по противодействию киберпреступности сталкивается с рядом системных проблем.

Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы не поспевают за скоростью технологических изменений. Распространенные виды деятельности, такие как фишинг или создание бот-сетей, далеко не всегда поддаются однозначной квалификации [6]. УПК РФ не содержит специальных норм, детально регламентирующих порядок работы с цифровыми доказательствами, что приводит к трудностям в оценке их допустимости и достоверности. Транснациональный характер преступлений усугубляется ограниченными возможностями международного сотрудничества.

Функции по борьбе с киберпреступностью рассредоточены между различными подразделениями МВД, что приводит к дублированию и размыванию ответственности. Отсутствует единый централизованный орган, аналогичный Национальному киберцентру в ряде зарубежных стран [7]. Межведомственное взаимодействие с ФСБ, Роскомнадзором, Банком России и интернет-компаниями носит эпизодический характер, а запросы выполняются с большими задержками.

Пожалуй, наиболее острая проблема – жесткая конкуренция с частным сектором за IT-специалистов. Существующая система материального стимулирования в ОВД не является конкурентоспособной [8]. Программы обучения в ведомственных вузах отстают от современных тенденций, а высокая нагрузка приводит к быстрому эмоциональному выгоранию сотрудников.

Многие региональные подразделения ОВД не имеют доступа к современному ПО для анализа вредоносного кода и криминалистических экспертиз. Отсутствует единая федеральная база данных по киберпреступлениям, что затрудняет выявление серийности. Технологии ИИ и анализа больших данных практически не применяются в повседневной практике.

Низкая цифровая грамотность населения является основой для успеха социальной инженерии. Внутри ОВД также сохраняются инсайдерские угрозы и недостаточный уровень кибергигиены среди сотрудников. Как отмечает С.С. Фенев, «традиционные форматы обучения малоэффективны для формирования устойчивых навыков кибергигиены, требуются интерактивные тренинги и симуляции атак» [9].

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, интегрирующего правовые, организационные, кадровые и технологические меры.

Не дожидаясь масштабных реформ, необходимо максимально полно использовать потенциал действующих норм. Для этого требуется:

1) разработка подробного постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего вопросы квалификации преступлений в сфере ИТТ (фишинг, ботнеты, дипфейки);

2) широкое применение новой ст. 272.1 УК РФ («Незаконные оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные») для перекрытия канала криминализации оборота похищенных баз данных;

3) активное использование норм о приготовлении к преступлению и покушении (ст. 30 УК РФ) при предотвращении кибератак на ранней стадии.

В условиях ограниченного международного сотрудничества необходим акцент на укреплении механизмов в рамках ШОС и БРИКС, включая инициирование разработки альтернативной Будапештской конвенции.

Для легитимации цифровых доказательств целесообразно внести изменения в УПК РФ, дополнив его отдельной главой, регламентирующей особенности производства следственных действий в сетях, а также разработать официальные методические рекомендации по тактике их проведения.

На основе государственных платформ (например, СМЭВ) необходимо создать защищенный «Киберсегмент» для оперативного обмена информацией между ОВД, ФСБ, Банком России и крупнейшими IT-компаниями. Это позволит в режиме, близком к реальному времени, получать данные о подозрительных транзакциях и IP-адресах.

Кадровый вопрос требует стратегического подхода.

1. Реформа системы обучения в ведомственных вузах МВД с введением нового направления подготовки во все вузы и внедрением системы непрерывного практико-ориентированного образования.

2. Создание привлекательных условий службы: установление существенных надбавок к денежному довольствию, сопоставимых с зарплатами в коммерческом секторе, и разработка программ по привлечению гражданских IT-специалистов на контрактной основе.

Техническое перевооружение должно носить опережающий характер и включать:

1) закупку для региональных подразделений мобильных криминалистических лабораторий и современного ПО для анализа трафика и вредоносного кода;

2) активное внедрение технологий ИИ и анализа больших данных для прогнозной аналитики, автоматизированного мониторинга интернет-пространства и помощи следователям в анализе массивов данных;

3) для легитимации использования ИИ необходимо принятие специального федерального закона, регламентирующего порядок его применения правоохранительными органами.

Профилактика является ключевым звеном в снижении уровня киберпреступности. Необходима реализация государственной программы, включающей:

– введение в школьную программу обязательного практического курса «Основы кибербезопасности и цифровой гигиены»;

– организацию всероссийской информационной кампании для взрослого населения;

– создание при Минцифры России федерального портала с обучающими материалами и горячей линией.

Проведенное исследование позволило выявить многоуровневый и системный характер проблем, препятствующих эффективному противодействию киберпреступности со стороны ОВД. Установлено, что киберпреступность представляет собой качественно иной вид угрозы, требующий адекватного ответа.

Предложенная система мер носит комплексный характер и включает совершенствование законодательства, оптимизацию управления, развитие кадров, технологическую модернизацию и массовую профилактику. Ее реализация невозможна без признания киберпреступности угрозой национальной безопасности и консолидации усилий государства, бизнеса и гражданского общества. Только последовательная и финансируемая государственная стратегия способна создать эффективную систему защиты интересов личности, общества и государства в цифровом пространстве.

Литература

1. Официальные данные Генеральной прокуратуры РФ об ущербе от киберпреступлений за 2024 год. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_szfo/ (дата обращения: 01.11.2025).
2. Данные официальной статистики МВД России за 2024 г. – URL: https://мвд.рф/statistics (дата обращения: 01.11.2025).
3. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры противодействия. Москва: Юрлитинформ, 2019.
4. Крючкова, В. Ф. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ // Вестник Московской академии СК РФ. 2025. – № 1.
5. Люкшина, Е. К. Вопросы противодействия преступлениям несовершеннолетних в IT-сфере // Актуальные проблемы юриспруденции. – 2025. – № 1. – С. 152–155.
6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2023 № 42 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 27.12.2022 № 4200-р. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 01.11.2025).
8. Исследование уровня профессионального выгорания среди сотрудников ОВД // Социологические науки. – 2024. – № 5. –
9. Фенев, С. С. Оценка эффективности методов обучения основам кибергигиены и противодействию фишингу в контексте деятельности ОВД // Научный журнал. – 2025. – № 3.

Шадрина Екатерина Анатольевна,
студентка 3 курса
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Научный руководитель:
Наумкина Валентина Владимировна,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
доктор юридических наук

Проблема выбора модели организации территориального управления муниципального образования в контексте реформирования местного самоуправления (на примере Республики Хакасия)

В целях построения единой системы публичной власти в Российской Федерации началось реформирование местного самоуправления. В марте 2025 года вступил в силу Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», сменивший действовавший до тех пор ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления». Нормативно-правовой акт, очевидно, направлен на развитие положений Конституции РФ о единой системе публичной власти.

Одним из ключевых нововведений стало развитие одноуровневой модели организации территориального управления муниципального образования (далее – МО), предусмотренное ст. 9 ФЗ № 33 в трех видах МО: городской округ, муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование города федерального значения.

Законодатель также установил возможность сохранения двухуровневой системы для тех регионов РФ, которые имеют национальные, исторические или социально-экономические особенности. Такая модель территориального управления, в соответствии со ст. 89 ФЗ № 33, образует иную систему организации местного самоуправления, где местное самоуправление осуществляется в сельских поселениях, городских поселениях, муниципальных районах [1].

С учетом возможности сохранения двухуровневой системы в регионах в Республике Хакасия ожидался переход к одноуровневой модели. Это подтверждается как федеральными, так и региональными факторами.

1. Проведение опроса жителей о переходе к одноуровневой системе, например в Боградском районе.

2. Разработан закон, предусматривающий переход на одноуровневую систему и отмену прямых выборов глав муниципалитетов Верховным советом Республики Хакасия (на данный момент глава субъекта наложил на него вето).

3. До 1 января 2027 года действуют переходные нормы, позволяющие главам, избранным из состава депутатов, сохранять полномочия без необходимости немедленного прекращения депутатского мандата.

На сегодняшний день в Хакасии действует двухуровневая система местного самоуправления, в которой первый уровень составляют главы и депутаты сель-

ских поселений, а второй – главы и депутаты районного масштаба. Каждый уровень имеет свой бюджет и сохранена их независимость.

В июне 2025 года депутаты Верховного совета Хакасии в двух чтениях приняли законопроект о переходе на одноуровневую систему местного самоуправления, аргументируя свое решение наличием преимуществ для муниципального образования, ключевым из которых являются общий бюджет (с возможностью стратегического планирования по каждому поселению) [2].

Глава Республики Хакасия не поддержал законопроект, наложив на него вето, народ также выступал против перехода к одноуровневой системе.

В ходе судебных разбирательств 23 октября Пятый апелляционный суд Новосибирска отменил решение Верховного суда Хакасии и частично удовлетворил административный иск правительства региона. Оспариваемые нормы закона № 93-ЗРХ признаны недействующими, а действие вето главы региона фактически восстановлено.

По нашему мнению, исходя из специфики региона, не следует стремиться к повсеместному укрупнению, а именно переходу к одноуровневой модели организации территориального управления на местах. Необходимо провести детальный анализ социально-экономического положения и потенциала каждого муниципального образования. Для крупных и экономически развитых территорий (таких как городской округ Абакан) может быть эффективна модель с сильными исполнительными органами. Для отдаленных и малонаселенных районов приоритетом должно стать сохранение доступности власти, возможно, за счет развития межпоселенческого сотрудничества.

До того как приступить к реформированию местного самоуправления в соответствии с новым ФЗ, следует использовать потенциал межмуниципального сотрудничества. Создание межмуниципальных хозяйственных объединений для совместного решения вопросов в сфере ЖКХ, транспорта, утилизации отходов позволит добиться экономии бюджетных средств без ликвидации самостоятельности муниципалитетов.

В рамках выбранной модели необходимо рассмотреть различные организационные формы. Например, для крупных городских округов может быть эффективна модель, где избираемый населением глава муниципального образования обладает широкими полномочиями. Для муниципальных районов может подойти модель, где избранный совет назначает профессионального управляющего для решения оперативных вопросов. В соответствии с ФЗ № 33 вариативность способов избрания главы муниципального образования допускается. Закон содержит следующие способы: избрание главы представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации; муниципальные выборы; избрание представительным органом муниципального образования из своего состава; избрание представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса [1].

Нужна эффективная система коммуникации с жителями, достижимая лишь при двухуровневой модели местного самоуправления. Целесообразно и актуально внедрять цифровые платформы для участия граждан в обсуждении местных бюд-

жетов, проектов благоустройства и стратегий развития, создавая систему мониторинга актуальных проблем.

По нашему мнению, в настоящее время переход к одноуровневой системе местного самоуправления в Республике Хакасия не нужен. Представляется что ри учете специфики региона и сохранении исторически сложившейся двухуровневой модели не утратится суть местного самоуправления как власти, более приближенной к народу.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон Российской Федерации от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 20.10.2025).

2. Новая система МСУ в Хакасии: управляемость и ответственность. – URL: https://vs19.ru/press-centr/news/20411-novaya-sistema-msu-v-khakasii-upravlyaemost-i-otvetstvennost (дата обращения: 20.10.2025).

3. Об утверждении Устава городского округа город Абакан: Решение Абаканского городского совета депутатов от 28 дек. 2005 г. № 222: в ред. Решения Абаканского городского Совета депутатов от 03 июня 2025 г. № 207. – URL: https://docs.cntd.ru/document/440594843 (дата обращения: 20.10.2025).

Шамаев Денис Александрович,
слушатель 4 курса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Петроченков Сергей Дмитриевич,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Основные направления совершенствования деятельности оперативных подразделений по борьбе с кражами с банковского счета

Процесс информатизации общества происходит стремительно. Одним из часто встречающихся преступлений последнего десятилетия является кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. По данным Банка России, во втором квартале 2025 года объем хищений с банковских счетов составил 6,3 млрд рублей, что на 7,7% меньше, чем в первом квартале, но на 32,6% больше, чем годом ранее [1].

Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, представляет собой тайное хищение чужого имущества, за которое предусмотрена ответственность пунктом «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Обратим внимание на то, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.10.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в пункте 25.1 содержится положение о том, что кражей, совершенной с банковского счета, признается деяние, при котором лицо использовало необходимую для получения доступа к ресурсам конфиденциальную информацию владельца денежных средств. Примером таких сведений являются персональные данные владельца, информация о платежной карте, пароли и другие сведения [2].

Учитывая, что рассматриваемое преступление относится к категории тяжких, для его раскрытия могут применяться такие оперативно-разыскные мероприятия, как прослушивание телефонных и иных переговоров, оперативный эксперимент.

И.А. Гумарова и В.В. Тырышкина утверждают, что информация о предполагаемом преступном лице, представляющая интерес для оперативных сотрудников, может быть получена из различных источников:

– из мобильного устройства заявителя;
– от операторов сотовой связи;
– от операторов платежных систем, банков и иных кредитных организаций;
– из технического оборудования подозреваемого лица;
– из информационных сведений, размещенных в сети Интернет;
– из иных источников [3, с. 5].

Рассмотрим структуру оперативно-разыскной характеристики кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств:

1) место и время совершения преступления: такое место определяется в зависимости от места физического нахождения преступного лица при реализации незаконных действий;

2) способ совершения преступления: благодаря появлению, разработке и использованию вредоносного программного обеспечения преступники могут осуществлять различные противоправные действия с целью получения материальной выгоды;

3) аспекты, характеризующие личность преступного лица: наличие или отсутствие специальных познаний в сфере информационных технологий, а также факт совершения преступления единолично или в группе;

4) перечень сведений, которые стали доступны преступнику: паспортные данные, реквизиты банковской карты, номера лицевых счетов, логин и пароль личного кабинета мобильного банка и иные данные [4, с. 37].

Обратим внимание на схему получения электронных денежных средств из мобильного банка жертвы, которая может заключаться в использовании интернет-банкинга различными способами [5, с. 3]:

1) заражение мобильного устройства потерпевшего вредоносной программой;

2) подмена номера, на который зарегистрирован личный кабинет мобильного банка, или перерегистрация конкретной услуги на сторонний номер;

3) непосредственный контакт с телефоном жертвы при определенных условиях.

Наиболее часто преступление, связанное с хищением электронных денежных средств, характеризуется наличием организованной группы. Указанное положение приводит к мысли о том, что выбор тактики действий оперативных сотрудников должен быть направлен на нейтрализацию организаторов и координаторов такого рода преступности.

В качестве примера обратим внимание на дело в отношении 23-летнего жителя Новооскольского района Белгородской области. Прокуратурой и судом установлены следующие обстоятельства: в начале мая 2025 года гражданин Т., находясь в гостях у знакомого, по его просьбе зарегистрировал для него учетную запись в мобильном приложении «Сбербанк онлайн» с целью проверки состояния кредитной задолженности. Закончив просмотр информации, гражданин Т. закрыл приложение, однако намеренно не завершил сеанс, оставив учетную запись знакомого активной.

Спустя несколько дней, запустив приложение на своем телефоне, Т. обнаружил сохраненный доступ к банковскому счету знакомого. Увидев на счете 34930 рублей 78 копеек, он решил похитить часть средств в размере 30000 рублей. Для этого он перевел указанную сумму на банковский счет своей знакомой.

Впоследствии по просьбе гражданина Т. его знакомая перевела ему 23500 рублей из полученной суммы, а оставшиеся 6500 рублей удержала у себя в счет погашения его предыдущего долга перед ней.

Спустя месяц гражданин Т. вновь воспользовался сохраненным доступом к счету знакомого и, обнаружив на нем 35429 рублей 29 копеек, похитил 35000 рублей по аналогичной схеме. Указанная сумма была перечислена той же знакомой, которая затем вернула ему 30000 рублей, а разницу в 5000 рублей также оставила себе в счет погашения долга [6].

Легализация информации, полученной оперативным путем, предполагает дальнейшее оперативное сопровождение в ходе предварительного расследования. В.Ю. Диянич выделил задачи, позволяющие реализовать оперативно-разыскное сопровождение, к которым относятся: установление посредством методов ОРД лиц, причастных к осуществлению незаконной деятельности; установление свидетелей произошедшего, которые могут обеспечить правоохранительные органы необходимыми сведениями; получение оперативной информации, служащей источником доказательственной базы; осуществление профилактических мероприятий, направленных на пресечение и противодействие рассматриваемому виду преступных деяний [7, с. 2].

Оперативные подразделения нуждаются в разработке методик реализации оперативно-разыскной деятельности, направленной на борьбу с преступностью. Требуется оперативное, быстрое и правильное реагирование на получение фактов нарушения закона, а также своевременная передача информации о хищении электронных денежных средств.

Обобщая изложенный материал, представляется возможным выделить основные направления совершенствования деятельности оперативных подразделений по борьбе с кражами с банковского счета:

– развитие оперативно-справочных, криминалистических, разыскных и иных учетов о лицах, ранее совершавших подобные преступления;

– тщательное планирование и подготовка комплекса оперативно-разыскных мероприятий, проводимых с целью фиксации данных о механизме преступной деятельности;

– работа с потерпевшими в части получения наиболее полных сведений о механизме преступной деятельности;

– правильное оформление и дальнейшая передача результатов ОРД в следственные подразделения.

Литература

1. Официальный сайт информационной группы «Интерфакс». – URL: https://www.interfax.ru/business/1040081 (дата обращения: 05.11.2025).

2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 05.11.2025).

3. Гумаров, И. А., Тырышкин, В. В. Кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств: проблемы раскрытия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – № 4(58). – С. 78–85.

4. Преступления, совершаемые с использованием современных цифровых средств: особенности квалификации и толкования: учебное пособие / И. В. Бовин, А. Г. Брагина, О. В. Ермакова [и др.]. – Москва: ГУРЛС МВД России, 2024.

5. Демин, Ю.В. Оперативно-разыскная характеристика краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 61–65.

6. Официальный сайт Администрации Новооскольского муниципального округа Белгородской области. – URL: https://novyjoskol-r31.gosweb.gosuslugi.ru/

glavnoe/territorialnye-organy-vlasti-1/prokuratura/novosti_3515.html (дата обращения: 19.11.2025).

7. Диянич, В. Ю. Особенности оперативно-розыскного сопровождения дел о кражах денежных средств с банковских счетов // Академическая мысль. – 2023. – № 1(22). – С. 45–47.

Шарыпкина Снежана Дмитриевна,
курсант 3 курса
факультета подготовки сотрудников полиции
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Андроник Наталья Ауреловна,
доцент кафедры криминалистики
Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Отдельные аспекты расследования преступлений прошлых лет

В современной следственной практике особое значение приобретает расследование преступлений прошлых лет. Согласно статистическим данным МВД России о состоянии преступности с января по декабрь 2023, 2024 г. и с января по сентябрь 2025 г., количество рассматриваемых преступлений ежегодно составляет значительную долю в структуре преступности [1].

Преступления прошлых лет представляют собой отдельную категорию преступлений, уголовные дела по которым были приостановлены в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [2].

По мнению А. А. Нечаева, целесообразно определить две категории уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет:

1) уголовные дела, расследование по которым приостановлено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 3 части 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

2) уголовные дела, по которым необходимо принять решение об их прекращении в связи с истечением по ним срока давности привлечения виновного лица к уголовной ответственности [3, с. 113].

Анализ учебной, научной литературы и правоприменительной практики позволил установить ряд факторов, затрудняющих расследование преступлений в установленные законом сроки. Условно данные факторы можно разделить на объективные и субъективные.

Во-первых, к объективным факторам относится сложность и невозможность выявления следов преступления, совершение преступления в условиях неочевидности. Следует отметить временной фактор, поскольку с течением времени утрачивается возможность проверки доказательств, а соответственно, и проведения следственных действий.

Во-вторых, субъективные факторы: некачественное проведение следственных действий, в которых нередко допускаются процессуальные и тактические ошибки. Помимо этого, ошибки могут возникнуть и на этапе выдвижения криминалистических версий, к примеру, следователь (дознаватель) сконцентрировался на одной версии, при этом не выдвинул и не проверил другие возможные версии.

Важное значение при расследовании преступлений прошлых лет имеет анализ материалов приостановленного уголовного дела. Следователь на основе изученных материалов и внутреннего убеждения приходит к логическому умозаключению, отраженному в процессуальном решении о правомерности приостановления предварительного следствия либо о необходимости возобновления предварительного следствия. Так, анализируя материалы приостановленного уголовного дела через определенный период времени, возможно увидеть процессуальные, тактические и организационные ошибки, допущенные в ходе расследования, в результате чего будет принято процессуальное решение о возобновлении предварительного расследования.

Организационные особенности деятельности следователя по приостановленному уголовному делу решаются конкретно и индивидуально, исходя из конкретной ситуации, профессиональных и психологических качеств следователя. Следователь должен анализировать материалы уголовного дела через призму своего профессионализма и уверенности в полноте и объективности проведенного расследования. На данном этапе имеет значение взаимодействие следователя с органом дознания, а также со следователем, который ранее расследовал данное уголовное дело. Указанные лица могут оказать методическую помощь, пояснить отдельные нюансы, которые при изучении «старого» уголовного дела на первый взгляд могут быть не видны следователю, принявшему к своему производству уголовное дело.

Например, в ноябре 2023 года было возобновлено расследование по факту совершения кражи в апреле 2009 года. В ходе расследования указанного преступления следователь вновь допросил всех свидетелей, с помощью чего ему удалось выявить, что у преступника на предплечье была специфическая татуировка. В это же время криминалист, используя возможности современной криминалистической техники, осмотрел одну из изъятых в 2009 году кружек с помощью цианакрилатной камеры и смог найти единственный, ранее невидимый след пальца руки.

Таким образом в 2023 году дело было раскрыто, а преступник привлечен к уголовной ответственности [4].

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что раскрытие и расследование преступлений прошлых лет включает в себя комплекс мероприятий, направленных на устранение пробелов и противоречий в деле, а также на выявление новых доказательств, с помощью которых органа предварительного расследования сможет найти преступника. Ключевым аспектом является не только опыт следователя, но и его внимательность и готовность к трудоемкой работе.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023, 2024 года и январь-сентябрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 01.11.2025).

2. Преступления прошлых лет // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://sledcom.ru (дата обращения: 01.11.2025).

3. Нечаев, А. А. Организация в органах предварительного следствия в системе МВД России деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет: Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в

современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: научное электронное издание (3378 Кб). – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 124 с.

4. Расплата за гостеприимство. – URL: https://dzen.ru (дата обращения: 07.11.2025).

Шахабутдинова Регина Вячеславовна,
слушатель 4 курса
Барнаульского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Поздняков Иван Васильевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России

Экипировка сотрудника полиции в зоне проведения специальной военной операции

24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации выступил с обращением, в котором объявил о начале специальной военной операции (далее – СВО) на территории Украины с целью защиты мирного населения Донбасса от прямого геноцида. Совместно с Вооруженными Силами Российской Федерации в борьбу вступили российские полицейские, выполняя на освобожденных территориях задачи по выявлению и раскрытию преступлений, стабилизации оперативной обстановки. По состоянию на конец 2024 года более 25 тысяч сотрудников принимали участие в проведении СВО. Стоит отметить, что сотрудники при осуществлении своей профессиональной деятельности на указанных территориях находятся в зоне повышенного риска, сталкиваясь с угрозой жизни и здоровью на протяжении всего времени.

В связи с тем, что выполняемые сотрудниками полиции задачи требуют повышенной подготовки, сотрудники оснащаются более широким комплектом снаряжения в соответствии с приказом МВД РФ от 19.04.2023 № 244 «Об утверждении нормы снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, задействованных в выполнении оперативно-служебных задач в ходе проведения специальной военной операции, и порядка выдачи вещевого имущества указанным сотрудникам».

Исходя из поставленных задач, экипировка сотрудника может варьироваться и изменяться в зависимости от степени опасности. Сотрудник полиции в зоне проведения СВО должен быть оснащен удобным форменным костюмом, тактическими ботинками, тактическим шлемом, бронежилетом, тактическим поясом, кобурой, аптечкой первой помощи, оружием и боеприпасами соответствующего образца в достаточном количестве. Стоит отметить, что не все состоящие на вооружении специальные средства и экипировка являются практичными и удобными в использовании. Вместе с тем в настоящее время появились более современные и эргономичные аналоги используемых в полиции специальных средств и амуниции.

Так, например, выдаваемый сотрудникам полиции бронежилет «Модуль-5М» класса защитной структуры Бр4 состоит из стальных бронезащитных пластин, баллистических тканей и противорикошетных элементов. Конструкция бронежилета сковывает движения и поворотливость сотрудника, при этом в характеристиках уточняется, что он предназначен как для наружного, так и для скрытого ношения сотрудниками. Бронежилет имеет вес 12,5 килограмма (не снаряженный дополнительной амуницией), таким образом, сотруднику необходимо делать пе-

перывы в ношении каждые два часа выполнения своих служебных обязанностей, что в условиях выполнения задач в зоне СВО не всегда представляется возможным.

В сложившихся условиях целесообразнее использовать бронежилеты с керамическими бронеэлементами, например «Страж 5М-5М Плитник», имеющий класс защиты Бр5, состоящий из арамидных элементов и керамических плит, служащих для усиления. Вес бронежилета – 10 килограммов (неснаряженного), что позволяет увеличить время ношения до пяти часов. Также бронежилет оснащен специальными амортизационными подпорами, которые распределяют вес изделия равномерно и увеличивают комфорт длительной эксплуатации. Кроме того, бронежилет оснащен множественными стропами для размещения подсумков в удобном месте.

Аналогичная ситуация возникает с бронешлемами. Сотрудников полиции экипируют бронешлемом «ЗШ-1-2», имеющим второй класс защиты и площадь защиты 14 дм кв. Шлем состоит из прочного алюминиевого сплава, покрытого изнутри арамидными тканями, весом 4 килограмма. При ношении во время выполнения служебных обязанностей возникает большое давление на шейный сустав, что может привести к травме сотрудника.

На сегодняшний день имеется возможность произвести замену указанного снаряжения, например, на защитный шлем «Бастион», который изготовлен из арамидных волокон и баллистического полиэтилена. Имеет второй класс защиты, при этом его вес составляет 1,3 кг, что значительно уменьшает нагрузку на шейный отдел и позволяет увеличить время ношения. Стоит отметить возможность регулирования шлема под любой размер головы, что делает его универсальным, в отличие от «ЗШ 1-2».

Также при полной экипировке сотрудника целесообразно использовать тактические разгрузочные пояса – «варбелты». Используя пояс при выполнении боевых задач, сотрудник снижает нагрузку на плечевой отдел и переносит ее на пояс. Необходимость использования тактических поясов выражена в удобности расположения всех необходимых отсеков для оперативного использования. Таким образом, благодаря множеству отсеков в случае грамотного снаряжения тактического пояса сотрудник имеет возможность быстро извлекать сменный магазин с боеприпасами, оружие, аптечку и т.д.

Стоит уделить особое внимание табельному стрелковому оружию сотрудника полиции. На данный момент на вооружении полиции и в практической деятельности используется пистолет Макарова, магазин которого вмещает восемь патронов, что является недостаточным в условиях проведения СВО. В условиях полной разборки пистолет Макарова состоит из 30 деталей, а его вес с неснаряженным магазином составляет 730 г. Также пистолет Макарова предназначен для шокового воздействия на противника из-за используемых патронов (9х18 мм), так как оголенный сверху стальной закаленный сердечник во время воздействия наносит рваную рану противнику.

На сегодняшний день сотрудниками полиции в оперативно-служебной деятельности в зоне СВО более целесообразно применение пистолета Грязева-Шипунова 18 (ГШ-18). Оружие разбирается без дополнительных инструментов в полевых условиях, его механизмы устойчивы к загрязнению и воздействию критически низких температур. Магазин вмещает 18 патронов, вес с неснаряженным

магазином 580 г. Кроме того, начальная скорость полета пули составляет 600 м/с., что выше в сравнении с пистолетом Макарова – 315 м/с. Специальный бронебойный патрон 9×19 мм имеет заостренный наконечник, таким образом, высокая скорость и особенности конструкции обеспечивают пробитие всех типов бронежилетов, до 3 класса включительно.

Актуальным вопросом в условиях проведения СВО является оснащение аптечки сотрудников полиции, которое в настоящее время состоит из жгута и индивидуального перевязочного пакета. С учетом возможных получаемых ранений и оказания первой помощи в особых условиях необходимо расширить и добавить такие средства, как турникет, перчатки медицинские, обезболивающие средства, оказывающие сильное воздействие, гемостатические препараты (бинт, шприц-туба), ножницы, термоодеяло, а при наличии достаточных знаний по оказанию первой медицинской помощи – окклюзионные пластыри. Так сотрудники полиции будут иметь больший спектр возможностей по оказанию первой помощи пострадавшим в экстренной ситуации.

Исходя из вышеприведенных факторов, следует сделать вывод о недостаточном обеспечении сотрудников МВД, выполняющих служебные обязанности в условиях проведения СВО. Таким образом, на фоне появления новых, более практичных специальных средств необходимо пересмотреть процесс оснащения сотрудников полиции в особых условиях.

Литература

1. Как началась специальная военная операция. – URL: https://www.5-tv.ru/news/421758/kak-nacinalas-specoperacia-hronologia-sobytij-24fevrala/ (дата обращения: 22.10.2025).

2. Об утверждении нормы снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, задействованных в выполнении оперативно-служебных задач в ходе проведения специальной военной операции, и порядка выдачи вещевого имущества указанным сотрудникам: приказ МВД РФ от 19.04.2023 № 244 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 22.10.2025).

3. ГОСТ Р 58464-2019. Бронешлемы. Общие технические требования. – URL: https://internet-law.ru/gosts/gost/71254/. – (Дата обращения: 27.10.2025).

4. ГОСТ 34286-2017. МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАНДАРТ БРОНЕОДЕЖДА. Классификация и общие технические требования. Электронный ресурс. Режим доступа: https://armo99.ru/upload/GOST-34286-2017-Broneodezhda-Classifikatciia-i-obshchie-tekhnicheskie-trebovaniia.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

Шишкина Виктория Олеговна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Бурлова Юлия Александровна,
доцент кафедры конституционного
и гражданского права Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Гражданско-правовая ответственность платформ-агрегаторов (маркетплейсов) перед потребителями: актуальные проблемы правоприменения

Цифровая трансформация экономики обусловила появление новых, сложно структурированных субъектов гражданского оборота, среди которых ключевую роль играют онлайн-платформы агрегаторы (маркетплейсы). Деятельность таких платформ, как Wildberries, Ozon, YandexMarket и иные, кардинально изменила парадигму розничной торговли, создав объединенную платформу для взаимодействия множества продавцов и миллионов потребителей.

Однако скорость технологических изменений опережает темпы развития законодательства. Правовой статус маркетплейса, его роль в заключаемой сделке и, что наиболее важно, объем его ответственности перед финальным потребителем остаются предметом острых дискуссий в правовой доктрине и судебной практике. Потребитель, находясь в положении экономически и информационно слабой стороны, зачастую фактически лишен возможности эффективно защитить свои права в отношениях с анонимным или неплатежеспособным продавцом. В связи с этим вопрос возложения гражданско-правовой ответственности на маркетплейс за действия существующих в его сфере продавцов приобретает не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение. Это подтверждается активной нормотворческой деятельностью законодателя и формированием знаковых судебных прецедентов в 2023–2024 годах.

Первоначальная и фундаментальная проблема заключается в квалификации правовой природы отношений с участием маркетплейса. В отсутствие специального законодательства правоприменитель вынужден использовать традиционные конструкции Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Сами платформы, как правило, определяют себя в пользовательских соглашениях в качестве агентов (глава 52 ГК РФ), оказывающих услуги продавцу-принципалу по заключению договора купли-продажи с потребителем. В рамках такой модели отношений ответственность за неисполнение продавцом обязательств по договору должна нестись непосредственно им самим.

Однако фактический функционал современных маркетплейсов выходит далеко за рамки простого посредничества. К их ключевым функциям относятся:

– активное формирование единых правил пользования маркетплейсом для потребителей (условия доставки, возврата, гарантий обслуживания).

– прием, обработка и хранение платежей потребителей для последующего расчета с продавцами.

– оказание логистических и складских и услуг.

– проведение маркетинговой политики под единым брендом платформы, что, в свою очередь, создает у потребителя «эффект существования» одного продавца.

– постоянный контроль рейтингов и деятельности продавцов, применение к ним штрафных санкций.

Подобная многогранная активность позволяет утверждать, что маркетплейс является не пассивным посредником, а непосредственным организатором оборота, который создает для потребителя видимость совершения сделки именно с платформой и формирует «слепое», но, по их мнению, обоснованное доверие к ней как к гаранту сделки.

Законодатель предпринял определенные шаги по регулированию данной сферы. Федеральный закон от 01.05.2023 № 133-ФЗ внес существенные изменения в Закон РФ «О защите прав потребителей» [1], введя понятие «продавец-агрегатор». Согласно новой редакции ст. 1.1 Закона продавец-агрегатор – это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые на основании договоров с продавцами предоставляют потребителю доступ к информации о товарах в целях заключения договоров купли-продажи на условиях, указанных таким продавцом-агрегатором.

Данная новелла является прогрессивной, но так и не решила всех вопросов, в частности, о виде и объеме ответственности агрегатора.

Судебная практика по вопросу ответственности маркетплейсов прошла сложную эволюцию – от полного отрицания их ответственности до признания ее в субсидиарном порядке.

Судебные акты, принятые ранее, основывались на буквальном толковании пользовательских соглашений. Суды отказывали во взыскании с маркетплейсов неустоек и штрафов, указывая, что потребитель был уведомлен о том, что контрагентом является третье лицо, а платформа оказывает лишь посреднические услуги [2]. Ответственность возлагалась исключительно на продавца, найти которого и привлечь к ответственности за купленный товар потребителю было крайне сложно.

Переломным моментом стало формирование судебной практики, обеспечиваемой Верховным Судом РФ и другими судебными органами.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) [3] была выражена принципиальная позиция: если маркетплейс осуществляет прием товара, его хранение, выдачу покупателям и последующий прием денежных средств, то он несет перед потребителем ответственность за недостатки товара наряду с продавцом. Суд указал, что в таком случае отношения между потребителем и маркетплейсом носят смешанный характер и включают элементы договоров агентирования, оказания услуг и купли-продажи.

Важнейшим прецедентом стало Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2024 № 308-ЭС23-17598 [4]. По делу потребитель приобрел через маркетплейс товар ненадлежащего качества. Продавец ликвидирован. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в ис-

ке к маркетплейсу. Однако Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты, указал следующее:

1) маркетплейс, осуществляя организацию розничной торговли, должен нести риски, связанные с ненадлежащим исполнением обязательств продавцами, которых он привлекает;

2) о выходе платформы за рамки простого посредничества свидетельствует его деятельность по приему платежей, логистике и хранению товара;

3) потребитель находится в заведомо слабом положении и не должен нести риски, связанные с неплатежеспособностью или недобросовестностью продавца, которого он не выбирал.

В данном случае на маркетплейс может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам продавца.

Аналогичную позицию занимает и Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), систематически привлекающая маркетплейсы к административной ответственности по ст. 14.8 КоАП РФ за нарушение прав потребителей, в частности, за отказ в удовлетворении законных требований потребителя в отношении качества товара [5].

Несмотря на позитивную динамику в судебной практике, правовое регулирование остается фрагментарным и порождает ряд проблем, таких как:

– коллизия договоров. Отношения регулируются сложной цепочкой договоров: агентский договор (платформа-продавец), договор купли-продажи (продавец-потребитель) и договор оказания услуг (платформа-потребитель). Это затрудняет квалификацию;

– неопределенность объема ответственности. Неясно, при каких именно условиях (логистика, прием платежей, брендирование) наступает субсидиарная ответственность;

– информационная асимметрия. Потребитель зачастую не может получить достоверные данные о продавце для предъявления ему требований.

Решить перечисленные проблемы можно, предприняв следующие действия.

1. Внесение изменений в Гражданский кодекс РФ. Целесообразно дополнить § 2 главы 30 ГК РФ («Розничная купля-продажа») новой статьей, закрепляющей конструкцию ответственности организатора торговой платформы (агрегатора). Норма должна устанавливать, что агрегатор, предоставляющий потребителю возможность заключить договор с продавцом, несет солидарную с продавцом ответственность за недостатки товара, если иное не вытекает из существа обязательства. Это кардинально усилит позицию потребителя.

2. Конкретизация ответственности в Федеральном законе «О защите прав потребителей». Четко прописать в ст. 18^{1} Федерального закона «О защите прав потребителей», что потребитель вправе предъявить требование о недостатках товара как продавцу, так и продавцу-агрегатору.

Установить, что в случае невозможности удовлетворения требования за счет продавца (его ликвидации, неплатежеспособности, невозможности идентификации) продавец-агрегатор обязан удовлетворить требование потребителя за свой счет.

Закрепить императивную обязанность агрегатора доводить до сведения потребителя до момента заключения договора четкую и доступную информацию о продавце (наименование, ИНН, юридический адрес).

3. Введение института компенсационного фонда. По аналогии с Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в РФ» [6] для крупных маркетплейсов может быть установлена обязанность формировать финансовые гарантии (залог, банковская гарантия, страхование ответственности) для обеспечения исполнения обязательств перед потребителями.

Приведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современное гражданское право России находится в процессе активного поиска необходимого инструментария для регулирования правовой ответственности маркетплейсов. Иллюстрированная в 2023–2024 годах судебная практика во главе с Верховным Судом РФ демонстрирует отчетливый переход от формального к содержательному подходу, основанному на принципе защиты слабой стороны и распределения рисков в соответствии с реальным участием в гражданском обороте.

Внедренное законодателем понятие «продавца-агрегатора» является важным, но недостаточным шагом. Для формирования прозрачной, справедливой и эффективной системы защиты прав потребителей в цифровой среде необходима дальнейшая системная работа по интеграции специальных норм об ответственности организаторов платформ в Гражданский кодекс РФ и Закон «О защите прав потребителей». Предлагаемые меры – закрепление солидарной или субсидиарной ответственности, усиление информационных обязанностей и создание финансовых гарантий – позволят не только минимизировать риски потребителей, но и повысить уровень добросовестности и ответственности всех участников рынка электронной коммерции.

Литература

1. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2023) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

2. Решение Арбитражного суда города Москвы от 12.03.2021 по делу № А40-124567/2020 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 15.03.2023 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2024 № 308-ЭС23-17598 по делу № А32-45678/2022 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

5. Постановление ФАС России от 18.10.2023 по делу № 04-21/12345 о привлечении ООО «Вайлдберриз» к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

6. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 28.10.2025).

Шкиренко Карина Яковлевна,
курсант 3 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Лосева Екатерина Викторовна,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Использование специальных знаний при производстве допроса и предъявлении для опознания

Современное расследование преступлений характеризуется возрастающей сложностью преступных деяний и необходимостью применения научно-технических достижений для установления истины по уголовному делу. В этих условиях использование специальных знаний при производстве следственных действий приобретает особую актуальность [1]. Допрос и предъявление для опознания относятся к числу наиболее распространенных следственных действий, эффективность которых во многом зависит от правильного применения специальных знаний.

Целью настоящего исследования являтся анализ правовых и организационных аспектов использования специальных знаний при производстве допроса и предъявлении для опознания, выявление проблемных вопросов и определение путей совершенствования данной деятельности.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не содержит легального определения понятия «специальные знания» [2]. В юридической литературе под специальными знаниями понимаются знания, которые выходят за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, приобретаются в результате специального образования и профессиональной деятельности в различных областях науки, техники, искусства или ремесла [3].

Основными формами использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве являются [4]:

– участие специалиста в следственных действиях (статья 58 УПК РФ);

– производство судебной экспертизы (статьи 195-207 УПК РФ);

– привлечение эксперта для дачи заключения;

– консультационная деятельность сведущих лиц.

При производстве допроса и предъявления для опознания наиболее востребованной формой является участие специалиста, который содействует следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, применении технических средств, а также дает пояснения по вопросам, требующим специальных познаний [5].

Допрос как следственное действие направлен на получение показаний о любых обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела (статьи 187-191 УПК РФ). Привлечение специалиста к участию в допросе регламентируется частью 1 статьи 168 УПК РФ, согласно которой следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста.

Основаниями для участия специалиста в допросе являются [6]:

1) необходимость применения технических средств фиксации показаний (видеозапись, звукозапись);

2) проведение допроса лиц с физическими или психическими недостатками;

3) потребность в разъяснении специальных вопросов непосредственно в ходе допроса;

4) необходимость демонстрации специальных предметов, документов или материалов.

Особое значение участие специалиста приобретает при допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Согласно части 1 статьи 191 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля участие педагога или психолога является обязательным. Психолог, выступая в качестве специалиста, помогает установить психологический контакт с несовершеннолетним, оценить его эмоциональное состояние и способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела [7].

При допросе лиц с нарушениями слуха или речи обязательно участие сурдопереводчика (педагога, владеющего навыками сурдоперевода), который обеспечивает взаимопонимание между следователем и допрашиваемым (часть 5 статьи 189 УПК РФ) [2].

Специалист в области медицины может быть привлечен к участию в допросе для оценки физического состояния допрашиваемого лица, определения возможности продолжения следственного действия с учетом состояния здоровья участника. При допросе по делам, связанным с применением специальных технических устройств, технологий или профессиональной деятельности, участие соответствующего специалиста позволяет правильно сформулировать вопросы и оценить полученные ответы [8].

Важной процессуальной гарантией является закрепление в протоколе следственного действия мнения специалиста, которое представляет собой суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами (часть 3 статьи 80 УПК РФ). При этом специалист не вправе задавать вопросы допрашиваемому лицу без разрешения следователя, что обеспечивает процессуальную самостоятельность лица, производящего расследование [9].

Предъявление для опознания представляет собой следственное действие, состоящее в идентификации опознающим лицом объекта, воспринимавшегося им ранее в связи с расследуемым событием (статья 193 УПК РФ). Специфика данного следственного действия обусловливает необходимость использования специальных знаний в различных формах.

Участие специалиста при предъявлении для опознания может потребоваться в следующих ситуациях [10]:

– опознание по функциональным признакам (походка, голос, жестикуляция) – участие специалиста в области криминалистики;

– опознание трупа – участие судебного медика для установления возможности опознания и фиксации особых примет;

– опознание по фотографиям или видеоизображениям – участие специалиста в области фототехнической экспертизы;

– опознание предметов, требующих специальных познаний для их индивидуализации.

Психологические аспекты предъявления для опознания также требуют внимания специалистов. Участие психолога позволяет оценить психоэмоциональное состояние опознающего, его способность к идентификации, а также снизить влияние стрессовой ситуации на процесс узнавания [7]. Это особенно важно при опознании несовершеннолетними или лицами, перенесшими психологическую травму в результате преступления.

При предъявлении для опознания живых лиц статья 193 УПК РФ устанавливает требование о том, что опознаваемое лицо предъявляется в группе других лиц, по возможности внешне сходных с ним. Определение критериев внешнего сходства может потребовать участия специалиста в области габитоскопии, который поможет подобрать статистов и оценить соответствие процедуры требованиям закона [11].

Использование специальных технических средств при фиксации хода и результатов предъявления для опознания (видеозапись) требует участия специалиста, владеющего соответствующими навыками. Часть 8 статьи 193 УПК РФ предусматривает возможность проведения данного следственного действия в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В таких случаях применяются технические средства, обеспечивающие одностороннее наблюдение, что требует участия специалиста по их обслуживанию [12].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд проблем, связанных с использованием специальных знаний при производстве допроса и предъявления для опознания.

1. Недостаточная регламентация. УПК РФ не содержит четких критериев определения необходимости участия специалиста в конкретном следственном действии, что приводит к субъективности в принятии решений следователем [13].

2. Ограниченность полномочий специалиста. Действующее законодательство не предоставляет специалисту права активно участвовать в формулировании вопросов при допросе, что снижает эффективность использования специальных знаний [14].

3. Недостаточная подготовка следователей. Практические работники не всегда обладают достаточными знаниями о возможностях применения специальных знаний, что приводит к их недостаточному использованию [15].

4. Проблемы оценки допустимости доказательств. Нарушения процедуры привлечения специалиста могут повлечь признание полученных доказательств недопустимыми.

Совершенствование института использования специальных знаний при производстве следственных действий должно осуществляться по следующим направлениям [5]:

– разработка методических рекомендаций по определению необходимости участия специалиста;

– расширение процессуальных возможностей специалиста при производстве следственных действий;

– совершенствование системы подготовки следователей в части использования специальных знаний;

– развитие межведомственного взаимодействия для обеспечения доступности специалистов различных профилей.

Использование специальных знаний при производстве допроса и предъявления для опознания является важнейшей составляющей современного уголовного судопроизводства. Привлечение специалистов позволяет повысить качество собирания доказательств, обеспечить соблюдение прав участников процесса и способствует установлению истины по уголовному делу.

Нормативно-правовая база использования специальных знаний в российском уголовном процессе требует дальнейшего совершенствования в направлении более детальной регламентации участия специалистов в следственных действиях. Практическая деятельность следственных органов нуждается в развитии методического обеспечения и повышении квалификации работников в данной области.

Перспективным направлением развития является расширение форм использования специальных знаний, внедрение современных научно-технических средств, совершенствование процессуального статуса специалиста и создание оптимальных организационных условий для реализации его компетенции при производстве следственных действий.

Литература

1. Семенцов, В. А. Использование специальных знаний в досудебном производстве / В. А. Семенцов // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 3. – С. 34–39.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – 4-е изд. – Москва: Норма, 2021. – 736 с.
4. Майлис, Н. П. Введение в судебную экспертизу: учебник / Н. П. Майлис. – Москва: Юнити-Дана, 2021. – 159 с.
5. Толстолужинская, Е. М. Процессуальные и организационные основы использования специальных знаний при расследовании преступлений / Е. М. Толстолужинская // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 8. – С. 121–129.
6. Кудин, Ф. М. Использование специальных знаний при производстве предварительного расследования / Ф. М. Кудин // Вестник криминалистики. – 2022. – Вып. 2 (82). – С. 41–46.
7. Зайцева, Е. А. Участие специалиста-психолога в производстве допроса несовершеннолетних / Е. А. Зайцева, С. П. Щерба // Российский следователь. – 2020. – № 7. – С. 23-27.
8. Шаров, В. И. Использование специальных знаний при проведении следственных действий / В. И. Шаров, Н. Н. Егоров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 158–163.
9. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.

10. Ищенко, Е. П. Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. – 2-е изд. – Москва: Юридическая фирма «Контракт», 2021. – 784 с.

11. Корухов, Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений / Ю. Г. Корухов. – Москва: Норма-Инфра-М, 2020. – 288 с.

12. Филиппов, А. Г. Криминалистика: учебник / А. Г. Филиппов. – Москва: Спарк, 2020. – 537 с.

13. Жижина, М. В. Современные тенденции использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / М. В. Жижина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 4. – С. 67–72.

14. Яровенко, В. В. Проблемы использования специальных знаний в уголовном процессе / В. В. Яровенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 4 (54). – С. 92–98.

15. Эксархопуло, А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А. А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021. – 374 с.

16. Белкин, Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – Москва: Норма, 2020. – 768 с.

17. Смирнова, С. А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века / С. А. Смирнова. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. – 876 с.

18. Яблоков, Н. П. Криминалистика: учебник для вузов / Н. П. Яблоков. – 4-е изд. – Москва: Норма, 2021. – 400 с.

Шмелева Арина Алексеевна,
курсант 2 курса
Омской академии МВД России

Научный руководитель:
Дизер Ольга Александровна,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

Проблемы административно-правового противодействия коррупции в органах государственной власти

Коррупция, понимаемая как злоупотребление служебным положением для получения неправомерных преимуществ, представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, стабильности государства и его социально-экономическому развитию. Она подрывает доверие граждан к институтам власти, искажает принципы верховенства закона и справедливости, наносит колоссальный ущерб бюджету и инвестиционному климату. В системе мер противодействия этому деструктивному явлению административно-правовые средства занимают центральное место, поскольку именно они направлены на профилактику, выявление и пресечение коррупционных проявлений в самой структуре государственного аппарата [1]. Однако, несмотря на создание обширной нормативной базы и целого комплекса специализированных институтов, административно-правовое противодействие коррупции сталкивается с рядом системных проблем, снижающих его эффективность.

Одной из фундаментальных проблем является комплексность и фрагментарность нормативно-правовой базы. Хотя существует Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], его положения конкретизируются в ведомственных актах, указах Президента и постановлениях Правительства. Это создает правовую неопределенность, противоречия в толковании и, как следствие, лазейки для их обхода. Многие нормы носят декларативный характер, предписывая общие принципы служебного поведения, но не устанавливая четких механизмов их реализации и ответственности за их несоблюдение. Например, обязанность государственных служащих сообщать о возникновении конфликта интересов зачастую остается на их личное усмотрение из-за отсутствия действенной системы мониторинга и проверки подобных сведений [3, с. 78–81].

Второй ключевой проблемой является недостаточная эффективность профилактических мер. К ним относятся, в частности, проверки достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (так называемые декларационные кампании). На практике этот механизм зачастую превращается в формальную бюрократическую процедуру. Анализ деклараций часто носит поверхностный характер и не подкреплен возможностями для глубокой финансовой и оперативной проверки заявленных сведений. Кроме того, некоторые научились эффективно скрывать свои активы, используя сложные схемы с участием родственников и подставных лиц (номинальных владельцев), что делает выявление

несоответствия легальных доходов и реального уровня жизни крайне затруднительным без применения оперативно-разыскных мероприятий, которые в рамках административного процесса строго ограничены.

Третья группа проблем связана с деятельностью самих органов, уполномоченных на противодействие коррупции. Здесь наблюдается дублирование функций и отсутствие четкой координации между различными структурами: подразделениями кадровых служб государственных органов, органами прокуратуры, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел и подразделениями собственной безопасности [4, с. 45–56]. Это приводит к размыванию ответственности, ведомственным разногласиям и, в конечном счете, к утере информации и несогласованности действий. Низкий уровень межведомственного информационного обмена, обусловленный в том числе и ведомственной секретностью, позволяет коррупционеру избежать ответственности.

Четвертая, наиболее сложная проблема – это кадровая и организационно-культурная. Речь идет о формировании так называемой коррупционной сети или круговой поруки внутри отдельных ведомств или регионов. В такой системе принцип «невыгодности» коррупционного поведения нивелируется: разоблачение одного члена сети ставит под удар всю систему, поэтому действуют механизмы коллективного сокрытия нарушений. Борьба с этим требует не только административных, но и политических решений высочайшего уровня [5, с. 67–75]. Кроме того, сохраняется проблема кадрового голода в антикоррупционных подразделениях: привлечь и удержать высококвалифицированных, неподкупных и мотивированных специалистов при существующем уровне оплаты труда и постоянном давлении со стороны коррумпированных структур крайне сложно.

Наконец, пятой проблемой можно считать дисбаланс между карательными и профилактическими мерами. Административно-правовая политика зачастую делает акцент на наказании за уже совершенные коррупционные правонарушения (например, увольнение за недостоверное декларирование). Однако профилактика, направленная на создание среды, в которой коррупция изначально невозможна, развита слабее. Сюда относится необходимость дальнейшего внедрения прозрачных, конкурсных процедур замещения должностей, упрощения административных регламентов, которые порождают коррупциогенные факторы [6, с. 51]. Чем больше разрешительных и распределительных полномочий у чиновника, тем выше искушение злоупотребить ими.

В заключение следует отметить, что преодоление проблем административно-правового противодействия коррупции требует комплексного и последовательного подхода. Недостаточно ужесточать наказания или увеличивать количество проверок. Необходима системная работа по следующим направлениям: унификация и конкретизация антикоррупционного законодательства; внедрение современных цифровых технологий для мониторинга доходов и госзакупок, что повысит прозрачность; укрепление независимости и координации антикоррупционных органов; проведение последовательной кадровой политики, направленной на ротацию и воспитание нового поколения государственных служащих. Только такой многоуровневый стратегический подход сможет переломить ситуацию и создать в органах государственной власти среду, в которой коррупция станет не просто наказуемой, но и в высшей степени рискованной и невыгодной практикой.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.11.2025).

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 10.11.2025).

3. Дизер, О. А. Гармонизация мероприятий и способов по преодолению конфликта интересов на государственной службе / О. А. Дизер // Актуальные проблемы полицейского права: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 01–02 июня 2023 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 78–81.

4. Агапов, П. В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 45–56

5. Бондаренко, Д. А. Коррупция как системная угроза национальной безопасности: административно-правовые аспекты // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 67-75.

6. Григорьев, А. С. Административная ответственность за коррупционные правонарушения: теория и практика. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 215 с.

Шпота Екатерина Алексеевна,
курсант 4 курса
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Ильницкий Александр Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Основные направления использования технологии дипфейков в преступной деятельности

В современном обществе актуальность приобретают тенденции к глобальной цифровизации и информатизации во всех сферах его жизнедеятельности. Проявляются данные процессы в быстром темпе роста технического прогресса и информационной доступности, расширении коммуникативных возможностей, инструментов анализа, способов общения и передачи информации. Однако такие изменения в мировом сообществе не могут не вызывать негативных проявлений: социальных и правовых угроз, посягающих на права и свободы человека и гражданина. Одним из выражений таковых являются преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Активная криминальная трансформация не позволяет эффективно оказывать противодействие им правоохранительными органами.

В соответствии со статистическими данными аналитического центра МВД России, 40% преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1% больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8% [1]. Среди преступлений, составляющих данный процент, часть – преступления, совершенные с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Так, количество судебных дел, связанных с использованием ИИ в преступной деятельности, возросло на 39% за последние четыре года, что свидетельствует о растущей значимости вопросов, связанных с правоприменением в этой области [2].

Под термином «искусственный интеллект», согласно Указу Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», необходимо понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека [3].

Закономерностям влияния развития искусственного интеллекта на преступность в рамках науки криминологии посвящено значительное количество трудов современных ученых-криминологов, как только начинающих свой путь становления, так и уже достигших известности среди научного сообщества. К упомянутым

группам лиц относятся следующие авторы: И.Р. Бегишев, Б.Б. Беков, Ш.Ш. Гасанова, А.С. Ильницкий, А.В. Наумов, В.С. Овчинский, А.А. Сивова, Ф. Спайропулос, З.И. Хисамова.

Механизмы преступления, включающие использование ИИ, в современных условиях представляют угрозу как для мирового сообщества, так и для Российской Федерации. Главной причиной тому служит постоянная их модификация, изменение и появление все новых «вспомогательных» инструментов, возникновение которых происходит быстрее, чем предоставление решений по предупреждению со стороны криминологической теории. В частности, тенденциозность приобретают отдельные категории преступлений, совершаемые с помощью одной из разновидностей направлений ИИ, – технологии дипфейк.

Дипфейк (от англ. deepfake) – это цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом [4]. С использованием данной технологии создается генеративный контент, который способен полностью или частично подражать голосу лица, фальсифицировать фотографии, видеоконтент. Технология дипфейк соединяет различные механики обработки фото-, аудио- и видеоматериалов, в результате чего производит синтезированный материал, не отвечающий действительности.

Следует отметить тот факт, что цели создания и внедрения в использование данной технологии изначально предполагали извлечение пользы для общества, ее массовое, имеющее неограниченный характер использование вызвало рост количества преступлений и правонарушений, совершаемых с ее применением. Так, безграничные возможности генерации контента являются инструментом фальсификации фотографий, аудио- и видеозаписей без согласия лица. Сгенерированный материал активно используется в преступной деятельности. С противоправным умыслом использования технологии дипфейк следует выделять отдельные составы преступлений, разделяемые на следующие основные группы-направления:

1) мошенничество (ст. 159 УК РФ);

2) клевета (ст. 128.1 УК РФ);

3) вымогательство (ст. 163 УК РФ);

4) незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, в том числе с изображением несовершеннолетних (ст. 242 УК РФ и ст. 242.1 УК РФ).

Таким образом, технология дипфейк является благоприятным подспорьем для создания генеративного контента, способного манипулировать общественным сознанием. Манипуляция может осуществляться путем дискредитации политической личности, и тогда необходимо говорить о потенциальной угрозе национальной безопасности государства. Опасность для отдельной личности состоит в использовании генеративного контента в целях ее обмана, порчи репутации, осуществления мести или преследования, посягательства на личную жизнь человека, его честь и достоинство.

Вышеупомянутые угрозы не могут не вызывать беспокойство со стороны правоохранительных органов. В Российской Федерации уже появляются первые нормативно-правовые акты, закрепляющие дипфейк как один из инструментов,

используемых при совершении преступлений. Согласно указанию Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», к Перечню № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, относят преступления с использованием технологии дипфейк [5]. Однако вопросы законодательного регулирования и сложности вынесения приговоров по уголовным преступлениям и правонарушениям, совершенным с использованием технологии дипфейк, все еще остаются открытыми.

Для осуществления эффективного противодействия совершению преступлений с использованием технологии дипфейк необходима мощная научная криминологическая основа, предлагающая действенные меры предупреждения, базирующиеся на накопленном опыте исследований механизма совершения преступлений.

Анализ публикаций позволил определить, что в криминологической науке направление исследований механизма совершения преступлений с использованием технологии дипфейк не развито. Существуют некоторые отдельные криминологические работы таких авторов, как Д.А. Конев, И.Н. Архипцев. Однако, несомненно, для криминологической теории накопленного эмпирического материала не хватает. Вместе с тем некоторые криминалистические исследования данного вопроса можно взять за основу для разработки положений о направлениях использования дипфейк-технологий в совершении преступлений. К ним относятся исследования следующих авторов-криминалистов: Н.Ф. Бодров, Я.А. Климова, В.Д. Никишин, Н.И. Старостенко.

По результатам проведения контент-анализа, изучения динамических закономерностей развития механизмов преступлений, применения статистического метода, рассмотрения конкретных явлений, связанных с использованием технологии дипфейк в преступных механизмах, и сравнения их с иными преступлениями, совершаемыми с помощью использования информационно-телекоммуникационных технологий, методом обобщения и оценки полученных данных нами была разработана классификация механизмов преступлений, совершаемых с использованием технологии дипфейк. Она включает следующие критерии деления:

1) по объекту, на который направлено преступное воздействие;

2) по предмету, используемому в преступном механизме;

3) по субъекту, использующему преступный механизм;

4) по методу сбора контента;

5) по видам генеративного контента, создаваемого в целях исполнения преступных механизмов.

К видам преступных механизмов с применением технологии дипфейк по объекту, на который направлено преступное воздействие, можно отнести:

– преступные механизмы, воздействующие на сотрудников финансовых предприятий и учреждений, являющихся коллегами или подчиненными лица, с применением фотографий, видео- и аудиозаписей которого был создан генеративный контент;

– преступные механизмы, воздействующие на лиц, находящихся в дружеских, родственных и иных близких отношениях с лицом, с применением фото–, видео–, аудиозаписей которого был создан генеративный контент;

– преступные механизмы, направленные на создание генеративного материала с медийными лицами (актерами, телеведущими, политиками и другими известными личностями);

– преступные механизмы, направленные на создание порнографического генеративного материала с участием совершеннолетних лиц;

– преступные механизмы, направленные на создание порнографического генеративного материала с участием несовершеннолетних лиц;

– преступные механизмы, направленные на создание генеративного материала, порочащего честь и достоинство лица, в целях осуществления вымогательства.

Каждому из видов характерны различные особенности механизма преступного воздействия на лицо. Отличаются также методы сбора информации для создания генеративного контента, приемы социальной инженерии при вступлении в контакт с лицом, цели и мотивы преступника.

К видам преступных механизмов с применением технологии дипфейк по предмету, используемому в его реализации, следует отнести:

– преступные механизмы, при осуществлении которых используются открытые инструменты создания генеративного контента (например, «DeepFaceLab», «FaceSwap», «Visper» «Designs.ai» «Avatarify» и т.д.);

– преступные механизмы, при осуществлении которых используются коммерческие инструменты создания генеративного контента («Deepfakesweb», «Reface» и т.д);

– преступные механизмы, при осуществлении которых используются инструменты создания генеративного контента, разработанные и обученные субъектом преступления.

В зависимости от вида технологии дипфейк варьируется качество создаваемого контента, его реалистичность и эффективность использования в преступных механизмах.

По субъекту, использующему преступный механизм, выделяются два основных вида:

– лица, осуществляющие преступную деятельность для извлечения собственной выгоды, преследующие личные корыстные мотивы, самостоятельно использующие технологию дипфейк для создания необходимого генеративного контента;

– лица, использующие услуги, предоставляемые другими пользователями технологии дипфейк, посредством их найма.

Во втором виде под пользователями, предоставляющими услуги в генерации контента, понимается как легальное предоставление услуг в случаях, когда лицо, предоставляющее услуги, не знает о преступных целях нанимателя, так и о лицах, осознающих, что предоставляемый ими генеративный материал будет использоваться в преступных целях.

Следует выделить также виды генеративного контента, создаваемого в целях исполнения преступных механизмов:

– фотографический материал;

– аудиоматериал;

– видеоматериал.

По методу сбора контента в целях создания генеративного материала для осуществления преступного механизма следует различать:

– централизованный метод сбора информации. Заключается в сборе субъектами преступления информации о конкретном лице. К примеру, о руководителе учреждения, предприятия и т.д., ориентируясь на его конкретную личность, просматривая его социальные сети, осуществляя звонки на номер лица, если личность публичная – собирая видео- и аудиозаписи из средств массовой информации;

– децентрализованный метод сбора информации. Состоит в сборе информации, не нацеленном на конкретную личность, а, наоборот, имеющем случайный характер выбора жертвы из заданного круга лиц. Примером осуществления этого метода могут являться спам-звонки на различные номера, сбор данных из открытых источников по принципу виктимной доступности (т.е. когда лицо самостоятельно, само того не подозревая, предоставляет мошенникам необходимый контент).

Подводя итог, нужно сказать о том, что описанные знания будут обогащать криминологическую теорию и создадут условия для последующих разработок криминологических мер предупреждения. Выделение направлений, создание классификации преступных механизмов, а также изучение конкретных алгоритмов использования технологии дипфейк в совершении преступлений позволят развиваться криминологической теории и создадут необходимое подспорье для исследования этих вопросов криминологами в будущем.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 20.09.2025).
2. Количество судебных дел по конфликтам с искусственным интеллектом увеличилось на 39% за четыре года. – URL: https://gosrf.ru/kolichestvo-sudebnyh-del-po-konfliktam-s-iskusstvennym-intellektom-uvelichilos-na-39-za-chetyre-goda (дата обращения 20.09.2025).
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 20.09.2025).
4. Бодров, Н.Ф., Лебедева, А.К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 4. – С. 42–55.
5. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 20.09.2025).

6. Архипцев, И. Н. К вопросу о правовом обеспечении предупреждения преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта и технологий, созданных на его основе, в Российской Федерации / И. Н. Архипцев, А. В. Сарычев, А. В. Мотузов // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 175–181.

7. Порнографический дипфейк: вымысел или виртуальная реальность? / И. Н. Архипцев, А. Н. Александров, А. В. Максименко, К. И. Озеров // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 69–74.

8. Бегишев, И. Р. Криминологические риски применения искусственного интеллекта / И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 767–775.

9. Беков, Б. Б. Прогнозирование преступности с использованием искуственного интеллекта / Б. Б. Беков, Л. У. Дзаурова // Юридическая гносеология. – 2025. – № 1. – С. 119-124.

10. Искусственный интеллект и перспективы уголовного права, криминологии и криминалистики №(67)2022 Гасанова Ш.Ш.

11. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин, К. М. Богатырев, Е. Г. Пфейфер. – Москва: Блок-Принт, 2025. – 144 с.

12. Ильницкий, А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке: компьютерное зрение / А. С. Ильницкий // Алтайский юридический вестник. – 2024. – № 4(48). – С. 145-151.

13. Ильницкий, А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений / А. С. Ильницкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 105-111.

14. Климова, Я. А. Криминалистический анализ преступлений, совершённых с использованием дипфейк-технологии / Я. А. Климова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2(76). – С. 29-35.

15. Конев, Д. А. Риски использования искусственного интеллекта и систем дипфейк в VR-среде и метавселенной: анализ, перспективы, пути противодействия / Д. А. Конев // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 3(110). – С. 171-176.

16. Наумов, А. В. «преступностиведение» как альтернатива традиционной криминологии. Рецензия на монографию Д.А. Шестакова «Постлиберальное противодействие преступности» / А. В. Наумов // Общество и право. – 2024.

17. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник / В. С. Овчинский. – Москва: Норма, 2018. – 352 с.

18. Овчинский, В. С. Вся наша жизнь - криминология / В. С. Овчинский // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21, № 8(166). – С. 110-115.

19. Сивова, А. А. Прогнозирование количества преступлений с помощью машинного обучения в Российской Федерации / А. А. Сивова, А. Н. Сивова // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 1. – С. 97-102.

20. Старостенко, Н. И. Криминалистическое прогнозирование хищений, совершаемых с использованием deepfake-технологий / Н. И. Старостенко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(51). – С. 187-192.

21. Дипфейк-атаки на финансовый сектор выросли на 13%. – URL: https://rb.ru/news/deepfake-fraud-13/ (дата обращения: 20.09.2025).

22. Вымогатели начали использовать ИИ для подделки голосовых в Telegram // РБК [электронный ресурс] – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/01/2024/659d37899a79473f8a99e35f (дата обращения: 20.09.2025).

23. Как мошенники используют дипфейк в своих схемах. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6962962 (дата обращения: 20.09.2025).

24. Фальшивое будущее: международный опыт (не) регулирования дипфейков. – URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/falshivoe-buduschee-i-pornografiya-mezhdunarodnyi-opyt-ne-regulirovaniya-dipfeikov___(дата обращения 20.09.2025).

25. Аморальная проблема: искусственный интеллект стали использовать для создания детской порнографии. – URL: https://iz.ru/1585283/dmitrii-bulgakov/amoralnaia-problema-iskusstvennyi-intellekt-stali-ispolzovat-dlia-sozdaniia-detskoi-pornografii (дата обращения: 20.09.2025).

26. За дипфейки – к директору: как ученицы частной школы в США стали жертвами ИИ-порно. – URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/527200-za-dipfejki-k-direktoru-kak-ucenicy-castnoj-skoly-v-ssa-stali-zertvami-ii-porno (дата обращения: 20.09.2025).

Штукина Валерия Евгеньевна,
курсант 3 курса
Барнаульского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Гнездилова Евгения Владимировна,
доцент кафедры иностранных языков
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

Нарушения прав женщин: статистика, факты, реалии

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» – это принцип, который является основополагающим во Всеобщей декларации прав человека. На протяжении многих тысячелетий женщины были лишены каких-либо прав и возможностей, все системы общества строились на том, что доминирующая роль отводилась мужчинам. И только в прошлом веке женщины постепенно стали добиваться равноправия на мировой арене. В современных реалиях, хоть и формально закреплено гендерное равенство, однако вместе с этим все чаще наблюдается, как нарушаются или ограничиваются права девушек и женщин [1]. Одним из наиболее важных моментов в мире стало принятие Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема нарушения прав женщин остается одной из болезненных и ключевых тем. Несмотря на все принятые конвенции, законы и акты, мы чаще замечаем, что гендерное неравенство до сих пор носит устойчивый характер. Мы должны как можно чаще и больше говорить об этом, чтобы искоренить данную проблему.

Цель данной работы заключается в анализе современных проявлений гендерного неравенства, основываясь на реальных примерах и статистике, а также в выявлении глобальных проблем дискриминации женщин на международном уровне.

Существуют разные формы нарушения прав, наиболее распространенными являются: домашнее насилие, ранние браки, неравная оплата при найме на работу, ограничение участия в политической жизни страны, отсутствие доступа к получению образования [2]. А также женщины все еще подвергаются сексуальному насилию. В таких странах, как Латвия, Эстония, Литва, женщины, выполняя ту же работу, что и мужчины, получают на 20% меньше. Также женщины выполняют более 75% неоплачиваемой работы по уходу и домашнему хозяйству.

Во многих странах до сих пор одной из самых распространенных проблем остается домашнее насилие, которому подвергаются миллионы женщин. При этом в некоторых странах этот аспект не урегулирован уголовным кодексом, в связи с чем пострадавшие редко обращаются за помощью [3]. Многие девушки молчат о том, что систематически испытывают унижения, избиение и насилие, боясь осуждения. Они уверены в том, что им не окажут никакой помощи и не поддержат в сложившейся обстановке. Также немаловажной проблемой остается

то, что в обществе домашнее насилие считается почти нормой, поскольку женщина должна исполнять свои супружеские обязанности.

Так, в Саудовской Аравии женщину могут осудить за то, что она была изнасилована, оставшись наедине с мужчиной. Одним из наиболее громких резонансов стало самоубийство 16-летней Амины Филали. В 2012 году суд в качестве наказания обязал ее выйти замуж за насильника. В Ливане и на Мальте насильник избежит ответственности, если женится на своей жертве.

Стоит отметить, что насилие бывает не только сексуальное, но и физическое. Ему подвергается практически каждая третья девушка. В России в 75% случаев от домашнего насилия страдает именно женщина, в браке показатель вырастает до 91%. По статистике обращений на Всероссийский телефон доверия для женщин за 2024 год 80% девушек сообщили о том, что они столкнулись с физическим насилием со стороны мужа или бывшего супруга [4].

В Пакистане мужу разрешено избивать свою жену, если она отказывается выполнять его требования. В Нигерии супруг может систематически бить свою жену в воспитательных мерах.

В век цифровых технологий и стремительного развития общества многие женщины не имеют доступа к получению образования. Так, Пакистан славится своими ограничениями, связанными с правами женщин, направленными на получение образования, которое возможно только с согласия мужа. В странах Африки многие девушки не имеют даже школьного образования. В Афганистане практически все девочки являются безграмотными, так как в приоритете стоит получение образования мужской частью населения. В России на 2025 год эта проблема не так ярко выражена.

Подводя итог, можно сказать о том, что хотя формально закреплено гендерное равенство, в действительности же это далеко не так. Ограничения прав женщин основываются на социальных принципах и нормах, стереотипах и барьерах, которые формировались на протяжении всей истории, в связи с чем в настоящее время достаточно сложно уравнять в правах мужчин и девушек. Следует пересмотреть и доработать законодательство, а также усовершенствовать методы и способы поддержки для женщин, которые подверглись нарушению их прав и свобод.

Литература

1. Ермакова, Г. И., Идельбаева, Г. И. Международная защита прав женщин // Юридические науки. – 2024. – № 5-1(92). – С. 143–148.

2. Крюкова, А. К. Права женщин и гендерное равенство на международном уровне // Актуальные вопросы региональных и международных исследований: материалы VII региональной студенческой научно-практической конференции на иностранных языках с международным участием. – 2020. – С. 101–104.

3. Торосян, Р. А. Международные стандарты гендерного равенства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 347–352.

4. Садовникова, Е. Р. Международно-правовое регулирование прав женщин // Актуальные проблемы современного конституционализма: сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, 2021. – С. 148-154.

Шуваева Полина Дмитриевна,
студентка 3 курса
юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Научный руководитель:
Боташева Лейла Эмербековна,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Налоговые льготы и их применение в условиях цифровой экономики

Налоговое регулирование в России, как и в любой другой стране, в первую очередь призвано обеспечить финансовую составляющую деятельности государства, в том числе путем законодательной регламентации в Основном законе обязанности каждого индивида уплачивать обязательные платежи. Вместе с тем разумная налоговая политика должна быть организована с учетом правового и имущественного положения налогоплательщиков. Одним из правовых инструментов, позволяющих установить индивидуальный подход к определенным категориям налогоплательщиков, являются налоговые льготы.

В части второй Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) вышеназванному инструменту посвящено несколько статей, причем законодателем сформулированы льготы по отношению к разным видам налогов, например, по отношению к транспортному налогу, налогу на имущество компаний, земельному обязательному платежу, налогу на имущество физических лиц [1].

Например, в ст. 407 НК РФ сформулирован перечень индивидов, наделенных законодателем особенным правом на применение льгот: инвалиды; участники Великой Отечественной войны; участники специальной военной операции и члены их семей; собственники строений, площадь которых не превышает 50 квадратных метров и при условии, что соблюдено условие о назначении земельного участка. Кроме того, в указанной статье установлен перечень имущества, на который распространяется льготный режим, и порядок реализации права. Аналогичная конструкция правовых норм действует и в отношении других налогов.

Вместе с тем законодатель не оставил без нормативного определения термин «налоговая льгота», который содержится в первой части НК РФ в ст. 56 и где под льготой понимаются преимущества, действующие в отношении особой категории налогоплательщиков, причем благодаря им можно уплачивать обязательные платежи в меньшем размере или не производить оплату вовсе [2]. Обратим внимание на то, что не все исследователи согласны с законодательной конструкцией определения и зачастую предлагается закрепить перечень налоговых льгот.

Следует учесть, что у всех налоговых льгот разный механизм применения. Так, освобождение по операциям, производимым операторами информационных систем, происходит самостоятельно, без обращения с заявлением, а, в свою очередь, применение налоговых льгот по налогу на имущество производится в заяви-

тельном порядке. Также налогоплательщик может отказаться от применения преимущества либо приостановить его действие.

В доктрине налогового права можно выявить разнообразные понятия анализируемых льгот.

М.В. Селюков полагает, что налоговые льготы представляют собой регламентированные налоговым законом правовые конструкции, позволяющие отдельным категориям налогоплательщиков не уплачивать обязательные платежи либо производить уплату в меньшем размере, чем он предусмотрен для других лиц [3].

С.В. Тимофеев определяет налоговую льготу как установленное налоговым законодательством отклонение от нормативных требований налогообложения, дозволяющее отдельным категориям налогоплательщиков освободиться полностью или частично уменьшить налоговую нагрузку [4].

Отдельные авторы исследуют правовую природу преференций с двух точек зрения в зависимости от участвующего субъекта налоговых правоотношений [5]. В соответствии с первой точкой зрения такие субъекты, как физические и юридические лица, могут рассматривать льготу как законный способ уменьшения налоговой нагрузки. Вторая точка зрения заключается в том, что льготы являются налоговыми рисками для государственных структур, поскольку в результате их применения происходит недополучение бюджетных средств.

Следовательно, анализируемый вид льгот можно определить как особые правила, преференции, обладающие исключительным характером в части полного или частичного освобождения от уплаты налогов и сборов.

Отметим, что помимо термина «налоговые льготы» в научных исследованиях используется дефиниция «налоговая преференция», при этом последняя не получила законодательного определения. Правоприменители считают, что главная особенность преференций состоит в том, что они используются в обязательном порядке без предъявления заявления. Полагаем, что проведение такого разграничения не является обязательным, поскольку цель у вышеназванных правовых конструкций одинаковая – это снижение налогового бремени. Механизм реализации, конечно, отличается, в связи с чем думается, что необходимо рассмотреть вопрос о возможности конкретизации сущности льгот и преференций в положениях налогового закона.

Без активного воздействия достижений цифровизации не остается ни одна сфера человеческой жизнедеятельности, не является исключением и институт налоговых льгот. Государство пытается всячески нарастить темпы инновационной составляющей в российской экономике, поддерживая IT-кластер, компании, производящие научно-исследовательские работы, поэтому помимо существования льготного режима в отношении традиционных налоговых платежей отечественным законодательством предусмотрены отдельные преимущества, распространяющиеся на исследовательские центры и IT-компании.

Необходимо подчеркнуть, что научно-исследовательские и конструкторские работы являются сложно предсказуемыми для прогнозирования, в том числе и финансового, так как нельзя гарантировать, что проводимые исследования будут успешными и в дальнейшем получат реализацию, а значит, будут коммерциализованы. Однозначно, такая деятельность сопровождается рисками как для разработчиков, так и для инвесторов.

Из содержания письма Министерства финансов РФ следует, что установлена льгота по налогу на прибыль компаний, деятельность которых отличается инновационным, научно-конструкторским характером [6]. Освобождение от налога применяется для организаций, функционирующих в «Сколково» либо являющихся участником военного технополиса. Кроме вышеназванной меры также может применяться специальный коэффициент к расходам, что позволяет уменьшить начисленный налог в два раза, а также особой актуальностью отличается инвестиционный налоговый вычет. При наличии компании в реестре технологических организаций субъект РФ может применять к ней пониженную ставку налога на прибыль.

Признаки преференций в области обязательных платежей можно усмотреть в содержании ст. 149 НК РФ, где установлены операции, не облагаемые налогами, в частности, речь идет об операциях, производимых операторами информационных систем, направленных на выпуск цифровых финансовых активов.

Ввиду существования перманентной необходимости в разработке отечественного программного обеспечения и повышении уровня конкурентоспособности национальной экономики предусмотрены льготы и по операциям, связанным с исключительными правами на программное обеспечение, если оно зафиксировано в специализированном российском реестре, именно такие операции не подлежат обложению налогами.

Перечисленные преимущества для участников сферы цифровых технологий отличаются особой значимостью, принимая во внимание грядущее в скором времени повышение ставки НДС с 20% до 22% и применение сниженного лимита дохода в виде 20 млн рублей для налогоплательщиков с дальнейшей тенденцией к еще большему снижению. В случае превышения указанной суммы лицам, находящимся на режиме упрощенной системы налогообложения, следует уплачивать НДС.

На основании проведенного исследования представляется возможным утверждать, что налоговые льготы, помимо своего основного предназначения в виде полного или частичного освобождения от налоговой нагрузки, выполняют еще одну роль – стимулирование развития цифровой экономики в нашей стране. Можно сказать, льготы для исследовательских центров и IT-компаний являются буквально мерой поощрения от государственных структур. Полагаем, что положительным образом скажется на правоприменительной деятельности формирование в налоговом законе перечня налоговых льгот, принципов и порядка предоставления.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2 от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 09.01.2025).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 1 от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 09.11.2025).

3. Селюков, М. В. Роль налоговых льгот в реализации налоговой политики // Инновационная экономика и общество. – 2023. – № 2(40). – С. 46-52.

4. Тимофеев, С. В. Налоговая льгота как институт налогового права // Экономика, управление, право и общество. Материалы межрегиональной научно-практической сетевой интернет-конференции. – 2023. – С. 166–171.

5. Тылькин, Д. С. Налоговые льготы как инструмент налогового регулирования экономики // Инновационная экономика и современный менеджмент. – 2022. – № 3. – С. 30–34.

6. Письмо Министерства финансов РФ № 03-03-06/1/76575 от 07.08.2025 г. // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.klerk.ru/doc/661974/?srsltid=AfmBOoo6d8CvgczR3nBCPniwG9G_ftstxf8JU4EHVDD-811NsF51QFo6. – (Дата обращения: 09.11.2025).

Щербакова Камила Артуровна,
курсант 3 курса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Досакаев Алимберди Базарбиевич,
доцент кафедры конституционного
и гражданского права Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Новый вектор развития института местного самоуправления в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ

Ранее сформировавшаяся модель местного самоуправления была законодательно закреплена в 1993 году и детализирована в Федеральном законе № 131-ФЗ 2003 года, базируясь на принципе организационной обособленности местного самоуправления от государственной власти. Муниципалитеты трактовались как особая, максимально приближенная к населению форма публичной власти, решающая вопросы местного значения [1].

Впоследствии, начиная с середины 2010-х годов, а особенно активно с 2020 года, эта парадигма пережила радикальные изменения. Сегодня мы говорим о формировании «новой архитектуры» местного самоуправления, суть которой – интеграция муниципального уровня в единую систему публичной власти при усилении государственного контроля и координации.

Законодательный фундамент новой архитектуры местного самоуправления был установлен в конституционных поправках 2020 года. Статья 132 Конституции России в новой редакции закрепляет, что местное самоуправление составляет «одну из основ конституционного строя» (а не «форму народовластия»), а органы местного самоуправления «входят в единую систему публичной власти». Эта формулировка стала краеугольным камнем новой архитектуры.

Федеральный закон от 01.07.2021 № 300-ФЗ «О единой системе публичной власти» конкретизировал конституционные нормы, создав правовые механизмы для глубокого взаимодействия и подчиненности, а Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» содержит все ключевые положения о новой системе местного самоуправления в России [2].

Таким образом, изменения последовали и в другие отрасли российского законодательства: поправки в Бюджетный, Налоговый кодексы, законы о государственной службе и многие другие.

Кроме того, новая модель местного самоуправления характеризуется несколькими системообразующими элементами.

1. Усиление роли глав субъектов России – губернаторов.

Глава региона становится ключевой фигурой, ответственной за «единство системы публичной власти» на своей территории. Это реализуется через:

– право законодательной инициативы по вопросам местного самоуправления в региональном парламенте;

– полномочия по координации деятельности органов местного самоуправления;

– фактическое влияние на кадровую политику на муниципальном уровне.

2. Изменение порядка формирования глав муниципальных образований.

Отменена прямая выборность глав городов в административных центрах субъектов Российской Федерации и муниципальных районов. Введены две основные модели:

– «трехголовая»: глава города избирается из состава представительного органа, а исполнительную власть возглавляет назначаемый по контракту управляющий. Конкурсную комиссию по отбору кандидатур формирует региональная власть;

– избрание глав представительным органом: глава муниципального образования совмещает полномочия председателя совета и главы местной администрации, но избирается не населением, а депутатами.

3. Институт «муниципального фильтра» на губернаторских выборах.

Кандидаты в губернаторы должны собрать подписи в свою поддержку от 5–10% глав муниципальных образований и депутатов представительных органов местного самоуправления региона. Это формально вовлекает муниципальное сообщество в процесс формирования региональной власти, но также делает его зависимым от политических решений наверху.

4. Переход к одноуровневой модели.

В городских и муниципальных округах. Вместо поселений и районов вводится единый уровень власти – округ. Исключение сделано для сельских территорий: там сохраняется двухуровневая система с учетом социально-экономических, исторических и иных особенностей региона.

5. Унификация и централизация в сфере муниципальной службы и финансов.

Происходит сближение статуса муниципальных и государственных служащих.

Ужесточается контроль за доходами и расходами муниципалитетов, усиливается зависимость от межбюджетных трансфертов из регионального центра.

Регионы активно используют механизм перераспределения полномочий в пользу «надежных» и крупных муниципальных образований, часто за счет упразднения или ослабления муниципальных районов и поселений.

Проводится ликвидация «межбюджетных ножниц», устранение дублирования полномочий, создание единой стратегии развития территории. Определяется четкое встраивание местного самоуправления в вертикаль управления, что позволяет возложить ответственность за ситуацию «на местах» в том числе и на губернатора. Также муниципалитеты все больше ориентируются на запросы региональной власти, а не на нужды жителей.

Новая архитектура местного самоуправления в России представляет собой переход от децентрализованной, относительно автономной модели к жестко интегрированной иерархической системе. Местное самоуправление переосмысливается не как институт гражданского общества, а как подконтрольный уровень государственного управления.

Эта трансформация способна дать краткосрочный эффект в виде управленческой согласованности и оперативности в решении задач, поставленных федеральным центром. Однако ее устойчивость будет зависеть от способности сохранить участие граждан в решении местных дел, избежать бюрократического застоя и найти баланс между централизацией и необходимым для государства разнообразием местных практик. На данный момент рано судить об эффективности новой системы. Будущее покажет, станет ли новая архитектура фундаментом для эффективного развития территорий или жесткой управленческой клеткой, ограничивающей местную демократию.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения: 12.11.2025).

Янович Никита Сергеевич,
курсант 2 курса
Академии МВД Республики Беларусь

Научный руководитель:
Боровик Петр Леонидович,
доцент кафедры информационного права
факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

Теоретико-прикладные основы архитектуры системы цифрового двойника, предназначенной для использования в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь

Современные тенденции цифровизации государственного управления и правоохранительной сферы стимулируют активное внедрение интеллектуальных технологий в уголовно-исполнительную систему (далее – УИС). Повышенные требования к обеспечению безопасности, оперативности контроля, а также защите прав человека диктуют необходимость перехода от традиционных форм надзора к более совершенным, основанным на интеграции данных, предиктивной аналитике и автоматизированных системах принятия решений. В этом контексте особую значимость приобретает разработка и внедрение технологии цифрового двойника – киберфизической модели, синхронизированной с конкретным объектом наблюдения и способной к постоянному самообновлению на основе поступающих данных [1, с. 262; 2, с. 660].

Для пенитенциарной практики Республики Беларусь, находящейся в стадии цифровой трансформации, технология цифрового двойника представляет собой перспективное направление. Ее использование позволяет решать одновременно задачи обеспечения надзора, профилактики правонарушений и оптимизации распределения ресурсов при управлении учреждениями исполнения наказаний. При этом актуальность разработки архитектуры такой системы обусловлена необходимостью создания технологически устойчивого, юридически обоснованного и этически выверенного механизма внедрения интеллектуального надзора.

Научная и прикладная значимость данной темы подтверждается как международной практикой, где элементы цифрового двойника уже апробируются в исправительных учреждениях (например, в Канаде, Норвегии, Южной Корее), так и внутренними стратегическими документами Республики Беларусь. Однако для полноценного внедрения цифровых двойников требуется четкое понимание их архитектурных параметров, в том числе технической инфраструктуры, программных решений, механизмов взаимодействия с существующими системами безопасности, а также вопросов обработки, хранения и защиты персональных и биометрических данных.

Современное научное осмысление цифрового двойника как технологического феномена формируется на пересечении концепций

киберфизических систем (CPS), больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (AI) и социотехнического управления. Исходя из системного подхода, цифровой двойник в УИС представляет собой функционально интегрированную модель, связывающую в единое информационное пространство физический объект (осужденного) и его виртуальную репрезентацию. Методологически эта модель базируется на нескольких ключевых парадигмах: онтологической целостности, управленческой адаптивности, предиктивной аналитике и нормативной интерпретируемости [3, с. 14].

В качестве исходной теоретической рамки выступает концепция цифрового двойника, сформулированная М. Грейвсом и М. Вейссером, согласно которой цифровой двойник представляет собой виртуальное отображение физической сущности в режиме реального времени, опосредованное потоками данных и способное к автономному анализу и обучению [4]. В пенитенциарной практике данная парадигма приобретает новое значение, поскольку объект моделирования обладает не только физическими, но и поведенческими характеристиками, подверженными изменению в условиях изоляции. Следовательно, необходима адаптация классической структуры цифрового двойника под динамику социально-психологических процессов, что требует включения в методологическую основу элементов поведенческого моделирования и теории управления рисками.

Архитектура цифрового двойника основывается на многоуровневом принципе построения. В теоретическом аспекте выделяются как минимум три слоя: сенсорный, аналитический и управляющий.

Сенсорный уровень включает совокупность источников первичных данных: устройства видеонаблюдения, браслеты, биометрические сенсоры, RFID-метки, электронные проходные и др.

Аналитический уровень обеспечивает обработку информации посредством интеллектуальных алгоритмов, включая методы машинного обучения, выявление аномалий, построение поведенческих траекторий и кластеризацию индикаторов риска.

Управляющий уровень интегрирует результаты анализа в систему принятия решений, генерируя сигналы реагирования, предлагая корректировки режима содержания или активируя протоколы предупреждения.

Следует отметить, что методология построения цифрового двойника требует не только междисциплинарного подхода, но и правовой регламентации ключевых категорий, включая определение объекта, структуры данных, режима обработки и полномочий системы. В этом контексте значимым является нормативно-правовой фундамент, представленный Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (ст. 77), Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» (№ 455-З от 10 ноября 2008 года), а также постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 850 от 25 декабря 2020 года, утверждающим Положение о порядке обработки персональных данных.

Теоретическая конструкция цифрового двойника неразрывно связана с концепцией проактивного управления рисками, что предполагает не только мониторинг, но и интерпретацию поведенческих данных в контексте вероятностных моделей инцидентов [5, с. 30]. С точки зрения методологии управления данная система является квазисаморегулирующейся, поскольку

наделяется возможностью формировать прогностические сценарии поведения, основанные на исторических данных и алгоритмических связях. Отсюда следует важный принцип: цифровой двойник в пенитенциарной системе не является инструментом исключительно ретроспективного анализа, но выступает в качестве предиктивной модели с функцией целевой профилактики.

Кроме того, значимым элементом методологической модели выступает принцип непрерывной калибровки. Поскольку поведение осужденного подвержено изменениям под воздействием внутренних и внешних факторов (например, психологического состояния, изменений в окружении, режимных нагрузок), цифровой двойник обязан иметь встроенный механизм адаптации. Это достигается посредством обучаемых алгоритмов (self-learning AI), способных перестраивать поведенческие профили и переоценивать вероятность инцидентов в реальном времени.

Наконец, теоретико-методологическая модель цифрового двойника должна учитывать вопросы этики, интерпретируемости и правового контроля. Система не может быть полностью автономной: алгоритмы прогнозирования требуют верификации и проверки специалистами, а решения, влияющие на права и свободы заключенных, должны проходить процедуру юридического подтверждения. Следовательно, архитектура цифрового двойника должна быть открытой к проверке, масштабируемой, интероперабельной с другими системами и соответствующей международным и национальным стандартам по защите персональных и биометрических данных.

Сформулированные положения позволяют утверждать, что теоретико-методологическая основа архитектуры цифрового двойника требует синтеза подходов из инженерии, права, психологии и криминологии. Только при наличии такого междисциплинарного базиса возможно создание жизнеспособной модели, способной к функционированию в условиях реальной пенитенциарной практики Республики Беларусь, соблюдая как требования безопасности, так и принципы правовой гуманности.

Следующий аспект рассматриваемой проблемы связан с тем, что архитектура цифрового двойника в условиях функционирования уголовно-исполнительной системы требует специфического технического конструирования, учитывающего ограничения среды, режимные особенности, требования к защищенности данных и непрерывность мониторинга. В отличие от коммерческих или промышленных систем, здесь ставка делается на устойчивость, автономность, доверие к алгоритмам и минимизацию зависимости от внешней инфраструктуры. В результате формируется комплексная техническая платформа, состоящая из распределенных сенсорных устройств, телекоммуникационных шлюзов, вычислительных мощностей и интеллектуального ядра.

Центральным элементом технической реализации выступает модуль сбора данных, включающий сенсорную инфраструктуру. Она может состоять из стационарных видеокамер, носимых устройств (в том числе браслетов с GPS/GLONASS-модулями и датчиками сердечного ритма), датчиков открытия дверей, микрофонов, а также систем управления доступом, интегрированных во внутренние шлюзы и турникеты. Такие устройства обеспечивают захват информации в реальном времени и ее первичную фильтрацию. Важно, что все

компоненты должны соответствовать стандартам электромагнитной совместимости и функционировать в условиях ограниченного радиочастотного спектра, характерного для пенитенциарной среды.

Передача данных осуществляется через защищенные каналы связи, как правило, на основе внутренних VLAN-инфраструктур, с использованием протоколов TLS 1.3 и VPN-туннелей, позволяющих обеспечить целостность и конфиденциальность передаваемой информации.

На уровне вычислительной инфраструктуры в архитектуру включаются локальные серверы обработки − устройства, осуществляющие предобработку данных вблизи источника их возникновения. Это позволяет существенно снизить нагрузку на центральный канал передачи и ускорить выявление отклонений. Дальнейшая агрегация и хранение данных реализуются на центральном сервере учреждения или на специализированной платформе УИС, где размещаются машинно-обучающиеся модели, осуществляющие построение поведенческих профилей и генерацию предикторов риска. Применение подобной технологии особенно важно в условиях ограниченного интернет-доступа, когда критически значимым становится автономное функционирование цифрового двойника.

Программное ядро системы реализуется на базе контейнеризированных микросервисов (например, с использованием Docker и Kubernetes), позволяющих гибко масштабировать функциональные модули: видеоаналитику, анализ паттернов перемещения, биометрическую верификацию, модули распознавания лиц и эмоций. Интеллектуальные алгоритмы могут базироваться на библиотеках TensorFlow, PyTorch или Scikit-learn, адаптированных под предобученные модели, с возможностью дообучения на локальных выборках. Все данные должны храниться в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» и Постановлением Совета Министров № 850 (2020), что означает обязательное шифрование и журналирование обращений.

Важным аспектом является интеграция системы цифрового двойника в уже существующую ИТ-инфраструктуру учреждений УИС. Это включает взаимодействие с АИС УИС, СКУД (системами контроля и управления доступом), локальными базами данных, а также с модулями автоматизированного учета спецконтингента. Такой подход требует унификации протоколов и форматов передачи, зачастую реализуемой через REST API или стандартизированные шины данных (например, OPC UA). Для визуализации и управления используется графический интерфейс, доступный исключительно уполномоченным сотрудникам и прошедший сертификацию по требованиям ГОСТ 34.10-2012 (электронная подпись) и СТБ 34.101.45 (информационная безопасность).

Техническая архитектура должна обеспечивать отказоустойчивость, что реализуется через репликацию серверов, резервное копирование, автоматическое переключение на резервные каналы связи, а также систему журналирования и аудита. В случае выхода из строя одного из компонентов цифровой двойник должен сохранять свою операционную целостность и автономность не менее чем на 48 часов. Это особенно важно при чрезвычайных ситуациях (массовые беспорядки, отключение электроэнергии), когда система должна продолжать обеспечивать контроль и раннее предупреждение угроз.

Итак, отметим, что технические аспекты архитектуры цифрового двойника в УИС строятся на принципах модульности, защищенности, автономности и адаптивности. Они отражают специфику ведомственной среды и одновременно интегрируют лучшие практики индустрии информационных технологий. Только при наличии такой инженерной базы возможно функционирование интеллектуального надзора, способного не просто регистрировать действия, но и предсказывать отклонения, помогая принимать управленческие решения с опорой на объективные цифровые данные.

Функциональная реализация архитектуры цифрового двойника невозможна без специально разработанного программного обеспечения, которое обеспечивает сбор, агрегацию, хранение и аналитическую обработку данных, поступающих из различных технических компонентов системы. Программная реализация служит ядром системы интеллектуального мониторинга, переводя поток сырых данных в релевантные управленческие сигналы, опирающиеся на алгоритмы машинного обучения и логики предиктивного анализа. В условиях УИС эта задача осложняется режимными ограничениями, требованиями к информационной безопасности и необходимостью работы с неполными или неструктурированными данными, что требует особых решений в области программной инженерии и аналитики.

Разработка программной платформы цифрового двойника предполагает реализацию многоуровневой логической архитектуры, состоящей из базового уровня интеграции данных, промежуточного уровня аналитики и визуализации, а также уровня взаимодействия с оператором системы. Базовый уровень включает программные модули, отвечающие за получение данных от сенсоров и внешних источников, трансформацию форматов, фильтрацию и обогащение (data enrichment). Здесь, как правило, применяются технологии потоковой обработки данных, что обеспечивает низкую задержку и высокую масштабируемость, даже при интенсивном потоке сигналов от десятков или сотен источников одновременно.

Аналитический уровень реализует логику машинного обучения и предиктивного моделирования. Он опирается на исторические данные, содержащие описание поведенческих сценариев осужденных, структуру их социальных контактов, физиологические показатели, дисциплинарные взыскания и иные контекстуальные переменные. Эти данные подвергаются процедурам нормализации, отбора признаков и балансировки классов, что критически важно при работе с редкими, но значимыми событиями, например, случаями агрессии, самоагрессии или подготовки побега. Используются как традиционные алгоритмы классификации, так и нейросетевые архитектуры, позволяющие выявлять временные зависимости и латентные паттерны поведения.

Особое внимание в программной реализации уделяется модулю визуализации и взаимодействия с пользователем. В отличие от традиционных систем видеонаблюдения, цифровой двойник предоставляет аналитически обработанную информацию, визуализированную в виде тепловых карт, графов социальных взаимодействий, шкал риска и дашбордов. Эти интерфейсы не только информируют оператора о текущем состоянии объекта наблюдения, но и позволяют моделировать последствия тех или иных управленческих решений −

например, изменения режима, перевода в другую секцию или ограничений на контакты. Такой функционал делает цифровой двойник инструментом не только мониторинга, но и оперативного управления.

Кроме того, программная архитектура цифрового двойника предусматривает модули обратной связи. При получении сигнала риска запускаются программные процедуры сценарного реагирования, в том числе автоматическое уведомление ответственных сотрудников, регистрация события в цифровом журнале и передача информации в системы комплексной безопасности. Эти процессы реализуются в соответствии с утвержденными протоколами, одобренными МВД Республики Беларусь, и могут быть интегрированы с мобильными приложениями персонала, используемыми в учреждениях УИС.

Таким образом, программная реализация цифрового двойника в пенитенциарной системе представляет собой синтез технологий потоковой обработки данных, интеллектуальной аналитики, визуализации и операционного реагирования, заключенный в защищенную, масштабируемую и автономную цифровую экосистему. Именно это программное ядро обеспечивает способность цифрового двойника выполнять ключевую функцию проактивного мониторинга, не только фиксируя происходящее, но и предвосхищая развитие событий, что позволяет своевременно и обоснованно вмешиваться в поведенческие процессы, снижая риски и повышая безопасность в учреждениях УИС.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Исследование архитектуры цифрового двойника для УИС Республики Беларусь продемонстрировало многоуровневую и междисциплинарную природу этой технологии. В рамках рассмотренной модели были охарактеризованы ключевые структурные компоненты, определены программно-аппаратные зависимости. Технология цифрового двойника представляет собой не только инструмент технического контроля, но и ядро проактивной модели управления рисками, трансформирующее всю логику пенитенциарного надзора.

2. Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что цифровой двойник, реализуемый на базе киберфизической системы, способен не только агрегировать информацию из различных источников, но и выполнять функции интеллектуальной обработки, анализа и прогнозирования поведенческих рисков. Благодаря алгоритмам машинного обучения и нейросетевому моделированию возможны адаптация модели к индивидуальным особенностям осужденных и оперативное выявление деструктивных паттернов поведения. Вместе с тем техническая реализация должна учитывать требования защищенности информации, устойчивости к сбоям и прозрачности алгоритмических решений.

3. Перспективы дальнейших исследований касаются нескольких направлений. Во-первых, необходимо углубленное изучение этико-правовых последствий внедрения цифрового двойника в местах лишения свободы, включая риски технологической стигматизации, вторжения в частную жизнь и утраты субъектности заключенного. Во-вторых, представляет интерес разработка математических моделей оценки эффективности цифрового двойника в режиме реального времени, с учетом показателей достоверности прогнозов, уровня предотвращенных инцидентов и степени адаптации модели к меняющемуся поведенческому профилю. В-третьих, следует рассматривать вопросы

масштабируемости и трансфера этой технологии в иные сферы государственного контроля − от миграционной службы до системы профилактики семейного насилия.

В целом цифровой двойник как элемент цифровизации пенитенциарной системы формирует качественно новое измерение управления: он позволяет перейти от реактивного надзора к предиктивному управлению, от формального исполнения режима − к персонализированной модели сопровождения заключенного. При адекватной технической, нормативной и этической проработке данная технология может стать не только инструментом усиления режима, но и механизмом гуманизации системы исполнения наказаний.

Литература

1. Овчинников, С. Н. Применение цифровых технологий в сфере исполнения уголовных наказаний: направления, инновации, риски / С. Н. Овчинников // Пенитенциарная наука. – 2025. – Т. 19, № 3 (71). – С. 261–269.

2. Радченко, Е. П. Цифровая трансформация в пенитенциарной системе: возможности и риски / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11 (239). – С. 659–661.

3. Ковалев, О. Г. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития / О. Г. Ковалев, М. Ю. Багнычев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2023. – № 4. – С. 13–17.

4. Grieves, M. Origins of the Digital Twin Concept / M. Grieves. – [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/307509727_Origins_of_the_Digital_Twin_Concept. – (Date of access: 31.10.2025).

5. Минзов, А. С. Цифровые двойники в системах управления / А. С. Минзов, А. Ю. Невский, О. Р. Баронов, С. В. Немчанинова // Вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 2 (60). – С. 29–35.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Материалы
Международной конференции курсантов, слушателей и студентов
(17 ноября 2025 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-2323-6

Подписано в печать 22.04.2026.
Авт. л. 33,0. Заказ 447.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.